

А92

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXI

Ин-т Арх

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

XXI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1954 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор

А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь

И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:

П. И. Борисковский, М. М. Дьяконов, А. Л. Монгайт,
Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Д. Б. Шелов

СТАТЪИ

А. П. О К Л А Д Н И К О В

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
СССР В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Среди различных ответвлений археологической науки важное место принадлежит изучению наиболее глубокого прошлого человечества, того отдаленного времени, о котором свидетельствуют памятники древнекаменного века — палеолита. Значение исследований в этой области прекрасно выразил Фридрих Энгельс, писавший: «. . . эта „седая древность“ при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям».¹

Развивая материалистическое понимание истории, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и И. В. Сталин глубоко интересовались древнейшей историей человечества и широко привлекали в своих трудах результаты исследований в этой области.

Исходя из марксистско-ленинского учения о первобытно-общинном строе, советские археологи достигли значительных успехов в исследовании древнейшей истории нашей Родины и первобытного человечества вообще. Из года в год непрерывно расширяется объем накопленного фактического материала. Возрастает число открытых палеолитических памятников. Все шире становится территория, где обнаруживаются новые, ранее неизвестные группы палеолитических памятников. Все яснее вырисовывается тот факт, что территория Советского Союза по обилию и ценности памятников палеолита занимает одно из первых мест в мире. Новым свидетельством этому могут служить открытия 1952 г. на Волге, где в ряде мест найдены памятники древнего палеолита, а также мустьерское поселение у Сталинграда, замечательное не только удивительной сохранностью культурного слоя, но и уникальными геологическими условиями: оно оказалось перекрытым мощной толщей отложений Хвалынской трансгрессии Каспийского моря. Не менее замечательны выдающиеся открытия в Костенках, где в 1952 г. впервые на Дону были обнаружены погребение верхнепалеолитического времени и ряд поселений с культурой нового облика. Новые открытия сделаны и на востоке — в Забайкалье, Грузии, Средней Азии.

Непрерывно собирая материал, советские исследователи делают это не ради самого накопления фактов, а в целях разрешения больших исто-

¹ Ф. Э н г е л ь с. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 109.

рических проблем. Одним из наиболее ярких примеров такой исторической направленности могут служить выполненные советскими археологами раскопки палеолитических поселений и жилищ и методика этих раскопок. Как известно, поставив перед собой задачу изучения жилищ палеолитического человека, прогрессивный английский археолог Гордон Чайльд должен был обратиться именно к результатам раскопок палеолитических памятников — Костенок I и IV, Пушкарей, Бурети, — осуществленных советскими учеными. В свою очередь одним из наиболее важных событий в археологии Центральной Европы является тот факт, что, используя опыт советской науки, чехословацкие археологи обнаружили обширные палеолитические жилища, чрезвычайно близкие по устройству и размерам к жилищам, найденным в Костенках.

Изучая палеолитические памятники как исторический источник, советские археологи противопоставляют свои исследования и выводы из них взглядам реакционных буржуазных археологов, этнографов и историков, разоблачают на основании своих данных попытки идеологической фальсификации истории первобытного человечества и человеконенавистнические расовые «теории». Критике реакционных идеалистических и расистских концепций в области изучения палеолита посвящен ряд работ П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловского, П. И. Борисковского, С. Н. Замятина, А. П. Окладникова и других.

Нельзя вместе с тем не отметить и того факта, что в работах ряда исследователей палеолита, в том числе П. П. Ефименко, А. П. Окладникова, П. И. Борисковского, отразилось вредное влияние так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Принимая концепцию о так называемом этапе кинетической речи, археологи, последователи Н. Я. Марра, приходили к ложным взглядам на происхождение и роль языка в истории общества. Столь же вредное влияние оказали взгляды Н. Я. Марра в области изучения мировоззрения и искусства первобытного человека (утверждения Марра о «дологическом мышлении», о «смене космической, мифологической, тотемической» и тому подобных стадий мышления и т. д.).

Под влиянием Н. Я. Марра и его «стадиальной концепции развития речи» широко распространились тенденции подменять конкретно-исторический процесс и реальную историю этнических групп «стадиальными трансформациями». Такие тенденции отчасти нашли отражение, как будет показано далее, и в области изучения палеолита.

В свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания стала ясной необходимость критического пересмотра ряда сложившихся в археологии представлений об истории палеолитического человека, а также дискуссионного обсуждения основных проблем в этой области. Одной из таких проблем является проблема классификации палеолитических памятников и культурно-исторической периодизации палеолита. Новые археологические открытия с особой силой выдвигают эту проблему. Вместе с тем они столь же определенно свидетельствуют и о ее сложности.

Прежде всего необходимо учитывать то обстоятельство, что именно вокруг этой проблемы за рубежом шла и идет в настоящее время наиболее ожесточенная и упорная борьба различных направлений, неразрывно связанная с борьбой классово-политической. Характер и содержание этой борьбы ясно определил в свое время еще Габриель Мортилье, по словам которого «палеоэтнология», т. е., в его понимании, «наука о происхождении и развитии человечества до появления письменных документов», явилась «одним из последствий великого освободительного умственного

движения XVIII века».¹ Эта новая наука, по словам Мортилье, была направлена против «туманных религиозных легенд и измышлений абстрактной», т. е. идеалистической, философии, в конечном счете — против феодализма и клерикальной реакции. Прогрессивное, боевое направление новой науки или, точнее, того лагеря ее представителей, к которому принадлежал сам Мортилье, нашло выражение и в разработанной последним схеме классификации памятников каменного века.

Схема Мортилье основана на общих принципах эволюционного учения, наиболее полно сформулированных Дарвином и противоположных старым взглядам, покоящимся на библейской традиции, на авторитете «священного писания». Мортилье исходил из положения, что человек и его культура подчиняются, «как и все в природе, великому закону эволюции», поднимаясь от низших ступеней развития к высшим. Мортилье был убежден в закономерном единстве этого эволюционного процесса для всего человечества, независимо от расовых особенностей и от территориального расположения тех или иных его групп. Он не сомневался в равенстве рас и народов по их естественным задаткам.

Не менее важна другая существенная черта взглядов Мортилье, определившая характер предложенной им классификации. Его предшественники делили палеолит по преобладанию остатков тех или иных животных на эпохи дикого быка, северного оленя, мамонта, пещерного медведя. Мортилье положил в основу своей классификации «индустриальные признаки», т. е. последовательные изменения орудий труда и техники их изготовления. Он наметил четыре крупных этапа развития этой техники: 1) грубую оббивку камня в шельское время, 2) оббивку и ретушь в ашельское время, 3) отжимную ретушь в солютре и мадлене, 4) широкое развитие обработки кости в мадлене.² В связи с усовершенствованием техники обработки камня прогрессивно изменялись, по его словам, и формы орудий, появлялись новые их виды.

Стремление опираться на производство, исходить из форм орудий труда является, таким образом, основной чертой подхода Мортилье к классификации памятников палеолита. Эта черта, резко выделяющая Мортилье из числа других эволюционистски мыслящих исследователей того времени, сближает его с другим крупнейшим прогрессивным эволюционистом XIX в., изучавшим историю первобытного общества по этнографическим данным, Г. Л. Морганом.

Основанная на большом фактическом материале, собранном к этому времени во Франции, прогрессивная по своей методологической основе и идейной направленности, классификация Мортилье стала опорой для сравнительного изучения палеолита других стран, своего рода образцом для анализа палеолитических памятников и «эталонном» для их датировки, приобрела международное значение.

Но в то же время именно в силу прогрессивности основных идейных установок, на которых была построена эта классификационная схема, она сразу вызвала ожесточенные нападки со стороны реакционных археологов, врагов эволюционизма, со стороны клерикалов — пропагандистов Ватикана. Используя слабые стороны схемы Мортилье и старого эволюционизма в целом, его враги в конечном счете взяли верх в буржуазной науке.

Эволюционизм, выросший на почве старого естественно-научного материализма XVIII в. и перенесенный в область общественных наук,

¹ Г. и А. де - Мортилье. Доисторическая жизнь. СПб., 1903, стр. 1.

² Там же стр. 189.

был чужд диалектическому пониманию развития. Эволюционисты понимали процесс развития только как постепенное уменьшение или увеличение, без качественных переломов и перерывов постепенности. Они, как правило, сохраняли идеалистический взгляд на историю общества, видя источник развития не в производительных силах, не в труде, а в интеллекте. От этого взгляда не был свободен и Мортилье.

Эволюционисты не понимали подлинной специфики общественных явлений и нередко автоматически переносили на их изучение, в том числе и орудий труда, биологические законы. Вместе с тем стремление эволюционистов универсализировать исторический процесс не могло не привести к нивелировке этого процесса, к обезличению локальных вариантов культурно-исторического развития, к отрицанию своеобразия исторического пути отдельных стран и народов, к антиисторическим построениям, противоречащим фактам. В силу этих своих внутренних методологических пороков буржуазный эволюционизм не смог устоять в борьбе с антиэволюционизмом, не сумел разгромить своих врагов, отстаивать прогрессивные идеи.

Решающее значение для судеб эволюционизма в буржуазной науке имел общий ход развития капитализма, обусловивший загнивание капиталистической культуры и отказ идеологов агрессивной империалистической буржуазии от каких-либо остатков прежних демократических иллюзий. Неудивительно поэтому, что многие буржуазные исследователи палеолита выражают реакционные взгляды.

Одним из первых с пропагандой этих реакционных взглядов выступил А. Брейль. Он начал с того, что ввел ориньякский этап в схему Мортилье и тем самым разорвал намеченный Мортилье процесс непрерывного эволюционного развития техники ретуширования от древнего палеолита и мустьерского времени к солотрейскому. Не ограничиваясь этим, он направил удар в самое сердце эволюционной концепции Мортилье, против идеи универсального развития во всемирном масштабе, выдвинув положение о локальных различиях в культуре палеолита, о различных путях развития техники обработки кремня и о переселении отдельных палеолитических групп как причине перемен в культуре. Удар этот был хорошо рассчитан; Брейль умело использовал все слабые места концепции Мортилье.

Характерно, что Мортилье знал о действительном существовании памятников ориньякского типа, но не нашел им места в своей схеме, так как они «не укладывались» в нее. Еще важнее, что непрерывно увеличивавшиеся факты, относившиеся к палеолиту других стран, также не могли быть полностью размещены в рамках классификации Мортилье, построенной на французских источниках. Все яснее и яснее вырисовывались контуры несравненно более сложной картины палеолитической истории земного шара.

Для направления развития взглядов буржуазных исследователей на палеолит характерна статья Д. Гаррод «Верхний палеолит в свете современных исследований»,¹ в которой была сделана попытка дать общую характеристику положения в этой области.

Отмечая бурный рост накопления археологического материала, охват новых огромных областей вне Европы — Африканского материка, Ближнего Востока, «азиатской России», Гаррод подчеркивала, что уже не может быть речи о простой прямолинейной последовательности развития палеолитических культур во всемирном масштабе в духе взглядов Мор-

¹ D. G a r r o d. The upper palaeolithic in the light of recent discovery. Proc. Prehist. Soc., N. S., vol. IV, 1938.

тилье, от шелля к мадлену. Десятилетия, прошедшие с известного выступления Брейля в 1912 г. с работой о подразделениях палеолита, явились, по ее словам, десятилетиями постепенного ниспровержения этой универсальной схемы. Она сохраняет теперь только узко локальное значение. Нельзя также, утверждала Гаррод, вообще говорить и о непрерывном, последовательном движении палеолитического человечества от низших ступеней к высшим, о всемирных стадиях человеческого прогресса. Теперь, резюмировала Гаррод, появляются новые очертания, возникает какая-то новая, иная, чем прежде, общая картина палеолитического мира. Картина эта, оказывается, включает в себя уже хорошо знакомые три «расовые культуры» — культуры рубила, отщепов и пластин.¹

Таким образом, начатая в области первобытной археологии выступлением Брейля и других, развивавших его взгляды, реакционных археологов борьба с эволюционизмом привела в результате к господству в буржуазной науке откровенно идеалистических и расистских концепций. В основе этих концепций лежит утверждение о том, что в истории палеолитического человечества нет никаких закономерностей, что суть ее заключается не в прогрессивном развитии труда и производства, а в изначальной борьбе и скрещении двух, трех и более расовых культур, которые существовали на протяжении всего каменного века.

Разумеется, выступая против эволюционизма, его враги из лагеря клерикальной реакции, идеологи мракобесия и расизма, стремились в своих классовых целях извратить историю первобытного человечества, исказить и фальсифицировать ее. Поэтому они демагогически привлекали только то, что противоречило старым эволюционистским схемам, но игнорировали все то, что им соответствовало. Поэтому они полностью отбрасывали все, что свидетельствовало о закономерности исторического процесса, о развитии производительных сил и производственных отношений как основе исторического развития вообще.

Враги эволюционизма, разумеется, не смогли на самом деле уничтожить, — как бы они этого ни желали, — всех подлинно положительных достижений прогрессивной науки прошлого и даже самой схемы Мортилье (куда по необходимости пришлось включить ориньяк), сохранившей свое значение для Западной Европы, а отчасти и для более широкой территории. Во всяком случае терминам «шелль», «ашель» и «мустье» соответствует в основном одно и то же содержание в Европе, Африке, Малой и Передней Азии, а также в Индии. Что же касается верхнего палеолита, то он на всем этом пространстве и даже еще шире мог быть понят и описан только на основе сравнения его с палеолитом Франции, где впервые были установлены определенные классификационные категории, рубрики и вехи, где впервые была создана определенная научная терминология, позволяющая объективно установить как черты сходства, так и черты различия между палеолитическими памятниками разных стран. Столь же устойчивым остается основной и исходный пункт классификации палеолитических памятников, принятый Мортилье и его сторонниками, — изменение форм орудий труда.

Самое же главное заключается в том, что победа над эволюционистами в буржуазной науке не принесла их врагам ожидаемых результатов.

Все те принципиальные вопросы, вокруг которых десятилетиями шла ожесточенная борьба в буржуазной науке, были по-новому поставлены и разрешены марксизмом, диалектическим материализмом.

¹ Там же, стр. 1, 2.

Марксизм вывел из тупика науку об отдаленнейшем прошлом человека и обеспечил ее невиданный расцвет.

Следует отметить тот факт, что в России реакционные расистские измышления не нашли для себя почвы. В нашей науке, напротив, значительно устойчивее, чем на Западе, сохранялись прогрессивные традиции эволюционизма и материалистические по их сути взгляды Мортилье. В области этнографии и антропологии они были представлены работами школы Д. Н. Анучина, в археологии — работами группы сибирских археологов (Г. П. Сосновский и др.) и особенно ярко Г. А. Бонч-Осмоловского. Русской передовой науке всегда был глубоко чужд расизм, ей всегда была чужда человеконенавистническая идеология империалистических колонизаторов Европы и Америки.

Но в то же время старые эволюционистские взгляды стали в известный момент и тормозом на пути дальнейшего развития нашей науки, так как они не только противоречили новым фактам, но и отражали буржуазное мировоззрение. В ряде случаев это отрицательное влияние эволюционизма было связано со стремлением археологов как-то увязать свои работы с выводами так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Это влияние, в частности, сказалось в работах виднейшего советского исследователя П. П. Ефименко, который пытался построить универсальную схему смены стадий палеолита не только для Западной и Восточной Европы, но также и для северной Азии. Недооценка фактов, свидетельствующих о значительно более сложной истории палеолитического человечества, о сложных взаимоотношениях отдельных его групп, имевших определенные особенности культуры, стремление вывести своеобразные черты сибирского палеолита только из трансформации культуры местного населения нашли выражение в работах Г. П. Сосновского и А. П. Окладникова.

Отсюда, безусловно, вовсе не следует, что не было ничего общего и закономерного в развитии культуры палеолитического человека, что невозможно было бы проследить последовательное прогрессивное развитие культуры или отдельных ее элементов от низших ступеней к высшим на определенной территории. Изучать палеолитические памятники под этим углом зрения, раскрывать реальные закономерности исторического процесса — первоочередная и важнейшая задача марксистски мыслящих исследователей. Но вульгаризаторская «стадиальная концепция» Н. Я. Марра отводила от реальных закономерностей к мнимым, препятствовала правильному пониманию диалектического взаимоотношения общего и частного, толкала к упрощению и нивелировке исторического процесса, к недооценке своеобразия локальных вариантов и событий конкретно-исторического характера, конкретных взаимоотношений различных групп палеолитического населения.

Каково же положение в этой области в настоящее время? Рассматривая верхний палеолит СССР в свете накопленного материала, мы можем констатировать, что было бы совершенно ошибочно трактовать его как нечто целостное и однородное. Очевидно и то, что, сохраняя свое значение в качестве опоры для сравнительного изучения памятников палеолита, французская схема не может быть полностью перенесена к нам; что нам необходима собственная классификация палеолита и не одна, а, соответственно локальному своеобразию памятников (при обязательном учете общих закономерностей), по крайней мере три. В настоящее время устанавливается, что на территории СССР могут быть выделены три большие области палеолитических культур. Первая из них, совпадающая с Русской равниной, значительной частью территории Украины и Белоруссии, характеризуется памятниками, наиболее близкими

по многим признакам к памятникам Западной Европы, в том числе Франции. Она отчасти входит, таким образом, в Атлантическую (приледниковую) область, выделенную Брейлем.

Памятники палеолита второй области, куда входят территории Средней Азии (Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, юг Казахстана), Крыма и Кавказа, обнаруживают, как показали К. С. Мережковский, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин, С. Н. Бибилов, П. И. Борисковский, Г. К. Ниорадзе и другие исследователи, большое сходство с памятниками южного Средиземноморья и с так называемыми капсийскими памятниками внеледниковой области.

Третья область — северная Азия, т. е. Сибирь и соседние с ней области Азии (северный Казахстан, Дальний Восток, северная Маньчжурия, Монголия), памятники которой обнаруживают наиболее резкие и глубокие отличия от всех других, что отмечено Л. Савицким, Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским, А. П. Окладниковым и другими.

Для выявления своеобразных локальных вариантов культурно-исторического развития в палеолите на территории СССР первостепенное значение имеют прежде всего результаты изучения палеолитических памятников северной Азии — Сибири, с одной стороны, Средней Азии, Крыма и Кавказа — с другой.

В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением палеолита Русской равнины и Сибири.

Рассмотрим сначала новые факты, относящиеся к Русской равнине.

Исследованиями последних лет в Костенковско-Боршевском районе на Дону у Воронежа обнаружены материалы, которые вызвали оживленный обмен мнений и споры, касающиеся прежде всего вопроса о классификации верхнепалеолитических памятников, а также общих взглядов на историю палеолитического человечества.

Согласно одной точке зрения, отстаиваемой, в частности, П. И. Борисовским, на Русской равнине имела место последовательная эволюция культуры, шел процесс смены ориньякской ретуши солютрейской ретушью. Процесс этот, в своей основе единый для Русской равнины, Украины и Белоруссии, усложнялся взаимодействием отдельных групп палеолитического населения, часть которого перешла к более прогрессивным солютрейским приемам обработки камня, а часть сохраняла отсталые ориньякские традиции.

Противоположная точка зрения, развиваемая А. Н. Рогачевым, сводится к тому, что в верхнем палеолите одновременно существовали обособленные родовые общины. Культура каждой такой родовой группы имела свои собственные этнографические черты и традиции. Отсюда следует, что нельзя говорить о каком-либо единстве или общности палеолитической культуры на больших пространствах и о последовательности этапов ее развития в том, например, смысле, как об этом писал в свое время Мортилье. Вся история культуры палеолитического времени с этой точки зрения есть не что иное, как история отдельных первобытных общин.

Не вдаваясь в критику обеих точек зрения, обратимся к фактам с тем, чтобы сделать те выводы, которые, по нашему мнению, являются в данное время наиболее вероятными.

В результате многолетних систематических раскопок и разведок выяснено, что Костенковско-Боршевский район на Дону у Воронежа является одним из важнейших мировых центров сосредоточения первоклассных памятников верхнего палеолита. На протяжении каких-нибудь 15 км вдоль Дона здесь обнаружено около 30 палеолитических поселений раз-

личного времени и облика, в том числе многослойных. В Костенках обнаружено в 1952 г. первое на Русской равнине верхнепалеолитическое погребение.

Исследования одного из важнейших памятников в Костенках — поселения Костенки I — раскрыло неожиданную по яркости картину жизни древних охотников и собирателей. Это поселение состояло из одного обширного (площадь около 600 кв. м) жилища овальных в плане очертаний, с длинным рядом очагов посредине и особыми ямами-землянками по окружности. Обитатели Костенок I достигли высокого уровня обработки кремня — изделия отличаются тонкой отжимной ретушью солютрейского типа. Здесь встречены специфические кремневые орудия из превосходных длинных и широких пластин, в том числе концевые скребки, резцы, а также наконечники с боковой выемкой. На таком же высоком уровне находится и обработка кости, а также искусство, представленное выдающимися по их реалистической трактовке скульптурными изображениями женщин, своеобразными фигурками мамонтов, головками верблюдов, медведей и других животных. По общему облику эти находки оказались настолько близкими к позднеориньякским и солютрейским памятникам средней и отчасти Западной Европы, что их ориньякско-солютрейский по общепринятым западноевропейским масштабам возраст был вне сомнения.

В 1937 г. в Костенках было обнаружено новое поселение — Тельманская стоянка, исследование которой показало, что и здесь имелось древнее жилище, на этот раз несравненно меньшего размера и не овальное, а круглое в плане. В инвентаре этого поселения вместе с чисто солютрейскими по технике листовидными острьями оказались изделия, напоминавшие по виду мустьерские диски, скребла и остроконечники. В результате изучения находок в Тельманской стоянке П. П. Ефименко выдвинул гипотезу, согласно которой эта стоянка представляет собой памятник начальной поры верхнего палеолита, свидетельствующий о том, что солютре возникает здесь непосредственно из мустьерской культуры или во всяком случае сохраняет следы своего происхождения из мустье.

Таким образом, на Дону наблюдалось как будто последовательное развитие палеолитической культуры от мустье к солютре, а от солютре к мадлену и далее к мезолиту. Особо отмечалось, что развитие это происходило в духе схемы Моргиле, т. е. было непрерывным, поскольку ориньякские памятники здесь, казалось, отсутствовали.¹

Однако дальнейшие работы, вскрывшие более глубокие слои, наличие которых отчасти известно было П. П. Ефименко и ранее, принесли новые и совершенно неожиданные открытия. Оказалось, что под исследованным в 1937 г. в Тельманской стоянке «архаическим» слоем с изделиями «мустьерского типа» находился второй, давший превосходную коллекцию обработанного кремня и достаточно выразительные изделия из кости.² Здесь, вопреки ожиданию, были обнаружены не мустьерские находки, а изделия совершенно иного облика, изготовленные из тонких и длинных пластин, свидетельствующие о высоком, типично верхнепалеолитическом уровне техники обработки кремня. Это были превосходные полиэдрические резцы (рис. 1, 1), нередко двусторонние, концевые скребки на широких пластинках, пластины с широкими и глубокими выемками по бокам (рис. 1, 2), пластины с затупленной ретушью спинкой,

¹ П. П. Ефименко. Современное состояние науки об ископаемом человеке. Матер. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950, стр. 85, 86.

² А. Н. Рогачев. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 23—29.

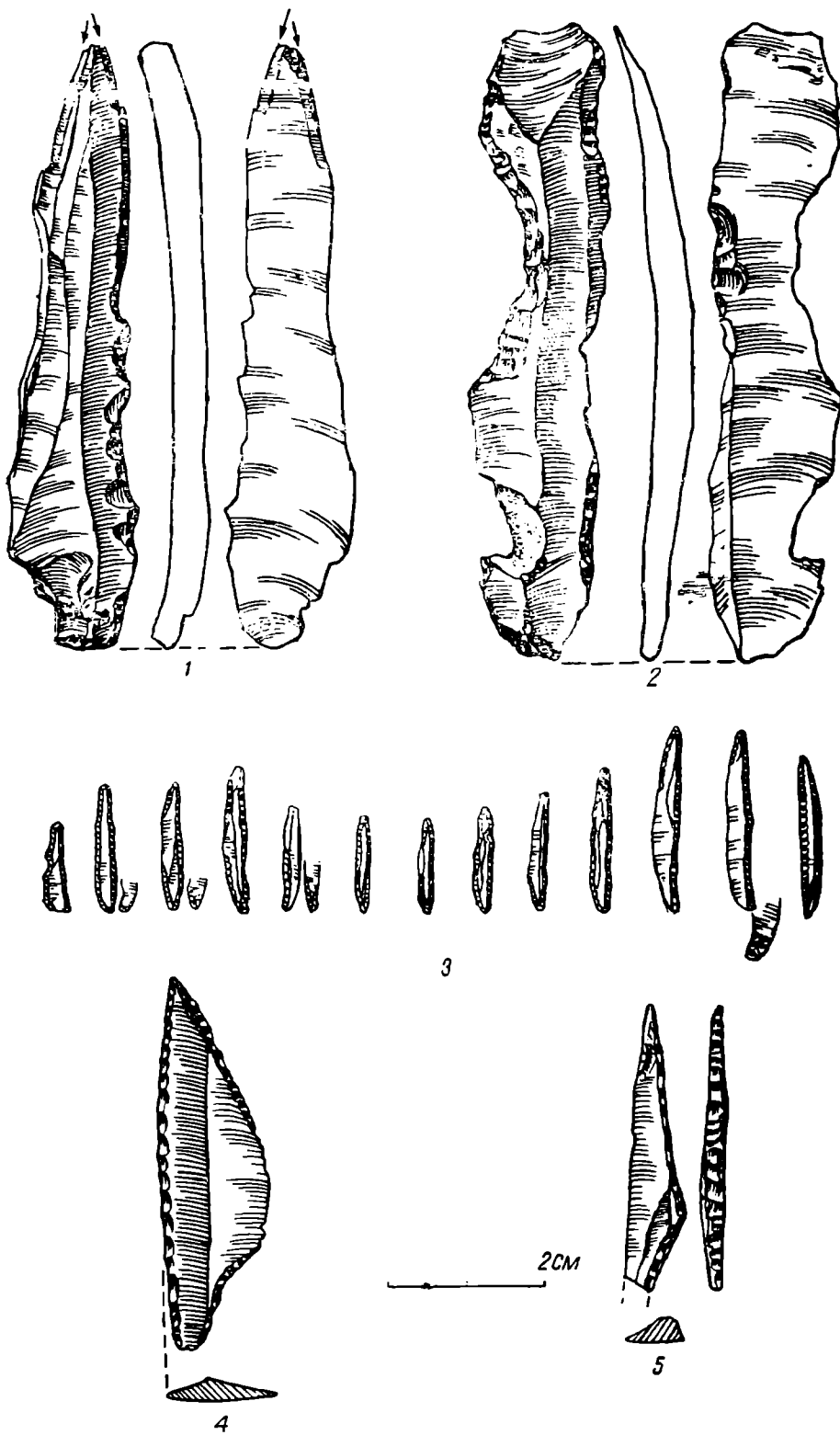

Рис. 1. Каменные орудия из второго слоя Тельманской стоянки.
 1 — резец; 2 — пластина с выемками; 3 — миниатюрные острия; 4, 5 — острия с выемкой.

в том числе типа граветт и миниатюрные, тончайшей работы (рис. 1, 3), а также скребки «высокой формы».

Едва ли не самой характерной формой инвентаря второго слоя Тельманской стоянки являются изумительные острия небольшого размера, из пластин, у которых с одного края тончайшей ретушью вверх оформлен скошенный край, а внизу боковой выемкой намечен черешок. В пяти случаях — это типично ориньякские острия с боковой выемкой и специфическим угловатым выступом в нижней трети, оформленные вдоль всего края крутой специфической ретушью (рис. 1, 4, 5).

Как характер заготовок, так и специфическая крутая ретушь и типы изделий не оставляют сомнения в их ориньякском или, точнее, в верхнеориньякском облике и, очевидно, возрасте. Особенно отчетливо об этом свидетельствуют полиэдрические резцы, пластины типа граветт, миниатюрные острия с затупленной спинкой и острия с боковой выемкой. О том же свидетельствуют костяные изделия, в особенности фрагмент одного круглого в сечении острия.

Не менее ясно выраженный ориньякский облик имеет хотя и немногочисленный, но типологически яркий инвентарь из расположенного еще глубже третьего слоя Тельманской стоянки. Это преимущественно длинные широкие тонкие пластинки, обработанные в характерно ориньякской манере круговой ретушью вдоль обоих краев и заканчивающиеся выпуклым лезвием концевого скребка (рис. 2, слева). Здесь же оказался превосходный образец килевидного ориньякского скребка

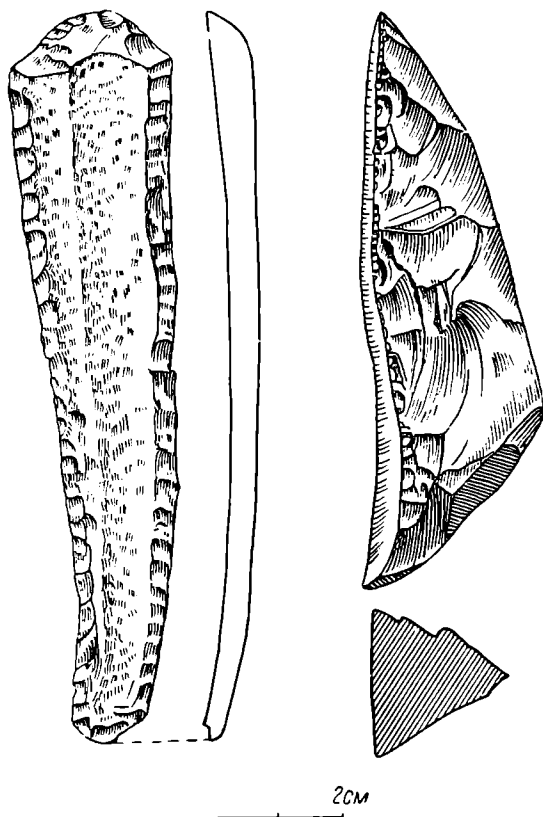

Рис. 2. Пластинчатый и килевидный скребки из третьего слоя Тельманской стоянки.

с крутой горбатой спинкой, трехгранный в сечении (рис. 2, справа); обнаружены и типично ориньякские острия из бивня мамонта, в поперечнике овальные или почти круглые. Таким образом, это — среднеориньякский по облику памятник.

Не менее выразительны находки в нижних слоях поселения Костенки I, залегавшие под знаменитым «ориньякско-солютрейским» поселением с огромным овальным жилищем.

Во втором от верха слое этого многослойного поселения вместе с нулевидными орудиями типа скобелей и высоких скребков, с короткими треугольными скребками на пластинах, с пластинами, оформленными ретушью вдоль краев, также оказались выразительные килевидные скребки и двусторонний скребок с рабочим концом в виде носика.

Такие же килевидные скребки и скребки с «носиком», но в еще более многочисленных и выразительных образцах, обнаружены и глубже.

в третьем культурном слое. Их сопровождали концевые скребки на трехгранных в сечении пластинах, боковые и многогранные резцы, грубые острия (в обломках), микроострия с затупленными краями, аналогичные найденным в Тельманской стоянке, изредка — пластины с подтеской и крупные пластины с круговой ретушью. Костяные изделия здесь были представлены короткими массивными шильями и плоским острием из бивня. Все эти изделия по западноевропейской классификации также могут считаться в полной мере характерными для среднего ориньяка.

Нельзя не отметить в этой связи и еще одного памятника — поселения Костенки IV или Александровки, где под солютрейским слоем «округлых» жилищ, давшим уникальный по размеру, правильности и типичности формы солютрейский наконечник двусторонней обработки, оказался слой с находками, датированными прежде мадленом. О мадленском возрасте этого слоя вряд ли может быть речь уже по той причине, что он был перекрыт бесспорно солютрейскими отложениями.

Вместе с многочисленными остриями типа граветт, пластинками с затупленной спинкой, нуклевидными скобелями, скребками на отщепках, немногочисленными пластинками с зубчиками и выемками, орудиями с желобчатой подтеской, пластинками со скошенным и прямым концами здесь оказались фрагменты сравнительно широких острий с боковой выемкой. Последние напоминают острия с выемкой из Гагарино и Боршево I, характеризующиеся по сравнению с найденными в Костенках I, Авдееве, Виллендорфе, Пржедмосте («костенковская фация») такой же примитивной ретушью и грубостью форм. Допустимо, следовательно, видеть в этих остриях предшественников изящных и крупных острий с боковой выемкой из Костенок I, а может быть, и из верхнего слоя Тельманской стоянки. Нельзя не отметить и найденного в Костенках IV наконечника с боковой выемкой, тщательно оформленного с обеих сторон солютрейской ретушью. Он может служить доказательством связи между позднейшими ориньякскими и солютрейскими наконечниками.

Налицо, таким образом, бесспорный факт существования и длительного развития в Костенковско-Боршевском районе ориньякского типа культуры, предшествовавшей расцвету солютрейской культуры, так же как это было в Западной Европе.

В свете этих открытий необходимо, очевидно, по-новому рассмотреть памятники не только Костенковско-Боршевского района, но и ряда других районов. В связи с костенковскими находками нужно, например, заново продумать датировку таких замечательных памятников палеолита Украины, какими являются Амвросиевская стоянка и найденное там же костыще, относимые к «пятой стадии» верхнего палеолита или, иначе, к «раннему мадлену», как это предполагает П. И. Борисковский.

Так же как и в ориньякских слоях Костенок, мы видим здесь достаточно отчетливо выраженные ориньякские изделия: «нуклевидные скобели с правильным полукруглым лезвием», грубые нуклевидные и многофасеточные резцы, резцы на узких удлиненных пластинах, «своеобразные миниатюрные острия с затупленным краем», полностью повторяющие такие же миниатюрные изделия из Костенковского района. Так же как в соответствующих комплексах костенковских многослойных памятников, здесь обнаружены простые костяные наконечники «веретенообразной» формы и раковины *Ceritium*, принесенные с морского побережья.¹

¹ П. И. Борисковский. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 9—17.

Следовательно, теперь нельзя считать эти ориньякские, по их типологическому облику, находки мадленскими или раннемадленскими еще и по той причине, что стратиграфические условия залегания комплексов такого рода под «ориньякско-солютрейским» слоем большого костенковского жилища противоречат такой датировке.

На общем фоне стратиграфии многослойных памятников Костенковско-Боршевского района особенно привлекает внимание отсутствие здесь того, что на Западе считают ранним ориньяком (стадии Шательперрон и Абри-Оди), развившимся непосредственно из мустье.

Тем важнее открытие под ориньякскими слоями в Костенках I пятого культурного слоя, давшего сенсационно-неожиданный материал, в том числе миниатюрные и довольно крупные треугольные наконечники двусторонней обработки, с выемкой, в основном на первый взгляд (но только на первый!) удивительно сходные с наконечниками неолита или даже бронзового века (рис. 3, 1—3). Вместе с ними оказались небольшие скребочки на отщепе подтреугольной формы, остроконечники (рис. 3, 4) и целая серия отделанных двусторонней ретушью скребловидных инструментов, напоминающих в то же время ручные остроконечники мустьерского типа (рис. 3, 5, 6). Столь же замечательны два целых и два фрагмента крупных миндалевидных по очертаниям острий, точно так же обработанных широкими плоскими сколами с обеих сторон (рис. 3, 7). При всем совершенстве отделки их поверхностей эти изделия отличаются массивностью и специфической неправильностью продольного сечения, вызывающей в памяти позднейшие микокские рубила.¹

В свою очередь скребловидные остроконечники из пятого слоя Костенок I напоминают самым близким образом такие же двусторонние ручные наконечники из мустьерских поселений «с ашельской традицией».

Ближайшей аналогией треугольным двусторонне ретушированным наконечникам с выемкой в основании могут служить наконечники Ильской стоянки на Северном Кавказе (рис. 4).

Допустимо, таким образом, сделать вывод, что оригинальные находки из пятого слоя Костенок I, столь резко отличные от залегающих над ними солютрейских изделий, находятся в прямой связи с весьма древними памятниками, что они могут уходить корнями в мустье с ашельской традицией.

Большой интерес представляет далее и то, что, в отличие от залегающих выше культурных слоев, в слое пятом «совершенно отсутствует обычный широко известный меловой кремь (сенонский). Все орудия, отщепы и осколки изготовлены из цветного валунного кремня и местного палеогенового кварцита».²

Для понимания этих замечательных находок очень важно то обстоятельство, что подобное явление имело место и далеко на Западе — в средней Европе. Таковы прежде всего старые находки в пещерах Венгрии, давшие основание для гипотезы о происхождении местной солютрейской культуры непосредственно из ашельско-мустьерской, минуя ориньякский этап. Сюда же следует отнести и ряд новых находок в Центральной Европе, например в *Ilsehöhle* (у Раниса в Тюрингии), где в доориньякском слое найдены листовидные орудия, острия и листовидные скребла. В *Josef-Barth-Höhle* (район Мауэрна у Нейбурга на Дунае) в мустьерском по облику слое оказались два двусторонних острия солютрейского типа

¹ А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I. ССИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 69—73.

² Там же, стр. 69.

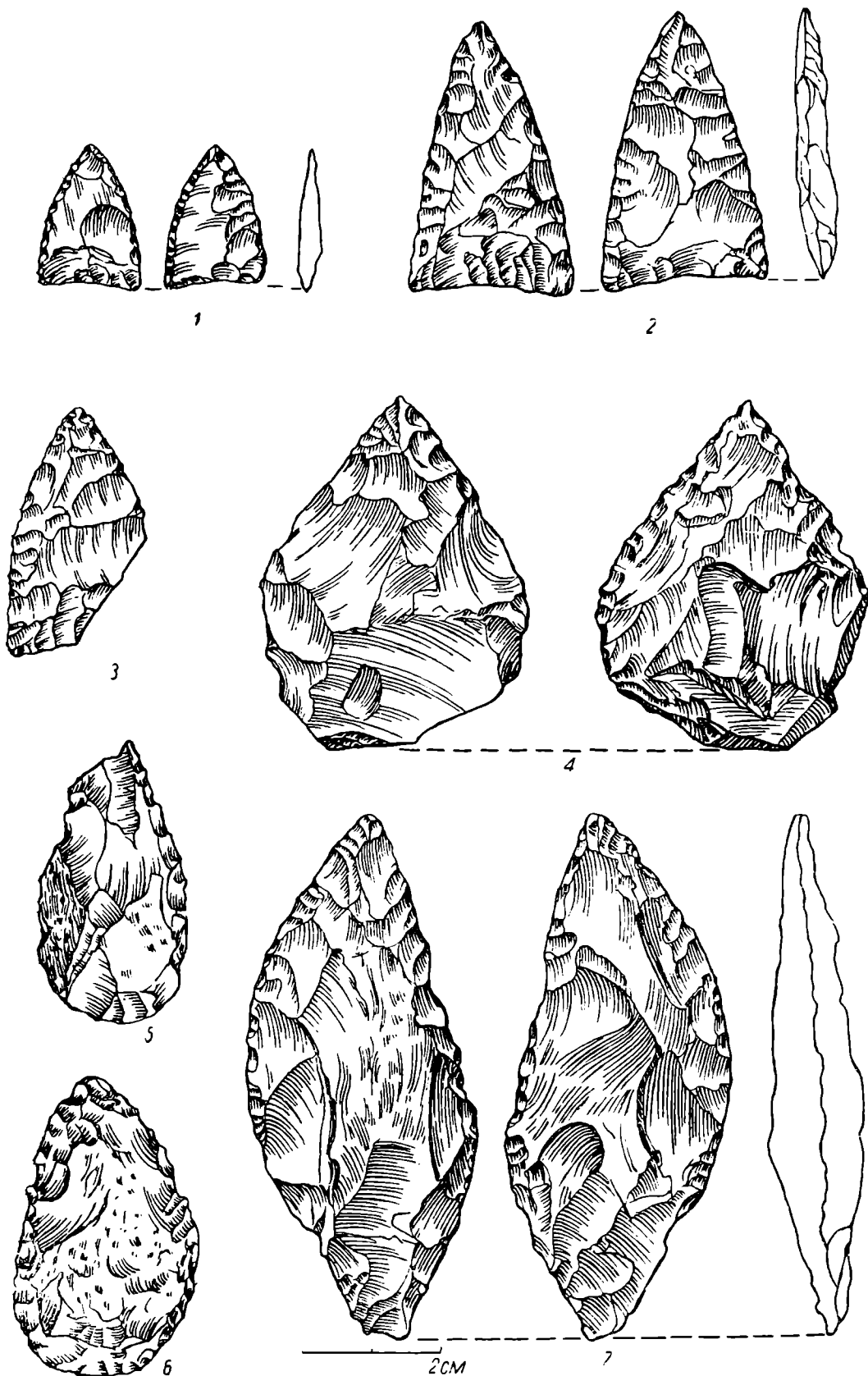

Рис. 3. Каменные орудия из пятого слоя стоянки Костенки I.
 1—3 — двусторонне ретушированные наконечники; 4 — остроконечник; 5, 6 — скребловидные инструменты; 7 — крупное миндалевидное острие.

и остря с выемкой в основании, напоминающие кантабрийские в Испании, длиной около 5 см. Выше находился слой ранней поры верхнего палеолита, содержащий листовидные остря.

Еще ближе к пятому слою Костенок I находки в Чехословакии, у Мораван в долине р. Ваг, где обнаружена была мастерская доориньякского возраста, давшая двести остроконечников двусторонней обработки, в том числе сердцевидных (в виде листа тополя) и с прямым основанием (рис. 5). Среди этих остроконечников *замечательны самые малые: они морфологически*, как и костенковские, «почти неотличимы от неолитических наконечников стрел».¹ Не менее интересно, что вместо кремня, употреблявшегося здесь в более позднее время, все эти орудия изготовлены из галек цветного радиолярита и ямшы, реже из других пород, залегающих в русле р. Ваг. Точно такая же картина разнообразия в материале, как мы видели, отмечается в Костенках I.

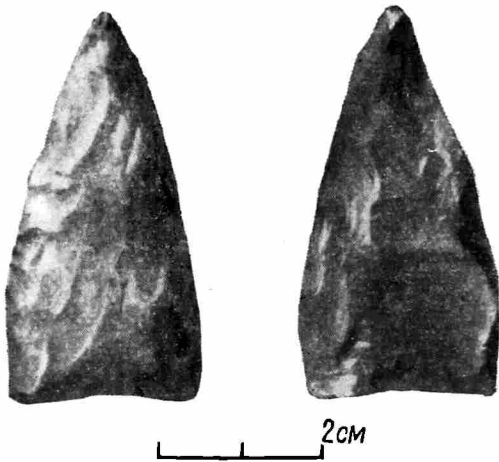

Рис. Наконечники из стоянки Пильской.

Наблюдения, сделанные в Мораванах, подтвердились раскопками пещеры Дзерава Скала в Малых Карпатах (Словакия), где сверху залегал неолит, глубже — поздний ориньяк с орнаментированным острием из бивня мамонта, а еще глубже — листовидные остря венгерского типа и костяные остря «младечского» типа.²

Положение этого «пресолютрейского» комплекса с листовидными и треугольными наконечниками по отношению к ориньякским в Моравии, Словакии и на Дону одинаково указывает, таким образом, на какой-то разрыв между ними и вышележащим ориньяком.

Замечательно в связи с этим и то, что во всех этих районах, т. е. на востоке Европы, отсутствуют типичный ранний ориньяк (с находками типа Шательперрон) и памятники типа Абри-Оди, связанные с мустьерскими памятниками, а имеются только средний и поздний ориньяк западноевропейских классификаций.

Отсюда допустимо предполагать, что развитие местной культуры, выросшей из мустье с апельской традицией и представленной находками типа изделий из нижнего (пятого) горизонта Костенок I, было прервано распространением нового населения, вышедшего из Западной Европы и оставившего после себя памятники нового облика, средне- и позднеориньякские по типу.

Оставляя в стороне недостаточно ясный вопрос об отношении этой ориньякской культуры к двум «фациям», выделяемым некоторыми западными археологами, — «перигордьену» и «гримальдьену», мы можем констатировать, что в дальнейшем процесс развития культуры повсюду идет здесь в направлении к памятникам классического солютрейского типа, представленным на Дону сначала Тельманской стоянкой и верхним гори-

¹ L. Z o t z. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951, S. 181—184. (Порядка моя, — А. О.).

² Fr. P r o s e k. Vyzkum jeskyne Dzerave Skaly v malych Carpatech. Archeologické Rozhledy, III, zasz 4, 1951.

зоном Костенок IV (Виллендорф II в Австрии), а затем верхним слоем Костенок I и Авдеевским поселением, костенковской фацией в Чехословакии и Австрии.

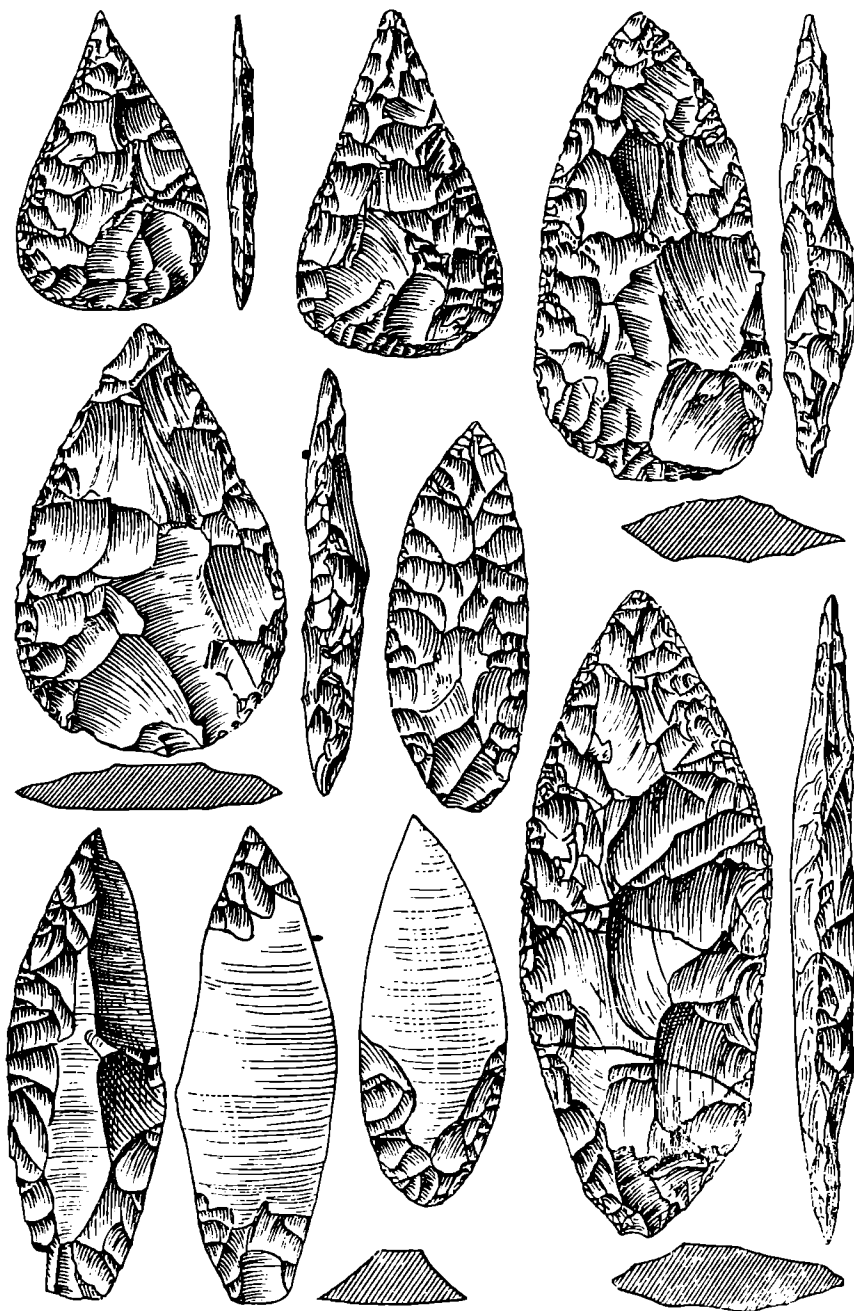

Рис. 5. Листовидные острья из Моравии.

Отсюда следует, что гипотеза об эволюционном развитии техники от ориньякской, затупливающей, ретуши к солютрейской, выравнивающей, не отражает всей сложности развития культуры верхнего палеолита в Восточной Европе, что история верхнепалеолитического населения этих областей шла иными, значительно более сложными путями, а сам по себе этот процесс включал взаимоотношения различных групп населения.

Такой вывод следует из стратиграфической последовательности многослойных палеолитических поселений в Костенках. Стратиграфия эта опирается не только на чередование археологических комплексов, но и на не зависящие от них геологические факты, на два маркирующих горизонта погребенных почв. Последние подтверждают, что за пресолютре здесь следует средний и верхний ориньяк, а за ним раннее солютре типа верхнего горизонта Тельманской стоянки и более позднее — Костенок I.

Однако, признавая локальные особенности в развитии верхнего палеолита, нельзя все же согласиться с такой постановкой вопроса, которая суживает историю палеолитического человечества до истории отдельных изолированных общин-родов. Ясно, что эта история протекала в более широких масштабах и может быть сколько-нибудь полно понята только на соответствующем широком историческом и географическом фоне.

Такая смена пресолютрейской культуры культурой ориньякского облика и затем солютрейской, как это рисуется сейчас по материалам многослойных палеолитических поселений на Дону, не может быть понята вне связи с фактами, относящимися к истории иных областей Европы.

Допустимо высказать предположение, что здесь в конце верхнего палеолита снова сказались влияние местного населения, лишь сравнительно ненадолго и недалеко оттесненного ориньякскими пришельцами. Не исключено и то, что распространение солютре в Западной Европе вплоть до Испании и высокий его расцвет могли быть связаны с распространением солютрейских общин верхнего палеолита в обратном направлении — с востока на запад.

Все это, разумеется, пока еще рабочие гипотезы. Но территориальные масштабы Европы вряд ли могли явиться препятствием для подобного рода переселений, а наличие морских раковин в удаленных от моря районах и поразительное сходство инвентаря палеолитических поселений могут служить прямым указанием на связи между различными районами, на перекочевки отдельных групп палеолитического населения.

Таким образом, история палеолитического населения на Русской равнине, при всем ее своеобразии, во многом шла в одном направлении с историей населения средней, северной и даже отчасти Западной Европы. Особенно же близко совпадают судьбы и культурная история населения Русской равнины в верхнем палеолите с судьбами и культурой древнейшего населения Чехословакии и соседних стран Восточной Европы. Здесь больше всего общего в каменном инвентаре, искусстве, домостроительстве; здесь обнаруживаются одни и те же в общем типологические нормы, целые вещевые комплексы, которые так или иначе совпадают и сопоставляются друг с другом. Именно поэтому здесь в значительной степени сохраняют свое значение и такие привычные для археолога специальные термины, как «солютрейская» или «ориньякская» культуры, «солютрейская» или «ориньякская» техника.

Иначе сложились и протекали судьбы верхнепалеолитического населения северной Азии. На протяжении многих веков и тысячелетий здесь мы видим совершенно особый культурный мир, не уступающий по территориальным масштабам и своей исторической роли двум другим, названным выше, — капсийскому и европейскому приледниковому. История его отчетливо разделяется на два этапа, которым соответствуют две группы памятников.

В первую группу входят три поселения на Ангаре: стоянка у Военного госпиталя в Иркутске, открытая в 1871 г., Мальтинская стоянка, найденная в 1928 г., и Буреть, обнаруженная в 1936 г. Эти древнейшие из известных сейчас памятников верхнего палеолита Сибири рисуют в общем

такой же уклад жизни арктических охотников на северного оленя, мамонта и носорога, какой существовал тогда на Западе. Здесь были такие же поселения из полуподземных жилищ, близкое в общем искусство, центральным сюжетом которого являлись образы женщины и зверя, аналогичные приемы обработки камня и типы каменных орудий.

В дальнейшем происходит резкая перемена. Меняется характер поселений. Вместо обширных постоянных жилищ распространяются, по-видимому, легкие переносные шатры-чумы. Почти целиком исчезает богатое прежде искусство.

Еще разительнее перемена в технике обработки камня. Обитателям таких поселений, как Афонтова Гора на Енисее у Красноярска, Ошурково на Селенге около Улан-Удэ, Шишкино и Макарово на Лене, Сростки на Алтае, была хорошо известна техника отделения длинных ножевидных пластин с правильными параллельными гранями на спинке (рис. 6). Но

вместе с тем основная масса каменных изделий представлена здесь изделиями совершенно необычного для западных палеолитических памятников вида. Это преимущественно крупные полулунные скребла (ножи) с выпуклым, дугообразным лезвием (рис. 7, 1), а также массивные орудия из целых продолговатых галек, один конец которых превращен поперечным сколом в крутое, почти вертикальное лезвие, обычно лишь слегка подправленное оббивкой (рис. 7, 2, 3). Вместе с этими орудиями встре-

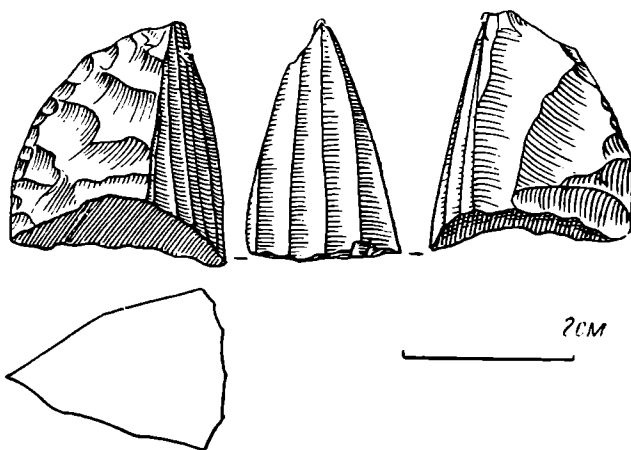

Рис. 6. Нуклеус-скребок из Ошуркова.

чаются остроконечники, напоминающие мустьерские (рис. 7, 4), массивные сверла (рис. 8, 1), дисковидные нуклеусы, иногда значительного размера. Очень характерны для поселений этого рода своеобразные изделия типа скобелей, изготовленные из целых галек, у которых на одном конце широкими сколами резового типа, направленными с двух сторон, образовано клиновидное лезвие, а также нуклеусы-скребки, т. е. нуклеусы, у которых один продольный или поперечный край превращен двусторонней ретушью в слегка выпуклое массивное лезвие.

В технике изготовления каменных орудий отмечаются две постоянные черты: 1) стандартный прием раскалывания галек поперек, причем плоскость раскола служит как бы площадкой, с которой и производится дальнейшая обработка заготовки; 2) стремление обязательно оставить нетронутой часть гальки, противоположную лезвию. Покрытая валунной коркой, она является в таком случае удобной для держания в руке «пяткой» орудия (рис. 8, 2).

Вопрос о взаимоотношении этих двух столь контрастных по облику групп памятников встал сразу же после открытия Мальты. Не менее остро стоит теперь вопрос и об отношении палеолита Сибири к палеолиту других стран.

Здесь встретились друг с другом две противоположные точки зрения. Согласно взглядам сторонников одной из них, своеобразие палео-

лита Сибири (известного тогда только по стоянкам типа Афонтовой Горы и Верхоленской Горы) объяснялось тем, что он был генетически связан с Востоком, а не с Западом (Н. К. Ауэрбах, Л. Савицкий). Иную точку зрения отстаивал Г. П. Сосновский, который, считаясь с общими установками Н. Я. Марра, утверждал, что наличие в сибирском палеолите изде-

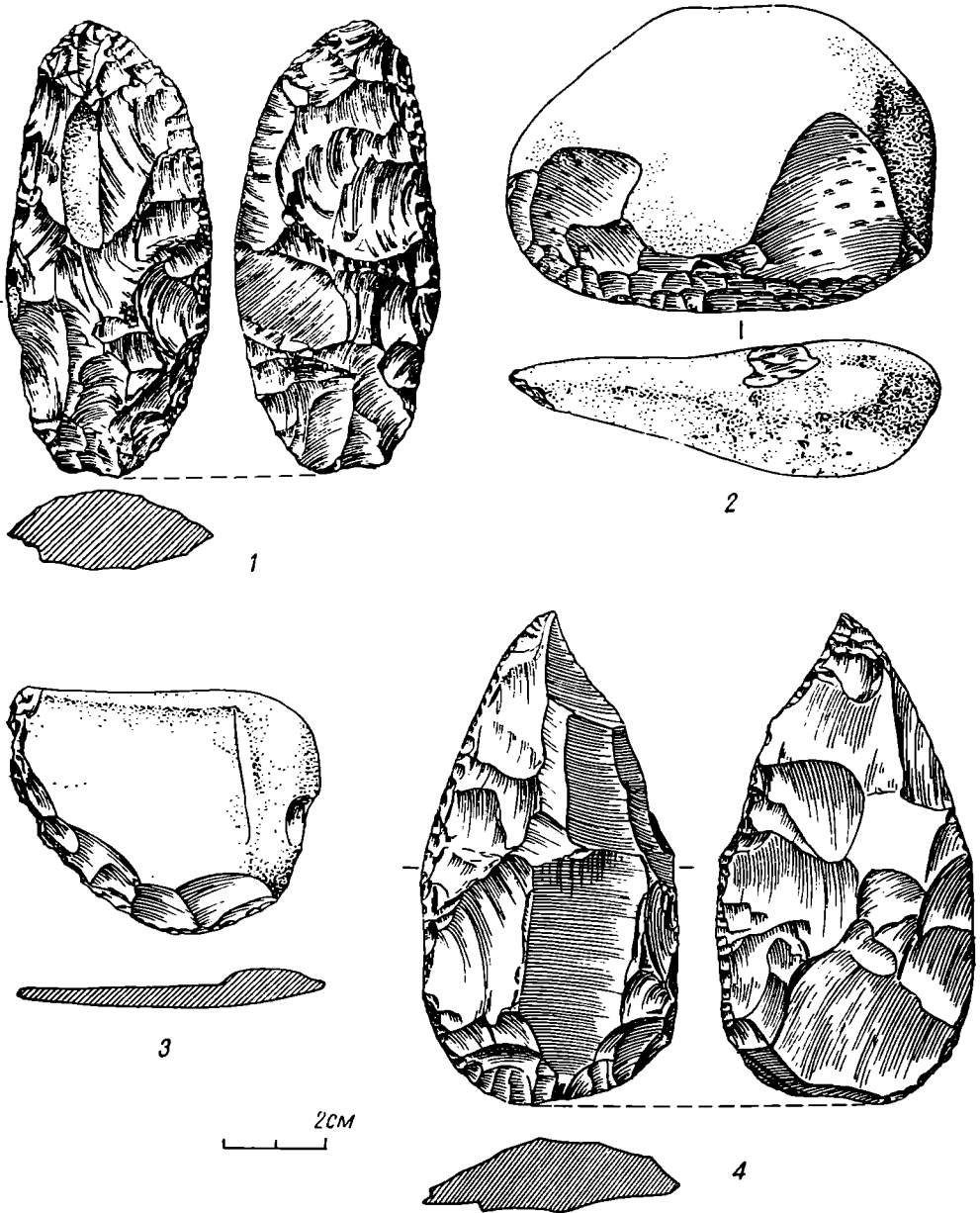

Рис. 7. Каменные орудия из стоянок Забайкалья.

1 — скребло-нож (Ошурково); 2, 3 — скребла (Ошурково); 4 — остроконечник (Няньги).

лий, сходных с европейскими или северокитайскими формами орудий, не должно давать повода для каких-либо миграционных построений. Такие изделия, по его словам, «ровно ничего не говорят в пользу общности их происхождения» в результате прихода определенных групп

населения или культурных влияний.¹ Рассматривая в этом плане памятники сибирского палеолита, Г. П. Сосновский пытался вывести культуру Афонтовой Горы непосредственно из культуры Мальты и Бурети, катего-

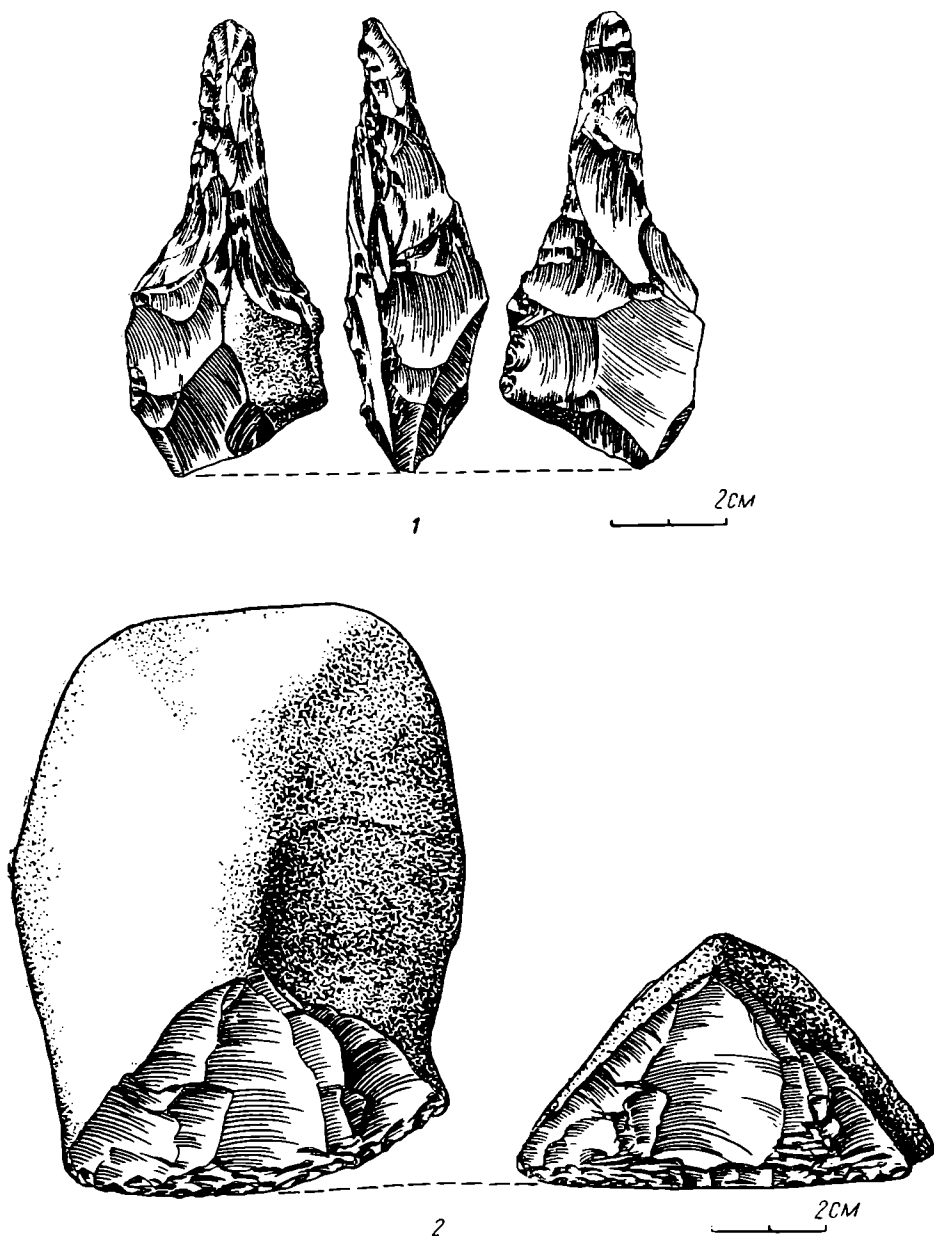

Рис. 8. Каменные орудия из стоянок Забайкалья.
1 — массивное сверло (Няньги); 2 — скребло (Ошурново).

рически отрицая какое-либо значение связей с другими областями Европы и Азии в том и в другом случаях.

Аналогичный взгляд, но с иных методологических позиций, высказал М. Г. Левин, полагавший, что культура Мальты и Бурети возникла в Сибири конвергентным путем.

¹ Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 282, 283.

В пользу предположения о конвергентном возникновении может быть приведен пример древнеэскимосской культуры на берегах Берингова пролива, где налицо такие же постоянные поселки и жилища, как в Бурети, — с каркасом из костей животных, такая же глухая одежда из шкур, так же богата резьба по кости, даже изображения женщин по форме удивительно близки к верхнепалеолитическим.

Нетрудно обнаружить и одинаковые условия, в которых закономерно возникли все эти яркие черты хозяйственного уклада и культуры древних эскимосов, сближающие их с палеолитическими людьми: охота на морского зверя, доставляющая необходимые запасы мяса и сала, соответствующая концентрация населения в местах, богатых морским зверем, суровые природные условия Арктики, первобытно-общинный уклад жизни со значительными следами обычаев и идеологии материнского рода.

Но древнеэскимосская культура хронологически отделена от верхнего палеолита многими тысячелетиями. В свете современных археологических открытий уже невозможно считать древнеэскимосскую культуру древнейшей в северной Азии. Она, несомненно, явилась результатом совершившегося в относительно недавнее время приспособления морских охотников и рыболовов, заселявших северную часть азиатского побережья Тихого океана и соседние острова, к арктическим условиям. Очень большое расстояние во времени уже само по себе исключает возможность прямой и даже косвенной связи эскимосов с мадленом, что является сейчас общепризнанным в науке. Сибирские же поселения солютрейско-мадленского облика совпадают по времени с аналогичными памятниками Запада. И те и другие одинаково датируются концом ледникового периода, временем существования в Европе и Азии «мамонтовой фауны»: носорогов, мамонтов, диких быков и лошадей, песцов, северного оленя. Кроме того, сходство в культуре мадленцев и эскимосов имеет лишь самый общий, приблизительный характер. Так, например, гарпуны эскимосов не мадленские по типу, их орнаментака совсем другая, чем в палеолите. Каменные и костяные орудия эскимосов имели вовсе не палеолитические формы, а на протяжении всего времени, охватываемого известными нам памятниками, сохраняли неолитический характер.

Совершенно иной характер, по своей сути, имеют черты сходства верхнепалеолитической культуры Сибири с культурой палеолитических людей, живших к западу от Урала. Существенно прежде всего то, что эти черты сходства проявляются именно в специфических деталях, а не носят лишь общий характер.

Рассматривая с этой точки зрения инвентарь Мальты и Бурети, нельзя не признать, что каменные орудия, характерные для этих двух поселений и не типичные для более поздних сибирских стоянок верхнепалеолитического времени (изделия из сравнительно правильных и тонких кремневых пластин, нуклеусы призматического типа, концевые скребки, клювовидные проколки), обнаруживают весьма близкое сходство именно с одновременными западными, европейскими поселениями, а не с восточными.

Не менее замечательно, что в Сибири обнаружены образцы палеолитического искусства, сходство которых с европейскими идет несравненно дальше простого случайного совпадения. Таковы прежде всего изображения женщин. Как в Европе, так и в Сибири мы видим один и тот же сюжет — нагую женскую фигуру во фронтальной позе, с одинаково подчеркнутыми чертами пола.

Безусловно, здесь имеются и своеобразные черты. Но разве нет их в отдельных памятниках одной и той же территории, скажем, на западе

СССР, где так различны образцы искусства, найденные, например, в Мезине и в Елисеевичах? Отсюда есть основания высказать предположение, что в конце ледникового времени происходило постепенное расширение области расселения западных племен верхнего палеолита и что уже к солютрейскому времени этот ареал охватил и области, лежащие далеко за Каменным поясом, вплоть до Байкала.

Сторонники взгляда о конвергентном возникновении палеолита Сибири могут сказать, правда, что между Доном и Байкалом нет никаких следов аналогичной культуры. На это замечание следует ответить тем, что специальных поисков палеолита в Западной Сибири, за исключением территории Алтая, никто не вел, а потому здесь будет найдено еще много неожиданного. Кроме того, единственное хорошо изученное палеолитическое поселение между Уралом и Енисеем, Томская стоянка, как раз относится к числу памятников, каменный инвентарь которых ближе к инвентарю «европейского» палеолита (изделия из пластин и отщепов).

Ссылаются, далее, на колоссальный водный барьер, когда-то отделявший в Западной Сибири Европу от Азии. Но такой барьер существовал задолго до появления солютрейско-мадленских стоянок на Ангаре и потому не имел никакого отношения к истории расселения верхнепалеолитического человека. Огромный водный бассейн, находившийся, как полагают геологи, в эпоху максимального оледенения (рисс) в Западно-Сибирской низменности, исчезает вслед за тем, как начинает таять великий сибирский ледниковый покров. С тех пор, по словам В. И. Громова, постепенно дренируются озера эпохи максимального оледенения, «формируется современная гидрогеографическая сеть в пределах современных долин крупных сибирских рек. Воды Оби, Иртыша, Енисея», получив выход к морю, после того как ледяной барьер стаял, «прорезали всю серию собственно ледниковых отложений на Севере и спроектировали к основаниям своих долин крупные валуны, принесенные ледниками».¹ В процессе эрозии, протекавшей неравномерно, образуются уступы речных долин — речные аккумулятивные террасы, с которыми и связаны поселения верхнепалеолитического человека.²

В связи с этим особое значение приобретает новая постановка вопроса о европеоидных чертах в облике неолитического населения Прибайкалья,

¹ В. И. Г р о м о в. Палеолитическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (Млекопитающие, палеолит). Тр. Инст. геол. наук АН СССР, вып. 64, геол. сер., № 17, 1948, стр. 295, 296.

² Следует отметить в связи с этим, что О. Н. Бадер в своей статье о позднечетвертичных палеоантропологических находках в среднем и нижнем Поволжье (Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 18, 1953, стр. 61—62) совершенно напрасно настаивает на длительном существовании «мощного географического барьера», отделявшего, по его словам, среднюю Европу от восточных областей. Ведь сам О. Н. Бадер пишет, что этот воображаемый «барьер», вызванный сближением материковых льдов и вод Каспия, а отчасти и Черного моря, существовал в хазарский период, т. е. не ранее чем в конце мустьерского времени! Тем более странно, что О. Н. Бадер пишет, будто бы «указанный барьер создал условия длительной изоляции между областями Евразии, лежащими к востоку и к западу от него, и делал немислмной массовую и ничем не вынуждавшуюся миграцию в начале позднего палеолита».

Столь же удивительно утверждение О. Н. Бадера, что параллели Мальте и Бурети следует искать в «южной половине Азии» — вплоть до Индии и Средиземноморья. Такому голословному утверждению противоречат как выражено прилединый характер мальтийско-буретской культуры, так и решительно все, что известно сейчас в науке о палеолите юго-западной и южной Азии. Что же касается мысли о связи стоянок типа Афонтовой Горы с ордосскими и вообще о смешении древнейших монголоидов и европеоидов, то она вовсе не является новой — см., например, «Историю Якутии» (т. I, Якутск, 1949, стр. 52—54).

изложенная в последних работах Г. Ф. Дебеца. Раньше он видел здесь результат метисации между монголоидным населением таежной зоны неолитического времени и европеоидными племенами степных районов, лежащих к западу от Енисея. Теперь Г. Ф. Дебец признает, что такая европеоидная примесь не могла проникнуть, как он полагал раньше, в неолитическое время или даже в бронзовом веке с Запада «через островки степей, цепочка которых тянется от Канска к Прибайкалью», и что она вовсе не локализуется только в южных районах Прибайкалья.¹ Дебец считает, что эта примесь, «по крайней мере в основном», относится к донеолитическому времени, когда «степи были, очевидно, распространены несравненно шире».²

К такому же выводу приводят наблюдения М. Г. Левина над новой коллекцией неолитических черепов из Верхоленского могильника. Как им установлено, черты европеоидности с полной ясностью обнаруживаются уже в самых ранних черепках из Верхоленска, относящихся по инвентарю погребений отчасти к концу исаковского культурно-исторического этапа или, самое позднее, к началу серовского времени на Лене.

Предположение о проникновении с Запада на Восток определенной группы палеолитических людей не снимает и другой важной проблемы, от решения которой зависит правильное освещение всего дальнейшего хода исторических событий в северной Азии.

Уже в материалах поселения у Военного госпиталя встречены массивные грубые изделия оригинального вида, резко отличающиеся от западных по типу солютрейских наконечников, изготовленных к тому же из другого материала — кварцита. Такие изделия не типичны для палеолита Запада. Откуда же они происходят и как объяснить их появление? Нам известно сейчас, что рубящие орудия с широким поперечным лезвием, изготовленные из целых речных галек, распространены на востоке Азии с весьма отдаленного, еще нижнепалеолитического времени. Там же имеются довольно близкие аналогии другим специфическим категориям каменных орудий Сибири. Нуклеусы-скребки принадлежат к числу наиболее широко распространенных в палеолите Забайкалья и Монголии орудий, где они представлены многими сотнями экземпляров. Грубые скребки с выпуклым, дугообразным лезвием, похожие на архаические скребла Мальты и Бурети, есть в стоянках Ордоса, в том числе в наиболее ранних, в фауне которых имеются носорог и слон (*Elephas namadicus*).³

Следует, однако, учитывать, что к югу от Гоби еще не известны столь развитые и устоявшиеся группы орудий, которые можно было бы сопоставить с сибирскими и северомонгольскими. Кроме того, за Хуанхэ в верхнем палеолите находился, повидимому, другой культурный мир, нам еще почти совершенно не известный, но по хозяйственному и бытовому укладу отличный от Монголии и Забайкалья.

Большого внимания заслуживают поэтому находки в пади Малый Кот в долине р. Куды, где несколько грубых каменных изделий восточных форм и среди них одно массивное рубящее орудие с поперечным лезвием, сделанное из рассеченной поперек гальки, оказались в том же месте, откуда происходит зуб слона-трогонтерия (*Elephas trogonterii*), залегав-

¹ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер., т. XVII, 1951, стр. 86.

² Там же, стр. 86, 93.

³ M. Boule, H. Breuil, E. Licent et P. Teilhard. Le paléolithique de la Chine. Arch. Inst. paléontol. humaine, Mém. 4. Paris, 1928, tab. XXI, fig. 4, 5, 6, 9; tab. XXIII, fig. 6, 7, 12; tab. XXIX, fig. 4; tab. XXX, fig. 11.

ший в отложениях весьма древней высокой террасы (IV терраса р. Куды, соответствующая VIII террасе р. Ангары выше Балаганска).¹ Эта терраса входит, по мнению геологов, в третий, постплиоценовый комплекс террас. Не менее интересен примитивный массивный отщеп из черного лидита со следами обработки его граней ветром и песком, найденный в 1952 г. на высокой древней террасе р. Селенги в г. Улан-Удэ вместе с «трехгранниками Вальтера», свидетельствующими о пустынном ландшафте. Сюда же относятся интереснейшие находки С. С. Черникова на Иртыше, где вместе с обычными для позднего палеолита Забайкалья и Монголии вещами из черного лидита оказались сильно окатанные остроконечники и грубые массивные отщепы.

Интересно также, что первая из пяти статуэток, найденных в Бурети, имела узкие «раскосые» глаза и низкий нос мягких, как бы расплывчатых очертаний. Не исключено, следовательно, что в Прибайкалье, а не только за Байкалом, к моменту проникновения сюда людей с Запада, уже издавна обитали какие-то немногочисленные группы местного населения.

В дальнейшем, проникая во все возрастающем количестве на запад, в Прибайкалье, восточные племена вступают в постоянный контакт с западными племенами, усваивают некоторые черты их культуры, но в то же время постепенно ассимилируют, «перерабатывают» их в своей массе как в культурном, так и в антропологическом отношении. В результате здесь в антропологическом облике населения наблюдаются лишь очень слабые европеоидные черты, кое-где сохранившиеся на общем, явно монголоидном, антропологическом фоне.

Могут, правда, показаться слишком большими масштабы такого расселения. Для того чтобы продвинуться по крайней мере от Урала до Байкала, западные племена должны были преодолеть огромные расстояния. От Ордоса до Олекмы также лежат тысячи километров. Необходимо выяснить причины подобного широкого расселения.

Нужно иметь в виду прежде всего тот факт, что люди палеолитической эпохи располагали достаточным для такого расселения временем, не только веками, но и тысячелетиями. Известно, что этнография дает немало примеров широкого и довольно быстрого расселения племен, стоявших на низком уровне культуры, не имевших домашних животных, кроме собаки. Таково расселение эскимосов в арктических странах от Берингова пролива до Лабрадора и Гренландии; таковы недавние, сравнительно разнообразные передвижения североамериканских индейцев с одной стороны континента на другую, засвидетельствованные археологами и историками. Процесс расселения при этом был нормальным и естественным в жизни этих племен и являлся следствием того, что в условиях первобытно-общинного строя, при низком уровне развития производительных сил и потребности в больших пространствах земли, которые могли прокормить охотников, собирателей и рыболовов каменного века, рост населения неизбежно приводил к поискам новых земель и к расселению людей в новые области.

Это расселение имело строго закономерный характер, так как протекало в виде непрерывного расчленения древних родов и племен, впервые описанного Морганом на этнографических материалах Северной Америки.

В своем конспекте «Древнего общества» Л. Г. Моргана К. Маркс писал об этом: «Новые племена и новые роды постоянно образо-

¹ Н. Н. Соколов и Н. В. Тюменцев. К вопросу о находке *Elephas trogonterii* Pall. в бассейне р. Ангары. Докл. АН СССР, т. LXIX, № 3, 1949, стр. 413—415.

вывались вследствие естественного роста; этот процесс сильно ускорился благодаря большому проявлению американского континента. Процесс был прост. Из какого-нибудь перенаселенного географического центра, имевшего особые преимущества в отношении добывания средств к существованию, [происходил] постепенный отлив населения. Так как это продолжалось из года в год, то на некотором расстоянии от первоначального местопребывания племен вырастало значительное население; с течением времени у переселенцев возникали особые интересы, они становились чуждыми своему племени по чувствам, наконец, появлялись различия в языке; за этим следовали разделение и независимость, хотя их территории соприкасались. Это повторялось из века в век, как во вновь занятых, так и в старых областях. Когда рост населения вызывал недостаток средств к существованию, избыточная часть населения уходила на новое место, где легко устраивалась благодаря совершенству организации управления в каждом роде, равно как и в любом числе родов, объединившихся вместе».¹

Это не были, следовательно, волны народов, двигавшихся через целые материка; это не были быстрые и катастрофические перемещения целых этнических массивов. Подобные движения относятся уже к значительно более поздним временам, когда обычным явлением стали большие племенные союзы, подготовленные длительным развитием производительных сил и хозяйства — в первую очередь скотоводства. В палеолите несомненно имел место совершенно иной по темпам и характеру медленный стихийный процесс просачивания отдельных групп.

Расселение древних охотничьих племен приобрело особенно широкие территориальные масштабы в верхнем палеолите вследствие того, что некоторое усовершенствование охотничьей техники, по сравнению с техникой мустьерского времени, должно было содействовать росту населения и вместе с тем к значительному сокращению средств существования в результате истребления дичи. Неизбежным последствием этого процесса должен был быть отлив населения из наиболее заселенных и ранее всего освоенных мест в пустынные, занятые до того ледниками области севера Европы и особенно Азии.

Одновременно с этим освоение новых территорий на севере стало возможным потому, что теперь существовало уже значительно более развитое, чем прежде, специальное охотничье вооружение, появились различные средства для ловли животных — копьёметалка, костяные наконечники копий и метательных дротиков, ловчие ямы, сети и изгороди. Были известны уже способы искусственного добывания огня. Люди научились строить как прочные постоянные жилища на зиму, так и переносные легкие шатры из шкур. У них появилась хорошо скроенная и сшитая сухожильными нитями меховая одежда. Все это позволило человеку преодолеть трудности, которые ставили перед ним суровые природные условия, не позволявшие ранее выходить за пределы областей с умеренным и теплым климатом.

Таким относительно быстрым расселением из единого центра в незаселенные или слабо заселенные области и следует, очевидно, объяснять

¹ К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Арх. Маркса и Энгельса, т. IX, ОГИЗ, Госполитиздат, 1941, стр. 79, 80. — Ср.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1947, стр. 108, 109.

на первый взгляд поразительное единообразие позднепалеолитической культуры Сибири. На территории Русской равнины, где население было, повидимому, гуще, а культура его древнее, события имели более сложный характер. Но и там в основе их лежали те же самые процессы.

Таковы некоторые общие контуры той сложной и динамической истории людей верхнего палеолита на территории СССР, которая теперь начинает вырисовываться перед нами из тьмы тысячелетий.

Задача советских исследователей — раскрыть на своем материале возможно полнее ход конкретных исторических событий, а вместе с тем и общие закономерности исторического процесса в эти древнейшие времена.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАЛЕОЛИТА

В изучении древнейшей палеолитической эры человечества перво-степенное значение имеет проблема периодизации палеолита. В разработке этой проблемы в зарубежной науке с большой остротой обнаруживается борьба прогрессивных и реакционных тенденций. Так, известно, что сторонники субъективно-идеалистических концепций в современной буржуазной науке о палеолите, выступая против материалистического понимания истории, рассматривают общество как механический агрегат индивидов, возникающий и изменяющийся случайно; характерно их стремление представить историю древнейшего человечества как смену и взаимодействие различных, «высших» и «низших» рас с изначально им присущей той или иной культурой. Исследуя с этой точки зрения палеолитическое прошлое, буржуазные ученые реакционного направления, естественно, отбрасывают в сторону проблему периодизации палеолита. Даже в сводных, обобщающих работах, охватывающих большой материал, относящийся к разным территориям и к разным эпохам палеолита, вопросы периодизации (если не иметь в виду членения плейстоцена по геологическим и палеонтологическим данным) по существу обходятся. В качестве примера можно привести вышедшие за последнее десятилетие книги Мовиуса,¹ Соте,² Цотца.³ Цотц в таблице, подытоживающей его обобщающий труд, посвященный палеолиту средней Европы,⁴ фактически стирает различия между древнепалеолитическими и позднепалеолитическими памятниками.

А между тем буржуазная археологическая наука имеет в прошлом немалые достижения в области разработки проблемы периодизации палеолита. Отдадим должное периодизации, разработанной Габриелем Мортилье. Это тем более необходимо, что нападки на периодизацию Мортилье со стороны современных буржуазных археологов не прекращаются и по сей день. Делаются попытки попросту отобрать у Мортилье разработанную им периодизацию. Так, Цотц пишет, что Мортилье всего лишь несколько доработал периодизацию Лартэ.⁵

Спрашивается: почему периодизация Мортилье вызывает и теперь, спустя более полувека после смерти ее автора, такую вражду в среде буржуазных археологов? Но более существенно другое: почему и по сей

¹ H. L. M o v i u s. Early man and pleistocene stratygraphy in Southern and Eastern Asia. Cambridge, Mass., 1944.

² M. S a u t e r. Préhistoire de la Méditerranée. Paris, 1948.

³ L. F. Z o t z. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951.

⁴ Там же, стр. 277.

⁵ Там же, стр. 13.

день советские археологи и историки первобытного общества в той или иной мере пользуются периодизацией Мортилье?

То, что советские археологи и историки первобытного общества в той или иной мере и по сей день пользуются как вспомогательной археологической периодизацией периодизацией Мортилье, в известной степени объясняется недостатками советской археологической науки, не разработавшей еще общепризнанной и устоявшейся периодизации палеолита. Но причина не только в этом. Почему периодизация Мортилье выдержала восьмидесятилетнее испытание временем?

Мортилье не был материалистом-диалектиком. Он выступал как передовой буржуазный ученый — материалист и атеист, представитель того периода развития буржуазной археологической науки, когда она еще двигалась вперед.

В построениях Мортилье немало глубоко ошибочного. Как всякий вульгарный материалист, он в ряде вопросов смыкается с идеализмом. Но периодизация Мортилье названа им индустриальной.¹ В ее основу он положил не развитие фибул, не смену погребального обряда, не смену ископаемых видов животных, а развитие орудий труда. Именно в этом заключается секрет долговечности периодизации Мортилье.

К. Маркс указывает, что развитие материального производства — это основа всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда».²

Давая высокую оценку периодизации Мортилье и рассматривая ее долговечность как явление неслучайное, необходимо в то же время подчеркнуть узость этой периодизации и то, что она не может удовлетворить советских исследователей палеолита, вооруженных марксистско-ленинским научным методом. Разработка периодизации палеолита — одна из важнейших задач советских исследователей.

Разоблачая субъективный идеализм народников, В. И. Ленин писал: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные“ и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними. — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс».³

Понимание любого этапа истории первобытно-общинного строя как закономерного процесса невозможно без научной периодизации.

Основоположниками марксизма-ленинизма выделены и охарактеризованы основные этапы развития первобытно-общинного строя: первобытное стадо, матриархальная родовая община, патриархальная родовая община. Эти этапы различаются между собой уровнем развития производительных сил, степенью сначала развития, а затем разложения господ-

¹ Г. и А. де - Мортилье. Доисторическая жизнь. СПб., 1903, стр. 15.

² К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1949, стр. 187.

³ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. 1, стр. 124—125.

ствующего в первобытно-общинном строе общего труда и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства, степенью развития разделения труда сначала естественного, впоследствии общественного, степенью крепости родовых связей, вначале развивающихся, затем ломающихся.

Разрабатывая периодизацию палеолита, советские исследователи исходят из даваемой основоположниками марксизма-ленинизма характеристики первобытного стада, матриархальной родовой общины и патриархальной родовой общины. Не меньшее значение для разработки периодизации палеолита имеют узловые моменты в развитии производительных сил на ранних этапах развития первобытно-общинного строя, наиболее подробно охарактеризованные в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и в работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Такими узловыми моментами являются: 1) появление первых орудий труда (очеловечение обезьяны); 2) освоение искусственного добывания огня, впервые давшее человеку господство над определенной силой природы и благодаря этому окончательно оторвавшее его от животного царства; 3) появление лука и стрел, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а охота значительно усовершенствовалась.

Не говоря уж о появлении первых орудий труда, следует отметить, что открытие добывания огня трением, равно как и изобретение лука и стрел, повлекло за собой большие перемены в состоянии первобытного хозяйства и в состоянии первобытно-общинных общественных отношений. Было бы грубой, вульгаризаторской ошибкой считать, что такие перемены произошли автоматически, одновременно с соответствующими изменениями в состоянии производительных сил: мы имеем здесь дело с достаточно длительным и сложным процессом.

Столь же серьезной ошибкой была бы попытка трактовать этапы развития первобытно-общинного строя как совершенно обособленные, не связанные между собой: «... эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно-строгими разграничительными линиями».¹

Прежде чем пытаться установить более подробную периодизацию палеолита, необходимо остановиться на значимости делений такой периодизации. Для эпохи палеолита, в отличие от последующих эпох, характерно сходство развития культуры на весьма обширных пространствах.² В древнем палеолите на всей довольно обширной территории, заселенной питекантропами и неандертальцами, развитие культуры было однородным. Если некоторые местные различия и были, то они выражались в использовании для изготовления орудий той или другой породы камня, имеющейся в данной местности, в охоте преимущественно на того или иного животного (пещерный медведь, горный козел, зубр и т. д.), водившегося на данной территории, в заселении гротов в горной, богатой естественными укрытиями местности. Других отличий археологические материалы не отражают.

В древнем палеолите отсутствовали большие локальные группы населения, различавшиеся своей культурой.

Таким образом, периоды древнего палеолита имеют всеобщее значение. Сходство на этой ступени развития орудий производства, форм хозяйства

¹ К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1949, стр. 377.

² Ср.: А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 18, 27.

и идеологии у разных этнических групп, часто очень далеко живших друг от друга, объясняется как единством происхождения древнейшего человечества, так и главным образом одинаковой примитивностью древнейшей культуры. Люди повсюду делали первые шаги на пути покорения окружающей природы, повсюду начинали трудиться с помощью одинаково примитивных палок, дубин, копий, грубых каменных орудий. Первоначально хозяйство было еще мало развито, в малой степени осуществлялось покорение окружающей природы с использованием тех или иных ее особенностей, с приспособлением к этим особенностям; люди были еще мало искусны в этом отношении.¹

Культурные различия в таких условиях возникали лишь очень медленно и постепенно.

В позднем палеолите, в связи с дальнейшим усложнением хозяйства, техники и культуры, с большей степенью овладения человеком окружающей природой, возникают три большие области развития позднепалеолитической культуры. По терминологии, предложенной С. Н. Замятниным,² это: 1) африканско-средиземноморская область, 2) европейская приледниковая область и 3) сибирско-китайская область. Но внутри каждой из этих областей археологический материал позволяет констатировать значительное сходство хозяйства и техники. Следовательно, для каждой из них должны быть установлены свои дробные периоды позднего палеолита.

В неолите и в позднейшие эпохи оформляются более дробные культурные различия, связанные с отдельными племенными группами.

Таким образом, значимость делений периодизации палеолита оказывается неоднородной для разных эпох. Для наиболее ранних эпох такие деления имеют всеобщее значение. По мере перехода к более поздним эпохам постепенно уменьшаются размеры территории, которые могут быть охвачены какой-либо одной периодизацией.

Основоположники марксизма-ленинизма в ряде своих работ подчеркивают необходимость выделения начального этапа истории первобытно-общинного строя, предшествующего сложению матриархальной родовой общины, — этапа первобытного стада.³ Этой одной большой исторической эпохе, эпохе первобытного стада, соответствует, по нашему мнению, весь древний палеолит. Выделение между первобытным стадом и матриархальной родовой общиной особой промежуточной эпохи («община с кровнородственной семьей», «первобытная эндогамная община» и т. д.) ошибочно. Оно противоречит положениям К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, рассматривающих историю первобытно-общинного строя как историю зарождения, развития и разложения родового строя.

Археологический и антропологический материал также свидетельствует о невозможности выделения в древнем палеолите двух особых исторических эпох. Шелльские, ашельские и мустьерские стоянки и местонахождения тесно связаны между собой, соединены множеством

¹ «Разнообразие природного окружения еще никак не преломляется в облике культуры, слишком для этого слабой» (С. Н. З а м я т н и н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 117).

² С. Н. З а м я т н и н, указ. соч.

³ В. И. Л е н и н. А. М. Горькому. Сочинения, т. 35, стр. 93; В. И. Л е н и н. Государство и революция. Сочинения, т. 25, стр. 361; И. В. С т а л и н. Анархизм или социализм? Госполитиздат, 1948, стр. 15.

переходных звеньев, резко не разграничены. Уже древнейшие люди шелльского времени, наряду с собирательством, от случая к случаю занимались охотой на крупных животных¹ и изредка заселяли пещеры.² В то время как неандерталец, несмотря на наличие черт генетической связи, резко отличается от позднепалеолитического *Homo sapiens*, между неандертальцем, питекантропом и синантропом есть немало переходных форм.³

На протяжении всего древнего палеолита, вплоть до позднемустьевого времени, прослеживается постепенное развитие техники обработки камня, охотничье-собирательского хозяйства, зарождение первых элементов оседлости.

Все это является количественными изменениями. Но качественные сдвиги, которые позволили бы разделить древний палеолит на две эпохи общественного развития («первобытное стадо» и «община с кровнородственной семьей») или на две эпохи хозяйственного развития («собирательское хозяйство» и «охотничье хозяйство»), не прослеживаются.

Если весь древний палеолит соответствует одной большой исторической эпохе, то в его рамках можно все же выделить шелльскую, ашельскую и мустьево-мустьево-хронологические ступени. Они не соответствуют определенным этапам развития первобытного общества, но лишь отмечают последовательные ступени развития первобытной техники и в некоторой степени хозяйства. Советские исследователи вкладывают в эти обозначения принципиально иное содержание, нежели реакционные буржуазные археологи, и разоблачают расистские построения реакционных буржуазных археологов о наличии в древнем палеолите обособленных «высших» и «низших» рас, носителей разных приемов обработки камня («клектон», «премустье», «аббевиль» и т. д.). Несомненно, что открытие и исследование на территории СССР новых древнепалеолитических местонахождений позволит в дальнейшем советским исследователям заменить также и археологические термины, основанные на материалах французских местонахождений, плохо изученных в XIX в.

Совершившийся на всей заселенной древнейшими людьми территории переход от древнепалеолитической техники и культуры к позднепалеолитической, от неандертальца к человеку современного физического типа (*Homo sapiens*) мы рассматриваем как переход от первобытного стада к матриархальной родовой общине.

Переход этот, один из самых решающих в истории человечества, носил скачкообразный характер, но, разумеется, не был взрывом.

Переход от древнего палеолита к позднему был подготовлен длительнейшим постепенным развитием. Сам по себе он занял немало времени. В позднепалеолитической технике, хозяйстве, культуре, в физическом типе позднепалеолитического человека сохранилось немало черт генетической связи с предшествующей эпохой. Но в то же время бесспорны качественные различия в физическом строении всех неандертальцев, с одной стороны, и всех позднепалеолитических людей — с другой.⁴

¹ В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951; Г. И. Борисковский. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950, стр. 28—30.

² С. Н. Замятин. О первоначальном заселении пещер. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

³ В. П. Якимов, указ. соч.

⁴ Я. Я. Рогинский. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951.

Столь же резкие качественные различия прослеживаются в состоянии техники, хозяйства, культуры при сопоставлении материалов даже самых поздних мустьерских и самых древних позднепалеолитических памятников.

Подготовка перехода от первобытного стада к новому этапу развития первобытно-общинного строя, естественно, началась с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства. Огромную роль в подготовке этого перехода, этого скачка сыграло освоение способов искусственного добывания огня, происшедшее еще в конце древнего палеолита, у неандертальцев. О том, что открытие добывания огня трением можно приурочить именно к мустьерской эпохе, свидетельствует широкое распространение в мустьерских стоянках остатков костров, скоплений золы и углей, остатков обгорелых костей. Если бы неандертальцы умели только поддерживать и использовать случайно полученный огонь, то при отсутствии оседлости, постоянных перекочевках, при холодном климате и сильных холодных ветрах частое угасание огня и потеря его навсегда многими группами людей были бы неизбежны. Это препятствовало бы распространению огня, следы использования которого широко известны в поселениях того времени.

Освоение способов искусственного добывания огня явилось одним из важнейших этапов на пути развития человечества. Огонь дал человеку постоянную и надежную защиту от холода и диких зверей, сделал человека независимым от климата, позволил ему расселиться по поверхности земли, во много раз расширил источники его питания. Огонь сыграл важнейшую роль в изготовлении первобытных орудий, в развитии способов первобытной охоты и рыболовства. Значение освоения человеком способов искусственного добывания огня для подготовки перехода от первобытного стада к матриархальной родовой общине можно сравнить со значением освоения человеком обработки железа для подготовки в историческом плане перехода от первобытно-общинного строя к обществу рабовладельческому.

Таким образом, мы видим, что предпосылки перехода от первобытного стада к матриархальной родовой общине постепенно вызрели еще в первобытном стаде, на мустьерской хронологической ступени древнего палеолита.

Высказываются предположения, что матриархальная родковая община возникла не на рубеже, отделяющем поздний палеолит от древнего палеолита, а еще в самом древнем палеолите. Однако следует учесть, что утверждения советских исследователей о возникновении матриархального родового строя в позднем палеолите основаны на ряде твердо установленных для этого времени фактов, таких, как появление больших постоянных общинных жилищ, важная роль женщин в хозяйстве, распространение женских изображений с подчеркнутыми признаками женщины-матери и т. д. Для древнего палеолита такие и им подобные факты отсутствуют. Это не позволяет с какой-либо долей определенности говорить о существовании матриархального родового строя уже у неандертальцев мустьерской ступени.

Матриархальный родовой строй достиг расцвета со всеми хорошо выраженными признаками рода и состоящего из нескольких родов племени тогда, когда совершился переход от периода преимущественно присвоения готовых продуктов природы к периоду введения скотоводства и земледелия, к периоду усвоения методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности, т. е. в эпохи мезолита и неолита. Поздний палеолит — это эпоха существования матриархаль-

ного родового строя на ранней ступени его развития, эпоха существования родовых языков, эпоха существования группового брака. Едва ли на этой ступени развития уже возникло племя как более крупная и более устойчивая, чем род, единица.

Но как обстоит дело с более дробной и детальной периодизацией позднего палеолита?

Для позднего палеолита европейской приледниковой области, точнее для входящей в нее территории Русской равнины, советскими исследователями выдвинуты схемы периодизации, основанные на многочисленных материалах палеолитических поселений СССР. Я имею в виду предложенное П. П. Ефименко деление позднего палеолита Русской равнины на тельманскую, костенковскую, мезинскую, кирилловскую, гонцовскую и боршевскую ступени,¹ а также деление позднего палеолита Украины на семь ступеней.² Эти периодизации содержат еще ряд очень спорных положений и должны подвергнуться широкому обсуждению среди советских археологов и историков первобытного общества. Выделяемые хронологические ступени не имеют за собой большого исторического содержания; они не представляют собой этапов развития матриархального родового общества в начале его существования; они не представляют собой даже этапов развития охотничье-собирательского хозяйства. Большая часть позднего палеолита Русской равнины (начиная со времени Тельманской стоянки и Пушкарей I и кончая временем Мезина, нижних культурных слоев Кирилловской стоянки и Гонцов) характеризуется одинаковыми типами поселений и жилищ (оседлость, общинные жилища — землянки и полуземлянки, обширные постоянные охотничьи поселения), одинаковыми формами охотничьего хозяйства (преобладание охоты на мамонтов). Это один этап развития первобытного охотничье-собирательского хозяйства; выделяемые внутри него хронологические периоды различаются между собой только степенью совершенства обработки камня и кости. Таким образом, перед нами второстепенные различия. В процессе общественного труда происходило усовершенствование орудий и техники их приготовления, вызванное желанием людей облегчить свой труд и добиться ближайшей, ощутимой выгоды. В первую очередь совершенствовались охотничье оружие и орудия, предназначенные для его изготовления. Шли два технических процесса: замена кремневого охотничьего оружия костяным и развитие вкладышевой техники.

В поселениях начала позднего палеолита, по направлению от более древних к более поздним, можно наблюдать постепенное усовершенствование охотничьего оружия в виде различных кремневых острий и наконечников, к обработке которых в определенный период начинает применяться солотрейская отжимная ретушь. Исчезновение последней совпадает со временем распространения костяных наконечников охотничьего оружия. В таких поселениях, как Гагарино, Мезин, Амвросиевка, сначала исчезает солотрейская отжимная ретушь, а затем кремневые острия и наконечники.

Распространение костяного охотничьего оружия, связанное с несколько более высоким уровнем развития охотничьего хозяйства, вероятно, способствовало исчезновению солотрейской отжимной ретуши, а вслед за тем и кремневых наконечников. Речь идет именно о появлении

¹ П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Матер. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950.

² П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.—Л., 1953.

костяных наконечников охотничьего оружия, а не об общем расцвете обработки кости, так как в таких поселениях, как Костенки I и Авдеево, вместе с превосходными кремневыми наконечниками найдено много костяных изделий, однако костяные наконечники в них в основном отсутствуют.

Все же главным в этом процессе, видимо, была не замена кремневых наконечников охотничьего оружия костяными, а распространение вкладышевой техники, связанное с микролитизацией кремневого инвентаря и находившее применение прежде всего опять-таки в охотничьем оружии. Исчезновение вслед за салютрейской отжимной ретушью кремневых наконечников охотничьего оружия совпадает с распространением кремневых вкладышей — миниатюрных пластинок и острий с затупленным краем. Основное содержание этого процесса — выработка составных наконечников дротиков, а вслед за тем и наконечников стрел, выработка вкладышей, игравших столь большую роль в мезолите и неолите.

Только последний этап развития позднепалеолитической культуры (боршевская ступень П. П. Ефименко) отличается от всех предыдущих новыми формами хозяйства, поселений, жилищ. Этот этап открывает собой переход к мезолиту и в то же время переход к новому этапу развития первобытного хозяйства. С ним можно предположительно связывать появление лука и стрел. Мы встречаемся с самыми первыми этапами того процесса, который завершился формированием неолитической культуры и хозяйства.

Схема хронологических ступеней для позднего палеолита территории Закавказья разработана С. Н. Замятниным.¹ Три хронологические ступени, выделяемые С. Н. Замятниным, точно так же различаются между собой лишь степенью совершенства обработки камня и кости.

Для сибирско-китайской области развития позднепалеолитической культуры схема хронологических ступеней разработана Г. П. Сосновским.² О значимости этих ступеней можно сказать то же, что было сказано о значимости хронологических ступеней, выделяемых в позднем палеолите Русской равнины и Закавказья. Разумеется, все эти схемы хронологических ступеней должны подвергнуться широкому обсуждению среди советских археологов и историков первобытного общества.

Разработка вопросов периодизации палеолита не должна подменять конкретной истории отдельных групп палеолитического человечества (стадо, род). В процессе исследования конкретной истории этих групп несомненно будут создаваться еще более дробные периодизации, охватывающие те или иные территории, — периодизации, подчиненные общим построениям.

¹ С. Н. З а м я т н и н. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2.

² Г. П. С о с н о в с к и й. Палеолитические стоянки Северной Азии. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934.

А. А. Ф О Р М О З О В

ПЕРИОДИЗАЦИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Периодизация памятников каменного века, выработанная на Западе еще в конце прошлого столетия, в течение долгого времени применялась русскими археологами, изучавшими палеолит и мезолит Восточной Европы. Иначе и быть не могло, пока не были накоплены данные стратиграфических наблюдений над развитием кремневой индустрии палеолитического человека в нашей стране, пока были известны лишь отдельные палеолитические стоянки, не подвергшиеся широкому раскопкам и давшие очень небольшой материал.

Однако первые исследователи русского палеолита ясно сознавали необходимость выявления его своеобразных черт и построения периодизации, основанной на своих, а не на удаленных территориально западных матерпалах. «Свой палеолит мы должны изучать самостоятельно, прибегая к западному лишь для сравнения», — писал в первой сводке по русскому палеолиту А. А. Спицын.¹ При широких исследованиях советских археологов на восточноевропейских верхнепалеолитических стоянках в 1920—1950 гг. был, наконец, собран огромный материал по истории развития палеолита, кое-где подкрепленный и стратиграфическими данными. Это позволило П. П. Ефименко и П. И. Борисковскому дать первые схемы периодизации палеолита Европейской части СССР, несомненно нуждающиеся еще в дальнейшем уточнении и согласовании.²

Еще более насущной задачей является создание периодизации мезолитических стоянок СССР. Последняя сводка М. В. Воеводского ясно показала глубокие различия в материальной культуре мезолита разных районов, делающие совершенно невозможным размещение как северных, так и южных мезолитических культур в рамках азийской и тарденуазской стадий.³ Между тем в литературе сплошь и рядом встречаются определения крымских стоянок как азийских и тарденуазских, хотя исследователи поневоле должны оговаривать отличие крымского мезолита от азия и тарденуаза Франции.⁴ Что же

¹ А. А. С п и ц ы н. Русский палеолит. ЗОРСА, т. XI, 1915, стр. 172.

² П. П. Е ф и м е н к о. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Матер. по четверт. периоду СССР, т. II, 1950; П. И. Б о р и с к о в с к и й. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. СА, XV, 1951.

³ М. В. В о е в о д с к и й. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИМК, вып. XXXI, 1950.

⁴ См., например, у Д. А. Крайнова в его работе «Пещерная стоянка Замиль-Коба № 1» (Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 32).

касается мезолитических стоянок лесной зоны Восточной Европы, стоянок свидаерского типа, то их включают и в поздний мадлен,¹ и в азиль,² и в тарденуаз,³ хотя полное отсутствие геометрических орудий в этих стоянках делает последние определения совсем необоснованными.

Настала пора выработать независимую от западных аналогий периодизацию мезолита Восточной Европы, отражающую как общие черты развития техники, так и своеобразие культуры отдельных районов. Ниже дается первая попытка такой периодизации, в ряде пунктов, пожалуй, еще недостаточно обоснованная, но все же позволяющая более ясно представить ход развития материальной культуры мезолита в Европейской части СССР.

Начнем наш обзор этапов развития мезолитических культур Восточной Европы с Крыма, ибо здесь лучше, чем где-либо, собран материал о стратиграфии мезолитических стоянок, полученный при раскопках пещер. Кроме того, в четко выделяемых культурных слоях пещер Крыма найдены и фаунистические остатки, являющиеся ценным источником для распределения стоянок по разновозрастным группам. Древнейший этап мезолита представлен в горном Крыму гротом Буран-Кая (раскопки О. Н. Бадера),⁴ нижним слоем пещеры Замиль-Коба № 1 (раскопки Д. А. Крайнова),⁵ четвертым, пятым и шестым слоями навеса Шан-Коба⁶ и шестым слоем навеса Фатьма-Коба⁷ (раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского и С. Н. Бибикова). Мощные культурные отложения разных этапов развития мезолита, перекрывающие нижние слои Шан-Кобы и Фатьма-Кобы, определенно говорят о том, что материальная культура этой группы памятников лежит в основе мезолита Крыма. О том же свидетельствует состав фауны указанных стоянок, в котором наличествуют бизон (Буран-Кая, Замиль-Коба), сайга (Буран-Кая, Шан-Коба), дикая лошадь (все указанные памятники), дикий осел (Буран-Кая, Шан-Коба) и пещерный лев (Буран-Кая), отсутствующие в верхних слоях Шан-Кобы и одновременных им памятниках (Мурзак-Коба и др.).

В полном соответствии с этим кремневый инвентарь грота Буран-Кая и других стоянок очень архаичен. В нем представлены односторонне обработанные нуклеусы палеолитического облика, грубые концевые скребки и угловые и боковые резцы на отщепах и пластинках, вполне аналогичные позднепалеолитическим орудиям. Очень характерные для позднего палеолита Крыма (Сюрень I) пластинки с притупленной спинкой в раннем мезолите, однако, встречаются редко. Повидимому, их заме-

¹ L. Sawicki. Wiek przemysłu świiderskiego w świetle geomorfologii podwarszawskiego odcinka pradoliny Wisły. Księga pamiątkowa ku uczczeniu 70-rocznicy urodzin prof. W. Demetrykiewicza. Poznań, 1930.

² В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I. Л., 1939, стр. 255.

³ А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1948, стр. 19.

⁴ Коллекция в Музее антропологии Московского Государственного университета. О стоянке см.: О. Н. Бадер. Новые данные по палеолиту горного Крыма. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 6—7, 1940, стр. 87.

⁵ Д. А. Крайнов, указ. соч. — Коллекция в ГИМ.

⁶ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934; С. Н. Бибилов. Предварительный отчет о работах Крымской экспедиции 1935 г. СА, I, 1936. — Коллекция в МАЭ.

⁷ Коллекция в МАЭ. О стратиграфии стоянки см.: Г. Ф. Дебеп. Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму. Антропол. журн., 1936, № 2, стр. 144, 145.

нили геометрические орудия, являвшиеся более совершенными вкладышами для костяных и деревянных наконечников с пазами.¹

В стоянках группы Буран-Каи геометрических орудий найдено много (в Буран-Кае 24 из 75 орудий). Это главным образом сегменты, реже трапеции. Так, в Буран-Кае — сегментов 17, трапеций 7; в Замиль-Кобе — сегментов 63, трапеций 11. Древнейшие геометрические орудия Крыма еще очень большие, длина их до 3 см, ширина до 1.5 см.

Памятники несколько более позднего времени в последних работах по мезолиту (С. Н. Бибиков, М. В. Воеводский) рассматриваются вместе с описанными выше азильскими пещерными стоянками. Однако еще Г. А. Бонч-Осмоловский наметил специфические черты в инвентаре стоянок, следовавших по времени за нижними слоями Шан-Кобы.² Фауна этих стоянок, характер обработки кремня, типы скребков и резцов в основном те же, что в Буран-Кае и аналогичных памятниках, но совершенно новыми стали кремневые изделия, связанные с метательным оружием. Резко уменьшилось число геометрических орудий, и в то же время появились иволчьи наконечники стрел из ножевидных пластинок. В Шан-Кобе этому периоду соответствует второй горизонт третьего слоя. В нем за многие годы раскопок найдено лишь около 10 геометрических орудий; наконечники же стрел на пластинках представлены 9 экз.: 6 иволчьих наконечников длиной около 4.5 см, шириной 1.2 см имеют плоскую ретушь с брюшка; 3 обломка принадлежат черешковым наконечникам. К этому же времени относится верхний слой Замиль-Кобы № 1, давший лишь 12 геометрических форм на 200 орудий,³ и пятый слой Фатьма-Кобы, в котором геометрических орудий не обнаружено. В обоих памятниках найдены обломки черешковых наконечников стрел из пластинок.

Особенно хорошо представлен этот период мезолита Крыма однослойной стоянкой Сюрень II (раскопки Н. С. Мережковского и Г. А. Бонч-Осмоловского).⁴ Здесь на небольшой площади найдено более 20 иволчьих наконечников стрел и всего лишь 7 геометрических орудий. Близкий по остальному инвентарю к группе Буран-Каи материал из Сюрени II и сходных с ней стоянок отражает существенные изменения в развитии метательного оружия, имевшие место в середине мезолита. Поэтому стоянки группы Сюрени II следует выделять как особый этап в истории мезолита Крыма.

Материалы из первого горизонта третьего слоя и из второго слоя Шан-Кобы, а также из слоев с четвертого по первый Фатьма-Кобы показывают, что дальнейшее развитие кремневой индустрии в Крыму снова пошло по пути совершенствования вкладышевой техники. Наконечников стрел в этих слоях нет, а геометрических орудий много. Это уже не крупные сегменты, а главным образом трапеции, многие из которых отличаются миниатюрностью (длина до 1 см, ширина до 0.5 см).

Стоянки с большим числом трапеций, называемые обычно тарденуазскими, широко распространены в Крыму. Их характеризует фауна совре-

¹ О вкладышевом назначении пластинок с притупленной спинкой и геометрических орудий см.: М. Д. Гвоздовер. Вкладышевый наконечник со стоянки Талицкого. УЗМГУ, вып. 158, 1952; С. Н. Бибиков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднелеолитических обществ Крыма. УЗЛГУ, сер. истор., вып. 13, 1949, стр. 21, 22.

² Г. А. Бонч-Осмоловский, указ. соч., стр. 160.

³ Отнесение верхнего слоя Замиль-Кобы № 1 ко времени Мурзак-Кобы (М. В. Воеводский, указ. соч., стр. 112) неправильно, что ясно видно по архаической фауне стоянки (сайга, дикий осел) и ее инвентарю.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский, указ. соч., стр. 160. — Коллекция в МАЭ.

менного типа с резким преобладанием в находках остатков кабана. Костей бизона, сайги и т. д. нет совсем. В кремневой индустрии отмечаются уменьшение числа боковых резцов и сегментов и распространение мелких круглых скребков на отщепах и резцов на углу сломанной пластинки. Среди односторонне обработанных нуклеусов появляются единичные экземпляры, приближающиеся к плоским и коническим, характерным для крымского неолита. Типичный памятник этого периода мезолита в Крыму — грот Мурзак-Коба, раскопанный С. Н. Бибиковым.¹ Среди найденных здесь орудий наблюдается следующее соотношение: из 20 геометрических орудий — 13 трапеций, из 25 резцов — 7 резцов на углу сломанной пластинки, из 24 нуклеусов — 3 приближающихся к плоским и 2 вытянутых, близких к коническим, из 46 скребков — 26 круглых. Большая часть из них имеет диаметр не более 3 см и сплошную краевую обработку. Весь инвентарь изготовлен на тонких пластинках, более изящных и правильных, чем пластины Буран-Кай и Сюрени II.

Первый слой Шан-Кобы показывает дальнейшее развитие материальной культуры Крыма. Близкий к нему материал дают пещерные стоянки Зуя I (раскопки В. В. Лоренца)² и Алимовский навес (наши раскопки), но наиболее полно характеризуется этот этап истории Крыма по открытым стоянкам Яйлы — плато первой гряды Крымских гор.³ Стоянки Яйлы, кроме тех же типов орудий, что дала Мурзак-Коба, дают некоторые новые виды изделий из кремня. Впервые появились специфические типы вкладышей — сегменты, вершина которых обработана по дуге плоской ретушью, и высокие трапеции со струганой спинкой, имеющие характерную подправку спинки плоскими узкими фасетками, нанесенными отжимом с боков трапеции. Изучение стратиграфии Шан-Кобы позволило С. Н. Бибикову доказать, что оба типа орудий появляются позже тарденуазского комплекса (Мурзак-Коба) и относятся собственно к неолитическому времени.⁴ Находки трапеций со струганой спинкой в Марнупольском могильнике, стоянке Вовчок на Днепровских порогах, в верхнем слое стоянки у Красного озера в Приазовье, в Кистрике на Кавказе также говорят о характерности этого типа вкладышей для эпохи неолита и раннего металла. Очень характерны для яйлинских стоянок и плоские нуклеусы со скошенными вершинами, с одной стороны грубо обколотые или сохранившие поверхность корки, а с другой — несущие негативы сколов узких пластин. Следует отметить также и широкое распространение на стоянках Яйлы миниатюрных круглых скребочков, диаметром до 0,7 см, и концевых скребков на пластинах с асимметрично изогнутым в одну сторону краем. Очень мало на яйлинских стоянках резцов.

Наиболее полно изучены из стоянок Яйлы Ат-Баш (раскопки Б. С. Жукова) и Юсуповский бассейн (раскопки О. Н. Бадера). Соотношение в типах орудий на этих стоянках таково: Ат-Баш — из 66 геометрических орудий — 9 трапеций со струганой спинкой и 8 сегментов с подработанной вершиной, из 49 нуклеусов — 15 плоских и 3 конических,

¹ С. Н. Бибиков. Грот Мурзак-Коба. СА, V, 1940. — Коллекции в МАЭ.

² Коллекции Симферопольского музея.

³ Основные коллекции в Музее антропологии Московского Государственного университета и в Ялтинском музее. Из литературы см.: А. С. Моисеев. Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле. ИТУАК, № 57, 1920; он же. Каменный век на Крымской яйле. Природа, 1923, № 7—12; Б. С. Жуков. Раскопки и обследования культуры микролитов на Ай-Петринской яйле, Крым, 1927, № 2 (4); О. Н. Бадер. Некоторые итоги изучения эппалеолита в Крыму. (Тезисы доклада). 1936; он же. Изучение эппалеолита Крымской яйлы. СА, V, 1940.

⁴ С. Н. Бибиков. К вопросу о неолите в Крыму КСНИМК, вып. IV, 1940.

остальные массивные односторонние, резцов всего 6; Юсуповский бассейн — из 73 нуклеусов — 24 плоских и 2 конических, из 98 геометрических орудий — 7 сегментов с обработанной вершиной и 25 трапеций со струганой спинкой. Неолитический возраст стоянок подтверждается находкой днища остродонного сосуда в очаге на Ат-Баше¹ и находкой двусторонне обработанных листовидных наконечников стрел в Юсуповском бассейне.

Имеющиеся в нашем распоряжении коллекции позволяют, таким образом, проследить развитие материальной культуры населения горного Крыма от раннего мезолита до неолита и наметить четыре этапа этого развития: 1) этап Буран-Коба, 2) этап Сюрени II, 3) этап Мурзак-Кобы, 4) этап яйлинских стоянок.

В других районах нашей страны мы не имеем столь ясных стратиграфических данных о развитии материальной культуры в мезолите. Стоянки этого времени на Русской равнине связаны с дюнами, костные остатки на них не сохранились, да и самый материал нередко собран на песчаных выдувах, а не зафиксирован в первичном залегании. Некоторые стратиграфические наблюдения возможны, однако, и на дюнах. Мы располагаем ими для мезолитических стоянок Литвы и северо-запада Белоруссии, тесно связанных по характеру материала с так называемой свидерской культурой Польши.

Работы польских археологов позволили установить ряд этапов развития свидерской культуры. Древнейшие свидерские стоянки, вроде стоянки Новый Млын (к северу от Кельцов), сохраняют целиком мадленские формы боковых и угловых резцов, косых острий, концевых скребков на укороченных пластинках и пластинок с притупленной спинкой типа граветт. Все орудия изготовлены на широких пластинках, отделенных от односторонне обработанных нуклеусов. Вместе с этим инвентарем встречен ряд иволжистых и черешковых наконечников стрел, сделанных из пластинок.²

Более поздние стоянки, как сама стоянка Свидры Виельке I в Польше³ и многие стоянки Литвы и Белоруссии (Рудня близ Лиды, Шервины близ Вильнюса,⁴ Эйгуляй⁵ и др.), сохраняя в инвентаре ряд палеолитических черт, имеют уже развитой мезолитический характер. Пластины, отделенные от односторонне обработанных нуклеусов, гораздо правильнее и тоньше, чем в Новом Млыне. Среди резцов отмечается преобладание боковых над угловыми и появление резцов на углу сломанной пластинки. Полностью отсутствуют пластинки с притупленной спинкой. Наконечники стрел очень многочисленны и отличаются исключительной тонкостью обработки.

В позднейших стоянках — Свидры Виельке II, Пувочай и др. — появляются нуклеусы, близкие к коническим, и округлые скребки на отщепах.

Еще более поздние мезолитические памятники Польши (стоянки района Стопницы, Кракова, Варшавы, Поморья),⁶ Белоруссии и Литвы (стоянки

¹ Необходимо отметить, что керамика на Яйле сохраняется плохо, чем и объясняется ее отсутствие на большинстве стоянок.

² L. S a w i c k i. Przemysł świdorski i stanowiska wydmowego Świdry Wielkie I. Przegląd Archeologiczny, t. V, zes. 1, Poznań, 1935, tab. XX—XXI.

³ Там же.

⁴ В. А н т о н е в и ч. Древнейшие остатки человека в северо-восточной Польше и Литве. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934.

⁵ Р. Я б л о н с к и е. Мезолит Литвы. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 42.

⁶ L. K o z ł o w s k i. Epoka kamienia na wydmach Wschodniej Części wyżyny Małopolskiej. Archiwum nauk antropologicznych, II, № 3, Lwów — Warszawa, 1923; L. K o z ł o w s k i. L'époque mésolithique en Pologne. L'Anthropologie, XXXVI, Paris, 1926; J. K o s t r z e w s k i. Nouvelles fouilles et découvertes en Poméranie

района Лиды, Слонима, Бреста-Влодавы)¹ имеют иной, «тарденуазский» характер. На них много орудий геометрических форм — главным образом трапеций, реже сегментов и высоких треугольников с крутой ретушью по сторонам. Многочисленны пластинки с притупленной спинкой миниатюрных размеров и круглые скребки, имеющие иногда характерные выемки и выступы по краю. Среди нуклеусов немало конических. Выделившие эту группу памятников польские археологи не считали возможным связывать их происхождение со свидерской культурой и предполагали приход тарденуазцев из Средиземноморья.² Однако для этого вывода нет оснований. Памятники тарденуазского типа всюду выделялись по сборам на дюнах, причем из микролитического материала выбирались иволистные наконечники стрел и ряд орудий на пластинках, которые относились к свидерской культуре, а другую группу составляли геометрические орудия, конические нуклеусы, пластинки с притупленной спинкой и т. д., образующие «тарденуазский комплекс». Мы знаем, однако, по неолитическим материалам, что наконечники стрел на пластинах бытуют долго и нельзя ограничивать их существование свидерской эпохой. В бассейне Горыни Л. Савицким изучен ряд стоянок, давших чистые комплексы орудий из кремня без примеси поздних материалов. Здесь на стоянке Оржев найдены трапеции, пластинки с притупленной спинкой, круглые скребки и вместе с ними наконечники стрел свидерского типа, концевые скребки на пластинках и т. д.³ В Литве известна стоянка Дрясякяй, где обнаружены свидерские стрелы, боковые резцы, односторонне обработанные нуклеусы и вместе с ними круглые скребки и геометрическое орудие.⁴ Таким образом, стоянки тарденуазского типа вырастают на базе свидерской культуры.

В развитии ее, так же как и в развитии мезолита Крыма, отмечаются существенные изменения в характере метательного оружия. На раннем этапе существовала вкладышевая техника, причем вкладышами служили пластинки с притупленной спинкой; в то же время появились и наконечники стрел из пластинок. Далее мы видим широкое распространение наконечников стрел при отсутствии находок вкладышей, затем снова распространение вкладышей, притом не только пластинок с притупленной спинкой, но и трапеций. Трапеции бытуют в дальнейшем и в неолите. На стоянке Хельмце близ Торуна вместе с полированным топором и керамикой найдены три трапеции.⁵ Известны такие комплексы и в Белоруссии, и в Литве (Самантонис⁶ и др.).

Стратиграфически не раз прослежено, что свидерские орудия залегают в основании параболических дюн на речных долинах, формирование которых относится к иольдиевому времени, когда образовалась речная сеть в Польше и Литве. Стратиграфия дюн однообразна: на слое песка с железистыми конкрециями залегают слой ископаемого гумуса, выше которого лежит снова слой песка с железистыми конкрециями, перекрытый верхним горизонтом ископаемого гумуса и современным песком. Кремневый

Polonaise. Rev. anthropol., № 10—12, Paris, 1929; П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранне-неолитического возраста. Русск. антропол. журн., т. XIII, вып. 3—4, 1924.

¹ В. Антонович, указ. соч.; Z. Szmit. Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu. Wiadomości archeologiczne, X, Warszawa, 1929.

² См., например: J. Kostrzewski. Pradzieje Polski. Poznań, 1949.

³ L. Sawicki. Przyczynek do znajomości prehistorji Polesia. Ziemia, 1925, № 6—8.

⁴ Р. Яблонские, указ. соч.

⁵ J. Kostrzewski. Nouvelles fouilles. . . , fig. 9.

⁶ Коллекция Каунасского художественного музея.

инвентарь Свидры Виельке I, а также некоторых стоянок Литвы залегает в нижнем слое песка, под нижним гумусом. Ряд свидерских стоянок района Вильнюса связан с нижним слоем гумуса, то же прослежено для некоторых тарденуазских стоянок (Остров 5). Другие тарденуазские стоянки залегают в слое песка между двумя гумусовыми прослойками. По интерпретации польских ученых, нижний слой песка образовался в условиях сухого холодного климата анцилового времени; нижний слой гумуса свидетельствует о прекращении образования дюн при распространении лесной растительности в бореальный период, в конце анцилового времени.

Таким образом, собственно свидерские памятники относятся к субарктическому периоду, «тарденуазские» — к бореальному времени, а отдельные находки — к атлантическому времени.

Как известно, со свидерской культурой принято связывать мезолитические стоянки бассейна Оки и Верхней Волги. К ним принадлежат Гремячее (раскопки Н. И. Булычева и М. В. Воеводского),¹ Борки (сборы В. В. Докучаева и многих других)² и Елин Бор (сборы П. П. Кудрявцева, раскопки П. И. Борисковского)³ на Оке, Горшиха (раскопки Б. С. Жукова),⁴ Скнятино (раскопки П. Н. Третьякова)⁵ и Соболево (раскопки О. Н. Бадера)⁶ на Верхней Волге. Рассмотрим вопрос о возрасте этих памятников.

Сходство материалов этих стоянок с собственно свидерским значительно, но далеко не полно. Более всего напоминают свидерские материалы наконечники стрел на пластинках. Однако такие наконечники распространены далеко за пределами свидерской культуры и присущи не только ей.⁷ Напоминают свидерские орудия также резцы и скребки. Но среди резцов преобладает такой поздний тип, как резцы на углу сломанной пластинки, и почти отсутствуют угловые резцы. Так, из описанных резцов стоянки Борки известно 40 резцов на углу сломанной пластинки, 5 боковых и всего 3 угловых. В свидерских же стоянках угловые резцы еще многочисленны, а резцов на углу сломанной пластинки немного.

В стоянке Елин Бор среди значительного кремневого инвентаря найдено всего 2 резца на пластинах и 7 резцов на отщепах — показатели, характерные скорее для неолитической стоянки, чем для мезолитической. Из скребков со свидерскими сходны концевые, но в окских и верхневолжских стоянках много круглых скребков на отщепах, характерных для «тарденуазских комплексов» Польши. Так, на стоянке Елин Бор — 28 скребков на отщепах и 15 на пластинах, в Борках — 26 на отщепах и 42 на пластинах. Ряд скребков имеет характерный для тарденуазского типа рабочий край с выемками и выступами.

¹ М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. МИА, № 2, 1945.

² М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки. МИА, № 2, 1945; В. П. Зубков. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

³ М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА, III, 1937.

⁴ L. Sawicki. Materiały do znajomości prehistorji Rosji. Przegląd archeologiczny, t. III, zesz. 3, Poznań, 1928.

⁵ П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950.

⁶ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Участок Скнятино — Молога, стоянки родового общества. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., ИГАИМК, вып. 109, 1935.

⁷ См. карту распространения таких наконечников в работе Кларка (J. Clark. The mesolithic settlement of Northern Europe. Cambridge, 1936.)

Очень интересна находка на стоянке Борки двух геометрических орудий в виде высоких треугольников с крутой краевой ретушью. Такие орудия известны в «тарденуазских комплексах» Польши¹ и представлены в прибалтийских стоянках позднемезолитического и раннеэнеолитического возраста,² в тарденуазе и раннем неолите Франции,³ в неолите западной Украины (волынская культура Я. Брика).⁴ Находка этих орудий определенно ставит Борки в группу стоянок не старше тарденуазского возраста. Встречены на окских стоянках и вкладыши другого типа — в виде пластинок с прямо срезанными притупляющей ретушью концами и с ретушью на краях, притупляющей одну сторону и приостряющей другую (Елин Бор). Такие вкладыши также известны в стоянках «тарденуазского времени».⁵

Эти наблюдения над орудиями согласуются с характером обработки кремня. П. Н. Третьяков справедливо писал о Скнятинине, что «характер нуклеусов и ножевидных пластин здесь скорее тарденуазский, чем свидерский».⁶ Действительно, среди нуклеусов стоянок Оки и Верхней Волги встречаются конические и близкие к карандашевидным, которые в Польше не известны ранее тарденуазы. Весь инвентарь Елина Бора, Борка и других стоянок имеет очень поздний облик. Лишь стоянка Гремеее с инвентарем, изготовленным только на широких ножевидных пластинах, дающая характерные концевые скребки и угловые и боковые резцы на пластинах при отсутствии всяких поздних признаков, может быть сопоставлена с собственно свидерскими памятниками. Это отмечал и М. В. Воеводский, ставя ее по времени раньше всех стоянок бассейна Верхней Волги.⁷ Скнятино, Елин Бор, Борки должны быть синхронизированы, повидимому, с польским тарденуазом. Это подтверждают пыльцевые диаграммы скнятинских дюн, приведенные П. Н. Третьяковым, характеризующиеся преобладанием пыльцы ели над пыльцой сосны и березы, что типично для конца бореального времени, к которому польские археологи относят тарденуаз. Что касается Соболева и Горшихи, то они принадлежат, вероятно, к раннеэнеолитическому времени, ибо на обеих стоянках найдены двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы.

Из изложенного ясно, что окские и верхневолжские стоянки нельзя сопоставлять со свидерскими памятниками не только хронологически, но и по культуре.⁸ В средней России не получили распространения харак-

¹ L. K o z ł o w s k i. Epoka kamienia

J. C l a r k, указ. соч., рис. 50—55; G. S c h w a n t e s. Nordische Paläolithikum und Mesolithicum. Ztschr. z. fünfzigjährigen Besteh. d. Hamburg. Museum f. Völkerkunde (Mitt. d. Museum, XIII), Hamburg, 1928, Fig. 44.

² G. G o u r y. L'homme des cités lacustres, t. I. Paris, 1932, fig. 92, 93; L. C a y e u x. Les pointes des flèches néolithiques des environs du Havre. Bull. Soc. préhistor. franç., № 9—10, 1951.

³ J. B r y k. Kultury epoki kamiennej na wydmach zachodniej części Wolunia. Archiwum tow. naukowego we Lwowie, dz. II, t. V, zes. 2, Lwów, 1928.

⁴ A. A u e r b a c h. Tardenoisien in Ostturingien. Mannus., Bd. II, 1910.

⁵ П. Н. Третьяков, указ. соч., стр. 22.

⁶ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры..., стр. 108.

⁷ Объединяя в одну культуру мезолитические стоянки Польши и бассейна Оки, М. В. Воеводский подрывал свой собственный тезис о племенном характере мезолитических культур, поскольку очерченный район слишком велик для племенной территории. Установление различий в памятниках мезолита Польши и Оки, напротив, подкрепляет тезис М. В. Воеводского. Подобным образом необходимо разделить на ряд культур и материал по мезолиту Украины, не сходный с крымским (отсутствие сегментов, большое число карандашевидных нуклеусов. Для мезолита Довца характерно раннее появление рубящих орудий и отсутствие мелких круглых скребков).

терные для позднего мезолита Польши и Литвы трапеции и пластинки с притупленной спинкой. Метательное оружие в бассейне Верхней Волги оснащалось специфическими вкладышами типа Елина Бора и широко распространенными наконечниками стрел на пластинах, бытовавшими здесь дольше, чем на Западе, — до позднего неолита (Олений остров, Галич и т. д.).

Какова граница свидерской и волго-окской мезолитических культур? Основываясь на данных В. Антоневича и К. М. Поликарповича,¹ можно считать, что стоянки с геометрическими орудиями не известны восточнее озер Свирь и Нарочь и линии: г. Чериков на Соже—Н. Быхов на Днепре—р. Друть, правый приток Днепра. Южнее памятники этого типа известны в бассейне Припяти и Горыни.²

Четвертый район Европейской части СССР, мезолитические памятники которого мы сравнительно хорошо знаем, — среднее течение р. Десны. Несмотря на отсутствие стратиграфических наблюдений, материал позволяет дать первичную периодизацию стоянок. Наиболее ранней из них является Покровщина, в 25 км выше Новгорода-Северского, раскопанная М. В. Воеводским. Здесь найдены угловые и боковые резцы и концевые скребки палеолитических типов, пластинки с притупленной спинкой и около 20 грубых нуклевидных рубящих и скребловидных орудий, очень характерных для всего мезолита Десны.³ Наконечников стрел здесь еще нет.

Несколько более позднюю стадию той же культуры представляет стоянка Смячка XIV, расположенная в 12 км к северу от Новгорода-Северского и исследованная М. Я. Рудинским.⁴ Орудия стоянки также сохраняют палеолитическую форму, но среди резцов уже нет угловых, а представлены боковые и резцы на углу сломанной пластинки. Скребки Смячки XIV все концевые, имеется здесь и ряд нуклевидных скребел. Пластинок с притупленной спинкой в Смячке нет, но зато найдено 3 черешковых наконечника стрел, заменивших, очевидно, вкладышевые наконечники, еще бытовавшие в Покровщине.

Несомненно к еще более позднему времени относятся дюнные стоянки в пойме Десны, выявленные еще в 1876 г. Д. Я. Самоквасовым у с. Ленковки, в 10 км выше Новгорода-Северского, и у сел Горки, Кудлаевка, Пироговка, в 20 км ниже его,⁵ обследованные затем М. Я. Рудинским, открывшим и новые стоянки близ с. Смяч и оз. Званого.⁶ Наиболее выразительна стоянка Кудлаевка VI, давшая около 20 мелких пластинок с притупленной спинкой, наконечники стрел, изготовленные из ножевидных пластинок, округлые скребки на отщепах и 5 треугольных геометри-

¹ В. Антоневич, ук. соч.; К. М. Поликарпович. Палеолит и мезолит БССР. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934.

² А. З. Каваленя и С. С. Шутаў. Матар'ялы з даісторыі Тураўшчыны. Працы археалягічнай камісіі Белар. Ак. Навук, т. II, Менск, 1930. Коллекция Института Археологии АН УССР из района Кричевска (сборы В. И. Каневца).

³ М. В. Воеводскіі. Результати робіт Деснянської експедиції 1936—1938 рр. Сб. «Палеоліт і неоліт України», Київ, 1947; К. С. Алексашина. Стоянка Покровщина. УЗМГУ, вып. 158, 1952.

⁴ М. Я. Рудинськіі. До питання про культури мезолітичної доби на Україні. Антропология, т. I, Київ, 1927.

⁵ Пункты находок по А. А. Сплицыну (Обозрение губерний и областей России в археологическом отношении. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1—2, 1896, стр. 128). Материал частично издан П. П. Ефименко (Мелкие кремневые орудия. .). Коллекция в ГИМ.

⁶ М. Я. Рудинськіі. Предісторичні розшуки в північно-східній Чернігівщині. Коротке звітження за археологічні досліді Всеукраїнського археологічного комітету в 1925 р., Київ, 1926.

ческих орудий типа, рассмотренного выше в связи с находкой в Борках.¹ Эти орудия характеризуют все донные стоянки среднего течения Десны наряду с пластинками с притупленной спинкой, наконечниками стрел из пластинок и грубыми топовидными орудиями.

Раскопки М. В. Воеводского на стоянке Песочный Ров недалеко от Покровщины позволили увязать подъемный материал с дон с находками в Смячке и Покровщине и проследить дальнейшие судьбы мезолитической культуры Десны.² На этой стоянке найдено 11 треугольных геометрических орудий и в то же время 20 нуклевидных скребел типа Покровщины. Очевидно, культура стоянок с геометрическими орудиями на Десне развилась на местной основе, а не пришла извне. Из 72 скребков Песочного Рва 28 сделано на округлых отщепах. Среди находок имеются также наконечники стрел из ножевидных пластинок, резцы бокового типа и пластинки с притупленной спинкой. Особенно важна находка в этом комплексе двусторонне обработанных орудий — 3 наконечников листовидной формы, топорика и подчетыреугольного клинышка с подтеской с брющка. Эти находки перекликаются с материалами неолитических стоянок Десны, где, в частности, такие клинышки очень обычны.

Рассмотрение мезолитических стоянок бассейна р. Десны показывает, что в этом районе развитие материальной культуры шло во многом сходно с развитием культуры мезолита Литвы и Белоруссии. На раннем этапе здесь также есть пластинки с притупленной спинкой, исчезающие в эпоху распространения наконечников стрел из пластинок и вновь появляющиеся вместе с геометрическими орудиями и круглыми скребками. Своеобразие мезолита Десны заключается в наличии большого числа грубых нуклевидных орудий и распространении треугольных геометрических орудий при полном отсутствии трапеций.

Сопоставление всех рассмотренных выше данных о развитии материальной культуры в эпоху мезолита в разных районах Европейской части СССР позволяет подойти к составлению сводной периодизации мезолита этой территории.

Хорошо выделяется ранний этап мезолита, представленный стоянками типа Буран-Каи в Крыму, Нового Млына в Польше, Эйгуляя в Литве и Покровщины на Десне. Стоянки этого времени имеют в основном инвентарь палеолитического облика, но характеризуются наличием отдельных типов мезолитических орудий, различных в разных районах. В Крыму это сегменты, в Польше и Литве — наконечники стрел на пластинах, на Десне — нуклевидные орудия. Этот этап мезолита, древность которого подтверждают стратиграфические наблюдения, может быть синхронизирован с западноевропейским азилем.

Четко выделяется и позднейший этап мезолита, переход к раннему неолиту, представленный Ат-Башем и Юсуповским бассейном в Крыму — стоянками типа Хельмце в Польше, Самантонис в Литве, Соболева и Горшихи в Поволжье и Песочного Рва на Десне. Эти стоянки дают уже двусторонне обработанные наконечники стрел неолитического облика, но остальные орудия их характерны для мезолита данных районов. Это — треугольные геометрические орудия и нуклевидные орудия на Десне, мелкие круглые скребки и трапеции в Крыму, пластинки с притупленной спинкой и трапеции в Польше и Литве и т. д.

¹ М. Я. Рудняськії. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР. Антропология, т. IV, Київ, 1931, рис. 8.

² М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

Период, заключенный между этими двумя стадиями мезолита, также удается разделить на два этапа. Мы уже отмечали интересное явление уменьшения числа геометрических орудий и появления наконечников стрел на пластинках в стоянках типа Сюрени II в Крыму. На севере этому периоду отвечают исчезновение пластинок с притупленной спинкой в Польше и на Десне, расцвет свидерских наконечников в Польше (Свидры Виельке I) и появление наконечников этого типа в Смячке XIV на Десне. Этот этап мезолита, соответствующий раннему тарденуазу, дает наибольшее сходство в материальной культуре разных районов благодаря повсеместному распространению наконечников стрел, но и в нем прослеживаются местные различия: Крым попрежнему дает геометрические орудия, Десна, как и раньше, характеризуется нуклевидными орудиями. За этим вторым этапом мезолита, стратиграфическое положение которого мы знаем по раскопкам в Шан-Кобе и по ряду наблюдений на дюнах Польши и Литвы, следует третий этап, предшествовавший уже описанному четвертому и синхронный позднему тарденуазу. Здесь мы видим расцвет геометрических орудий (трапеций) в Крыму, появление их вместе с пластинками с притупленной спинкой в Польше, Литве и Белоруссии, возникновение своеобразных геометрических орудий на Оке (прямоугольные вкладыши Елпна Бора) и на Десне (треугольные орудия Кудлаевки). Уже различие геометрических орудий в разных районах говорит о продолжающемся развитии своеобразных мезолитических культур. Добавим к этому многочисленность пластинок с притупленной спинкой и конических нуклеусов в Польше, почти полностью отсутствующих в Крыму, нуклевидные орудия Десны и т. д.

Итак, в развитии кремневой техники мезолита Восточной Европы имеется ряд общих черт: на первом этапе мезолита бытуют еще многие типы палеолитических орудий, на втором широко распространяются наконечники стрел на пластинах в ущерб разным типам вкладышей, на третьем, наоборот, расцветает вкладышевая техника, а наконечники стрел на пластинах становятся редкостью. Наконец, на четвертом этапе, при бытовании всех типов орудий третьего этапа, появляется неолитическая техника двусторонней обработки (см. таблицу). Наряду с этими общими чертами развития, в мезолите Европейской части СССР прослеживаются существенные различия.

Для Крыма не характерны наконечники стрел на пластинах и пластинки с притупленной спинкой, зато здесь еще с первого этапа широко распространены геометрические орудия. Здесь почти нет конических нуклеусов.

Односторонняя обработка нуклеусов преобладала до неолита. На четвертом этапе появляются характерные трапеции со струганой спинкой, сегменты с подработанной вершиной, плоские нуклеусы, скребки с косым рабочим краем, составляющие типичный только для Крыма комплекс орудий.

В Польше и Литве наконечники стрел на пластинах очень распространены еще с первого этапа, равно как и пластинки с притупленной спинкой, но геометрические орудия появляются только на третьем этапе. Конические нуклеусы появляются здесь рано. Трапеций со струганой спинкой и плоских нуклеусов нет совсем.

На Оке и Верхней Волге, в отличие от Польши и Литвы, не распространяются трапеции и пластинки с притупленной спинкой, но зато есть прямоугольные вкладыши с притупляющей ретушью, а наконечники стрел на пластинах в позднем мезолите распространены шире, чем в Польше.

Горный Крым	Польша, Литва, Белоруссия (свидерская культура)	Ока и Верхняя Волга	Десна
<p>Бурац-Кая, Замиль-Коба (нижний слой), Шан-Коба (4-6-й слой), Фатма-Коба (6-й слой)</p> <p>Односторонне обработанные нуклеусы. Резцы угловые и боковые. Концевые скребки на отщепе и пластинах. Наконечников стрел нет. Сегменты и изредка трапедии.</p>	<p>Стоянки типа Нового Млына</p> <p>Односторонне обработанные нуклеусы. Угловые и боковые резцы. Концевые скребки на пластинах. Пластины с притупленной спинкой. Наконечники стрел на пластинах.</p>		<p>Покровщина</p> <p>Односторонне обработанные нуклеусы. Угловые и боковые резцы. Концевые скребки на пластинах. Пластины с притупленной спинкой. Грубые нуклевидные орудия. Наконечников стрел нет.</p>
<p>Сюрель II, Шан-Коба, (2-й горизонт 3-го слоя) и Замиль-Коба (верхний слой)</p> <p>Односторонне обработанные нуклеусы. Резцы боковые и угловые. Скребки на пластинах и отщепе. Наконечники стрел на пластинах. Уменьшение числа геометрических орудий.</p>	<p>Стоянки типа Свидры Виельке I, Эйгуляй</p> <p>Односторонне обработанные и изредка конические нуклеусы. Боковые резцы преобладают над угловыми. Резцы на углу сломанной пластинки. Пластинок с притупленной спинкой нет. Много накопечников стрел.</p>	<p>Гремячее</p> <p>Резцы угловые, боковые и на углу сломанной пластинки. Скребки и накопечники стрел на ножевидных пластинах.</p>	<p>Смячка XIV</p> <p>Односторонне обработанные нуклеусы. Резцы боковые и на углу сломанной пластинки; угловых нет. Концевые скребки и накопечники стрел на ножевидных пластинах. Грубые нуклевидные орудия. Пластинок с притупленной спинкой нет.</p>

Горный Крым	Польша, Литва, Белоруссия (свидерская культура)	Она и Верхний Волга	Десна
<p>Мурзак-Коба, Фатма-Коба (1—4-й слои), Шан-Коба (1-й горизонт 3-го слоя и 2-й слой)</p>	<p>Стоянки «тарденуазского типа» в Польше, Литве и Белоруссии</p>	<p>Борки, Елин Бор, Скнятино</p>	<p>Стоянки близ Новгорода-Северского типа Кудлаевки VI</p>
<p>Односторонне обработанные и изредка близкие к плоским и коническим нуклеусы. Резцы боковые, угловые и на углу сломанной пластинки. Круглые скребки на отщепе. Наконечников стрел нет. Трапедии.</p>	<p>Конические нуклеусы. Резцы на углу сломанной пластинки. Преобладание округлых скребков на отщепах над концевыми на пластинках. Скребки с выемчатым краем. Пластинки с приплюснутой спинкой. Трапедии.</p>	<p>Односторонне обработанные и конические нуклеусы. Резцы в основном боковые и на углу сломанной пластинки, иногда боковые на отщепах. Скребки округлые на отщепах и концевые на пластинках. Скребки с выемчатым краем. Наконечники стрел на пластинках. Вкладыши, обработанные приплюснущей ретушью.</p>	<p>Скребки в основном на отщепах. Наконечники стрел на пластинках. Геометрические орудия в виде высоких треугольников. Пластинки с приплюснутой спинкой. Грубые рубящие орудия.</p>
<p>Ат-Баш, Юсуповский бассейн</p>	<p>Стоянка типа Хельмце и Самантониса</p>	<p>Соболєво, Горшиха</p>	<p>Несочный Роп</p>
<p>Нуклеусы в основном плоские, реже конические. Редкие резцы на отщепах. Мелкие круглые скребки. Скребки на пластинках со скошенными концами. Трапедии со струганой спинкой и сегменты с подработанной вершиной. Двусторонне обработанные наконечники стрел. Появление керамики.</p>	<p>Орудия «тарденуазского типа» сочетаются с неолитическими вещами.</p>	<p>Материал, близкий к стоянкам типа Борок, но с двусторонне обработанными наконечниками стрел.</p>	<p>Односторонне обработанные нуклеусы. Боковые резцы на отщепах и обломках. Скребки в основном округлые на отщепах, а также с выемчатым краем. Наконечники стрел на пластинках. Геометрические треугольные орудия. Грубые нуклевидные орудия. Двусторонне обработанные наконечники стрел и тонированные орудия.</p>

На Десне с первого этапа до последнего держатся нуклеидные орудия; стрелы появляются лишь на втором этапе, геометрические орудия — на третьем, но они имеют своеобразную треугольную форму. Костяных нуклеусов здесь нет совсем.

Предложенная периодизация не нивелирует местных отличий мезолита разных районов, но позволяет проследить некоторые общие закономерности его развития. Показательно, что самым чувствительным материалом для выделения как хронологических, так и территориальных групп мезолита явился кремневый инвентарь, связанный с метательным вооружением. Это совершенно понятно, если принять во внимание исключительную роль метательного оружия для охотников эпохи мезолита. На протяжении этого времени шли непрерывные поиски наиболее эффективного охотничьего вооружения и преимущественное распространение получали то составные наконечники с кремневыми вкладышами разных типов, то наконечники стрел из пластинок.

По сути дела то же мы видим и в палеолите, когда костяные и деревянные вкладышевые наконечники ориньяка сменились кремневыми наконечниками солютре, уступившими в свое время место мадленским вкладышевым наконечникам. Мы видели на примере мезолитических стоянок, что в разных районах соперничество вкладышевых наконечников с кремневыми проходило по-разному. В Крыму вкладышевая техника господствовала, и появление цельных кремневых наконечников стрел здесь было эпизодом. На Оке и Верхней Волге, наоборот, широкое распространение получили цельные кремневые наконечники, а костяные и деревянные наконечники со вкладышами не играли большой роли. В Литве, Белоруссии и бассейне Десны оба типа наконечников играли значительную роль.

Наблюдения этого рода позволяют нам проследить конкретный ход развития культуры эпохи мезолита в разных районах нашей страны.

К. В. С А Л Ь Н И К О В

АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Несмотря на тридцатилетнее знакомство советской археологической науки с памятниками абашевской культуры, она до сих пор остается одной из самых слабо изученных. Основным препятствием на пути к познанию истории абашевских племен является незначительное число известных памятников, большая часть которых или совсем не опубликована, или опубликована очень кратко. В частности, материалы из сравнительно больших раскопок П. П. Ефименко 1926—1927 гг. в Чувашии, когда был вскрыт ряд курганов в могильниках у сел Тауш-Касы, Катергино, Тюрлема, Алгаши и др., содержавших абашевские погребения, остаются неизвестными для исследователей абашевской культуры.¹ Эта культура рисуется обычно только по материалам раскопок Абашевского могильника, произведенных В. Ф. Смолиным² и О. А. Кривцовой-Граковой.³ Некоторым дополнением служат такие памятники, как Верхне-Кизыльский клад и селище Баланбаш. Наконец за последние годы кратко опубликованы данные о раскопках Мало-Кизыльского селища и Васюковского могильника. Упоминания еще нескольких памятников как абашевских, без описания их, не изменяют общей картины.

По состоянию наших знаний к настоящему времени можно видеть, что памятники абашевской культуры размещены на большой площади: от Ярославля и Калуги на западе до Магнитогорска на востоке. При этом они не занимают сплошной территории, а разбросаны пятнами, содержащими в большинстве один памятник. Пока выделяются две области, где открыто несколько памятников. Одной из них является территория Чувашской АССР с прилегающими районами Татарской АССР, другой — Южный Урал, точнее — южная Башкирия, где намечаются две группы памятников — стерлитамакская и магнитогорская, или зауральская. Абашевским памятникам южной Башкирии, исследованным нами, посвящается настоящая статья.

Первым по времени обнаружения на Южном Урале абашевским памятником следует считать коллекцию бронзовых украшений, происходящих, повидимому, из погребения; коллекция была доставлена в 1900-х годах в музей Оренбургской ученой архивной комиссии из с. Кусеево 2-й Бурзянской волости Орского уезда Оренбургской губернии (ныне

¹ П. П. Ефименко. Средне-Волжская экспедиция 1926—1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 170, 171.

² В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

Баймакский район Башкирской АССР).¹ На наличие на Южном Урале памятников абашевской культуры было обращено внимание много позже, когда во время починки мельничной плотины на р. Малом Кизыле на землях Верхне-Кизыльского поселка (ныне Агаповский район Челябинской области) был случайно найден клад бронзовых вещей и при нем маленький сосудик типично абашевской формы.² Клад был определен как принадлежащий к абашевской культуре и опубликован Н. Н. Бортвиным.³

Первые находки абашевских вещей на Южном Урале были встречены с недоверием. Казалось невероятным, что так далеко от Чувашии, где исследованы курганы, давшие наименование этой культуре, могли обитать те же или родственные племена.⁴ Однако в дальнейшем каждая новая экспедиция, работавшая в южной Башкирии, приводила к открытию новых следов абашевской культуры. И теперь не остается сомнения, что только отсутствие планомерных полевых поисков в южной Башкирии было причиной того, что мы так долго не имели данных об абашевских памятниках Южного Урала. С развертыванием систематических археологических обследований, ведущихся Южно-Уральской археологической экспедицией,⁵ открываются все новые и новые памятники описываемой культуры.

Селище Баланбаш, открытое в 1934 г. по трассе Уфа—Ишимбай, явилось первым поселением абашевской культуры.⁶

В 1948 г. нами установлено место находки Верхне-Кизыльского клада. По словам находчика, которого позднее нам удалось разыскать, бронзовые вещи были заключены в кожаный мешок, рядом с которым, помимо сосуда, находился комок истлевшей ткани, рассыпавшийся при прикосновении. Часть металлических предметов была использована находчиком для хозяйственных целей. На месте находки клада нами было открыто поселение абашевской культуры.⁷ Раскопками, поставленными здесь в 1949 и 1950 гг., вскрыты часть жилища, жертвенная площадка и несколько погребений.⁸

В 1951 г. были произведены вторичные раскопки на селище Баланбаш. В этом же году, а также в следующем разведочным отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции (руководитель отряда В. П. Виктор) в бассейне р. Белой в районе Стерлитамака и Ишимбая было открыто несколько селищ — Урняк, Салихово I, Ахмерово и др., содержащих керамику типа баланбашской.⁹

Таким образом, Южный Урал бесспорно является одним из основных районов распространения абашевских племен. Здесь открыты первые поселения этой культуры, здесь производились раскопки абашевских

¹ Коллекция хранится в Чкаловском краеведческом музее.

² Коллекция хранится в Свердловском областном краеведческом музее.

³ N. N. Bortvin. The Verkhny-Kizil find. ESA, III, 1928.

⁴ А. В. Шмидт. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. ИГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 59, прим.: А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 13, прим.

⁵ Экспедиция организована Уральским университетом при участии Челябинского и Магнитогорского музеев.

⁶ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Раскопки на линии Уфа—Ишимбай. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг.», М.—Л., 1941.

⁷ К. В. Сальников. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска. КСИМК, вып. XXXV, 1950.

⁸ К. В. Сальников. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИМК, вып. XXXVII, 1951; он же. Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИМК, вып. XLV, 1952.

⁹ Раскопками 1953 г. установлена принадлежность селища Урняк к абашевской культуре.

памятников. Введение в научный оборот новых материалов по абашевской культуре на Южном Урале и сопоставление их с ранее опубликованными весьма желательны для более продуктивных дальнейших исследований абашевской культуры, столь слабо изученной.

СЕЛИЩЕ БАЛАНБАШ

Первое абашевское селище на Южном Урале было открыто южным отрядом (руководитель отряда К. В. Сальников) Уфимской археологической экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры на левом берегу р. Белой у с. Красный Яр (Стерлитамакский район Башкирской АССР). Первоначально на памятнике была вскрыта

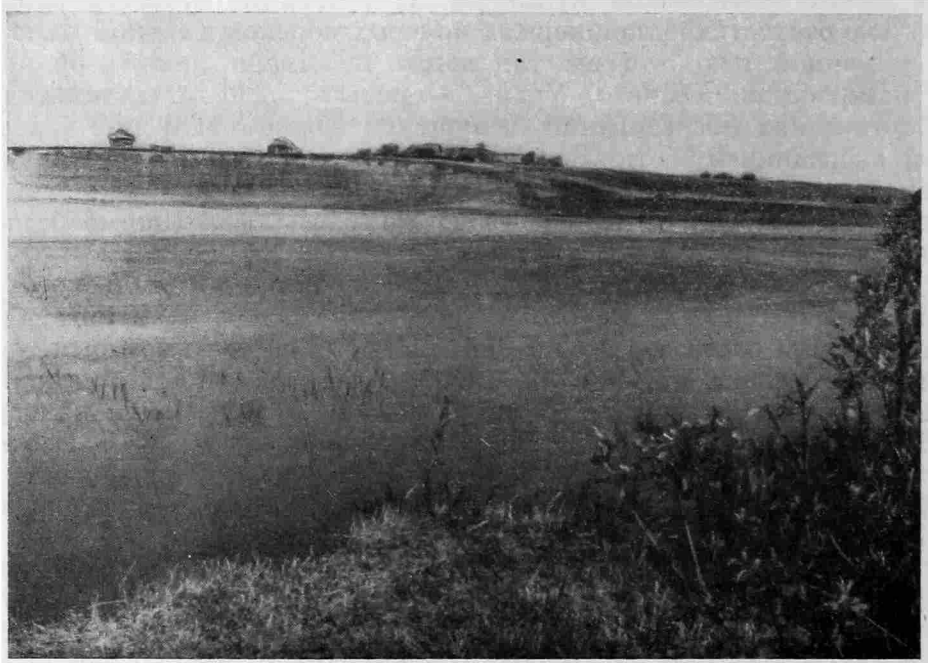

Рис. 1. Общий вид мыса Баланбаш.

площадь в 40 кв. м. Несомненные черты абашевской культуры, обнаруженные в находках на селище, не могли не привлечь к селищу внимания исследователей, но лишь открытие сходного памятника в Зауралье выдвинуло проблему абашевской культуры на Урале как одну из важнейших в археологии Урала.

Селище расположено в необычных топографических условиях: на крутом склоне коренного берега р. Белой, высота которого достигает 13 м над уровнем реки (рис. 1 и 2). Последняя протекает к югу от селища. В сторону реки берег, сложенный из суглинков, обрывается отвесно. В пункте, где расположено селище, коренной берег, поворачивая на северо-восток, круто, под углом 45° , спускается на ровную надпойменную террасу. Дорога с берега на эту террасу идет вдоль описанного поворота реки, образующего мыс, известный у местного населения под названием «Баланбаш».

Зачистка обрыва надпойменной террасы возле мыса не дала никаких признаков культурного слоя. Следовательно поселение ограничивалось коренным берегом. Видимо во время бытования поселения река огибала

мыс, а примыкающая к нему с юго-востока современная надпойменная терраса представляла собой пойму; сложена она из пойменных наносов.

К 1951 г. на селище не сохранилось никаких признаков раскопок 1934 г. Для определения площади распространения культурного слоя была проведена с востока на запад разведочная траншея, шириной 1 м, от основания склона, на котором находится памятник, вверх по склону на 18 м. Обрыв был зачищен на протяжении 10 м. В зачистке повсюду прослежен культурный слой.

Разведочная траншея, разбитая на девять двухметровых участков, занумерованных с востока на запад, дала другие результаты. На двух верхних участках никаких находок не оказалось. Седьмой также был слабо насыщен находками. В южной стенке пятого участка траншеи

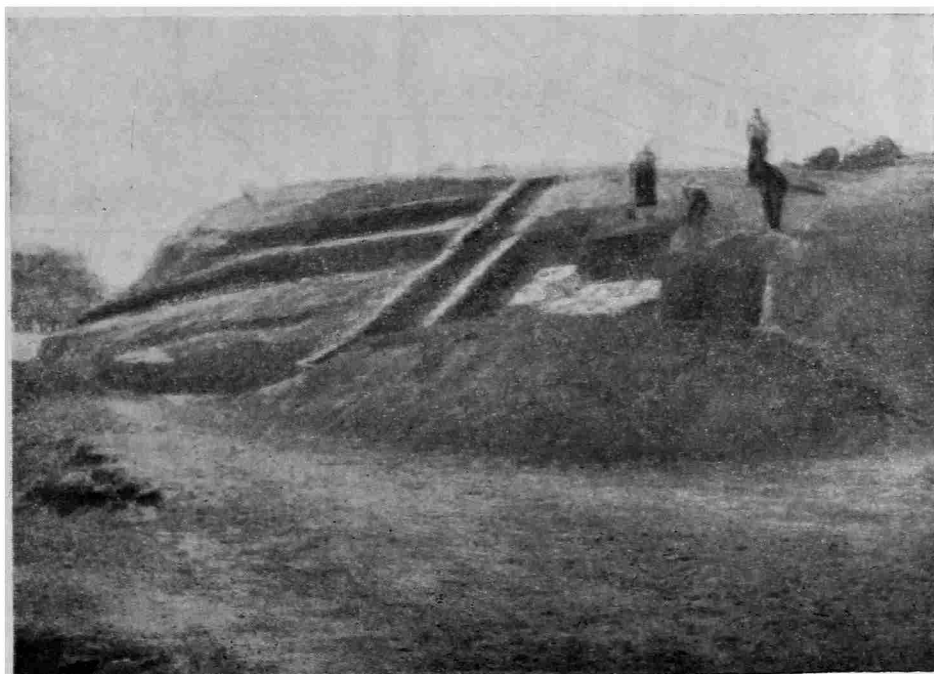

Рис. 2. Общий вид раскопок селища Балабаш.

обозначился конец траншеи 1934 г., отходившей от основного раскопа того года к северу. Это позволило ориентировать раскоп 1951 г. по отношению к раскопу 1934 г. Путем расширения траншеи в обе стороны раскоп охватил вместе с траншеей площадь в 201 кв. м (рис. 3 и 4).

Селище занимает сравнительно небольшую площадь. Раскопы обоих лет, примыкавшие друг к другу, имели протяжение 20 м (с юга на север). Дальнейшему расширению раскопа в северном направлении препятствовала дорога из с. Красный Яр в пос. Катенька, спускающаяся здесь с коренного берега на надпойменную террасу. Заложенный по другую сторону дороги, в 10 м от раскопа, шурф № 3, так же как и заложенный в 25 м к северу от раскопа шурф № 1, не дал никаких признаков культурного слоя. Протяженность раскопа с востока на запад также 20 м. Шурф № 2, заложенный в 16 м к западу от раскопа, на краю обрыва коренного высокого берега, показал наличие здесь чрезвычайно бедного культурного слоя. Расположенный в 6 м к северо-западу от шурфа № 2 большой шурф 1934 г. (2×2 м) уже не обнаружил культурного слоя. Культурные остатки еще прослеживаются в верхних слоях обрыва против этого

большого шурфа, но не идут дальше на запад. Если учесть, что в северо-западной части раскопа находок было значительно меньше, то картина становится совершенно ясной: поселение располагалось на самом мысу, не распространяясь далеко к северу и западу. Некоторая, может быть немалая, часть его была смыта рекой. Таким образом, сохранившуюся

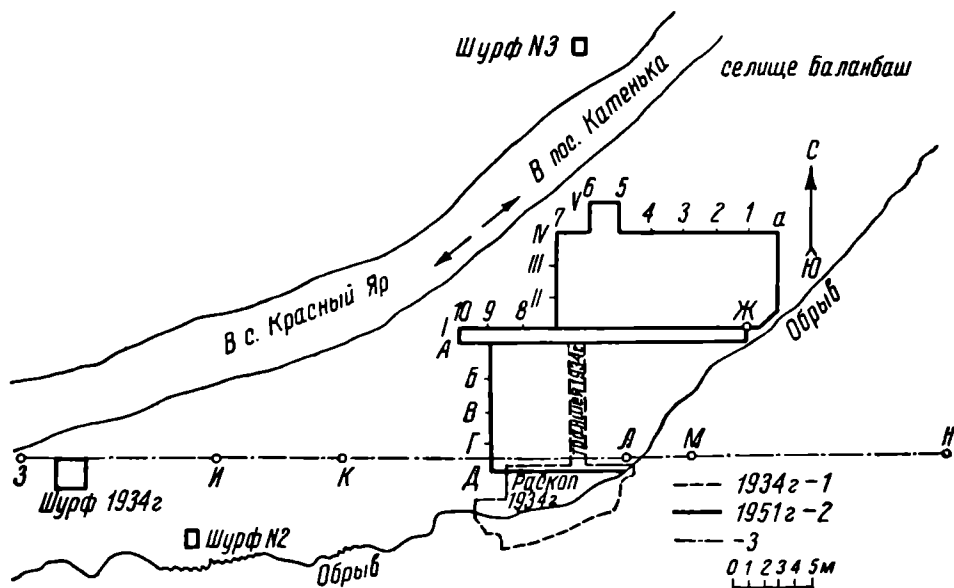

Рис. 3. Общий план селища Баланбаш.

1, 2 — границы раскопов; 3 — линия нивелировки.

часть поселения можно рассматривать как окраину. Площадь ее определяется максимально в 400 кв. м. Поскольку раскопки 1951 г. вскрыли самую насыщенную часть поселения, а за пределами раскопа остались самые бедные участки, дальнейшее исследование памятника следует признать нецелесообразным.

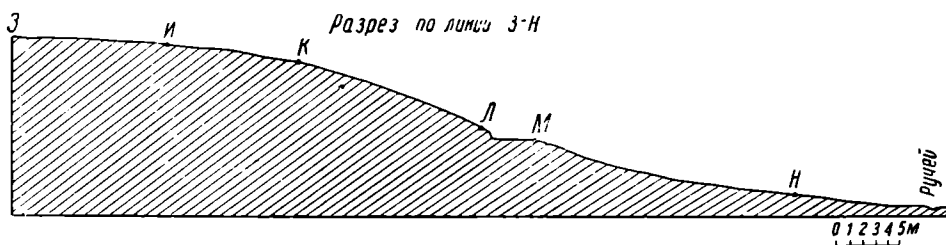

Рис. 4. Профиль мыса Баланбаш.

Если считать памятник в современном его виде окраиной большого поселения, становится понятной тщетность попыток обнаружить следы жилищ. Повидимому их и не было на дошедшей до наших дней окраинной площади.

Находки распределялись по площади раскопа далеко не равномерно.¹ Верхние западные квадраты показали меньшую насыщенность, а некоторые из них вообще были лишены находок. Первый штык не содержал

¹ Площадь селища не распахивается, и наслоения на нем залегают в непотревоженном состоянии.

находок. Культурный слой обнажается на ряде более высоких квадратов уже на втором штыке. Но чем ниже по склону расположен квадрат, тем глубже залегает культурный слой, что объясняется наплывом сползающего к основанию берега чернозема.

Большинство находок состоит из обломков керамики, которая по своему назначению разбивается на две группы. Основная масса представлена бытовой посудой (рис. 5—8), меньшее количество обломков принадлежит плавильным чашам на ножках (рис. 9). В глине бытовой посуды обычна большая примесь толченых раковин. Поверхность посуды тщательно сглажена, иногда лощеная, но от выпадения частичек раковин на ней получают характерные рябинки (рис. 7, 3, 4, 6). При очень

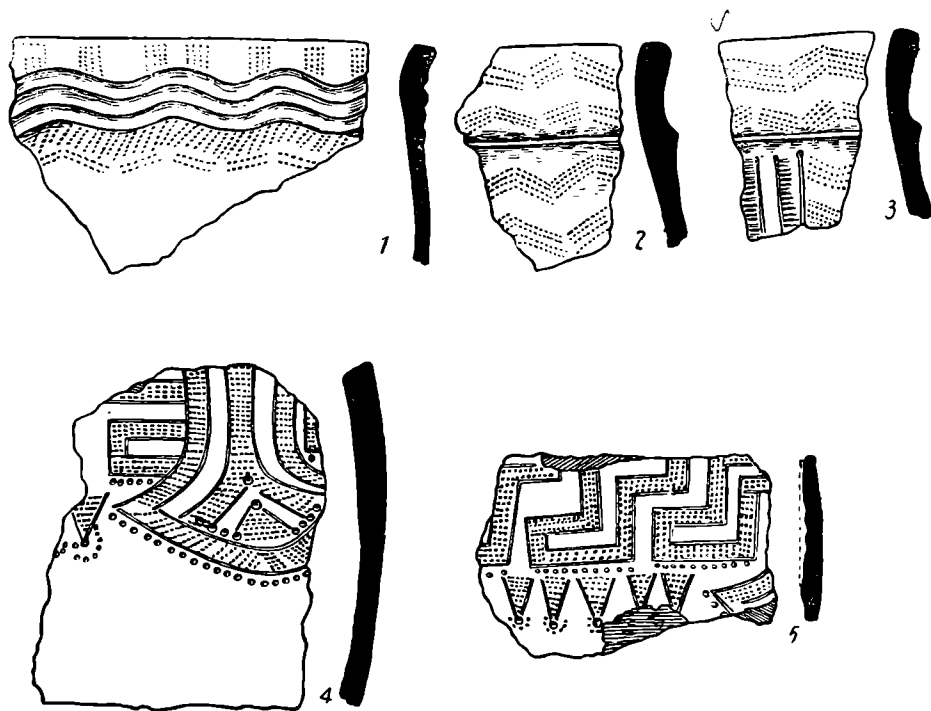

Рис. 5. Образцы керамики из селища Баланбаш (раскопки 1951 г.).

большой примеси раковин уменьшается степень прочности и черепок в изломе легко крошится, что крайне затрудняет реставрацию сосудов. Для плавильных чаш характерны отсутствие примеси, грубость лепки, неровность поверхности.

Крупных фрагментов, по которым можно было бы уверенно восстановить форму бытовых сосудов, мало. Но все же устанавливается, что большая часть бытовых сосудов по форме принадлежит к тем типам, которые были обнаружены в 1934 г.¹ Многие сосуды имеют колоколовидную форму. У них нет выраженного горла, часто диаметр устья сосуда превышает диаметр тулова; край обычно отогнут, но без резкого ребра изнутри. Дно плоское, с мягким переходом к стенкам (рис. 8, 2, 4, 8). Богато представлены горшки с низким широким горлом, округлым туловом, диаметр которого незначительно превышает диаметр устья сосуда. Край отогнут, с резким ребром изнутри. Форма дна аналогична форме дна сосудов первого типа (рис. 8, 1, 3, 5, 7). Найдено несколько обломков неболь-

¹ Тщательности реставрации сосудов я обязан Н. П. Кипарисовой, за что приношу ей глубокую благодарность.

ших сосудиков с суженным горлом, расширенным туловом, острым ребром того типа, который известен по находке в Верхне-Кизыльском кладе (рис. 8, 9). Один сосуд занимает по форме промежуточное положение между горшками и остроредерными сосудиками (рис. 8, 6). Редки обломки совсем маленьких чашечек, иногда со сферическим дном (рис. 8, 10). Круглодонность для крупных сосудов не установлена, но не исключена.

Характер нанесения орнамента и его рисунок весьма разнообразны. По орнаменту разделить керамику на группы, которые не имели бы в рисунке общих элементов, нельзя. По преобладающим же мотивам орнамента ее можно разделить на сосуды: 1) с геометрическим орнаментом, 2) с желобчатым орнаментом, 3) с волнисто-желобчатым орнаментом, 4) с зигзагообразным орнаментом. Кроме того, небольшое число фрагментов можно выделить в группу «прочие». Орнамент редко заходит ниже верхней половины сосуда.

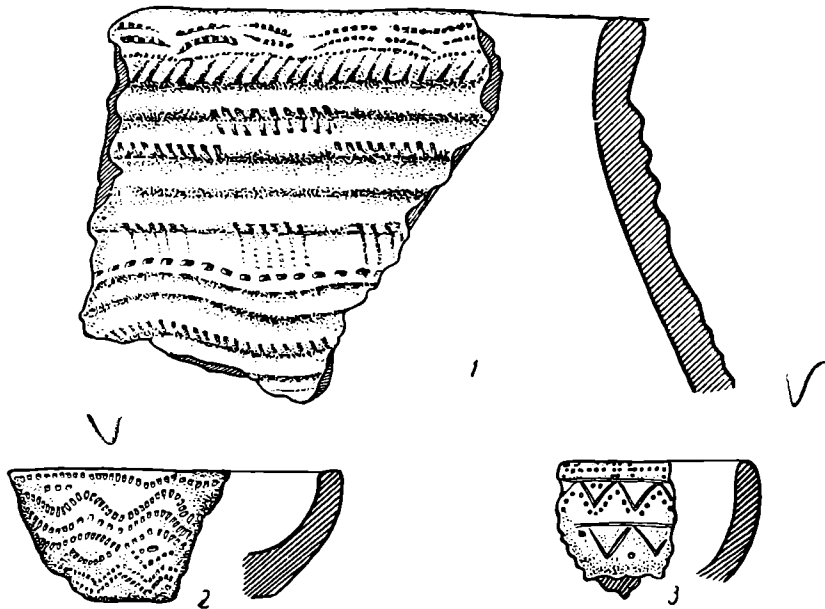

Рис. 6. Образцы керамики из селища Баланбаш (раскопки 1951 г.).

Керамика с геометрическим орнаментом дает наиболее сложные рисунки, часто объединяющиеся в сложные комбинации. Преобладают очень крупные сосуды; толщина стенок доходит до 20 мм. Отличительной особенностью этой группы является наличие массивного валика (рис. 5, 2, 3 и 7, 7). Типичны для описываемой группы заштрихованные меандры и ромбы; вертикальные полосы, заканчивающиеся сечкообразными лопастями (рис. 5, 3, 4, 5; 7, 7 и 8, 4); резные пояски; гребенчатые ряды зигзагов; часты ямки на стыке ромбов и у концов полос или, в виде бордюра, по краю орнаментальной полосы (рис. 5, 4, 5). К этой же группе относятся узкие, горизонтально заштрихованные треугольники с вершиной, обращенной книзу, заканчивающиеся ямкой, окруженной лучами или мелкими точками (рис. 5, 5 и 8, 9).

На сосудах этой группы орнамент в виде поперечных насечек встречается и на обресте и вдоль внутреннего края. Примесь раковин у этой группы небольшая, а у крупных сосудов совсем отсутствует.

Керамика с желобчатым орнаментом выделяется в особую группу по преобладающему мотиву, который дополняется другими элементами. Желобчатые пояски охватывают верхнюю часть сосуда

сразу ниже отгиба. Выше их, вдоль края, у большинства фрагментов идут ряды отлогих резных зигзагов, реже — волнистая линия, иногда дополненная насечками (рис. 6, 1 и 7, 3—6). Совсем редко вдоль венчика

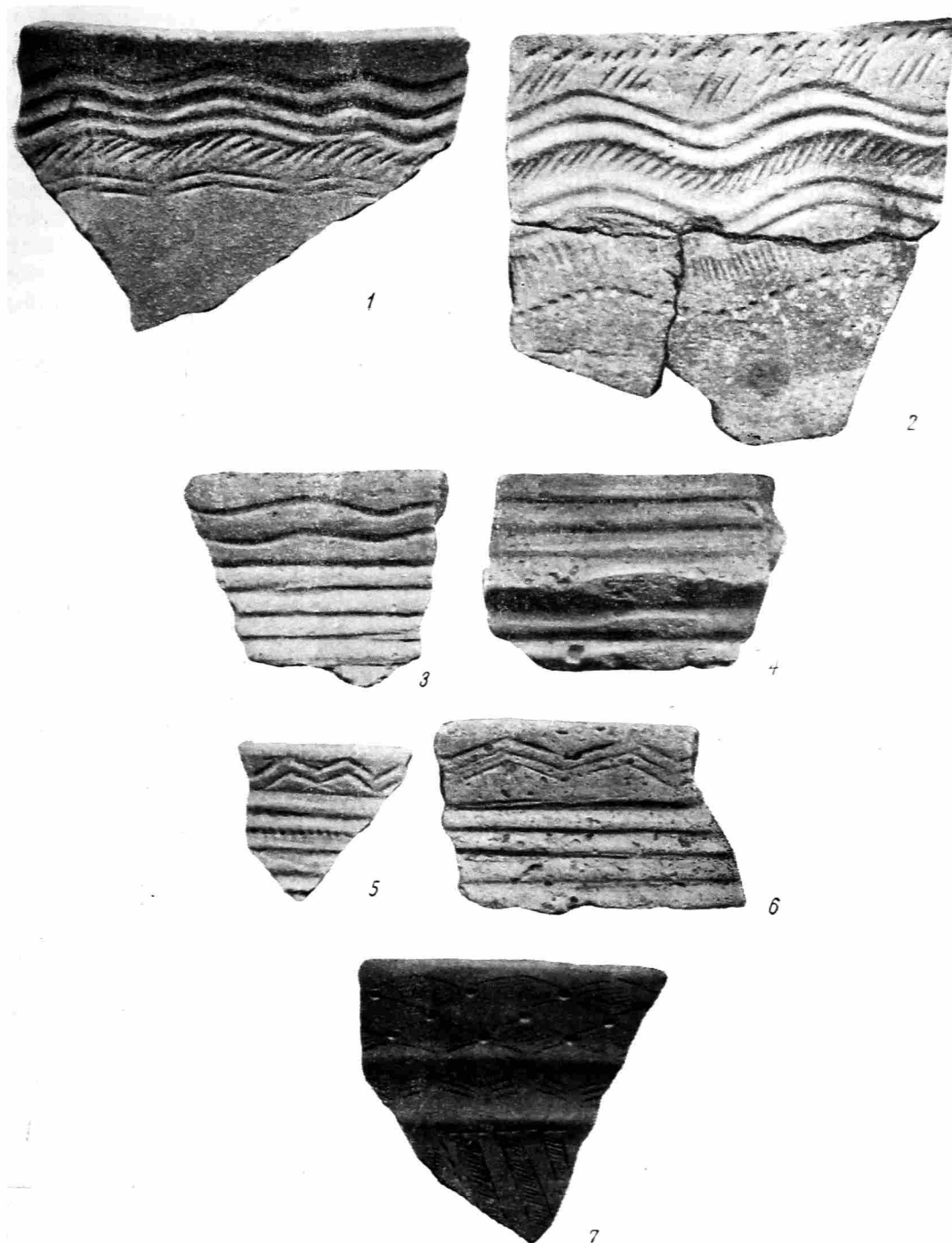

Рис. 7. Образцы керамики из селища Баланбаш (раскопки 1951 г.).

идут наклонные оттиски или зигзаг из «гусениц». Часто зигзаги вдоль венчика настолько круты, что переходят в небольшие арки, образующиеся из групп линий, наклоненных поочередно то в одну, то в другую сторону.

Ниже пояса желобков расположены ряды зигзагов, реже — волнистые линии или гирлянды, а также двойные незаштрихованные ромбы и группы из вертикальных или наклонных линий. Иногда в желобке или по валику

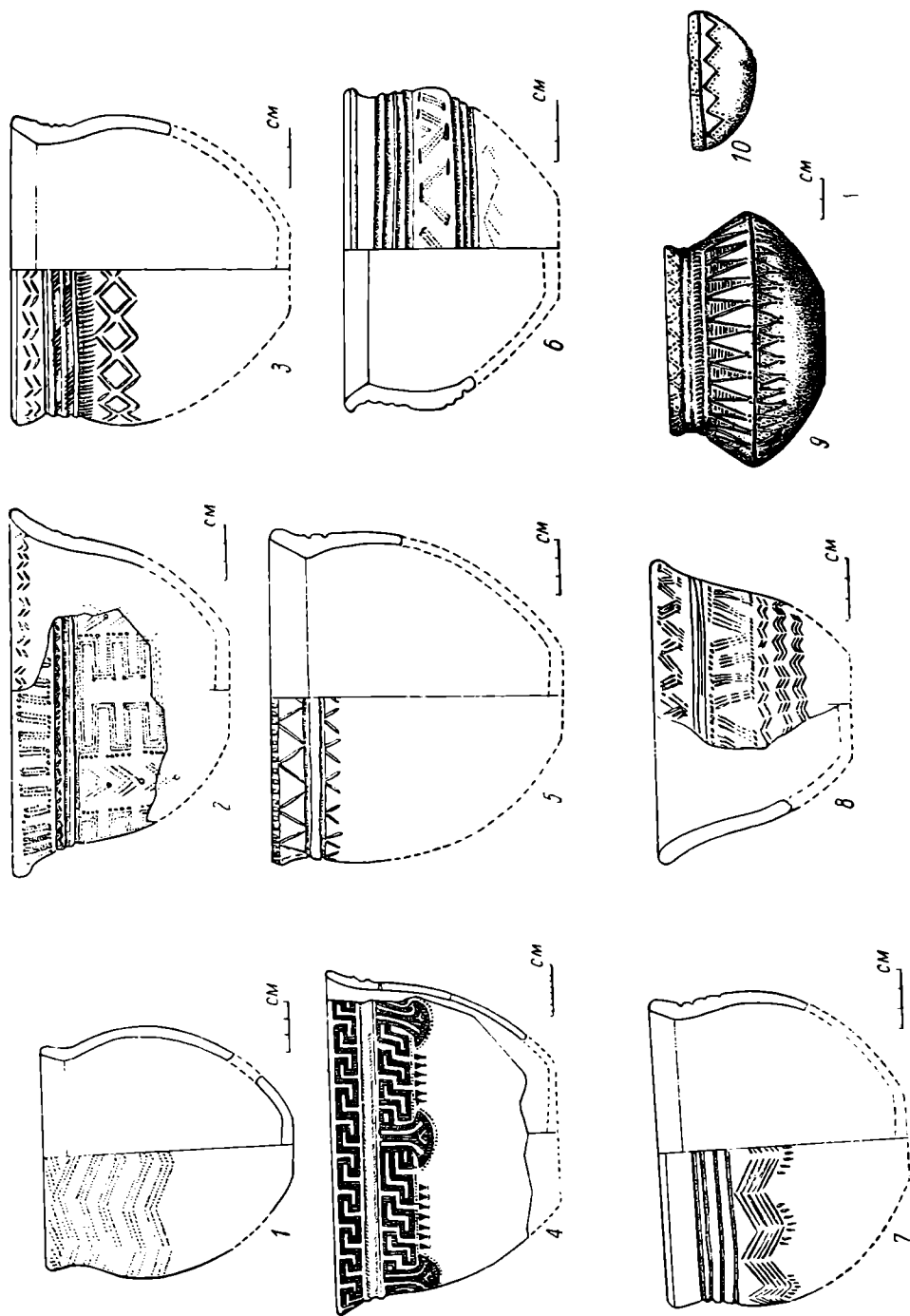

Рис. 8. Сосуды (реставрация) из селца Баланбаш.

между двух желобков нанесены группы насечек (рис. 8, 3). Все фрагменты желобчатой керамики содержат большую примесь раковин.

Керамика с волнисто-желобчатым орнаментом имеет объединяющим признаком преобладание в рисунке волнистых желобков.

По дополняющим основной мотив элементам можно данную группу керамики разбить на три вида. На сосудах первого вида несколько волнистых желобков идут сразу за отгибом края сосуда (рис. 7, 1). Этим орнамент либо ограничивается, либо дополняется, выше волнистых линий вдоль самого края, пояском из насечек или гребенчатых оттисков, вертикальных или наклонных. Второй вид имеет более сложный орнамент; усложнение заключается: 1) в дополнении рядов волнистых линий внизу пояском из вертикальных оттисков гребенки или насечек, следующим за изгибом нижней волны (рис. 5, 1); 2) иногда сверх того ряды волнистых линий распадаются на две группы, разделенные пояском из наклонных насечек или оттисков гребенки; снизу вся орнаментальная полоса ограничивается или волнистым пояском из ямок-точек, или отлогим гребенчатым зигзагом в один-два ряда (рис. 7, 2). На сосудах третьего вида по волнистому желобку или между волнистыми линиями нанесены группы или ряды насечек или оттиски гребенки.

Среди керамики этой группы преобладают сосуды средних размеров. Примесь раковин в глине сосудов по большей части значительная.

Керамика с зигзагообразным орнаментом представлена фрагментами, для которых зигзаги являются основным элементом, а иногда и единственным. Орнамент нанесен почти исключительно резьбой, лишь изредка оттисками гребенки (рис. 8, 1). Зигзагов, прочерченных гребенчатым штампом, не встречается, чем керамика описываемого памятника отличается от керамики андроновской культуры. Зигзаги располагаются по поверхности сосуда или широким полем, или полосами в несколько рядов.

Орнаментальная полоса начинается обычно с самого края сосуда и покрывает верхнюю половину или треть поверхности. Часто выше полосы зигзагов располагаются ряды желобков (рис. 8, 7). У подавляющего большинства сосудов имеется примесь раковин к глине.

Керамика с орнаментами, не входящими в описанные выше группы, представлена всего несколькими фрагментами.

В эту группу входит несколько фрагментов от одного прямостенного крупного сосуда с горизонтально срезанным краем. Орнамент расположен вдоль края и состоит из грубых оттисков крупной гребенки, наклонных по отношению к краю, которые пересекаются крест-накрест, образуя ромбы. После большого интервала ниже идет ряд неясной вертикальной гребенки (рис. 10, 6).

Форма, характер и рисунок орнамента, цвет и характер поверхности сближают этот сосуд с сосудами срубно-хвалынской культуры, но примесь раковин в них такая же, как в прочей керамике селища Баланбаш. В глине сосудов из памятников срубно-хвалынской культуры этого района такая примесь совсем не встречается.

Близкими к описанным являются фрагменты без орнамента, наружная поверхность которых покрыта сплошной сеткой беспорядочно пересекающихся штрихов, повидимому от сглаживания пучком травы, — черта, также характерная для керамики срубно-хвалынской культуры (рис. 10, 7).

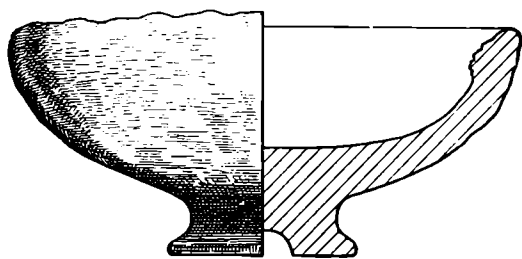

Рис. 9. Плавильная чаша из селища Баланбаш.

Уникальны и такие элементы орнамента, как псевдоверевочный пояс, ряды резных елочек, поясок из ромбов, вписанных по два-три один в другой. Интересны два очень маленьких сосудика в виде чашечек, по-видимому, с круглым дном. Один из них не орнаментирован, на другом вдоль края идет ряд наколов, который через равные интервалы расши-

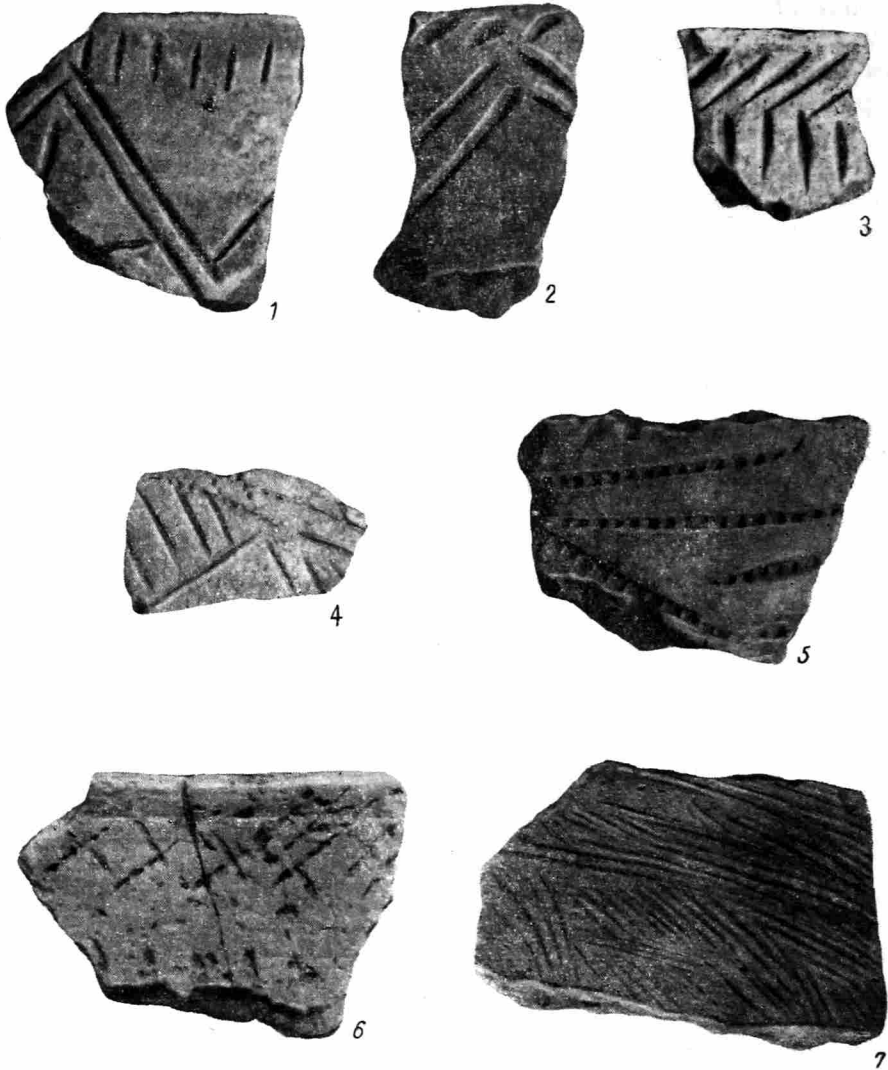

Рис. 10. Образцы керамики срубно-хвалынского типа с поселений на р. Белой.

1, 3, 4 — селище Юлдашево I; 2, 5 — селище Ахмерово I; 6, 7 — селище Баламбаш.

ряется в группы в виде розеток из тех же наколов; ниже под резным пояском идет резной зигзаг, обрамленный снизу наколами (рис. 8, 10).

Ни одного фрагмента круглого или конического дна не найдено, за исключением описанных выше очень маленьких сосудиков. Поэтому посуду селища следует признать в основном плоскодонной. Обломки плоских дниц — нередкая находка, причем для них характерен мягкий, без резкой грани переход к стенкам, чем сосуды селища отличаются от посуды андроновских и срубно-хвалынских памятников.

Большая группа фрагментов производственной керамики представлена тиглями в форме мелких круглых чаш на одной, часто полый ножке. Чаши слеплены по сравнению с бытовой посудой более грубо, и некоторые не имеют в глине примеси раковин. Диаметр их 9—17 см, высота с ножкой до 7—8 см, максимальная глубина 4.2 см, толщина стенок до 1.5 см. Ножки в большинстве круглые, диаметром 4.5—7 см, при высоте 2 см, реже овальной формы. Края многих чаш ошлакованы, что исключает сомнения относительно их назначения. Это бесспорно предметы металлургического производства, на что указывают не только куски шлака по краям многих чаш, в котором присутствуют следы меди, но и некоторые другие наблюдения. У ряда чаш и самая глина от сильного жара также ошлакована по краям. На одном крупном экземпляре на внутренней поверхности заметна масса небольших надрезов-насечек — следы какого-то острья, которым соскребали металл. Два экземпляра обломков имеют желобок-литок, через который выливался металл из чаши после плавки.

Всего в раскопе найдено 71 обломок чаш, причем площадь их распространения строго ограничена полосой, шириной 8 м, в средней по склону части раскопа. Обломков совершенно нет выше по склону, и всего три экземпляра оказались на нижних квадратах.

Найдено почти 2000 черепков. Прочие изделия представлены очень ограниченным числом предметов из бронзы или меди,¹ камня, кости, глины. Металлических вещей найдено шесть: серп, нож, шило, «шпиль», спиральное колечко и обломок, повидимому, серпа (стержень для насада на рукоятку).

Серп слабо изогнут, длиной 21.5 см, при ширине 2.5 см, одинаковой почти на всей длине; конец его скруглен, противоположный конец — место скрепления с рукояткой — несколько сужается и отгибается в сторону, противоположную лезвию. Этот конец обломан, и потому способ скрепления серпа с рукояткой остается невыясненным (рис. 11, 1).

На некотором расстоянии от серпа был найден обломок какого-то бронзового изделия в виде насада для рукоятки (рис. 11, 3). Не исключена возможность, что этот обломок является недостающей частью описанного серпа, хотя из-за сильной окисленности у серпа места скрепления с рукояткой решить этот вопрос не удалось.

Шило четырехгранное, обоюдоострое, с хорошо сохранившимися обоими колющими концами; длина 8 см.

Нож пластинчатый, однолезвийный, слегка изогнутый, без выраженной рукоятки: длина 13 см, ширина 2 см (рис. 11, 2).

«Шпилем» приходится условно называть бронзовую поделку, четырехгранную в разрезе, в виде большого (длина 18.5 см) кованого гвоздя. Один конец изделия заострен, другой снабжен плоской шляпкой, имеющей следы многочисленных ударов, от которых шляпка значительно расплющилась (рис. 11, 4).

Спиральное колечко, диаметром 1.5 см, сделано из проволоки, круглой в сечении, согнутой в три оборота.

Каменные предметы: сечение ножевидной пластинки, галька-терочник, пест из гальки, обломки каменных плиток, зернотерок или точильных плит.

Изделия из кости: листовидный наконечник стрелы своеобразной формы (рис. 11, 11), обломок однолезвийного ножа (рис. 11, 8), обломок рукоятки, повидимому, ножа со сквозным отверстием (рис. 11, 9), поделка в форме

¹ Анализа не производилось.

Рис. 11. Селище Балабаш. Изделия из бронзы и кости.

лопаточки (рис. 11, 10), долотовидное узкое лоцило на конце необработанного обломка длинной кости (рис. 11, 5). Найдены также три обломка кости и кусок рога, которые не представляют собой законченных изделий, со следами обработки: кусок трубчатой кости с четкими признаками поперечного отпила и два куска кости с ясно заметными продольными срезами, образующими грани (рис. 11, 6, 7); длинные ровные следы срезов указывают на предварительную подготовку кости распариванием.

На селище найден небольшой кусочек медистого песчаника (руды) и семь небольших кусочков медного шлака. Часть последних носит следы образования на краю плавильных чаш. Предметами, имеющими непосредственное отношение к металлургии, являются также два обломка глиняных вкладышей, овальных в сечении.

Найдены, кроме того, створка раковины и кусочки обожженной глины; нередко встречались валуны без признаков обработки или обжига.

Остеологический материал с селища зоологами не определялся, но у нас нет никаких оснований думать, что состав костей из сборов 1951 г. может сильно отличаться от состава остеологического материала, добытого в 1934 г. По определению проф. В. И. Громовой, кости из раскопа 1934 г. принадлежали почти исключительно домашним животным — корове, овце, козе, свинье, лошади. Следовательно одним из основных занятий жителей являлось скотоводство. Наличие обломков зернотерок и в особенности находка в 1934 г. крупной цельной зернотерки позволяют уверенно говорить и о мотыжном земледелии.

Находка 71 обломка плавильных чаш свидетельствует, в связи с другими находками (руда, шлак), о высоком уровне развития мастерства по плавке руды и изготовлению медных и бронзовых изделий.

При решении вопроса о культурной принадлежности памятника приходится опираться почти исключительно на керамику, и лишь некоторые бронзовые предметы могут быть также использованы для этой цели.

Серп с селища Баланбаш характеризуется средней степенью изогнутости. Способ скрепления с рукояткой не выяснен; наиболее вероятным является скрепление при помощи острого, слегка изогнутого стерженька, который был найден поблизости от места находки серпа. Характерна для этого серпа также незначительная ширина, одинаковая почти по всей длине.

Полной аналогии для нашего серпа мы указать не можем. С «серпами» Верхне-Кизыльского клада его роднят лишь малая ширина и слабая изогнутость, но характер изгиба и способ скрепления с рукояткой у них совсем иной. К тому же, как нам пришлось убедиться при осмотре верхнекизыльских находок, нельзя согласиться с определением Н. Н. Бортвиным орудий, обозначенных в его статье под № № 2—2 и 2—3 как серпов.¹ У первого орудия оба конца сужены ковкой для укрепления в рукоятках. Поэтому это изделие скорее могло служить как скобель-тупик для обработки кожи. Трудно признать серпом и второе орудие, хотя его назначение и не определяется: у него заточена не только вогнутая сторона, но и широкий конец, что совершенно несвойственно серпам.

Нельзя не отметить, что серп с селища Баланбаш стоит ближе к подобным находкам на территории распространения андроновских памятников, чем к серпам срубно-хвалынской культуры. Для северной части района распространения срубно-хвалыньских серпов известен весьма устойчивый тип: массивные, широкие, с сильным изгибом и значительным сужением к рукояти (рис. 12). Для скрепления с последней серп снабжен

¹ Н. Н. Бортвин, указ. соч.

обычно крючком. Такого типа серпы найдены в Башкирии (Миловка, Ибракаево — 6 экз.),¹ в Татарии (Верхнее Алькеево бывш. Спасского уезда).²

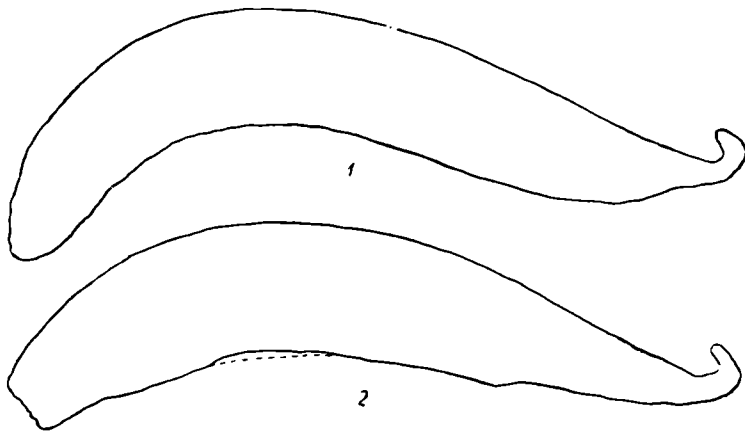

Рис. 12. Бронзовые серпы срубно-хвалынского типа.
1 — из Верхнего Алькеева; 2 — из пос. Майоровского.

в бывш. Мензелинском уезде,³ в Чкаловской области (пос. Майоровский).⁴ Два серпа были найдены в прошлом в Самарской губ.⁵ Известны

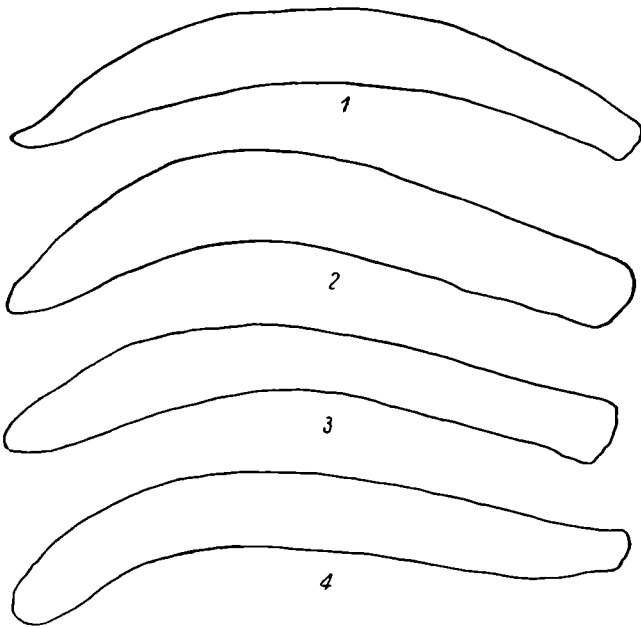

Рис. 13. Бронзовые серпы.

1 — из станицы Павловской; 2, 3 — из дер. Стариковой;
4 — из селища Баланбаш.

подобные серпы и в Зауралье. Один найден у дер. Караблевой (Катайский район Курганской обл.),⁶ второй — неизвестного происхождения.⁷ Серпы с андроновской территории характеризуются в большинстве случаев небольшой изогнутостью, небольшой шириной, отсутствием крючка. Таковы серпы из кургана у Тулайкина аула в районе Орска,⁸ из станицы Павловской близ Чкалова,⁹ два серпа с оз. Сыкандык у дер. Стариковой (Красноармейский район Челябинской области) из находок 1949 г. колхозника-краеведа С. Х. Хайрулина¹⁰ (рис. 13).

¹ Хранятся в Центральном музее Башкирской АССР.

Хранится в Центральном музее Татарской АССР.

³ Хранится там же, крючка не имеет.

⁴ Хранится в Чкаловском краеведческом музее.

⁵ Доставлены Н. А. Булычевым. Концы, скрепляющиеся с рукояткой, отломаны. Хранятся в кабинете археологии Казанского университета.

⁶ Хранится в кабинете археологии Казанского университета.

Хранится в Свердловском областном краеведческом музее.

⁸ Раскопки Б. Н. Гракова 1933 г.

⁹ Хранятся в Чкаловском краеведческом музее.

¹⁰ Хранятся в Челябинском музее.

Тип ножа, найденного на селище Баланбаш, заставляет вспомнить ножи Верхне-Кизыльского клада. Отсутствие выраженной рукоятки сближает его до некоторой степени и с ножом из погребения на Мало-Кизыльском селище.

Четырехгранные шилья и спиральные колечки — частые находки в памятниках абашевской культуры как в Чувашии, так и на Урале. Аналогии «шпилю» не известны.

Таким образом, бронзовые изделия с селища Баланбаш, хотя и имеют некоторые аналогии в андроновских памятниках, более определенно связываются с абашевской культурой. Еще значительнее родственные черты прослеживаются по керамике. Ряд элементов в форме и орнаменте сосудов одинаков или близок керамике абашевских памятников Чувашии. Еще больше общего в керамике с памятником, расположенным восточнее — с селищем на р. Малом Кизыле близ Магнитогорска.

Интересно, что ряд элементов орнамента, которыми селище Баланбаш связывается с памятниками абашевской культуры в Чувашии, не свойствен зауральской керамике абашевских памятников, и наоборот. Следовательно селище Баланбаш служит как бы связующим звеном между западными и зауральскими памятниками абашевской культуры.

В итоге исследований 1951 г. можно уверенно рассматривать селище Баланбаш как памятник абашевской культуры в ее уральском варианте. Мнение, составившееся при первом изучении селища в 1934 г., о смешанном характере керамики, содержащей наравне с абашевскими многие элементы андроновской культуры, является необоснованным. Андроновских элементов как в керамике, так и в других материалах совсем немного.

Второй важный момент, выявленный в результате раскопок 1951 г., — это установление многих точек соприкосновения с зауральским Мало-Кизыльским селищем, причем эти общие черты, в особенности в области керамики, касаются таких орнаментальных мотивов, которые совершенно не встречаются в памятниках других, даже соседних культур и являются специфически абашевскими. Поэтому не может оставаться никаких сомнений относительно принадлежности этих двух памятников к одной культуре и относительно обитания на Южном Урале абашевских племен.

МАЛО-КИЗЫЛЬСКОЕ СЕЛИЩЕ

Другое абашевское селище Южного Урала расположено на левом берегу Малого Кизыла, в 1.5—2 км от впадения в р. Урал и в 15 км к северо-западу от г. Магнитогорска. Оно занимает береговой обрывистый мыс, образованный с одной стороны старицей реки, с другой — краем огромной балластной котловины. Территория селища занята огородами пос. Супряк, позади которого оно расположено. Одна усадьба (Е. Левкина) находится на самом селище. Около 30 лет назад в юго-западной части мыса стояли постройки водяной мельницы, следы которых в виде ям, битого кирпича и прослоек навоза видны на поверхности и обнаруживаются в процессе раскопок. В 1924 г., при починке плотины этой мельницы, в обрыве берега, откуда брали землю, был найден известный Верхне-Кизыльский клад бронзовых изделий, которому было присвоено это название потому, что земля, где он был обнаружен, принадлежала Верхне-Кизыльскому поселку, расположенному в 6 км от места находки.

В течение 1948, 1949 и 1950 гг. на селище были организованы исследования. Сборами на поверхности и проведением небольшой траншеи и шурфа, заложенными на юго-восточной оконечности мыса, было выяв-

лено наличие здесь культурного слоя. Это позволило установить связь Верхне-Кизыльского клада с поселением и отнести последнее к абашевской культуре (рис. 14).

В 1949 г. был заложен раскоп I площадью 124 кв. м (рис. 15). Выбор места раскопа определялся наличием свободных, не занятых огородами участков в 40 м к юго-западу от места находки клада. На месте разбивки раскопа на поверхности чувствовалась едва уловимая округлая впадина. В раскоп попадал и участок огорода, на котором в предыдущем году было найдено бронзовое тесло (клиновидный топор), а также сосуды на очажном пятне у края заброшенной ирригационной канавы.

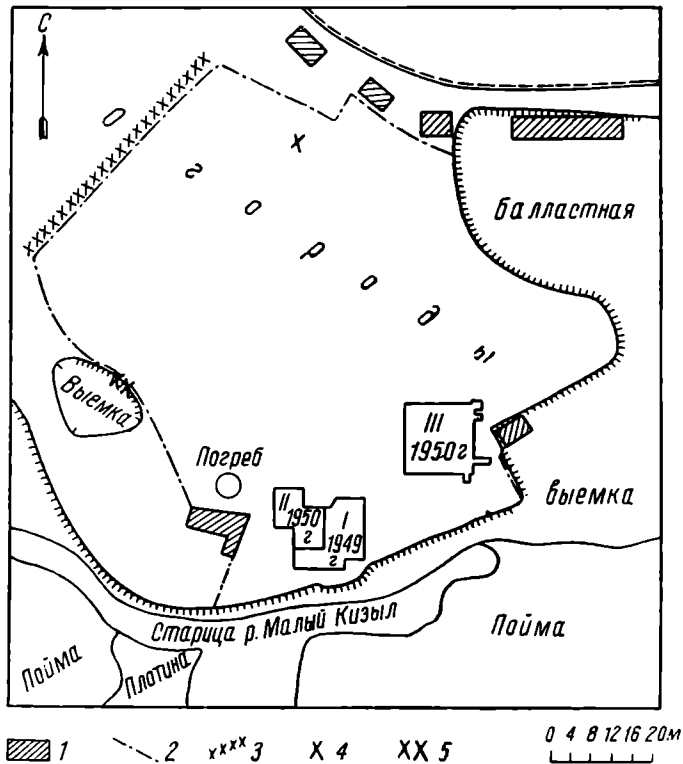

Рис. 14. Общий план Мало-Кизыльского селища.

1 — современные постройки; 2 — плетень; 3 — ориентировочная северо-западная граница селища; 4 — район находки бронзового топора (1950 г.); 5 — место находки (приблизительно) Верхне-Кизыльского клада (1924 г.). I, II, III — раскопы.

Стратиграфия раскопа: пахотный слой — 0.15—0.25 м, чернозем — 0.20—0.30 м, грунт — суглинок или гравий. В северо-западной части раскопа под пахотным слоем на черноземе налегает слой навоза толщиной 0.10—0.12 м. На месте впадины мощность чернозема достигала, за счет заполнения углубления, 0.40—0.50 м (рис. 16).

Раскоп делится на две разнородные части: восточную и западную. В восточной части раскопа вскрыта часть площадки, углубленной на 0.60—0.75 м от современной поверхности и врезающейся в грунт на 0.20—0.30 м. Площадка обозначалась, при зачистке на уровне грунта, в виде черного большого пятна, аналогичного жилищному пятну. Хорошо обозначилась западная граница площадки, в южной половине прямая, в северной уступами отходящая к востоку. После очистки выяснилось, что площадка в юго-западном и северо-восточном углах раскопа

ограничена отвесными земляными стенками. В северо-западном углу границы не ясны; здесь земляная стенка прослежена частично; а на значительном отрезке в этом районе граница была заметна лишь по верху зачистки. Юго-восточный угол площадки и северная ее граница выходят за пределы раскопа. Южная граница срезана заброшенной прригационной канавой. Уступчатость пятна в северной части раскопа создавала впечатление, что здесь либо сливаются, либо одно в другое врезаются два или три углубления, хотя пол всей площадки оказался на одном уровне.

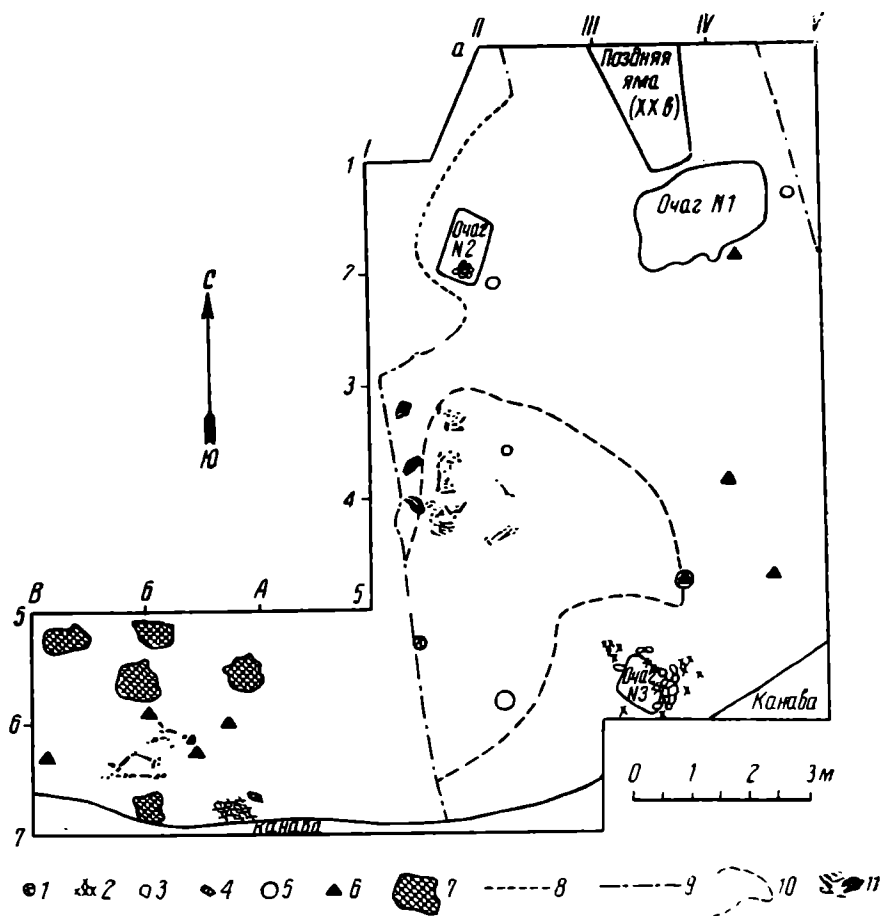

Рис. 15. Мало-Кизыльское селище. План раскопа I.

1 — место находки медной поделки; 2 — черепки; 3 — камни; 4 — береста; 5 — ямки; 6 — кости ног коровы; 7 — участки сильного прокала; 8 — граница углубления при зачистке на уровне грунта; 9 — земляные стенки углублений (землянок?); 10 — граница кострища; 11 — кости.

Помимо того, в северном конце в древнюю площадку явно врезалась часть поздней ямы трапециевидной формы, уходящей под северную стенку раскопа. Дно ямы оказалось почти совпадающим с полом древней площадки. Яма заполнена культурным слоем XX в. Это — остаток строений мельницы, следы которых в виде горизонтальных бревен и мощного слоя навоза обнаружены в северо-западной части раскопа.

На площадке выявлено три прямоугольных углубления — остатки очагов. Очаг № 1, находящийся в северо-восточном углу раскопа, имеет размеры 2.35×1.35 м и глубину от уровня пола 0.15—0.25 м. Углубление густо замощено валунами и галькой. Поверхность камней прокалена.

В 2.20 м к западу от очага № 1 находится очаг № 2 размерами 1.25×0.75 м, глубиной от уровня пола 0.10 м. В юго-восточном углу этого углубления оказалась вымостка из валунов величиной 0.50×0.30 м. На вымостке обнаружены ребра коровы и ребра и кости ног небольшого животного (ягненок или теленок). У южной стенки восточной части раскопа обнаружен очаг № 3 квадратной формы размерами 0.75×0.75 м, глубиной 0.10 м от уровня пола. С востока очажное углубление ограничено сплошной выкладкой из мелких валунов. Отдельные валуны оказались к северу от углубления и на его дне. Почти все очажное углубление заполнено черепками большого раздавленного круглодонного сосуда, стоявшего на очаге. Под ним хорошо прослеживается сильно прокаленный грунт на глубину до 0.20 м.

В разных местах площадки обнаружено пять круглых ямок типа ямок от столбов. Впрочем, две северо-западные ямки, диаметром 0.17—0.20 м.

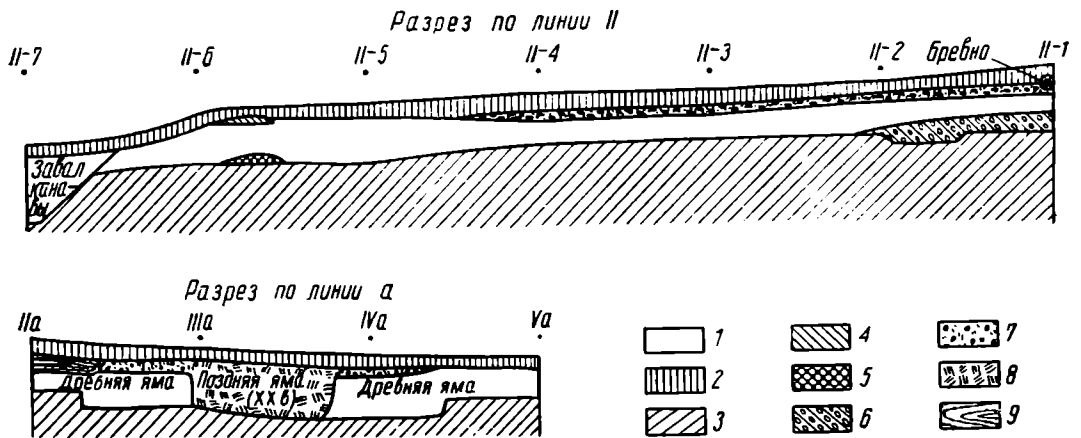

Рис. 16. Мало-Кизыльское селище. Профиль раскопа I.

1 — чернозем; 2 — пахотный слой; 3 — грунт; 4 — выкид из канавы; 5 — прокал; 6 — серый перегной с галькой; 7 — навоз; 8 — мусор; 9 — гипсушка.

имели совсем незначительную глубину — 0.10 м — и потому не могли служить гнездами для столбов. Можно думать, что эти ямки были предназначены для установки в них круглодонных сосудов; к тому же одна из них вырыта в непосредственном соседстве с очагом № 2.

Юго-восточная ямка, диаметром 0.40 м, глубиной в северо-восточной половине 0.43 м, в юго-западной — 0.38 м от пола, заполнена культурным слоем с большим содержанием мелких пережженных костей, среди которых обнаружены редкие находки необожженных костей, в том числе трубчатых (небольшого животного). Дно ямки было покрыто прокаленным слоем мощностью 0.03—0.07 м. На этом слое у восточной стенки лежали необожженные кости конечностей коровы в сочлененном состоянии. Содержание ямки может вызвать предположение о культовом ее назначении. Однако, принимая во внимание, что ямка захвачена пятном огромного кострища, более вероятно, что содержание ее является результатом оседания в нее участка кострища. В таком случае ямку нужно рассматривать как гнездо от столба, уничтоженного до сооружения кострища.

Юго-западная и северо-восточная ямки больше других подходят к типу ямок от столбов, в особенности северо-восточная. Эта ямка, диаметром

0.17 м, глубиной 0.35 м, примыкает к земляной стенке площадки; в ней найдены отдельные угольки, волокна которых часто были направлены вертикально. Между ямкой и земляной стенкой прослежено сгнившее бревно незначительного размера, с обожженным концом (что и предохранило его от полного сгнивания), волокна которого шли горизонтально вдоль земляной стенки. Сгнившее бревно, видимо, является остатком деревянной стенки, сделанной из плах, зажатых между столбами и земляной стенкой.

Вторая ямка, диаметром 0.35 м, глубиной 0.50 м, оказавшаяся под участком сильно прокаленного слоя (до кирпичного цвета) кострища, была заполнена пережженной почвой и костями. Здесь оседание кострища в ямку бесспорно.

В юго-западной части обнаружен огромный участок, равный четверти всей площадки раскопа, представлявший собой ряд тесно расположенных, часто сливающихся кострищных пятен, границы которых невозможно проследить. Пятна по существу сливаются в одно огромное кострище площадью приблизительно 20 кв. м. Весь этот участок раскопа дал особенно много пережженных мелких костей, хотя много таких измельченных костей встречалось и вне кострищного пятна.

На кострище, в северо-западной его части, обнаружены три сильно обожженных костяка коров. Костяки лежат в ряд на боку, головами к западу, причем головы захвачены лишь частично или совсем не захвачены кострищем. Хотя костяки сильно разрушились, так что обожженные кости распадаются при прикосновении на мелкие кусочки, все же удалось установить их положение. Два южных костяка сохранились более полно: они лежали рядом, мордами друг к другу. От третьего костяка сохранилось меньше костей, по остаткам которых можно определить, что туша коровы была положена на костер правым боком.

В западной части раскопа культурный слой обнаружен на уровне грунта. Следовательно и здесь почвенный слой был удален ранее, отчего получилась также площадка, но не столь углубленная, как в восточной части раскопа. Культурный слой имел тот же характер, что и в южной части раскопа. И здесь было много небольших пятен прокала, сливающихся и перекрывающих друг друга, а среди них мелкие косточки, большей частью пережженные, и несколько костей ног коровы в сочлененном состоянии. Среди кострищных пятен в небольшой впадинке без улавливаемых границ было обнаружено на глубине 0.70 м от современной поверхности погребение молодого человека (эпифизы не сращены). Костяк сильно обожжен, отчего сохранность костей чрезвычайно плохая. Наиболее сохранившиеся кости ступней и левые берцовые обуглены, прочие кости подверглись более сильному воздействию огня. Трупосожжение произведено на месте, на что указывает сильный провал грунта под костяком; но и засыпка погребения представляла собой почти сплошной провал с массой мелких пережженных косточек. Видимо огонь был разведен и над погребением после его засыпки.

Костяк лежал на спине головой к востоку-северо-востоку, левая нога вытянута, правая согнута так, что пяточная кость почти касается коленной чашечки левой ноги. Кости рук почти не сохранились. У таза были обнаружены фрагменты костей левого предплечья, а несколько фаланг лежало у таза и на тазу. Незначительные фрагменты предплечья и плечевой кости правой руки были несколько откинута вправо. Правая рука была, видимо, согнута в локте так, что кисть покоилась на груди; на ней сохранились отдельные фаланги. Кости позвоночника,

ребра, грудная, лопатки, ключица сохранились в виде совершенно незначительных обломков. Положение тазовых костей свидетельствует, что погребенный лежал на спине. Череп, сильно раздавленный, был повернут вниз правой стороной и сохранился не полностью. У правого локтя находилось костяное пряслице в виде плоского диска, сделанное из бедренной головки какого-то животного. У правого плеча оказался медный, слегка изогнутый нож без черешка, типа ножей Верхне-Кизыльского клада. Вокруг костяка найдено несколько необожженных конечностей коровы в сочлененном состоянии.

В 1 м к юго-востоку от костяка на пятне сильного прокала, на краю ирригационной канавы, в которую упирается раскоп, оказалась груда черепков от раздавленного сосуда, часть которого была обнаружена в склоне канавы в прошлом году. Рядом с сосудом находились отдельные обожженные кости, в том числе челюсть коровы и остатки частично обугленной берестяной поделки, видимо туюска (бурачка).

Культурный слой содержал большое количество чрезвычайно мелких пережженных косточек черного и синева-белого цвета, значительно

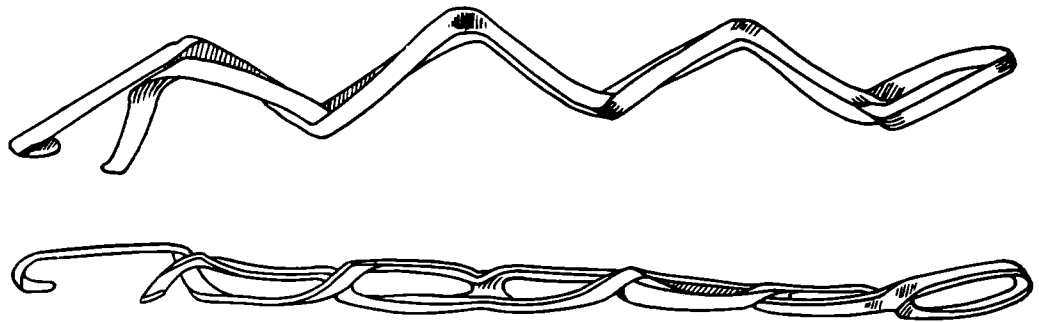

Рис. 17. Изделие из медной пластинки из Мало-Кизыльского селища.

меньше — необожженных костей, и лишь изредка в нем встречались отдельные черепки. В ряде мест найдены необожженные кости ног коровы, как правило, в сочлененном состоянии: бабки и копыта.

Помимо костей, на площадке найдено 11 черепков, два раздавленных сосуда, отщеп кремня, большой обломок зернотерки, медная поделка непонятного назначения в виде зигзага, согнутого из двух узких лент, образующих на концах петли, одна из которых разорвалась (рис. 17).

Чтобы получить дополнительные данные для выяснения характера памятника, в 1950 г. раскоп I был расширен к северо-западу путем прирезки раскопа II площадью 88 кв. м. Предполагалось найти здесь еще погребения. В средней части раскопа II были обнаружены два маленьких очажка в виде прокаленной почвы и скопления золы. К северу от очагов раскоп пересекался рвом, который выходил из-под западной стенки и уходил в северо-восточном направлении за пределы раскопа.

Ров, глубиной от уровня глины 0.44 м (от современной поверхности 0.95 м), шириной по дну 0.80 м, а на уровне глины — 1.20 м, был заполнен очень твердым черноземом, в котором найдено несколько костей животных, две кремневые ножевидные пластинки и небольшой черепок с гребенчатым орнаментом. Этот ров является отрезком более крупного оружия, видимо окружавшего что-то расположенное к северу от него; последнее доказывается формой рва: он вогнут с севера и выгнут к югу.

Южный конец раскопа, примыкающий к западному выступу раскопа I, где в 1949 г. было найдено погребение, занят углом прямоугольного углубления, уходящего под западную и южную стенки раскопа. Стенки углубления ориентированы почти прямо по сторонам горизонта. Глубина его от уровня грунта — 0.42 м. У середины северной стенки в углублении оказалась ямка от столба диаметром 0.25—0.30 м, глубиной от пола 0.43 м. Нижний горизонт заполнения углубления, мощностью 0.20 м, был слегка пропитан углями, а местами, так же как и глинистый пол, прокален. В виде угля встречались иногда остатки длинных поленьев, лежавших горизонтально. Особенно интенсивный прокал установлен в двух пунктах, где были обнаружены кострища площадью 0.50×0.75 м. В заполнении углубления встретилось несколько обожженных костей животных.

Описанное углубление является продолжением второй площадки, обнаруженной в 1949 г. в западном выступе раскопа I, где также были встречены кострищные пятна.

В раскопе II также привлекает внимание бедность культурного слоя. В черноземе, на площади в 80 кв. м, найдено только 25 черепков, 6 ножевидных пластинок, 4 кремневых отщепа, 2 обломка раковин, одна кость и изделие из свинца, имеющее форму браслета.

Таким образом находки и наблюдения на раскопах I и II убеждают в том, что вскрытый здесь участок памятника носит явно ритуальный характер. Малочисленность бытовых остатков и, наоборот, большое количество пережженных мелких косточек, остатки трех преднамеренно целиком сожженных коров, много кострищ на большой площади — все говорит в пользу трактовки восточной части вскрытой площади в качестве места жертвоприношений. Наличие очагов в виде прямоугольных углублений также не может противоречить такому определению этого участка памятника.

В. Ф. Смолин¹ отмечает находку очажного углубления прямоугольной формы среди могильных ям в одном из курганов Абашевского могильника. Наши очаги имеют такую же странную, необычную для очажных ям в жилищах форму. Форма наших очагов может получить объяснение при сопоставлении их с жаровней, обнаруженной О. А. Кривцовой-Граковой в погребении № 1 кургана № 3, раскопанного ею в Абашевском могильнике. Эта жаровня представляла собой деревянный прямоугольный ящик, заполненный землей и песком. На дне углубления, сделанного по середине жаровни, лежали сильно обугленные кости животных, а над ними находился прокаленный песок. Следует полагать, что и для устройства очагов применялись деревянные рамы, вставлявшиеся в яму для закрепления ее стенок, чем и объясняется прямоугольная форма очагов. Таким образом, очаги описанного устройства характерны для культовых памятников абашевской культуры. К тому же можно считать, что очаги непосредственно связаны с могильником, остатком которого является несомненно костяк, обнаруженный в западном выступе раскопа I, и с группой раздавленных сосудов и туесом, которые были найдены на краю канавы в 1948 и 1949 гг. Большая часть могильника, повидимому, была уничтожена обрывом и канавой. Обнаруженный в 1949 г. в этом районе клиновидный топор, а также глиняные «стаканчики», находки которых в прошлом при работах на огороде, по словам хозяина последнего, Е. Левина, были нередки, повидимому, надо рассматривать как доказательства разрушения могильника. Н. Н. Бортвин также упоминает о находках нескольких маленьких горшочков вместе с кладом. Видимо остатки

¹ В. Ф. Смолин указ. соч.

могильника следует искать к западу от раскопа I. Наши попытки найти их к северо-западу от последнего не увенчались успехом. Жертвенная площадка или несколько соединенных вместе площадок были углублены в грунт и, по всем данным, имели покрытие или во всяком случае достаточно высокие и прочные ограждения. Наличие хотя и небольшого числа ямок от столбов и в особенности остаток деревянной стенки, прослеженной между северо-восточной ямкой и земляной стенкой, заставляют предполагать здесь мелкие полуземлянки или одну большую полуземлянку со стенами и крышей. Найденные кости конечностей коровы, заведомо отделенные от туши, отброшенные целиком и не потревоженные в дальнейшем, принадлежат безусловно жертвенным животным. Сохранность их в сочлененном состоянии возможна была только в том случае, если они лежали внутри какого-то ограждения. В противном случае их неизбежно растащили бы собаки.

Наконец, культовый характер описанных сооружений подтверждается тем, что в раскопе III, где было обнаружено жилище, состав культурного слоя был совершенно иным. Так, на площади 214 кв. м было найдено более 1000 обломков глиняных сосудов и много орудий и бытовых вещей.

Раскоп III (рис. 18 и 19) был заложен к северо-востоку от раскопа I на небольшой впадине, которая, как оказалось, представляла собой остатки жилища. Основным сооружением, вскрытым в раскопе III, была половина прямоугольного, слегка углубленного одной стороной в землю жилища; последнее обстоятельство, по всей вероятности, было вызвано необходимостью получить горизонтальный пол на наклонной поверхности. Ряд ямок от столбов, идущих вдоль жилища, отделяет южную его треть от остальной площади. Это при отсутствии ямок вдоль стен заставляют предполагать двускатную асимметричную крышу, которая была приподнята над южной стенкой, обращенной к реке, где был, по видимому, вход, и опиралась за северной стенкой в землю. Стены и, возможно, крыша были присыпаны землей, на что указывают мелкие обширные углубления, обнаруженные в юго-западной части раскопа, которые можно объяснить лишь как выемки, откуда бралась земля. В жилище найдены очаги-кострища, завалы костей, много керамики, в том числе раздавленные сосуды, кремневый наконечник стрелы, каменный отбойник, а также погребение ребенка. Густое скопление культурных остатков встречено и возле жилища, к югу от него, перед предполагаемым входом. Из изделий здесь были найдены каменная модель булавы, кремневый наконечник стрелы, каменный пест, каменная мотыга, обломок глиняного вкладыша.

В 1950 г. на селище, в 65 м к северу от раскопа II, во время вспахивания огорода был найден вислообушный топор характерной для лесных культур формы¹ (рис. 20).

Кроме жилого комплекса, в раскопе III оказалось несколько кострищ, возле одного из которых найдены части расчлененного, небрежно бронzenого костяка женщины с бронзовыми украшениями. В раскоп попала небольшая часть рва, а в нем в слое золы, вероятно, остатки трупосожжения с побывавшими в огне бронзовыми украшениями, а также, по видимому, погребение тельца, без черепа. На краю рва с одной стороны был обнаружен огромный зольник, на котором, очевидно, было произведено сожжение, а с другой стороны — захоронение второго тельца, заваленное камнями.²

¹ Хранится в Магнитогорском музее.

² Подробное описание находок и результатов исследования раскопа III см.: К. В. С а л ь н и к о в. Южно-Уральская археологическая экспедиция.

Найденные бронзовые изделия типичны для абашевской культуры. Численное преобладание среди находок на селище керамики и ее важное значение для выводов об этнической принадлежности населения, оставившего селище, заставляют остановиться на рассмотрении посуды более подробно.

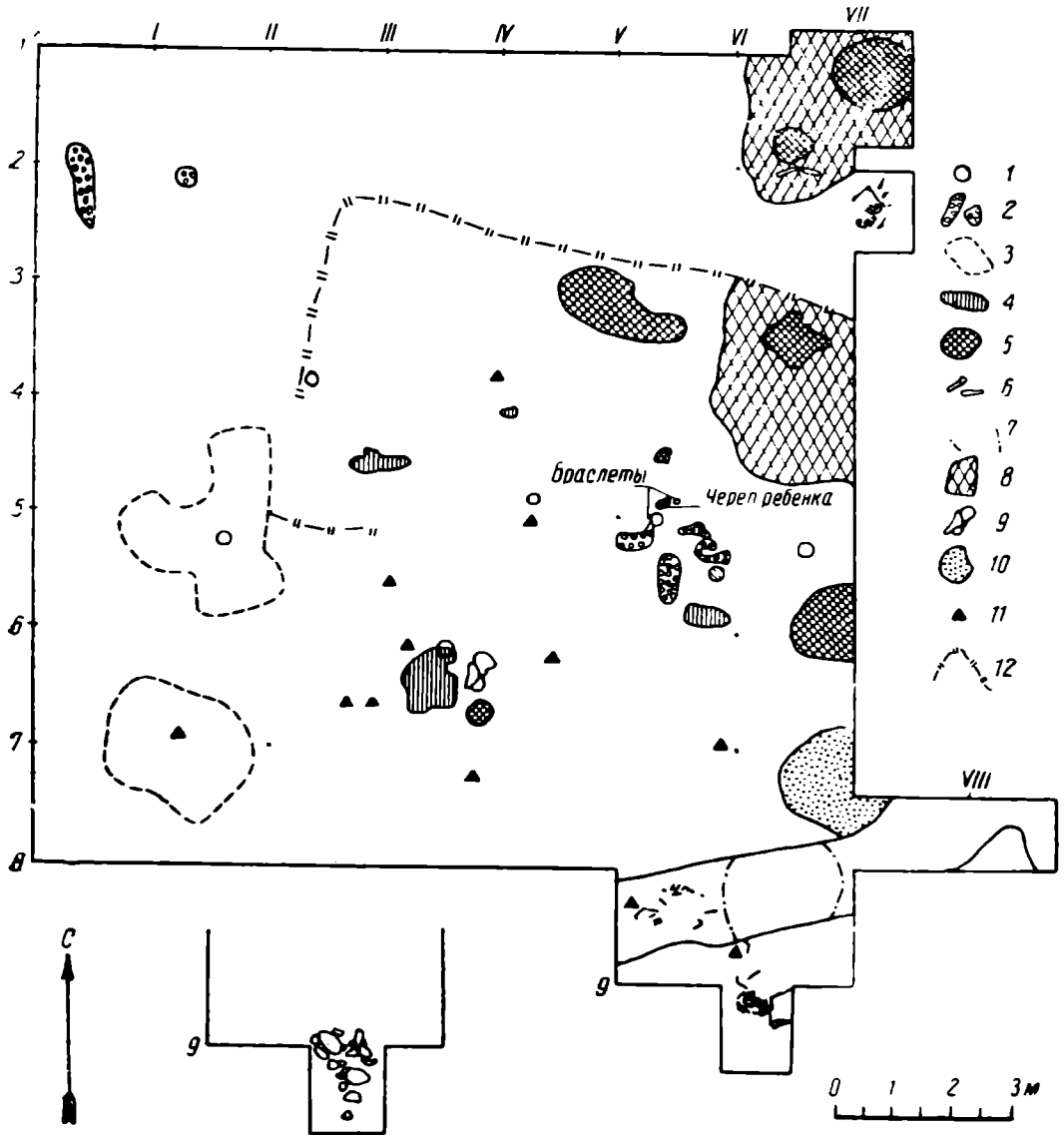

Рис. 18. Мало-Кизыльское селище. План раскопа III.

1 — ямка от столба; 2 — площадки шлаков; 3 — углубления; 4 — скопления черепков; 5 — провал-очаг; 6 — кости ноги человека; 7 — место находок украшений во рву; 8 — углистый слой; 9 — обломки зернотерки; 10 — зольник; 11 — поделки из камня и бронзы; 12 — стенка жилища.

В глине обычна примесь талька, иногда в большом количестве, что типично для восточноуральской керамики и других культур.

По форме сосудов и по орнаменту керамика Мало-Кизыльского селища весьма разнообразна. Наиболее распространенным является тип сосудов со слабо выраженной шейкой, слабо отогнутым наружу, а иногда и прямым краем. У некоторых из этих сосудов дно круглое. Прочие типы представлены единичными экземплярами: горшки, низкие чашки, лишённые

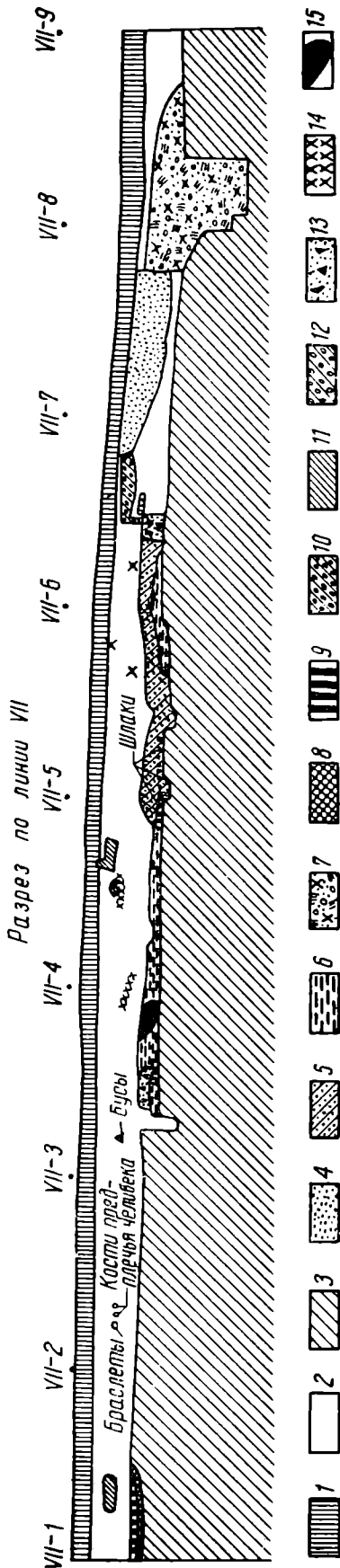

Рис. 19. Мало-Клызское селище. Профиль восточной стенки раскопа III.

1 — пахотный слой; 2 — чернозем; 3 — грунт; 4 — зола; 5 — золотый слой; 6 — углистый слой; 7 — чернозем с включением золы, глины, костей; 8 — провал; 9 — черепки; 10 — чернозем с глинистыми включениями; 11 — камни; 12 — глинистые включения; 13 — красноволнистый слой; 14 — кости животных; 15 — поря.

горла и с суженным дном, чашки со слабо выраженным горлом и широким дном, маленькие низкие сосуды с ребром на половине высоты, хорошо выраженным горлом и отогнутым краем, сосуды вазообразной формы с широким отгибом — раструбом — края и узким дном, сосуды с выраженным вертикальным невысоким горлом и сильно раздутым туловом, возможно бомбовидные.

Рис. 20. Бронзовый вислообушный топор из Мало-Клызского селища.

За исключением единичных находок сосудов вазообразной формы, днища всех остальных сосудов отличаются мягкими, иногда совершенно незаметными переходами от стенок. Граница между стенкой и дном образует всегда очень тупой угол. Изредка встречаются сферические днища.¹

Разнородный орнамент сосудов весьма оригинален и имеет очень мало аналогий с орнаментом других, даже соседних и синхроничных, культур. Орнамент редко распространяется на всю поверхность и только в единичных случаях захватывает и уплощенное днище. Иногда отмечается орнаментальная полоса у дна. Встречаются и совсем неорнаментированные сосуды.

¹ К. В. С а л ь н и к о в. Памятники абашевской культуры близ Магнитогорска, рис. 26, 27.

Орнамент нанесен двумя инструментами — гребенчатым штампом и острием. Первый дает гребенчатые оттиски, вторым прочерчивались резные узоры, делались короткие насечки-ямки. Иногда конец этого острия был настолько толст, что прочерчиваемые им линии приобретали вид широких (до 0.4—0.8 см) желобков.

Наиболее распространенным узором, нанесенным гребенчатым штампом, являются горизонтальные или зигзагообразные пояски, охваты-

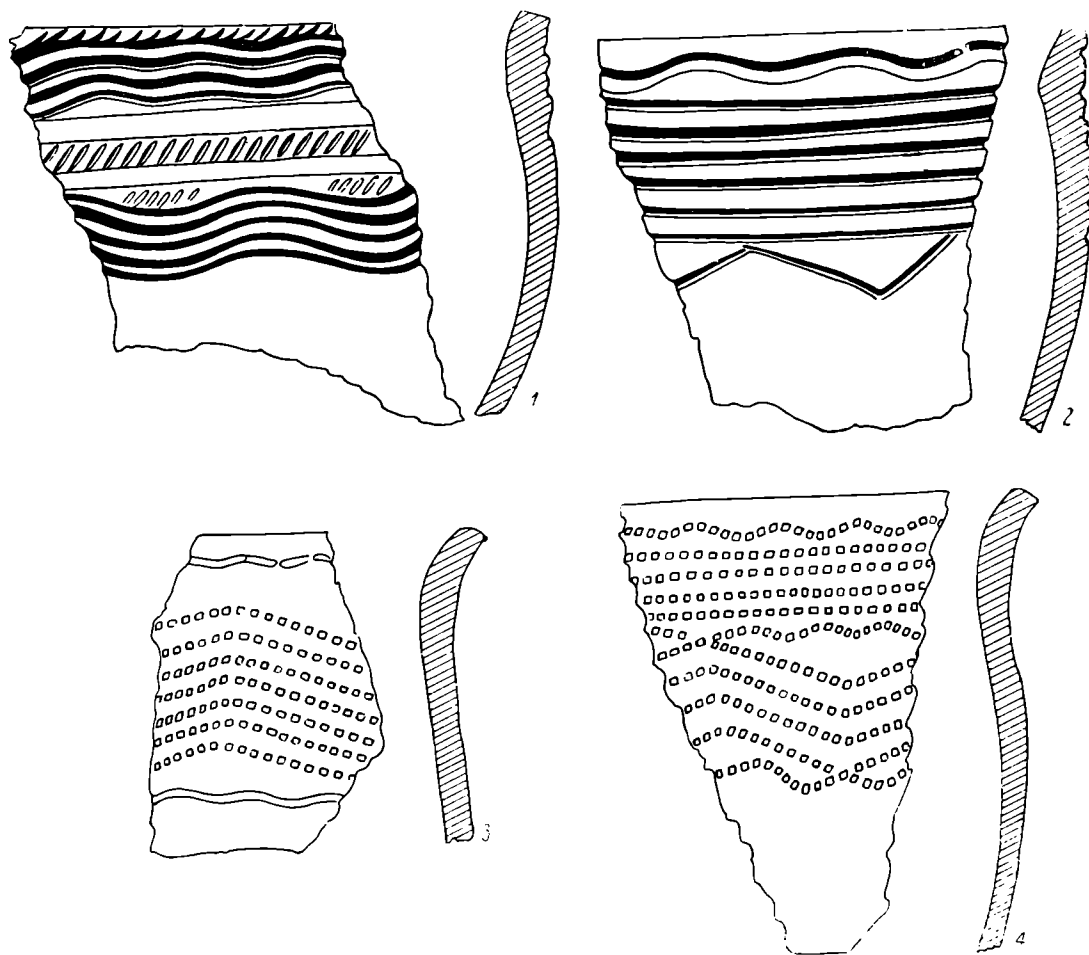

Рис. 21. Образцы керамики из Мало-Кизыльского селища.

вающие верхнюю часть сосуда в несколько, иногда много рядов, образуя сплошные широкие полосы (рис. 21, 3, 4 и 23, 3). Нередко оба вида поясков сочетаются на одном сосуде. Поля поясков заканчиваются снизу зигзагом, причем этот зигзаг иногда образует острые углы, которые также заштриховываются горизонтальными линиями.¹ В некоторых случаях поля поясков ограничиваются сверху зигзагом из овальных оттисков.²

Единичны другие виды гребенчатого орнамента: наклонные оттиски между двух горизонтальных зигзагов — своеобразная горизонтальная «лесенка» (рис. 23, 1), незаштрихованные ромбы (рис. 22, 2), группы полос с чередующимся наклоном то в одну, то в другую сторону (рис. 24, 5),

¹ Там же, рис. 27.

² См. там же, рис. 26, 27.

узкие треугольники, линии «шагающей» гребенки (рис. 22, 1), меандр, горизонтальная «елочка».

На крупных сосудах оттиски крупного гребенчатого штампа столь глубоки, что образуется желобок.

Резной орнамент наносился тупой и довольно толстой палочкой. Желобки, прочерченные им, образуют узор, состоящий из многих рядов горизонтальных или волнистых поясков, охватывающих верхнюю половину сосуда. Эти ряды поясков иногда дополняются рядами вертикальных или наклонных насечек. Последние в одних случаях обрамляют ряды поясков сверху и снизу, в других нанесены прямо на желобки, часто не сплошь, а группами, разделенными интервалами (рис. 21, 1), иногда в шахматном порядке. Поля поясков в некоторых случаях покрывают всю поверхность сосуда, но нанесены чрезвычайно небрежно и слабо, отчего местами орнамент больше напоминает грубые штрихи от заглаживания поверхности гребенкой, нежели орнамент. На одном сосуде ряды

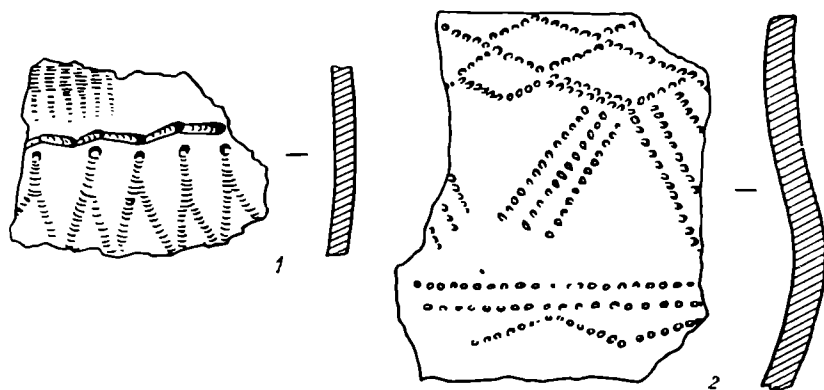

Рис. 22. Образцы керамики из Мало-Кизыльского селища.

поясков снизу заканчиваются рядом полукружий, вписанных друг в друга (рис. 23, 2).

Необходимо отметить случаи, когда узкая орнаментальная полоска оказывается на срезе горла сосуда и вдоль его внутреннего края (рис. 23, 1).

По форме сосудов керамика селища не имеет ничего общего с соседними памятниками андроновской культуры. Она находит себе аналогии на Западе, отдельные сосуды — в Абашевском могильнике. Так, сосуды с ребром аналогичны сосудам из кургана № 9 Абашевского могильника.¹ Некоторые близки колоколовидной керамике с селища Баланбаш, с которой малокизыльскую керамику связывает характер дна с мягким переходом к стенкам. Уникальный вазообразный сосуд близок сосуду из Тюнина.²

Преобладающие в малокизыльской керамике элементы орнамента — ряды поясков из горизонтальных и волнистых желобков, гребенчатых зигзагов, высокие арочки, группы насечек — мы находим в керамике опять же с селища Баланбаш.³

Как влияние андроновской культуры, нужно рассматривать наличие на одном сосуде гребенчатого меандра, но он сочетается с зигзагами и

¹ О. А. Кривцова Гракова, указ. соч., рис. 38.

² А. А. Иессен. Раскопки В. Н. Глазова у с. Тюнина в 1910 г. ЛИДО, 1934, № 6, стр. 96, рис. 1, 1.

³ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников, указ. соч., табл. XX и XXI.

пояском незаштрихованных ромбов, совсем не характерными для андроновской керамики; да и сама форма данного сосуда не андроновская. По внутреннему краю сосуда имеется узкая орнаментальная полоса — явление, абсолютно не свойственное андроновской керамике. Как известно, в андроновской керамике в свою очередь отмечаются абашевские влияния.¹

Ряд элементов формы сосудов и орнамента не связывается с андроновскими и абашевскими, в том числе и с керамикой селища Баланбаш. Эти элементы находят себе аналогии в лесной полосе Урала. Слабо выраженное горло, а иногда и отсутствие его у ряда сосудов с Мало-Кизиль-

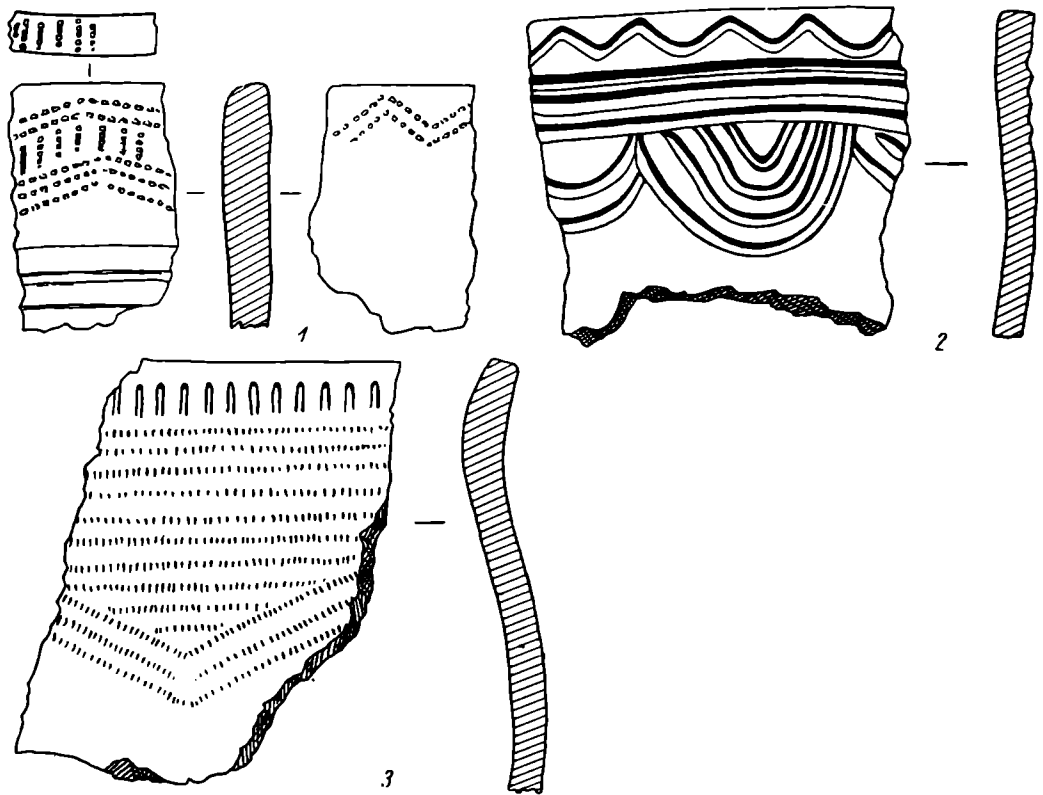

Рис. 23. Образцы керамики из Мало-Кизильского селища.

ского селища сближают эти сосуды с прямостенной керамикой лесной полосы Урала и Зауралья, где эта форма сохраняется от неолита до памятников раннежелезного века.

Незаштрихованные ромбы известны нам среди сосудов андроновской культуры только на одном черепке из Алексеевского селища, но они нередки в лесных памятниках: на Полуденской стоянке,² на Левшинской стоянке,³ на стоянке Кысы-Куль близ г. Миасса,⁴ на стоянках по среднему течению р. Исети (разведки К. В. Сальникова в 1940 г.). Овальные оттиски очень часто встречаются на керамике среднего лесного Зауралья, встре-

¹ О. А. Кривцова Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, т. XVII, 1948, рис. 43, 50, 1, 64.

² О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI, 1947, рис. 51, II.

³ А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, V, 1940, рис. 13.

⁴ К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, рис. 6, 2.

чаются они и на Левшинской стоянке.¹ «Шагающая» гребенка — явление, обычное для лесной керамики как на западном склоне Урала,² так и на восточном (Полуденка II, раскопки Н. П. Кипарисовой).

Орнаментация внутреннего края сосуда также типична для памятников лесной полосы Урала и не характерна для степных.

Украшение верхней части сосудов широкой полосой, состоящей из отдельных горизонтальных поясков желобчатых или гребенчатых отгисков и заканчивающейся снизу треугольными лопастями, заполненными такими же поясками, — наиболее характерная черта керамики Мало-Кизыльского селища.

При многих общих чертах с керамикой абашевской культуры Чувашии, известной по весьма ограниченному материалу, керамика Мало-Кизыльского селища имеет и свои особенности, которые заставляют рассматривать этот памятник как уральский вариант абашевской культуры. Характер керамики Мало-Кизыльского селища указывает на ее связи с другими уральскими культурами. Особый интерес в этом отношении представляет находка остатков берестяного твеса, сохранившегося в виде одиннадцати небольших фрагментов. Часть из них дает некоторый материал для суждения о предмете. Наиболее крупный кусок (5.5×2.3×0.8 см) от края твеса состоит из двух слоев бересты, сшитых сквозным швом вдоль края. На нем имеется четыре сквозных отверстия и три отверстия, проколотых снизу вверх четырехгранным шилом. Верхние края последних трех отверстий смяты, видимо, в результате подвешивания за них сосуда. Есть отверстия и на некоторых других кусках. На двух кусках, лишенных отверстий и потому относящихся, по видимому, к средней части стенки твеса, заметен орнамент в виде прочерченных пересекающихся линий, одинарных и двойных, которые образуют сетку ромбов.

По существу памятник на р. Малом Кизыле является не селищем, а памятником сложным, где наравне с поселением оказались погребения, может быть целый могильник, погребения в жилище, признаки трупосожжения, ритуальные захоронения телят, признаки возможного человеческого жертвоприношения (находка расчлененного костяка возле кострища), жертвенная площадка. Все комплексы памятника несомненно одновременны и относятся к абашевской культуре. Некоторые типы керамики, найденной в жилище, увязываются с сосудом, входившим в Верхне-Кизыльский клад. На жертвенной площадке вся керамика — отдельные черепки и сосуд на южном очаге — принадлежала к тому же типу, что и в жилище. Костяки в раскопе III и трупосожжение сопровождалось типичными абашевскими украшениями, в том числе серебряными спиральными височными колечками и бронзовыми бляшками-розетками. Погребение в раскопе I сопровождалось бронзовым ножом типа Верхне-Кизыльского клада.

Сравнение этого погребения с погребальными памятниками абашевской культуры, а именно с погребениями Абашевского могильника, исследованного В. Ф. Смолиным и О. А. Кривцовой-Граковой в Чувашской АССР,³ дает возможность подтвердить принадлежность Мало-Кизыльского селища и Абашевского могильника к одной культуре.

¹ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, № 1, 1940, табл. VI, 7.

² Там же, табл. VI, 12; А. В. Шмидт, указ. соч., рис. 12.

³ В. Ф. Смолин, указ. соч.; О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник.

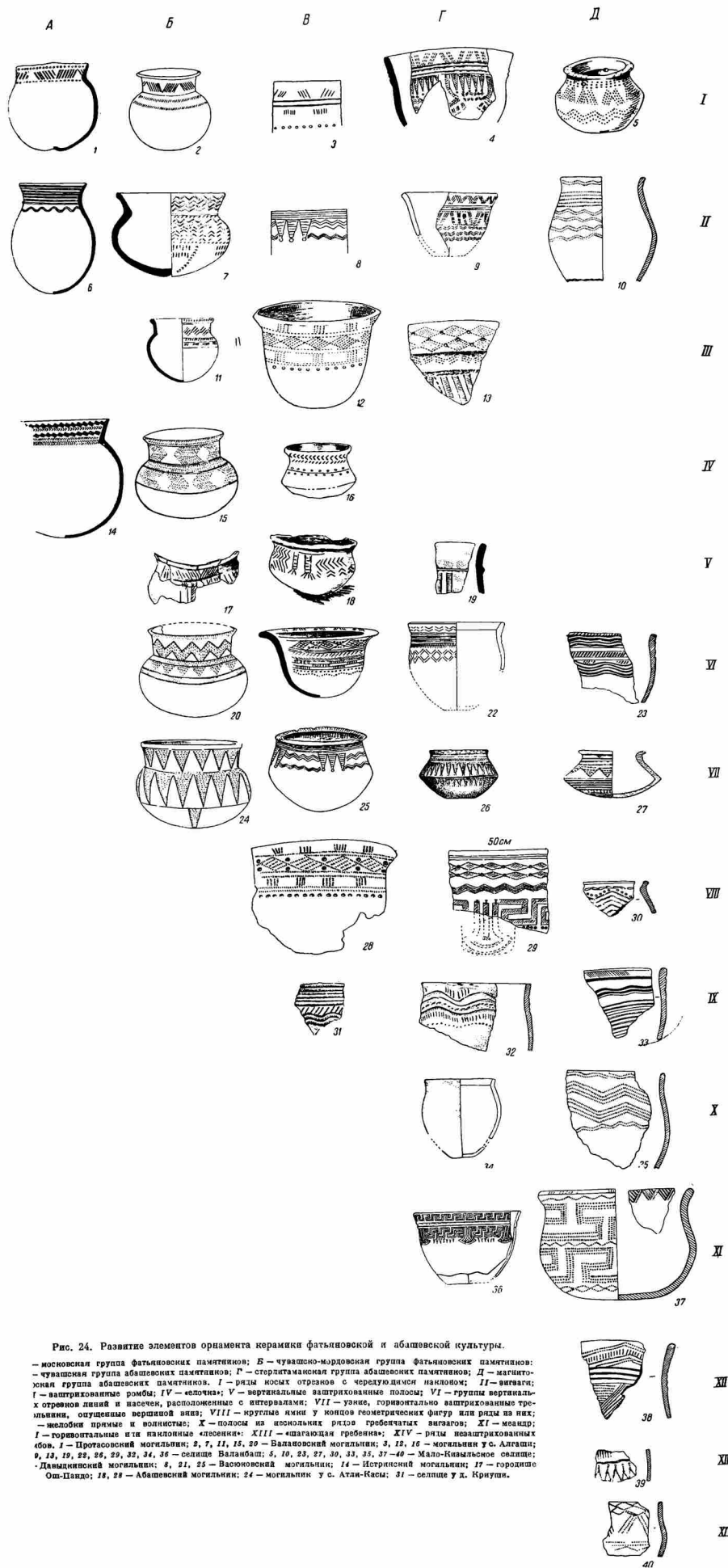
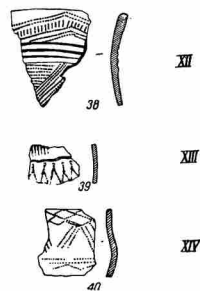

Рис. 24. Развитие элементов орнамента керамики фатьяновской и абашевской культуры.

— московская группа фатьяновских памятников; Б — чувашско-мардовская группа фатьяновских памятников; — чувашская группа абашевских памятников; Г — стерлитамакская группа абашевских памятников; Д — магнитогорская группа абашевских памятников. I — ряды носых отрезков с чередующимся наклоном; II — вигваги; Г — вастрикованные ромбы; IV — «елочка»; V — вертикальные вастрикованные полосы; VI — группы вертикальных отрезков линий в насечку, расположенные с интервалами; VII — ушки, горизонтально вастрикованные треугольниками, ослепшие верхней частью; VIII — круглые ямки у концов геометрических фигур или ряды из них; — мелочия прямые и волнистые; X — полосы из несомкнутых рядов гребенчатых вигвагов; XI — меандр; I — горизонтальные или наклонные «лесенки»; XIII — «шагающая гребенка»; XIV — ряды невастрикованных обов. 1 — Провазовский могильник; 2, 7, 11, 13, 20 — Валуевский могильник; 3, 12, 16 — могильник у с. Алгаш; 8, 12, 19, 24, 26, 29, 32, 34, 36 — селце Балашов; 5, 10, 22, 27, 30, 32, 35, 37—40 — Мало-Князьское селце; — Дамышевский могильник; 8, 21, 25 — Вазюковская могильник; 14 — Истринский могильник; 17 — городище Омь-Паво; 18, 28 — Абашевский могильник; 24 — могильник у с. Атли-Касы; 31 — селце у д. Криуши.

Оба упомянутые исследователя отмечают большое значение огня в погребальном ритуале Абашевского могильника: посыпка углем и целые кучки углей в могилах и возле них, жертвенники в виде углублений, заполненных углистым слоем, жаровня в могильной яме, очажные пятна вблизи могил и т. п. Костяки в большинстве могил Абашевского могильника лежали на спине, с согнутыми ногами, с кистями рук, положенными на таз. Почти ту же картину мы видим и в погребении, вскрытом нами на р. Малом Кизыле. Отличием здесь является вытянутость левой руки и левой ноги. Но в двух случаях в раскопках В. Ф. Смолина отмечается такое же вытянутое положение одной, и именно левой, руки вдоль туловища при согнутой в локте правой руке (насыпь V, могила № 4, костяки № 2 и № 4). Находка в нашем погребении фаланг в области таза указывает, что кисть левой руки помещена была на тазу, как во многих могилах Абашевских курганов.

Таким образом, не только предметы материальной культуры, но и многие черты культового обряда роднят обитателей Мало-Кизыльского селища с племенами абашевской культуры.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АБАШЕВСКИХ ПЛЕМЕН ЮЖНОГО УРАЛА

Все большее и большее признание в советской науке приобретает мнение, что абашевская культура преемственно связана с фатьяновской через самый восточный и вместе с тем наиболее поздний, чувашский вариант последней, представленный Балановским могильником.¹ Правда, О. Н. Бадер, первый высказавший мнение о преемственной связи между фатьяновской и абашевской культурой, сейчас считает такую связь мало вероятной.²

Накопленный на Южном Урале материал позволяет высказать некоторые соображения по существу этого вопроса. Если абашевские памятники рассматривать не как единое целое, а по районам, то получают интересные результаты. Имеющиеся данные дают возможность выделить три района: 1) чувашский, 2) стерлитамакский и 3) магнитогорский, или зауральский.³ Целесообразнее рассматривать каждую уральскую группу в отдельности — не столько из-за территориальной разобщенности, сколько из-за различий в материальной культуре, проявляющихся в первую очередь в орнаментации керамики. Эти различия отчасти хронологического порядка, но главным образом они отражают разницу в исторической обстановке, в которой развивались абашевские племена в Приуралье и Зауралье.

Анализируя форму и орнаментацию керамики памятников каждого района, можно заметить, что по мере удаления на восток число элементов, связывающих керамику абашевской культуры с фатьяновской, уменьшается и, наоборот, появляются новые, находящие аналогии в других местных культурах (рис. 24 и 25). Создается впечатление, что мы здесь наблюдаем явление, аналогичное прослеженному О. А. Кривцовой-

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Фатьяновская культура. Реф. научно-исслед. работ за 1945 г. ОИФАН, 1947, стр. 59; она же. Абашевский могильник, стр. 95, 96; А. П. Смирнов, указ. соч., стр. 13; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 255.

² О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, № 1, стр. 81.

³ Находки отдельных абашевских памятников в областях средней России здесь не учитываются вследствие их малочисленности и недостаточной изученности.

Фатьяновская культура		Абашевская культура		
московская и ярославская группы	чувашская группа	Чувашия	стерлитамакский район	магнитогорский район
I				
II				
III				
IV				
V				
VI				
VII				
VIII				
IX				
X				
XI				
XII				
XIII				
XIV				

Рис. 25. Развитие элементов орнамента керамики фатьяновской и абашевской культуры.

I — ряды косых отрезков с чередующимся наклоном; II — зигзаги; III — заштрихованные ромбы; IV — «елочка»; V — заштрихованные вертикальные полосы; VI — группы вертикальных отрезков линий и насечек, расположенные с интервалами; VII — узкие, горизонтально заштрихованные треугольники, опущенные вершиной вниз; VIII — круглые ямки у кондов геометрических фигур или ряды из них; IX — желобки прямые и волнистые; X — полосы из нескольких рядов гребенчатых зигзагов; XI — меандр; XII — горизонтальные или наклонные «лесенки»; XIII — «шагающая гребенка»; XIV — ряды незаштрихованных ромбов.

Граковой для фатьяновских памятников.¹ Есть основание думать, что абашевские племена не только происходят от восточных фатьяновских (балановских), но что они продолжали передвижение на восток, начатое их предками.

Такое интересное явление, как вторжение с юго-запада фатьяновских скотоводческих племен и расселение их между чуждыми им по культуре, охотничье-рыболовецкими племенами с ямочно-гребенчатой керамикой лесной полосы, с одной стороны, и племенами степных скотоводов катакомбной культуры — с другой,² повторяется в последующие столетия в более восточных районах. В конце II тысячелетия до н. э. абашевские племена заселяли здесь сравнительно узкую площадь, тянущуюся с запада на восток между лесными северными племенами с культурами сейминско-турбинского и шигирского типов и степными южными племенами срубно-хвалынской и андроновской культур.

Южноуральские абашевские племена имеют в материальной культуре некоторые точки соприкосновения с инокультурными местными племенами, но вместе с тем они сохраняют массу элементов, абсолютно чуждых последним и находящих себе полную аналогию или следы преемственности в фатьяновских памятниках, что особенно хорошо прослеживается на орнаментации керамики.

Основными элементами фатьяновского орнамента, проходящими через все стадии развития керамики этой культуры, О. А. Кривцова-Гракова считает: 1) ряды косых отрезков с чередующимся наклоном то в одну, то в другую сторону; 2) зигзаги; 3) горизонтальный и вертикальный елочный узор; 4) заштрихованные ромбы.³

Территориально ближайшими к позднейшим фатьяновским памятникам чувашской группы являются абашевские памятники с территории Чувашской и Татарской АССР. К сожалению, мы располагаем слишком ограниченным числом опубликованных изображений абашевских сосудов с памятников этого района. И все же устанавливается, что в абашевскую эпоху древняя керамика в Чувашии сохраняет все основные (по мнению О. А. Кривцовой-Граковой) элементы орнамента фатьяновской посуды: зигзаги,⁴ горизонтальную и вертикальную «елочку»,⁵ заштрихованные ромбы,⁶ ряды коротких косых линий с чередующимся наклоном.⁷

К этим четырем элементам орнаментации, переходящим с фатьяновской посуды на абашевскую, необходимо прибавить еще три. Одни из них не наблюдаются в классическом фатьяновском орнаменте, а возникают в поздних фатьяновских памятниках Чувашии, что еще более убедительно подчеркивает направление развития орнамента на фатьяновско-абашевской керамике, другие имеют более глубокие корни. К первым элементам нужно отнести в памятниках балановского типа узкие, ори-

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

² А. Я. Брюсов, указ. соч.; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, гл. XI.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников. ., стр. 28.

⁴ Н. Ф. Калинин. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, рис. 19, 9, 13.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник, рис. 38; П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, рис. 19.

⁶ П. Н. Третьяков, указ. соч., рис. 18; В. Ф. Смоленин, указ. соч., рис. 14.

⁷ Н. Ф. Калинин, указ. соч., рис. 19, 2.

горизонтально заштрихованные треугольники, опущенные вершиной вниз,¹ и вертикальные заштрихованные полосы.² Узкие треугольники наблюдаются не только в могильнике Атли-Касы в Чувашии, но и в позднефатьяновских поселениях Мордовии — Ош-Пандо и Ашта-Пандо.³ Вертикальные заштрихованные полосы известны только в памятниках Мордовии, где они имеют наклонную штриховку.

Возникшими много ранее мы считаем пояски, составленные из групп коротких вертикальных оттисков гребенки и нарезных линий, расположенных с интервалами. О. А. Кривцова-Гракова сопоставляет эти орнаментальные мотивы с орнаментом на сосудах Ярославской группы фатьяновских памятников.⁴ На наш взгляд, элемент орнамента в виде групп вертикальных отрезков линий зарождается еще в среднеднепровской культуре,⁵ проходит через все этапы фатьяновской керамики, затем, начиная с Балановского могильника, мельчает,⁶ а в абашевских памятниках превращается в группы насечек (рис. 26). Прослеженная преемственная связь подтверждается частыми случаями расположения групп отрезков линий или насечек в шахматном порядке на всем пути их развития.

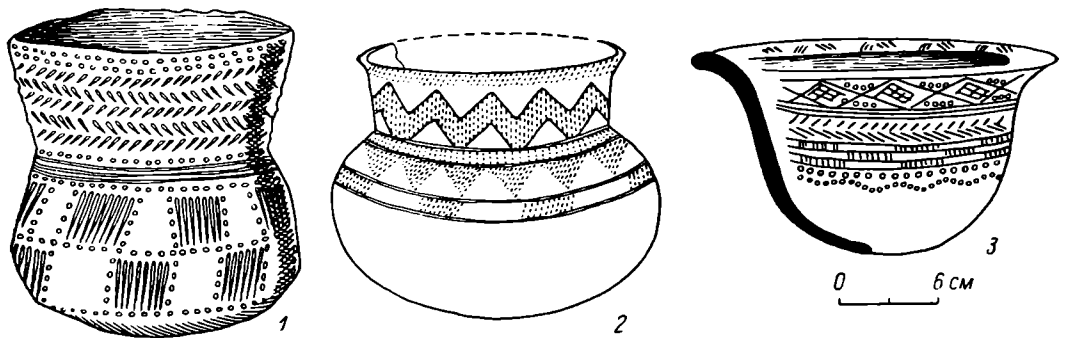

Рис. 26. Развитие орнамента в виде групп вертикальных отрезков линий.

1 — среднеднепровская культура (дер. Дубровка); 2 — фатьяновская культура (с. Баланово); 3 — абашевская культура (с. Васюково).

В абашевских памятниках эти позднефатьяновские (балановские) элементы орнамента приобретают широкое распространение. В Чувашской АССР мы видим узкие треугольники описанного типа в керамике могильника у с. Васюкова;⁷ вертикальные заштрихованные полосы наблюдаются в могильниках Абашевском,⁸ Тауш-Касы и др., из числа исследованных П. П. Ефименко. Группы насечек встречаются на сосудах из могильников у сел Абашево,⁹ Васюково,¹⁰ Алгаши.¹¹

¹ П. Н. Третьяков. Из материалов Средне-Волжской экспедиции ГАИМК. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 3, стр. 14.

² П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, рис. 16, 2.

³ П. Д. Степанов. Итоги раскопок фатьяновских поселений на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, рис. 23, 2.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников. ., стр. 27.

⁵ Т. С. Пассек. К вопросу о средне-днепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, рис. 11, 4, 13, 1, 2.

⁶ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай в Чувашии. СА, VI, 1940, стр. 84, рис. 25, 7.

⁷ Н. Ф. Калинин, указ. соч., рис. 19, 9, 13.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник, рис. 38.

⁹ В. Ф. Смолин, указ. соч., рис. 14.

¹⁰ Н. Ф. Калинин, указ. соч., рис. 19, 2.

¹¹ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья, стр. 18.

В Стерлитамакском районе семь древних элементов орнамента, охарактеризованных выше, сохраняются полностью на керамике селища Баланбаш. Ряды косых отрезков с чередующимся наклоном то в одну, то в другую сторону весьма часты (рис. 24, 4), зигзаги (рис. 24, 9) и группы насечек (рис. 24, 22) приобретают широкое распространение, встречаются узкие горизонтально заштрихованные треугольники (рис. 24, 26), заштрихованные ромбы (рис. 24, 29) и вертикальные полосы (рис. 24, 19). Очень редка «елочка» (встречен только один черепок).

В самом восточном памятнике абашевской культуры, селище на р. Малом Кизыле близ Магнитогорска, мы видим сокращение числа древних элементов орнамента. Одни из них доходят сюда в измененном виде, другие совсем исчезают. Треугольники с горизонтальной штриховкой делаются широкими, почти равносторонними (рис. 24, 27) или превращаются в треугольные фестоны,¹ которыми заканчивается сплошное поле горизонтальных желобков на верхней половине сосуда. Изредка встречаются группы косых коротких полос с чередующимся наклоном (рис. 24, 5) и группы насечек с интервалами тоже в измененном виде (рис. 24, 23). Весьма редкую «елочку» вряд ли можно вести от древней формы. Также редкие ромбы не имеют заштриховки и легче связываются с орнаментом из синхронных памятников лесного Зауралья, чем с памятниками фатьяновской и абашевской культуры (рис. 24, 40). Только зигзаги сохраняют широкое распространение, не без воздействия соседних андроновских племен (рис. 24, 10).

Таким образом, в орнаменте керамики только на древних элементах удается проследить безусловную связь между фатьяновской и абашевской культурой, включая самые отдаленные восточные — зауральские — памятники. Еще больше общих элементов в орнаменте, а также в форме сосудов среди абашевских памятников различных районов.

В абашевской керамике Чувашии, наравне с рассмотренными древними элементами, развиваются свои, отсутствующие в фатьяновской орнаментике. Сюда мы относим круглые крупные ямки, которые или помещаются на углах ромбов и треугольников, или ограничивают орнаментальную зону.² Вертикальные заштрихованные полосы усложняются. Они часто также заканчиваются ямками или лучиками.³ Появляются вдоль края сосуда желобки прямые и волнистые.⁴

В памятниках стерлитамакского района абашевские элементы орнамента получают дальнейшее развитие. Вертикальные заштрихованные полосы на селище Баланбаш заканчиваются внизу сложными сечкообразными расширениями, а последние в свою очередь обрамляются ямками и бахромой (рис. 24, 29, 36). Здесь встречаются круглые крупные ямки того же назначения, что и в Чувашии (рис. 24, 13, 29). Ямки зачастую окружаются лучиками или «ресничками». Глубокие желобки в районе Стерлитамака приобретают широкое распространение. Наравне с прямыми здесь часты волнистые желобки, которые на одном и том же сосуде выступают как самостоятельно, так и чередуясь с прямыми. Волнистые желобки влияют на форму соседних элементов орнамента — заштрихованных

¹ К. В. С а л ь н и к о в. Южно-Уральская археологическая экспедиция, стр. 54, рис. 24, 1

² В. Ф. С м о л и н, указ. соч., рис. 14; Н. Ф. К а л и н и н, указ. соч., рис. 19, 9; П. Н. Т р е т ь я к о в. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья, рис. 18 и 19.

³ Могильник Тауш-Касы в Чувашии (раскопки П. П. Ефименко); О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Абашевский могильник, рис. 38.

⁴ П. Н. Т р е т ь я к о в. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья, рис. 21 (средний в третьем ряду).

полос и рядов ямок, ограничивающих орнаментальную зону, которые также приобретают изогнутую форму (рис. 24, 32). Нет достаточных оснований считать, что волнистые желобки возникли в памятниках Южного Урала, и тем более вести их происхождение от волнистого орнамента зауральских неолитических памятников типа Полуденки.¹ Вполне аналогичный баланбашевским обломок сосуда (правда, единственный) с волнистыми желобками известен с территории Чувашии. Имеется в виду черепок с поселения на дюнах у д. Криуши. Приведенные П. Н. Третьяковым изображения находок с этого поселения не оставляют сомнения в наличии на нем по крайней мере абашевского слоя. Средний в третьем ряду на таблице П. Н. Третьякова² фрагмент керамики покрыт орнаментом, вполне аналогичным орнаменту многих баланбашевских сосудов, где сочетаются ряды прямых и волнистых желобков с заключенной между ними заштрихованной полосой (рис. 24, 31). Не следует забывать различия категорий памятников абашевской культуры, известных в Чувашии (могильники) и на Южном Урале (поселения). По всей видимости, столь распространенные в уральских памятниках волнистые желобки покрывают бытовую посуду, не сопровождающую погребения. Нет сомнения, что раскопки на абашевских поселениях Чувашии приведут к обнаружению такой же керамики, на что уже указывает находка у д. Криуши.

Местными элементами для стерлитамакского района являются полосы из нескольких рядов гребенчатых зигзагов (рис. 24, 34), меандры (рис. 24, 36). Все это, разумеется, результат соседства с андроновскими племенами. Хотя зигзаги значатся в числе древних фатьяновско-абашевских элементов, но в баланбашевской керамике они приобретают особую окраску, типичную для андроновской посуды, группируясь в полосы.

В магнитогорском районе уменьшается количество элементов орнамента из числа возникших в абашевских памятниках Чувашии и стерлитамакского района. Здесь редки ряды круглых крупных ямок (рис. 24, 30), сохраняются меандры (рис. 24, 37). Зато полосы из нескольких рядов гребенчатых зигзагов (рис. 24, 35), а также желобки, как прямые, так и волнистые (рис. 24, 33), встречаются, может быть, чаще, чем под Стерлитамаком. Желобки покрывают иногда большие площади поверхности сосуда. Наравне с резными желобками нередко желобки, образованные глубоким вдавлением крупного гребенчатого штампа. Появляется много нового, своего или заимствованного от соседних инокультурных племен. Специфически зауральскими являются широкие пояса вдоль края сосуда, составленные из рядов желобков, причем внизу эта орнаментальная полоса заканчивается треугольными фестонами. Такие элементы, как горизонтальные или наклонные «лесенки» (рис. 24, 38), «шагающая гребенка» (рис. 24, 39), ряды незаштрихованных ромбов (рис. 24, 40), известны в лесных, более северных памятниках и должны рассматриваться как влияние оттуда.

Не только орнаментация, но и форма абашевской посуды ведет свое происхождение от фатьяновских сосудов. В основной массе абашевская посуда по форме резко отличается от фатьяновской. Вместо горшков с высоким узким горлом и бомбовидным круглодонным туловом, характерных для фатьяновских памятников, в абашевской культуре преобладают безгорлые, с широким устьем, колоколовидные сосуды. Но это лишь

¹ К. В. Сальников. Южно-Уральская археологическая экспедиция, стр. 57.

² П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья, рис. 21.

два противоположных полюса в процессе эволюции, между которыми существуют промежуточные формы.

Общепризнано, что могильник Атли-Касы представляет собой позднейший этап развития фатьяновской культуры, более поздний, чем Балановский могильник. В том факте, что в Атли-Касы погребения совершаются уже под курганами, основательно видят черты перехода к абашевской культуре. На наш взгляд, с абашевской культурой этот памятник связывается не только одинаковостью погребального обряда, но и рядом общих черт в керамике. Именно на сосудах из Атли-Касы впервые встречаются узкие, опущенные вниз вершиной треугольники, иногда уже с горизонтальной штриховкой, столь характерные для абашевской керамики. Эволюционирует и форма сосудов Атли-Касы в сторону сближения с абашевскими. Горло делается более широким, отчего плечики не так сильно выступают, а диаметр устья сосуда почти достигает диаметра тулова.¹ Здесь бесспорна тенденция к переходу в колоколовидные.

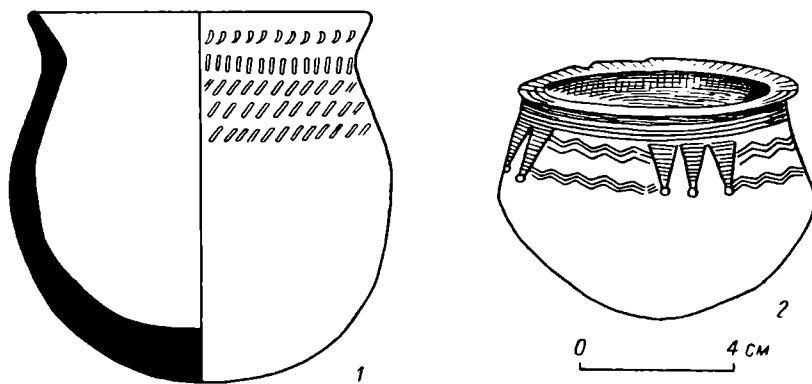

Рис. 27. Развитие формы абашевских сосудов из формы фатьяновской посуды.

1 — позднефатьяновский сосуд (с. Баланово); 2 — абашевский сосуд (с. Васюково).

Процесс расширения горла и уменьшения его высоты хорошо виден и при сравнении некоторых сосудов из Балановского могильника (рис. 27, 1) с абашевскими, у которых почти исчезает горло, но еще сохраняется шарообразность тулова, хотя уже намечается ребро (рис. 27, 2). Острореберные приземистые абашевские сосудики развились также из балановской посуды, уже отошедшей от классической фатьяновской формы (рис. 28). Фатьяновская традиция также проявляется в помещении орнамента на дне острореберных абашевских сосудиков.

В свете изложенного вопрос о происхождении племен абашевской культуры от фатьяновских племен, по нашему мнению, получил дополнительное подтверждение.

Теперь можно считать общепризнанным вторжение фатьяновских племен в конце III—начале II тысячелетия до н. э. в бассейн Верхней Волги и Оки с запада, из среднего Поднепровья.² Убедительны доказательства А. Я. Брюсова,³ что пришлые фатьяновские племена оставались в средней России долгое время во враждебных отношениях с соседними

¹ П. Н. Третьяков. Из материалов Средне-Волжской экспедиции ГАИМК, сосуд «С».

² А. Я. Брюсов, указ. соч.; М. Е. Фосс, указ. соч.

³ А. Я. Брюсов, указ. соч., стр. 255, 256.

аборигенными неолитическими племенами. Такое положение вело к устойчивости и чистоте племенных мотивов в орнаментике,¹ но оно не могло долго сохраняться. На балановском этапе развития О. А. Кривцова-Гракова отмечает наличие в фатьяновской керамике андроновских элементов.²

В дальнейшем воздействие культуры местных племен должно было усиливаться, и в конечном результате оно привело к возникновению абашевской культуры, которая впитала много местных элементов. Но один из показателей этнического родства, отраженного в материальной культуре, — орнамент — в начале сохранялся почти полностью, лишь с небольшими изменениями. Последние шли не по линии изменения символики в рисунке, а в направлении более усложненного оформления

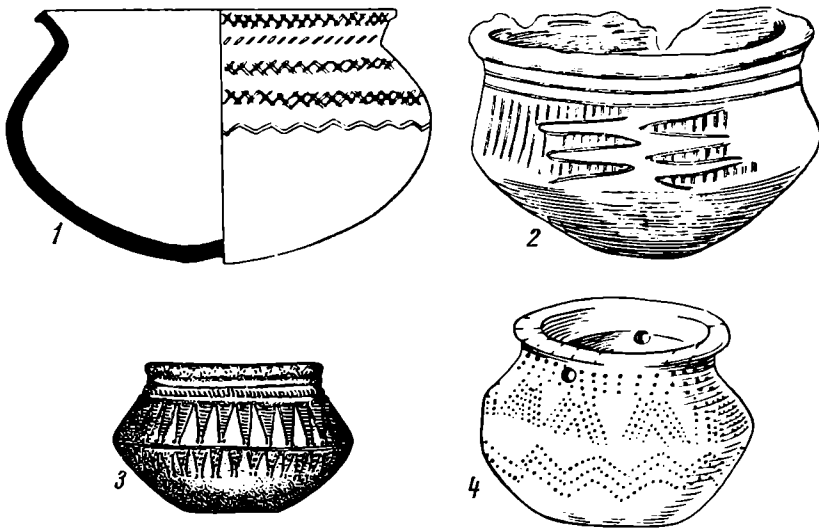

Рис. 28. Развитие острореберных абашевских сосудов из формы фатьяновской посуды.

1 — позднефатьяновский сосуд (с. Баланово); сосуды абашевской культуры: 2 — из с. Абашево; 3 — из селища Баланбаш; 4 — с р. Малый Кизыл.

рисунка, например через включение характерных ямок в придачу к старым геометрическим фигурам или в качестве бордюра ко всей орнаментальной полосе. В абашевской орнаментике сохраняются многие фатьяновские элементы и даже некоторые рисунки, зародившиеся еще в среднеднепровской культуре. М. Е. Фосс отметила орнамент, состоящий «из коротких полос, расположенных под углом и собранных в группы», как широко распространенный на керамике среднеднепровской культуры.³ Этот узор — «ряды косых отрезков с чередующимся наклоном то в одну, то в другую сторону» — О. А. Кривцова-Гракова считает одним из основных в фатьяновской культуре. Он без изменения переходит и на абашевскую керамику, включая зауральские памятники.

Особенность в орнаменте южноуральских абашевских сосудов — фестоны-лопасти («сечки» на селище Баланбаш, заполненные желобкам

¹ М. Е. Ф о с с, указ. соч., стр. 187—192.

² О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Хронология памятников фатьяновской культуры, стр. 33.

³ М. Е. Ф о с с, указ. соч., стр. 173.

треугольники на Мало-Кизыльском селище), повидимому, также является отражением такой столь характерной для классической керамики Ярославского района черты, как лопасти.

Процесс изменения керамики по мере продвижения фатьяновских племен на восток хорошо прослежен О. А. Кривцовой-Граковой. На территории Чувашии происходит воздействие на фатьяновцев, с одной стороны, лесных неолитических племен, а с другой — племен срубной культуры. Фатьяновская культура переходит в абашевскую. Под влиянием срубной культуры появляются острореберные абашевские небольшие сосудики. Основная масса абашевских сосудов характеризуется отсутствием горла, сильно расширенным устьем, колоколообразной формой. Круглодонность сохраняется редко, преимущественно в чувашской группе. Делается обычным плоское дно. Если плоскодонность следует относить за счет влияния южных племен срубной культуры, то выраженное горло исчезает в результате воздействия северных неолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой.

Какие-то, пока неясные, события в истории племен Поволжья приводят к продвижению абашевцев на юго-восток, в район Стерлитамака, на р. Белую. Пока не известны абашевские памятники на огромной территории от восточных границ Чувашии до района Стерлитамака, но, исходя из опыта разведок на р. Белой, можно надеяться, что постановка систематических полевых разведок в этой полосе Башкирии и Татарии приведет к открытию и здесь аналогичных памятников. Впрочем, если мы отнесем, как это не без основания делает А. П. Смирнов,¹ часть Маклашеевских курганов к абашевской культуре, то пробел между чувашской группой и южноуральской значительно сократится. Но не исключена возможность существования между отдельными районами некоторых территориальных пробелов того типа, который пока что существует между памятниками ярославской и чувашской групп фатьяновской культуры. Передвижение на восток могло идти не путем постепенного просачивания, а в результате одновременного массового переселения на большое расстояние в новый район.

Насколько быстро шло распространение абашевских племен на восток, и представляли ли собой южноуральские памятники (поселения) лишь части племен, переселившихся в порядке сегментации, или все абашевское население под натиском соседей ушло из западных районов расселения на Южный Урал — все эти вопросы могут быть разрешены лишь в процессе дальнейших исследований и накопления дополнительного материала из новых раскопок.

Абашевские племена обитали не только в Среднем Поволжье и на Южном Урале. Все увеличивается число абашевских памятников в областях средней России. Они известны в Ивановской области у г. Шуи, в Ярославской — на оз. Плещеево, в Рязанской — у с. Земскова близ г. Касимова,² в Калужской у с. Огубь близ г. Малоярославца,³ в Воронежской — у с. Тюнина.⁴ Повидимому, процесс формирования абашевских племен на базе фатьяновских протекал не только в Чувашии, а на всей площади распространения фатьяновской культуры (рис. 29). В та-

¹ А. П. Смирнов, указ. соч.

² П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашии и Поволжья, стр. 33, 34.

³ Раскопки В. А. Городцова 1921 г. Коллекции ГИМ, инв. № 54721. За сообщение сведений об этих материалах приносим глубокую благодарность О. А. Кривцовой-Граковой.

⁴ А. А. Иессен, указ. соч.

ком случае, исходя из общественных отношений в эпоху первобытно-общинного строя, нельзя предполагать полного ухода населения с такой огромной территории.

На р. Белой абашевцы столкнулись с племенами срубно-хвалынской и андроновской культуры. Это не осталось бесследным. Плоскодонность посуды стерлитамакского района, в отличие от памятников Чувашии, делается обычным явлением. В орнаментике появляются новые, андроновские элементы. Последние входят в состав сложных, специфически абашевских рисунков, ничего общего не имеющих с рисунками андроновской керамики. Следовательно эти чужие мотивы подвергались коренной переработке, слились с племенными мотивами абашевцев. В этом явлении надо видеть следы ассимиляции части андроновского населения

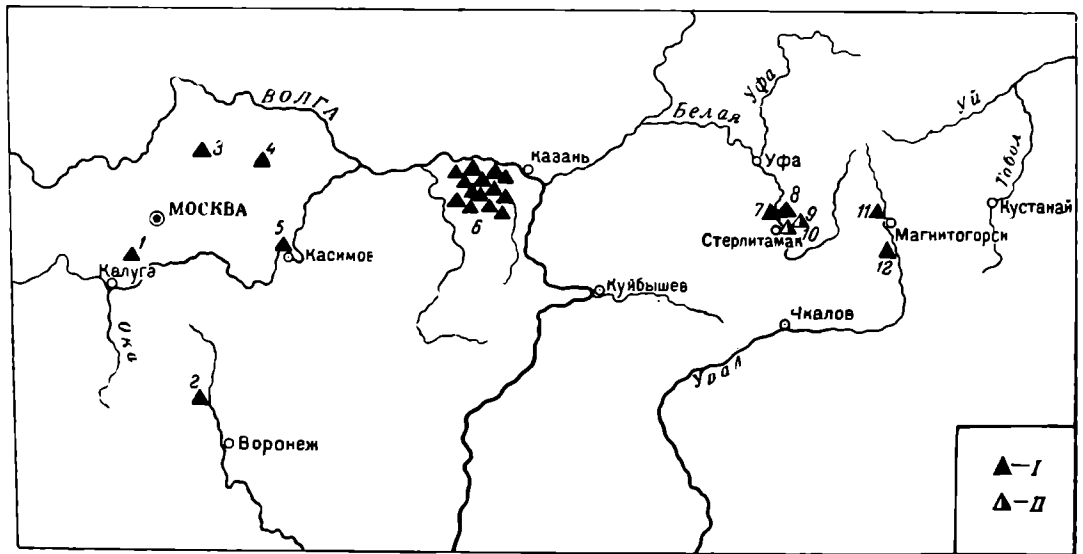

Рис. 29. Схема расположения абашевских памятников.

1 — с. Огубь близ г. Малоярославца; 2 — с. Тюнино; 3 — оз. Плещеево; 4 — г. Шуя; 5 — с. Земсково близ г. Касимова; 6 — памятники Чувашии и Татарии (могильники: Абашево, Тауш-Касы, Катергино, Алгаш, Тюрлема, Досаево, Теби-Касы, Васюково; селища: два Тюрлеминских, два Бежбатманских, Альменовское, Мало-Ачасырское, Ходяшевское); 7 — Баланбаш; 8 — Урняк; 9 — Ахмерово I; 10 — Салихово I; 11 — Мало-Кизыльское; 12 — Кусеево. I — памятники абашевской культуры; II — памятники с керамикой абашевской и срубно-хвалынской культуры.

в момент прихода абашевских племен на р. Белую. В целом же много данных за то, что между пришельцами и аборигенами долгое время сохранялись если не враждебные, то во всяком случае не дружественные отношения, что вело к их обособленности. Среди 2000 черепков с селища Баланбаш встречен только один обломок типично срубно-хвалынского сосуда с характерным орнаментом. Он несомненно был изготовлен на месте, так как содержал примесь раковин в глине, что никогда не наблюдается на срубно-хвалыньских памятниках этого района. И наоборот, на соседних поселениях срубно-хвалынской культуры полностью отсутствует керамика абашевского типа.

Обнаружение на селище Баланбаш значительного количества бронзовых изделий, может быть, также говорит за катастрофичность гибели поселения в результате набега соседних племен.

Совсем другие отношения существовали между представителями аборигенных племен. Поселения с керамикой срубно-хвалынского типа в большом числе открыты разведками 1934, 1951 и 1952 гг. в районе Стер-

литамака по р. Белой и ее притокам: на р. Куганак — два селища, левобережное и правобережное близ с. Б. Куганак, и третье у с. Черкасы; на р. Селеук у сел Ахмерово и Салихово; на р. Кургашла — два селища у д. Юлдашево; на правом берегу р. Белой у с. Урняк и д. Юмаково (рис. 30). В обрыве левого, коренного, берега р. Белой близ с. Б. Куганак в 1934 г. обнаружен могильник с баночными сосудами хвалынского типа.¹

На всех селищах в обнажениях собрана керамика, для которой характерны отсутствие в глине примеси раковин, грубость формовки, яркие беспорядочные штрихи на поверхности от сглаживания гребенчатым штампом или пучком травы, наличие, наравне с гребенчатым, резного грубого орнамента. Последний состоит из поясков, рядов насечек вдоль края, заштрихованных треугольников, «елочки» (рис. 10, 1—5). На некоторых селищах встречается примесь типично андроновской керамики.

В отличие от абашевских памятников, на срубно-хвалыньских мы видим, если можно так выразиться, механическую примесь элементов андроновской культуры, выражающуюся в том, что андроновская керамика со своим орнаментом примешивалась к местной, не сливаясь с ней. Следовательно общение между племенами срубно-хвалыньской культуры и андроновской было постоянным и мирным. Повидимому нередко заключались смешанные браки, в результате чего на срубно-хвалыньские поселения легко проникала керамика соседей.

Интересно, что левобережное абашевское селище Баланбаш и находящиеся с ним по соседству с запада (от правобережного Куганакского оно отстоит только на 3—4 км) срубно-хвалыньские поселения не обнаруживают следов общения. Расположенное же на противоположном берегу р. Белой абашевское селище Урняк содержит некоторое количество керамики срубно-хвалыньской. Видимо здесь, на правобережье, протекали поздние этапы существования абашевских племен в Приуралье, когда окружающая масса срубно-хвалыньского населения начала сближаться с пришельцами-абашевцами.

Перевалив через Урал или обойдя его с юга, — путь движения еще не установлен, — абашевские племена застали на восточном склоне Южного Урала немногочисленные слабые охотничье-рыболовецкие племена с керамикой лесного типа, а несколько восточнее, начиная с берегов р. Урала, — сплошной массив андроновских племен, преградивший им путь дальше на восток. Отношения с этими двумя местными группами племен у абашевцев, насколько можно судить по немногим имеющимся материалам, устанавливаются различные. Поскольку хозяйственные интересы у аборигенных обитателей восточного склона Урала и пришлых абашевских племен были различны, у них отсутствовали серьезные основания для вражды. Производственная деятельность охотников и рыболовов протекала в лесистых горах, куда скотоводам-абашевцам не было необходимости стремиться. Последние освоили восточные предгорные степи до р. Урала, которая превратилась как бы в границу их с андроновскими племенами. С ними абашевцам пришлось выдержать борьбу. Самое западное в этих местах андроновское поселение² известно в урочище Грязная Лука на Малом Кизыле, в 3 км к северо-западу от Мало-Кизыльского селища. В 100 м от Мало-Кизыльского селища исследован в 1948 г. курганный могильник с погребениями андроновской культуры. Следовательно аборигенные степные племена и абашевцы сменяли здесь друг друга. Еще неясно, в каком порядке происходила эта смена.

¹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников, указ. соч.

² Открыто в 1952 г. магнитогорским краеведом М. Р. Уфимцевым.

Чрезвычайно редкие, единичные случаи находок в памятниках одной из этих культур керамики другой культуры — доказательство обособленности, может быть враждебности их носителей. Наоборот, элементы орнамента керамики лесных уральских племен в орнаменте керамики Мало-Кизыльского селища — довольно распространенное явление. Мирное соседство вело к более тесному общению. находка берестяного теса на Мало-Кизыльском селище также свидетельствует о глубоком проникновении в быт абашевцев Зауралья элементов лесной культуры: степняки не знают берестяной посуды. «Только народы, прожившие очень продолжительное время в лесной таежной зоне, могут так широко и искусно пользоваться берестой».¹ Но этого недостаточно для утверждения, что керамика Мало-Кизыльского селища имеет местное происхождение.² Как показано выше, основные черты абашевской керамики с запада донесены до Зауралья, где они подверглись лишь некоторому воздействию со стороны орнаментики местных племен.

На основании имеющихся в настоящее время фактов можно думать, что отдельные группы абашевцев достигли берегов р. Тобола. Наиболее восточной точкой находки абашевской керамики является Алексеевское поселение на р. Тоболе у г. Кустаная. В этом памятнике к абашевской культуре нужно отнести не только отмеченный О. А. Кривцовой-Граковой сосуд, но, на наш взгляд, и крупные обломки больших сосудов с типичными широкими волнистыми желобками, служившие в качестве крышек сосудов.³ Эти единичные представители абашевской посуды среди массы андроновской керамики говорят о близости обитания абашевских племен и вместе с тем о слабых сношениях с ними населения Алексеевского поселка. Но тогда едва ли правильно будет считать, что такие отношения есть результат враждебности. Нет никаких оснований предполагать многочисленность абашевского населения, так далеко вклинившегося в массив густо расселенных андроновских племен Зауралья. В этих условиях скорее можно ожидать, что ко времени существования Алексеевского поселения (начало I тысячелетия до н. э.) остатки ассимилируемых абашевцев были совсем незначительны. Поэтому даже при самых тесных взаимосвязях они не могли оставить значительного следа в памятниках андроновской культуры.

Итак, можно прийти к выводу, что абашевские памятники Южного Урала представляют собой поселения пришлых племен, ведущих свое происхождение от племен фатьяновской культуры. Последние в конце III тысячелетия до н. э. распространились из среднего Поднепровья в бассейн Верхней Волги и Оки и постепенно продолжали расселение на восток. Здесь их потомки в лице поздних абашевских племен достигли в начале I тысячелетия до н. э. берегов р. Тобола, а в дальнейшем были поглощены андроновскими племенами.

На своем долгом пути, окруженные чуждыми по экономике, культуре и, повидимому, по языку племенами, фатьяновско-абашевские племена несомненно испытывали влияние аборигенов, но не настолько сильное, чтобы утратить свое этническое своеобразие. Оно сказывается и в стойкости элементов орнамента и в распространении до Зауралья погребального обряда вплоть до ориентировки покойников головой к во-

¹ В. Н. Белицер. Народное изобразительное искусство Коми. КСИЭ, X, 1950, стр. 28.

² К. В. Сальников. Южно-Уральская археологическая экспедиция, стр. 57.

³ Ср.: О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, рис. 50.

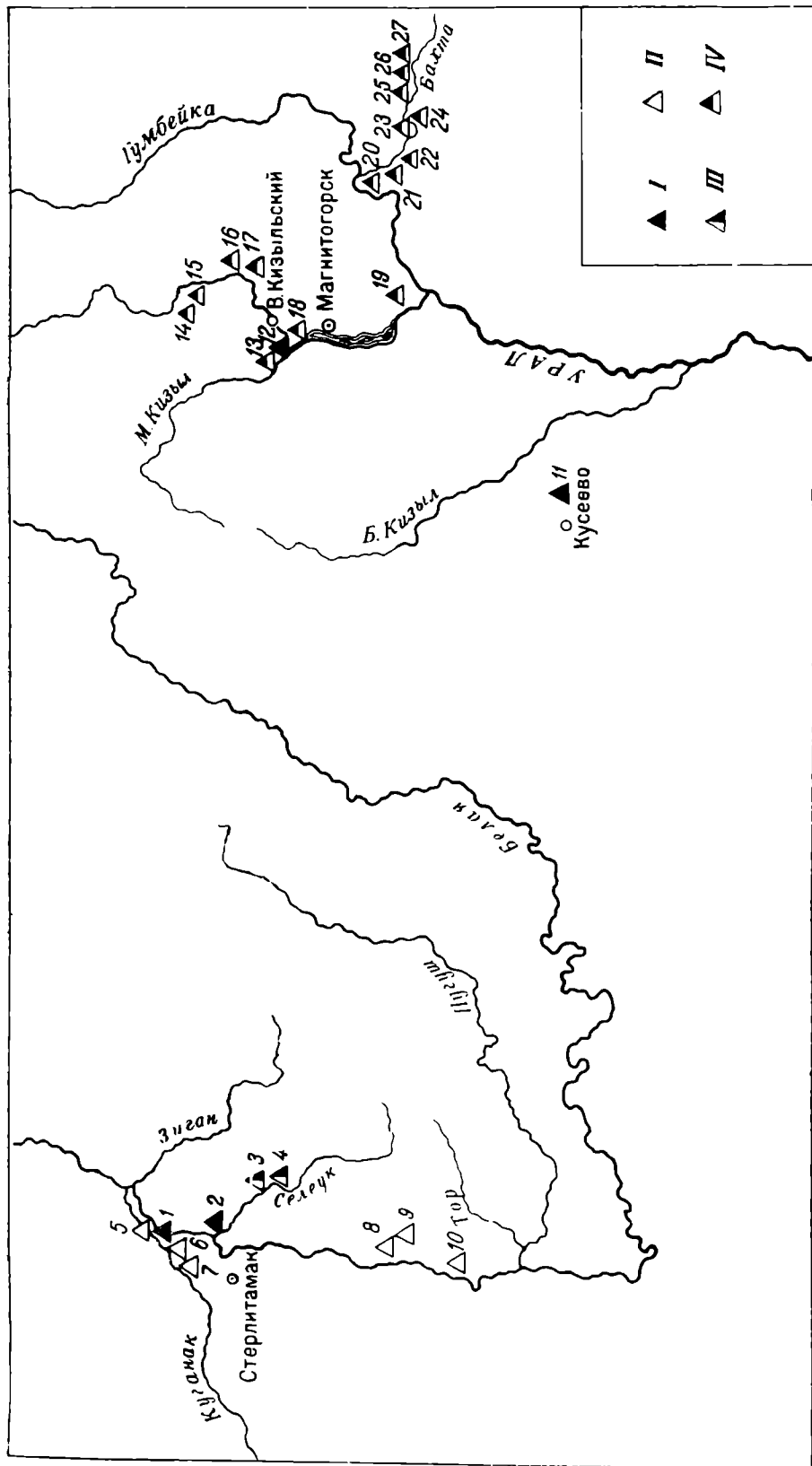

Рис. 30. Схема расположения на Южном Урале поселений эпохи бронзы.

1 — Балабан; 2 — Урлик; 3 — Ахмерово I; 4 — Салихово I; 5 — Куганакское левобережье; 6 — Куганакское правобережье; 7 — Черкассы; 8 — Кургашла; 9 — Юлдашино I; 10 — Юмаково; 11 — находка у с. Кусево; 12 — Мало-Кизильское; 13 — Гриная Лука; 14 — Нижнее Спасское; 15 — «У Спасского моста»; 16 — Верхнее Алексеевское; 17 — Нижнее Алексеевское; 18 — «У Мохнатой горы»; 19 — Агаповское; 20 — Усть-Бахтинское; 21 — Нижнее-Бахтинское; 22 — Трилисское; 23 — «Обрян»; 24 — Бахтинское левобережье; 25 — Бахтинское; 26 — «У Белого камня»; 27 — Черниговское. I — поселения абашевской культуры; II — поселения срубно-хвалынской культуры; III — поселения с керамичной абашевской и срубно-хвалынской культуры; IV — поселения андроновской культуры.

стоку-северо-востоку, столь отличной от обряда синхронных приуральских племен. В этой связи ритуальные захоронения крупного рогатого скота на территории Мало-Кизыльского селища также заставляют вспомнить погребения козлят в фатьяновских могильниках (Говядиновский могильник).

По данным исследования абашевских селищ на Южном Урале, их обитатели были такими же скотоводами с наличием мотыжного, повидному пойменного, земледелия, как и соседние андроновские и срубно-хвалынские племена. Жили они в одинаковой природной обстановке с последними, в условиях степи и лесостепи, находились на одном уровне общественного развития, что и выразилось, при однородности экономической базы, в близости форм орудий труда (серпы), а иногда и в их тождественности (шилья). Но такой яркий и стойкий признак этнической обособленности, как керамика, имеет в абашевских памятниках мало точек соприкосновения со срубно-хвалынской и андроновской культурой. Если еще учесть территориальную близость поселений перечисленных племен эпохи бронзы в южном Приуралье и отсутствие естественных преград к их общению, то этническое, притом резкое, отличие абашевских племен от их соседей будет бесспорным.

Открытие на Южном Урале абашевских памятников имеет далеко не местное значение. Прослеженные выше преемственные связи вносят новые данные в изучение одного из интереснейших явлений в истории древнего общества на территории Восточной Европы и Урала. Эти связи еще раз подтверждают всю сложность формирования современной этнической карты нашей страны. Они показывают, как сложен состав тех компонентов, из которых формировались на протяжении тысячелетий современные народы. «За это время племена и народы дробились и расходились, смещивались и скрещивались».¹

Изложенное позволяет рассматривать племена абашевской культуры как один из древних этнических элементов, участвовавших наравне с другими в сложении древнего населения Южного Урала.

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 27.

Х. А. М О О Р А

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ЭСТОНСКОГО НАРОДА
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В небольшой статье, опубликованной в 1950 г.,¹ мы попытались, исходя из данных археологии, набросать некоторые, самые основные черты этногенеза народов Прибалтики, начиная примерно с середины последнего тысячелетия до нашей эры.

После написания указанной статьи вышла в свет работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Ценнейшие положения и выводы марксистской науки, данные И. В. Сталиным, позволяют нам по-новому подойти к разработке вопросов этногенеза народов Прибалтики и проследить этот процесс значительно дальше во времени, а также рассмотреть по-новому ряд частных вопросов.

До настоящего времени еще не имеется достаточно обоснованного взгляда относительно этнической принадлежности древнейших обитателей территории Эстонии, как и вообще всей Прибалтики. Попытку наметить известный путь для разрешения этого вопроса сделал А. Я. Брюсов, который совершенно правильно опровергает предположение о происхождении древнейших обитателей восточной Прибалтики с Запада как ничем не обоснованное и явно тенденциозное измышление. В противоположность этому предположению он, основываясь на однородном характере мезолитических памятников всей лесной полосы Восточной Европы и на отличии их от одновременных древностей более южных и западных областей, выдвигает гипотезу, согласно которой первичное заселение этой зоны произошло с Востока и шло полосой, простирающейся от Урала до Балтики.²

К гипотезе А. Я. Брюсова примыкает мнение Н. Н. Чебоксарова, который, исходя в первую очередь из данных антропологии, допускает, что формирование финно-угорской языковой общности произошло на основе смешанного монголоидно-европеоидного населения на территории, расположенной восточнее Урала. Оттуда финно-угры стали уже в мезолитическую эпоху продвигаться на запад.³

Более твердая почва для установления древних этнических общностей и прослеживания их связей с известными нам племенами более поздних

¹ Х. А. М о о р а. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. КСИЭ, XII, 1950, стр. 29—37.

² А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 39.

³ Н. Н. Ч е б о к с а р о в. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы. СЭ, 1952, № 1, стр. 49.

периодов создается с появлением в эпоху неолита (т. е. в III тысячелетии до н. э.) керамики с традиционной орнаментикой.

На основании многолетнего изучения неолитических памятников севера Европейской части СССР А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс утверждают, что в III—II тысячелетиях до н. э. северная лесная полоса подвергалась вторичному заселению из Волго-Окского бассейна племенами культур с ямочно-зубчатой керамикой.¹ Распространенные на Европейской территории культуры с ямочно-зубчатой керамикой А. Я. Брюсов считает общими по происхождению. Признавая преемственность некоторых из этих культур вплоть до поздних финских, он усматривает в носителях неолитических культур с ямочно-зубчатой керамикой предков позднейших финно-угорских народов. М. Е. Фосс приписывает также культуры с ямочно-зубчатой керамикой родственным племенам, но не решается пока еще связать их с определенной этнической общностью. Отметим, что М. Е. Фосс разделяет культуры с ямочно-зубчатой керамикой по характеру орнамента на сосудах на две большие группы — восточную и западную. Последняя отличается преобладанием в орнаментике отпечатков зубчатого штампа и распространена примерно к западу от линии, проходящей от Калинина через Ладогу на западный конец Канда-лакшского залива Белого моря.² Если предположение А. Я. Брюсова о принадлежности названных культур финно-угорским племенам соответствует действительности, то, казалось бы, естественно связать возникновение этой группы племен с выделением западнофинской языковой общности из поволжской.

Начиная со второй половины III тысячелетия до н. э., на территории Эстонии, как и на остальной территории Советской Прибалтики, все чаще возникают неолитические охотничье-рыболовецкие поселения, характеризующиеся ямочно-зубчатой керамикой. К сожалению, приходится сказать, что их связи со стоянками предшествующей, мезолитической эпохи еще недостаточно выяснены. Кроме того, вследствие крайне слабой изученности неолита на соседней восточной территории, в пределах Псковской, Новгородской и Великолукской областей, пока лишь с трудом прослеживается их связь с неолитическими памятниками Валдайской возвышенности и Поволжья. Тем не менее все же имеются основания полагать, что здесь перед нами памятники финно-угорского населения, далеких предков позднейших эстонских и ливских племен. Об этом говорят некоторые неолитические стоянки, которые, подобно указанным А. Я. Брюсовым древним поселениям в более восточных районах, не только непрерывно существуют, но и обнаруживают преемственное развитие культуры с середины III до середины I тысячелетия до н. э., т. е. до того времени, когда на территории Эстонии уже несомненно обитали финские, древнеэстонские племена. Из таких поселений исследованы за последние годы стоянки Акали и Кулламяэ на западном побережье Чудского озера близ устья р. Эмайыги и стоянка Вилла на р. Выханду близ г. Выру на юго-востоке Эстонии.³ В Акали не только выявляется последовательная смена разных типов керамики, характерных для рассматриваемого периода, но наблюдаются и переходные или смешанные их формы. Таким образом эта охотничье-рыболовецкая стоянка была, повидимому, непрерывно обитаема на протяжении всего указанного времени.

¹ А. Я. Брюсов, указ. соч.; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР МИА, № 29, 1952, стр. 204.

² М. Е. Фосс, указ. соч., рис. 88.

³ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья р. Эмайыги. (Автореферат диссертации). Тарту, 1953.

В начале II тысячелетия до н. э. в Прибалтике, в том числе и на территории Эстонии, распространяются, наряду с охотничье-рыболовческими стоянками, памятники нового типа: грунтовые захоронения со сверленными ладьевидными каменными боевыми топорами и со шнуровой керамикой.¹ Поскольку эти памятники недавно описаны в археологической литературе, мы не можем сказать о них что-либо новое. Тем не менее следует повторить некоторые основные факты, так как они связаны с весьма существенными вопросами этногенеза народов Прибалтики.

Эти погребения представляют прибалтийскую параллель фатьяновским могильникам, они нередко содержат кости домашних животных, чаще всего овцы или козы, свиньи, реже быка. Для топографии могильников характерно расположение вдоль низин или на невысоких песчаных холмах в низинах. Они не обнаруживаются непосредственно на берегах рек или озер, как это типично для неолитических охотничье-рыболовческих стоянок. Их расположение определяется в первую очередь наличием поблизости естественных пастбищ для скота.

Наибольшее количество могильников описываемого типа обнаружено на территории Эстонской ССР, в меньшем количестве они известны на территории Латвийской и Литовской ССР, а также в пределах Калининградской области (рис. 1). На территории Эстонии и в остальной Прибалтике обнаружено в виде случайных находок несколько сот ладьевидных боевых топоров, которые происходят преимущественно из разрушенных могил. Большая часть известных нам до настоящего времени погребений, как и поступивших в виде подъемного материала топоров, обнаружена в западных районах Прибалтики.

Наиболее древними из боевых топоров, найденных в описываемых могилах, считаются известные варианты ладьевидных топоров с более или менее округлым или овальным поперечным сечением. Этот тип встречается по всей Прибалтике — как на юге, в Калининградской области, так и на севере, в Эстонии. Позже возникают местные варианты этого топора, из которых для Эстонии характерными являются тип Карлова — с многогранным поперечным сечением и втульчатым удлинением проуха — и так называемый острообушный топор.² Возникновение вариантов свидетельствует о том, что население, оставившее могилы с боевыми топорами, было достаточно многочисленным и его культура достаточно сильной, чтобы создать свои собственные местные формы.

Обнаруженные при погребениях сосуды имеют весьма характерные черты: они плоскодонны и тонкостенны, их верхняя часть украшена либо шнуровым, либо нарезным «елочным» орнаментом (рис. 2). Подобный керамикой наиболее богата Куршская коса, хотя большая часть сосудов данного типа найдена там не при погребениях, а на местах поселений. В остальной Прибалтике соответствующие поселения пока не обнаружены. Объясняется это, повидимому, сравнительно кратковременным характером поселений, а следовательно маломощностью их культурных отложений.

Инвентарь охотничье-рыболовческих стоянок с ямочно-зубчатой керамикой не показывает постепенного перехода к культуре погребений с боевыми топорами; последняя возникает внезапно как совершенно новое явление, характеризующееся новыми типами керамики, орудий и оружия и новым типом хозяйства — скотоводством и, вероятно, также земледе-

¹ Описание этих памятников и ссылки на соответствующую литературу см.: Л. Ю. Я н и т с. Позднеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 53 и сл.; Х. А. М о р а. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 5 и сл.

² Эти варианты воспроизведены на рис. 18 вышеупомянутой статьи Л. Ю. Янитса.

лием. Поэтому приходится допускать, что появление данной культуры знаменует собой проникновение в Прибалтику новых этнических элементов, а именно балтийских или литовско-латышских племен.

Поскольку балтийские языки близко родственны славянским, вопрос происхождения балтийских племен теснейшим образом связан с вопро-

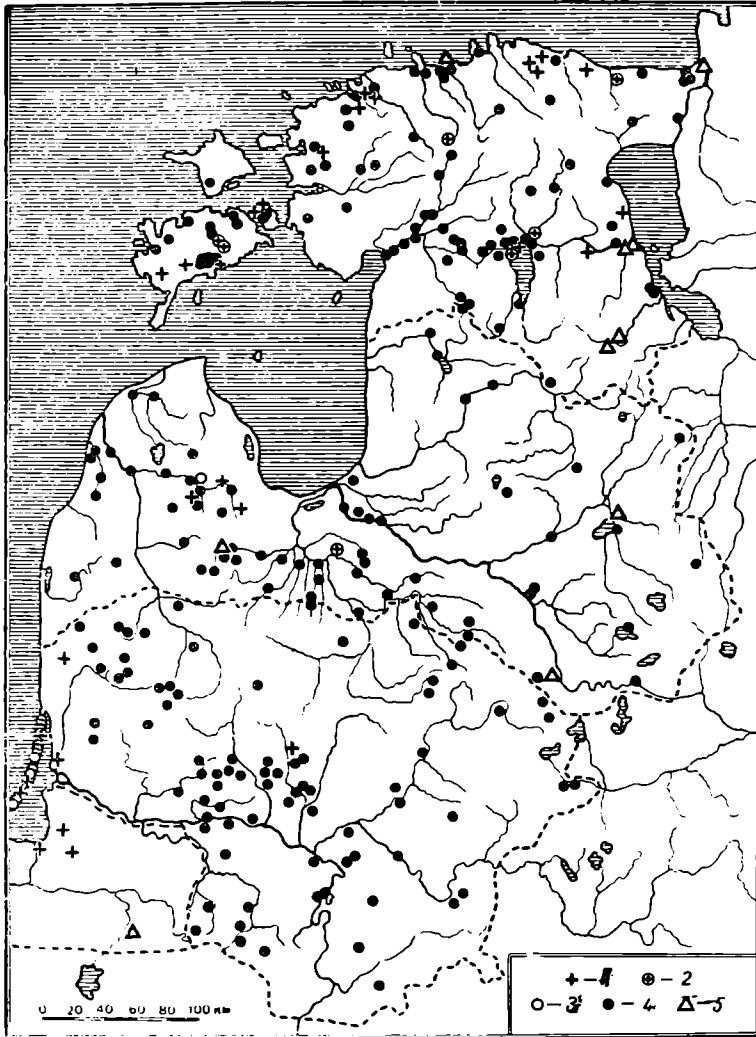

Рис. 1. Распространение находок позднеолитических ладьевидных боевых топоров и шнуровой керамики в Прибалтике.

1 — погребение с боевым топором; 2 — погребение со шнуровой керамикой; 3 — поселение со шнуровой керамикой; 4 — случайная находка ладьевидного топора; 5 — шнуровая керамика на стоянке с ямочно-зубчатой керамикой.

сами древнейшего этногенеза славян. Не останавливаясь на сложной проблеме древней славяно-балтийской общности, в частности на вопросе о территории, на которой имела место эта общность, отметим лишь, что, по нашим археологическим материалам, эту территорию следует искать вероятнее всего в юго-западном направлении, примерно в бассейнах Вислы и Одера. Некоторые особенности каменных ладьевидных топоров и прежде всего типы нашей шнуровой керамики находят себе ближайшие параллели именно на юго-западе этих областей. Другими словами, наши

материал позволяет поддержать гипотезу о происхождении славянских и балтийских племен, выдвинутую П. Н. Третьяковым.¹ За предположение о проникновении в Прибалтику латышско-литовских племен с юго-запада высказывается, на основании лингвистических данных, также известный исследователь балтийских языков Я. Эндзелин.²

Рис. 2. Образцы шнуровой керамики из Прибалтики.

4 — Куршская коса (Литовская ССР); 2, 3 — Рутениени (Латвийская ССР);
5 — о. Сааремаа (Эстонская ССР).

Проникнув примерно на рубеже III и II тысячелетий в южную Прибалтику, балтийские племена продвинулись далее в северные районы нынешней Латвийской ССР и на территорию Эстонской ССР и достигли даже юго-западной части Финляндии. В пределах определенной полосы

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г. М., 1951, стр. 7, 8; е го же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 37 и рис. 6. См. также: А. Я. Брюсов. Совещание по методологии этногенетических исследований. ВДИ, 1952, № 1, стр. 200—202.

² Я. Эндзелин. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. Изв. АН Латв. ССР, 1952, № 3 (56), стр. 33 и сл.

на юго-западе Финляндии, отличающейся более мягким климатом, чем центральные и восточные районы, обнаружено значительное количество ладьевидных боевых топоров и ряд погребений со шнуровой керамикой.¹ Как топоры, так и керамика родственны эстонским, но имеют некоторые местные особенности. Как далеко в восточном направлении, на территории нынешних Ленинградской и Псковской областей, заходят погребения с боевыми топорами — сказать пока нельзя.

Между пришельцами и местным населением вначале, естественно, возникали столкновения, но в дальнейшем между ними, повидимому, установились мирные взаимоотношения. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что стоянки с ямочно-зубчатой керамикой продолжают существовать наряду с поселениями пришлого скотоводческо-земледельческого населения, иногда даже среди последнего. Так, например, поздняя стоянка Леяс-Цийскас, на западной окраине Земгалии, расположена в местности, богатой находками ладьевидных боевых топоров.² Кроме того, судя по находкам шнуровой керамики как на упомянутой, так и на других латвийских и эстонских стоянках (Ича, Акали, Вилла и др.), а также по наличию на них некоторых предметов, характерных для культуры боевых топоров, можно заключить, что между обеими этническими группами установился мирный контакт. Как показывает Л. Ю. Янитс, население неолитических стоянок восприняло шнуровую керамику и развивало ее дальше наряду со своей традиционной керамикой. Это может быть объяснено, повидимому, как признак смещения обоих этнических элементов.

Наше предположение о проникновении в Прибалтику балтийских элементов и о их смешении с местными финскими племенами находит себе поддержку и в лингвистическом материале. Существование в эстонском и в других западнофинских языках многочисленных и притом весьма древних слов балтийского происхождения давно отмечалось языковедами.³ Так, некоторые буржуазные финские лингвисты считали, что эти слова, отвечая общему культурному уровню, могли относиться еще к неолитической эпохе. Тем не менее буржуазные языковеды в большинстве своем относили их к более позднему времени, к середине и второй половине последнего тысячелетия до нашей эры. Некоторые из балтийских заимствований несомненно и являются поздними, но основную их массу, учитывая указание И. В. Сталина о большой устойчивости языковых элементов⁴ и имея в виду их общее соответствие археологическим фактам, следует относить к значительно более раннему времени, начиная с первой половины II тысячелетия до н. э.

Весьма показательны, что, в соответствии с данными археологии, среди воспринятых западнофинскими языками балтийских слов⁵ некоторые связаны со скотоводством, например: эстонское *vohe* (коза) — латышское *azis* (чтобы понять взаимную связь этих слов, напомним, что в западнофинских языках балтийские *ž*, *š* и *z* перешли в *h*); эст. *oinas* (баран) — лат. *auns*; эст. *hārg* (вол, тяглый скот) — лат. *zīrgs*; эст.-финск. *paimen* (пастух) — лит. *piemuo*; эст. *hein* (сено) — лат. *siens*, лит. *šienas*. Не-

¹ А. Ä у г ä р ä ä. Suomen kivikauden kulttuurimuodot [Формы культуры каменного века в Финляндии]. Suomen Tiedeakatemia. Esitelmät ja pöytäkirjat, 1937. Helsinki, 1939.

² Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum. Riga, 1931, стр. 411.

³ V. I h o m s e n. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. København, 1890.

⁴ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языковедения. Госполитиздат, 1953, стр. 26.

⁵ По лингвистическим вопросам меня консультировали проф. П. А. Аристе и канд. филол. наук А. Универе, за что приношу им благодарность.

которые заимствования относятся к земледелию, например: эст. *hernes* (горох) — лит. *zirnīs*; эст. *vagu* (борозда) — лат. *vaga*. Отдельные слова связаны с постройками и со строительной техникой, например: эст. *sein* (стена) — лат. *siēna*; или с орудиями труда, как эст. *kirves* (топор) — лат. *cirvis*.

Особый интерес имеет то обстоятельство, что из заимствованных слов ряд относится к брачным или родственным связям, например: эст. *mõrsja* (невеста) — лат. *mārša*, лит. *marti*; эст. *nõbu* (двоюродный брат, двоюродная сестра) — лит. *nepotis*, *nepuotis*; далее — слова, связанные с общественными отношениями: эст. *hõim* (племя) — лат. *saieme*, лит. *šeima*; эст. *kaim* (сосед) — лат. *kaimiņš*, лит. *kaimynas*. Наконец заимствованы даже некоторые названия частей тела, как эст. *kael* (шея) — лат. *kakls*; эст. *hammas* (зуб) — лит. *žambas*. Следует подчеркнуть, что восприятие финскими языками слов, обозначающих родственные отношения или в особенности части тела, становится понятным только в том случае, если допустить не простое соседство финских племен с балтийскими, а обитание одних среди других, наличие на протяжении некоторого времени смешанного финско-балтийского населения.

В свою очередь и наиболее северные из балтийских диалектов, на основе которых впоследствии сложился латышский язык, подверглись воздействию финской речи. В балтийские языки проник ряд финских слов, хотя их общее количество не велико. Приведем из них для примера латышское *māja* (дом) — эстонское *maja*; лат. *pirts* (баня) — финск. *pirtti* (лачуга), карело-марийск. *pört* (дом); лат. *laiva* (судно) — эст. *laev*, финск. *laiva*; лат. *buras* (парус) — эст. *puri*; лат. *cimds* (варежка) — эст. *kinnas*, и др. Важнее, однако, то, что, очевидно, под воздействием финской речи в латышских диалектах ударение установилось на первом слоге, а также интонация в них сблизилась с финской; это опять-таки можно объяснить, только предполагая обитание финских и балтийских племен в определенное время на единой территории. Таким образом, языковые данные вполне согласуются с археологическими фактами.

Приход сравнительно многочисленных балтийских элементов на территорию Эстонии должен был оставить соответствующие следы и в антропологическом материале.¹ К сожалению, приходится сказать, что антропологических данных по описываемому периоду пока собрано еще немного и поэтому нельзя еще сделать окончательных выводов. Однако, как показало новое исследование антропологических материалов сотрудницей Института истории Академии Наук ЭССР К. Ю. Марк, они не противоречат нашим предположениям, скорее поддерживают их.²

Обнаруженные в погребениях с боевыми топорами и шнуровой керамикой черепа представляют так называемый протоевропейский тип, который характеризуется массивностью, длинной головой и широким лицом. Оказывается, что он присутствует в совершенно тождественных формах в погребениях с боевыми топорами по всей Прибалтике, начиная с Калининградской области и далее до северной Эстонии. Повсей вероятности область распространения этого типа охватывает и юго-запад Финляндии.

Благодаря совпадению всех приведенных разнородных данных предположение о проникновении балтийских племен в первой половине II тысячелетия до н. э. в Прибалтику вплоть до ее северной части и о возникновении здесь смешанного населения приобретает большую степень вероят-

¹ Ср.: Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 87, 89 и сл.; Н. Н. Чебоксаров. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии. КСИЭ, XII, 1950, стр. 15 и сл.

² К. Ю. Марк. О палеоантропологических исследованиях в Эстонской ССР. Изв. АН ЭССР, т. II, № 4, Таллин, 1953, стр. 521.

ности. Это обстоятельство со своей стороны подтверждает существование уже в начале II тысячелетия до н. э. финского населения в Прибалтике, так как только при данном условии в западнофинские языки могли в этот ранний период проникнуть упомянутые выше многочисленные балтийские заимствования.

В течение последующих веков происходило постепенное слияние балтийских племен с финским населением, причем к северу от линии, образуемой примерно реками Даугавой (Зап. Двина) и Абавой, победительницей оказалась финская речь, а южнее — балтийская. Чем объясняется то, что на севере балтийские элементы, успевшие шагнуть в своем развитии несколько дальше финских, были все же поглощены последними, — остается пока еще неясным. Вероятно финны тут превосходили их численно, между тем как на юге соотношение было обратное. Слияние было длительным процессом. Примерно к середине последнего тысячелетия до нашей эры этот процесс был, повидимому, в основном закончен. Именно с этого времени по археологическим памятникам впервые начинают проследиваться явные различия между севером и югом Прибалтики; на севере, в Эстонии и северных районах Латвии, появляются каменные курганы с захоронениями в ящиках, на юге же — курганы с погребениями в глиняных урнах или грунтовые могильники. Эти погребальные сооружения, в особенности на севере, в Эстонии, связаны преемственно с более поздними погребальными памятниками, уже без всякого сомнения принадлежавшими эстонским племенам.

На вопросах, специально касающихся последнего тысячелетия до нашей эры, мы останавливаться не будем. Ограничимся лишь указанием важнейших из них. Некоторые факты заставляют нас прежде всего считаться с возможностью того, что за приходом на территорию Эстонии основной массы финских племен в эпоху неолита последовало еще одно, более позднее проникновение сюда новых финских элементов, примерно в конце II или в начале I тысячелетия до н. э. Этот вопрос, однако, еще совершенно не изучен. Другим вопросом является выяснение времени, к которому относится заимствование эстонским и другими западнофинскими языками значительного числа весьма древних германских слов; буржуазными лингвистами заимствованные слова обычно датировались первыми веками нашей эры. Данные археологии не согласуются с этой датировкой, а заставляют отнести их скорее всего к середине и даже к первой половине последнего тысячелетия до нашей эры. Наконец новый просмотр славянских заимствований в эстонском языке показал, что древнейшие из них приходится, вероятно, определять также более ранним временем, чем это делалось до сих пор, а именно рубежом нашей эры.¹ Необходимо, следовательно, подвергнуть пересмотру и соответствующий археологический материал. Требуется новая обстоятельная разработка этих важных вопросов как археологами, так и лингвистами. Поэтому мы оставляем их пока в стороне.

В начале I тысячелетия н. э. на территории Эстонии, как и в остальной Прибалтике, произошли значительные изменения в расселении местных племен, что находит себе подтверждение в характере и распространении обнаруживаемых археологических памятников. Если до этого, в эпоху неолита и раннего металла, население обитало по преимуществу в низменных районах или по краям низин, то теперь оно постепенно заселяет и возвышенности, осваивая в основном все пригодные для земледелия рай-

¹ P. Ariste. Eesti ja vene rahva sõbralikud suhted keeleteaduse valguses [Дружественные взаимоотношения эстонского и русского народов в свете языкознания]. *Rahva Hääl*, № 252, Tallinn, 1951.

оны.¹ Из этого следует, что с началом нашей эры земледелие становится ведущей отраслью хозяйства. Важное место в экономике продолжало занимать скотоводство. Прочно вошли в обиход железо и бронза. Значительного уровня достигли домашнее ремесло, обработка металлов и ткачество. С ростом производительных сил был связан и рост населения. Количество известных могильников, датируемых первыми веками нашей эры, во много раз больше числа погребальных памятников предшествующего периода.

В соответствии с развитием хозяйства изменялись и общественные отношения. Основной общественно-экономической ячейкой была уже не родовая, а семейная община. Типичными для эстонских и ливских племен могильниками являются в начале нашей эры каменные оградки с коллективными захоронениями. Это усыпальницы семейных общин. Род распался на более мелкие единицы. Племенная же организация не только сохранилась, но, очевидно, еще продолжала и крепнуть. Ни в предшествующие, ни в последующие периоды территории разных племен не прослеживаются на археологическом материале с такой четкостью, как именно в первые века нашей эры.

Археологические памятники Эстонии первых веков нашей эры распадаются на две большие группы: южную, охватывающую южную Эстонию, к югу от современных городов Тарту и Вильянди (а также северные районы территории Латвии), и северную, размещающуюся в средних и северных частях Эстонии. Обе группы распадаются в свою очередь на более мелкие варианты. Намечается еще и третья большая группа, западная, но она выражена пока слабее (рис. 3). О том, что эти различные группы памятников не представляют случайного явления, а относятся к определенным племенным группам, свидетельствует их территориальное совпадение с двумя основными группами современных эстонских диалектов, наиболее резко выраженная граница между которыми также проходит на широте городов Вильянди и Тарту (ср. рис. 9).

Южная группа памятников (рис. 3, *II*), размещающаяся на юге Эстонии и на севере Латвии, характеризуется рядом общих черт. Для нее особенно типичны фибулы с перекладинами, а также небольшие круглые пряжки; она имеет особый тип ножных браслетов и т. д. (рис. 4); в ее пределах, в противоположность северной группе, значительно реже встречаются перстни; некоторые своеобразные черты проявляются и в керамике. Эту группу следует приписать южноэстонским племенам; в пределах Латвии последние позже были ассимилированы латгальскими племенами.

Из южноэстонской группы по ряду особенностей выделяются памятники, расположенные западнее оз. Выртсъярв и южнее г. Вильянди (рис. 3, *IIa*). Они занимают территорию так называемого вильяндиского диалекта (рис. 9, *З*), между тем как памятники, расположенные восточнее Выртсъярва (рис. 3, *IIб*), совпадают по своему распространению с тартуским и вырусским наречиями (рис. 9, *и, к*).

В северной и средней Эстонии совершенно ясно выделяются по меньшей мере три местные группы памятников: северо-восточная, или вирумааская (рис. 3, *Ia*), средняя, или пайде-гюрская (рис. 3, *Iв*), и таллинская, северо-западная (рис. 3, *Iб*). Из них наиболее богатой и своеобразной является вирумааская группа, характеризующаяся рядом специфиче-

¹ Карта распространения памятников, а также план типичного могильника первых веков нашей эры приведены в нашей статье «Возникновение классового общества в Прибалтике. (По археологическим данным)». (СА, XVII, 1953, стр. 108, рис. 2 и стр. 109, рис. 3).

ских форм, к которым принадлежат, например, глазчатые фибулы, разные местные типы профилированных фибул, арбалетовидные фибулы с удлиненной спиралью, подкововидные и круглые фибулы с эмалью, большое число перстней, некоторые особые типы железных орудий труда и т. д. (рис. 5).¹ Территориально эта группа совпадает в основном с восточными говорами северного прибрежного диалекта (рис. 9, Г).

Пайде-тюрская группа отличается от предыдущей отсутствием названного варианта арбалетовидных фибул и ряда вирумааских вариантов профилированных фибул, а также отсутствием эмали и другими особенностями. Особый местный вариант представляют фибулы с щитковид-

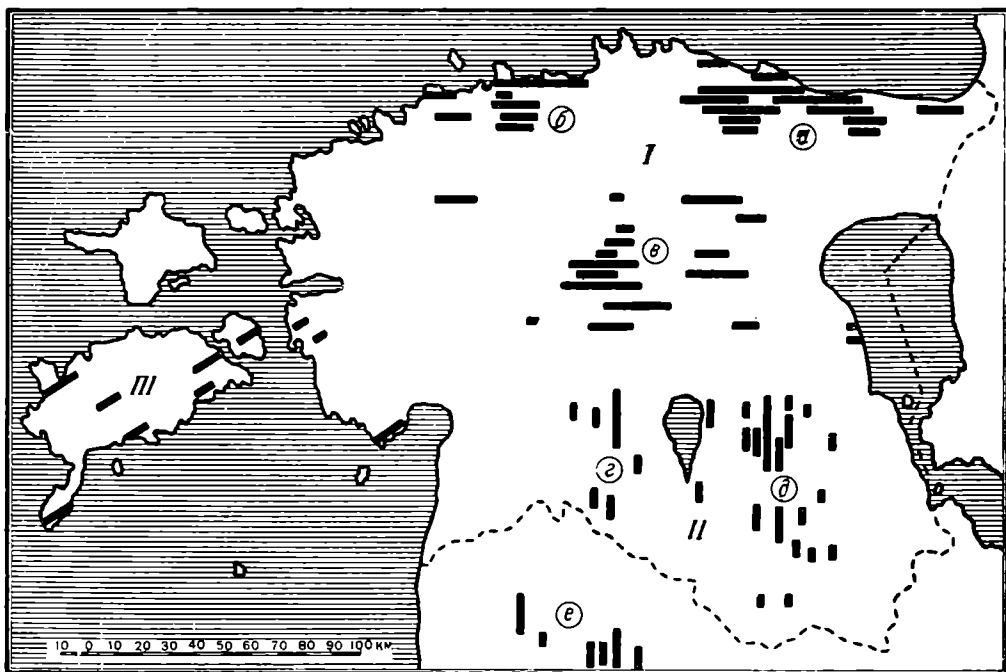

Рис. 3. Распространение местных культур I—IV вв. на территории Эстонской ССР и на севере Латвийской ССР

I — североэстонская группа с подгруппами: вирумааской (а), таллинской (б) и пайде-тюрской (с); II — южноэстонская группа с подгруппами: вильяндиской (z), тарту-выруской (d) и северолатвийской (e); III — западноэстонская группа.

ным расширением головки, а также некоторые формы фибул с перекладинами (рис. 6). Эта группа соответствует по своему расположению в основном среднесевероэстонскому диалекту, совпадая, по видимому, с ядром последнего (рис. 9, В).

Таллинская группа является наиболее бедной из трех североэстонских групп. Она представлена также сравнительно небольшими могильниками и отличается как от вирумааской, так и от пайде-тюрской главным образом отсутствием специфических для нее форм фибул и других предметов.² В ее пределах встречаются арбалетовидные фибулы без удлинения спирали, нередко бляшки с глазком из синего стекла, являющиеся, вероятно, завершением концов шейных гривен определенного

¹ См.: М. Х. Шмидхельм. Каменные могилы в северо-восточной Эстонии. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 76 и сл.

² Некоторые типичные памятники этой группы опубликованы. См.: A. Friedenthal. Das Gräberfeld Reval, 1911; A. Spreckelsen. Das Gräberfeld Laakt (Lagedi). Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused, XXIV, Tartu, 1927.

типа (рис. 7, 6, 5). В общем эта группа близка к вирумааской (множество перстней), от которой она воспринимает ряд форм предметов украшения. Эта группа соответствует, по видимому, западным говорам северного прибрежного диалекта, отступившим в настоящее время на крайнее побережье, но простиравшимся еще в XVII в. дальше на юг (рис. 9, Г, точечная линия), а в более древнее время заходившим, вероятно, еще южнее.

В связи с этим заметим, что современные диалекты нельзя безоговорочно сопоставлять с древними археологическими культурами. Как видно

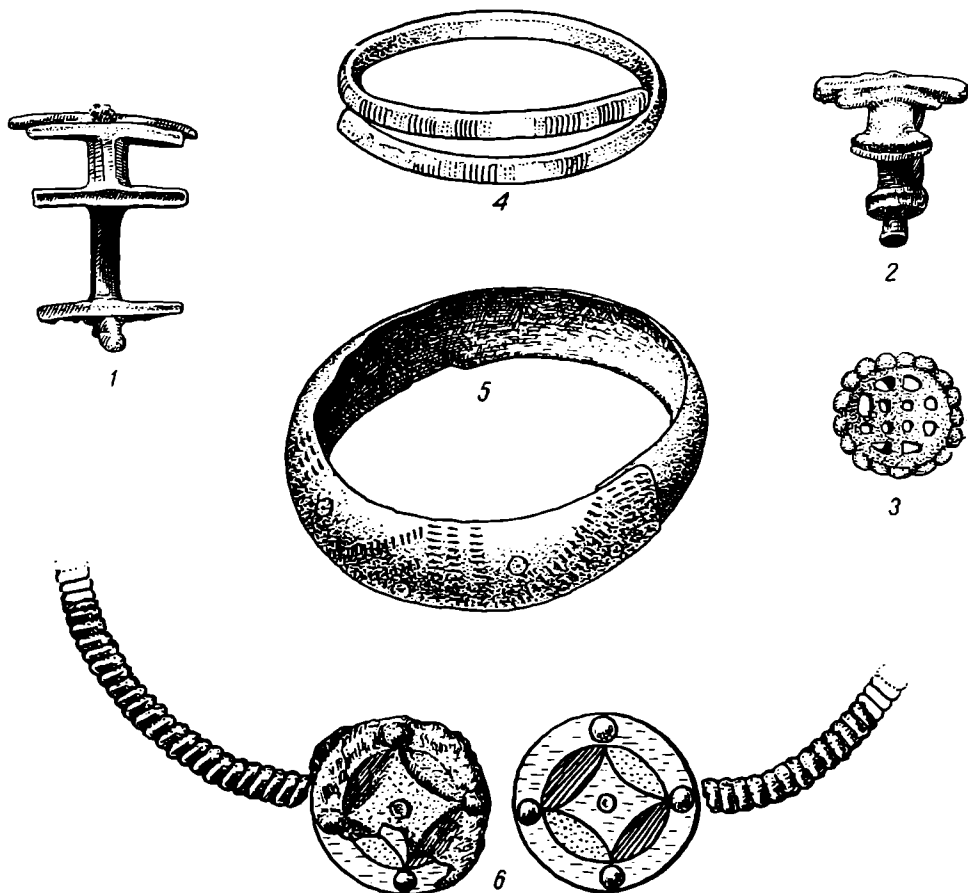

Рис. 4. Предметы II—IV вв., характерные для юга Эстонии и северных районов Латвии.

1, 2 — фибулы с перекладинами, 3 — круглая ажурная фибула; 4 — браслет с сегментарным сечением; 5 — ножной браслет с выпукло-вогнутым сечением; 6 — часть шейной гривны, украшенной цветной эмалью.

хотя бы на примере рассматриваемого северного прибрежного диалекта эстонского языка, территории диалектов могли в течение времени нередко подвергаться значительным изменениям. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, укажем лишь, что при сопоставлении языковых диалектов и древних культур приходится непременно учитывать те сдвиги, которые, возможно, произошли на протяжении веков в границах распространения данных диалектов.

Особое место занимают, наконец, памятники островов Сааремаа и Муху, а также западного побережья материковой части Эстонии (рис. 3, III). Эти районы обладают наименее плодородной почвой, под которой

на очень небольшой глубине выступает сплошной известняк. В силу этого земледелие, которое тогда было в основном подсечным, не получило здесь такого развития, как в средней и восточной Эстонии. Названные острова и западное побережье материка в этот период заметно отставали

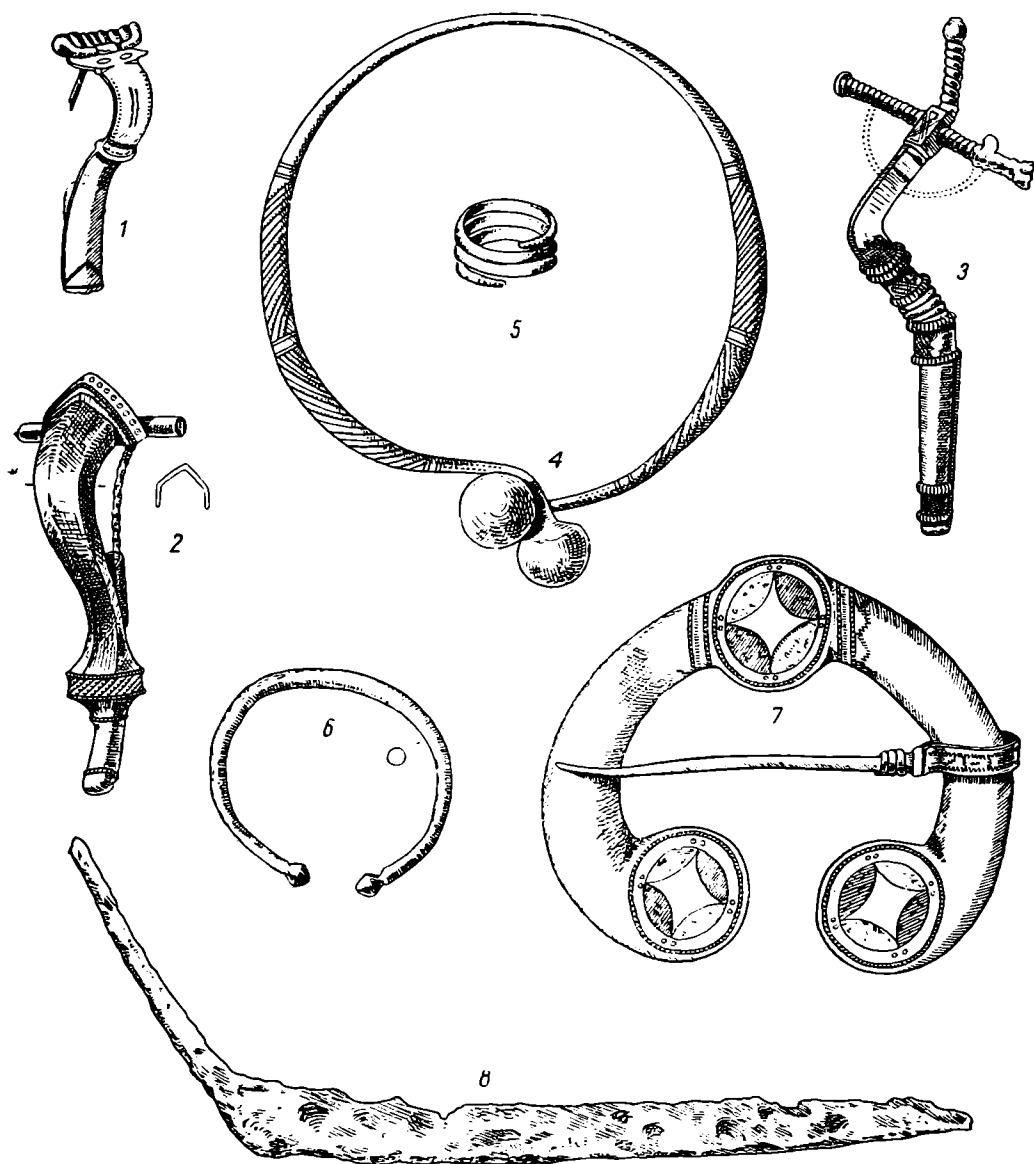

Рис. 5. Предметы I—IV вв., характерные для Вирумаа (северо-восток Эстонии).

1 — глазчатая фибула; 2 — фибула со щитковидным расширением головки; 3 — арбалетовидная фибула с удлинением спирали; 4 — шейная гривна с полусферическими шляпками на концах; 5 — спиральный перстень; 6 — браслет с шпешечками на концах; 7 — подкововидная пряжка, украшенная цветной эмалью; 8 — косарь (железо).

в своем развитии от средней и восточной Эстонии. Из названных районов мы знаем очень немного памятников, которые к тому же дают лишь скудный вещественный материал. Эта группа памятников сохраняет долго такие формы предметов (например булавки с кольцевидной головкой и определенные типы височных украшений; рис. 8), которые в других группах исчезают уже в I в. н. э. Материальная культура островов Саа-

ремаа и Муху пережила новый подъем лишь позже, в период распространения пашенного земледелия и в особенности с возникновением мореходства в X—XII вв. Для островов Сааремаа и Муху характерен особый диалект, входящий в группу северозэстонских наречий (рис. 9, А).

Таким образом местные особенности археологических культур начала нашей эры территориально совпадают с диалектами эстонского языка, отражающими племенные подразделения древних эстонцев. Кроме того, мы видим, что различия между разными племенами не только выражались в особенностях традиционных украшений или других предметов, но проявлялись и в некоторых оттенках их хозяйственного развития.

Древние племенные традиции проявляют у эстонцев исключительную устойчивость. Небезинтересно указать, что они удержались не только в диалектах эстонского языка, но вплоть до прошлого века сохранились

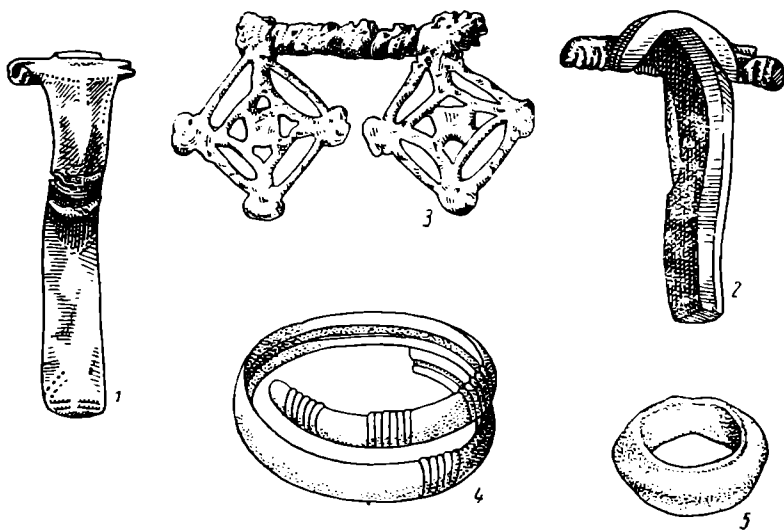

Рис. 6. Предметы III—IV в., характерные для окрестности Пайде и Тюрн.

1 — глазчатая фибула; 2 — фибула с щитковидным расширением головки; 3 — часть ожерелья, состоящего из подвесок и спиральных провизок; 4 — браслет с сегментарным сечением; 5 — перстень с выпукло-вогнутым сечением.

также в местных особенностях эстонского фольклора и этнографических материалов, в частности народной одежды. Мы не имеем возможности подробно охарактеризовать разные местные группы эстонской народной одежды и фольклора — это потребовало бы особой статьи — и ограничиваемся воспроизведением лишь карт распространения этих групп (рис. 10 и 11) и некоторыми замечаниями по ним.

Нетрудно видеть, что основные группы как народной одежды, так и фольклора территориально, в общем, совпадают с важнейшими диалектами эстонского языка, а также с местными археологическими культурами первых веков нашей эры, следовательно отражают древние племенные особенности. Это явление следует изучить подробнее, так как оно несомненно имеет интерес для разрешения вопросов этногенеза.

Первую местную группу образует одежда юга и юго-востока Эстонии (рис. 10, В). Эта группа характеризуется сохранением вплоть до середины XIX в. весьма древних элементов (женская поясная одежда типа поневы, женская головная повязка «линик» типа убруса, геометрическая орнамента и др.). Вторую группу составляет одежда северной Эстонии

(рис. 10, А), охватывающая территорию распространения среднесеверо-эстонского и прибрежного диалектов (рис. 9, В, Г). Для этой группы характерен ряд более поздних элементов по сравнению с южной (короткая женская блузка «кяйсед», одеваемая поверх рубашки, головные уборы типа кокошника, преобладание растительной орнаментики). Запад материковой части Эстонии охватывает третья группа (рис. 10, Б). Эта группа восприняла ряд черт как от северной, так и от южной группы, но проявляет при этом и свои особенности. Она утратила те древние элементы, которые характеризуют южную группу, но из северной не воспри-

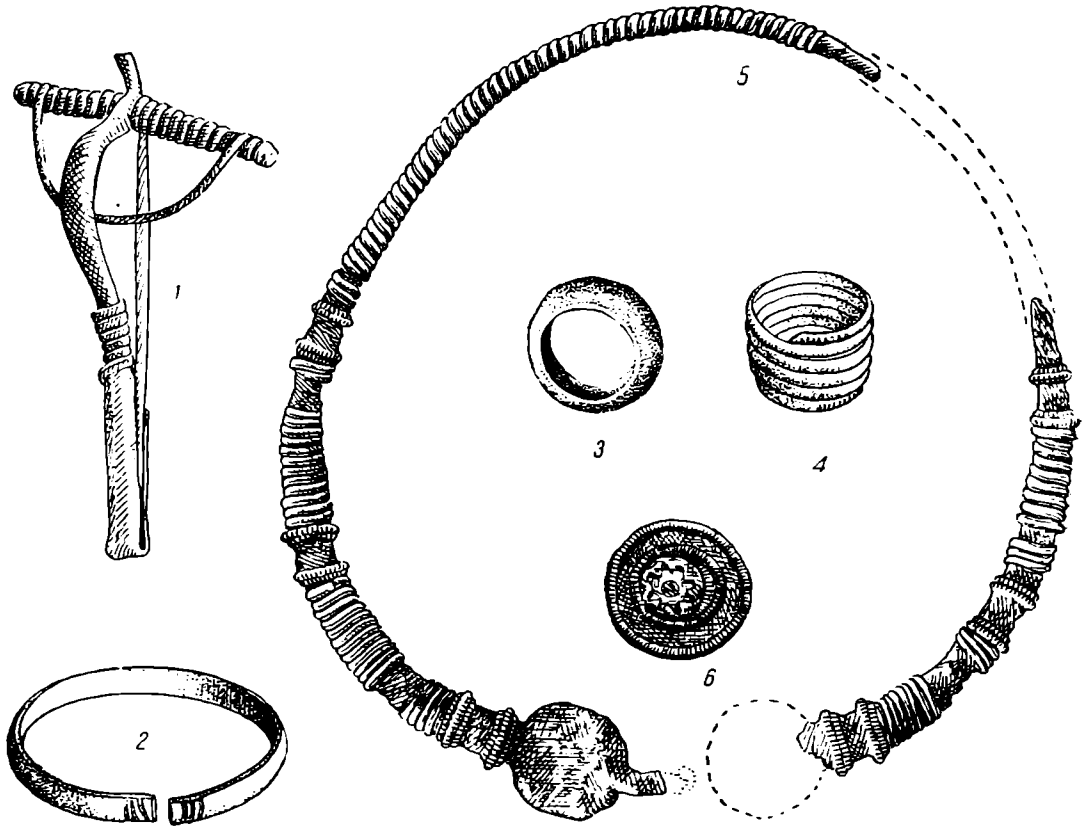

Рис. 7. Предметы III—IV в., характеризующие таллинскую группу памятников.

1 — арбалетовидная фибула; 2 — браслет с сегментарным сечением; 3, 4 — перстни с выпукловогнутым сечением и спиральный; 5, 6 — шейная гривна с круглыми пластинчатыми расширениями на концах и бляшка со стеклянным глазком с концевым расширением подобной гривны.

няла, например, типичной для этой группы блузки «кяйсед», которую в женском костюме заменяет лиф. Орнаментика также проявляет известные особенности. Наконец, четвертую большую группу образуют острова Сааремаа, Муху и Хийумаа (рис. 10, Г), которые имеют свои отличия как в женских головных уборах, так и в расцветке и покрое женской одежды (поперечнополосатые юбки, лиф), а также в орнаментике (геометризованный растительный орнамент). Острова имеют ряд общих черт с западной частью материка.

В основу карты (рис. 11) положены разные типы древних, аллитерационных народных песен, представляющих наиболее архаический слой эстонской народной поэзии, а также связанные с этими песнями мелодии. Народные песни и характер соответствующих напевов южной Эстонии (рис. 11, В) заметно отличаются от песен и мелодий северной группы

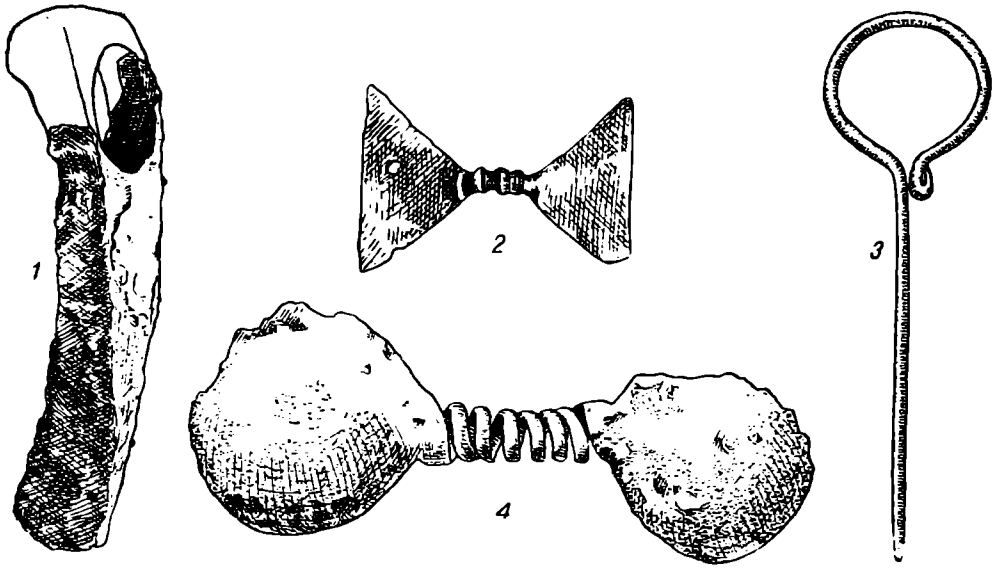

Рис. 8. Предметы I—IV вв., характерные для запада Эстонии.

1 — узкоклиновы́й топор (железо); 2 — пряжка; 3 — нагрудная булавка; 4 — височное украшение.

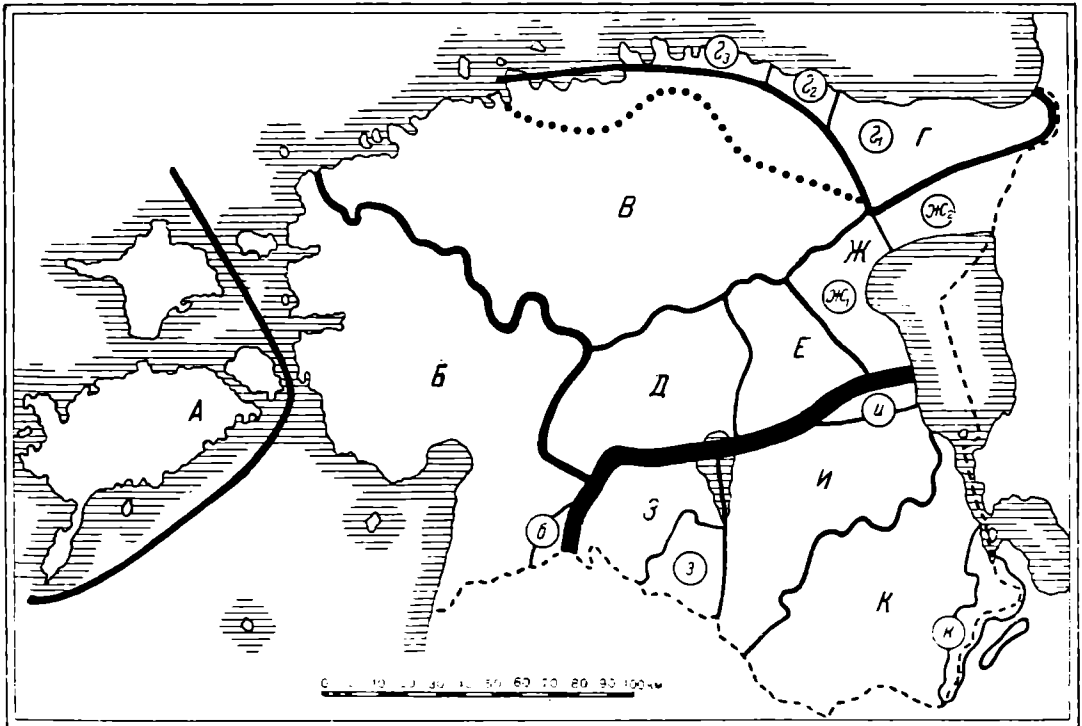

Рис. 9. Распространение современных диалектов эстонского языка.

Северозэстонские диалекты: А — островной, Б — западноэстонский, В — среднесеверозэстонский, Г — прибрежный, Д, Е, Ж — южные северозэстонские диалекты; южноэстонские диалекты: З — вильяндиский, И — тартуский, К — вырусский. Точечной линией показана юго-западная граница прибрежного диалекта (Г) в XVII в.

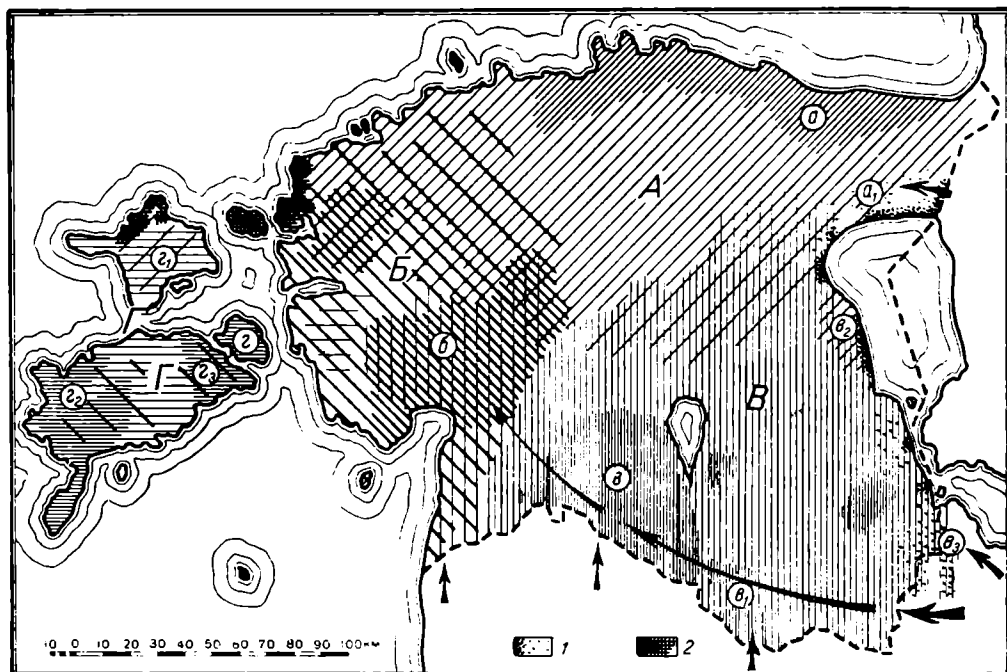

Рис. 10. Распространение местных групп эстонской народной одежды (примерно середина XIX в.).

А — северная группа; Б — западная группа; В — южная группа; Г — островная группа; а—г, — соответствующие подгруппы одежды; 1 — русская народная одежда и ее элементы в эстонской одежде; 2 — шведская одежда. Стрелки показывают внешние влияния.

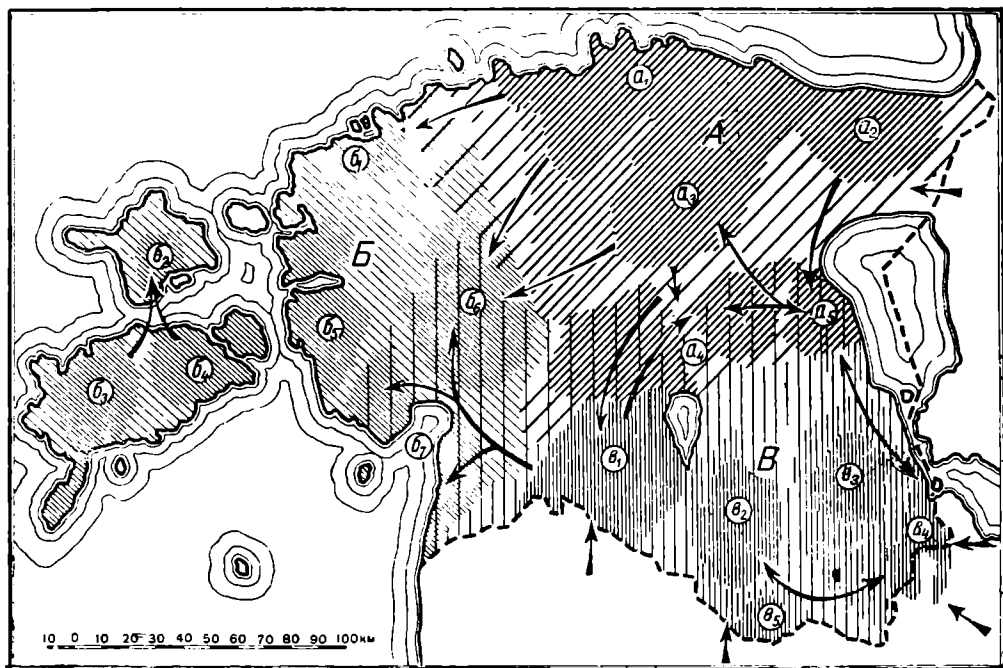

Рис. 11. Распространение типов старой (аллитерационной) эстонской народной песни и сопровождающей ее музыки (примерно первая половина XIX в.). (По Х. Т. Тампере).

А — северная группа; Б — западная группа; В — южная группа; а—г — местные подгруппы. Стрелки показывают связи и влияния.

(рис. 11, А). Эти особенности тесно связаны с особенностями в обрядах. Между южной и северной группами расположена смешанная полоса, в которой встречаются оба типа фольклора. Третья, западная группа (рис. 11, Б) отличается, между прочим, тем, что в ее пределах более поздние, рифмованные песни уже в значительной мере сменили древнюю, аллитерационную песню. Эта группа отличается также богатством известных категорий песен (например свадебных), которые в других группах представлены в меньшем многообразии. Эстонский фольклор и народная музыка, в особенности их южная группа, восприняли много мотивов от восточных славян.

В пределах каждой группы вырисовываются некоторые подгруппы, которые в основном совпадают с соответствующими подгруппами народной одежды, а также с местными говорами эстонского языка.

Как фольклор, так и народная одежда в том виде, как они дошли до нас, содержат, естественно, много поздних элементов. Важно, однако, совпадение географического распределения особенностей этих элементов одежды и фольклора в раннее и позднее время. Это показывает исключительно большую устойчивость древних традиций, восходящих еще к племенному строю.

Как уже упомянуто, для эстонских племен в I тысячелетии н. э. и даже еще в начале II тысячелетия были характерны плоские наземные каменные могильные сооружения. Примерно в V в. в юго-восточных районах Эстонии наряду с ними появляется совершенно отличный, не известный в остальной Эстонии тип погребальных памятников — курганные могильники, в том числе и длинные курганы (рис. 12). Эти курганы вполне идентичны с соответствующими памятниками соседней Псковщины. Они встречаются группами, состоящими либо из одних круглых, либо из круглых и длинных насыпей. Курганы содержат трупосожжения, обычно слегка впущенные в материк, но нередко располагающиеся также в самой насыпи. При погребениях обнаруживается мало вещей. Насыпи окружены у подножия ровиком. Длинные курганы располагаются в группе обычно в один ряд или в несколько параллельных рядов. Среди длинных курганов встречаются, как и на древнеславянских территориях, длинные, удлиненные и так называемые комбинированные курганы, т. е. представляющие собой связь длинной и круглой насыпи. Общей чертой для данных могильников на территории Эстонии и на древнеславянских территориях является еще и их размещение вдоль речных долин и побережья озер. При этом длинные курганы образуют обычно ряды, параллельные речному берегу. Этим описываемые курганы отличаются от эстонских каменных могильников, расположенных обычно на пашенных землях, вдали от рек или озер. Таким образом курганные могильники, известные нам в юго-восточных частях Эстонской ССР, как по своей структуре и по обряду погребения, так и по своему расположению полностью соответствуют кривичским курганам соседней Псковщины.

Эти курганы уже давно привлекали внимание прибалтийских археологов. Но ввиду того, что ни в письменных источниках, ни в народной традиции не сохранилось непосредственных воспоминаний о существовании на названной территории Эстонии когда-либо славянского населения, мы обычно объясняли появление в этом месте курганов как результат славянского культурного влияния.

В связи с работой на соседней территории Псковской археологической экспедиции Института истории материальной культуры, возглавлявшейся С. А. Таракановой, которая изучала среди других памятников и курганные могильники данного типа, в 1950—1951 гг. был вновь пересмо-

трен весь материал по курганам, расположенным в пределах Эстонской ССР, и были произведены новые раскопки этих курганов. Сравнение всех имеющихся по эстонским курганам данных с материалами по курганам

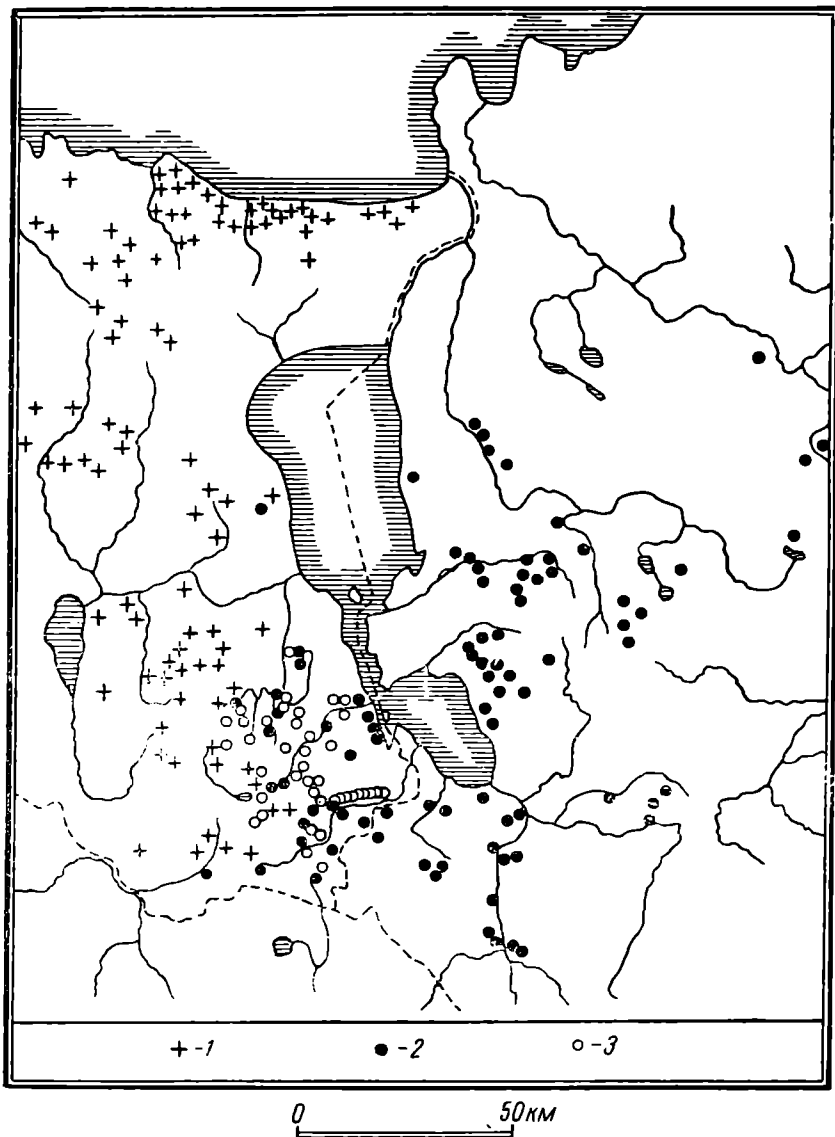

Рис. 12. Распространение типов могильных памятников начала и середины I тысячелетия н. э. на востоке Эстонской ССР и на соседней части территории РСФСР.

1 — эстонские каменные могильники; 2 — славянские курганные могильники с длинными курганами; 3 — славянские курганные могильники, не содержащие длинных курганов (на территории РСФСР, за неимением данных, не отмечены).

Псковщины¹ показало уже упомянутое нами полное сходство этого типа могильников на той и другой территориях. На основании этого С. А. Таракановой была высказана мысль, что названные курганы на территории Эстонии следует приписать существовавшему когда-то здесь

¹ С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, XIX, стр. 77 и сл.

славянскому населению. В настоящее время эстонские археологи также разделяют этот взгляд.

Эта точка зрения подкрепляется не только археологическими, но также лингвистическими, а отчасти и антропологическими данными. Наиболее юго-восточный из диалектов эстонского языка так называемый вырусский диалект (рис. 9, *K*), территория которого в общем совпадает с территорией распространения курганов, содержит значительное количество русских слов весьма древнего происхождения. Из них многие показывают черты, характерные именно для русских говоров, распространенных на древней кривичской территории. Эти заимствования, из которых многие проникли далее в другие эстонские диалекты, были, очевидно, восприняты не только в результате обычного общения юго-восточных эстонских племен со славянскими соседями, а являются в значительной степени напоминанием о существовании когда-то в этих районах смешанного эстонско-русского населения. В пользу такого предположения говорит еще и то, что вырусский диалект проявляет местами и в своей фонетике отдельные русские черты.¹ Следует прибавить, что в антропологическом отношении население юго-востока Эстонии представляет тип, весьма близкий к соседнему типу русских.

Таким образом, есть все основания полагать, что в состав юго-восточных эстонских племен в I тысячелетии н. э. вошло значительное количество славянских элементов. Пока еще не выяснен вопрос о том, когда славянское население появилось в названных районах территории Эстонии. Курганы возникают здесь, как отмечено, примерно одновременно с их появлением на Псковщине. Но славянские этнические элементы могли существовать тут, как и на более восточной территории, уже и до этого. Курганные могильники исчезают примерно в VIII—IX в. Позже в этих частях Эстонии типичные славянские памятники не встречаются.

Начиная с V—VI в., местные племенные особенности в древнеэстонской материальной культуре постепенно стираются или заметно ослабевают. Племенной строй начинает разлагаться. Племенные территории сменяются территориальными образованиями, так называемыми кихелькондами и их союзами, именовавшимися маакондами, т. е. «землями». Кихельконды и земли встречаются у эстонцев еще в начале XIII в., когда о них известно уже из письменных источников (ср. рис. 16).

На первый взгляд кихельконды и мааконды начала XIII в. в общем совпадают с древними племенными подразделениями. В действительности же процесс образования территориальных единиц не протекал так просто и прямолинейно, а был несколько более сложным. Сложность этого процесса наглядно показывает на примере древней земли Вирумаа М. Х. Шмидехельм.

Эта часть Эстонии, как уже сказано, особенно богата археологическими памятниками. М. Х. Шмидехельм выделила здесь три последовательные группы памятников. Из них первая представлена каменными курганами с захоронениями в ящиках, относящимися к середине и концу последнего тысячелетия до нашей эры, т. е. к позднему этапу развития патриархально-родового строя. Вторую группу образуют многочисленные своеобразные каменные могильники с оградками, датируемые I—IV вв., т. е. периодом распада родовых отношений. Третья состоит из памятников XI и XII вв., т. е. относится к периоду начала развития ранних феодальных отношений. Дополнением к третьей группе служит полный список поселений, составленный по отдельным кихелькондам

¹ По сообщению А. Унвере.

в первой половине XIII в. и дошедший до нас в так называемой Датской поземельной книге.¹

Памятники второй половины последнего тысячелетия до нашей эры расположены вдоль побережья Финского залива (рис. 13). Наиболее многочисленная группа их размещается в северной части низины р. Пуртсе, восточнее и западнее этой низины их обнаружено пока меньше. В общем же они обозначают, как видно из сравнения карты их распространения с диалектологической картой (рис. 9), основную территорию племен се-

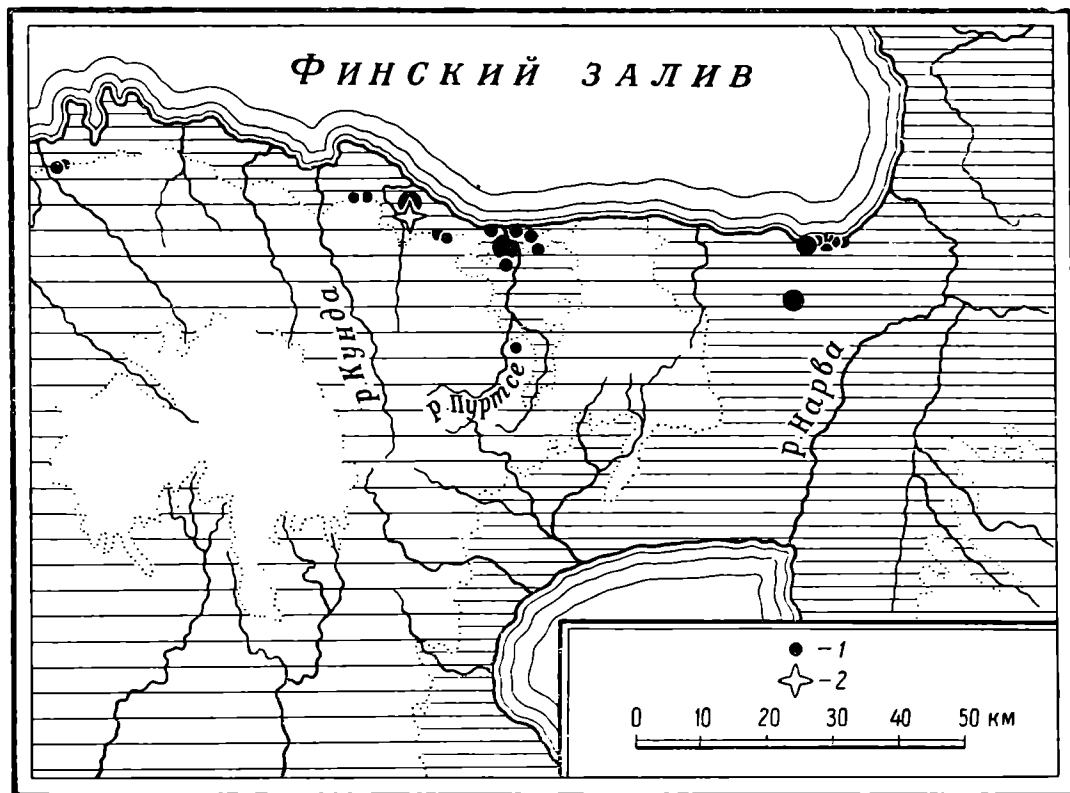

Рис. 13. Распространение археологических памятников второй половины последнего тысячелетия до нашей эры на северо-востоке Эстонии (Вирумаа).

1 — могильник; 2 — городище. Различный размер кружков показывает соответственно разное количество курганов в данном могильнике. Густой штриховкой обозначены наиболее низменные части территории, наиболее возвышенная часть не заштрихована.

верного прибрежного наречия. На основании того, что к западу от низины р. Пуртсе проходит граница двух различных говоров этого диалекта (рис. 9, g_1 и g_2), следует полагать, что памятники этой низины, как и памятники, расположенные восточнее, обозначают одну племенную территорию, а памятники, лежащие западнее низины, отмечают населенные места другой племенной территории. Обе названные племенные территории могли в свою очередь распасться на две меньшие (фратриальные) части.

Распространение памятников I—IV вв., когда земледелие стало основной хозяйством, иллюстрируется рис. 14. Здесь виден прежде всего значительный рост количества памятников, по сравнению с предыдущим перио-

¹ P. J o h a n s e n. Die Estlandliste des Liber census Daniae. Reval, 1933.

дом. Одновременно наглядно показано начало заселения возвышенных районов, которые до того были покрыты девственными лесами. Множатся памятники в возвышенной части Йыхвиского района, восточнее низины Пуртсе, а также западнее в окрестностях Виру-Нигула (низина устья р. Кунда) и г. Раквере; этот район представлял, по нашему предположению, территорию отмеченного выше западного прибрежного племени (рис. 9, g_2). Помимо этого, возникла совершенно новая группа памятников в наиболее возвышенном Вяйке-Марьяском районе, южнее г. Раквере, где памятники предыдущего периода до сих пор не известны. Эта

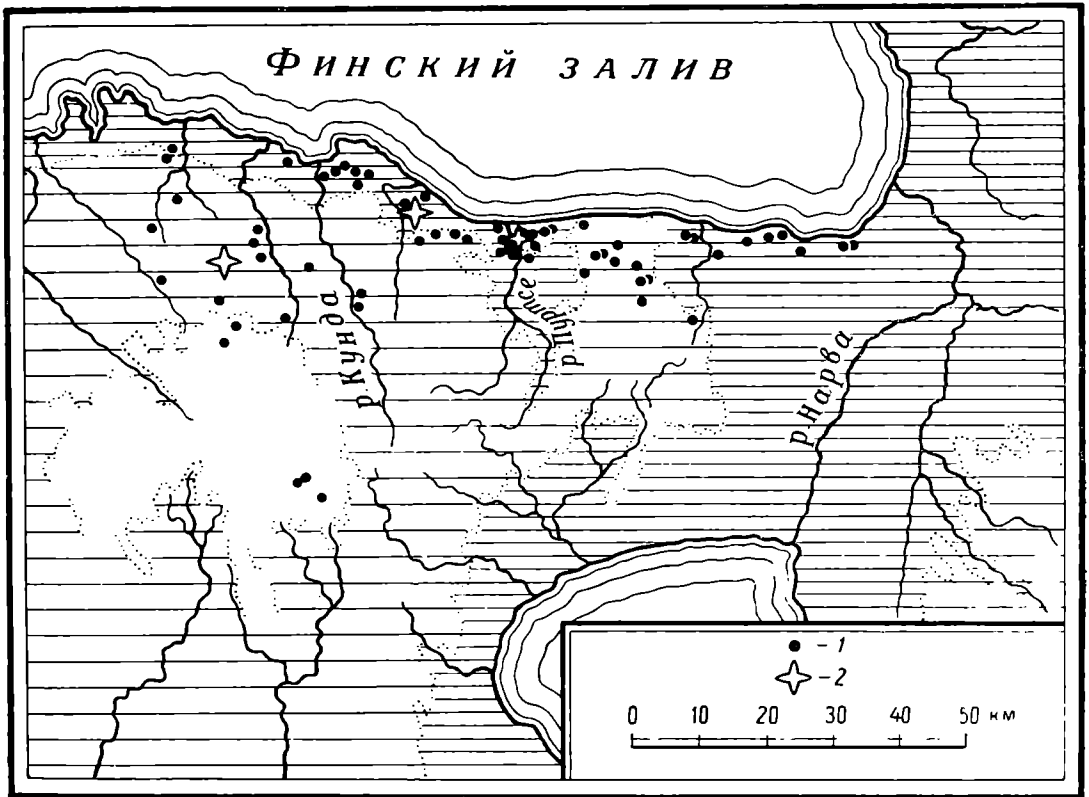

Рис. 14. Распространение археологических памятников I—IV вв. на северо-востоке Эстонии (Вирумаа).

1 — могильник; 2 — городище. Густой штриховкой обозначены наиболее низменные части территории, наиболее возвышенная часть не заштрихована.

группа дала материал, который при общем сходстве с материалами прибрежной полосы обнаруживает все же ряд отличий от них. Эти отличия связывают его одновременно с инвентарем среднеэстонских памятников пайде-тюриской группы (рис. 3, $1в$). Поэтому есть основания полагать, что этот район был заселен каким-то среднеэстонским племенем или во всяком случае при значительном его участии.

Размещение поселений начала XIII в., согласно спискам упомянутой Датской поземельной книги, иллюстрируется рис. 15. Отметим, что почти в каждом из указанных пунктов обнаружены памятники X—XII вв., что, таким образом, в общем совпадает с археологической картой этого периода. Количество поселений по сравнению с предшествующим периодом опять-таки сильно возросло. Список поселений XIII в. почти полностью покрывается списком нынешних населенных мест этих районов. К на-

чалу XIII в. были, следовательно, в основном освоены все пригодные для земледелия площади.

На рис. 15 воспроизведены также границы кихелькондов, сменивших древние племенные территории; показаны и границы всего древнего мааконда («земли») Вирумаа, в который эти кихельконды объединились. Наиболее восточный из кихелькондов, название которого сохранилось до настоящего времени, Алутагузе, охватывал восточную часть населенных мест восточного прибрежного племени; его центр лежал в нынешнем Йыхвиском районе. Западная часть этой прежней племенной территории образовала другой кихельконд, Аскэлэ, с главным центром в низине р. Пуртсе. На прежней территории западного прибрежного племени

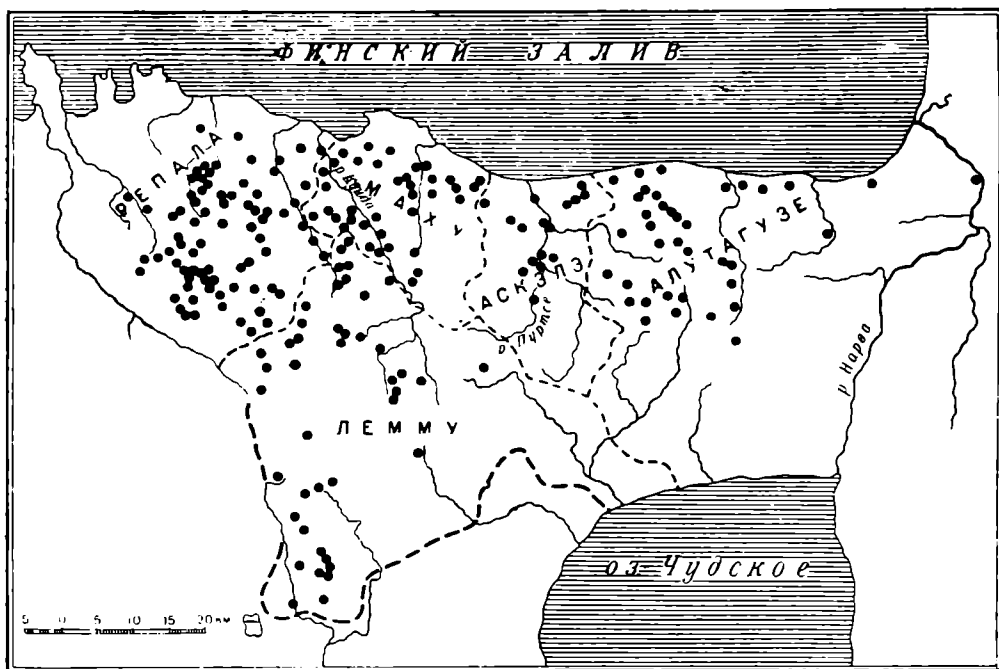

Рис. 15. Населенные пункты и кихельконды северо-восточной древнеэстонской «земли» Вирумаа в первой половине XIII в. (По данным Датской поземельной книги).

возникли также два кихельконда: Маху (Маум), позднее — Виру-Нигула и Репала, с центром около современного города Раквере. В настоящее время поперек территории древнего кихельконда Репала проходит граница прибрежного и среднеэстонского диалектов. Судя по данным XVII в., на этой территории позже произошло перемещение диалектных границ (ср. рис. 9). Так как первый из этих диалектов отступил дальше на северо-восток, то этот кихельконд первоначально образовался все же на основе одной племенной территории, а не из двух разноплеменных частей, как это может показаться на первый взгляд по современным диалектным соотношениям. Наиболее южный из вирумааских кихелькондов, который в старых источниках называется Лемму, образовался, очевидно, на основе разноплеменных, отчасти прибрежных, преимущественно же среднеэстонских элементов. И тем не менее он вошел в землю Вирумаа.

Сравнивая карту древнеэстонских земель-маакондов (рис. 16) с современной диалектологической картой (рис. 9), можно сказать, при условии учета некоторых изменений, происшедших в распространении

отдельных диалектов, что территориальные объединения у эстонцев сложились в общем на основе племенных подразделений. Южноэстонские племена явились ядром двух крупных южноэстонских земель — Сакала и Уганди (и связанной с последней небольшой земли Ионентага). Средне-

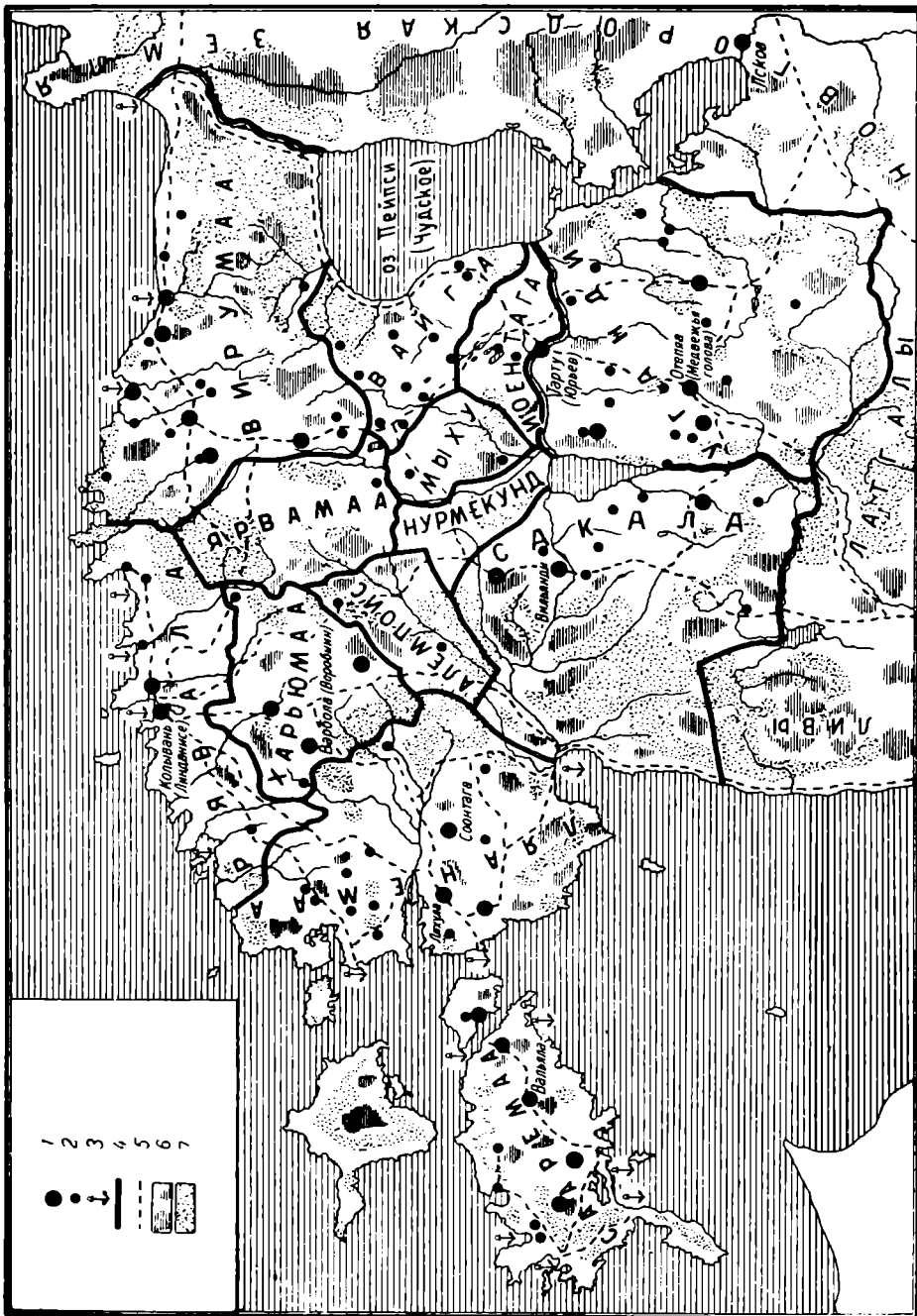

Рис. 16. Древнеестонские мааконды («земли») в начале XIII в.

1 — крупные (поздние) города; 2 — другие города; 3 — гавани; 4 — границы земель; 5 — главные дороги; 6 — болотные массивы; 7 — лесные массивы.

эстонские племена, говорившие на южных говорах североэстонского диалекта (рис. 9, Д, Е, Ж), образовали ряд небольших среднеэстонских маакондов [Нурмекунд, Мыху (Моха) и Вайга]. Интересно отметить, что население территории мааконда Вайга, название которого лингвисты связывают с термином «вось» (вайга—вагья—вадь), сохранило до настоящего времени в своем говоре значительное количество восточных черт.

Племена, говорившие на средних говорах северного диалекта (рис. 9, В), образовали мааконды Ярвамаа, Алемпойс и Харьюмаа. На основе наиболее северных, прибрежных, племен (рис. 9, Г) сформировались мааконды Вирумаа и, повидимому, Рявала. Наконец западные мааконды Сааремаа и Ляанемаа сложились на основе племен, говоривших на западных говорах северного диалекта (рис. 9, А, Б).

На примере формирования мааконда Вирумаа можно заключить, что территориальная организация не была непосредственным продолжением древнего племенного устройства, а, складываясь на развалинах родо-племенного строя, возникала соответственно новым интересам, выдвинутым новыми социально-экономическими условиями. Известно, что, например, и древняя южноэстонская земля Сакала сложилась из разноплеменных элементов (ср. рис. 16 и 9). Ее основную часть составляло население, говорившее на южноэстонском наречии, население же северной ее части говорит и поныне на резко отличающемся среднеэстонском диалекте. В меньшей мере подобное объединение разноплеменных элементов наблюдается в некоторых других маакондах.

Территориальные объединения представляют собой переходное явление от родо-племенного строя к классовому обществу. Позже они сменяются первоначальными государственными образованиями, возглавляемыми князьками, которые вырастают, как показал Энгельс, из военачальников.¹ Как само классовое общество не вырастает просто из первобытно-общинного строя, а является результатом острой борьбы нового классового начала с отживающим общинным, так и государственные образования не возникают непосредственно из территориальных. Как можно судить по примерам, которые дает древняя история народов Прибалтики, более крупные территориальные объединения, земли, на первых порах возникновения государственных образований распадаются на небольшие территории, подвластные мелким князькам. Из среды последних затем, в ходе их борьбы между собой, выделяются более мощные, объединяющие под свою власть территории бóльших размеров. Но эти владения далеко не всегда совпадают с прежними землями, так же как и земли не всегда совпадали с более древними племенными территориями.

Но одновременно с возникновением раннефеодальной раздробленности намечается в известной мере и противоположный процесс — начало объединения прежних разрозненных племен в одну народность — в результате дальнейшего роста производительных сил, развития торговли и культурного общения. Мы не имеем возможности исследовать здесь эти весьма сложные процессы; они пока прослеживаются главным образом по письменным и другим источникам, и следует признать, что роль археологической науки в их освещении еще очень скромна.

В дальнейшем, при систематическом накоплении археологических материалов, освещающих развитие производительных сил, и в особенности при планомерном археологическом изучении важнейших центров экономической и общественной жизни, археология сможет сказать по этим вопросам более веское слово.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть предварительный, в значительной степени гипотетический характер сделанных выводов. Наша статья представляет собой лишь первоначальный опыт привлечения материалов из разных областей науки для разрешения данной проблемы.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 95, 148—149, 169—170.

Д. В. Ш Е Л О В

К ИСТОРИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА БОСПОРЕ

Вопросы экономической истории Боспора освещались в археологической и исторической литературе неоднократно. Можно сказать, что Боспору в этом отношении уделено значительно больше внимания, чем многим другим античным государствам не только нашего юга, но и собственно Греции. Однако все исследования касались в большинстве случаев торговых связей Боспорской державы, особенно хлебной торговли Боспора с Атикой. Вследствие фрагментарности сведений, содержащихся в письменных источниках, и неразработанности археологического материала среди исследователей утвердилось представление об особой роли торговли в экономической жизни Боспора и о незначительной роли производственной ремесленной деятельности. Из этого представления вытекает и характеристика Боспора как «аграрно-коммерческой державы», данная в трудах покойного академика С. А. Жебелева. Подобный взгляд на экономику Боспорского государства встречается иногда еще и теперь.

Между тем археологические материалы, добытые при раскопках боспорских поселений и некрополей, особенно в последние годы, чрезвычайно ярко свидетельствуют о том, что представление о слабом развитии на Боспоре ремесленно-производственной деятельности во многом не соответствует действительности, что, напротив, в городах Боспора с самого момента их возникновения появились разнообразные ремесла, достигшие полного расцвета к началу эллинистической эпохи. На основании археологического материала мы сейчас можем с уверенностью говорить о весьма значительном развитии в этом районе античного Причерноморья самых разнообразных ремесленных производств: деревообделочного и костерезного, металлообрабатывающего и ювелирного. Особое место в производственной деятельности боспорского населения занимало керамическое производство с его различными отраслями: выделка разных сортов посуды — от грубой кухонной до дорогих расписных ваз, изготовление керамической тары, бытовой и культовой терракоты, черепицы, архитектурных деталей и украшений.

Производство клейменной черепицы на Боспоре составляло весьма значительную часть всего керамического производства. Это интересно для нас не только тем, что оно было, повидимому, наиболее мощной отраслью боспорской «промышленности», но и тем, что наличие клейм на боспорских черепицах позволяет судить об организации этого производства, о ряде таких сторон социально-экономической жизни рабовладельческого Боспора, о которых молчат другие источники и материалы.

В свое время боспорские клейменные черепицы были с исчерпывающей полнотой исследованы В. Ф. Гайдукевичем в специальном труде, посвященном этому вопросу.¹ Дав полную сводку всех известных ему боспорских черепичных клейм, В. Ф. Гайдукевич сделал ряд чрезвычайно важных и интересных наблюдений относительно техники изготовления черепицы, организации производства, связи этого производства с государственной властью, значения керамических клейм и т. д. Позднее В. Ф. Гайдукевич опубликовал еще одну статью, посвященную вновь открытым боспорским черепичным клеймам, в которой констатировал, в частности, наличие производства черепицы в Горгипсии.²

Со времени публикации В. Ф. Гайдукевичем его работ о черепичных клеймах имеющийся в нашем распоряжении материал значительно пополнился. В частности, раскопки двух крупнейших городов Боспора — Пантикапея и Фанагории — дали большое количество черепичных боспорских клейм; рассмотрение этих клейм позволяет поставить и решить некоторые вопросы, для ответа на которые раньше не было материала. Настоящая статья и имеет целью охарактеризовать то новое, что могут дать клейма на боспорских черепицах, найденных в Фанагории и Пантикапее, для истории керамического производства на Боспоре и, следовательно, для историко-экономической жизни Боспора в целом.

При раскопках Пантикапея, проводившихся экспедицией Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в 1945—1949 гг., было обнаружено 356 клейм на найденных при раскопках боспорских черепицах. Раскопки Фанагории, проводившиеся в течение 1936—1940 и 1947—1950 гг. экспедицией Института истории материальной культуры, Государственного Исторического музея и Государственного Музея изобразительных искусств, дали в общей сложности всего 47 черепичных клейм. Следует отметить то обстоятельство, что на 403 боспорских черепичных клейма, найденных в обоих городах, приходится всего 14 обнаруженных там же черепиц с клеймами небоспорского происхождения (все найдены в Пантикапее): 11 синопских, 1 гераклейское и 2 неизвестных центров.

Данное соотношение клейм совершенно ясно свидетельствует о том, какую незначительную роль играла привозная синопская и иная черепица в строительстве боспорских городов; основная потребность в кровельном материале удовлетворялась местным черепичным производством. Обычно этот момент не отмечался исследователями в работах, посвященных керамическим клеймам, и иногда находкам синопской клейменной черепицы придавалось такое же значение, как и находкам боспорской черепицы. Конкретный материал не оправдывает такого сопоставления; он и в этом случае, как во многих других, свидетельствует об очень значительном развитии местного боспорского производства, а отнюдь не о безраздельном превалировании внешней торговли.

Большинство черепичных клейм из пантикапейских и фанагорийских находок повторяет уже известные типы, опубликованные В. Ф. Гайдукевичем в его каталоге боспорских черепичных клейм. Однако среди них встречаются и новые варианты сокращений или написания отдельных имен, а иногда и новые имена.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934.

² В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

Новые варианты сокращений и написаний имен дают клейма АЛК (ἄλου), ΛΕ (ἄλωνος?), ΣΠΑΡ-
ΤΟΚΟΥ, ΝΙ (κομάχου?) и др. В Фанагории найден

обломок черепицы с прямоугольным клеймом, содержащим только имя Неокла. До сих пор это имя было известно всегда в почетании с другим

именем — Пантера — в керамических клеймах $\frac{\text{ΠΑΝΘΗΡΟΣ}}{\text{ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ}}$,¹ несколько

экземпляров которых найдено в той же Фанагории. Ряд клейм из пантикапейских и фанагорийских находок дает новые имена, до сих пор не встречавшиеся в керамических клеймах боспорского производства. Часть из этих имен довольно обычна в боспорской просопографии; Φαν(?), Ἐπικράτης, Ιστ (ιστος), Ἦροφά (νης), Γοργίαις, другие очень редки или встречаются впервые: Ἀύλων, Ἀΐσχυλος, Εὐθεσίων. Весьма интересно необычное для Боспора круглое клеймо, содержащее монограмму.

Все эти новые клейма бесспорно принадлежат боспорскому черепичному производству, о чем свидетельствует как содержание и форма самих клейм, так и глина, конструкция, фактура черепиц, на которых они оттиснуты, а также расположение клейм на определенном, всегда одном и том же месте черепицы.

Уже эти новые клейма, найденные в раскопках Фанагории и Пантикапея, представляют значительный интерес, поскольку они пополняют наши сведения о деятельности боспорских черепичных предприятий эпохи Спартокидов. Однако значение фанагорийских и пантикапейских находок черепичных клейм далеко не исчерпывается этими палеографическими и просопографическими дополнениями к ранее известным фактам по боспорской керамической эпиграфике. Напротив, основное значение рассматриваемых находок заключается не в этих частных коррективах и дополнениях к боспорской керамической эпиграфике, — как бы интересны сами по себе они ни были, — а в том факте, что фанагорийские и пантикапейские находки дают нам материал для решения вопроса о центре или, вернее, о центрах производства строительных керамических материалов на Боспоре.

Вопрос о том, в каком из боспорских городов производились черепицы, признаваемые боспорскими, был поставлен еще В. В. Шкорпиллом. Однако Шкорпилл не смог дать ясного ответа на этот вопрос: сначала он склонялся в пользу Фанагории ввиду особенно благоприятных условий для керамического производства, которые существовали якобы именно в окрестностях Фанагории,² позднее он изменил свое мнение и, основываясь на факте существования двух известных ему черепичных клейм с надписью ΠΑΝΤΙ, предположил, что центром черепичного производства на Боспоре был Пантикапей.³

В. Ф. Гайдукевич совершенно справедливо отверг и опроверг аргументацию первого мнения В. В. Шкорпила, но почему-то совершенно обошел молчанием доказательства в пользу его второй гипотезы. Сам В. Ф. Гайдукевич высказал мнение (совершенно правильное, как увидим ниже) о возможности одновременного изготовления клейменной черепицы в обоих этих крупнейших городах Боспора, не приведя, однако, никаких доказательств в обоснование своего предположения, за исклю-

¹ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 308, 309, № 66.

² Там же, стр. 219, 220.

³ В. В. Шкорпилл. К вопросу о времени правления архонта Игиэонта. Сб. статей в честь гр. А. А. Бобринского, СПб., 1911, стр. 33, 34.

чением лишь общих рассуждений о потребности этих крупных городов в строительных материалах.¹ Позднее, когда стали известны находки клейменных черепиц в Анапе, В. Ф. Гайдукевич предложил видеть в них изделия местного горгипсийского производства.² Таким образом вопрос этот до сих пор остается нерешенным и для выяснения его привлекаются лишь общие историко-экономические соображения, а не анализ конкретных фактов из области керамической эпиграфики.

Между тем определение центров развития черепичного производства на Боспоре является важным звеном в создании экономической истории Боспора и особенно его городов. Новые материалы из раскопок Пантикапея и Фанагории позволяют в какой-то мере решить этот вопрос.

В этой связи особенно интересна находка черепицы с клеймом **PANTI**, сделанная при раскопках Пантикапея в 1949 г. Правда, находка эта не является совершенной новостью: такие клейма встречались и раньше.

Как указано выше, В. В. Шкорпилу были известны два таких клейма: одно было упомянуто А. В. Орешниковым в книге Х. Х. Гиля,³ другое хранилось в Керченском музее. Но, когда В. Ф. Гайдукевич обрабатывал керченскую коллекцию черепиц для своей статьи, этого клейма, повидимому, в коллекции уже не было, по крайней мере оно не попало в его список боспорских черепичных клейм. Е. М. Придик в подготовленном им корпусе керамических надписей северного Причерноморья поместил клеймо с надписью **PANTI** среди клейм неизвестных центров, а не среди клейм боспорских черепиц.⁴ Однако клеймо это совершенно явно относится к группе боспорских черепичных клейм. На это указывают содержание и форма самого клейма, глина, форма (насколько позволяет судить обломок) и фактура черепицы, на которой оно оттиснуто, расположение клейма, как и на всех боспорских черепицах, на внешней поверхности керамиды, у ее нижнего края. Расшифровка рассматриваемого клейма возможна только одна: Παντι (χαπιτῶν). Ввиду этого не может быть сомнений в том, что черепица с таким клеймом была изготовлена в пантикапейских черепичных мастерских, находившихся либо в самом городе, либо в его окрестностях. Черепица эта выделана из той красно-бурой глины с включениями кварцевого песка и белых частиц, из которой сформовано огромное большинство известных нам боспорских черепиц. Покрыта она зеленовато-желтой обмазкой, также нередко встречающейся на боспорских черепицах, хотя чаще для покрытия черепиц на Боспоре применялась красная обмазка.

Полная идентичность глины нашей черепицы с глиной большинства боспорских черепиц заставляет предполагать пантикапейское происхождение и подавляющей части всей этой категории боспорской керамической продукции. Видимо основное производство черепицы на Боспоре было сосредоточено в Пантикапее или его окрестностях; во всяком случае для добывания глины разрабатывались те карьеры, которыми пользовались и пантикапейские черепичные предприятия.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 220, 221.

² В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях. . . , стр. 26.

³ Chr. Giel. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886, S. 41.

⁴ Рукопись этого корпуса, являющегося третьим томом «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini», подготавливается к изданию Б. Н. Граковым.

Клеймо **ΠΑΝΤΙ** представляет интерес еще и в другом отношении. Оно свидетельствует о том, что на Боспоре одно время, наряду с частным производством черепицы и с производством, составлявшим собственность господствующей династии Спартокидов (клейма *Βασίλική*, *Βασίλικός* и с личными именами Спартокидов), существовало, повидимому в очень ограниченных размерах, производство черепицы, принадлежавшее городской общине. В связи с этим очень важно установить время разбираемого клейма.

Форма букв заставляет сопоставить его с пантикапейским серебром II в. до н. э. Серебряные драхмы Пантикапея с изображением головы Аполлона на лицевой стороне и луком в горите или треножником на оборотной дают очень близкое начертание букв в названии города.¹ В то же время форма сокращения *Παντι* не позволяет отодвигать дату клейма далеко в глубь II в., для которого в пантикапейской нумизматике характерно полное написание наименования городской общины. Эта форма сокращения сближает наше клеймо с пантикапейскими монетами еще III в. до н. э. и с другими керамическими клеймами того же времени. Поэтому наше клеймо должно быть датировано началом II в., т. е. временем более поздним, чем основная группа клейм с надписями *Βασίλική* и *Βασίλικός*. Такое возрождение в это время полисных автономных традиций в ущерб царской власти могло бы показаться невероятным, если бы не существовало аналогичных явлений в других областях общественной жизни Боспора. Мы имеем в виду как восстановление в конце III в. до н. э. Гигиэнонтом старого титула архонта (что, между прочим, также отразилось в керамической эпиграфике),² так и возобновление в конце III или в начале II в. до н. э., после почти двухсотлетнего перерыва, автономной чеканки Фанагории.³ Повидимому ослабевшие в это время правители Боспора из династии Спартокидов в силу каких-то причин вынуждены были допустить некоторое возрождение традиций полисной автономии, хотя бы в форме восстановления отдельных внешних регалий городской самостоятельности. Одним из проявлений этого положения могло быть, хотя и весьма непродолжительное время, клеймение черепицы от имени городской общины.

Очень соблазнительно было бы найти подтверждение этому предположению в клеймах других боспорских городов. Однако впервые встреченные при раскопках Пантикапея упомянутые выше клейма с надписью **ΦΑΝ** не могут быть истолкованы в этом направлении; их шрифт и наличие в них лунарного знака сокращения заставляет относить их к значительно более раннему времени, вероятно еще к концу IV в. до н. э.; глина черепиц с этими клеймами свидетельствует об их пантикапейском происхождении; накопец находка в Пантикапее боспорского клейма с надписью **ΦΑΝΟ**⁴ вынуждает и в рассматриваемых клеймах видеть скорее то же имя Фанокрит, Фанокл или им подобное, а не название города. Что касается многочисленных боспорских черепичных клейм *Θε*, *Θευ*, *Θεοδ* и т. п.,⁵ то они с одинаковым успехом могли бы быть расшифрованы и как клейма

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLII, 1 сл.

² В. В. Шкорпил, указ. сог.

³ А. Н. Зограф, указ. соч., стр. 181.

⁴ Подобное клеймо, происходящее из Феодосии, было известно и ранее. См.: В. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. ЗООИД, т. XVIII, 1895, стр. 106, № 91. — Юргевич принял лунарный знак сокращения за букву сигму и ошибочно читал надпись *Φάνος*.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 304, 305, №№ 25—31.

личные и как клейма города Феодосии. Но и они в большинстве своем должны быть датированы еще концом IV—началом III в. до н. э., и глина черепиц, на которой эти клейма стоят, говорит скорее за пантикапейское их происхождение. Таким образом мы можем пока с уверенностью констатировать наличие клеймения черепицы от имени города только по отношению к Пантикапею.

В раскопках Пантикапея 1947 г. было найдено черепичное клеймо редкого для Боспора типа. Клеймо состоит из двух строк, в верхней из которых читается слово Β]ασιλική, а в нижней стояло какое-то другое слово или слова, от которых сохранилась лишь одна буква Σ, стоявшая последней в этой строке. Для объяснения этой находки необходимо привлечь другое клеймо, изданное впервые Е. М. Придиком в его эрмитажном каталоге. Это также двустрочное клеймо

ΒΑΣΙΛΙΚΗ

ΔΙΑΝΟΥΜΗ, два

экземпляра которого хранятся и сейчас в фондах Государственного Эрмитажа. Е. М. Придик читал это клеймо сначала Βασιλική διανομή,¹ а затем Βασιλική, διὰ Νουμῆ (νίου). В. Ф. Гайдукевич в своем исследовании о боспорских черепицах не включил это клеймо в число боспорских ввиду того, что не известно, где оно найдено, «что в свою очередь делает весьма неопределенным и вопрос о месте производства».³ Б. Н. Граков, однако, сразу признал это клеймо боспорским.⁴ Позднее, когда В. Ф. Гайдукевичу стало известно, что черепица с клеймом Нумения происходит из Анапы, и, главное, когда были найдены в Анапе другие клейма с подобной формулой — Βασιλική διὰ Βατά (κου), он также включил клеймо Нумения в число клейм боспорского происхождения и издал его.⁵

Таким образом новая формула клеймения черепиц царских мастерских на Боспоре оказалась засвидетельствованной клеймами двух различных лиц. Есть все основания предполагать, что и наш обломок принадлежит к этой категории царской черепицы. Керченское клеймо во второй строке могло содержать только личное имя, причем вряд ли это имя могло принадлежать правителю из династии Спартокидов: в последнем случае двустрочное клеймо имело бы в верхней строке не указание на принадлежность черепицы, а титул правителя, как о том свидетельствуют клейма Βασιλέως Ἄρχοντος⁶

Σπάρτοκου и Ὑγιεινοντος. Следовательно личное имя в рассматриваемом клейме должно было принадлежать частному лицу, а при таких условиях вероятнее всего предположение, что формула этого клейма соответствовала

формуле эрмитажных клейм Нумения: Β]ασιλική διὰ...σ. К сожалению, восстановить утраченное личное имя во второй строке пока невозможно.

В. Ф. Гайдукевичем было высказано предположение о том, что черепица с клеймами, в которых употребляются надпись Βασιλική и имя собственное с предлогом διὰ, является изделием горгицпийских керамиче-

¹ Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пгр., 1917, стр. 129, № 26.

² В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 315.

³ Там же.

⁴ Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапе. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 209, 210.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях... стр. 24, рис. 11.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 312—314, №№ 83, 92, 93.

ских мастерских.¹ В. Ф. Гайдукевич основывал свое мнение лишь на том обстоятельстве, что все черепицы с подобными клеймами были находимы исключительно в районе Анапы и Новороссийска; но теперь в нашем распоряжении есть и более веские доводы в пользу этого совершенно правильного предположения. При разведочных работах в Анапе в 1949 г. было найдено довольно много обломков черепицы. Исследовавшая эти черепицы И. Б. Зеест установила, что большинство из них, в том числе и вновь найденные черепицы с клеймами Батака, сформовано из глины, заметно отличающейся от обычной боспорской красной глины, которую выше мы пытались охарактеризовать как глину пантикапейскую. Повторные находки черепиц с клеймом Батака в районе Горгиии и особое качество глины этих черепиц, равно как и некоторых других, находимых именно в Анапе, заставляют предполагать, что они являются продуктом местного производства и обязаны своим появлением деятельности горгийских черепичных предприятий. Горгийская глина светлее и несколько тоньше глины большинства боспорских черепиц; она содержит значительную примесь бурых железистых частиц, но в ней отсутствуют включения белых или зеленовато-серых частиц, столь характерных для красной глины пантикапейских черепиц. Из этой горгийской глины изготовлены все без исключения черепицы, носящие клейма рассмотренного типа с предлогом $\delta\acute{\iota}$, в том числе и обломок, найденный в Керчи в 1947 г.

Горгийская черепица обладает, помимо особого состава глины, из которой она сформована, еще одной особенностью, ясно отличающей ее от изделий пантикапейских черепичных мастерских. На больших плоских черепицах пантикапейского происхождения с тыльной (внутренней) их стороны вдоль нижнего края их всегда идет массивный бортик или выступ (В. Ф. Гайдукевич называет его загибом-утолщением, Н. Я. Мерперт — зубом),² предназначенный для прикрытия просвета между той черепицей, которой он принадлежит, и лежащей ниже керамидой. Поскольку клейма на боспорских черепицах ставились всегда на том же нижнем конце черепицы с наружной ее стороны, на обломках керамид, содержащих клейма, обычно сохраняются и остатки этого бортика. На горгийских черепицах этот бортик отсутствует: нижний конец черепицы, на котором, как и обычно, ставится клеймо, кончается совершенно ровно, без всякого утолщения или бортика. Таким образом горгийская черепица отличается от наиболее распространенной на Боспоре пантикапейской и по глине и по конструктивным особенностям. Это обстоятельство позволяет решительно утверждать горгийское происхождение найденного в 1947 г. в Керчи обломка, чем подтверждается предположение В. Ф. Гайдукевича о принадлежности всех подобных клейм с предлогом $\delta\acute{\iota}$ к горгийскому черепичному производству.

В. Ф. Гайдукевич датирует клейма Нумения и Батака концом III в. до н. э.,³ Б. Н. Граков помещает клеймо Нумения уже в пределы II в. до н. э.⁴ Наше клеймо может относиться к несколько более раннему времени: оно имеет не лунарную сигму, как клейма В. Ф. Гайдукевича,

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях. . . , стр. 26.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 222, 223, рис. 60; Н. Я. М е р п е р т. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г., МИА, № 19, 1951, стр. 228, 229, рис. 2, 4.

³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях. . . , стр. 25.

⁴ Б. Н. Г р а к о в, указ соч., стр. 209.

а состоящую из четырех линий, причем верхняя и нижняя линии сигмы горизонтальны. Палеографические признаки заставляют сблизить наше клеймо с клеймами, в которых надпись *Βασιλική* сопровождается изображением дельфина и трезубца, и позволяют датировать его тем же временем, т. е. серединой и второй половиной III в. до н. э.

Относительно того, кому принадлежит личное имя в разбираемой группе царских клейм, высказывались различные суждения. Б. Н. Граков полагал, что Нумений был чиновником, управлявшим царским черепичным заводом.¹ В. Ф. Гайдукевич видел в Батаке и Нумении мастеров, работавших на царском заводе, или промышленников, бравших на откуп черепичное производство, принадлежавшее царю.² Последнее предположение кажется наиболее вероятным. Если бы управляющие производством или мастера царских черепичных предприятий должны были или хотя бы имели право ставить на царский черепице рядом со словом *Βασιλική* свое имя, они это делали бы всегда: ведь управляющие и мастера были на каждом царском предприятии. Между тем клейма *Βασιλική* и *Βασιλικός* не сопровождаются обычно личными именами. Повидимому присутствие личных (но не царских) имен на царской черепице следует объяснять практиковавшейся изредка сдачей царских черепичных предприятий на откуп. Может быть этим объясняется и особенность клейма с именем Батака, состоящего из двух штемпелей: первоначально в горгиппийской черепичной царской мастерской применялся один штемпель со словом *Βασιλική*, а затем, когда предприятие было сдано на откуп, на выпускаемые черепицы, кроме этого штемпеля, стали накладывать еще и второй *δὲ Βατά (ου)*, не вырезая нового штемпеля, который объединил бы надписи обоих штемпелей. Возможно, что такое же происхождение имеют изредка встречающиеся пантикапейские парные клейма (например *Πατρι (σάδου)* и *Ἰπποκρά (-ου)*,³ на одном из которых имеется царское имя, а на другом имя частного лица. Хотя второе клеймо и не содержит предлога *δὲ*, все же можно предположительно видеть в нем обозначение имени предпринимателя, берущего на откуп предприятие, принадлежащее боспорскому правителю или одному из членов правящего дома.

Если черепичные клейма с употреблением предлога *δὲ* характерны только для горгиппийского черепичного производства, то это не значит, что они одни ставились на горгиппийской черепице. Наоборот, у нас есть основания полагать, что, помимо царских предприятий, отдававшихся на откуп, в Горгиппии существовали и другие черепичные мастерские. В раскопках Пантикапея найдено четыре обломка плоских черепиц с одинаковыми клеймами *ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ*. Интересны они тем, что сформованы не из обычной пантикапейской красно-бурой глины, а из мелкозернистой пористой глины цвета светлой охры, с включениями красноватых железистых частиц и мелких светлых частиц. Глина этих обломков близка к глине горгиппийских черепиц и уже сама по себе свидетельствует о том, что рассматриваемые обломки принадлежат черепице, выделывавшейся если не в самой Горгиппии, то где-то в том же районе и во всяком случае в пределах азиатского Боспора. О том же говорят и конструктивные особенности этой черепицы. Выступающий на нижнем конце черепицы бортик, предназначенный для прикрытия щели между двумя черепицами, лежащими в одном вертикальном ряду, выра-

¹ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 209, 210.

² В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях. . . , стр. 25—27.

³ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 310, 311, № 69.

жен здесь очень слабо. Обычно на боспорских (пантикапейских) черепицах этот бортик выступает на 2 см вниз от нижней (внутренней) поверхности черепицы; на рассматриваемых обломках этот выступ достигает лишь нескольких миллиметров или даже совсем отсутствует. Отличие этих черепиц от изделий пантикапейских черепичных мастерских совершенно очевидно, а указанные особенности их заставляют предполагать для них горгипсийское происхождение, тем более, что находки черепиц с подобными клеймами в Анапе известны. В то же время точно такое же клеймо постоянно встречается и на пантикапейских черепицах, сделанных из обычной красной глины и конструктивно ничем не отличающихся от обычного типа боспорских черепиц.¹ Повидимому во времена Спартока IV, которому должно принадлежать это клеймо, помимо основного царского черепичного предприятия, выделявшего черепицы с клеймами этого царя из красной глины и находившегося в Пантикапее или в его ближайших окрестностях, существовал еще его филиал или самостоятельное предприятие где-то в районе Горгипсии, принадлежавшее тому же Спартоку.

Третьим центром спартокидовского Боспора, в котором производилась клейменная черепица, являлся город Фанагория. Выделение фанаторийских черепичных клейм стало возможным при изучении керамических клейм из раскопок этого города. Дело в том, что в Фанагории найдены в сравнительно большом количестве клейма, очень редко встречающиеся или почти совсем отсутствующие в раскопках других городов, в том числе и Пантикапея. Прежде всего это относится к одной из категорий клейм с надписью *Βασίλική*. Клейм с такой надписью найдено в раскопках Фанагории за 1936—1950 гг. всего 9, причем 6 из них принадлежат к одному типу, резко отличающемуся от типов остальных клейм с той же надписью. Слово *Βασίλική* на этих клеймах помещено между двумя продольными линейками, причем под нижней линейкой находятся дополнительные эмблемы: трезубец и дельфин вправо.² В. Ф. Гайдукевич еще в 1934 г. писал, что эти клейма «встречались до сих пор, кажется, исключительно в Фанагории, во всяком случае все клейма этого типа, происхождение которых известно, относятся к Фанагории».³ Ему были знакомы тогда три подобных клейма неизвестного происхождения в собрании Керченского музея и четыре клейма из Фанагории в Государственном Музее изобразительных искусств. находка в раскопках Фанагории шести новых клейм этого типа при общей малочисленности здесь клейм с надписью *Βασίλική* заставляет предполагать, что клейма с изображением трезубца и дельфина являются особенностью именно фанаторийского городища и обязаны своим появлением деятельности местных черепичных мастерских. Это предположение особенно выиграет в убедительности, если мы примем во внимание, что при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг., когда было найдено более 150 клейм с надписями *Βασίλική* и *Βασίλικός*, клейма рассматриваемого типа не встретились ни разу.

Фанаторийское же происхождение можно предположить и для черепиц с клеймом $\frac{\text{Πάνθηρος}}{\text{Νεγκλέους}}$: четыре таких клейма найдены в Фанагории при раскопках последних лет (к ним следует еще добавить упомянутое выше новое клеймо с одним именем Неокла, найденное там же). Правда, клейма этого типа встречались и вне фанаторийского городища: четыре черепицы

¹ Там же, стр. 312, 314, №№ 84, 85.

² Там же, стр. 278, рис. 76в; Н. Я. Мерперт, указ. соч., стр. 235, рис. 14.

³ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 298; ср.: Н. Я. Мерперт, указ. соч., стр. 234.

были найдены в 1866 г. в Керчи,¹ одно клеймо — при раскопках Пантикапея в 1948 г., одно — в Тиритаке в 1933.² Тем не менее частые находки этих клейм на фанагорийском городище (кроме наших четырех клейм, известны еще три клейма, хранящиеся в Государственном Музее изобразительных искусств,³ и одно, вероятно оттуда же, из раскопок Тизенгаузена),⁴ находка там же особого клейма с одним именем Неокла и ряд других моментов, о которых речь будет ниже, заставляют видеть в черепице, клейменной именами Пантера и Неокла, продукцию фанагорийских мастерских.

Редко встречающееся на Боспоре клеймо $\Delta\iota\sigma\tau\acute{\iota}\mu\omicron\upsilon$ было издано только В. Ф. Гайдукевичем, которому оно было известно в двух экземплярах — в Керченском музее (происхождение не известно) и в Государственном Музее изобразительных искусств (из Фанагории).⁵ В нашей коллекции из Фанагории насчитывается пять таких фрагментированных клейм, что, при полном отсутствии находок их в Пантикапее, уже само по себе говорит о возможности их фанагорийского происхождения. Наконец следует упомянуть клеймо Спартока, в котором его имя сопровождается титулом. Оно встречено в Фанагории несколько раз, но расположение слов в нем всегда обратно тому, что было опубликовано в книге Х. Х. Гиля и в работе В. Ф. Гайдукевича: $\frac{\Sigma\pi\alpha\rho\tau\omicron\kappa\omicron\upsilon}{\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma}$, а не $\frac{\text{Βασιλέως}}{\Sigma\pi\alpha\rho\tau\omicron\kappa\omicron\upsilon}$.⁶ Клейма этого типа встречались до сих пор почти исключительно в Фанагории: два фрагмента отмечены В. Ф. Гайдукевичем в собрании Государственного Музея изобразительных искусств, три клейма найдены при раскопках Фанагории в 1936 и 1937 гг. и вошли в коллекцию Государственного Исторического музея; происхождение клейма, изданного в книге Гиля и воспроизведенного В. Ф. Гайдукевичем, не известно. Только в 1948 г. в Керчи было обнаружено одно клеймо этого типа, но с расположением слов $\frac{\text{Βασιλέως}}{\Sigma\pi\alpha\rho\tau\omicron\kappa\omicron\upsilon}$.

Все перечисленные клейма, относимые нами к деятельности фанагорийских керамических мастерских, объединяются не только тем, что они встречаются преимущественно в раскопках Фанагории. Гораздо более показательным является единство глины, из которой изготовлена черепица, носящая эти штампы. Глина этой черепицы очень близка к глине хорошо известных теперь фанагорийских тонкостенных сосудов, в том числе клейменных эпохой, и к глине фанагорийской терракоты, хотя безусловно выделка ее гораздо грубее, чем выделка глины этих тонких изделий. Глина фанагорийской черепицы имеет оранжево-красный или коричневый цвет, зернистую структуру и небольшое количество мелких блесков в изломе. Она заметно отличается как от грубой красно-бурой глины пантикапейских черепиц, изобилующей включениями кварцевого песка, так и от светлой с железистыми примесями глины горгиппийской черепицы.

¹ ОАК за 1867 г., стр. 28, № 27; Е. М. Придик, указ. соч., стр. 131, №№ 96—99.

² В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 308. — В списке клейм из Тиритаки, составленном Е. М. Придиком (Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 173—195), это клеймо почему-то отсутствует.

³ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 308.

⁴ Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм. ., стр. 131, № 100.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 302, 303, № 17.

⁶ Ср.: Chr. G i e l, указ. соч., стр. 41; В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 312, 313, № 83.

Правда, в единичных экземплярах отличить глину фанагорийской и пантикапейской черепицы иногда бывает трудно, но при рассмотрении материала целыми группами разница становится совершенно явственной.

Какие-либо конструктивные особенности фанагорийской черепицы, отличающие ее от черепицы пантикапейской, на тех небольших обломках, которые были найдены в Фанагории, проследить очень трудно. Можно только отметить, что выступающий на нижнем конце черепицы бортик не всегда выражен достаточно резко, в этом отношении фанагорийская черепица как будто бы занимает среднее положение между черепицей горгиппийской и пантикапейской.

Очень интересны наблюдения Н. Я. Мерперта, установившего существование разницы в размерах черепиц. Черепицы из более темной, судя по его описанию, фанагорийской, глины, среди которых имеется одна, чье фанагорийское происхождение бесспорно засвидетельствовано клеймом Βασιλική с изображением трезубца и дельфина, оказались несколько больше черепиц из яркой красной (пантикапейской) глины с обычными клеймами Βασιλική. Сам Н. Я. Мерперт, не предвещая вопроса о месте производства их, предположил, что эти две группы черепиц вышли из двух различных мастерских.¹ В свете вышеприведенных соображений можно с гораздо большей уверенностью, чем мог это сделать в свое время Н. Я. Мерперт, говорить не только о разных мастерских, но и о разных центрах производства обеих групп — Пантикапее и Фанагории.

Фанагорийские черепичные клейма имеют одну особенность и во внешнем виде: членение клейма горизонтальными линиями, идущими вдоль надписи. В однострочных клеймах ΒΑΣΙΛΙΚΗ² и ΔΙΟΤΙΜΟΥ такие линии обрамляют надпись сверху и снизу, в двустрочных клеймах ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ ΠΑΝΘΗΡΟΣ ΒΑΣΙΛΕΩΣ и ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ они разделяют строки. Для пантикапей-

ских клейм применение этого мотива совершенно не характерно — в них верхняя и нижняя строки двустрочного клейма никогда не разделяются.³

Репертуар фанагорийских черепичных клейм, вероятно, не исчерпывается приведенными четырьмя типами. Во всяком случае среди найденных в Фанагории клейм с надписью Σπάρτοκου по крайней мере два стоят на черепице, сформированной из глины, очень похожей на фанагорийскую, в то время как глина других черепиц с такими же клеймами является типично пантикапейской. Еще поразительнее наличие на черепице из явно фанагорийской глины клейма Βασιλική без дополнительных эмблем. Отличие этого клейма от обычных пантикапейских клейм того же типа, опубликованных В. Ф. Гайдукевичем в его статье под № 95,⁴ лишь в том, что углубление, в котором находится надпись, имеет не округлую, а строго прямоугольную форму (как № 96 у Гайдукевича, но сигма в нашем клейме имеет расставленные, а не параллельные крайние линии). Такое же клеймо на черепице из явно фанагорийской глины встречено в раскопках Пантикапея в 1946 г. Повидимому, помимо специфических фанагорийских клейм, о которых речь была выше, в черепичном производстве столицы азиатского Боспора на царских предприятиях применялись штемпели

¹ Н. Я. Мерперт, указ. соч., стр. 231—234.

² Под рамкой изображение трезубца и дельфина.

³ Ср.: В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 309, №№ 60, 67; стр. 311, № 68; стр. 314, №№ 92, 93.

⁴ Там же, стр. 277, рис. 76а.

общебоспорского типа, использовавшиеся и на пантикапейских керамических заводах.

Производство клейменной черепицы в Фанагории, судя по нашим находкам, существовало в период с конца IV и приблизительно до середины III в. до н. э. Необходимо согласиться с мнением В. В. Латышева и В. Ф. Гайдукевича относительно того, что Спарток, чье имя фигурирует в клеймах $\Sigma\pi\alpha\rho\tau\acute{o}\kappa\omicron\upsilon$ βασιλέως, является сыном Евмела, боспорским царем, правившим в 304—284 гг. до н. э.¹ Видимо к этому же правителю относятся, судя по палеографическим данным, клейма с одним именем $\Sigma\pi\alpha\rho\tau\acute{o}\kappa\omicron\upsilon$. Примерно тем же временем должны быть датированы и клейма с именами Пантера и Неокла. Клейма Βασιλική с эмблемами трезубца и дельфина В. Ф. Гайдукевич относит примерно к середине III в. до н. э.,² та же дата наиболее вероятна и для клейма с именем Диотима.

Выделение фанагорийских и горгиппийских черепичных клейм, наряду с признанием за большинством боспорских клейм пантикапейского происхождения, создает основу для решения поставленного еще В. В. Шкорпиллом вопроса о локализации черепичного производства в пределах Боспора. Уже сейчас можно с уверенностью говорить о наличии в эпоху Спартокидов производства клейменной черепицы в трех наиболее крупных городах Боспора: Пантикапее, Фанагории и Горгиппии. Разумеется, не исключена возможность того, что в дальнейшем будет обнаружено черепичное производство и в других центрах Боспора, например в Феодосии. Вместе с тем атрибуция отдельных типов клейм и теперь еще не совсем ясна. Дальнейшее накопление материала и систематическое рассмотрение уже имеющихся в различных собраниях клейменных черепиц несомненно внесут новые коррективы в наше представление о происхождении отдельных клейм или их групп. Тем не менее уже сейчас мы можем отказаться от прежнего суммарного определения всей красноглиняной клейменной черепицы как «боспорской» и рассматривать отдельно черепицу пантикапейскую, горгиппийскую и фанагорийскую.

Изучение находок клейменной боспорской черепицы из раскопок отдельных городов Боспора с учетом центров ее производства позволит выяснить вопрос о внутренней торговле черепицей в пределах Боспора, конкретизирует наше представление о товарном характере керамического производства и даст возможность выявить новые черты в экономической жизни отдельных боспорских городов.

¹ В. Л а т ы ш е в. *Пантикя*. СПб., 1909, стр. 86, прим. 2; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. *Строительные керамические материалы Боспора*, стр. 273.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. *Строительные керамические материалы Боспора*, стр. 292.

К. В. ТРЕВЕР

КУШАНЫ, ХИОНИТЫ И ЭФТАЛИТЫ ПО АРМЯНСКИМ
ИСТОЧНИКАМ IV—VII вв.*(К истории народов Средней Азии)*

Задача настоящей статьи — привлечь внимание исследователей истории народов Средней Азии к армянским источникам, которые обычно очень мало используются при изучении исторических событий IV—VII вв. в Средней Азии. В статье не предполагается дать исчерпывающего подбора и всестороннего освещения всех имеющихся в трудах армянских историков сведений об этих событиях. В ней приводится лишь характеристика отношения армянских писателей к кушанам, хионитам и эфталитам, т. е. к тем народностям Средней Азии, с которыми армянам приходилось сталкиваться в этот период.

Не рассматриваются также народности среднеазиатского происхождения, обитавшие в IV—VI вв. на Северном Кавказе и на северо-западном побережье Каспийского моря, т. е. маскуты и хунны, так как вопрос о причинах и времени их появления на Северном Кавказе и о дальнейших их судьбах — один из самых сложных и запутанных вопросов, требующий специального исследования.

Оставлены без рассмотрения и кидариты, так как они в армянских источниках не упоминаются.

Привлекаемые источники позволяют показать наличие исторических связей между народами Закавказья и народами Средней Азии в период раннего средневековья.

Несмотря на то, что за последнее десятилетие очень много сделано для освещения истории народов Средней Азии — и по вопросам этногенеза, и по выявлению археологических данных для истории их культуры, и по обобщению выводов, получаемых на основании изучения письменных, языковых и вещественных источников, — все же вопрос о кушанах и эфталитах продолжал оставаться до последнего времени вопросом если не темным, то во многих отношениях дискуссионным.

Работа И. В. Сталина, посвященная вопросам языкознания, помогла осознать ошибочность тех суждений о кушанах и эфталитах, которые основываются на данных языка, вернее — на случайно до нас дошедших в письменных источниках отдельных словах, именах и терминах, без учета того, что и кушанская империя и государство эфталитов представляли собой «временные и непрочные военно-административные объединения». О последних И. В. Сталин говорит, что они «не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи»

языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки».¹

В состав империи кушанов и эфталитского государства, как известно, входили различные племена и народности — и ираноязычные и тюркоязычные. Поэтому отдельные дошедшие до нас слова, имена и термины, относимые к кушанам и эфталитам, никак не могут свидетельствовать о том или ином этническом происхождении этих народов. Их наименования, восходя к племенным самоназваниям, становятся названиями политическими — наименованиями государственного образования, объединявшего многочисленные разноязычные племена и народности. О многоязычии населения Средней Азии говорит, между прочим, и существование в этот период нескольких систем письма — арамейского, греческого, согдийского, хорезмийского, кушанского, пехлеви и карошти.

До сих пор мы не располагаем достаточными данными, чтобы считать вопрос об этнической сущности кушанов и эфталитов более или менее выясненным. Необходимо продолжать сбор и изучение как археологических материалов, так и сведений, имеющих в письменных источниках, и в первую очередь — свидетельств современников.

О кушанах, хионитах и эфталитах имеются хотя и немногочисленные, но очень интересные данные в трудах армянских историков IV—VII вв., живших в то самое время, когда в Средней Азии ведущую роль играли хиониты и эфталиты. Полагаю, что мы имеем все основания рассматривать труды армянских историков IV—VII вв., современников описываемых ими событий, как более близкий и в некоторых случаях более надежный источник, чем труды арабских историков IX, X и следующих веков. На такую же степень достоверности, как армянские источники, могут претендовать и китайские летописи, составленные также современниками хионитов и эфталитов; но с той разницей, что в армянских источниках транскрипцию имен не приходится так гадательно расшифровывать, как это имеет место с именами в их китайской передаче.

В трудах XIX и XX вв., посвященных истории Армении, лишь изредка встречаются упоминания о племенах и народностях Средней Азии, с которыми армянам приходилось в древности вступать в те или иные отношения. Только Н. О. Эмин в 1864 г. пытался выяснить, «кого разумели армянские историки под именем кушанов», но, за отсутствием в то время фактических данных, он высказал ошибочную гипотезу о их якобы эфиопском происхождении, сопоставив африканских кушитов ахеменидских надписей с именем «кушаны».²

Вопросом о кушанах и эфталитах занимался в середине прошлого века В. В. Григорьев,³ но он не располагал археологическим материалом, имеющимся сейчас в распоряжении историков, и не мог воспользоваться всеми теми письменными источниками и языковыми данными, которые позднее были привлечены В. В. Бартольдом,⁴ а в наши дни использованы в работах С. П. Толстова,⁵ А. Ю. Якубовского,⁶ А. Н. Берншта-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 25—26.

² Н. О. Эмин. Об Аршакидах. М., 1896, стр. 143—146.

³ В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1871.

⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

⁵ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1—2; он же. Древний Хорезм. М., 1948.

⁶ А. Ю. Якубовский. Живопись древнего Пенджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг. Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., т. VII, № 5, 1950.

ма¹ и Н. В. Пигулевской.² Следует отметить, что до последнего времени только в работах Н. В. Пигулевской, при рассмотрении ею вопросов, связанных с историей хионитов и эфталитов, привлекаются и труды армянских историков — Лазаря Парбского и Елише, а в трудах зарубежных ученых только у Маркварта³ и Гиршмана⁴ в какой-то мере используются армянские источники для освещения вопросов, связанных с историей народов Средней Азии.

При написании первого тома «Истории народов Узбекистана», где армянские источники частично мной были использованы, я придерживалась той точки зрения, что и кушаны, и хиониты, и эфталиты являются родственными между собой племенами, входившими некогда в состав «великой сакской орды» — массагетов.⁵

Как уже упомянуто, сведения и отдельные упоминания о кушанах, хионитах и эфталитах имеются в трудах армянских историков IV—VII вв. — Фавста Бузанда, Елише, Лазаря Парбского, Моисея Хоренского, Себеоса и Анании Ширакского. Все перечисленные историки — и те, которые носили духовное звание, как Елише, Лазарь Парбский и Себеос, и те, которые являлись мирянами, — были выходцами из верхушки армянского общества, ее знати, и являлись выразителями ее идеологии. Но, когда им приходилось повествовать о горестях и испытаниях, постигавших Армению в связи с вражескими нашествиями, они становились выразителями переживаний всего армянского народа.

Фавст Бузанд (Фауст Византийский), историк конца IV—начала V в.,⁶ труд которого был первоначально написан, вероятно, арамейским письмом (до изобретения армянского алфавита), но на армянском языке, упоминает на страницах своей «Истории» как кушанов, так и маскутов и хуннов. Фавст Бузанд упоминает кушанов дважды в связи с событиями второй половины IV в. Излагая события времени правления царя Папа Аршакида (368—374), Фавст пишет: «В это время прекратились военные действия персов против армян, ибо царь кушанов, Аршакуни, сидевший в Балхе, затеял войну с персидским царем Шапухом из Сасанидской династии. Царь Шапух собрал все свое войско и повел их против него, также он собрал всю конницу, приведенную им в плен из армянской страны, и повел ее с собою. Кушанские войска разбили персидские войска, многих из персидских войск перебили, многих забрали в плен, а остальных изгнали, обратили в бегство».⁷ Из этого отрывка мы узнаем, что Шапуру (Шапуху) II, могущественному сасанидскому царю, пришлось

¹ А. Н. Бернштам. К вопросу об усунь || кушан и тохарах. (Из истории Центральной Азии). СЭ, 1947, № 3.

² Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941; она же. Месопотамия на рубеже V—VI вв. Тр. ИВ АН СССР, т. XXXI, 1940.

³ J. Marquart. Eranšahr. Berlin, 1901.

⁴ R. Ghirshman. Les Chionites-Nephtalites. Le Caire, 1948.

⁵ К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский и М. Э. Воронец. История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950, стр. 117, 125—128.

⁶ Л. С. Хачикян относит труд Фавста Бузанда к 70-м годам V в., полагая, что автор выдавал себя за современника событий 332—387 гг. в целях конспирации, вызванной политическими обстоятельствами, а также для придания большего значения, большей древности своему труду (см. предисловие Л. С. Хачикяна к «Истории Армении Фавстоса Бузанда», перевод и комментарии М. А. Геворгяна, под редакцией С. Г. Еремяна, Ереван, 1953). Соображения, приведенные Л. С. Хачикяном, мне представляются недостаточными, чтобы поколебать доводы в пользу датировки труда Фавста рубежом IV и V вв., но излагать эти соображения в данной статье, посвященной истории народов Средней Азии, едва ли уместно.

⁷ Фавст Бузанд. История Армении, кн. V, гл. 7.

прекратить войну, начатую им против отстаивавших свою свободу армян, так как в это время выступил против персов царь кушанов Аршакид, «сидевший в Балхе», который нанес персам сильное поражение. Имени этого кушанского царя Фавст, к сожалению, не называет.

Затем Фавст говорит о событиях, имевших место несколько лет спустя, когда в Армении правил другой Аршакид, царь Вараздат (374—377), и когда два князя из рода Мамиконянов были вынуждены участвовать в новой войне, начатой персами против кушанов. Царь Шапур II «из рода Сасанидов вел войну с великим царем [мец тагавор] кушанов, который был [родом] Аршакуни и сидел в городе Балхе. И когда персидские войска шли войной на кушанов, то персидский царь Шапур со своими войсками послал и тех мужей, которых привел в плен из Армении... Когда войска обеих сторон во время сражения столкнулись друг с другом, персидское войско потерпело поражение от войск кушанов и обратилось в бегство. [Кушаны], настигнув персов, никого из них не оставили в живых, ни одного живого человека не осталось, чтобы весть принести».¹

Что же мы узнаем нового из этих двух отрывков относительно кушанов? О кушанах в IV в. нам почти ничего не известно, кроме того, что распад кушанского царства начинается около середины IV в., что в это время выдвигается другая, видимо родственная кушанам, племенная группа, которая возглавила кушанов. Эти новые племена армянские историки называют «хонами». Западные (греческие и латинские) источники называют их «хионитами», сирийские — «хионайе», а Авеста — «хиаона». Самое название их «хоны» приводит к заключению, что, выделившись из большого массагетского союза, хиониты, как и эфталиты, подверглись какой-то ассимиляции с хуннами, но своего физического и культурного облика не утратили, судя по тому, что западные писатели называют их «белыми хуннами» и отмечают белый цвет их кожи, оседлость и культурность по сравнению с кочевыми племенами.²

Китайские хроники не упоминают хионитов, но в сирийской хронике Иешу Стилита, относящейся к V в., название «хиониты» присвоено представителям тех племен, которые у Прокопия Кесарийского (VI в.) носят наименование «эфталиты». Это был новый ведущий племенной союз эфталитов, который сирийский историк в V в. продолжает называть именем хонов,³ утративших уже к этому времени свое политическое значение, — явление, наблюдающееся не только у Иешу Стилита, но и у армянских историков, продолжавших иногда называть хонов-хионитов кушанами.

Трудно допустить, чтобы в 70-х годах IV в. кушаны способны были нанести столь страшное поражение Сасаниду Шапуру II, какое ему нанесли «кушаны», по Фавсту. Кушанское царство к этому времени уже распалось на среднеазиатское с центром на Зарафшане и индийское в Пешаваре, а мощь Сасанидов во второй половине IV в. находилась на наибольшей высоте. В 70-х годах IV в. противостоять Шапуру могли только хиониты, так как именно на эти десятилетия приходится подъем их могущества. Хиониты впервые в истории упоминаются за 20 лет до этих событий в качестве союзников того же Шапура II во время осады персами города Амиды в 356 г. На первых порах хиониты, видимо, искали дружбы Сасанидов и союза с ними, как об этом сообщает Аммиан

¹ Фавст Бузанд. История Армении, кн. V, гл. 37.

² Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, кн. I, гл. 3.

³ Хроника Иешу Стилита, § 9 (см.: Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. Тр. ИВ АН СССР, т. XXXI, 1940, стр. 131).

Марцеллин.¹ Но во второй половине IV в. картина резко меняется: хиониты оказываются уже достаточно сильными, чтобы противостоять персам, которых не мог не беспокоить рост могущества этих «союзников». Таким образом, рассказ Фавста, относящийся к 368—377 гг., должен касаться именно хионитов, которых Фавст по традиции продолжает называть кушанами.

Итак, из рассказа Фавста мы узнаем следующее:

1. В 70-х годах IV в. хиониты были настолько сильны, что могли предпринять поход против персов и разбить их, хотя в войсках персов принудительно сражались и отряды подчиненных им народов, как, например, армянская конница. Когда через несколько лет Шапур II пошел против хионитов войной, включив в свои ряды опять-таки пленных армян, ему снова было нанесено полное поражение. Эти сведения Фавст мог получить от участников неудачных походов, от тех пленных армян, которые вынужденно участвовали в походах Шапура.

2. Наименование кушанского царя — «великий царь». Если это название не эпитет, а определенный титул, то можно предположить, что в подчинении у великого царя хионитов находились и просто цари или царьки, возглавлявшие определенные племена или области.

3. Великий кушанский царь был Аршакуни (Аршакид) — деталь, которая до сих пор историками Средней Азии не учитывалась, но на которой следовало бы остановиться.

4. Великий царь кушанов, т. е. хионитов, во второй половине IV в. сидел в Балхе (Бактре). Нам известно, что начиная с III в. среднеазиатские кушанские цари перенесли свою столицу в Согд — в Кушанию (около Катта-Кургана), а индийские кушаны — в Пешавар. Мне думается, что незадолго до конца IV в., когда Фавст писал «Историю», Балх, видимо, снова стал стольным городом новых правителей, иначе трудно понять, почему Фавст при каждом упоминании «великого кушанского царя» повторяет, что он «сидел в Балхе», как нечто особенное; не повторяет же он каждый раз, что Шапур сидел в Ктесифоне. Избрание же столицей именно Бактры может быть объяснено тем, что хиониты, сознавая себя на первых порах в известной мере узурпаторами, выбрали местом своего пребывания именно древнюю «мать городов» — Бактру, чтобы этим подчеркнуть свое первенствующее положение.

Обращает на себя внимание в рассказе Фавста и тот факт, что армянский историк новое государственное объединение продолжает называть кушанским. Это можно было бы объяснить тем, что по существу изменилось очень немного: та же территория, то же население, новым являлась только правящая верхушка, а именно племенной союз хионитов, вышедших из того же большого массагетского союза, что и кушаны.

Из того, что Фавст продолжает новое государственное образование называть кушанским, можно заключить, что современники не очень различали кушанов и хионитов, что, вероятно, в этническом отношении большой разницы между ними не было.

Переходим к рассмотрению тех данных, которые имеются у историка Елише (Елисей).

Елише родился в 20-х годах V в. и в юности находился в качестве воина в армянском отряде, вызванном Иездегердом II (438—457) в область Апар (район Нишапура), где персы собирали силы и готовились к походу против хионитов. Далее известно, что Елише постригся в монахи и

¹ Аммиан Марцеллин, кн. 16, гл. 9, 4.

что «Историю», где изложены события, очевидцем и современником которых ему пришлось быть, он писал во второй половине V в.¹

Елише сообщает о походе против хонов, «которые называются также кушанами».² В походе этом, говорит он, заинтересованы были маги, служители зороастрийского культа, убеждавшие царя итти на страну кушанов, чтобы подчинить ее себе. Елише приводит далее текст послания, которое Иездегерд направил во все страны своего царства и в котором, между прочим, сообщалось: «Мы решили итти на страны Востока и с помощью богов подчинить себе царство кушанов». Сбор войскам Иездегерд назначил в Апаре, куда явился, повидимому, со своим отрядом и Елише, которому привелось тут услышать обращение царя к войскам перед выступлением в поход. Елише подчеркивает, что описанное ему пришлось самому лично видеть: «...но я сам там же лично находился и видел и слышал его голос, дерзновенно говоривший. Как сильный ветер бушует, ударяясь о великое море, так и он [Иездегерд] волновал и приводил в содрогание все множество своего войска».³ Далее Елише рассказывает, как сасанидский царь выступил и «внезапно напал на земли страны хонов, которые называются также кушанами, и воевал с ними два года, но не смог подчинить их», и что он тогда «отпустил воинов по их странам и вместо них призвал к себе других с таким же снаряжением. И такой порядок он установил на каждый год».⁴ Обстоятельства вынуждали Иездегерда не только держать войска на границе кушанов, как говорит Елише, «начиная с четвертого года вплоть до одиннадцатого года своего царствования» (т. е. с 442 по 449 г.), но и построить на северной границе свою временную резиденцию.

Елише сообщает, что «в начале двенадцатого года своего царствования [т. е. в 450 г.] Иездегерд собрал много войска и, выступив, достиг земли эфталитов. Царь кушанов, видя это, не решился принять бой. Он бежал с войском в самые крепкие [недоступные] части пустыни и так спасся со всем своим войском».⁵ Затем Иездегерд опустошил страну кушанов, захватил много замков и городов и набрал пленных и добычу.

В рассказе Елише обращают на себя внимание следующие факты.

1. Говоря в первой главе о событиях, происходивших между 442 и 450 г., т. е. на протяжении восьми лет, Елише в одном случае упоминает о стране и царстве кушанов, а в другом отрывке он называет эту страну «страною хонов, которых называют также кушанами». У нас нет никаких оснований не доверять Елише, участнику похода, когда он разъясняет, что хоны называются также кушанами. Если бы об этом писал через четыреста лет Табари или еще позднее другие арабские писатели, то естественно было бы подвергнуть это сообщение некоторому сомнению.

2. Большой интерес представляют также приведенные у Елише доводы магов, которыми они побуждали Иездегерда к нападению на хонов: «Иди на страну кушанов, ты овладеешь этой страной, и [тогда] даже греки не выступят против твоей власти».⁶ Из приведенных слов можно заключить, что хиониты являлись в этот период мощной силой, поражение которой якобы должно было отразиться на отношениях к Персии даже Византии. Продолжая во второй главе говорить о кушанах, Елише больше

¹ М. А б е г я н. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 242, 243.

² Е л и ш е. О Вардане и армянской войне, гл. I (стр. 19 по изд. Тифлис, 1904).

³ Е л и ш е, указ. соч., гл. I (стр. 16—17).

⁴ Там же, гл. I (стр. 19).

⁵ Там же, гл. II (стр. 28—29).

⁶ Там же, гл. I (стр. 15).

не упоминает хонов, возглавлявших их племенной союз. Действительно, могущество хионитов к этому времени приходит в упадок; выдвигается и быстро достигает большой мощи другое племенное объединение — эфталитов, или тетальцев (теталади), как их называют армянские источники. Во второй главе, где речь идет о событиях начиная с 450 г. (между первым и вторым походами проходит около восьми лет), историк действительно упоминает уже эфталитов, вернее — «землю эфталитов». В эти годы эфталиты, видимо, еще не властвовали над кушанами, о которых Елише сообщает, что они боя не приняли, а ушли в пустыню.

Мне думается, что это отступление и последовавшее затем разграбление страны кушанов, разрушение их замков и городов и знаменуют собою упадок и конец владычества хионитов. Общее положение страны, обессиленной и разграбленной персами, способствовало захвату верховной власти эфталитами, союзом родственных кушанам сакских племен. Последним, вероятно, удалось достичь этого довольно мирным путем, поскольку армянские историки V в. (Елише и Лазарь Парбский), хорошо осведомленные в том, что происходило в Средней Азии, ни о каком чужом народе и ни о каком военном захвате не сообщают. К сожалению, Елише не приводит никаких топонимических названий, которые помогли бы установить, какие именно районы были в это время захвачены племенами эфталитов и в каком именно направлении ушел от персов кушанский, или хионитский, царь. Имеются все же некоторые основания полагать, что все эти события происходили на территории приблизительно между Нишапуром, Балхом, Кушанией и районом Бухары, в пустыни которой, может быть, и бежали кушаны-хиониты.

3. Слова Елише о большом количестве замков и городов, имевшихся в стране кушанов и разрушенных Иездегердом, — само по себе очень интересное и значительное сообщение — также дополняют имеющиеся у нас сведения о кушанах-хионитах.

4. Столь же важно имеющееся у Елише указание на то, что поход свой Иездегерд предпринял по настоянию магов, из чего следует, что религия кушанов-хионитов в этот период ничего общего с зороастризмом, государственной религией сасанидского Ирана, не имела, — факт, на который указывают также только армянские источники. Попутно хочу напомнить рассказ Аммиана Марцеллина о похоронах павшего под Амидой юного хионитского царевича, сопровождавшихся песнями и плясками мужчин и воплями женщин, с последовавшим затем сожжением трупа и захоронением костей в серебряном сосуде для отправки на родину. Этот рассказ освещает обряды, ничего общего с зороастризмом не имеющие.

Лазарь Парбский (Парбеци) родился около 443 г., учился в Византии. Свой труд писал, видимо, в конце V в., т. е. через десять-двенадцать лет после Елише. Лазарь Парбский повествует о событиях, происходивших при Иездегерде II, а также о времени правления Пероза (459—484), т. е. о тех десятилетиях V в., когда эфталиты, возглавившие и несколько расширившие бывшее кушанское царство, достигли наибольшего могущества.

Лазарь сообщает о походах Пероза против эфталитов, но уже не добавляет «кушаны» или «хоны», как это делает Елише. Это обстоятельство дает основание относить подъем мощи эфталитов именно к началу последней четверти V в. Лазарь Парбский рассказывает, что все три похода Пероза против эфталитов закончились поражением. Упомянув о третьем и последнем походе Пероза, историк говорит,¹ что войска его «не хотели

¹ Л а з а р ь П а р б с к и й. История Армении, гл. 85 (по критическому изданию, Тифлис, 1904, стр. 155).

и слышать об эфталитах, а тем более итти на них походом и вступать с ними в открытый бой, так как помнили еще тот безысходный страх, который эфталиты навели уже однажды на персов и их царя»¹ (имеются в виду два первых неудачных похода Пероза).

Но Пероз все же выступил против эфталитов, хотя получил от их царя послание (устное или письменное — неизвестно) с напоминанием о письменном договоре, который был заключен между ними, снабженном печатью и содержащем клятву: «Не буду воевать с тобою». Грозя ему гибелью, царь эфталитов заканчивал послание словами: «На моей стороне — справедливость и верность клятве, на твоей же стороне — измена клятвопреступничества. Как же ты сможешь меня победить?»²

Поражение, понесенное Перозом в 484 г. в результате этого похода, было для Персии очень тяжелым и позорным. По словам перса, посла сасанидского царя Валарша, которые были сказаны им Вахану Мамиконяну, родственнику и другу Лазаря Парбского: «...Пероз отдал в служение эфталитам [наше] столь большое и независимое государство и [сделал это] в такой мере, что, пока будет существовать страна ариев, она не в силах будет освободиться от столь горестного служения».³

Что касается ссылки на договор, заключенный между эфталитами и персами, и призыва эфталитского царя хранить верность договору и клятве, то эти слова Лазаря Парбского приводят на память слова Прокопия, сто лет спустя удостоверившего, что эфталиты «управляются одним царем, имеют законную государственность, соблюдают между собой и соседями справедливость, ничуть не хуже ромеев или персов».⁴

Итак, из труда Лазаря Парбского мы узнаем о тех страшных поражениях, которые претерпел в Средней Азии сасанидский царь во время своего агрессивного наступления. Размеры этих поражений не смогли быть преуменьшены даже персидскими дворцовыми хрониками, использованными впоследствии арабскими писателями. Блестящие и, должно быть, широко известные победы, одержанные эфталитами в те десятилетия, когда жил и писал Лазарь Парбский, и объясняют, повидимому, то обстоятельство, что он, говоря об эфталитах, называет их только этим именем, не считая нужным пояснять их взаимоотношения с кушанами.

Моисей Хоренский (Мосес Хоренаци) является автором «Истории Армении» (конец V—начало VI в.), содержащей описание исторических событий, начиная от легендарной древности и кончая серединой V в. Из исторических событий, связанных со Средней Азией, Моисей Хоренский упоминает только о периоде воцарения Сасанидов (первая треть III в.), а из народов — только о кушанах.

Ссылаясь на историка Агафангела, Моисей Хоренский сообщает, что армянский царь Хосров (правил до 238 г.) «отправил на родину свою — в страну кушанов — просить сродников своих притти на помощь, дабы противостать Арташиру. Но они, говорит историк [т. е. Агафангел], не послушались его и предпочли жить под властью Арташира, нежели сродника своего и брата».⁵ Здесь к себе привлекают внимание слова историка о сродниках, т. е. членах рода (тохмаинк) Хосрова Аршакуни, пребывавших на родине его (Хосрова) в стране кушанов.

¹ Лазарь Парбский, указ. соч., гл. 85 (стр. 155).

² Там же.

³ Там же, гл. 91 (стр. 166). — Имеются, как известно, монеты Валарша, Кавада и Хосрова I, снабженные так называемыми кушано-эфталитскими надписями; монеты эти чеканились, вероятно, специально для уплаты дани эфталитам.

⁴ Прокопий Кесарийский, указ. соч., кн. I, гл. 3.

⁵ Моисей Хоренский. История Армении, кн. II, гл. 67.

Страбон сообщает, что родоначальник Аршакидов Аршак, родом «скиф, владевший частью даев, называвшихся парнами и кочевавших вдоль Оха [р. Теджен], ворвался в Парфию и подчинил ее себе», но некоторые, по словам Страбона, «считают его бактрийцем, который, желая избежать господства Диодота, поднял Парфию к восстанию».¹ Это свидетельство дает основание полагать, что предки Аршакидов — дахи или бактрийцы — были уроженцами Средней Азии и что одна из ветвей этого рода (Карены, как увидим дальше) продолжала пребывать в кушанской стране. Армянский Аршакид, царь Хосров, выступая против Сасанидов, низвергнувших парфянского Аршакида, царя Артавана, имел все основания просить помощи у родичей своих — Аршакидов среднеазиатских.

Далее Моисей Хоренский сообщает, что Хосров вторично отправляет послов «к сродникам своим из парфян и пахлавиков и ко всему воинству земли кушанов [с вызовом] притти к нему на отмщение Арташиру, обещая им поставить царем достойнейшего из них, дабы не переходила от них власть. Но вышеупомянутые роды Аспахпета и Сурена не изъявили на то согласия. Тогда возвращаются к Хосрову некоторые из его послов, отправленные к благороднейшему племени, жившему в самой внутренней части того государства, а именно в Балхе; приносят ему весть, что сродник твой Вехсачан, с родом своим Карен-Пахлавом, не покорился Арташиру, а является к тебе на твой зов».²

Но Вехсачану из рода Карен-Пахлавов помочь Хосрову не удалось, так как его настиг в пути Арташир Папакан и истребил весь род его. Уцелел только один мальчик, говорит Моисей Хоренский, и этого мальчика «один из друзей дома Карена, по имени Бурз, взял, ушел в землю кушанов и доставил его к его родственникам».³ В этой главе историк еще раз сообщает о родственниках армянских Аршакидов, пребывавших в кушанской стране, как о чем-то хорошо известном.

В этих двух главах Моисей Хоренский ни хонов, ни эфталитов не упоминает, поскольку речь идет о первой половине III в., когда ни хиониты, ни эфталиты на исторической арене Средней Азии еще не появлялись, хотя при жизни Моисея армянам уже приходилось иметь дело и с теми и с другими.

Моисей Хоренский, много путешествовавший, побывавший и в Византии, и в Александрии, и в Малой Азии, со Средней Азией был, видимо, меньше знаком, чем Елише и Лазарь Парбский. Он сам указывает, что «нужное для его сочинения» он заимствовал из «Исторической книги о древнейших временах», «написанной Барсумою и называемой персами Растсахун»⁴ (т. е. Достоверная повесть). В этой книге должна была идти речь о кушанах, поскольку говорится о событиях первой половины III в., поэтому Моисей Хоренский в своей «Истории» и упоминает только кушанов.

Историки Армении сохранили нам название двух не дошедших до нас исторических трудов, в которых имелись сведения о народах Средней Азии. Это названный выше «Растсахун» Барсумы, использованный Моисеем Хоренским, и написанная на греческом языке «История эфталитов», которую упоминает армянский историк Зеноб Глак, живший в VII—VIII вв.⁵ Значение последнего труда для истории народов Средней Азии,

¹ Страбон, кн. XI, гл. 9, 2.

² Моисей Хоренский, указ. соч., кн. II, гл. 72.

³ Там же.

⁴ Там же, гл. 70.

⁵ М. Абегиан, указ. соч., т. I, стр. 345 и сл.

даже если бы от него до нас дошли только отрывки, было бы совершенно исключительным.

Эфталиты (хепталк) упоминаются также в «Географии» Анании Ширакского (Анания Ширакаци), писателя VII в.; в этом сочинении вместе с согдийцами и тохарами они названы в числе 44 народов, обитавших в Скифии.¹

О довольно хорошей осведомленности армян в области географии Средней Азии можно судить и по другому сочинению Анании Ширакского — по его арифметическому задачку («Вопросы и решения»)². Так, например, в 2-й задаче упоминается город Балх, где «некий муж приобрел царственный жемчуг», а в задаче 21-й говорится о Нарсехе Камсаракане, который участвовал в походе персидского царя против Балха (у Фавста Бузанда сказано об аналогичном вынужденном участии братьев Мамиконянов в персидском походе против кушанов).³

Особый интерес для нас представляет «История» епископа Себеоса, написанная им около 661 г., т. е. после падения царства эфталитов, в период расцвета тюркского каганата. О народностях Средней Азии Себеос упоминает в связи с политическими событиями, имевшими место в сасанидском государстве, где ему самому приходилось бывать в молодости, — при дворе Хосрова II Парвеза (590—628), т. е. не позже 628 г. Себеос, описывая эти события, говорит как современник, а может быть и как очевидец. Он сообщает и о более ранних событиях, а именно о гибели Пероза в 484 г.; при этом врагов Пероза он называет не эфталитами, а кушанами.⁴ Эфталитами он их называет впервые, когда упоминает об Ормизде IV, сыне Хосрова Ануширвана и эфталитской княжны, т. е. о событиях второй половины VI в. Здесь рассказывается о полководце Бахраме Михревандаке (Бахрам Чубин), который «разбил войско тетальцев, силой захватил Балх и всю страну кушанов, до другой стороны великой реки под названием Вехрод, до места под названием Казбион. Бахрам в то время вел войну с великим царем маскутов, жившим по ту сторону великой реки, разбил его многочисленное войско, самого царя убил в битве, захватил и похитил всю казну этого царства».⁵

Этот отрывок содержит особенно интересные данные. Полководец персидского царя, Бахрам Чубин, правитель Хорасана, разбивает войско тетальцев, т. е. эфталитов, захватывает Балх и всю страну кушанов, причем указывается и граница завоеванной им области: «до другой стороны великой реки Вехрод [Аму-Дарья], до места под названием Казбион». Что следует понимать под названием «Казбион» — сказать трудно. Маркварт полагает, что это эфталитский город Пайкент (diz-i-rojin — «железный замок»),⁶ но более вероятно, что имеются в виду «железные ворота» на границе Тохаристана и Согда в районе Байсуна. Слова «до другой стороны великой реки под названием Вехрод, до места под названием Казбион» указывают именно на правобережье Аму-Дарьи, на район Гиссарского хребта.

Себеос сообщает далее, что Бахрам Чубин вел войну и с великим царем маскутов, жившим в стране «по ту сторону великой реки». Здесь

¹ К. П. Патканов. Армянская география VII в. СПб., 1878, стр. 179. — J. Marguart, указ. соч., стр. 140—141 (Маркварт ошибочно считал автором «Географии» Моисея Хоренского).

² И. А. Орбели. «Вопросы и решения» Анании Ширакаци. Пгр., 1918.

³ Фавст Бузанд, указ. соч., кн. V, гл. 37.

⁴ Себеос. История, гл. VI (по критическому изданию, Ереван, 1939, стр. 26).

⁵ Там же, гл. VIII (стр. 33—34).

⁶ J. Marguart, указ. соч., стр. 83.

имеется в виду, вероятно, также Аму-Дарья, по ту сторону ее Бахрам Чубин вел борьбу с народом, который Себеос ошибочно называет маскутами, тогда как речь, повидимому, идет о тюрках и о их царе Шаба (Шавак).¹ О смерти этого хакана «от раны стрелой» в 588 г. сообщается в китайской летописи Суй-шу (VII в.) и у Табарии.² Отсутствие имени хакана в сообщении Себеоса не позволяет все же уверенно отождествлять упоминаемого им царя маскутов с названным тюркским хаканом.

Как известно, Бахрам Чубин вскоре после одержанных побед восстал против Хосрова II Парвеза и во главе большого войска занял Ктесифон, принудив Хосрова к бегству. Когда после кратковременного правления ему в свою очередь пришлось бежать от вернувшегося в 591 г. с помощью Византии Хосрова II, то он бежал в Балх, т. е. в Бактрию, где Михраны-Аршакиды пребывали уже в III в., как об этом, на основании сообщения Моисея Хоренского, сказано выше.

Описывая события, более близкие к нему по времени, Себеос говорит о народностях Средней Азии, с которыми персам приходилось сталкиваться, и продолжает называть их старым наименованием «кушаны».³ Между 591 и 602 г. произошло восстание, поднятое против Хосрова II правителем Хорасана Встамом, который около 10 лет правил отпавшими от Ирана восточными областями и чеканил здесь свою монету.⁴ О нем Себеос сообщает, что он «подчинил себе обоих царей кушанов», Шавга (Шог) и Парюка.⁵ Здесь речь идет, очевидно, о тех двух царях, которые, по Нершахи (Нишабури),⁶ правили в Бухаре в конце VI в.⁷ Имя «Шавг», которое Маркварт считает возможным сопоставлять с именем тюркского хакана «Шаба»,⁸ более правильно истолковывается Шаванном.⁹ Последний в нем усматривает передачу китайского «чао-ву» — титула согдийских царей, по мнению С. П. Толстова, восходящего к их родовому имени — к имени Сиявуша.¹⁰

В главе XXII «Истории» Себеоса имеется интересное сведение о том, что в стране Врканской (Гиркания, на юго-восточном побережье Каспийского моря) «жили армяне, увенные в плен из Армении и поселенные у подошвы великой пустыни. Они забыли свой язык и ослабли в грамотности».¹¹ Из того факта, что в начале VII в. армяне, жившие в Гиркании, уже забыли свой язык, можно заключить, что увенены они были в закаспийские области не позднее VI в., а может быть и раньше, и не исключена возможность, что им приходилось там встречаться с эфталитами. В связи с этим интересен рассказ Лазаря Парбского, относящийся к событиям середины V в. (см. выше, стр. 138), когда при Иездегерде II в бою

¹ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.—Л., 1946, стр. 82—83; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 252 и сл.; J. Marquart, указ. соч., стр. 83.

² Th. Noeldtke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879, S. 271.

³ Себеос, указ. соч., гл. VI (стр. 26).

⁴ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв., стр. 111.

⁵ Себеос, указ. соч., гл. XXIII (стр. 62).

⁶ Нершахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 13, 14.

⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 255, 256.

⁸ J. Marquart, указ. соч., стр. 83, 84.

⁹ E. Chavannes. Documents sur les Tou-kieu occidentaux. СПб., 1903, стр. 243.

¹⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 204, прим. 3.

¹¹ Себеос, указ. соч., гл. XXII (стр. 61). Предположению, что здесь речь идет о несторианах, бежавших из Армении, противоречит указание Себеоса на то, что они были «увенены в плен из Армении».

у Марвируда¹ отличился армянский полководец Вардан Мамиконян;² в эти годы армянская конница, видимо, вынуждена была участвовать в составе персидского войска (как и в IV в. при Шапуре II) в походе против эфталитов. Этот рассказ, как и сообщение Себеоса, свидетельствует о древних взаимосвязях и встречах армян и народов Средней Азии, что придает свидетельству армянских историков еще больше достоверности.

Себеос повествует далее о событиях, бывших в дни его молодости, а именно о деяниях персидского полководца Смбата Багратуни, армянина по происхождению, марзпана Вркана (Гиркания), которого Хосров II в 616/617 г. отправил с «грозным войском» на Восток, в землю кушанов. Смбат, «выступив, прибыл в страну Комш, которою [он] управлял ранее, и призвал к себе из Вркана исконное свое соплеменное войско [армян] и направился прямо на Восток».³ Себеос перечисляет тех армянских князей-нахараров, «которые были с ним со своими полками и знаменами» и упоминает «его войско из двух тысяч всадников из [родной] земли», т. е. армян. Нанеся кушанам поражение, Смбат, «вернувшись оттуда, расположил войско в Апар-шахре, в области Тос», т. е. в том же районе, где собирал свои войска Иездегерд II (см. Елише). «Между тем кушанские цари попросили себе помощи от великого хакана, царя Севера. II пришло им на помощь войско», которое «перешло реку под названием Вехрод. .». Тюрки разбили персидское войско, обратили Датояна [начальника отряда] в бегство, «а сами набегамы дошли до пределов Рея и области Аспахан, ограбили всю страну и вернулись в свой лагерь. Вслед за тем от великого хакана пришел приказ Чембуху [тюркскому военачальнику], и они перешли опять реку [Аму-Дарью] и ушли в свои места».⁴

Далее Себеос сообщает, что Смбат снова собирает и снаряжает войско «и идет походом на народ кушанов и на царя эфталитов; тот со своей стороны выступает против него с большими приготовлениями. Пришли на место боя и выстроились друг против друга. Царь кушанов посылает Смбату посланца» с предложением единоборства, которое Смбат принимает. Следует описание поединка, происходившего «перед рядами обеих войск. Наконец, как бы с помощью свыше, Смбату удалось копьём разодрать балхскую плетеную кольчугу царя кушанов» и повалить его. Тогда войско кушанов бежало, а Смбат преследовал их «до Балха Шахастана Кушанской земли и разгромил всю страну: Хар, Ватагес, весь Тохаристан и Талакан. Смбат взял также много крепостей и разрушил их, и с великой победой и громадной добычей вернулся обратно и остановился в области Марг и Маргрот».⁵

Можно быть уверенным, что Себеос, будучи сам из рода Багратуни, имел самые точные сведения о деяниях Смбата Багратуни и армянских нахараров в «стране кушанов». В связи с этим следует обратить внимание на то, что он, говоря о первом походе, называет з е м л ю кушанов, в о й с к о кушанов и кушанских ц а р е й. Как известно, в VII в. Тохаристан был разделен на 27 мелких владений, признававших верховную власть тюркского каганата; Согд в это время также являлся объединением небольших царств-городов, подчиненных хакану.

¹ Марвируд — город на р. Мургаб, на середине пути из Мерва в Герат.

² Лазарь Парбский, указ. соч., гл. 39.

³ Себеос, указ. соч., гл. XXVI (стр. 66).

⁴ Там же, гл. XXVI (стр. 67).

⁵ Там же, гл. XXVI (стр. 68).

⁶ М. Абегиан, указ. соч., стр. 327.

Привлекает внимание следующая деталь в рассказе Себеоса, которая, по моему мнению, имеет очень большое значение. Во время второго похода Смба́т идет «на и а р о д кушанов и на ц а р я эфталитов». Двумя строками дальше, говоря об этом царе и о его вызове на единоборство, Себеос называет его ц а р е м кушанов. На это обстоятельство обратил уже внимание Маркварт, который правильно полагал, что речь идет об одном и том же лице — царе кушанов, по происхождению эфталите.¹

Слова Себеоса, что Смба́т преследовал кушанов «до Балха Шахастана [т. е. до области Балха, Бактрии] Кушанской земли», дают основание предполагать, что кушанскому царю, эфталиту, принадлежали разгромленные Смба́том и упоминаемые историком области Хар (Герат), Батагес (Бадгес), «весь» Тохаристан и Талакан (область между Балхом и Мервом), признававшие в этот период верховенство тюркского каганата.

Рассмотрение деталей рассказа Себеоса приводит к заключению, что названия «кушанская страна», «кушанское царство», «кушанский царь» сохранялись не только в V в. в период владычества эфталитов (см. Елише), но удерживались и во времена Себеоса, т. е. в VII в. Интересно также указание на «крепкую балхскую плетеную кольчугу царя кушанов», которое заставляет вспомнить согдийских всадников (на Мугском щите и в росписях Пенджикента), одетых, в отличие от тохаров, в пластинчатые панцири.

Себеос рассказывает и о событиях, происходивших за 10 лет до того, как он начал писать свою «Историю», а именно о гибели на территории Средней Азии последнего Сасанида, Иездегерда III, в 651 г. По словам историка, арабы «настигли Иездегерда близ границ кушанов [т. е. Мерва] и истребили все его войско. Он сам бежал к войскам тетальцев», но те его схватили и убили.² Здесь опять рядом упоминается страна кушанов и войска эфталитов, опять создается впечатление, что выражение «кушанская страна» становится термином географическим, утратив свое политическое значение. Речь здесь идет, видимо, о тех же областях эфталитского владения и о его войсках, может быть, сформированных по этническому признаку.

Итак, в тексте Себеоса обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) историческая традиция сохраняет память о том, что при эфталитах страна и народ продолжали называться кушанскими, а эфталитскими именовались войско и царь, т. е. верхушка общества и какая-то часть войска, принадлежавшие, очевидно, к другому племенному союзу; 2) глава кушанского царства называется то царем теталов, то царем кушанов, т. е. в одном случае применяется династическое наименование (по имени племенного союза), а в другом — название политическое, название страны, пережившее на несколько веков самих кушанов. Оба эти обстоятельства приводят к выводу, который можно было бы сделать уже на основании сообщений других армянских историков, а именно к заключению об этническом родстве кушанов и эфталитов.

К правильному заключению о родстве хионитов и эфталитов приходит Н. В. Пигулевская, но, вероятно, она имеет в виду и кушанов, когда говорит, что эти народы «принадлежали к одному этническому типу, но составляли разные орды с различными племенными названиями. Смена господствующей орды сопровождалась изменением имени и государства».³

Английский историк Мэк Говерн, пришедший на основании иных данных к утвердительному решению вопроса о родстве кушанов и эфталитов.

¹ J. M a r q u a r t, указ. соч., стр. 66, 67. (Разрядка моя, — К. Т.).

² С е б е о с, указ. соч., гл. XLVI (стр. 140).

³ Н. В. П и г у л е в с к а я. Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 50.

литов, в то же время с огорчением устанавливает, что армянские историки по не известной ему причине, смешивают якобы и путают кушанов и эфталитов.¹ Выяснение этих «неизвестных» причин и позволяет пролить некоторый свет на сложный вопрос об этнической природе этих народов Средней Азии в первой половине I тысячелетия н. э.

Следует отметить, что армянские историки, прекрасно осведомленные о событиях в Средней Азии, как это видно из приведенных текстов, никогда, нигде и ничем не обмолвились о том, что сначала кушаны, а потом эфталиты пришли откуда-то извне на территорию Средней Азии.

В статье О. Г. Везендонка,² посвященной кушанам, хионитам и эфталитам, дается сопоставление этнических наименований этих народов Средней Азии, которые упоминаются в текстах пехлевийских (иранских) источников и в текстах источников индийских, а именно: kušana, huana, hetal — в первом случае и kušan, huna, saka — во втором. Как видно, два первых наименования совпадают, но названию третьей народности «hetal» в пехлевийском тексте соответствует «saka» в источниках индийских. Это, по-моему, дает еще одно основание считать эфталитов саками, входившими некогда в великую сакскую орду. Везендонк к такому выводу не приходит, не придавая вообще значения этому вопросу.

Большой интерес представляет труд Р. Гиршмана «Хиониты-эфталиты», в котором он, опираясь на китайские источники, приходит к тому же заключению, к которому привели и меня еще в 1944 г.³ армянские историки, а именно, что хиониты являлись народностью, родственной кушанам.⁴ Далее, на основании легенд на эфталитских монетах, Р. Гиршман полагает, что «эфталиты» было названием династическим, а «хиониты» — самоназванием народа, возглавленного эфталитами.⁵ Что касается последнего утверждения, что наименование «хиониты» продолжало оставаться самоназванием народа, которого соседние народы называли эфталитами по имени правящей династии, то это положение Р. Гиршмана в армянских источниках отражения не находит.

Имеются основания полагать, что эфталиты, так же как и хиониты, на более раннем этапе своего исторического развития подверглись какому-то незначительному смешению с хуннами,⁶ что и привело к появлению для них наименования «белые хунны». Этот термин они сами к себе не применяли. Он встречается в источниках западных,⁷ авторы которых, будучи знакомы с хуннами, могли применить его к любому азиатскому кочевому народу, который чем-либо напоминал хуннов.

Если расположить в хронологическом порядке те события, о которых мы читаем на страницах армянских историков, и при этом попытаться выяснить, почему ими применялся тот или иной этнический термин, то можно прийти к следующему заключению.

О событиях первой половины III в., когда кушанское царство продолжало еще существовать, хотя шло уже к упадку, когда свергнувший парфянских Аршакидов Арташир Папакан угрожал целостности и мощи и армянского и кушанского царств, писал Моисей Хоренский в конце V—начале VI в., т. е. два с половиной века спустя, уже в период расцвета

¹ W. M. McGovern. Early empires of Central Asia. Chapel Hill, 1939, p. 485—487.

² O. G. W e s e n d o n k. Kušan, Chioniten und Hephtaliten. Klio, Bd. 26, H. 2/3, Leipzig, 1933, S. 344.

³ Доложено мною на сессии Академии наук Армянской ССР 3 XI 1944.

⁴ R. G h i r s h m a n, указ. соч., стр. 118.

⁵ Там же, стр. XII и 115.

⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 277.

⁷ П р о к о п и й К е с а р и й с к и й, указ. соч., кн. I, гл. 3.

эфталитской державы. Но Моисей применяет только термин «кушаны», т. е. наименование, сохранившееся и в народной и в исторической традиции и бесспорно значившееся в том источнике, которым он пользовался и на который ссылался. Не будучи современником описываемых встреч армянских послов с балхскими Аршакидами, он ничего своего к сведениям источников прибавить не мог, но самый факт отправки армянским царем Хосровом послов в Балх и упоминание Аршакидов в Балхе свидетельствуют о взаимосвязях между Арменией и Средней Азией, об осведомленности армян относительно событий в стране кушанов.

О событиях IV в. говорится у Фавста Бузанда, жившего также в IV в. и писавшего «Историю» в конце этого века. Сведения свои он мог получать от участников тех событий, которые он описывает, так как в одном из упоминаемых им походов Шапура II против кушанов участвовала «приведенная им в плен» армянская конница, а во втором — находившиеся в Иране в плену два представителя армянского рода Мамиконянов (вероятно — со своим отрядом), которые уцелели после понесенного персами поражения.

События V в. нашли отражение в труде Елише, который сам участвовал в описываемых им военных походах против хонов-хионитов («которые называются и кушанами») и который о дальнейших военных событиях, когда ведущее место заняли эфталиты, несомненно знал от самих участников-очевидцев. Поэтому его слова о хонах, «которые называются кушанами», в его рассказе о событиях 442—444 гг. и об эфталитах в 450 г. имеют особенно большое значение.

Себеос, как сказано выше, повествует о событиях, имевших место и в V, и в VI, и в VII вв. Когда он пишет о гибели Пероза в 484 г., то его противников, эфталитов, он называет кушанами, как бы не различая эти два народа и следуя, вероятно, тем письменным источникам, которые были в его распоряжении. Когда он пишет о времени Ормизда IV, о его полководце Бахраме Чубине, он говорит о «земле кушанов и о войске тетальцев», как об этом записано было, быть может, в летописях второй половины VI в.

Армяне, жившие в Гиркании и к началу VII в. позабывшие свой язык, несомненно имели возможность встречаться в VI в., а может быть уже и в V в., с эфталитами, и этим устным источником в какой-то мере мог также пользоваться Себеос. Наиболее достоверными должны быть сведения, сообщаемые Себеосом о событиях его времени, к тому же о делах, главными участниками которых были армянин Смбат Багратуни, армянские князья-нахарары и призванное Смбатом из Вркана армянское войско. Но даже при описании событий своего времени Себеос продолжает называть страну кушанской, а царя и войско тетальскими. Эти сведения, полученные им, вероятно, от участников и очевидцев походов, никаких сомнений вызвать не могут.

На основании всего вышесказанного можно прийти к выводу, что не только до арабского завоевания, но и до времен Табарн, т. е. до IX—X в., страна, племена и народности, некогда входившие в состав кушанского царства, просуществовавшего четыре века, в памяти соседей и в трудах историков продолжали именоваться кушанскими. Хиониты такого следа по себе в наименованиях географических, политических и этнических не оставили, да и не могли оставить. Иначе дело обстоит с эфталитами. В те полтора века, которые связаны с гегемонией этого народа, имело место расширение их политических и торговых связей с другими странами, имела место победа над Персией, временно обращенной эфталитами в данника. Это — период начала складывания фео-

дальних отношений, а также период расцвета своеобразной, на местных корнях выросшей эфталитской культуры, отразившейся, быть может, в росписях дворца в Варахше.¹

То немногое, что мы находим в текстах армянских историков касательно Средней Азии, все же дает нам основание говорить не только о знакомстве армян с эфталитами в V—VI вв., но и о наличии дружеских связей между этими двумя народами. Приведу несколько примеров:

1. Для обоих народов общим врагом являлись сасанидские цари с их завоевательными тенденциями, направленными против независимости этих народов. О большом количестве поражений, испытанных сасанидскими владыками в процессе борьбы с народами Средней Азии, мы узнаем только из текстов армянских историков, в рассказе которых всегда просвечивает симпатия к кушанам и эфталитам и высказываются горькие упреки по адресу Сасанидов — посягателей на свободу соседних народов. В арабских источниках, основанных на персидских (главным образом на «Хватав-намак»), перечень и описание понесенных персами поражений, естественно, должны были быть сильно сокращены и смягчены.

2. В армянских источниках, особенно в ранних, неоднократно подчеркивается наличие родственной связи между Аршакидами Армении и кушанскими аршакидскими родами в Балхе.

3. В рассказе Лазаря Парбского о встрече Пероза с Вахшунваром в 484 г. особенно ярко сказывается оценка армянским историком справедливости и благородства поведения эфталитов, ссылавшихся на договор о ненападении с персами, и неприкрыто осуждается нарушение клятвы Перозом, приведшее его к гибели.

4. Можно думать, что армяне и эфталиты имели основание считать себя как бы союзниками: периоды борьбы Сасанидов с хионитами или с эфталитами давали армянам передышку и возможность собраться с силами, а в годы, когда персы были отвлечены борьбой с армянами, хиониты и эфталиты могли говорить к новому отпору. Основываясь на вышеприведенных сведениях, можно было бы предположить, что единственный поход, предпринятый по инициативе кушанов против Ирана в IV в.,² должен был отвлечь его силы и внимание и тем самым помочь армянам, жестоко пострадавшим во время нападения на них Шапура II.

Известен также случай, когда в V в. был заключен скрепленный клятвой договор, по которому хиониты обязались помочь армянам в период их напряженной борьбы под начальством Вардана Мамиконяна с общим врагом — полчищами Иездегерда II.³ Свое обязательство хиониты выполнили, хотя и с опозданием (уже после Аварайрского сражения), напав в 451 г. на пограничные области Персии (какие именно — не известно) и подвергнув их опустошению.⁴

Когда же в 484 г. эфталиты нанесли персам страшное поражение, персидские полководцы Шапурх и Зармихр, находившиеся с военными силами в Армении и Иберии, получили через посланцев приказ немедленно отступить и вернуться в Персию.⁵ Это обстоятельство несомненно облегчило положение армян, помогло им противостоять персам. Этим же следует объяснять последовавшие еще в том же 484 г. события, когда преемник Пероза, Валарш, вынужден был прекратить борьбу с Арменией

¹ В. А. Шпикин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. Тр. Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. IV, 1947.

² Фавст Бузанд, указ. соч., кн. V, гл. 7.

³ Лазарь Парбский, указ. соч., гл. 35 (стр. 66).

⁴ Елише, указ. соч., гл. VII (стр. 185—186).

⁵ Лазарь Парбский, указ. соч., гл. 86 (стр. 156—157).

и предоставить ей бóльшую самостоятельность, назначив марзпаном Армении не перса, а армянина Вахана Мамиконяна, возглавлявшего в это время борьбу армян с Сасанидами.

Таким образом армянские политические деятели и историки V—VII вв. имели все основания расценивать распавших сасанидскую державу эфталитов как своих объективных союзников.

Приведенные свидетельства армянских историков говорят об исторических связях, существовавших в IV—VII вв. между народами Закавказья и Средней Азии.

А. Л. Я К О В С О Н

ВИЗАНТИЯ В ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

Одной из существенных задач, выдвинутых на состоявшейся весной 1952 г. сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященной истории Крыма, является выяснение подлинной роли Византии в истории Таврики и вопроса о том, как влияло византийское господство (в те периоды, когда оно имело место) на экономическую жизнь края. В советской исторической науке не только нет ни одной работы, специально посвященной этой теме, но и самая тема научно даже не поставлена. Именно постановка данного вопроса составляет цель настоящей статьи, в которой мы в очень сжатом виде излагаем свое понимание предмета. Вследствие вообще слабой разработанности истории средневековой Таврики изложение будет во многих пунктах поневоле гипотетичным.

Поставленная тема не может рассматриваться изолированно. Она теснейшим образом связана с проблемой формирования и усиления древнерусского государства и его продвижения в северное Причерноморье, где древняя Русь встретила упорное и ожесточенное сопротивление Византии. Борьба Руси и Византии является одним из наиболее важных вопросов истории Таврики и составляет содержание целой полосы ее исторической жизни.

1

Как известно, «варварские» походы на причерноморские провинции Римской империи и Таврику в III в. н. э. привели к ликвидации римского влияния на Боспоре. Последовавший затем, в 70-х годах IV и в V вв., гуннский разгром¹ окончательно подорвал экономику Боспора, который лишился своей житницы — Приазовья и Прикубанья. Как сам Пантикапей, так и окружающие его города были разорены, а некоторые из них обезлюдели и прекратили свое существование.² Это было концом Боспорского царства. Название царства с тех пор закрепилось за бывшей столицей его — Пантикапеем, который и стал называться Боспором. Сам Боспор оказался в руках гуннской знати, властвовавшей здесь до начала VI в., когда византийским правителям удалось закрепиться в этом

¹ Об этом в легендарной форме рассказывают писатели V в. Созомен и Зосим (SC, т. I, стр. 763 и 801) и VI в. — Иордан (*Getica*, XXIV, 123—126) и Прокопий (Война с готами, IV, 5. Пер. С. П. Кондратьева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 385—388).

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 479; ср. о н ж е. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 124, 125, 134, 219.

районе,¹ хотя и не сразу: только при императоре Юстиниане I город был поставлен, повидимому, в полную зависимость от империи, о чем сообщает Прокопий.² Окружающая же Боспор область вплоть до появления тюрок (конец VI в.) оставалась под властью гуннов, усилившихся здесь во второй половине V в., когда после разгрома державы Аттилы гуннские орды отхлынули из области Дуная на Восток — в Приазовье — и заняли степную Таврику. Эту силу Византия стремилась, как известно, привлечь на свою сторону, пользуясь таким испытанным оружием византийской политики, как натравливание одного племени на другое.

В течение всего этого времени (V и VI вв.) восточная Таврика оставалась запустевшей; жизнь в большинстве ее городов замерла. Правда, в V—VI вв. Боспор, повидимому, начал оживать и возрождаться,³ как и некоторые из ближайших к нему поселений (Тиритака),⁴ благодаря завязавшимся торговым сношениям — вероятно с восточнославянскими племенами и с кочевавшими в Приазовье степняками, которые, несомненно, были заинтересованы в обмене с ремесленными центрами. Однако прежнего экономического положения Боспор достичь уже не смог. Следует подчеркнуть, что это оживление было проявлением именно внутренних процессов в жизни края и определялось не Византией.

В противоположность Боспору Херсон (Херсонес) избежал «варварского» нашествия. В III и IV вв. здесь продолжали стоять римские гарнизоны и власть империи не прерывалась. Вследствие этого именно Херсон стал опорным пунктом Восточной Римской империи (Византии) в Таврике. Разорение Боспора гуннами в значительной мере объясняет перемещение центра экономической жизни Таврики в юго-западный ее район. Основным жизненным центром края стал Херсон, который примыкал к большому и в сущности основному району оседлого земледельческого населения юго-западной Таврики — населения, главным образом, вероятно, сармато-аланского, но, разумеется, не готского. В экономике Херсона важнейшее значение приобрели торговые связи с окружающим земледельческим населением и припонтийскими степняками (вспомним алтциагиров, обитавших в районе Херсона, куда, по Иордану, «алчный купец ввозит блага Азии»). Это дало толчок к возрождению городского ремесла и вызвало в VI в. необходимость выпуска собственной херсонской монеты. Столь же несомненно, что свозившиеся сюда продукты скотоводства и земледелия служили вместе с тем и основными предметами вывоза в Малую Азию. Развитию вывозной торговли способствовала и внешняя политическая обстановка — определенная стабилизация внешних сил в эпоху Юстиниана I в северном и южном Причерноморье. Войны же с Персией, нарушавшие экономические связи с Востоком, велись тогда за пределами Малой Азии и Таврики.

Этот несомненный экономический подъем Херсона в конце V и в VI в., когда город даже рос территориально⁵ и усиленно застраивался, хронологически совпал со временем усиления в Таврике византийского господства. Но здесь, как и на Боспоре, экономическое оживление не было

¹ Это явствует из сообщения Прокопия (Войны с персами, I, 12).

² Прокопий Кесарийский. О постройках, III, 7 (русск. пер. С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 249).

³ См.: Ю. Кулаковскій. Керченская христианская катакомба. МАР, вып. 6, 1891, стр. 23—24.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки. МИА, № 25, стр. 53, 55, 67—72, 100.

⁵ Именно в это время город расширился в западной своей части. См.: К. К. Коцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 67.

определено Византией, да и ощущалось оно преимущественно на ограниченной территории — в юго-западном районе Таврики, избежавшем гуннского разгрома. В основе стремления византийских правителей к господству в Таврике — как на Боспоре, так и в Херсоне — лежал не экономический интерес. Таврика была нужна Византии, во-первых, для охраны дальних подступов к империи с северо-востока с целью укрепить тыл в своей восточной экспансии — в борьбе с персами, война с которыми началась в 527 г., а во-вторых, для осуществления господства над местными племенами и эксплуатации их. Племена эти служили тем источником наемного войска, при помощи которого, как известно, главным образом и вела войны Византия. Наконец, следует полагать, имел значение и вывоз продовольствия, как это бывало позднее.

Стремление Византии закрепить свое господство в этом районе объясняет огромное крепостное строительство, которое вели византийские правители в Таврике, главным образом, — что характерно, — в юго-западном районе, где концентрировалось земледельческое население. Здесь создана была целая сеть укреплений — дозорных пунктов (Сюреньское укрепление) и крепостей, в которые были превращены старые и стратегически наиболее важные поселения местных племен (Дорос, Эски-Кермен, Каламита, Фуллы).¹ Несколько крепостей были построены и на южном берегу (Алустон, Горзувиты),² не говоря уже о самом Херсоне, а на восточной окраине Таврики — только на Боспоре. Эти крепости призваны были не только охранять южную Таврику от внешнего врага, но, очевидно, и держать в повиновении местное население.

Таким образом, на заре средневековья южные районы Таврики оказались под ярмом чужеродной византийской власти. При таких условиях нет никаких оснований говорить о существовании какого-то особого местного государства в юго-западной Таврике того времени, в том числе и «государства Дорос», как это утверждал Н. И. Репников, считавший Дорос центром «готского государства» в Крыму. Беспочвенность такого представления теперь очевидна всем советским историкам, однако и до сих пор иногда продолжают говорить о некоем «государстве Дорос».³ Настаивать на существовании такого государственного образования применительно к юго-западной Таврике в раннее средневековье — значит переносить более поздние явления на более раннее время. Местное, вероятно сармато-аланское, население жило еще в основном общинным строем; начавшийся распад его, связанный с процессом феодализации, несомненно ускорился в условиях господства Византии, поддерживавшей местную знать. Процесс этот, кстати сказать, привел к более или менее сложившимся феодальным отношениям лишь позднее, приблизительно к IX в., а не к V в., как полагает П. Н. Надинский.⁴

Нет сомнения, что покорение местных племен Византией происходило в напряженной борьбе, в обстановке активного сопротивления. Мы не имеем об этом прямых свидетельств, но отзвуки борьбы ясно слышатся

¹ См.: А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангуца. КСИИМК, вып. XXIX, 1949.

² Об этом сообщает Прокопий (О постройках, III, 7. Русск. пер. С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 249, 250).

³ Напр., П. Н. Надинский (Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1952, стр. 41).

⁴ П. Н. Надинский, указ. соч., стр. 40. — Впрочем П. Н. Надинский и здесь не оригинален, так как всецело следует за авторами «Готского сборника» (Н. И. Репников в. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 35). О полной несостоятельности такого взгляда см. нашу статью «Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика» (СА, VI, 1940, стр. 223). Вопрос о сложении феодальных отношений в Крыму требует, безусловно, специального рассмотрения.

в тех антивизантийских настроениях, которые проявлялись в отказе от принятия христианства. Отказ этот носил, повидимому, массовый характер. Несмотря на упорное и, вероятно, насильственное насаждение христианства (как и всюду, куда проникла византийская власть) и массовое строительство больших храмов-базилик (всюду, где закреплялась власть империи),¹ местное население Таврики продолжало оставаться в основном языческим. На языческие нравы его указывают сообщения середины VII в. (письма папы Мартина) и VIII—IX вв. (свидетельство Епифания, писателя конца VIII—начала IX в., жившего в Херсоне) и более поздние источники середины XIII в. (послание епископа Феодора).

Следует подчеркнуть, что ясно обозначившийся в раннесредневековый период экономический подъем охватил лишь весьма ограниченный район, примыкавший к Херсону, а из городов его переживал лишь Херсон. Характерно, что в то время как Херсон в конце V и в VI в. рос и расширялся, Боспор хирел и сокращался в своих размерах.² Этот контраст станет еще яснее, если обратиться к художественной культуре раннесредневековой Таврики.

Понятно, что в условиях политического господства Византии в Херсоне культура города испытывала сильное византийское влияние (это сказалось в стиле и характере базилик и их украшений, в предметах украшения из некрополя, в технике кладки крепостных стен и т. д.). Иная картина наблюдается на Боспоре и в поселениях юго-восточной и южной Таврики, где влияние византийской культуры было несравненно слабее. Что это так, показывает столь яркий материал, как предметы украшения из раннесредневекового некрополя Боспора³ и из Суук-Су (Горзувиты),⁴ своеобразные и специфически местные по стилю. Стиль их связан с традициями исконного, частью может быть эллинизованного, населения, но с Византией это искусство не имеет ничего общего. То же относится к самому типу могильных сооружений, выработанному в оседлой земледельческой среде и таких городах, как Боспор. Культура, получившая выражение в этих памятниках, была, повидимому, широко распространена по всему Крыму, в частности в юго-западном нагорье (некрополь Фулл). Именно с носителями этой культуры, может быть сармато-аланской, в VI в. имели определенные, но пока еще слишком мало исследованные, связи славянские племена, о чем говорят находки предметов украшений, типичных для могильников Крыма (Суук-Су и др.), на обширной территории лесостепи между Днепром и Доном. Находки эти указывают, следует думать, на непосредственные сношения: эти вещи попали на Север не только в качестве добычи, захваченной антами во время их походов в Таврику, как полагает Б. А. Рыбаков,⁵ но и в результате мирных торговых сношений славянских племен с восточной Таврикой.⁶

Нельзя не отметить, что реакционные буржуазные ученые уже давно и без всяких оснований объявили эту культуру, а тем самым, можно сказать, и всю культуру раннесредневековой Таврики, готской. Как известно, в свое время особенно высоко подняла на щит эту «готскую теорию» немецко-фашистская реакционная «наука».

¹ См. нашу статью «Из истории средневековой архитектуры в Крыму», СА, VI, 1940.

² В этом отношении показательны сокращение территории некрополя города. См.: Г. А. Цветаева. Грунтовый некрополь Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 84.

³ Л. А. М а ц у л е в и ч. Погребение варварского князя в восточной Европе. ИГАИМК, вып. 112, 1934.

⁴ См. публикации Н. И. Репникова («Некоторые могильники области крымских готов»). ИАК, вып. 19, 1906; ЗООИД, XXVII, 1907).

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 77 и 87.

⁶ Л. А. М а ц у л е в и ч, указ. соч., стр. 86.

Характерно, что в Херсоне специфические предметы украшения, характерные для Боспора или Суук-Су, почти отсутствуют; фибулы же и пряжки, обычные в могильнике Суук-Су и относящиеся к VI в., здесь ни разу не встречены,¹ хотя некрополь города раскопан уже на значительной площади. Пренебрежение этим отличием может привести к искажению общей картины истории раннесредневековой Таврики.

2

Византийское господство в Таврике оказалось непрочным и было кратковременным. Последовавшие события — нашествие тюрков, а затем хазар, как и резкие изменения всей внутренней обстановки в самой Византии, переживавшей в VII в. глубокий кризис, — временно, на целых два столетия, свели это господство на нет: в начале VII в. оно, повидимому, прекратилось.

«Восточные тюрки» появились в северном Причерноморье в 70-х годах VI в. Воспользовавшись ослаблением Византии, они в союзе с утургурами осадили и взяли Боспор. Однако им не удалось здесь долго удержаться: неудачи тюрков в борьбе с персами и распад тюркского каганата вынудили их отступить от Таврики. Но с тех пор Таврика уже стала уходить из-под влияния Византии, силы которой в то время были крайне напряжены, так как возобновилась война с Персией, а с 40-х годов VII в. начались завоевания арабов; изнутри империю потрясала гражданская война — борьба классовая. Не утихавшие в провинциях восстания рабов и колонов против налогового гнета, ожесточенная борьба социальных низов против крупного землевладения, продолжавшаяся в течение всего VII в.; волнения в армии, которые в 602 г. привели к государственному перевороту, а вместе с тем внешнеполитические удары, обрушившиеся на Византию со всех сторон (захват лангобардами большей части Италии и угроза остальным ее районам, отпадение восточных провинций — Месопотамии, Сирии, Палестины и Египта, завоеванных сначала персами, позднее арабами, как и Балкан, занятых славянами), — все это привело к крайнему ослаблению империи. Она утратила свое бывшее значение мировой державы. Византийским правителям было, разумеется, не до Таврики. А немного спустя сюда нахлынули хазары, выделившиеся в середине VII в. из распавшегося Тюркского каганата. К 70-м годам хазары заняли степи Прикаспия и Приазовья (об этом сообщает византийский хронист Феофан); тогда же они захватили и Керченский полуостров, посадив на Боспоре, а также на Таманском полуострове (в Фанагории) своих наместников — тудунов. Тогда же или немного позднее хазарский тудун появился и в Сугдее,² а в конце VII в. большая часть Таврики, включая и юго-западный ее район (за исключением Херсона), была фактически уже в руках хазар.³

Имеющиеся факты убеждают, что хазарское нашествие в Таврику было настоящим завоеванием, катастрофически сказавшимся на всей эко-

Утверждаем это на основании многолетнего знакомства с фондами Херсонесского музея. Ссылка Е. В. Веймарна и С. Ф. Стржелецкого на такие предметы (Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. ВИ, 1952, № 4, стр. 97, прим. 24), будто бы найденные в некрополе Херсонеса и хранящиеся в экспозиции музея, ошибочна.

² См.: В. Г. Васильевский. Труды, т. III, СПб., 1915, стр. ССХХIX и ССLXVII.

³ На это указывает тот факт, что ближайший к Херсону пункт Дорос (ныне Мангуп), куда, по сообщению Феофана, в 698 г. бежал сосланный в Херсон Юстиниан II, находился уже вне пределов византийской власти.

номике края. Прежние, в той или иной мере оживленные сношения городов Таврики с кочевниками и полусоседным населением причерноморских степей, в частности с аланскими и болгарскими племенами Приазовья, были нарушены. Мало того, именно в VII в., как показывает археологический материал, оборвалась жизнь в тех поселениях в районе Боспора, которые, по данным раскопок, в VI в. вновь ожили после гуннского опустошения, — в Тиритаке и Мирмекии; покинутые жилища начало заносить землей.¹ Уцелели лишь сам Боспор и Фанагория, но и они, вероятно, сильно пострадали.²

Со временем господства хазар связан экономический упадок и Херсона, в то время являвшегося наиболее крупным городом Таврики. Хазары нарушили связи Херсона с окружающим земледельческим населением, которое, возможно, было согнано со своих насиженных мест; по крайней мере никаких поселений в юго-западном нагорье, жизнь в которых можно было бы, по археологическим данным, связать с временем VII и VIII вв., мы не знаем. Прекращение в начале VII в. выпуска в Херсоне собственной монеты ясно говорит о значительном сокращении ремесленного производства и резком спаде торговли, что было связано не только с тюркским, а затем хазарским нашествием, но и с общим кризисом самой Византии в VII в. (см. выше). Херсон, отрезанный от смежного земледельческого района и лишенный регулярной связи с Малой Азией, которая сама в то время переживала экономический упадок, оказался в тисках нищеты и голода.³

Захват наиболее густо заселенных пунктов Таврики хазарами сопровождался, можно думать, настоящим погромом. Разрушение монументальных построек в этих местах (например в Мангупе, Эски-Кермен), как то: крепостных стен, базилик и пр., относится, вероятно, именно к этому времени (VII в.) и скорее всего было связано с нашествием хазар, разоривших земледельческое население юго-западной Таврики.

Одно ярмо, византийское, сменилось другим, хазарским, возбуждившим не меньшее сопротивление. Об одном из эпизодов этой борьбы с хазарами в конце VIII в. позволяет судить известное сообщение из жития Иоанна Готского, где содержатся намеки на народное восстание против хазар. Очень вероятно, что это восстание было отражением той напряженной социальной борьбы в юго-западном Крыму, которая связана была со становлением здесь феодальных отношений.

Отвлекаясь от нашей основной темы, следует отметить, что к этому времени, вероятно, относится и возникновение так называемых пещерных монастырей в юго-западном нагорье Крыма (Тепе-Кермен, Инкерман, может быть Шулдан, и другие);⁴ в конце VIII в. возродился большой

¹ См. отчеты о раскопках В. Ф. Гайдукевича (МИА, № 25, стр. 100, 127).

² Что население Боспора стало еще более редким, показывают данные городского некрополя, в котором до сих пор не встречено погребений, определенно датированных VII в.

³ Напомним отзыв сосланного в Херсон в 655 г. папы Мартина. По его словам (письмо XVI), в этих краях царили «голод и нищета», подвоз продовольствия отсутствовал (см.: С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв., 1908, стр. 116). Нет никаких оснований сомневаться в реальности той картины, которую рисует папа Мартин как в этом, так и в других своих письмах из Херсона, говоря об отсутствии подвоза в город продовольствия из окружающих земель и о небольших судах, изредка приходивших сюда из Романии (Малой Азии) за солью и привозивших хлеб. Нарушение прежде тесных связей города с земледельческим населением юго-западной Таврики, так же как и торгового обмена с кочевниками причерноморских степей, где теперь господствовали хазары, а также нарушение оживленной торговли с Малой Азией достаточно объясняют тяжелое положение херсонского населения в ту глухую пору — в середине VII в.

⁴ Ср.: Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, стр. 74—75.

монастырь Партеиты (у Медведь-горы). Процесс роста монастырей, захватывавших, надо полагать, лучшие общинные земли и закрепощавших крестьян, протекал в напряженной борьбе, о которой позволяют догадываться письма Феодора Студита, идеолога реакционного монашества IX в.; в письмах говорится о каких-то волнениях в монастырском мире Таврики, о бегстве монахов из монастырей или о перебежке их из одного монастыря в другой; говорится о каких-то вмешательствах светской власти в дела монастырей, т. е. о нарушении их иммунитета. Феодор Студит осуждающе говорит о рабах в монастырях Таврики.¹

Характерно, что именно в VIII в. деятельность церкви в этом крае получила небывалый до того размах: помимо прежних Херсонской и Боспорской епархий, возникли две новые, Готская и Сугдейская, охватившие почти весь южный Крым.²

На оппозицию народных масс усилению церковной феодальной организации указывает и замечание монаха Епифания, жившего в конце VIII—начале IX в., о херсаках (т. е. херсонцах): «народ коварный и до нынешнего дня туго на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра»,³ что можно понять как намек на антицерковные настроения.

Важно подчеркнуть, что Византия, поглощенная непрерывной борьбой с арабами и болгарами, фактически была тогда оторвана от Таврики и не играла здесь почти никакой роли.

3

Тем временем в степях северного Причерноморья начала складываться новая обстановка. Вторжение в черноморские степи печенегов положило предел господству хазар в этом обширном районе, а в 60-х годах IX в., когда в Поднепровье и Причерноморье упрочилась Русь, хазарский каганат начал клониться к упадку и затем под натиском войск Святослава распался.

Усиление Руси, угрожавшее нарушить то в общем выгодное для Византии соотношение сил, которое сложилось в северном Причерноморье с приходом хазар, ставших затем, как известно, в союзные отношения с Византией, заставило византийских правителей вновь обратиться к Таврике. В 30-х годах IX в., судя по сообщению Константина Багрянородного, была создана так называемая херсонская фема, т. е. военно-административный округ. Мера эта несомненно была направлена против Руси. Цель ее — преградить продвижение и усиление Руси в этом крае. Напомним, что в источниках того времени (житие Георгия Амастридского и Стефана Сурожского) Таврика прямо названа ареной действия русских дружин. Лев Дьякон писал, что Русь «живет у Северного Тавра». О русских купцах, направляющихся к Румскому морю, говорит ибн-Хордадбех (40-е годы IX в.).⁴

Сам Херсон в то время влачил жалкое существование и, по отзывам современника, переданным Анастасием Библиотекарием (70-е годы IX в.),

¹ Творения Феодора Студита в русском переводе, т. II, СПб., 1908, стр. 554, 555.

² См.: А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д. Некоторые недоуменные вопросы средневековья в Крыму. ИТУАК, вып. 57, 1920, стр. 40, 50, 128, 131.

³ В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 268.

⁴ В связи с этим возникает мысль: не есть ли Новгород, откуда по житию Стефана Сурожского, совершил свой набег легендарный князь Бравлин, просто «новый город» Руси, возникший если не в Таврике, то где-то вблизи ее, может быть на месте будущей Тмутаракани?

был почти обезлюдившим, как и весь примыкающий район («вся та часть Херсонской области»)¹.

Разоренный хазарами земледельческий район юго-западного нагорья так, вероятно, и не смог оправиться на протяжении этих двух—двух с половиной столетий. Не случайно, что мы до сих пор не знаем здесь памятников того времени, а в Херсоне не удается выявить культурные слои VIII и первой половины IX в.

Совсем иная картина наблюдается в юго-восточной и восточной частях Таврики. Раскопки выяснили, что именно в то время, во второй половине VIII—начале IX в., в этом районе и на примыкающем к нему Таманском полуострове на развалинах старых античных поселений, как и в округе Феодосии и Судака, вновь появились, а в IX в. получили значительное развитие довольно многочисленные новые поселения. Продолжал существовать и, повидимому, вновь стал расти Боспор, где в VIII в. рядом с портом возвели монументальный и богатый храм Иоанна. Поблизости от Боспора новые поселения, притом несомненно земледельческие, возникли на развалинах Тиритаки² и Илурата.³ Далее на восток, рядом с Феодосией, на горе Тепсень (в настоящее время территории сел. Планерское) выросло обширное поселение с большим храмом-базиликой;⁴ около этого поселения на берегу моря у мыса Мальчин открыт небольшой, вероятно рыбацкий поселок. Поселение того времени существовало и на месте Судакской крепости. Раскопками, начатыми в 1952 г., в 30 км западнее Судака открыта целая группа гончарных печей. Но далее к западу поселения этого времени не известны, если не считать «торжища Партениты», где в конце VIII в. был вновь создан монастырь.

Массовый бытовой материал из поселений восточной Таврики и Таманского полуострова, а также инвентарь погребений из Тиритаки⁵ и из Планерского (хотя и ограниченный по объему) позволяют говорить об определенной общности культуры этих поселений. По всему своему облику она связывается с культурой салтово-маяцких городищ, что уже отмечено в литературе,⁶ и ничего общего с Византией не имеет. Культура эта, названная по могильнику в Верхнем Салтове (район Харькова) и по городищу Маяцкому (верховья Дона), была широко распространена по всему юго-востоку нашей страны, к югу от лесостепной полосы — на Дону, Донце, в Приазовье, на Кубани, охватывая Таманский полуостров и восточный Крым. Эта общность культуры, разумеется, не обязательно означает этническое единство ее носителей, но во всяком случае указывает на теснейшую связь населения, занимавшего обширные степные пространства в бассейне Кубани, Дона и в Приазовье вообще.

В этом нас убеждает хотя бы простое сравнение многочисленных материалов из раскопок нижних слоев Саркелского городища (кстати сказать, наиболее надежно датированных IX и первой половиной X в.) и дру-

¹ См.: И. В. Я г и ч. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла. Зап. АН, т. LXXII, 1893, прилож. № 6, стр. 6, 7, 10.

² См.: МИА, № 25, стр. 100—105, 127—131, 177—180.

³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорская экспедиция 1950 г. КСИИМК, вып. XIV, 1952, стр. 108.

⁴ В. П. Б а б е н ч и к о в. Средневековое поселение близ села Планерское. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

⁵ См.: В. Д. Б л а в а т с к и й. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. МИА, № 4, 1941, стр. 61—74.

⁶ И. И. Л я п у ш к и н. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, № 6, 1941, стр. 228.

гих поселений в районе станицы Цымлянской с керамикой из Тиритаки, Илурата или из поселения Планерского: близость и даже идентичность форм, состава глиняного теста (с примесью песка или толченых раковин) и орнаментации посуды бросается в глаза. Аналогичен и состав комплекса красноглиняной тары в виде яйцевидных амфор и кувшинов с плоскими ручками.

Но вместе с тем нетрудно выявить и определенное своеобразие крымской керамики этого рода: для нее характерны орнаментация венчиков больших пифосообразных сосудов насечками и вдавлениями, редкая в Саркале, и особенно полное отсутствие у сосудов внутренних ручек или ушек (для подвешивания посуды над очагом), столь типичных для керамики степных поселений юго-востока; эта деталь была вызвана, очевидно, условиями кочевого или полукочевого быта, при котором важнейшее значение имело скотоводство. Отсутствие на средневековых сосудах восточнокрымских поселений внутренних ручек объясняется не различной хронологией, а иным характером хозяйственной жизни, всей экономики этих поселений, в которых основное значение имело земледелие, о чем прямо свидетельствуют многочисленные находки жерновов для размола зерна в Тиритаке и у Планерского.

Этим различиям соответствует и несколько иной состав всего керамического комплекса восточнокрымских средневековых поселений, где относительно редка лощеная керамика, обычная, например, в Саркеле и в Салтове; в последнем, наоборот, отсутствуют столь характерные для Крыма высокогорные кувшины с плоскими ручками.

Отличия, и притом резкие, наблюдаются и в типе погребальных сооружений: в Салтове и в некрополе Маяцкого городища — склепы, куда ведет дромос; в восточном Крыму — выложенные плитами гробницы (в Керчи, Тиритаке, у Планерского). Этот тип погребений хорошо известен в смежном районе, на северо-восточном побережье Черного моря — в Борисовском могильнике,¹ третья группа которого, относящаяся к VIII—IX в.,² синхронна могильнику Тиритаки.

Как ни недостаточен имеющийся материал, все же можно наметить определенные особенности жилищ средневековых поселений восточного Крыма в сравнении с поселениями того же времени в районе Цымлянской, где мы не находим ни каменных оснований в виде кладок «в елку», ни саманных кладок, обычных в Крыму (например на Таманском городище); в то же время в восточнокрымских поселениях мы не встречаем глинобитно-деревянных конструкций и полуземлянок. Эти отличия коренятся, разумеется, не только в различных естественных условиях, но, очевидно, и в наличии в восточной Таврике своей, местной, давней строительной традиции.

Очень вероятно, что за всеми этими особенностями скрывается различная этническая принадлежность населения верховьев Донца и Дона (Салтово, Маяцкое и др.), с одной стороны, и восточного Крыма с прилегающим районом, с другой.

Сказанное позволяет заключить, что культура средневековых поселений восточной Таврики VIII и IX вв. не была привнесена со стороны. Наоборот, указанные особенности придают ей облик местной культуры, носители которой находились в тесном общении с населением юго-востока нашей страны — Приазовья и Северного Кавказа, но отнюдь не с Византией.

¹ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 141.

² Там же, стр. 163—165.

Чем вызвано было на первый взгляд неожиданное возрождение жизни в восточной Таврике?

Объяснение этому дает вся историческая обстановка, сложившаяся здесь в то время. Уже говорилось о том, что в начале VII в. господство Византии в Таврике вообще и в ее восточных районах в частности резко ослабело. Так продолжалось и в следующем столетии, в эпоху так называемого иконоборчества, когда Таврика стала одним из центров противодействия антимонастырской политике императоров-иконоборцев, а вместе с тем одним из очагов церковного феодализма на Востоке. Именно сюда, в Таврику, «на северные склоны Евксинского Понта», вероятно к прибрежным районам полуострова направилась сильная монашеская эмиграция,¹ несомненно ускорившая процесс становления здесь феодальных отношений. С нею, в частности, мы вправе связывать возникновение в юго-западной Таврике феодальных монастырей, о которых упомянуто выше. Внутренняя, очень накаленная обстановка в самой Византии эпохи иконоборчества и вместе с тем упорная борьба с арабами, подступившими к самой столице, а во второй половине VII в. возобновившиеся столкновения с болгарами — целиком поглощали силы византийского правительства, утратившего тогда какое-либо влияние на жизнь Таврики.²

Фактическая независимость Таврики от Византии продолжалась и в первой половине IX в., хотя номинально вся эта область не переставала числиться византийской. Крайняя напряженность внешнеполитического положения империи в те времена общеизвестна: полная утрата почти всей Италии, включенной в состав Империи Карла Великого, борьба с арабами, возобновившаяся в начале столетия и усилившаяся в 20-х годах, когда арабы опустошили все восточное Средиземноморье, завоевали Крит и Сицилию, ожесточенная борьба с болгарами, принесшая Византии в 811 г. сильное поражение, неожиданное нападение русов на Константинополь в 860 г., словом, непрерывные войны и столкновения на западных, северных и восточных границах империи, не говоря уже о внутренней социальной борьбе (восстание Фомы Славянина в Малой Азии) — все это исключало возможность восстановления власти империи в Таврике.

Но и хазары, господствовавшие в Таврике в VII и VIII вв., к концу VIII в., повидимому, уже утратили здесь значение сколько-нибудь важного фактора. Похоже на то, что их власть в Таврике в то время носила скорее номинальный характер. В IX в., в результате вторжения в северное Причерноморье мадьяр, а затем и печенегов, хазарское господство значительно ослабело,³ особенно к середине IX в., когда в Поднепровье и Причерноморье упрочилась Русь, совершавшая свои далекие походы на Византию. Западные пределы сократившегося хазарского государства находились уже не в Таврике, а на Дону. Эти пределы обозначает основанная в 833 г. пограничная хазарская крепость Саркел.⁴ Что касается сообщения пространной редакции письма кагана Иосифа, описывающего обширные размеры Хазарии в X в. (включающие и Крым, вплоть до

¹ По житию Стефана Нового (ум. в 754 г.). См.: В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 2, стр. 324, 325.

² Напомним заявление Петроны Каматира, содержащееся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (гл. 42), о том, что до императора Феофила (829—842) в Херсоне не было византийского стратига, т. е. представителя византийской власти, и что в городе существовало местное самоуправление. Тем более отсутствовала византийская власть на Боспоре.

³ Повидимому того же взгляда относительно слабости хазарского государства уже в IX в. придерживается и Б. А. Рыбаков (Русь и Хазария. Сб. «Акад. Б. Д. Грекову», М., 1952, стр. 86).

⁴ Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 84, 85, рис. 3.

Херсона),¹ то вряд ли можно сомневаться, что большая часть их в X в. была лишь далеким воспоминанием, если не тенденциозным преувеличением.² Владение же хазарами Самкерцем, т. е. Таматархой, которую взял Олег в начале X в., отнюдь не означает обладания ими Таврикой или даже одной Керчью; к тому же Самкерц был, повидимому, весьма непрочным хазарским форпостом: русы его взяли без всякого сопротивления.

Ослабление хазар в Таврике началось, вероятно, еще в конце VIII в. Во всяком случае таким предприятиям, как поход на южное побережье в начале IX в. русской рати легендарного князя Бравлина («плени от Корсуня до Корча»),³ хазары, как видно, препятствовать уже не могли.

Ослабление хазарского господства в восточной Таврике и независимость Таврики от Византии не могли не повлечь за собой важных последствий. Разоренное хазарами население этого района (а факт разорения доказывается тем, что жизнь в поселениях прекратилась именно в период появления здесь хазар) в условиях господства полукочевников хазар не могло вновь подняться и преодолеть те преграды для своего развития, которые ставили ему завоеватели, действовавшие здесь, по всей вероятности, как и всякие иные завоеватели-степняки: обращали часть населения в рабов, другую облагали поборами, парализуя производство и обмен.

Ликвидация этих сил, враждебных местному населению, создавала новую обстановку, благоприятствовавшую возрождению края. И действительно, во второй половине VIII—начале IX в. ожили земледельческие поселки в прибрежной полосе восточной Таврики. К побережью потянулось, вероятно, и новое население. Рост поселений дал толчок для внутреннего обмена, возродилось ремесло. Проследить ход этого процесса пока еще невозможно, ибо археологическое изучение восточного Крыма этого времени еще только началось. Но самый факт возникновения здесь поселений указывает на интенсивность этого процесса. О степени его интенсивности свидетельствует возникновение именно в то время крупного центра гончарного ремесла близ Судака (ок. с. Морского), причем вряд ли он был единственным.

Но, освободившись от хазар, Западная Таврика вскоре вновь оказалась под пятой чужеземцев. Византия на протяжении более чем двух столетий — с начала VII почти до середины IX в., — не имевшая большого влияния в северном Причерноморье, с организацией херсонской фемы (30-е годы IX в.) вновь закрепились в Таврике, однако на этот раз на более ограниченной территории, уже не охватывавшей ни Боспор, ни восточную часть полуострова: дальше Херсона и его юго-западного района («херсонские климаты») византийская власть уже, повидимому, не распространялась. Так, в Паннонском житии Константина (Кирилла) Философа говорится, что он, узнав об осаде «христианского града» хазарским воеводой (а остатки хазар продолжали, безусловно, находиться в Крыму и в это время и позднее), поспешил из Херсона туда, причем из контекста ясно, что речь идет о близкой к Херсону территории.⁴

С организацией херсонской фемы Херсон вновь приобрел значение византийского форпоста в северном Причерноморье, хотя опять, как показали дальнейшие события, ненадолго.

¹ П. К. К о к о в ц о в. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 102; ср. стр. 109, прим. 30.

² Б. А. Р ы б а к о в. Русь и Хазария, стр. 77, 83, 86. — На анахронизм близкого к пространной редакции кембриджского документа указывает и П. К. Кюковцов (указ. соч., стр. XXXII, XXXIII).

³ См.: В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. III, стр. CXXXIX—CXLI.

⁴ П. А. Л а в р о в. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 12 и 49.

Меры, принятые Византией для охраны Херсона, предотвратили разгром его печенегами. Но важно отметить, что в конце IX в., а может быть в начале X в., прекратили существование те самые поселения на южном берегу и в восточной части Таврики, о которых только что говорилось. Не печенежскими ли набегами были опустошены эти районы? Так или иначе, мы пока не знаем там поселений, продолжавших существовать после X в. Об этом ясно свидетельствует археологический материал из указанных поселений восточного Крыма.¹

Однако набеги печенегов перемежались и с периодами их мирных отношений с Херсоном; византийские агенты, действовавшие из Херсона, стремились всячески умиротворить печенежских вождей, ибо «когда император Ромейский живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать нападений на Ромейскую державу», зато печенеги, «связанные дружбой с императором, легко могут напасть на землю Русов и Турков».²

Вот, следовательно, что внушало опасения и раздражало Византию — древнерусское государство, Русь, для которой северное Причерноморье уже издавна было близкой областью. Великие славянские реки, Днепр и Дон, как бы влекли Русь к Черному морю (вспомним сообщения ибн-Хордадбега и Масуди конца IX и начала X в.). Для Руси продвижение к Черному морю было одним из проявлений самого процесса формирования государства, но на ее пути стояла Византия, укрепившая в IX в. свое господство на таврическом побережье путем создания херсонской фемы. В этом, можно думать, и таятся истоки той борьбы Руси с Византией, которую раскрывают нам источники X в.

Однако Византия не в силах была преградить путь древнерусскому государству к Черному морю. Вряд ли можно сомневаться, что уже тогда, не позже середины X в., зародилась и русская Тмутаракань.³

В середине X в. владения Руси в Таврике, судя по русско-византийскому договору 945 г., находились в соседстве с «Корсунской страной», которую князь Игорь обязывался защищать от набегов «черных болгар», т. е. со стороны Приазовья. Это соседство с Русью представлялось византийским правителям серьезной и большой опасностью, о которой предупредил своего сына Константин Багрянородный. За время со второй половины IX и до середины X в. влияние Руси в Причерноморье резко возросло и особенно усилилось при Святославе, когда близилось к завершению образование могущественного Русского государства.

В X в. Русь была связана и с самим Херсоном: с ним русские вели, повидимому, оживленную торговлю теми продуктами, которые давали полюдь и дани. В X в. вели с Херсоном оживленную торговлю и печенеги, свозившие туда продукты своего скотоводческого хозяйства в обмен на

¹ Правда, на карте Идриси 1154 г. значится ряд поселений в этом районе: Джа-лита, Гарзуна, Бертабитн (Партенит), Лебада (Ламбат), Шалуста (Алушта), Солдайя (Судак), Бутра (вероятно Феодосия), Руспя (Керчь) (см. последнюю работу о карте Идриси: Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 18, 19). Однако про некоторые из поселений можно наверное сказать, что они ко времени Идриси уже не существовали (мы имеем в виду Гурзуф и Партенит). Средневековые слои в остальных или не исследованы (Ламбат, Ялта, Керчь), или дали материалы только IX—X и XIV—XVI вв. (Алушта), либо только XIV и XV вв. (Феодосия). Очень возможно, что Идриси для этого района Причерноморья пользовался данными арабских географов IX и X вв., а не сведениями своих современников.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей, гл. 4.

³ См.: А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории восточной Европы X в. Истор. записки, вып. 6, 1940, стр. 90 и сл.

изделия местного и заморского ремесла.¹ Городское ремесло Херсона вновь обрело рынок сбыта и благодаря этому возродилось. Торговые связи с Русью, а также с печенегами и соответственно усилившийся спрос на ремесленную продукцию, с одной стороны, и оживление экономических связей с Малой Азией как отражение общего подъема в Византии, в частности в ее восточных провинциях, с другой,— все это определило возрождение города и его развитие (на что ясно указывает археологический материал), продолжавшееся до тех пор, пока действовали определившие этот подъем факторы.

Русские люди, повидимому, регулярно бывали в Херсоне; в X в. они не впервые с ним познакомились. Вспомним того «человека... глаголюща тою беседою», т. е. владевшего русским языком, которого в 60-х годах IX в. встретил там Константин (Кирилл) Философ.²

Между тем борьба Русского государства с Византией за свои коренные интересы на Черном море не утихла. С течением времени она обострилась, особенно после поражения Святослава при Доростоле в 971 г., когда император Цимисхий навязал Святославу тяжелый и унижительный договор, фактически пресекавший доступ Руси к Черному морю. Это не могло не усилить русско-византийского антагонизма. Борьба с Византией достигла своего кульминационного пункта. Спустя 18 лет, в 989 г., она привела к походу Владимира на Корсунь, т. е. по существу к русско-византийской войне.

Эта война, как известно, окончилась поражением Византии и крушением ее владычества в Херсоне и в Таврике вообще. Поход Владимира на Корсунь освободил Таврику от византийского господства и тем самым способствовал укреплению русской государственности в северном Причерноморье. Наконец, это позволило заключить с Византией равноправный договор, что не могло не поднять международный престиж древней Руси. Правда, Византии удалось после этого продержаться некоторое время в Херсоне, но только в нем; если она и удерживала другие районы Таврики (имеем в виду Судак, на что может указывать херсонская надпись 1059 г. Льва Алпата),³ то очень недолго (в последние десятилетия того же XI в. Судак был уже в обладании половцев). Стремление византийских императоров считать и остальную Таврику своим владением, а по свидетельству официальных документов даже распоряжаться ею (в договорах с генуэзцами 1169 и 1192 гг.) уже не имело никакого реального основания. Да и в Херсоне византийская власть в XI в. уже не имела ни прежней силы, ни прежнего значения.

В XII в. византийская власть в Херсоне ощущалась еще слабее, а в начале XIII в., в 1204 г., сама империя потерпела крах. К тому же и сам Херсон в XI в. вступил в полосу тяжелого упадка, от которого никогда уже не смог оправиться. Причины этого упадка, как указывалось,⁴ стоят в связи именно с тем, что прекратилось действие тех самых факторов, которые в X в. вызвали в жизни ремесло города и общий подъем его. Русские купцы теперь направили свою торговлю во вновь упроченный русский центр на Черном море — Тмутаракань; вследствие этого торговля Руси с Корсунью ослабела. Одновременно с этим прервались и связи Херсона с печенегами, которых теснили торки и половцы. Херсон лишился

¹ Как указывает Константин Багрянородный, «если херсониты не будут ездить в Романию и продавать шкуры и воск, которые скупают у печенегов, то не могут жить» (Об управлении империей, гл. 53).

² См.: П. А. Лавров, ук. соч., стр. 12 и 49.

³ См.: В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из юга России. СПб., 1896, № 8, стр. 16, и сл.

⁴ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА. № 17, 1950, стр. 17.

всего, что еще незадолго перед тем питало город и составляло основу его экономики: резко сократился рынок сбыта для ремесленников, заглохла торговля. Город захирел.

Новая обстановка в Таврике, с перемещением экономического центра в восточную часть ее, обрекла город на прозябание.¹

Настоящий обзор истории раннесредневековой Таврики, соответственно поставленной задаче, хронологически ограничен X в. Поэтому вне рамок статьи оказалась русская Тмутаракань, ставшая в XI в. вместе с русским же Корчевым средоточием жизни тогдашнего восточного Крыма и примыкающего к нему Таманского полуострова. Остались нерассмотренными и тесные связи остальной Таврики с древнерусским государством в XI—XIII вв., когда русская культура достигла исключительного развития, а Русь превратилась в одну из наиболее культурных и могущественных стран Европы. В XI—XIII вв. особенно ясно ощущаются тесные связи Руси с Херсоном, где в те времена, возможно, существовал особый русский квартал.² Изделия русского ремесла (пряслица из овручского шифера, русские кресты, посуда поднепровских гончаров и пр.) нередко встречаются в Херсоне, а изделия херсонских ремесленников (медные цепи от хоросов, поливная посуда) находят в Киеве.

В данной статье мы акцентировали свое внимание на Византии — ее роли в жизни раннесредневековой Таврики. В этом отношении пролеженные нами самые общие контуры истории края того времени позволяют прийти к следующему заключению.

Прежде всего не следует преувеличивать длительность византийского владычества в Таврике, которое продолжалось далеко не все средневековье, но лишь с конца V по начало VII в. и со второй половины IX по конец X в., притом с течением времени территория, подвластная Византии, все больше сокращалась.

Уже говорилось, что Херсон в течение определенного времени являлся центром византийских владений в Таврике и византийским форпостом в северном Причерноморье и что в VI в. и позднее, в X в., город переживал несомненный экономический подъем. Однако было бы глубоким заблуждением относить этот подъем за счет благотворного влияния византийского господства. В VI в. возрождение и развитие Херсона прежде всего объяснялись наличием большого земледельческого населения в юго-западном нагорном Крыму; спрос на изделия городского ремесла Херсона дал толчок к развитию его ремесленного производства, иначе говоря, к развитию всей экономики города. Усилившийся обмен вызвал необходимость выпуска собственной монеты. В то же время свозившиеся в Херсон продукты земледелия и скотоводства (от кочевников) служили основными предметами вывоза отсюда в Малую Азию. Только здесь Херсон вплотную входил в круг собственно византийской экономики, которая безусловно имела очень существенное, но отнюдь не решающее значение в жизни города. Мы вправе утверждать, что экономическое преуспевание Херсона стояло в зависимости прежде всего от местных процессов и местных сил, а не от Византии, господство которой в целом скорее тормозило этот процесс, чем способствовало ему. Византия узурпировала часть производительных сил края, прежде всего самих непосредственных производителей, сгоняя их на постройку больших крепостей и христианских базилик, мобилизуя их в качестве наемного войска, присваивая материальные ресурсы края

¹ Об этом периоде подробнее см. там же, стр. 17 и сл.

² См.: МИА, № 34, 1953, стр. 147—148.

путем всяческих поборов и налогов — натурой и деньгами, шедших на прокормление византийских гарнизонов, на строительство крепостей, да, вероятно, и на вызов в метрополию.¹ Вряд ли Таврику миновала та непосильная налоговая система, которую византийское правительство Юстиниана I вводило всюду, где закреплялась его власть, например принудительная скупка хлеба и пр., о чем рассказывает Прокопий.² Все это не могло не тормозить развития экономики земледельческой Таврики. Византийские правители, как сказано, преследовали здесь главным образом свои военно-стратегические и политические цели; сам Херсон являлся прежде всего военным форпостом Византии на дальних подступах к империи, в связи с чем Херсон и некоторые другие города Таврики были укреплены. Господство над местным населением и его эксплуатация обеспечивали осуществление военно-стратегических и политических задач Византии. В такой обстановке византийское господство, понятно, не могло не породить и действительно порождало антивизантийские настроения в городе и деревне, о чем, хотя и косвенно, свидетельствуют приводившиеся факты.

Однако сказанное отражает лишь один аспект интересующего нас большого вопроса, который, разумеется, нельзя рассматривать односторонне. Следует иметь в виду, что те же византийские крепости с их гарнизонами, высасывавшие силы у местного населения и создававшиеся, можно сказать, на костях его, служили вместе с тем существенным заслоном от набегов кочевников, прежде всего гуннов, которые, повидимому, так и не смогли преодолеть систему укреплений в юго-западной Таврике. Византийские укрепления, возможно, предотвратили разгром этого района гуннами. Огромный размах византийского строительства в Херсоне в VI в. (крепостные стены, храмы-базилики), потребовавшего большой концентрации рабочих рук, в свою очередь не мог не повлиять на рост определенных отраслей ремесленного производства Херсона и несомненно способствовал оживлению всей городской жизни. При общей оценке роли Византии в Таврике все это также должно быть учтено: иначе мало-мальски конкретная картина рискует превратиться в отвлеченную схему.

Если обратиться к последующему периоду, к VIII и IX вв., когда в восточной Таврике интенсивно возрождалась жизнь, то, как сказано, одним из наиболее важных факторов этого процесса было освобождение Таврики от византийской зависимости.

Подъем Херсона в X в. также находит себе достаточное объяснение в местных процессах, которые определены были экономическими связями с начинающим возрождаться после хазарского владычества юго-западным земледельческим районом Таврики. В этом подъеме большое и в течение X в. все возрастающее значение имели торговля с Русью и связи со степняками-печенегами. Последние свозили сюда, как о том свидетельствует Константин Багрянородный, шкуры и воск, добытые ими, быть может, во время набегов на Русь, а в Херсоне приобретали изделия местного и заморского ремесла. Эти русские и печенежские товары далее сбывались в города Малой Азии, о посреднической торговле с которой Херсона столь же определенно говорит Константин Багрянородный. Несомненно, что торговля эта являлась для Херсона жизненно важной. Как видим, и на этот раз не Византия определила процесс экономического оживления юго-западной Таврики. Скорее наоборот, Византия тормозила его своей поли-

¹ На это прямо указывает надпись императора Зинона (488 г.). См.: В. В. Л а т ш е в, указ. соч., стр. 10 и сл.

² П р о к о п и й К е с а р и й с к и й. Тайная история, XXIII (русск. пер. С. П. Ковдратьева. ВДИ, 1938, № 4, стр. 336, 337).

тикой беспощадного финансового гнета, который возбуждал ненависть населения, приводившую к городским восстаниям. Византия тормозила развитие края и своим противодействием русскому продвижению к Черному морю, противодействием русско-корсунским сношениям, в том числе и торговым связям. Это явствует хотя бы из русско-византийских договоров, в которых ясно сказалась такая тенденция.

Но и здесь следует иметь в виду другую сторону вопроса. Несомненно, что Византия, создав херсонскую фему и закрепившись в Херсоне, предотвратила разгром города и окружающего района печенегами, чего, по видимому, не удалось избежать восточным районам полуострова. Кроме того, торговля с Малой Азией, имевшая, бесспорно, важнейшее значение в хозяйственной жизни Херсона, могла развиваться благодаря экономическому возрождению самой Малой Азии в X в., а это последнее явление относится уже к сфере собственно византийской экономики.

Резюмируя сказанное, мы можем констатировать, что в основе экономического развития Херсона и примыкающих к нему районов лежали местные процессы, совершавшиеся не благодаря господству Византии, а вопреки ему, вопреки византийской политике в Таврике, носившей характер насильственного подчинения края, вопреки ее политике эксплуатации местного населения в своих политических целях. В то же время Византия, господствуя в Херсоне, охраняла его от нашествия варваров-кочевников, что объективно отзывалось положительно на жизни всего края.

Византия так и не смогла привить массе местного населения Крыма свою культуру, которая действительно ощущалась лишь в самом Херсоне. Весьма туго насаждалось и христианство. То и другое воспринималось преимущественно верхушкой общества — племенной знатью, сплошь и рядом переходившей на службу к Византии, в то время как масса населения была настроена резко антивизантийски.

Наконец, сделанный обзор показывает, как постепенно нарастала сила Руси в северном Причерноморье, как противодействовала этому Византия, — начиная с организации херсонской фемы, далее путем натравливания печенегов на Русь, что вообще характерно для византийской дипломатии, — и как назревало военное столкновение молодого Русского государства со старой, дряхлевшей империей. Из этой вековой борьбы победителем вышло древнерусское государство — Киевская Русь.

А. П. К А Ж Д А Н

ВИЗАНТИЙСКИЕ ГОРОДА В VII—XI вв.

Вопрос о характере византийского города не один раз ставился буржуазными историками. Всячески подчеркивая «мировой размах» византийской торговли и промышленности, такие исследователи, как Г. Миквиц и Р. С. Лопес, по существу отождествляют систему производства в Византии и в современном капиталистическом мире.¹ Тем самым они стирают грань между капитализмом и простым товарным производством, существовавшим при феодализме.

В то же время другие исследователи (Л. Хартман, Ж. П. Вальцинг, А. Штэкле, а в последнее время — К. Дитерих и Н. Иорга)² рассматривают византийские города как непосредственное продолжение античных городов и, в частности, выводят византийские цехи непосредственно из римских коллегий. Эта точка зрения была особенно отчетливо развита А. П. Рудаковым, который утверждал, что «Византия может рассматриваться как агрегат извечных городских общин-полисов».³

Как та, так и другая точка зрения не могут быть приняты советскими историками. За последние годы в нашей литературе появился ряд работ о византийском городе. Как правило, эти работы — при всем расхождении между их авторами⁴ — страдают одним общим недостатком: в основу исследования в них положен неоднократно уже использованный скудный материал так называемой «Книги епарха», охватывающий к тому же только Константинополь. Поэтому особенно следует приветствовать появление статьи Е. Э. Липшиц,⁵ которая впервые попыталась сломать традиционные рамки и дать характеристику византийского города на ином — как письменном, так и археологическом материале.

Однако если метод исследования в работе Е. Э. Липшиц представляется мне совершенно правильным, то с выводами ее я не могу согласиться.

¹ Критический разбор этой концепции см.: А. П. Каждан. «Lopez, Robert Sabatino. Silk industry in the Byzantine Empire» (Sp., XX, I, 1925). ВВ, т. III, 1950, стр. 291, 292.

² K. Dieterich. Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels. BZ, Bd. 31, 1931, S. 37; N. Iorga. La vie de province dans l'Empire byzantin. Atti V Congr. Intern. di Studi Biz., 1, 1939, p. 206 sq.

³ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агрографии. М., 1917, стр. 72. — Ср.: там же, стр. 109, 110.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в нач. X в. ВВ, т. IV, 1951; А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. ВВ, т. VI, 1953.

⁵ Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии VIII—IX вв. ВВ, т. VI, 1953.

Подчеркивая наличие развитого городского ремесленного производства как в VI, так и в X в., Е. Э. Липшиц утверждает, что и в VIII и IX вв. Византия поддерживала развитые торговые связи с халифатом и славянскими странами,¹ что многолюдные города вели в это время интенсивную жизнь.² Исследовательница нигде не подчеркивает отличия городов этого периода ни от более ранних, ни от более поздних.

Для доказательства своей точки зрения относительно интенсивной жизни городов VIII и IX вв. Е. Э. Липшиц оказывается вынужденной прибегать к источникам, относящимся к другим эпохам. Так, использованный ею археологический материал, характеризующий город Стоби, относится к IV—VI вв. Для характеристики Nikei автор привлекает известия XIII в.,³ а для характеристики Эноса — свидетельство писателя XV в.⁴ К гораздо более позднему времени относится и экономический подъем Брусы, о котором Е. Э. Липшиц говорит, не приводя никаких данных.⁵

Все это заставляет еще раз вернуться к рассмотрению судеб византийского города. В настоящей статье я не ставлю себе задачей всестороннюю характеристику городов Византийской империи VII—XI вв. В частности, в ней не будут рассмотрены ни техника ремесленного производства, ни организация ремесленников и торговцев, ни социальный состав городского населения. Задача настоящей статьи гораздо уже: выяснить, вправе ли мы говорить о непрерывности традиций в развитии византийского города этого времени, о том, что византийские города X и XI вв. были непосредственными преемниками античных полисов.

Этот вопрос не может быть разрешен на материале письменных памятников, свидетельства которых противоречивы и по большей части неопределенны. До нашего времени сохранились различные списки византийских городов IX и X вв.: это прежде всего разнообразные *Notitia episcopatum* и список городов в сочинении Константина Багрянородного «О фемах». Эти списки перечисляют сотни византийских городов,⁶ и если считать, что эти документы отражают реальную действительность, то мы действительно должны будем вместе с А. П. Рудаковым признать Византию «агрегатом полисов».

Однако арабские географы рисуют совершенно иную картину: ибн-Хордадбех знает только пять малоазийских городов империи: Эфес, Nikeю, Аморий, Анкиру и Самалу; кроме того, он упоминает развалины города Никомидии.⁷ Когда араб Гарун-ибн-Яхья в конце IX или в начале X в. проезжал через Малую Азию (он был взят в плен византийцами), то на пути из Атталии в Константинополь он встретил только один многолюдный город — Никию (Конию, по предположению А. Васильева) и один маленький — в районе р. Сангарий; в то же время он говорит о большом числе сел.⁸

¹ Там же, стр. 113—117.

² Там же, стр. 128 (о Стоби), 129 (о Коринфе).

³ Там же, стр. 129, прим. 5.

⁴ Там же, стр. 126, прим. 2.

⁵ Там же, стр. 130, прим. 1.

⁶ А. П. Рудаков (указ. соч., стр. 73) насчитал на основании *Notitia episcopatum* 390 византийских городов. Странным образом эта сумма получается у него от сложения 33+356+34!

⁷ H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, S. 82 u. f. — Место, где находилась Самала, не определено.

⁸ A. Vasiliev. Harun-ibn-Yahya and his description of Constantinople. SK, 5, 1932, p. 154. — О времени путешествия Гарун-ибн-Яхьи см.: G. Ostrogorsky. Zum Reisebericht des Harun-ibn-Yahya. SK, 5, 1932.

Сопоставляя эти разноречивые известия, следует отдать предпочтение арабским авторам. Дело в том, что сочинение Константина Багрянородного «О фемах» отражает в гораздо большей степени литературную традицию, нежели реальную действительность: города, о которых говорит Константин, это античные города, известные ему по описаниям древних географов.¹ Что же касается *Notitia episcopatum*, то они перечисляют не города, а епископские кафедры, что, разумеется, не всегда совпадало в условиях раннего средневековья.

Нарративные памятники (прежде всего агиографические) содержат кое-какой материал, проливающий свет на интересующую нас проблему, однако гораздо более важную роль в освещении ее должны играть данные нумизматики и археологии.

Монета, которая в свое время была средством обмена, в руках историка становится свидетельством оживленности обмена: обилие монет, добытых при раскопках того или иного города, может служить серьезным аргументом, доказывающим наличие здесь товарного производства. Хронологическая определенность, присущая нумизматическому материалу, выгодно отличает его от многих типов исторических источников. Наконец монетные находки дают массовый материал, более или менее равномерно распространяющийся и во времени и в пространстве.

Издания византийских монет можно разделить на два типа: каталоги и публикации находок (раскопок или кладов). Каталоги больших собраний содержат описания многих сотен монет и позволяют более или менее ориентировочно представить интенсивность чеканки монеты в тот или иной период византийской истории. По данным каталога Британского музея,² византийские монеты распределяются следующим образом:

Время	Число лет обращения монет	Число монет	Отношение числа монет к числу лет обращения монет
От Анастасия I до Маврикия (491—602)	111	1349	12.3
От Фоки до Константина IV (602—685) . . .	83	1134	13.7
От Юстиниана II до Михаила II (685—829)	144	423	2.9
От Теофила до Никифора II Фоки (829—969) .	140	226	1.6
От Иоанна Цимисхия до Никифора III (969—1081)	112	283	2.5
От Алексея I Комнина до Алексея III (1081—1195)	114	349	3.0

Для сопоставления приводим данные по каталогу И. И. Толстого:³

Время	Число лет обращения монет	Число монет	Отношение числа монет к числу лет обращения монет
От Анастасия I до Маврикия (491—602)	111	1578	14.3
От Фоки до Константина IV (602—685)	83	1129	13.6
От Юстиниана II до Михаила II (685—829)	144	532	3.7
От Теофила до Михаила III (829—867) .	38	72	1.9

¹ К. К r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 253 u. f.

² W. W r o t h. Catalogue of the imperial byzantine coins in the British Museum. London, 1908.

³ И. И. Т о л с т о й. Византийские монеты. СПб., 1912—1914. (Охватывает время только включая Михаила III).

Рассматривая данные этих каталогов, можно предположить, что на рубеже VII и VIII вв. Византийская империя пережила какие-то существенные экономические изменения, которые отразились в уменьшении интенсивности чеканки монеты. Однако это заключение остается пока гипотетичным и нуждается в самой серьезной проверке. Дело в том, что коллекции монетных находок всегда носят субъективный, случайный характер: в частности, чем более широко распространен тот или иной вид монеты, тем меньший интерес представляет он для коллекционера, и поэтому в коллекциях относительно большое место должны занимать редкие монеты. Кроме того, монета последних веков империи, чеканенная Комнинами и Палеологами, привлекает меньшее внимание коллекционеров, нежели более ранняя монета. Все эти факторы, естественно, искажают картину, и потому данные каталогов должны быть проверены на материале публикаций раскопок и кладов.

К сожалению, эти публикации в настоящее время далеки от совершенства. Лишь в редких случаях можно пользоваться данными раскопок византийских городов (Херсон, Афины, Коринф, Пергам и некоторые другие); в большинстве случаев приходится ограничиваться случайными находками. Каталог монетных находок Моссера¹ вышел в 1935 г.; все позднейшие публикации в нем отсутствуют. Кроме того, он имеет значительные пропуски,² а в некоторых случаях дает чересчур глухие и неясные известия о находках, определяя число монет в килограммах или не указывая их даты. Поэтому несомненно прав В. Лоран, отмечая, что назрела необходимость издания нового полного каталога, снабженного к тому же картой.³

В силу этого все последующие рассуждения и подсчеты могут носить предварительный и ориентировочный характер, хотя мне кажется, что сама массовость монетных находок служит известной гарантией справедливости выводов, которые строятся на анализе нумизматического материала.

Рассмотрим прежде всего распространение византийских монет за пределами империи (в границах VIII—X вв.).

По данным Моссера, в Северной Африке было обнаружено 66 монет VI в. и около 500 монет VII в., большинство которых принадлежит императору Ираклию. Обилие здесь монет Ираклия обусловлено, повидимому, тем, что эта область являлась его опорной базой во время борьбы за Константинополь и после его прихода к власти связи между Константинополем и Африкой стали чрезвычайно интенсивными. После завоевания арабами (690—709) Африка была отрезана от Византии, поэтому исчезновение здесь византийской монеты может быть объяснено политическими причинами.

В Италии Моссер отмечает около 600 монет VI в., 129 монет VII в. (к этому следует прибавить новую находку в Ракальмудо: 205 солидов конца VI и начала VII в.⁴), 43 монеты VII—начала VIII в. (начиная с Тиберия III), 73 монеты IX—начала X в. (от Феофила до Льва VI). К более позднему времени относится лишь одна находка — 16 монет XI в. При этом следует указать, что в ряде случаев Моссер или не датирует монет, или не указывает числа их.

¹ S. M. A. M o s s e r. A bibliography of byzantine coin hoards. New York, 1935.

² Мне, к сожалению, осталась недоступной рецензия Ф. Дворжака (F. Dworschak, Numismat. Ztschr., 68, 1935), дополняющая книгу Моссера.

³ V. L a u r e n t. Bulletin de numismatique byzantine. Rev. Études Byzant., t. 9, 1951 (1952), p. 225.

⁴ См.: BZ, Bd. 42, 1942, S. 359.

В бывших византийских владениях на востоке (Египет, Палестина, Сирия) последние монеты, как правило, чеканены Ираклием; по данным Моссера, свыше 500 монет датированы VI в. и около 300 относятся ко времени Фоки и Ираклия; кроме того, отмечена одна монета Константа II (клад из Саккара). Новые находки внесли некоторые коррективы в эту картину: в Гераше был обнаружен клад монет, чеканенных императорами VI и VII вв., в том числе и Константином II; близ Каира была найдена одна монета Никифора I (802—811). Эти находки свидетельствуют, что известные экономические связи между империей и потерянными ею восточными провинциями еще поддерживались в VII—IX вв., хотя, насколько можно судить на основании монетных находок, они вряд ли были значительными. Другой характер носит находка в Тель-Ачана (Северная Сирия): 83 монеты конца X и XI вв. являются свидетелями византийского проникновения в северную Срию.¹

Во Франции, Бельгии и Голландии Моссер отмечает 461 монету VI в.: кроме того, он говорит о двух кладах монет V—VI в. (до Юстиниана I), не определяя точно числа монет. К более позднему времени относятся только 4 монеты (Фоки и Ираклия). Число кладов в Германии довольно значительно, хотя количество монет, как правило, не велико: Моссер отмечает два клада V—VI вв. с общим числом около 200 монет; кроме того, он указывает находки 23 монет VI в. В отличие от Франции в северных областях Германии встречаются монеты X в. Особое место среди германских кладов занимает находка в Ольденбурге: здесь найдены монеты от Юстиниана I до Михаила III (VI в. — 10 шт., VII в. — 120 шт., IX в. — 41 шт.).

Большое количество кладов византийских монет было обнаружено в скандинавских странах, особенно на о. Готланд. Они распадаются на две группы: первая относится к VI в. (главным образом монеты Анастасия I), вторая — к X и началу XI в.² Исключение составляет лишь один клад в Норвегии (Hov Farm), где были найдены одиночные монеты Льва III и Михаила III.

Аналогичное распределение монет наблюдается и в Восточной Европе:³ здесь встречаются монеты VI и VII вв. (преимущественно в Поднепровье и в дельте Дона)⁴ и монеты X в. (главным образом в верховьях Днепра и Волги, в районе Новгорода, в Эстонии и Польше). Находки на Алтае показывают такое же распределение монет (VI и X вв.).⁵

Таким образом, можно было бы предположить, что экономические связи Византии с северными странами в основном прекратились в VI в. (с областями по Днепру и Дону, видимо, в VII в.)⁶ и возобновились в X в., охватив при этом более широкий район.

¹ См.: BZ, Bd. 39, 1939, S. 581; BZ, Bd. 43, 1950, S. 491.

² Ср. наблюдения Гольста (H. Holst) относительно Норвегии (BZ, Bd. 45, 1952, S. 249).

³ См.: Р. Р. Ф а с м е р. Список монетных находок. Сообщ. ГАИМК, т. I—II, 1926—1929.

⁴ Находки византийских монет VIII в. очень редки. См.: Р. Р. Ф а с м е р. Заваляшинский клад куфических монет. ИГАИМК, т. VII, вып. 2, 1931. — Ср. также: Б. А. Рыбаков. Ремесло в древней Руси. М., 1948, стр. 103; В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ села Планерское. КСИИМК, вып. XLIX, стр. 110.

⁵ С. В. К и с е л е в. Находки античных и византийских монет на Алтае. ВДИ, 1940, № 3—4. — Ср. замечания А. Н. Зографа («Нумизматические статьи, помещенные в № 3—4 „Вестника древней истории“ за 1940 г.»). КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 151).

⁶ Я не могу понять, почему В. Довженок и М. Брайчевский (О времени сложения феодализма в древней Руси. ВИ, 1950, № 8, стр. 71) полагают, что в VI и VII вв. денежные клады «исчезают вовсе».

Византийские монеты встречаются в областях по Дунаю, при этом особенно часто в его нижнем течении, на территории современной Болгарии.¹

В Венгрии (и соседних областях), по данным Д. Чаллань, зарегистрировано 26 находок монет VI в. и 30 находок монет VII в. [последние монеты — Константина IV Погоната (668—685)²]; к VIII в. относится только одна монета Льва III, найденная в Пазманде.³ С X в. число кладов значительно увеличивается.⁴ Встречаются в Венгрии и находки монет XI и XII вв.⁵ Примерно такая же картина и в Болгарии: среди огромного количества монетных находок, отмеченных Моссером и Т. Д. Герасимовым,⁶ только три монеты датируются VIII и IX вв., остальные определяются либо VI—началом VII в. (кончая Ираклием), либо X—XIV вв. Среди этой группы подавляющее большинство составляют монеты Комнинов (свыше 40 кладов с тысячами монет — точный подсчет невозможен). В Румынии, по неполным данным Моссера, насчитывается: VI в. — 40 монет, конца X—XI в. — 105, времени Комнинов — свыше 500.⁷

Следовательно, можно считать, что экономические связи Византии с областями по Дунаю значительно ослабели в середине VII в. Они возрождаются в X в. и достигают особенной интенсивности в XI и XII вв.

В Закавказье наблюдается примерно такая же картина:⁸ клады монет VI и VII вв. сравнительно многочисленны (около 30, причем последние монеты Юстиниана II); монет VIII в. значительно меньше — всего 6, причем все они чеканены императором Львом III (717—741); IX веком датируется одна монета; 10 кладов содержат монеты X в.; значительно большее количество кладов с монетами XI в. (свыше 30 кладов), и число монет в них также выше.

Подведем итоги. Рассмотрение кладов византийских монет VI—XII вв., найденных за пределами собственно византийской территории, позволяет предположить, что экономические связи империи с соседними странами резко сократились с конца VII в. В одних случаях это произошло несколько раньше, в других — немногим позднее. Во всяком случае можно констатировать, что византийские монеты VIII и IX вв. не встречаются почти нигде, за исключением Италии.

Разумеется, это не значит, что византийские товары не проникали в это время в соседние страны. Торговые отношения с Болгарией были урегулированы специальным договором 716 г., однако торговля с Болгарией носила сравнительно ограниченный характер и еще в начале X в. оставалась, как свидетельствует «Книга эпарха» (IX, 6), меновой. Продукция византийского ремесла IX в. (например бронзовые шаровидные пуговицы, иногда посеребренные или позолоченные) была обнаружена при раскопках в Моравии.⁹ Через Италию византийские ткани прони-

¹ V. Laurent, указ. соч., стр. 221.

² См.: Д. Чаллань. Византийские монеты в аварских находках. Acta Archaeol. Acad. Sci. Hungar., t. II, 1952, p. 240. — Прекращение притока византийской монеты в области к северу от Дуная Д. Чаллань (указ. соч., стр. 241 и сл.) связывает исключительно с внешнеполитическими событиями, а именно с вторжением протоболгар.

³ Там же, стр. 238.

⁴ Там же, стр. 241, прим. 70.

⁵ См.: BZ, Bd. 32, 1932, S. 233.

⁶ Т. Д. Герасимов. Коллективные находки на монеты. Изв. Българ. Акад. наук, № 11—13, 1937—1939 (1941).

⁷ К этому следует прибавить монеты, найденные при раскопках крепости Диногеция, и некоторые другие.

⁸ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I—V. Баку, 1926—1949.

⁹ J. Poulik. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, str. 55, 56. — Ср. также стр. 54 и 95. Впрочем, приводимые И. Поуликом данные не могут служить неопровержимым доказательством наличия торговли между Моравией и Византией в IX в. «Визан-

кали и в Западную Европу. Так, в сокровищнице Санского собора хранятся византийские ткани, которые издатель датирует VIII—IX вв.¹ Западноевропейские хроники и жития нередко упоминают привозные ткани.² Если Карл Великий порицал тех «глупейших из смертных», которые рядились в драгоценные шелковые одеяния,³ то Карл Лысый (840—877), наоборот, сам охотно облачался в роскошные одежды византийских императоров.⁴

Таким образом, экономические связи Византии с соседними странами в VIII и IX вв. не исчезли вовсе, однако резкое сокращение количества находок византийских монет в этих странах, точнее сказать — почти полное их исчезновение, свидетельствует об ослаблении этих связей.

Ослабление или прекращение этих связей в отдельных случаях может быть объяснено политическими событиями и в первую очередь арабским завоеванием. Однако вряд ли можно в политических факторах найти причину ослабления экономических связей с Галлией или Болгарией, с Закавказьем и северным Причерноморьем. Чтобы понять эту причину, необходимо рассмотреть вопрос об изменении количества монетных находок на территории самой Византии.

Для анализа византийских монет из Греции можно пользоваться уже не случайными находками, а данными систематических раскопок в византийских городах и поселениях, благодаря которым получается гораздо более полная и достоверная картина. Привожу несколько таблиц.

*Находки монет на афинской агоре*⁵

VI в.	254 шт.	X в.	146 шт.
VII в.	736 »	XI в.	1983 »
VIII в.	71 »	XII в.	2580 »
IX в.	56 »		

Как видно из этой таблицы, количество монет, имевших хождение в Афинах, резко сокращается в VIII—X вв. и еще более резко возрастает в XI и XII вв.

*Находки монет в Коринфе*⁶

Время	Число лет обращения монет	Число монет	Отношение числа монет к числу лет обращения монет
От Анастасия I до Юстина II (491—578)	87	1004	11.540
От Тиберия II до Фоки (578—610)	32	145	4.531

тийские» вещи могли быть созданы и на месте. Соплусь на находку остатков ювелирной мастерской VII в. у Кунсентмартона (Венгрия), где мастер изготовлял характерные византийские изделия, в частности гарнитуры для поясов (BZ, Bd. 34, 1934, S. 239).

¹ E. Chartaire. Les tissus anciens du trésor de la cathédrale de Sens. Rev. l'art chrétien, t. 61, 1911. — Эта работа осталась для меня недоступной. См.: BZ, Bd. 21, 1912, S. 660.

² См.: E. Sabelle. L'importation des tissus orientaux en Europe occidentale du haut moyen âge (IX—X ss.). Rev. belge de philol. et d'histoire, t. 14, 1935.

³ MGH SS, vol. II, p. 761.

⁴ Там же, vol. I, p. 389, 500.

⁵ M. Thompson. Some unpublished bronze money of the early VIII century. Hesp, 9, 1940, p. 373, № 33. — Сама издательница монет выступает, однако, против представления об Афинах первой половины VIII в. как о деревне (стр. 377), хотя не может не признать, что население в это время значительно сократилось (стр. 374). Ее предположение о том, что 63 монеты периода 711—741 гг. были чеканены в Афинах (стр. 376 и сл.), следует считать гипотезой.

⁶ A. Von. Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951, p. 53. — Сам

От Ираклия до Константа II (610—668) . . .	58	111	1.913
От Константина IV до Никифора I (668—811) .	143	19	0.132
От Михаила I до Михаила II (811—829)	18	18	1.000
От Феофила до Михаила III (829—867) .	38	176	4.630
Василий I (867—886)	19	315	16.579
От Льва VI до Никифора II (886—969) . . .	83	3450	41.566
Иоанн Цимисхий и его пресмники (969—1034) .	65	3385	53.615
От Михаила IV до Никифора III (1034—1081)	47	4286	91.191
От Алексея I Комнина до Мануила I (1081—1180)	99	15738	158.969
От Андроника I до Алексея IV (1180—1203)	23	280	12.173

Эта таблица свидетельствует об экономическом упадке Коринфа в VII—первой половине IX в.; новый хозяйственный подъем его начинается со второй половины IX в. и становится особенно значительным в XI и XII вв.

Раскопки в Олинфе, где в средние века существовало небольшое поселение, подтверждают данные приведенных таблиц. Здесь были найдены монеты Юстиниана I (2 шт.), Юстиниана II (1 шт.), конца X—XI в. (3 шт.) и несколько более поздних. Монет VIII и IX вв. здесь нет.¹ Случайные находки на территории Греции и на островах Эгейского моря, по Моссеру и Лемерлю,² подкрепляют эти данные. От VI в. дошло несколько крупных кладов, общее число монет в которых не может быть точно определено (например, в Патрах найдено в двух вазах 11 767 бронзовых монет, относящихся ко времени до VI в., однако Лемерль не указывает, сколько из них византийских; у Олимпии найдено 4 клада монет, чеканенных до Маврикия, с общим числом монет 4000). Находки VII в. не менее часты, но число монет в них меньше (5 находок, преимущественно на островах, — всего 123 монеты; к этому следует еще прибавить клад монет Фоки и Ираклия на о. Родос, число монет в котором Моссер не указывает). Монет VIII и IX вв. нет вовсе; от конца X—начала XI в. сохранилось 25 монет; от эпохи Комнинов и Ангелов (1081—1203) — множество кладов с общим числом свыше 1400 монет. Таким образом, и в Греции количество монет в обращении резко сокращается в VIII и IX вв., а в некоторых частях уже и в VII в.

Сходная картина наблюдается и в Херсоне.

Находки монет в северо-восточной части Херсона³

V—VII вв.	421 шт.	X в.	1082 шт.
VIII в.	. Нет	XI—XIV вв.	. 25 »
IX в.	. 318 шт.		

В заключение рассмотрим нумизматический материал, полученный в результате раскопок малоазийских городов. Находки монет здесь менее обильны, чем в Афинах или Коринфе.

А. Боп (стр. 53—54) связывает резкое уменьшение числа монет VII—IX вв. с тем фактом, что Коринф был отрезан в это время от империи. Однако это положение само еще нуждается в доказательстве. Забегая вперед, отмечу, что данные нумизматики подтверждаются и археологическим материалом. О коринфских монетах см. также: J. H. Finlay. *Corinth in the Middle-Ages*, Sp. 7, 1932, p. 499; J. M. Harris. *Coins found at Corinth*. *Hesp*, 10, 1941, p. 153, 160; K. M. Edwards. *Corinth.*, VI, 1933, p. 121 a. f.

¹ D. M. Robinson. *The chalcidic mint and the excavation coins found in 1928—1934. Olynthus*, III, 1931; VI, 1933. — В отчете о третьем сезоне работ в Олинфе (D. M. Robinson. *The third campaign at Olynthus. AJA*, vol. 39, 1935, p. 242—247) вовсе не отмечены находки византийских монет.

² P. Leмерлю. *BSN*, 62, 1938, p. 447; 63, 1939, p. 288.

³ Л. Н. Кудь-Белова. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908—1912 гг. *Херсон. сб.*, т. III, 1931, стр. 143 и сл. — Ср.: А. Л. Якобсон. *Средневековый Херсонес. МИА*, № 17, 1950, стр. 12.

Находки монет в Пергаме ¹

Время	Число лет обращения монет	Число монет	Отношение числа монет к числу лет обращения монет
От Анастасия до Константа II (491—668) . .	177	199	1.12
От Константина IV до Василия I (668—886)	218	9	0.04
От Льва VI до Никифора III (886—1081) . .	195	94	0.48
От Алексея I Комнина до Алексея IV (1081—1203)	122	978	7.95

Находки монет в Приене ²

Время	Число лет обращения монет	Число монет	Отношение числа монет к числу лет обращения монет
От Анастасия до Константа II (491—668) . .	177	80	0.452
От Константина IV до Василия I (668—886)	218	2	0.009
От Льва VI до Никифора III (886—1081) . .	195	19	0.097
От Алексея I Комнина до Алексея IV (1081—1203)	122	14	0.115

Таблица монетных находок в Приене, свидетельствующая о резком сокращении количества монет в VIII и IX вв., отличается от таблиц, составленных для Афин и Коринфа тем, что она не показывает резкого увеличения монет в XI и XII вв. Это может быть объяснено тем, что Приена не играла в средние века большой роли.

Раскопки в Сардах дали 206 монет, относящихся к 569—615 гг., а также некоторое количество монет X—XII вв.;³ монеты VIII и IX вв. и здесь не были найдены.

Остальные монеты из Малой Азии получены в результате случайных находок. По данным Моссера, монеты из малоазиатских кладов (кроме клада в Лагбе) распределяются по векам следующим образом:

VI и VII вв. (вплоть до Юстиниана II)	. 673 монеты
VIII в.	Нет
IX в.	12 »
X в.	2 »
XI и XII вв.	285 »

Судя по этим данным, и в Малой Азии в VIII—X вв. количество монеты, находящейся в обращении, резко сокращается; более интенсивным обращение становится только в XI и XII вв. Единственное исключение составляет клад в Лагбе (Памфилия),⁴ где было найдено 34 монеты VIII в. и 68 монет первой половины IX в.

Анализируя находки монет на коренной территории Византийской империи, можно видеть, что повсеместно, — если отбросить исключительный клад в Лагбе, — число монет VIII и IX вв. крайне незначительно. Из этого следует, что уменьшение византийских монет, находившихся в обращении за пределами империи, которое, как показано выше, наблюдается в эти же столетия, ни в коей мере не может быть объяснено влиянием одних только внешнеполитических факторов. Решение этой про-

¹ K. Regling. Pergamon, Bd. I, 2, S. 329 u. f. — К этому я добавляю еще клад монет XII в., отмеченный у Моссера.

² K. Regling. Die Münzen von Priene. Berlin, 1927.

³ H. C. Butler. Sardis, vol. I, 1, p. 69, 95.

⁴ E. T. Newell. The byzantine hoard of Lagbe. New York, 1945.

блемы следует искать в изменении положения византийских городов, в ослаблении товарности хозяйства, в росте натурально-хозяйственных тенденций. Этот вывод, сделанный на нумизматическом материале, должен быть, разумеется, проверен по источникам другого рода.

Памятники письменности содержат немного материала по этому вопросу. Не стремясь в данной статье к всестороннему освещению письменных памятников, я хотел бы обратить внимание на почти полное отсутствие денежных штрафов в «Земледельческом законе», на обилие натуральных повинностей в иммунитетных грамотах конца X—XI в., наконец, на прямое упоминание меновой торговли в агиографических памятниках.¹ Однако наилучшим способом проверки этого вывода явится, как мне кажется, последовательное рассмотрение судеб отдельных византийских провинциальных городов (на археологическом и письменном материале).

В настоящее время накоплен значительный материал, добытый из раскопок в различных городах Греции и Малой Азии. Правда, во время раскопок буржуазные археологи обращают основное внимание на памятники материальной культуры античности; археологи-византилисты интересуются главным образом церковной архитектурой и живописью, городскими стенами и кладбищами. В результате этого в очень немногих случаях были обследованы жилые кварталы, содержащие наиболее ценный материал для характеристики судеб византийского города. Многочисленные памятники до сих пор еще не изданы. Все это заставляет исследователя быть чрезвычайно осторожным в своих выводах, проверять и подкреплять данные археологии известиями нарративных и иных письменных источников.

Одним из наиболее крупных провинциальных городов была Солунь. Изучение солунских памятников показало, что город, по крайней мере до VIII в., сохранял античную планировку.² В направлении с запада на восток город пересекала *via Egnatia*, входившая в Солунь через Золотые ворота на западе и Кассандрейские на востоке. Под прямым углом к ней шла другая улица, заканчивавшаяся на юге Морскими воротами.

Но если средневековая Солунь сохранила основные контуры античного города, то все пространство между главными улицами было заполнено строениями, воздвигнутыми беспорядочно, хаотично. Более того, в пределах города находились теперь не только дома граждан, но и их виноградники: один из таких виноградников упомянут в купчей грамоте 897 г., другой в житии Илариона Грузина (ум. в 882 г.).³

Важные сведения о хозяйственной жизни Солуни сообщает византийский писатель X в. Иоанн Камениата, родившийся и выросший в этом городе. По его словам, солуняне занимались в первую очередь земледелием и торговлей (*γεωργία καὶ ἐμπορία*),⁴ а также рыбной ловлей.⁵ Камениата гордится тем, что на улицах Солуни постоянно можно было видеть толпы народа, «неисчислимые, как морской песок»; местные жители

¹ *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae*. Ed. H. Delehaye, Bruxelles, 1902, p. 721. 30—49.

² См.: Е. Э. Л и п ш и ц, указ. соч., стр. 124 и сл. — Ср. также: E. O b e r h u m m e r, R. E., s. v. Thessalonike; H. von S c h o e n e b e c k. *Der Stadtplan der römischen Thessalonike*. Ber. d. 6. Archäol. Kongr., Berlin, 1940, S. 478 u. f.

³ G. R o u i l l a r d—P. C o l l o m p. *Actes de Lavra*. Paris, 1937, № 1; М. С а б и я н. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, т. II. СПб., 1872, стр. 116.

⁴ J o h a n n e s C a m e n i a t e s. *De excidio Thessalonicensi*. Bonn, 1838, p. 500. 4.

⁵ Там же, стр. 494. 16.

и приезжие продавали и покупали, заключали друг с другом сделки.¹ Основными товарами, ввозимыми в Солунь, были одежды из сирийского шелка, шерстяные ткани, медь, железо, олово, свинец.²

Развитие солунской торговли было обусловлено двумя моментами: во-первых, жители Солуни вели торговлю со славянскими племенами, поселившимися в непосредственной близости от города еще в VII в.; во-вторых, Солунь была расположена на важном торговом пути (via Egnatia), который вел из Адриатики в Константинополь. С конца IX в. через Солунь частично проходила византийская торговля с болгарами. В Солунь приезжали в это время и из далеких областей. Из жития Иоанна Песнописца мы узнаем о людях, которые прибыли в Солунь из Сицилии, а житие Марфы Монеувасийской повествует о монеувасийцах, приехавших в Солунь «по своим делам».³

В XI и XII вв. значение Солуни как торгового центра еще более возрастает. Огромная солунская ярмарка XII в., на которую прибывали купцы из Италии и Египта, с северного Причерноморья и Испании, описана в диалоге «Тимарион».⁴ Как о крупном торговом центре говорят о Солуни этого времени и западные хронисты, например Роберт де Тюриньи.⁵

Солунь являлась, повидимому, одним из важных ремесленных центров, однако в настоящее время об организации солунского ремесла известно очень немного. Из приведенных выше слов Иоанна Каменитаты можно заключить, что в городе была развита обработка металлов: иначе трудно понять, почему солуняне покупали так много различных металлов. Кое-что говорят источники и о строительном деле в Солуни. В одном из афонских актов середины X в. упомянута мастерская для изготовления кирпичей,⁶ расположенная вблизи Солуни. Строители из Солуни и окрестных областей привлекались иногда для работы в других городах. Так, Феофан рассказывает о том, что фракийские (в то время Фракия очень часто отождествлялась с Македонией) строители (ὄπέρχαι) и мастера, изготовлявшие кирпичи, были направлены при императоре Константине V (741—775) отстраивать Валентинианов акведук.⁷ В самой Солуни сохранились памятники архитектуры, датируемые VIII—первой половиной IX в.⁸

Солунская керамика, насколько мне известно, до сих пор еще не издана. А. Ксингопулос, анализируя керамику из византийской крепости на месте античного Олинфа, пришел к выводу, что эта керамика, датируемая XI—XIV вв., была привезена сюда из Солуни.⁹ Повидимому, солунские мастера снабжали своими товарами в то время окрестные поселения.

В Солуни существовали цехи; древнейшее упоминание о них относится к началу XI в.: в афонском акте 1008 г. упомянуты экзархи Иоанн

¹ Johannes Cameniates. De exordio Thessalonicensi, p. 500. 17—21.

² Там же, стр. 501. 1—3.

³ AASS, Mai, t. V, p. 426. C.

⁴ A. Ellissen. Analecten d. mittel- u. neugriechischen Literatur. Bd. IV, Th. 1. S. 48 (См.: Византийская сатира «Тимарион». Русск. перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, см.: ВВ, т. VI, 1953).

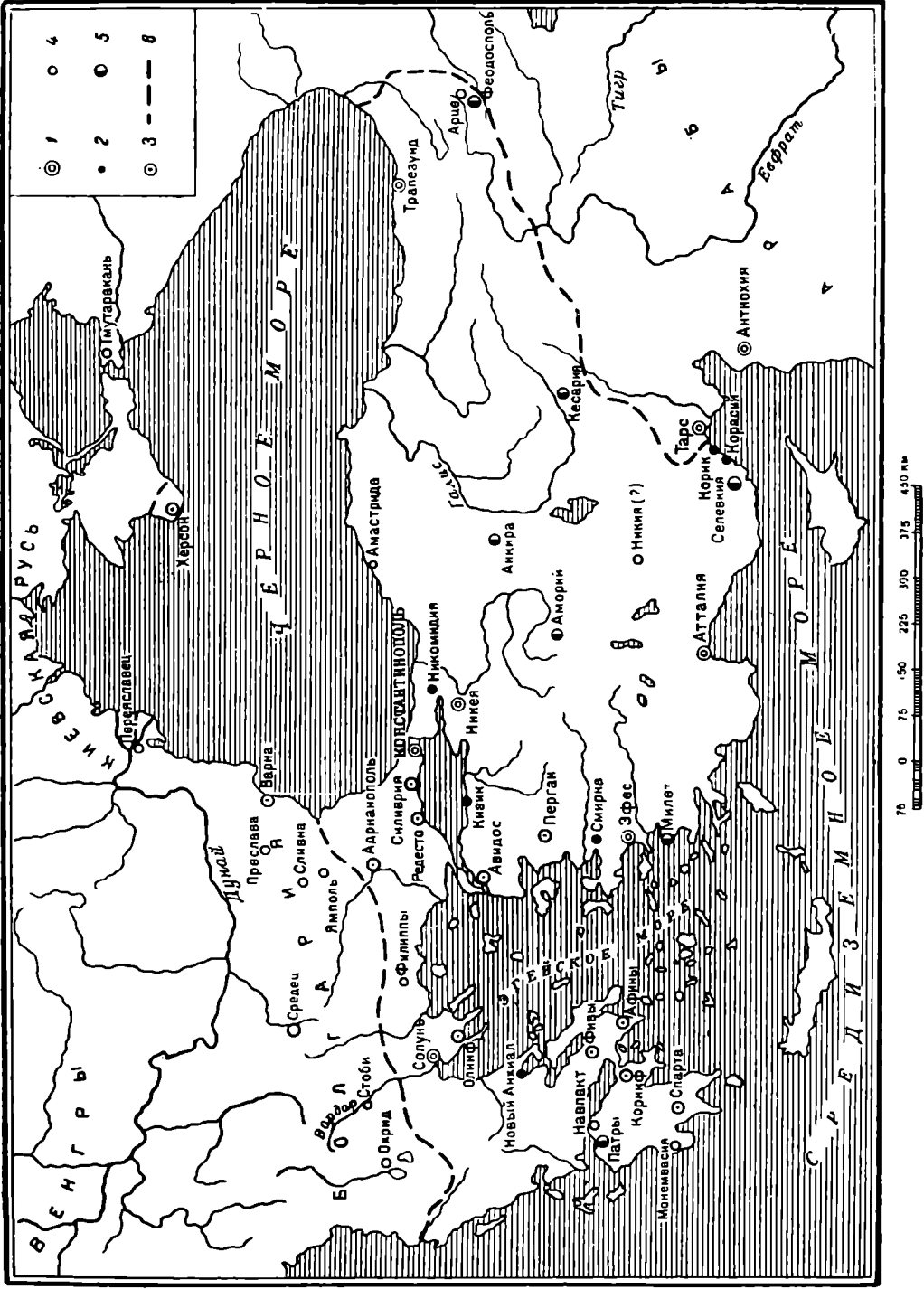
⁵ Robert de Tournay. Chronique. Ed. L. Delisle, Rouen, 1873, vol. II, p. 87.

⁶ G. Rouillard—P. Collomp, указ. соч., № 2.

⁷ Theophanes. Chronographia. Ed. C. de Boor, vol. I, Leipzig, 1883, p. 440. 19—22.

⁸ Например, церковь, открытая в 1933 г. (см. AJA, vol. 44, 1940, p. 133).

⁹ A. Xynopoulos. Olynthus, V, 1933, p. 291.

Византийские города VII—XI вв.

1 — античные города, сохранившие экономическое значение в VII—XI вв.; 2 — античные города, потерявшие экономическое значение к началу VIII в.; 3 — античные города, потерявшие экономическое значение к началу VIII в. и возрожденные в IX—XI вв.; 4 — античные города, возвысившиеся в IX—XI вв.; 5 — административные и епископальные центры и крепости; 6 — границы Византийской империи в 963 г.

и Андрей, в которых издатель актов склонен видеть цеховых старейшин из Солуни.¹

При всей скудости материала, относящегося к истории Солуни интересующего нас периода, все же можно заключить, что она являлась одним из тех городов, которые были унаследованы Византией от Римской империи. Совершенно иной была судьба соседних городов.

Рассмотрим прежде всего данные нарративных источников. Во Фракии, между Солунию и Геллеспонтом, существовал ряд поселений, которые в хрониках обычно именуется *χάστρα*. Этот термин обозначал небольшое поселение и мог применяться даже к поместью. Хроники перечисляют ряд фракийских поселений, взятых и разрушенных Крумом (802—815): Силиврия, Редесто, Авидос и некоторые другие,² прибавляя, что Крум разрушил все *χάστρα*, маленькие и большие, от Авидоса до Адрианополя.³ Несколько раз говорит о фракийских городах Генесий; он рассказывает, например, о том, что Лев Армянин (813—820) восстановил «города» по всей Фракии и Македонии. Однако из изложения Генесия следует, что речь идет не о торгово-ремесленных центрах, а о крепостях, выстроенных на границе со «скифами».⁴ Чрезвычайно существенные сведения о фракийских и македонских поселениях сообщает житие Фотия Фессалийского (X в.). Говоря о Солуни, автор этого жития указывает, что некогда она была окружена большим числом городов, тянувшихся вплоть до Геллеспонта: однако в описываемое время они находились в состоянии полного упадка.⁵

Но если в IX и X вв. старые фракийские города находились в состоянии упадка, то в XI и XII вв. мы видим во Фракии совершенно иную картину. Редесто становится в это время крупным центром торговли хлебом;⁶ появляются новые города (Ямполь, Сливна и др.), расположенные на торговых путях.⁷

Археологический материал подтверждает свидетельство нарративных источников. Раскопки показали, что ряд городов Фракии и Македонии, цветущих в IV—VI вв., в дальнейшем были разрушены, захоронены и аграризировались. Одним из таких городов является Стоби.⁸ Расположенный в долине р. Вардара к северу от Солуни, он являлся в IV—VI вв. одним из крупных торговых и ремесленных центров на Балканском полуострове. Археологические материалы свидетельствуют о связях населения Стоби не только с Константинополем, но и с Сирией. Стены, возведенные после готского набега 479 г., улицы, украшенные колоннадами, храмы и дворец — все это говорит об экономической мощи Стоби. Однако уже со второй половины VI в. начинается упадок этого города. По мнению Б. Сариа, в средние века Стоби был ничтожным поселением;⁹ в течение VII в. он еще оставался резиденцией епископа, однако последний епископ Стоби упоминается в 692 г. Средневековые хроники хранят о Стоби упорное молчание; лишь Скилица мимоходом отмечает, что это

¹ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Nl. Berges. München, 1948, № 109. 3—5.

² Theophanes Continuatus. Ed. I. Bekker, Bonn, 1838, p. 614.

³ Там же, стр. 615. 13.

⁴ Genesius. Ed. C. Iachmann, Bonn, 1834, p. 28. 14. — Ср.: там же, стр. 38. 1.

⁵ Арсений (епископ). Похвальное слово св. Фотию Фессалийскому. Новгород, 1897, стр. 13. 10, 14. 7.

⁶ Н. А. С к а б а л а н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 294 и сл.

⁷ K. Dieterich, указ. соч., стр. 42.

⁸ B. Saria, RE, s. v. Stobi; G. M a n o - Z i s s i. Bemerkungen über altbyzantinische Stadt von Stobi. Atti V Congr. Intern. di Studi Biz., II, 1940; E. K i t z i n g e r. A survey of the early christian town of Stobi. Dumbarton Oaks Papers, 3, 1946.

⁹ B. Saria, указ. соч., стлб. 51.

поселение было взято Василием II во время его похода против болгар в 1014 г.¹

В средневековом Олинфе стратиграфический разрез дает возможность резко разграничить два культурных слоя. В нижнем слое были обнаружены византийские кирпичи и черепица, а также керамика эпохи Юстиниана, в верхнем слое — керамика XI—XIV вв., железные вещи и монеты XI в. и последующего времени.² Церковь св. Николая, остатки которой были обнаружены в Олинфе, датируется XII в.³ Все это свидетельствует, что ранневизантийский Олинф просуществовал только до VI в., что в течение нескольких столетий это место не было населено и что только в XI в. на месте прежнего Олинфа возникло небольшое поселение.

Археологическое обследование Филипп обнаружило остатки двух базилик: одна из них была построена около 500 г., другая в середине VI в.⁴ В это время город представлял собою довольно значительный центр,⁵ но в дальнейшем его история почти не известна.

Чрезвычайно интересный материал дали раскопки в Новом Анхиале, на берегу зал. Воло, в Фессалии. Обнаруженные здесь памятники датируются не позднее чем VII в. Последние монетные находки относятся ко времени императора Ираклия;⁶ концом VII в. датирует Г. Сотириу последние мозаики.⁷

В середине VII в. Новый Анхиал был взят славянами. Следы этого события обнаружены при раскопках одной из базилик: в погребении у базилики IV был найден огромный скелет мужчины, похороненного вместе с различными вещами, в том числе с характерными славянскими фибулами. Г. Сотириу считает, что эта могила принадлежала славянскому князю и датирует ее VII в.⁸

Из городов Средней Греции наши источники несколько раз упоминают Фивы,⁹ однако сведения о них крайне скудны. Агиографические памятники свидетельствуют, что Фивы были административным центром, где жил стратиг фемы.¹⁰ В 872—877 гг. в Фивах была отстроена церковь св. Григория Богослова.¹¹ Значительный рост этот город переживает в XI и XII вв., когда он превращается в крупный ремесленный центр, славившийся производством пурпурных шелковых тканей. Однако и в XI в. значительная часть фиванских жителей, как свидетельствует житие Мелетия Нового, занималась сельским хозяйством.¹²

Систематическое археологическое изучение Афин в последние годы позволяет более подробно проследить судьбу этого города в раннее средневековье. Раскопки в районе Одеона дают возможность утверждать, что

¹ Cedrenus. Compendium historiarum, vol. II, Ed. I. Bekker, Bonn, 1839, p. 461.

² G. E. Mylonas, Olynthus, I, 1929, p. 4; A. Xungopoulos, Olynthus, V, 1933, p. 291.

³ D. M. Robinson. Domestic and public architecture. Olynthus, XII, 1946, p. 318 a. f.

⁴ P. Lemerle. Philippes et la Macédoine orientale. Paris, 1945, p. 406, 517

⁵ Там же, стр. 110.

⁶ BZ, Bd. 31, 1931, S. 196.

⁷ BZ, Bd. 34, 1934, S. 226 u. f. — Находки мрамора VI и VII вв. См.: P. Amandry. BCH, 64—65, 1940—1941, p. 248.

⁸ См.: BZ, Bd. 37, 1937, S. 248; BZ, Bd. 45, 1950, S. 219.

⁹ См.: F. Schöber. RE, s. v. Thebai.

¹⁰ Арсений (епископ). Житие и подвиги св. Феодоры Солунской. Юрьев. 1899, стр. 33; PG, t. CXI, col. 464.

¹¹ J. Strzykowski. Inedita der Architektur und Plastik aus der Zeit Basilios I. BZ, Bd. 3, 1894, S. 3 u. f.

¹² А. П. Рудаков, указ. соч., стр. 108.

в VI—X вв. эта часть города оставалась ненаселенной, только с XI—XII в. здесь появляются жители.¹ На расположенной к югу от Одеона торговой площади археологи обнаружили ряд сооружений, воздвигнутых около 400 г.; к этому времени относится строительство большого гимнасия, занявшего всю центральную часть площади; к востоку от него находилась водяная мельница. Этот район был заброшен, повидимому, в VI в., и вплоть до XI в. мы не находим здесь следов строительства. В XI в. здесь была построена церковь св. Апостолов.² Такую же картину рисуют и раскопки городских стен на Пниксе: обнаружена керамика, восходящая к эпохе Юстиниана I, а в следующих слоях — керамика XI—XII в.³ Э. Вейганд указывает, что если в Афинах при императрице Ирине, в самом конце VIII в., имело место кое-какое строительство, все же общее возрождение строительной деятельности начинается в городе только с конца IX в. и достигает расцвета в XI в.⁴ Оживление жизни города в XI и XII вв. отражается, по мнению археологов, и в том, что в это время была предпринята перестройка городских стен.⁵

Особенно интересный материал дали раскопки в ремесленном районе Афин, расположенном в долине между Ареопагом и Пниксом. Эти раскопки свидетельствуют, что в IV и V вв. город переживал некоторый подъем, жители возводили новые здания, используя для этих целей материал старых строений.⁶ Этот период кратковременного подъема сменился в VI в. временем продолжительного упадка. Дома были покинуты, водоотводная система запущена, в результате этого долина была залита водой, о чем свидетельствует толстый слой ила, обнаруженный археологами.⁷ Некоторое оживление в этом районе началось лишь в IX—X в.: об этом свидетельствует находка печи для обжига посуды или черепицы, которую Р. Ян датирует IX—X в. Гончарное производство становится здесь более оживленным в XI в. От этого времени сохранилось большое количество ям, вырытых гончарами в южной части рассматриваемого района и служивших для добывания сырья.⁸

В северо-западной части агоры также существовали обширные византийские кварталы X—XIII вв.⁹

Таким образом, археологический материал свидетельствует о глубоком хозяйственном упадке Афин в VII—IX вв.,¹⁰ когда прежний экономический и культурный центр превращается по существу в мало населенную деревню. Хозяйственный подъем начинается с конца IX в. и становится особенно отчетливым в XI в.

¹ Н. А. Т h o m p s o n. The Odeon in the Athenian agora. Hesp, 19, 1950, p. 137.

² Н. А. Т h o m p s o n. Excavations in the Athenian agora, 1952. Hesp, 22, 1953, p. 38.

³ Н. А. Т h o m p s o n — R. L. S c r a n t o n. Stoa and city walls of the Pnyx. Hesp, 12, 1943, p. 376.

⁴ E. W e i g a n d. BZ, Bd. 37, 1937, S. 458 u. f. (Рецензия на работы А. Ксингопулоса и А. Орландоса).

⁵ Н. А. Т h o m p s o n — R. L. S c r a n t o n, ук. соч., стр. 378.

⁶ R. S. Y o u n g. An industrial district of ancient Athens. Hesp, 20, 1951, p. 284. Там же, стр. 285.

⁷ Там же, стр. 286.

⁸ См.: Н. М e g a n. JHS, 56, 1936, p. 135 a. f.

¹⁰ Впрочем, спорным остается вопрос о датировке начала этого периода упадка. Приведенные выше данные нумизматики не позволяют рассматривать VII век как время глубокого упадка. К VII в. относится также строительство некоторых зданий (T. L. S h e a r. The latter part of the Agora campaign of 1933. AJA, vol. 37, 1933, p. 540). Об Афинах начала VII в. как о своеобразном культурном центре см.: А. А. В а с и л ь е в. Славяне в Греции. ВВ, т. V, 1898, стр. 649 и сл.

Нарративные источники X в. говорят об Афинах преимущественно как о месте ссылки.¹ Возможно, впрочем, что афинская гавань играла известную роль и корабли поддерживали связь между Афинами и Константинополем.² Но как бы то ни было, совокупность нумизматического и археологического материала дает нам основание говорить об Афинах XI и XII вв. как о новом, по существу, городе, возникшем на старом удобном месте.³

Среди византийских городов Пелопоннеса особенно детально изучен Коринф. Данные археологии ярко рисуют картину торжества христианства в Коринфе IV в. Так, языческий Лернейский фонтан был в это время разрушен; камни, из которых были сложены окружавшие его сооружения, вывозили и употребляли для строительства церквей. Самое место, где стоял фонтан, было превращено в свалку.⁴ Церковное строительство этого времени оставило ряд памятников, среди которых можно отметить огромную трехнефную базилику V в. около Кенхрейских ворот.⁵

В первой половине VII в. Коринф был осажден пришедшими с севера завоевателями, скорее всего славянами. У коринфских стен были раскопаны могилы воинов, содержавшие инвентарь не византийского происхождения. Обнаруженные предметы (поясные пряжки, браслеты и т. п.) имеют многочисленные аналогии в памятниках, найденных на территории Венгрии, в областях по Дунаю, а также в Приднепровье и в Крыму, и могут быть датированы VII в. (издатель датирует их даже более точно — первой половиной VII в.).⁶

Предположение об осаде Коринфа в середине VII в. подтверждается также находкой в городе цоколя статуи с почитательной надписью «Августу Флавию Констан...», который награжден эпитетом «Победитель» (*Nixthoros*); по мнению издателя,⁷ эта статуя была воздвигнута в честь императора Константа II (641—668). Повидимому, Константин II освободил город от осаждавших (или, может быть, даже захвативших) его воинов — тех самых, которым принадлежали могилы VII в., найденные у коринфских стен.

В середине VII в. наблюдается некоторое частичное оживление строительной деятельности в Коринфе; в частности, на месте Лернейского фон-

¹ Theophanes Continuatus, p. 356. 9, 364. 2.

² Theophanes, I, p. 444. 16. Ср.: А. П. Рудаков, указ. соч., стр. 108.

³ В этой связи должны быть критически рассмотрены известия об Афинах конца XII в., которые содержатся в письмах Михаила Акомината.

⁴ F. J. De Waele. The fountain of Lerna and the early christian cemetery at Corinth. *AJA*, vol. 39, 1935, p. 356.

⁵ J. Shelleу. The christian basilica near the Cenchrean Gate at Corinth. *Hesp*, 12, 1943, p. 166 a. f.

⁶ G. R. Davidson. The avar invasion of Corinth. *Hesp*, 6, 1937, p. 232 a. f. — Ср. его же заметку в: *AJA*, vol. 40, 1936, p. 128 a. f. — В последнее время вопрос об этнической принадлежности воинов из коринфских могил усиленно обсуждается в буржуазной исторической литературе. Так, К. Сеттон (K. M. Setton. The emperor Constans II and the capture of Corinth by the Onogur Bulgars. *Sp*. 27, 1952; ср. его же статью в: *Speculum*, 25, 1950, p. 502 a. f.) произвольно называет их протоболгарами. Однако нельзя не считаться с тем, что единственный народ, о вторжении которого в Пелопоннес в VI—VII в. говорят нарративные источники, — это славяне. Найденные в коринфских могилах бронзовые пряжки имеют аналогии не только в находках близ оз. Балатон, как указал уже издатель, но и в Моравии (J. Poulík. Jižní Morava země dávných Slovanů. *Brně*, 1948—50, str. 105, 107), в Поднестровье (А. А. Спицын. Поля погребальных урн. *СА*, X, 1948, стр. 60, рис. 5, особенно №№ 4 и 7), в Крыму (Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готв. *ИАК*, вып. 19, 1906, табл. X). О возможности пребывания славян в Крыму в VII в. см.: Е. В. Веймарн. С. Ф. Стрелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. *ВИ*, 1952, № 4, стр. 97.

⁷ J. H. Kent. A byzantine statue base at Corinth. *Speculum*, 25, 1950, p. 544 a. f.

тана была воздвигнута церковь.¹ Однако тот общий экономический упадок, который чувствовался уже в VI в. и усугублялся различными бедствиями (например чумой 542 г.²), сказывался теперь со все большей силой. Лишь в конце IX в. можно отметить первые робкие признаки начинающегося подъема; подлинный расцвет Коринф, подобно Афинам, переживает в XI и XII вв. Однако Коринф этого времени значительно отличался от античного города.

Различия сказывались прежде всего в планировке: старый римский *Forum civile* был теперь покрыт массой частных жилищ и лавок, а средневековый рынок занимал лишь треть прежнего *Forum venale*. Улицы были узки; на них располагались мелкие мастерские, — раскопки до сих пор не вскрыли ни одного крупного ремесленного или торгового заведения. Среди этих мелких мастерских (эргастериев) возвышались единственные значительные сооружения средневекового Коринфа — церкви.³ Различие прослеживается также и в изменении характера ремесленной продукции. Если коринфская посуда VI в. по своему типу близка к римской, то керамика конца IX—XII вв. как по своей форме, так и по орнаментировке значительно от нее отличается.⁴

Согласно археологическим данным, в Коринфе были широко распространены керамическое производство, изготовление стекла и изделий из металла. Раскопки показали, что на одном из участков рыночной площади в начале XI в. существовали рядом три керамические мастерские, две мастерские по изготовлению стекла и несколько кузниц.⁵ Чрезвычайно показателен тот факт, что все эти разнородные мастерские были расположены бок о бок на рыночной площади, а не образовывали специальных «кварталов».

Детально обследованная Г Дэвидсоном мастерская по изготовлению стекла занимала одну из комнат усадьбы размером 20×44 м. Квадратный горн был сложен из камней; в мастерской был только один горн, хотя обычно для производства стекла применяли в средние века два горна: в одном расплавлялась масса для производства посуды, в другом, менее горячем, в течение некоторого времени выдерживались готовые сосуды. Число работников в коринфской мастерской не могло быть значительным: свободная площадь перед горном, где могли действовать мастер и его помощник, не превышала 11 кв. м.

В той же усадьбе помещались не только склады для посуды и сырья, но и жилые комнаты. Одна из комнат, выходящая прямо на рынок, служила, повидимому, лавкой для продажи посуды.⁶

В Коринфе было обнаружено несколько гончарных печей, древнейшая из которых относится к XI в. Эта печь, круглая в плане, сложена из черепицы и кирпича, скрепленных известью. Топочная камера отделена от обжигательной сводом из кирпича и черепицы, в котором проделаны отверстия для проникновения топочных газов.⁷ Коринфская посуда многообразна по форме и по типам орнамента; часто встречается поливная посуда с рисунком врезной линией.

¹ F. J. De Waele, указ. соч., стр. 357 и сл.

² J. H. Finlay, указ. соч., стр. 478.

³ Ch. H. Morgan, *Corinth*, XI, 1942, p. 5—7.

⁴ Там же, стр. 167 и сл.

⁵ G. R. Davidson, *A mediaeval glass-factory at Corinth*. *AJA*, vol. 44, 1940, p. 297.

⁶ Там же, стр. 299—305.

⁷ Сб. Н. Моргана, указ. соч., стр. 14 и сл. — Повидимому, иной тип горна (овальный в плане) существовал в Херсоне (см.: А. Л. Якобсон, указ. соч., стр. 153 и сл. — Ср. также: Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 343 и сл.).

При раскопках в Коринфе была найдена также бронзовая посуда, датируемая XI и XII вв.¹

Из нарративных источников мы узнаем о существовании в Коринфе и других видов ремесла. Особенно существенно отметить развитие здесь шелкоткацкого производства, которое играло большую роль в хозяйственной жизни Коринфа XII в.²

О торговле коринфян имеются некоторые свидетельства в агиографических памятниках, где сообщается, что корабли из Коринфа шли в Сицилию³ и Африку.⁴ Повидимому, у Коринфа происходило перетягивание судов через Истм.⁵

О других городах Пеллопоннеса известно гораздо меньше.

Житие Никона Метаноите свидетельствует, что в X в. сравнительно оживленной была торговая и ремесленная деятельность населения Спарты. Спартанские ткачи шелковых материй славились в то время во всем Пеллопоннесе.⁶ Возможно, что именно развитие шелкового производства привлекало сюда купцов с запада; во всяком случае житие Никона рассказывает о двух братьях из Аквилей, которые поселились в районе Спарты и занимались здесь торговлей.⁷ Археологические памятники, среди которых особенно интересны остатки базилики св. Никона (X—XI вв.),⁸ свидетельствуют об оживлении строительной деятельности в это время.

В районе Навпакта (античный Навпакт находился в Локриде), являвшегося в IX в. центром владений Даниэлис,⁹ развито было ткацкое ремесло: здесь, в частности, изготовлялись ковры из овечьей шерсти, украшенные драгоценными камнями.¹⁰ Во второй половине X в. Навпакт был портом, через который поддерживали связи с Италией; так, Лиутпранд после своего неудачного посольства верхом на осле пробирался к Навпакту.¹¹ Другим пеллопоннесским портом был в это время город Монемавасия,¹² который приобретает особенно крупное значение позднее, в XIV и XV вв.

Таким образом, среди рассмотренных городов Балканского полуострова только одна Солунь с несомненностью может быть названа римским городом, завещанным Византии. Остальные римские города прекратили свое существование или аграризировались в VI—VII в. Некоторые из них, подобно Стоби или Новому Анхиалу, никогда уже вновь не стали городами; на месте других с конца IX в. начали складываться новые средневековые города. Расцвет балканских городов относится к XI и XII вв.

Возникает, однако, вопрос: в какой мере мы вправе распространить этот вывод, полученный на материале городов Балканского полуострова, на всю территорию Византийской империи? Не следует ли считать, что судьбы балканских городов были определены не их внутренним законо-

¹ F. O. W a g é. Bronze objects from old Corinth, Greece. AJA, 39, 1935, p. 90.

² Об этом сообщает Оттон Фрейзингенский. См.: А. П. Р у д а к о в, указ. соч., стр. 148.

³ F. D v o r n i k. Vie de S. Grégoire le Décapolite. Paris, 1926, p. 55, 12—14.

⁴ PG, t. CXI, col. 460. A.

⁵ J. H. F i n l a y, указ. соч., стр. 482.

⁶ См.: А. П. Р у д а к о в, указ. соч., стр. 53.

⁷ Там же, стр. 61.

⁸ P. L e m e r l e. BCH, 63, 1939, p. 302.

⁹ T h e o p h a n e s C o n t i n u a t u s, p. 320. 18.

¹⁰ Там же, стр. 319. 16—20.

¹¹ См. русский перевод в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии» (М., 1951, стр. 211).

¹² T h e o p h a n e s C o n t i n u a t u s, p. 310. 2.

мерным развитием, а внешнеполитическими факторами, именно теми вторжениями, которые переживают в VI и VII вв. эта часть империи?

Чтобы ответить на эти вопросы, должно рассмотреть данные источников, касающиеся истории городов Малой Азии. Правда, для изучения истории городов этой части Византии мы располагаем меньшим количеством данных: такие систематические раскопки средневековых городов, которые имели место в Коринфе и Афинах, здесь не проводились. И все же, как мне кажется, в нашем распоряжении есть материал для ответа на поставленные вопросы.

Одним из крупнейших византийских городов был Эфес. Археологические памятники свидетельствуют о его богатстве в IV и V вв. В IV в. в городе шло оживленное строительство; в частности, были перестроены большие термы. Одновременно с этим в городе воздвигались христианские храмы. Несколько позднее был проложен роскошный проспект императора Аркадия, вымощенный мраморными плитами и украшенный крытыми галереями.¹ Однако находки надписей IV и V вв. позволяют догадываться, что в этом богатом городе далеко не все обстояло благополучно. Императорский эдикт V в., найденный в Эфесе, проводит снижение на четвертую часть податей, как денежных, так и натуральных; автор прямо признается, что цель этого эдикта состоит в том, чтобы вернуть обратно беглых налогоплательщиков.² Другой эдикт, относящийся примерно к тому же времени (издатель ориентировочно датирует его IV—V вв.), запрещает гражданам Эфеса носить оружие,³ отражая косвенным образом ту напряженную обстановку, которая существовала в городе.

Как бы то ни было, население Эфеса сокращалось: во всяком случае ранневизантийские стены города охватывают значительно меньшую территорию, нежели так называемые стены Лисимаха. С VI в. старый город, расположенный в низине, пустеет. Основным центром становится холм Айясолук, где уже в правление императора Юстиниана была воздвигнута большая трехнефная базилика Иоанна Богослова.⁴ Возможно, что в связи с этим перемещением города на северо-восток связано запущение кладбища «Семи спящих» (на холме Панайир-даг), погребения на котором датируются 450—550 гг.⁵

Эфес продолжал существовать в VIII и IX вв. В это время паломники, направлявшиеся в «Святую землю», посещали, как свидетельствует «Житие Виллибальда», этот город. Об Эфесе как о городе говорит и ибн-Хордадбех. В византийских нарративных источниках IX и X вв. содержатся кое-какие сведения о торговой роли Эфеса. Григорий Декаполит видел в эфесской гавани множество кораблей (πλῆθος πλοίων), предназначенных для торговли.⁶ На эфесской ярмарке в честь Иоанна Богослова, по сообщению хроники Феофана, собирали до 100 литр золота в качестве торговых пошлин (χομμέριον τοῦ πανηγυρίου).⁷

¹ Описание архитектурных памятников Эфеса см.: J. K e i l. Ephesos. Wien, 1915. (Есть и более новые издания).

² J. K e i l. XVIII. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Ephesos. JhÖAI, 29, 1934, Beiblatt, S. 149 u. f.

³ J. K e i l. XV. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Ephesos. JhÖAI, 26, 1930, Beiblatt, S. 61.

⁴ О ее раскопках см.: J. K e i l. Die Ausgrabungen in Ephesos. Forsch. u. Fortschr., 10, 1934, S. 254 u. f.

⁵ См.: E. R e i s c h. Die Grabungsarbeiten des Österreichischen archäologischen Instituts. JhÖAI, 26, 1930, Beiblatt, S. 310 u. f. — Специальная работа «Das Coemeterium der Sieben Schläfer» (Forschungen in Ephesos, IV, 2, Baden und Wien, 1937) осталась мне недоступной.

⁶ F. D v o r n i k, указ. соч., стр. 53. 1—21.

⁷ T h e o p h a n e s, I, p. 469. 30.

Таким образом, Эфес хотя и пережил какие-то, пока неясные, потрясения в VI в., все же в последующее время оставался торговым центром. О ремесле в средневековом Эфесе в настоящее время ничего не известно.

Судьба соседних городов была, пожалуй, более печальной. В этом отношении весьма показательна история маленького города Гераклея, расположенного возле Милета. Когда в VII в. монахи из монастырей Синая переселились в район Милета, они застали Гераклею совершенно опустевшей: жители оставили город и поселились в окрестных горах.¹ Сам Милет пережил, повидимому, аналогичную судьбу; во всяком случае в X в. это был только центр монастырей и епископий.²

Несколько лучше изучен археологами Пергам. В городе были обнаружены остатки нескольких церквей IV—VI вв.,³ повидимому, в это время Пергам представлял собой довольно значительный центр. Расположенный на холме, этот город явился в дальнейшем одним из опорных пунктов в борьбе против арабов: может быть с этой целью в VII или в начале VIII в. Пергам был окружен новой стеной.⁴ Резко сократившееся население сгруппировалось в южной части города, вблизи от башен, на верхних террасах возле античного гимнасия: здесь обнаруживаются остатки византийских жилищ и цистерны.⁵ Изменение положения Пергама в это время отчетливо отразилось на судьбе западных терм гимнасия: они перестали служить теперь общественными банями и были превращены в большой резервуар для воды.⁶

Оживление Пергама начинается лишь с XI в. Об этом свидетельствуют, помимо монетных находок, данные нарративных источников, — впервые после многих веков они начинают упоминать Пергам.⁷ Археологи обнаружили в Пергаме различные предметы византийского ремесла и прежде всего керамику. Поливная многоцветная керамика из Пергама должна быть датирована XI и последующими веками. По мнению А. Конце, она изготовлялась в Пергаме, ибо здесь нередко встречаются маленькие треножники из грубой глины, которые ставили между сосудами во время обжига.⁸

В Пергаме были обнаружены также лампы и пряслица, бронзовые ключи, ложки, иглы, изделия из кости, железные гвозди, топоры, сошники, ножницы, ножи, замки и ключи, оружие.⁹ Ни точная датировка этих предметов, ни место их изготовления не могут быть установлены. Быть может, находки сошников свидетельствуют о том, что жители Пергама, как, впрочем, и жители всех средневековых городов, еще продолжали заниматься сельским хозяйством, от которого далеко не окончательно отделилось ремесло.

¹ Vita st. Pauli junioris [Житие Павла Латарского]. Milet, Bd. III, N. 1, 1913, S. 109. 19.

² Th. Wiegand. Milet, Bd. III, N. 1, 1913, S. 179. — Новые раскопки в Смирне (R. Naumann und S. Kantar. Die Agora von Smyrna. Kleinasien und Byzanz, Berlin, 1950) дали пока материал для характеристики раннехристианских сооружений города (II и III вв.).

³ A. Conze. Stadt und Landschaft. Pergamon, Bd. I, Text 2, 1913, S. 304 u. f. — Ср.: K. Bohner. Pergamon, Bd. IV, 1896, S. 73.

⁴ A. Conze, указ. соч., стр. 305 и сл.

⁵ Там же, стр. 321.

⁶ P. Schazman. Pergamon, Bd. VI, 1923, S. 80.

⁷ H. Gelzer. Pergamon unter Byzantinern und Osmanen. Abh. Preuss. Akad. Wissensch., 1903, S. 79 u. f.

⁸ A. Conze, указ. соч., стр. 322.

⁹ Там же, стр. 324 и сл.

Никею хроники X в. прославляют как многолюдный и богатейший город.¹ Житие Константина Иудея говорит о ней как о торговом центре.² В то же время поэт X в. Иоанн Геометр, воспевая Никею в стихах, обращает внимание прежде всего на виноградники, луга и сады, а особенно на оливковые рощи, которыми она славилась.³ Видимо Никея, подобно Фивам, была центром сельскохозяйственного производства.

Никея обладала мощной крепостной стеной.⁴ Сохранившиеся до нашего времени крепостные стены Никеи были обследованы сравнительно недавно. Они были укреплены полукруглыми башнями, расположенными друг от друга на расстоянии 60—70 м. Эти стены, на которых можно обнаружить римские надписи, равно как и крепостные башни, были сооружены, как полагает А. Шнейдер, еще в конце существования Римской империи.⁵

Некоторой реконструкции они подверглись около 857—858 г., как можно заключить по одной из никейских надписей.

Следовательно, Никея, как и Эфес, принадлежала к числу тех античных городов, которые «в готовом виде» перешли в средневековье. Не такова была судьба Никомидии. Этот город, который, по словам ритора IV в. Ливания, являлся красивейшим в мире, начиная с VI в. переживает глубокий упадок и упоминается затем как город только в сочинении историка XII в. Анны Комнин.⁶

Кроме старых городов или возрождавшихся с XI в., можно отметить существование в этом районе новых городов. Одним из них были Фигелы, расположенные на берегу Эгейского моря. В X в. Фигелы представляли собой военный порт⁷ и центр судостроения.⁸

Одним из крупнейших центров Малой Азии IX в. был Аморий. Хроника продолжателя Феофана говорит о нем как о цветущем городе, население которого было неисчислимым.⁹

Известия Феофана показывают, что в VIII в. Аморий представлял собой важный стратегический центр, из-за которого постоянно шла борьба между арабами и византийцами.¹⁰ Ибн-Хордадбех также знает город Аморий. Однако после разгрома арабами при императоре Феофиле (829—842) город уже не смог оправиться.

От эпохи Римской империи сохранялась, повидимому, и Анкира. Э. Вейганд относит строительство здесь церкви св. Климента к VII—IX вв.¹¹ Разрушенный Мутасимом в 838 г., город был восстановлен византийцами в 859 г.¹² В Анкире сохранилась надпись в честь турмарха фемы Букеляриев Евстафия,¹³ в состав этой фемы входила Анкира и по данным ибн-Хордадбега.

¹ Theophanes Continuatus, p. 464. 8. — О Никее см.: I. Sölich. Historisch-geographische Studien über byzantinische Siedelungen. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. I, 1920.

² AASS, Novembris, IV, col. 642.E.

³ PG, t. CVI, col. 951. A.

⁴ Cedrenus, II, p. 429. 3.

⁵ A. M. Schneider. The city walls of Nicaea. Antiquity, 12, 1938, p. 438 a. f.

⁶ П. Д. Погодин и О. Ф. Вульф. Никомидия. ИРАИК, II, 1897, стр. 120.

⁷ Theophanes Continuatus, p. 475. 21, 758. 23. Место, где были Фигелы, точно не установлено.

⁸ Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis. Bonn, 1829, p. 658. 14, 20.

⁹ Theophanes Continuatus, p. 126. 5.

¹⁰ Theophanes, I, p. 452. 15, 467. 15, 470. 22.

¹¹ E. Weigand. BZ, 32, 1932, S. 372.

¹² H. Grégoire. Inscriptions historiques byzantines. Byz., 1927, p. 437 et sq.

¹³ Там же, стр. 449 и сл.

Однако ни Аморий, ни Анкира — эти ранневизантийские города центральных областей Малой Азии, являвшиеся скорее административными, чем торгово-ремесленными центрами, — не играли в X в. серьезной роли в экономической жизни Византийской империи. В IX и X вв. в восточных областях империи возникает ряд новых городов, не известных ибн-Хордадбеху. Город Атталия, стоявший на берегу удобного залива, служил обычно местом остановки кораблей, идущих с о. Кипр к Эгейскому морю.¹ В то же время он был центром, куда везли хлеб из всей фемы Анатолик.² Хроники называют Кесарию первым городом Каппадокии,³ однако они ничего не сообщают ни о ремесле, ни о торговле ее жителей.

Крупнейшим центром Пафлагонии был г. Амастрида, построенный на полуострове, далеко выступающем в море: поэтому Феофан говорит об Амастриде как об острове.⁴ Никита Пафлагон, живший на рубеже IX и X в., в похвале Иакинфу Амастридскому называет Амастриду «оком Пафлагонии» и даже готов признать ее оком вселенной. Сюда, по его словам, стекаются скифы, живущие по берегам Черного моря; они приносят свои товары, которые обменивают на то, что найдут в Амастриде. Расположенная на перепутье между западными и восточными странами, Амастрида не испытывала недостатка в товарах, привозимых морем и сушей. Никита гордится крепкими стенами, прекрасной гаванью и пышными зданиями Амастриды.⁵

Это известие подтверждается и другими источниками. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империй» (гл. 53) рассказывает, что жители Херсона покупают в Пафлагонии продукты питания. Хроника продолжателя Феофана сообщает о больших кораблях, которые совершали рейс из Пафлагонии в Херсон.⁶ Известно также и о связях Амастриды с Востоком. Так, житие Георгия Амастридского (IX в.) повествует о том, что несколько купцов (ἔμπόροι) из этого города, отправившихся в Трапезунд, были обвинены там в государственном преступлении и брошены в тюрьму. Их спас, однако, Георгий, который поспешил в Трапезунд, не испугавшись опасного плавания в зимних условиях.⁷

Трапезунд был в это время одним из крупнейших, если не самым крупным центром на востоке империи.⁸ На трапезундскую ярмарку, по словам арабского географа середины X в. Масуди, сходились арабские и армянские купцы. Аль-Истахри рассказывает о значительной торговле тканями в Трапезунде. По свидетельству «Книги Эпарха» (X, 2), благовония в Константинополь привозили с востока через Трапезунд.

Неподалеку от Трапезунда был расположен небольшой городок Арце, который в X в. еще не был окружен стеной; в нем жили большое число местных купцов (ἰθαγενεῖς ἔμπόροι), а также сирийцы, армяне и представители других народов.⁹ В случае опасности жители Арце искали защиты за городскими укреплениями крепости Феодосиополь.¹⁰

¹ AB, 25, 1906, p. 45.12; AASS, Novembris, IV, p. 635, E.

² Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis, p. 659. 11.

³ Theophanes Continuatus, p. 278. 16.

⁴ Theophanes, I, p. 375. 14.

⁵ PG, t. CV, col. 421. — См.: В. Г. Васильевский. Труды, т. III, Пгр., 1915, стр. XXIII.

⁶ Theophanes Continuatus, p. 123. 6.

⁷ В. Г. Васильевский, указ. соч., стр. 43. 10 и 45. 5.

⁸ О Трапезунде см.: П. В. Безобразов. Трапезунд, его святыни и древности. Пгр., 1916.

⁹ Sedgenus, II, p. 577. 7.—11.

¹⁰ Там же, стр. 577. 11—13.

Археологические обследования в Киликии проливают некоторый свет на судьбы городов Малой Азии в ранний период византийской истории. Политическим центром Киликии являлась в то время Селевкия, находившаяся на р. Калликадн. Это был по своему происхождению эллинистический город, в окрестностях которого сохранились остатки античного моста, театра, храма и стадиона.¹ Он продолжал существовать и в средние века, являясь административным и религиозным центром провинции.

Неподалеку от Селевкии находилось несколько римских городов, остатки которых можно обнаружить и в настоящее время. Город Корасий возник в конце IV в.: сохранилась надпись (SIG 4430), из которой следует, что он был основан правителем Исаурии Флавием Уранием в 367—375 гг. Однородный характер архитектурных памятников Корасия, которые лишь чрезвычайно редко имеют следы позднейшей достройки или перестройки, равно как и однородный характер надгробных надписей в некрополе Корасия, дают исследователям основание предполагать, что город просуществовал сравнительно недолго. Повидимому, он был оставлен в VII в.² В IV—VII вв. Корасий представлял собой небольшой городок, население которого занималось переработкой сельскохозяйственных продуктов; об этом свидетельствуют, в частности, остатки пресса для выжимания оливок, найденные при археологическом обследовании города.³ Город стоял на берегу моря, и среди его жителей было, повидимому, немало моряков и торговцев (см. надгробные надписи №№ 179, 184, 192).

Более древним и более крупным городом был соседний Корики. Чрезвычайно интересный материал для исследователя содержит христианский некрополь Корики, который исследователи именуют ранневизантийским.⁴ В отличие от римских языческих надписей, надгробия из некрополя Корики называют не имена отца и деда, но профессию похороненного человека. Сотни сохранившихся надписей дают возможность довольно хорошо представить состав населения Корики IV—VII вв. Надписи называют кузнецов, гончаров, ткачей полотна, каменщиков, плотников, золотых дел мастеров, мироваров, портных, строителей кораблей, а также представителей различных купеческих профессий (торговцы вином, льном, оливковым маслом и т. п.) и ростовщиков. Судя по этим надписям, ранневизантийский Корики жил интенсивной экономической жизнью. Торговцы Корики (относительно ремесленников данных не сохранилось) были объединены в коллегии (надписи №№ 770, 771).

Но этот экономический подъем был, повидимому, недолгим. Нет никаких оснований полагать, что Корики просуществовал дольше, чем Корасий.

Рассмотренный материал, относящийся к истории византийских городов Малой Азии, менее обилителен и менее ясен, нежели данные о балканских городах. Однако мне думается, что он создает довольно определенную картину. Те римские города, в отношении которых имеется археологический материал, переживали в период перехода к средневековью явный упадок: одни из них (подобно Корасию, Корику или Пергаму) исчезли или аграризировались, другие (как Эфес) значительно сократились в размерах. Число византийских городов в Малой Азии в VIII—начале IX в. было весьма незначительным. Нарративные источники подтверждают

¹ J. Keil und A. Wilhelm. MAMA, III, 1931, S. 6.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 120.

этот вывод. И вместе с тем уже с конца IX в. (может быть раньше чем на Балканах) в Малой Азии начинается тот же процесс роста новых городов. В X в. этих новых городов было уже немало.

Особое место среди византийских городов IX и X вв. занимали торговые центры, расположенные вдалеке от основной территории империи и представлявшие собой своеобразные торговые и политические форпосты. К числу таких городов относится в первую очередь Херсон, который А. Ф. Вишнякова справедливо характеризует не только как торговый центр в Таврике, но и как центр дипломатического влияния, как исходный пункт религиозно-дипломатических миссий.¹ Примерно такое же положение в системе Византийской империи занимала вплоть до IX—X в. Венеция.²

Исследованный нами материал не позволяет согласиться с широко распространенным в буржуазной исторической литературе выводом о том, что Византийская империя в с е г д а была «городской» страной. В действительности с падением рабовладельческого способа производства в Восточной Римской империи постепенно исчезают почти все античные рабовладельческие полисы на Балканах и в Малой Азии: вместе с рабовладельческим способом производства рухнул и рабовладельческий полис. «Если античность исходила из города и его небольшой округи, то средневековье исходило из деревни».³ Причины падения античных городов коренились во внутренних закономерностях развития рабовладельческого способа производства, однако вторжения варваров значительно ускорили этот процесс. Узкая культурная полоса вдоль побережья Средиземного моря была «разорвана и смята немцами и славянами с севера и арабами с юго-востока».⁴

Лишь немногие города, помимо Константинополя, пережили падение рабовладельческой формации, но и они потеряли свои экономические позиции. К числу этих сохранившихся от античности городов принадлежали Солунь, Эфес, Никея.

Говоря о большинстве византийских городов, можно сказать, что они «не перешли в средневековье в готовом виде из прошлой истории».⁵ Данные нумизматики и археологии, подтверждаемые известиями нарративных источников, свидетельствуют, что после глубокого упадка в VIII и IX вв. начинается, с конца IX в., новый период роста городов. Особенно значительным этот рост городов (там, где он не был прерван внешними причинами) был в XI и XII вв.

При этом можно наметить некоторое различие между городами конца IX и X в. и городами XI и XII вв. Важнейшие города IX и X вв. (Венеция, Херсон, Солунь, Трапезунд, Арце) лежали на границах империи и являлись местами обмена византийцев с соседними народами; другие города (Коринф, Атталия, Амастрида, Эфес) находились на торговых путях, были центрами ярмарок. В отличие от этого византийские города

¹ А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. ВДИ, 1939, № 1, стр. 131. — Специальное исследование А. Л. Якобсона «Византия в истории раннесредневековой Таврики» (см. в настоящем сборнике) показывает, что Херсон, который в V и VI вв. переживал период известного подъема, в дальнейшем захирел: до сих пор еще не удалось обнаружить культурных слоев VIII—середины IX в. Новый экономический подъем Херсона приходится на X в., т. е. на время общего оживления хозяйственной жизни причерноморских стран.

² См.: E. V e s t a. Nuove ricerche sul Chronicon Altinate. Nuovo Archivio Veneto, t. 15, 1908, p. 10.

³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. IV, стр. 14.

⁴ Там же, т. XIV, стр. 440.

⁵ Там же, т. IV, стр. 41.

XI и XII вв. являются прежде всего центрами ремесла (шелкового, гончарного, стекольного, металлургического и т. п.); поэтому они сплошь да рядом возникают в глубине страны, как Фивы или Пергам.

Развитие товарного производства проявляется в это время в значительном увеличении количества монеты, находящейся в обращении, в урегулировании форм торговли (отмена берегового права в конце XII в.), в вытеснении натуральных форм повинностей денежной рентой. Однако дальнейшее развитие византийского города приобрело своеобразные черты.

Византийское феодальное государство, отражая интересы господствующего класса, не поддержало греческие города; наоборот, оно проводило политику раздачи льгот и привилегий венецианцам и генуэзцам (быть может потому, что они являлись скупщиками хлеба, который производило на продажу византийское феодальное поместье).¹ Городские движения, которые достигли наивысшего подъема в середине XIV в., были решительно подавлены. Однако изучение судеб византийских городов в XIII—XV вв. — это вопрос, выходящий за рамки обсуждаемой темы.

¹ Можно указать хотя бы на то, что в XIV в. Византия, наряду с Апулией, являлась основным поставщиком хлеба для городов Далмации и, в частности, для Дубровника. Ср. также: А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIX вв. М., 1952, стр. 167.

И. Г. СПАССКИЙ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. И ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ МОРДОВКИ

I

Название «мордовки» в русской нумизматике присвоено небольшим монетовидным овальным пластинкам из серебра или меди с грубо выполненными различными изображениями на них и надписями из русских букв, собранных в строки, чаще всего без всякого смысла. Кроме того, к мордовкам относятся встречающиеся изредка особого рода литые из низкопробного серебра или меди треугольные пластинки, размером около 22×23 мм, с погрудным изображением женщины в своеобразном головном уборе на одной стороне и с такой же имитацией надписи, как на некоторых монетовидных мордовках, — на другой.

По словам Д. И. Прозоровского, эти пластинки когда-то считались монетами Марфы Посадницы.¹ Один экземпляр, поступивший в 1860 г. в Археологическое общество, в его «Известиях» был назван даже треугольной монетой Александра Македонского.²

Монетовидные мордовки несомненно имеют подражательный характер и восходят к русским допетровским монетам, повторяя обычную форму и общий облик последних. Однако мордовки в подавляющем большинстве своем представляют настолько своеобразное и свободное воспроизведение общего типа старинных русских монет, что их очень трудно отнести к категории фальшивых монет, выпускавшихся в расчете на обман и в обход законов, во все времена рассматривавших подделку государственной монеты как тягчайшее преступление.

При производстве фальшивых монет корыстный расчет побуждает фальшивомонетчиков употреблять малоценный материал при подделке монет из драгоценного металла и по возможности точно воспроизводить вполне определенный оригинал. Между тем мордовки очень часто не повторяют какой-либо конкретный тип монеты. Многие типы серебряных морденок отчеканены из отличного серебра. Кроме того, фальшивые монеты встречаются довольно редко, одиночными экземплярами, тогда как однотипные мордовки встречаются такими массами, что уже до изучения всех доступных нам данных отпадает какая-либо возможность видеть в них изделия обычных фальшивомонетчиков.

¹ Д. И. Прозоровский. Каталог русским монетам, хранящимся в Музее Русского археологического общества. СПб., 1865, стр. 88. — См. также 2-е издание каталога (1869, стр. 169, 170) и работу этого же автора «Свод сведений, относящихся до техники и истории медальерного искусства» (ч. I, СПб., 1884, стр. 148).

² ИАО, т. II, 1861, стр. 352.

Мордовки встречаются на старинных женских уборах многих народов Поволжья — марийцев, чувашей, мордвы, татар и др. — в качестве нашивных украшений так же часто, как серебряные копейки XVI—XVII в. Как и разнообразные поздние монетовидные бляшки, мордовки и копейки нашивались на головные уборы и платье то сплошь, как чешуя, то порознь, то в виде бахромы.

В нашей нумизматике уже больше столетия существует и разделяется мнение, сформулированное в исследовании Ф. Г. Гагарина, о позднем (антикварном) подделывании древних монет. «Остается указать еще один отдел многочисленный, но обязанный своим происхождением не обману. Это подражания русским монетам, носимые в виде бахромы и украшений на платье женщинами татарских племен, чуваш, черемис, мордвы и друг. Зажиточные женщины носят настоящие серебряные русские и татарские монеты, но простолюдины довольствуются поддельными из серебра очень низкой пробы или посеребренной меди, которые покрыты русскими буквами, поставленными безо всякого смысла. Большая часть таких монет копия с копеек с изображением царя на лошади, но попадаются и некоторые более старинные подражания двужычным монетам и проч. Все они проткнуты, чтобы нашивать на платье».¹ Две мордовки изображены на приложенной к статье Ф. Г. Гагарина таблице.

Развивая точку зрения Ф. Г. Гагарина, следовало бы признать, что широкое производство морденок могло возникнуть сравнительно поздно, во всяком случае лишь после того, как послужившие им прототипами монеты перестали быть платежным средством и потеряли значение государственной монеты, т. е. не ранее середины XVIII в. В допетровское время правительство Русского государства не могло бы оставаться безучастным к столь широкому производству поддельных монет, какие бы цели ни ставились при этом подделывании.

Мнение Ф. Г. Гагарина как будто бы подтверждается и данными этнографии. Прimitивное производство монетовидных украшений — так называемых тухланок, нохраток и т. п. — существовало в Поволжье совсем еще недавно, причем предметом подражания постепенно становились более новые монеты — серебряные пяточки, гривенники и другие мелкие монеты XIX—XX вв. Различие между государственной монетой и этими убогими имитациями было так велико, что правительству беспокоиться не приходилось; к тому же его гораздо более заботила теперь массовая порча ходячей разменной серебряной монеты, которая возвращалась в казну, изуродованная дырками для нашивания. В этом отношении частное производство подражаний, не претендующих на сходство и на платежное назначение, можно было только приветствовать.

Слово «мордовка» не отмечено толковыми словарями; в литературе оно встречается не ранее второй половины XIX в. и возникло, по всей вероятности, в нумизматическом жаргоне. Как название оно неточно хотя бы потому, что мордовки-украшения принадлежат материальной культуре многих народов Поволжья, у которых существовали свои названия для монетовидных украшений. Более того, по указанию Т. А. Крюковой, именно в мордовских уборах мордовки занимают сравнительно менее заметное место, чем в других.

В литературе можно встретить перенос на мордовки созвучного народного названия «мордка». Употребление этого термина отмечалось

¹ Ф. Г. Гага р и н. О подделке русских монет. ЗАНО, т. I, 1849, стр. 159. — См. также: N. T s c h e r n e w. Quelques monnaies russes rares ou inédites. Ann. Soc. franç. numismat. et archeol., XII, 1888, p. 448, 449.

у крестьянского населения бывш. Тверской, Владимирской, Нижегородской и Рязанской губерний для обозначения любых старинных русских монет, находимых в земле.¹ Как предполагают, название «мордка» («мордочка») первоначально было порождено особенностями внешнего вида древних рязанских монет, а затем оно было распространено на любые древние монеты.² Народное название, столь близкое к летописной «мортке», могло отразить в себе также и мордовский обычай украшаться старинными русскими монетами. Иногда оно служило поводом к недоразумениям.³

Несмелое высказывание о связи морденок если не с платежными единицами, то с денежно-счетными понятиями принадлежит Н. И. Ильинскому. Разбирая вопрос о существовавшем еще в XVIII в. в Архангельской губернии счетном понятии м о р т к а ($1/24$ алтына), он писал в примечании: «Едва ли можно думать, что мортка XVIII в. была в родовой связи с древней мордкой. Первая, существовавшая в местности, пограничной с Мордовским краем, скорее означает мордовку, пластинку в виде старинной серебряной денежки, приготовлявшуюся мордвой для женских украшений».⁴ По этому поводу следует указать, что в налоговой практике XVIII в., сохранявшей некоторые пережитки прежнего «сошного письма», термин «мордка» имел гораздо более широкое распространение. Так, например, в 1716 г., во время постройки царской мызы в Царском Селе, делалась раскладка на крестьянские дворы по 3 алтына, $2\frac{1}{2}$ денги и 1 мордке.⁵ Сопоставление Н. И. Ильинского удачным признать нельзя.

В первой половине XIX в., до того как сложилось мнение о мордовках как предметах народного убранства, они иногда привлекали к себе внимание нумизматов, пытавшихся признать в этих загадочных монетах те или иные древности. Выше уже сказано о «монетах» Марфы Посадницы и Александра Македонского — треугольных мордовках. С монетовидными мордовками также связано немало путаницы и заблуждений.

В начале XIX в. имели место несмелые попытки отнести мордовки к периоду летописных ногат и резан. В этой связи в 1808 г. харьковский профессор Г. П. Успенский впервые подробно описал несколько морденок, разбирая вопрос о летописных шелягах.⁶ Акад. Ф. И. Круг однажды рассказал Шодуару, что, заинтересовавшись сообщением Успенского, он попросил канцлера Румянцова вытребовать от Успенского его монеты. Все они оказались «ложные, подражательно сделанные людьми, незнавшими по-русски, может быть татарами, наподобие копеек в. к. Иоанна Васильевича, с пробитыми дырочками и побеленные (полуженные или посеребранные) для лучшего сокрытия обмана».⁷ Весьма вероятно, что

¹ Перечень заседаний императорского Археологического общества за 1851 г. СПб., 1851, стр. 86; А. Н. Черепнин. Каталог Рязанского музея, ч. I. Рязань, 1894, стр. 71.— См.: П. Ф. Симсонов. Мортки на пороге XVIII в. Тверь, 1907

² А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, стр. 74, прим.

³ См. переписку между Рязанской ученой архивной комиссией и Археологическим институтом по поводу названия мордка (Тр. Рязанск. уч. арх. комиссии, т. X, вып. 2, Протоколы заседаний, Рязань, 1896—1897, стр. XIII—XIV; вып. 3, стр. XVIII—XIX).

⁴ Н. И. Ильинский. Мордка в XVIII столетии. ЗРАО, т. I, нов. сер., 1886, стр. 9, прим. 2.

⁵ И. Яковкин. Описание Царского села. Отеч. записки П. Свиньина, 1828, № 99, стр. 56.

⁶ Гавриил Успенский. Опыт повествования о древностях русских, ч. I—II. Харьков, 1818, стр. 651.

⁷ С. де Шодуар. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен, т. I. СПб., 1837, стр. 39, прим. 211.

мордовками были и серебряные «ногаты», о которых писали Г. Успенский и М. Т. Каченовский.¹

Попытки признать в мордовках древние пермские монеты восходят еще к концу XVIII в. «Монета серебряная пермская, которая была сделана еще до христианства», упоминается О. И. Беляевым в описании минц-кабинета Кунсткамеры;² она вызвала различные замечания Шлецера и Ф. И. Круга.³ Высказывания Карамзина о древней пермской письменности особенно заинтересовали собирателей 20—30-х годов XIX в., знакомых с непонятными надписями на мордовках. Датированный 1836 г. раздел рукописного каталога коллекции русских монет известного собирателя Г. И. Лисенко имеет заглавие «Монеты мнимо или существенно Пермские XV в.» и содержит описание трех десятков мордовок.

Г. И. Лисенко был очень увлекающимся человеком, но с мордовками был осторожен. «Словом сказать, мыслящий нумизмат всем здесь представляющимся должен заняться тщательно и согласить свой предмет с сущностью истории, как с заветом предков к потомству, и тогда только можно сказать: вот непреложная в Отечестве нашем истина!»,⁴ — так резюмировал он свои пространные рассуждения о «пермских монетах».

В переписке по поводу несостоявшейся покупки для Эрмитажа коллекции Г. И. Лисенко после его смерти (1842 г.) имеется рапорт хранителя Нумерса о составе предлагаемой коллекции, написанный на основании лисенковского каталога. «Никаких пермских монет не существует!», — написал на полях рапорта начальник I Отделения Эрмитажа Ф. А. Жиль.⁵

После статьи Ф. Г. Гагарина, которая по существу исключала мордовки из круга интересов нумизматики как предмет, которым более пристало заниматься этнографам, нумизматы действительно перестали обращать внимание на мордовки. Д. И. Прозоровский, который считал, что мордовки «непреренно должны находиться во всяком русском минц-кабинете, как образцы подделок, отличных от монет собственно фальшивых»,⁶ и подбирал их для коллекции Археологического общества, был исключением. Лишь М. В. Рубцов в 1904 г. высказался, не приводя доказательств, за признание мордовок монетами.⁷ В Отделе нумизматики Эрмитажа с его разнообразнейшими коллекциями монет, когда-либо обращавшихся на территории нашей Родины, медалей, жетонов, частных платежных знаков и марок, дукачей и тому подобного материала, мордовками никогда не интересовались. Поступление в недавние годы в Эрмитаж двух крупных кладов мордовок сделало возможной постановку рассматриваемой темы.

Пренебрежение к мордовкам отразилось на регистрации находок. В «Отчетах Археологической комиссии» за многие годы отмечен только один клад мордовок и несколько единичных находок. Между тем некоторые краеведы Поволжья уже давно интересовались мордовками, собирали их образцы и сведения о кладах и старались разгадать значение этих неказистых «монет».

¹ Гавриил Успенский, указ. соч., стр. 665; Вестник Европы, 1827, кн. XI—XII, стр. 120.

² О. Беляев. Кабинет Петра Великого, отд. III. СПб., 1800, стр. 140. (1-е издание вышло в 1797 г.).

³ Ф. И. Круг. Критические замечания о древних русских монетах. СПб., 1807, стр. 204.

⁴ Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, к/п. 1927, № 299, л. 216 и сл.

⁵ Архив Эрмитажа, ф. II, оп. I, 1843, дело 21, л. 16.

⁶ Д. И. Прозоровский, указ. соч., Предисловие.

⁷ М. В. Рубцов. Деньги великого княжества Тверского. Тверь, 1904, стр. 66.

Именно такие краеведы обратили внимание Секции нумизматики и глиптики, существовавшей в 20-х годах в составе Академии истории материальной культуры, на мордовки. Результатом этого явилось включение специального раздела «Мордовки» в два «Списка монетных находок» (за 1920—1925 и 1925—1928 гг.), опубликованных в «Сообщениях Академии истории материальной культуры».¹ В первом списке из шести сообщений о находках мордовок четыре исходят от саратовца А. А. Кротова. Одно же сообщение включено по недоразумению составителем, которого подвела отмеченная выше путаница понятий.² Первоисточником для него явилась корреспонденция из Владимира в «Красной газете» от 10 октября 1925 г. о находке в с. Молотицы Муромского уезда клада старинных серебряных монет, „так называемых мордочек“, которые будто бы относились ко времени возникновения Москвы.³ Директор Муромского музея И. П. Богатов сообщил, что Молотицкий клад хранится со времени его находки в 1925 г. в музее и состоит из следующих монет, определенных А. А. Ильиным: 621 монеты Василия Темного, 3 татарских монет (Джанибека, чеканенной в Н. Сарае, и Шадибека, чеканенной в Каффе), 7 монет Серпуховского князя Василия Ярославовича, 22 монет Можайского князя Ивана Андреевича, 7 галичских монет князя Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки, 9 рязанских монет князя Василия Ивановича и 11 верейских монет князя Михаила Андреевича. Таким образом Молотицкий клад должен был занять место в другом разделе списка.

Одно из заседаний Секции в 1926 г. было целиком посвящено обсуждению вопроса о мордовках в связи с письмом от другого саратовского краеведа Б. В. Зайковского сотруднику Секции Р. Р. Фасмеру, составителю названных выше списков. К письму был приложен составленный Зайковским список кладов и иных находок мордовок в Нижнем Поволжье за 32 года (1892—1924), а также и образцы мордовок из ряда кладов.⁴ Вторым приложением было адресованное Зайковскому письмо из Казани.

В приводимом ниже протоколе заседания изложено выступление докладчика Р. Р. Фасмера, который несколько раз цитировал письмо Зайковского. Во второй части протокола не везде ясно, где докладчик пересказывает чужое мнение, а где делится своими соображениями.

«Б. В. Зайковский сообщил результаты своих наблюдений над мордовками и спрашивает мнение о них Фасмера.

«Обыкновенно мордовки считают за монетовидные бляшки кустарного современного производства, никакого отношения к денежным знакам не имеющие. Зайковский полагает, что „мордовки были частной разменной монетой в период, когда вновь присоединенные к России инородческие провинции не были достаточно насыщены мелкой разменной монетой“ и „когда денежная единица «денга» имела несоразмерную цену на продукты различного торга стоимость“. Из этнографических записей Саратовской губернии известно, что в половине XVIII в., приблизительно, в ходу были мордки. Мнение свое о монетном значении мордовок Зайковский обосновывает следующим образом:

1. Мордовки находятся целыми кладами, а раз были найдены в кисте при погребении.

¹ Т. I, 1927, стр. 307, 308; т. II, 1929, стр. 323, 324. (В дальнейшем: Список I и Список II).

² Список I, XI, № 2.

³ Архив ЛОИИМК, Матерпалы секции нумизматики и глиптики за 1922—1929 гг., Протоколы, № 259, § 5, 1925.

⁴ Установить что-либо относительно местонахождения образцов не удалось.

2. Мордовки в кладах массаами встречаются непробитыми.
3. Они иногда такой толщины, что для пробивания неудобны.
4. Важнейший довод в пользу их монетного происхождения — это то, что найденные в кладах мордовки, будучи непробитыми, носят на себе следы сильной изношенности, до потери рельефа рисунка.

Несомненно, они являются подражаниями русским царским копеечкам, чеканенным до 1-го десятилетия XVIII в., но надписи на них не механически копировались, а наносились на штампы произвольно, и, по определению А. А. Гераклитова,¹ буквы имеют несомненно характерный пошиб 17 и начала 18 в.

Как галантерейный товар — нашивка — они выродились из монет, ходивших в Поволжье, в Приокском и Приуральском крае, населенном финно-тюркскими народностями, со времени Золотой Орды привыкшими к монетной системе и в обиходной жизни не смогшими обходиться без разменных денег, имевших, повидимому, цену двугривенного на копейки.

«Зайковский ставит вопрос, кто был изобретателем этой системы. Есть мордовки с подражанием восточным монетам, быть может это вырождение ордынского диргема или первая стадия воссоздания мелкой разменной монеты.

«В связи с мордовками стоит, по мнению Зайковского, вопрос о валюте Казанского ханства. Ему кажется невероятным, чтобы Крым и Астрахань имели свои монетные дворы, а Казань, окруженная странами с выработанной устойчивой монетной системой, оставалась на положении натурального хозяйства или обходилась валютой соседней Москвы».²

Здесь следует заметить, что соображение Б. В. Зайковского о «недостатке мелкой разменной монеты» не вполне исторично, так как на определенных стадиях развития денежного обращения существовали монетные системы, состоявшие из совсем немногих, а иногда даже из одного только номинала довольно высокой ценности, при полном отсутствии мелкой разменной монеты. В частности, именно такова была особенность русской монетной системы в то время, которое может иметь в виду Зайковский, — в конце XVI или в начале XVII в. Основной монетной единицей была серебряная копейка, имевшая довольно высокую покупательную стоимость. Занимавшие сравнительно незначительное место в обращении денги ($\frac{1}{2}$ копейки) и совсем незначительное полушки ($\frac{1}{4}$ копейки) были, разумеется, «разменной» монетой по отношению к копейке, но никак уж не мелкой. Последней в это время вовсе не было, и денежное обращение без нее до поры, до времени обходилось.

Что касается этнографических сведений о том, что в Саратовской губернии в половине XVIII в. были в ходу «мордки», то здесь либо речь идет о той же счетной «мортке», либо мы вновь встречаемся с терминологической путаницей, и под «мордками» нужно понимать старые «мордочки» — в данном случае серебряные копейки, которые до 40-х годов XVIII в. еще принимались казной в уплату податей. Какие разменные деньги и для какого времени Зайковский оценивал в «двугривенный на копейки» — не понятно. Принимая во внимание все вышесказанное, можно оспаривать догадки Зайковского, но основное положение его о том, что мордовкам присущи все признаки монет, находившихся некогда в обращении, — неоспоримо.

¹ Докладчик, повидимому, продолжает пересказывать соображения Зайковского, лично знавшего А. А. Гераклитова.

² Архив ЛОИИМК, Протоколы 1926 г., № 274, § 5 и дело № 27, 1926 г., л. 162 п сл.

Препровожденное Зайковским письмо из Казани большого интереса не представляет. Повидимому в известной мере оно относится все к той же области терминологической путаницы. Передаем его содержание по протоколу заседания Секции нумизматики.

«К письму (Зайковского, — *И. С.*) было приложено письмо О. Н. Ядринцевой, вдовы инспектора Реального училища в Казани Н. Ф. Ядринцева, очень интересовавшегося вопросом о мордовках. В этом письме, адресованном на имя Б. В. Зайковского и датированном 1 августа 1922 г., Ядринцева пишет, что записи ее мужа погибли, но что она может кое-что сообщить по памяти. Муж ее тоже держался того мнения, что мордовки имели значение монет. Он всегда говорил, что если бы их делали для нашивки, то, конечно, сами мастера их бы пробивали, потому что, ведь, не делают же на продажу пуговицы без дырочек. От 93-летней крестьянки Авдотьи Сутыриной Ядринцев узнал, что она (Сутырина, — *И. С.*) помнит, что раньше, когда она была еще 10-летней девочкой, в их селе Вязниково Лаишевского у. за мордочку — так называли там эти деньги — покупали предметы, стоившие меньше чем $\frac{1}{2}$ копейки, напр. яйцо, пучок лука и т. д. Ядринцев считал цены на мордки в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{8}$ коп., а относит это к 1820—1830 гг.»¹

По всей вероятности Сутырина вспоминала не о мордовках: мордочки, скорее всего, старинные серебряные копейки, хотя покупательная стоимость их кажется слишком низкой.

Присланные Зайковским сведения о находках заполнили почти весь раздел «Мордовки», помещенный во втором списке (11 из 12 сообщений). Разумеется, этот материал имел бы для нас гораздо более высокую ценность, если бы сохранились и образцы мордовок, упомянутые в протоколах.

Обсужденный в Секции материал, описания кладов и соображения Зайковского, повидимому, почти не поколебали сложившееся, привычное представление о мордовках. В справочном нумизматическом словаре Шретера, выпущенном в 1930 г. при участии русских авторов — участников заседания, о мордовках говорится так же, как у Гагарина, и только добавлено, что «платежное значение они (мордовки, — *И. С.*), кажется, никогда не имели».²

Утверждение Гагарина о том, что все мордовки «проткнуты», опровергается многочисленными фактами. Сильно потертые мордовки без отверстий и каких-либо иных следов подвешивания в настоящее время известны тысячами.

В значительной мере благодаря саратовским краоведам Б. В. Зайковскому и А. А. Кроткову мы располагаем в настоящее время сведениями о двух десятках различных кладов мордовок, которые и приводятся ниже (см. рис. 1). К сожалению, в ряде случаев сведения настолько отрывочны, что не указывается даже металл, не уточнены время и место находки, отсутствуют в большинстве случаев указания о том, были ли отверстия на монетах и т. д.

1. В с. В о т с к и й з а в о д Сарапульского уезда Казанской губернии в 1898 г. найден клад серебряных мордовок весом 1 фунт 66 золотников. Археологическая комиссия отправила его на сплав.³ 2. В с. Д е д ю х и н о близ г. Усолья (Молотовская область) в 1927 г. найден мед-

¹ Там же.

² F. S c h r ö t t e r. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin, 1930. S. 401.

³ ОАК за 1898 г., стр. 179.

ный сосуд приблизительно с 10 фунтами морденок.¹ В Эрмитаже находится 9 пробитых серебряных литых морденок из этого клада, присланных из Верхне-Камского музея в качестве образцов.

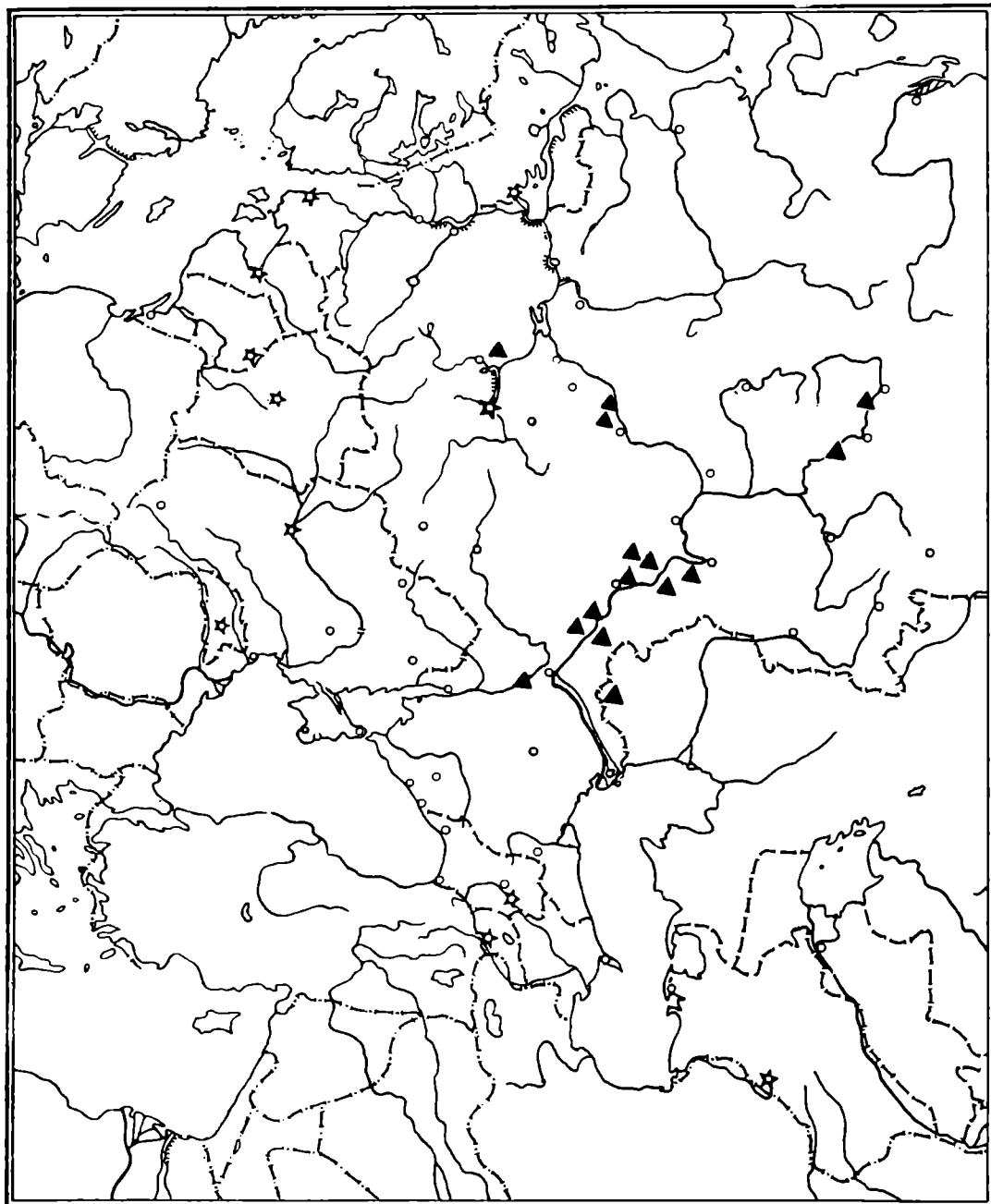

Рис. 1. Распределение кладов с мордочками.
Треугольниками обозначены места находок.

Из б. Владимирской губернии известны две находки: 3. Перед войной 1914 г. в с. Чернышеве, в 20 км от г. Юрьевца на берегу пруда

¹ Список II, XI, № 12; Книга поступлений Отдела нумизматики Эрмитажа (в дальнейшем: К. П.) 44-а, № 648, по описи №№ 1—9.

выкопан большой горшок с серебряными монетами. Сохранилось из них 182 экз.: 2 серебряные копейки (Ивана IV со знаком «ГР» и Федора Ивановича — «НЕ») и 180 серебряных чеканеных морденок трех типов, все с дырочками. На монетах отверстий нет.¹ 4. В И л ь и н с к о й в о л о с т и Юрьеvecкого уезда в 1924 г. открыт клад весом около 12 фунтов. Четыре мордены из этого клада видел и определил А. А. Сиверс.²

Особенно много находок было зарегистрировано в Самарской и Саратовской губерниях. Так, из Новоузенского уезда Самарской губернии известны две находки: 5. Близ колонии Б е р е з о в к и на левом берегу Волги найден клад из 75 морденок. Часть из них поступила в музей г. Маркс.³ 6. На ст. Ч а л ы к а Рязано-Уральской ж. д. еще до 1905 г. была обнаружена россыпь морденок.⁴ 7. В У в е к е близ Саратова обнаружен большой клад; около 7 фунтов морденок из него поступило в Саратовский исторический музей.⁵ 8. Около с. Б о л ь ш а я Ф е д о р о в к а б. Хвалынского уезда в 1913 г. найден клад из 23 фунтов морденок в дупле дерева. Среди морденок оказалась монета с крымской тамгой.⁶ 9. В с. П е ч у р того же уезда, к западу от Волги, был найден клад в 32 фунта морденок, которые были доставлены в Археологическую комиссию; она возвратила находчику бóльшую часть морденок.⁷ В одном только Камышинском уезде отмечено три клада: 10. В 1890-х годах в с. П о п о в к е найден горшок с серебряными джучидскими монетами с примесью до 1 фунта морденок.⁸ Есть возможность предполагать, что и последние были серебряные. 11. В с. З о л о т о е при перестройке дома найден горшок с серебряными мордеными, весом 3 фунта; 12 экз. из этого клада поступили в Музей Саратовской ученой архивной комиссии.⁹ 12. В станице Л е б я ж и н с к о й в 1901 г. найден кувшин с 12 фунтами морденок.¹⁰

13. Для б. Царицынской губернии отмечен особенно интересный клад, найденный в 1892 г. близ станицы Н и ж н е - Ч и р с к о й, весом 1 пуд 12 фунтов. Клад был захоронен в насыпи кургана в котелке из красной меди. Ни одна из морденок этого крупнейшего клада (не менее 20 тыс. экз.) не имела отверстия.¹¹ 14. Еще южнее, для б. Астраханской губ., известна находка кувшина с мордеными, обнаруженного близ Х а н с к о й С т а в к и Букеевского уезда.¹²

15. Как сообщила А. С. Гудкова, в 1953 г. Государственный Исторический музей получил для определения из Бежецкого краеведческого музея две мордены из довольно крупного клада, открытого в районе Б е ж е ц к а (Калининская область). Клад состоит из одинаковых чеканеных серебряных морденок с изображением птицы; обе присланные имеют отверстия.

В Отделе нумизматики Эрмитажа имеется несколько кладов морденок, к сожалению, все они неустановленного происхождения; некоторые из них, кроме того, засорены примесью не относящихся к ним морденок.

¹ Принадлежат Т. А. Есеевой.

² Список I, XI, № 1.

³ Список II, XI, № 11. [В списке Зайковского (№ 11) говорится еще об одном кладе из Березовки, в котором, кроме морденок, были копейки Михаила Федоровича].

⁴ Список II, XI, № 9 (по списку Зайковского № 5).

⁵ То же, № 5 (по списку Зайковского № 7).

⁶ То же, № 8 (по списку Зайковского № 9).

⁷ То же, № 7 (по списку Зайковского № 4).

⁸ Список I, XI, № 5.

⁹ То же, № 4. — Попытки навести справки в Саратовском музее остались безрезультатными.

¹⁰ Список II, XI, № 3 (по списку Зайковского № 2).

¹¹ То же, № 2 (по списку Зайковского № 1).

¹² То же, № 1 (по списку Зайковского № 6).

I. В 1938 г. поступил клад, состоявший из 2917 мордовок. В Отделе Востока, где этот клад долго хранился, данных о его происхождении не оказалось. При других монетах, хранившихся вместе с ним, были пометки о принадлежности их к коллекции Веселовского. Все мордовки в кладе литые, из низкопробного серебра и принадлежат к нескольким, очень близким между собой, типам. Только на 7 экземплярах имеются отверстия, что не мешает почти всем мордовкам быть очень сильно затертыми. Среди мордовок оказалась одна непробитая монета Бориса Годунова (К. П. 583, № 297).

II. Второй крупный клад мордовок поступил в Отдел нумизматики в 1950 г. из Отдела истории русской культуры. Происходит он, вероятно, из бывш. собрания вел. кн. Георгия Михайловича; о месте находки сведений не имеется. Клад состоит из 3242 монет и мордовок. В него входит группа русских монет — одна денга Ивана III и 30 серебряных копеек XVI, XVII и XVIII вв. Наиболее поздняя копейка Петра I — 1716 г. Только одна мордовка и одна монета не имеют отверстий. Типы мордовок в основном те же, что и в I эрмитажном кладе. Мордовки чрезвычайно сильно истерты, тогда как монеты XVII и XVIII вв. гораздо лучшей сохранности (К. П. 583, № 856).

III. В 1922 г. из Комиссии по учету церковных ценностей Петроградского губернского финотдела поступили вместе с различными монетами 107 мордовок, которые несомненно принадлежат к одному позднему комплексу. Вместе с пробитыми серебряными мордовками оказались 3 пробитые монеты: копейка Михаила Федоровича, ливо-эстонская монета 1757 г. и пятачок 1760 г. (К. П. 44-а, № 289).

IV. В 1932 г. Отдел нумизматики принял из Ленинградского историко-лингвистического института нумизматические коллекции бывш. Археологического института, Духовной академии, Музея древностей и Археологического музея Ленинградского университета. В поступлении оказалось всего около 500 мордовок. По составу типов и внешним признакам — цвету, налетам, технике, характеру затертости и т. д. — четко выделяется один комплекс литых серебряных мордовок, содержащий около 300 экз. (К. П. 583, № 138).

Среди старых материалов Отдела нумизматики, о происхождении которых не имеется никаких данных, находятся две группы мордовок, в состав которых несомненно входят два комплекса (V и VI).

V. Группа состоит из 154 мордовок и 3 русских монет — Василия Темного, Ивана III и Михаила Федоровича. Две монеты и все мордовки пробиты; среди последних одна треугольная, мордовки литые и чеканенные, определенных и сравнительно немногих типов (каталог «Дублиеты до 1921 г.», №№ 825—981).

VI. В группе (491 экз.) имеется примесь различных подлинных и поддельных монет (41 экз.) — потертых, пробитых и т. п. Литые, пробитые и не пробитые, но сильно стертые мордовки представляют довольно определенную по составу группу родственных типов. Среди чеканенных много заведомо поздних мордовок, особенно много подражаний петровским копейкам (каталог «Дублиеты до 1921 г.», №№ 2513—2981).

VII. В поступившей в 1924 г. небольшой нумизматической коллекции находится 100 мордовок, которые почти все явно принадлежат к одному комплексу. Значительная часть монет без отверстий (К. П. 44-а, № 664).

В Рижском центральном историческом музее находится клад литых серебряных мордовок тех же типов, что и в I и II эрмитажныхкладах. Из 191 составляющей клад монеты ни одна не пробита. Заявление лица, продавшего клад, о том, что он найден близ Веравы в Эстонии, вызывает

недоверие, разделяемое и хранителем Нумизматического отдела Рижского музея Р. К. Цеплите, доставившей сведения о кладе и приславшей оттиски с монет.

По сообщению П. В. Харламповича, в Пензенском музее находится больше 600 пробитых чеканеных морденок из светлого металла. Судя по описанию и присланным оттискам, они могут принадлежать к одному комплексу.

Одиночные находки морденок размещаются примерно в той же зоне, что и клады. Нет нужды их перечислять, так как ни в одном случае нет уверенности, что они не были потеряны с уборов. Можно отметить лишь некоторые из них. Одна треугольная морденка найдена в середине прошлого века близ Соли Илецкой в степи,¹ две серебряные мордены — в Ливенском уезде Орловской губернии.²

Следует постоянно иметь в виду, что очень многие, недостаточно четко определяемые групповые находки морденок могут не быть кладами в обычном смысле слова. Возможны, во-первых, находки в случайно открытых погребениях, как, например, это было близ с. Мелик на Хопре в Балашовском уезде Саратовской губернии, где около 30 пробитых морденок найдено при костяке.³ Во-вторых, групповые находки морденок возможны на старых мордовских и чувашских кереметях. В 1920 г. такая находка была отмечена в той же Саратовской губернии.⁴

В 50-х годах прошлого столетия В. Сбоев описал обычай чувашей приносить в заповедные лесные керемети жертвенные деньги. «В дупло одного или двух деревьев в керемети, а иногда и в нарочно устроенный ящик каждый, приносящий жертву, клал деньги, смотря по своему достатку».⁵ Сбоев указывал, что такие деньги предназначались на общественные расходы.

В статье В. Магницкого о происхождении некоторых кладов в Вятской губернии также говорится об обычае чувашей оставлять в кереметях у корней деревьев и в дуплах жертвенные деньги. Указания о назначении денег нет, но отмечается, что монеты должны были быть неповрежденными, т. е. нестертыми и непродырявленными. Однако далее Магницкий указывает, что при жертвоприношениях чувашаи «подлинную монету давно уже заменяют продаваемыми на базарах специально для них разной величины жестянками, вырезанными из листов белой и желтой жести и долженствующими в глазах предков соответствовать серебру и золоту, а также отлитыми из олова; из них первые известны у чуваш под именем „нохрат“ и вторые „түхлан“».⁶ Первое слово является испорченным арабским нукра, что означает «серебро».

Белые и желтые жестянки разных размеров должны были условно представлять современную, новую монету разных достоинств. Однако старой монете, вероятно, придавалось особое значение. Оставляя свою убогую жертву, чуваш говорил, молясь, что он принес «киве кюмуль нохрат», т. е. старую серебряную монету.⁷ Магницкий рассказывает, как

¹ ИАО, т. I, 1858, стр. 227, 251.

ОАК за 1899 г., стр. 118, 160.

³ Список II, XI, № 4. [В списке Зайковского (№ 3) отмечено, что мордены были такого же типа, как и в кладе из Нижне-Чирской, и находились в кисте].

⁴ Там же, № 6.

⁵ В. С б о е в. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856, стр. 90, 91, см. также стр. 34.

⁶ В. М а г н и ц к и й. Клады из мелкой серебряной монеты в Вятской губернии. Изв. Общ. археол., истор. и этнограф. при Казанск. унив., т. XVII. Казань, 1905, стр. 138, 139.

⁷ Там же.

в 50-х годах прошлого века, будучи еще мальчиком, он пробирался на керемети и находил там целые пригоршни «жестянок», среди которых встречались и серебряные копейки. Некоторая часть встречающихся в коллекциях непробитых и нестертых, заведомо поздних морденок может происходить с кереметей.

Указаний о зарывании в землю жертвенных монет в этнографической литературе нет. Что же касается вырытых из земли кладов, то и здесь в очень многих случаях могли быть захоронены, как в Чернышевском кладе, в Дедюхинском и других, только пробитые мордены, служившие украшениями и спрятанные в землю как драгоценность, но не как ходячая монета. Но во всяком случае находки зарытых в землю горшков и кубышек с непробитыми мордеными, а отчасти и с пробитыми носят вполне обычный характер кладов-сокровищ.

Наличие таких свидетельств, как огромные по количеству клады непробитых и в то же время потертых от употребления морденок, доказывает несостоятельность прежнего взгляда на мордены. Приходится признать, что они представляют собой более сложное явление и что некоторая часть дошедших до нас морденок была настоящими монетами, которые некогда обращались в качестве платежного средства на значительной и притом вполне определенной территории.

Клады морденок, за исключением Бежецкого и явно привозного рижского, располагаются в бассейне Камы и среднего и нижнего течения Волги, вплоть до Астрахани. Особенно кучно отмечены находки их в районе ниже Самарской излучины (см. рис. 1). Клады дают вполне четкую в топографическом отношении картину и очерчивают обширный район обращения морденок. Правда, относительно состава большинства зарегистрированных кладов мы не располагаем достаточно точными данными: непробитые мордены отмечены только в Нижнечирском кладе. Доступные же для изучения клады и группы — все неустановленного происхождения. Однако все мордены в целом представляют настолько однородное явление, что данные топографии даже заведомо поздних кладов могут и должны быть использованы для определения района денежного обращения морденок.

Что касается постоянно встречающихся самых различных типов морденок с отверстиями, то, обратившись к русским монетам в Поволжье, мы встретимся с таким же точно обычаем пробивать их.

Рассматривая вопрос об образовании в процессе денежного обращения сокровищ как более или менее временного состояния денег, К. Маркс указывал: «Так как золото и серебро представляют собою материал абстрактного богатства, то самый распространенный способ выставить напоказ богатство заключается в употреблении их как конкретных потребительских стоимостей».¹ Превращение монеты в украшение, даже если это крохотная серебряная денга XVI в. весом 0,3 грамма, ставит нас перед частным случаем возникновения сокровища. Драгоценный металл выпадает из обращения и превращается в потребительскую стоимость — украшение. Количественная сторона в данном случае значения не имеет. «В странах с чисто металлическим обращением, или находящихся на неразвитой ступени производства, сокровища бесконечно распылены и рассеяны по всей поверхности страны», — указывает Маркс далее.²

Русская монета пришла в Поволжье раньше войск, положивших конец существованию Казанского ханства. Открытые в Казани и близ

¹ К. М а р к с. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 132.

² Там же, стр. 134.

нее клады свидетельствуют, что уже во второй половине XV в. русские деньги на правах основной валюты обращались в Казанском ханстве. Чеканка каких-либо собственных монет Казанского ханства до настоящего времени не установлена, и поиски их среди татарских (джучидских) монет едва ли увенчаются когда-либо успехом. А. А. Быков указывает, что известны монеты с именем основателя ханства Улу-Мухаммеда, но они чеканились вне Казани и до возникновения ханства, когда Улу-Мухаммед был еще ханом Золотой Орды. Наиболее поздние из них датированы 1427 г. Вместе со старой джучидской монетой на казанском рынке в первой половине XV в. обращались монеты, приходившие из Астрахани, где чеканка собственной монеты производилась еще в середине столетия.

Русские купцы приносили русскую монету, которая, начиная с середины XV в., постепенно изменяла монетный состав денежного обращения в Поволжье. Древний обычай народов Поволжья украшать женскую одежду нашитыми монетами нашел удобный материал в небольших по размеру овальных русских серебряных монетах XV—XVII вв.

Здесь следует указать, что появление отверстий на монете вовсе не лишало ее потенциально платежного значения. Об этом убедительно свидетельствует присутствие известного количества пробитых монет почти в каждом сколько-нибудь крупном кладе русских монет XVI—XVII в.¹ Следовательно монета, ставшая сокровищем-украшением, в любой момент могла снова возвратиться в состояние платежного средства и уйти в обращение на равных правах с неповрежденными монетами.

Доказательством устойчивости обычая пробивать ходячую монету является то, что в течение XIX в. правительство вынуждено было считаться с ним и принимало пробитые монеты в казну сперва с «довесом»,² а с 1885 г. как вполне полноценную, тогда как монета с любыми другими повреждениями не принималась вовсе.³ В конце XIX в. Министерство финансов, ссылаясь на народный обычай, несколько раз подтверждало обязанность местных казначейств в «иностранческих» областях принимать в платежи любую пробитую монету наравне с целой или беспрепятственно обменивать ее без доплаты со стороны сдачиков, хотя эта операция была убыточной для казны.

За 19 месяцев, с 1888 по 1890 г., казначейства приняли и отправили в переделку на Монетный двор проколотой монеты по нарицательной стоимости более чем на два миллиона рублей! Собиралась эта монета главным образом в Туркестанском крае, на Кавказе, в Сибири и в Вятской, Казанской, Уфимской и других губерниях с нерусским населением. «Такую монету, служившую для украшений, инородцы в годы неурожая пускают снова в оборот, а также уплачивают ею и окладные сборы», — указывается в документах 1890 г. Симбирское отделение Государственного банка в 1885 г. доносило Министерству финансов, что в Симбирской губернии почти вся находившаяся в обращении монета была проколота. Примерно таково же было положение и в Уральской губернии.⁴

Таким образом даже наличие отверстий на мордовках Поволжья само по себе ни в какой степени не может лишать их нумизматического значе-

¹ См. статью «Денежная казна» в сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.» (изд. Главсевморпути, 1951, стр. 128).

² Сборник указов по монетному и медальерному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1886 г. Сост. М. Г. Деммени, т. III, 1887, стр. 269, № 22792, 7 декабря 1848 г.

³ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Александра III. СПб., 1891, стр. 77 (циркуляр Министерства финансов, 23 июня 1888 г.).

⁴ Там же, стр. 80—82 (записка Департамента Государственного Казначейства).

ния. Наша задача сводится к тому, чтобы преодолеть специфические трудности материала, очень слабо поддающегося датировке, и отделить старые мордовки-монеты от более поздних морденок-украшений.

При застойных формах быта отсталых народностей в царской России привычка к допетровским монетам стала чрезвычайно прочной. Указ 1756 г. о прекращении приема платежей в казну старыми серебряными копейками и об ответственности лиц, не желающих сдать государству старые деньги, делал изъятия только для нумизматов, да национальных меньшинств Российской империи: для «тех людей, кто небольшое число удержит для любопытства и памяти древности и в уборах, имеющих в России иноверных и прочих подобных тому народов, что в вину не причитается».¹

После прекращения чеканки серебряных копеек они надолго превратились в ходовой товар в Поволжье. «Здесь такой уж обычай, — писал в 1857 г. В. К. Савельев, — чтобы поскорее продать находимые в земле русские мелкие серебряные деньги, их немедленно пробивают, потому что в этом виде их охотно покупают черемисы, чуваша и татары, которые нашивают их на платье и головные женские повязки».²

Привычка делать украшения из монет определенного рода вызвала в Поволжье производство подражаний старым русским монетам. Еще Г. Ф. Миллер описал украшенные старинными серебряными копеечками женские уборы многих народов Поволжья. Он же первый отметил, что «скудные нашивают вместо серебряных копеек тоненькие оловянные бляшки видом и величиной с серебряную копейку».³ После Г. Ф. Миллера о местных оловянных, жестяных и иных подражаниях копейкам упоминали П. Паллас, И. Лепехин⁴ и многие другие. У Лепехина, как можно думать, упомянуты и литые мордовки, используемые в качестве украшений. Он описал перстни, к которым были подвешены на цепочках «серебряные, а на иных медные копейки, а на иных полушки», причем медные были на уборах «убогих». Возможно, что Лепехин видел медные мордовки и назвал их копейками.

Исчезновение серебряных копеек из обращения в XVIII в. способствовало возникновению более широкого, рыночного производства подражаний. Прекращение притока новых серебряных копеек повышало спрос на оставшиеся старые, а для «убогих» они вообще были недоступной роскошью. В то же время отпадала угроза преследования за близкое к оригиналам подражание. Многие типы морденок появились заведомо поздно, не ранее XVIII в. Таковы более или менее точные подражания петровским копейкам; встречаются среди морденок подражания (с читаемой надписью) копейкам Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, которые, вероятно, также появились не раньше середины XVIII в.

¹ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования имп. Елизаветы Петровны и Петра III. СПб., 1896, стр. 148. — Судя по тому, что этот указ был не первым, можно не сомневаться, что старые копейки — «мордочки» — и после него в течение некоторого времени сохраняли платежное значение в местных мелких расчетах, особенно в более отсталых районах.

² ЗАО, т. IX, вып. 2, 1857, стр. 261.

³ Г. Ф. Миллер. Описание трех языческих народов в Казанской губернии. . . (Сост. в 1733). Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, СПб., 1756, июль, стр. 45 и сл.

⁴ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, кн. I, ч. 2. СПб., 1773, стр. 9; Записки путешествия академика Лепехина. СПб., 1821 (1768—1769), стр. 169, 187; см. также: Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию СПб. Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 гг. в г. Перми. Пермь, 1804, стр. 188, 200, 207.

Для поздних морденок наиболее характерна техника чеканки между двумя штампами, а иногда и техника брактеата, т. е. односторонняя чеканка на «подушке». Однако и техника литья, в которой выполнено подавляющее большинство интересующих нас не пробитых, но сильно стертых в процессе обращения монет, сохранялась довольно долго. В ней выполнены некоторые подражания монетам XVII и начала XVIII в. с читаемыми надписями.

В эрмитажной коллекции подделок имеются экземпляры литой из меди круглой мордены со всадником на одной стороне и строчной надписью «тухланка» на другой. Транскрипция надписи позволяет отнести эту морденку к XVIII в. Точно такие же тухланки были в Дедюхинском кладе, но лицевую сторону этого типа в сочетании с другой оборотной мы встречаем на непробитых монетах I эрмитажного клада, а в том же Дедюхинском и других — на морднках с отверстиями.

Мордены, бывшие когда-то монетами, так же как копейки, использовались для украшений и стали служить предметом подражания. Некоторые заведомо поздние мордены явно повторяют тип тех или иных старых морденок, а не копеек, хотя канонический тип копейки в поздних морднках выражен сильнее всего.

В Эрмитаже имеются экземпляры интересного «гибрида» — помеси мордены и нюрнбергского жетона конца XVIII или начала XIX в., с изуродованным портретом Людовика XVI на одной стороне и «морднковой» строчной нечитаемой надписью на другой.

Нюрнбергские медные жетоны появились в Сибири и Заволжье в конце XVI или в начале XVII в.; они привозились как меновой товар русскими купцами, которые запасались ими в Архангельске. Жетоны быстро привились в качестве излюбленного украшения у народов Сибири и Заволжья; многочисленные находки их в погребениях и на уборах отмечены на огромных пространствах от Волги до Восточной Сибири.¹ Ввоз жетонов в Россию не прекращался до первой половины XIX в. Нюрнбергские фабриканты разнообразили свой товар, постепенно обновляя ассортимент и вводя новые сюжеты. В конце XVIII в. под влиянием событий французской буржуазной революции 1789 г. появилась масса жетонов с портретом Людовика XVI. Именно такой жетон и послужил образцом для упомянутого типа мордены. В ряде названных выше изданий XVIII и начала XIX в. отмечается употребление в качестве украшений в Поволжье «щелягов», или «щелихов», — нюрнбергских жетонов — и торговля ими, а в коллекциях Эрмитажа имеются образцы жетонов русского производства XVIII—XIX в.

Таким образом упрощенный взгляд на мордены только как на украшения опирался на известного рода фактические данные — на существование производства морденок в XIX в. и на литературные данные, относящиеся к XVIII в. К такому-то производству и были причислены все без исключения мордены.

II

Путем сравнительного изучения состава кладов намечается известная последовательность в постепенном пополнении и расширении фонда дошедших до нас морденок. Довольно обширный круг типов литых морд-

¹ См.: И. Г. С п а с к и й. Счетные жетоны. Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.» (изд. Главсевморпути, 1951); он же. Происхождение и история русских счетов. Сб. «Историко-математические исследования», вып. V, Гостехиздат, 1952, стр. 295—300.

вок, среди которых наиболее часто встречаются непробитые, составляет старейшую группу. Одни клады состоят только из литых и непробитых морденок, тогда как в других количество их убывает за счет увеличения числа чеканеных, и здесь они гораздо чаще имеют уже отверстия, а в некоторых, заведомо поздних кладах морденок литые отсутствуют полностью.

Среди чеканеных морденок выделяется сравнительно небольшая группа старейших типов, непосредственно примыкающих к литым. Эти монеты менее многочисленны, чем литые, но непробитые и в то же время потертые экземпляры встречаются среди них довольно часто. Серебро в них обычно довольно хорошего качества. Чеканеные мордены более поздних типов определяются не только занимаемым ими в кладах местом, но и фактурой, а отчасти и надписями, так как некоторые из них более или менее точно передают надписи петровских копеек. Непробитыми они почти не встречаются. Многие поздние мордены чеканились из серебра хорошего качества, но большинство было из посредственного и вовсе плохого серебра. Мордены некоторых типов встречаются отчеканенными из латуни или красной меди.

Длительное производство морденок как монет и как традиционных украшений, при постоянном их подражательном характере и примитивной технике, создало путаницу разновременных типов, в которой скрыты интересующие нас монеты. Поэтому правильнее всего начинать с изучения состава кладов с непробитыми монетами, ориентируясь по ним при разборе других кладов. К тому же каждый клад как исторически сложившийся комплекс представляет особые возможности для выводов и обобщений. Среди морденок неустановленного происхождения заслуживают внимания экземпляры со следами их употребления, но не имеющие отверстий. Установление тех или иных связей таких морденок с монетами из кладов позволяет более уверенно относить и их к кругу морденок-монет, а затем распространять полученные выводы и на подобные же пробитые монеты.

При изучении морденок основным материалом для нас послужили клады эрмитажного собрания. Не говоря уже о том, что происхождение всех их остается неизвестным, в отношении достоверности состава некоторые из них заставляют желать лучшего. Это в особенности касается IV, V и VI эрмитажных кладов, к которым лишь с оговорками применимо название «клад».

Известные по находкам в кладах мордены отличаются отсутствием определенности с чисто технической стороны, так как они изготовлялись либо в технике чеканки на пластинках при помощи штемпелей, либо при помощи отливки в складных формах — опоках. Разнообразие техники, вероятно, немало способствовало установлению неверного взгляда на мордены как на изделия множества ремесленников, мастеровивших украшения любыми доступными им средствами. Между тем именно исследование морденок с технической стороны открывает возможность для обоснованной группировки материала, причем различие техники в данном случае лишь способствует установлению единства всей группы морденок-монет.

Овальная форма русских допетровских монет определяется техникой изготовления монетных пластинок путем плющения обрезков проволоки. Такие же пластинки для чеканки морденок вырезывались ножницами из тонкого листа металла. Форма овала перешла к литым морденыкам и даже заметно повлияла на композицию многих встречающихся на морденыках изображений и на размещение надписей на штемпелях. В некоторых случаях окружающий изображение ободок повторяет форму овала, что

никогда не встречается на русских «проволочных» монетах, несмотря на их форму, а надписи очень часто вписаны не в круг или квадрат, но в вытянутый вверх столбец.

Материалом для отливки большинства типов мордовок из кладов служил серебряный сплав, состав которого очень сильно колеблется — от более светлого до крайне низкопробного биллона. Однотипные литые мордовки встречаются в металле разного качества.

Многие из литых низкопробных мордовок производят ложное впечатление посеребренных. Углубленные места, которые защищены выступающими вокруг частями рельефа, сохраняют светлый тон серебра, тогда как подвергавшиеся трению части поверхности имеют тусклый серый или желтоватый тон.

В действительности здесь имеет место явление, известное для многих типов плохой биллонной монеты. Из-под штемпеля она выходит белой, но очень быстро теряет всякое сходство с серебром. Как в сплаве чеканной, так и в сплаве литой монеты под влиянием термических процессов происходит поверхностная концентрация серебра в виде тонкого налета. Но поздние медные мордовки действительно часто бывают посеребрены.

И чеканеным и литым мордовкам в равной мере свойственна особенность, присущая и их прототипу — русским допетровским монетам: отдельные монеты чрезвычайно редко, а мордовки почти никогда не позволяют составить полное представление о том или ином типе. Особенности техники и ее низкий уровень вообще обуславливают то, что каждый отдельный экземпляр, независимо от сохранности, имеет только часть признаков типа. Лишь внимательное изучение очень большого числа однотипных экземпляров позволяет собрать по частям все или большинство признаков.

На многих экземплярах литых мордовок в результате не совсем точного совмещения половинок формы заметен сдвиг в противоположном направлении лицевой и оборотной сторон, как если бы монета была неаккуратно склеена из двух пластинок. В некоторых опоках отливалось одновременно несколько монет, и, вероятно, углубления для отливки располагались в таких случаях несколькими рядами, так как на многих менее затертых экземплярах литых мордовок наблюдаются следы отрубав или откусывания на обоих противоположных краях или только на одном крае овала. Они получались при удалении металла, застывавшего в подводящих и соединительных каналах. Иногда оба конца овала настолько срезаны, что монета выглядит почти прямоугольной.

Половинки формы складывались очень плотно. На сравнительно немногих монетах заметны небольшие заусеницы, которые образовались при проникновении металла в зазоры на стыке половинок формы. Средняя толщина литых мордовок составляет около 1 мм, но встречаются уродливо отлитые более толстые экземпляры. На них иногда заметны следы обрезки и даже плющения вдоль краев.

В отчете Археологической комиссии за 1899 г. упомянута находка в Казанской губернии шиферной формы, как сказано, «сравнительно нового времени»,¹ предназначенной для отливки мордовок. В Казанском музее, куда в свое время поступила форма, сведений о ней не сохранилось. Однако все или во всяком случае подавляющее большинство литых мордовок из рассмотренных кладов отливались не в таких формах.

Разборка и систематизация литых мордовок по типам сразу же ставят нас перед замечательным фактом: в каждом типе, о котором можно

¹ ОАК за 1899 г., стр. 119.

судить по достаточному количеству экземпляров, оказываются десятки вариантов, которые отличаются друг от друга формой пластинки, соотношением осей сторон и, наконец, относительным разнообразием одинаковых надписей: в каждом варианте надписи расположены по-своему, будучи сдвинуты в ту или другую сторону (рис. 2). Надпись располагается то поперек овала, причем содержит до пяти строк, то строки протягиваются по длине овала, то пересекают его наискось. Таким образом литые мордовки выглядят точно так же, как чеканеные штампами монеты, с тем отличием, что особенности, соответствующие индивидуальному положению неровных овальных пластинок между несопряженными штампами, повторяются в десятках и даже сотнях совершенно одинаковых экземпляров.

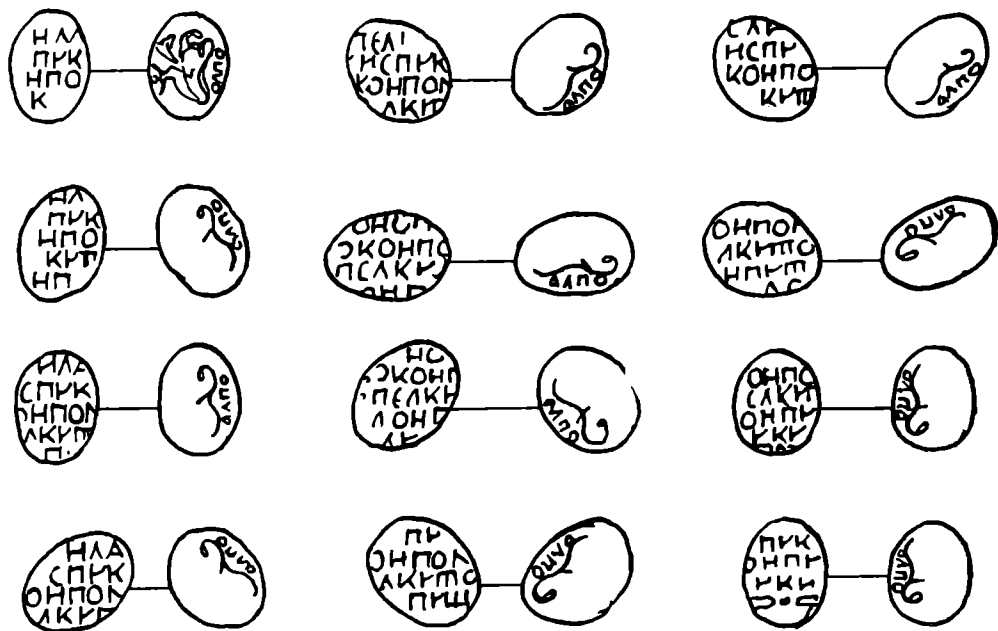

Рис. 2. Соотношение осей сторон в мордовках.

Очевидно однотипные литые мордовки отливались во многих формах, оттиснутых в каком-то пластичном материале при помощи многих однотипных, но никогда не одинаковых чеканеных монет. Только так можно объяснить, при наличии техники литья, появление мордовок со следами двойного удара или сильного смещения штампея и даже одинаковых экземпляров, на которых в литье передан след от дырочки, находившейся на оригинале — чеканеной монете, тогда как на литой отверстия нет. Это обстоятельство доказывает, что первыми моделями служили не макеты, которые самостоятельного значения не имели, а настоящие чеканеные монеты, иногда уже успевшие послужить и в качестве украшений.

Литые мордовки позволяют сделать ряд выводов, касающихся этих чеканеных оригиналов. Литые монеты свидетельствуют, что их оригиналы далеко не всегда имели отверстия. Они чеканились, как и русские копейки, несопряженными штампами, чем объясняется произвольное взаимоотношение осей сторон. Нижним был, вероятно, штампель с изображением. Изображение довольно часто располагается по длине овала пластинки,

тогда как верхний штемпель с надписью оттискивается обычно как придется, впрямь или вкось. Такое постоянство положения можно объяснить привычкой аккуратно накладывать пластинку на закрепленный нижний штемпель, что вызывалось желанием получить полное изображение. В отличие от мордочек, в русских копейках, на которых изображение всадника также находилось на нижнем штемпеле, такой аккуратности в наложении пластинок не наблюдается; в спешке их набрасывали как попало.

У литых экземпляров на стороне с надписью сравнительно чаще наблюдаются случаи двойного удара штемпеля, сдваивающего надпись, да и надпись смещается на отведенной для нее поверхности гораздо сильнее, чем изображение. Встречен один экземпляр литой мордочки, который повторяет так называемую односторонку — монету, неправильно отчеканенную ударом второй монеты, застрявшей в верхнем штемпеле. Особо интересен представленный несколькими экземплярами тип, в котором соединились две различные надписи: поверх изображения оттиснулась часть надписи иного штемпеля. Он свидетельствует об одновременности чеканки монет разных типов.

Вырезанная на штемпеле надпись для большинства типов мордочек была чуть ли не в два раза шире и выше монетных пластинок (рис. 3). Собранные по частям со всех вариантов типа некоторые надписи имеют по восемь строк, а в каждой строке по 8—9 букв, тогда как на пластинках при самом благоприятном положении штемпеля оттискивалось не больше 5 строк, а в строке не больше 6—7 букв. Рабочая поверхность штемпеля для чеканки русских копеечек бывала иногда шире поверхности пластинок, но далеко не в такой степени. Главное же отличие штемпелей для мордочек от штемпелей для русских монет заключается в том, что на последних надпись, как и изображения, всегда вписывалась в форму круга. На штемпелях же для мордочек все строки надписи, как средние, так и крайние, имеют примерно одну и ту же длину. Надпись располагается в прямоугольнике с короткими основаниями и большой высотой, а изображение строилось применительно к овалу. Лишь на одном из типов чеканеных мордочек оттискивается целиком квадратный, с закругленными углами штемпелек.

Различия в форме отдельных букв на разных вариантах однотипных мордочек показывают, что штемпели последних подвергались подправке резцом. Встречено несколько экземпляров мордочек, на которых в литье передан находившийся на чеканенной монете рубец, который был оставлен трещиной штемпеля. Более грубые, неровные рубцы происходят от трещин на литейной форме.

Помимо вариантов указанного порядка, из некоторых наиболее массовых типов литых мордочек выделяются сравнительно небольшие группы монет, отличающихся примерно вдвое или вчетверо меньшим размером пластинки и меньшим весом. Следовательно и среди чеканеных мордочек, которые служили моделями, были экземпляры половинного и четвертного «достоинства», подобно тому как в русской монетной системе XVI в. были копейка, вдвое меньшая денга и вчетверо меньшая полушка. Однако, в отличие от русских монет, у которых различие не исчерпывалось размером и весом, но распространялось на изображение и надпись, чеканеные

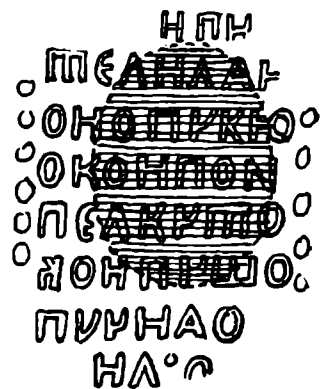

Рис. 3. Сравнение величин мордочки и штемпеля (сильно увеличено).

мордовки-оригиналы всех трех размеров однотипны: они чеканились одними и теми же парами штемпелей. Однотипные литые «половинки» и «четвертинки», как и крупные монеты, восходят ко многим чеканеным оригиналам. В I эрмитажном кладе на 2916 мордвонок оказалось 7 «полупшек» размером приблизительно 6×4 мм и 122 «денги» размером около 8×6 мм. Средний размер крупных мордвонок — около 12×9 мм. Следует оговориться, что размер мордвонок, как и русских монет XV—XVII вв., довольно неустойчив.

Вполне понятно, что очень маленькие литые монетки не могут иметь устойчивого веса. Если однотипные монеты в пределах одного варианта еще имеют довольно выравненный вес, то расхождение среднего веса всех вариантов одного типа бывает очень значительным и достигает 0.2 г. Средний вес вариантов одного из изученных типов крупных мордвонок колеблется в пределах 0.37—0.56 г, а средний вес монет разных типов, связанных между собой соотношением штемпелей, — в пределах 0.44—0.56 г.¹ На колебании веса сказываются индивидуальные особенности формы моделей, обрубка на монетах литников, заусеницы и многие другие обстоятельства, связанные с изготовлением мордвонок. Судя по тому, что в обращение выпускались даже явно неудавшиеся, слишком толстые отливки, с которых лишь были удалены заусеницы, точности веса монет большого значения не придавали. Мордовки «половинки» весят 0.20—0.30 г, «четвертинки» — 0.17 г.

Сравнение между собой всех четко установленных типов литых мордвонок, являющихся своего рода слепками, которые сохранили для нас облик ранее существовавших чеканеных мордвонок, открывает еще одно и, пожалуй, наиболее замечательное свойство последних: очень многие из них крепко связаны между собой общими штемпелями,² что прежде всего доказывает единство основной, первичной группы, созданной в каком-то определенном центре производства, который проще и правильнее всего назвать монетным двором. Имеются связи и иного рода.

Таким образом литые мордовки продолжают линию генетически старшей группы чеканеных монет. Последние представляют собой целостную единую группу, которая имеет все признаки настоящих монет. В то же время дошедшие до нас чеканеные мордовки представляют, за очень редкими исключениями, явление более позднее, чем литые.

Характер преемственности литых мордвонок может быть несколько уточнен путем изучения однотипных, одинаковых монет.

Для повторных отливок в ряде случаев моделями служили ранее отлитые мордовки. Этим объясняются некоторые несущественные колебания формы, разная степень четкости рельефа и тому подобные мелкие отличия монет, принадлежащих к одному и тому же варианту. В частности, можно думать, что на подготовленных в качестве моделей для формовки монетах иногда путем обрезки устранялся отмеченный выше сдвиг сторон, в результате чего вновь отлитые монеты делались уже или короче. Кроме того, некоторое уменьшение размера повторных отливок вызывается усадкой металла при остывании после литья.

Во II эрмитажном кладе, состоящем только из пробитых мордвонок, во всех решительно вариантах, даже в представленных сотнями экземпляров, отверстия расположены строго одинаково по отношению к форме

¹ Для сравнения укажем, что в русских монетах колебания веса в пределах одного типа ограничиваются сотыми грамма.

² См.: И. Г. С п а с с к и й. Анализ технических данных в нумизматике. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 69—75.

монеты и к находящимся на последней надписи и изображению: отверстие было четко намечено на всех монетах, так как в качестве моделей была употреблена уже проколотая и, вероятно, тоже литая монета. Следы «метки» хорошо видны вокруг многих отверстий. После отливки оставалось только проткнуть тонкий слой металла по метке. Такие же намеченные, но не проткнутые монеты имеются в небольшом числе и в I эрмитажном кладе вместе с неотличимыми от них монетами тех же вариантов, но без каких бы то ни было признаков метки. В другихкладах и группах случается, что в одном и том же варианте метки помещены на разных концах овала. Следовательно, для отливки монет этого варианта моделями служили восходящие к одному чеканенному оригиналу, но различные и по разному проколотые литые монеты. Таким образом, среди совершенно одинаковых монет имеются разные «поколения».

Поскольку встречаются стертые мордовки с непроколотыми метками, можно думать, что моделировка проколотыми монетами отчасти была своего рода рационализацией, учитывавшей специфическое применение монет для уборов. Многие «меченые» монеты II эрмитажного клада находились в обращении до того, как были проколоты. Однако в I эрмитажном кладе некоторые монеты имеют вместо углублений на месте метки с обеих сторон небольшие бугорки. Их появление можно объяснить двояко: либо на литейной форме были выломаны «с мясом» формовавшие метку столбики, либо дыра на модели перед формовкой была залеплена.

Изредка встречаются литые мордовки, на которых отверстие сделано посредством пробойника не на метке, а в стороне от нее. В тех случаях, когда мордовка пробивалась примитивным орудием вроде гвоздя, поверхность монеты обычно деформировалась, вминалась на «входной стороне» и выпячивалась и выворачивалась рваным отверстием на противоположной.

Судя по всему, литые мордовки непосредственно сменяют чеканенные, и между ними нет разрыва во времени. Меняется техника, но сохраняется тип монет. Приняв во внимание отмеченные выше различия в качестве металла, доходящего до ничтожного содержания серебра в литых мордовках, можно думать, что смена техники была вызвана необходимостью. Известно, что при примитивной технологии чеканка низкопробных монет всегда представляла большие трудности. Стремление снизить расход серебра вынудило вовсе отказаться от чеканки и перейти к литью. Отсюда же можно сделать вывод, что изменение количества серебра в мордовках-монетах шло от большего к меньшему.

Непосредственная замена чеканенных монет худшими литыми может до известной степени объяснить тот странный факт, что «тираж» первых до нас почти не дошел. Большинство известных типов чеканенных мордовок относится к сравнительно позднему и даже очень позднему времени. Изучение соотношений штемпелей и состава кладов приводит к выводу, что лишь очень немногие из дошедших до нас типов чеканенных мордовок современны оригиналам литых мордовок и в свое время могли находиться в обращении в качестве монет.

III

Намеченный выше путь исследования мордовок делает целесообразным рассмотрение их применительно к составу изученных кладов, начиная с группы литых монет, объединяемых общими штемпелями, так как именно эта группа позволяет составить представление о предшествовавших, существовавших когда-то чеканенных монетах. К ней принадлежат следующие штемпели лицевой стороны (рис. 4, I—XI).

I. В бусовом ободке скачущий влево всадник в остроконечном колпаке. В руках его копье, опущенное почти отвесно вниз, на верхнем конце древка флажок. Под острием изогнувшийся дугой змей со слегка намеченным крылом. II эрмитажный клад (в дальнейшем: ЭК) — 562 экз., II ЭК — 120 экз., IV ЭК — 30 экз., VI ЭК — 3 экз., VII ЭК — 9 экз. Из 724 монет 574 непробитые.¹ Представлен в Рижском кладе только непробитыми монетами. Монетные типы №№ 1, 2 и 3].

II. В бусовом ободке скачущий вправо всадник без копья, руки раскинуты в стороны. Конь вздыбленный, под ним изогнувшийся змей. Обращенная назад его голова под передними копытами коня. Повидимому,

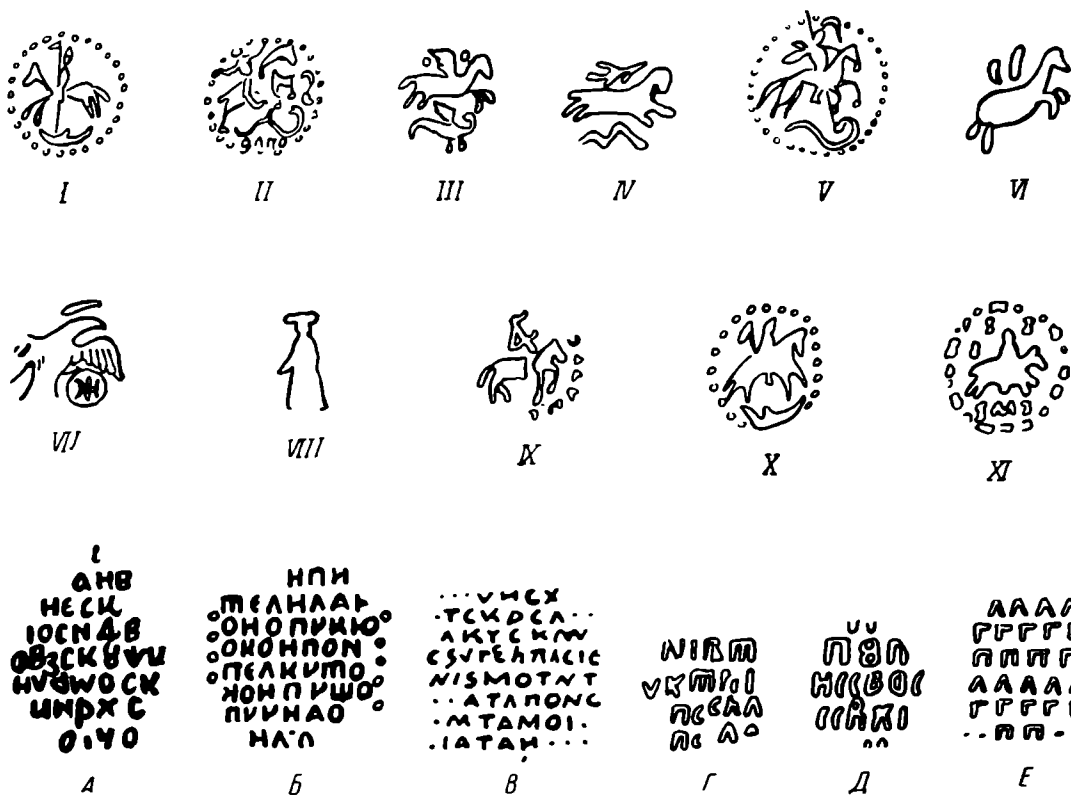

Рис. 4. Лицевые (I—XI) и оборотные (А—Е) стороны литых мордовок, связанных общими штемпелями в одну группу (увеличено).

обозначено крыло в виде пересекающей тело змея короткой прямой линии. Перед конем Г-образный завиток. Внизу, под выгибом тела змея, строчная надпись, которую можно прочесть как «алпо». (I ЭК — 1813 экз., II ЭК — 137 экз., IV ЭК — 31 экз., V ЭК — 5 экз., VI ЭК — 18 экз. и VII ЭК — 16 экз. Из 2020 монет 1853 непробитые. Представлен в Рижском кладе. Монетные типы №№ 4, 4а, 5, 5а, 6 и 6а). Изображение этого штемпеля имело очень малую глубину; поэтому на большинстве монет рассмотреть его полностью невозможно. Лучше всего сохраняются голова коня и его передние ноги с точками вместо копыт. Но в IV эрмитажном кладе это же изображение представлено 40 монетами, которые выполнены в гораздо более высоком рельефе. Мы выделяем этот штемпель, как вариант типа (IIa).

¹ В счет шли все монеты, в том числе и такие, на которых одна из сторон определению не поддается.

IIa. Композиция предыдущего типа в высоком рельефе. (IV ЭК — 40 экз. Все пробиты. Монетные типы №№ 7, 7а, 8 и 9).

III. Скачущий вправо крылатый конь. Под крылом и над ним, несколько впереди, — по точке. Крыло и точки — вероятно, трансформация фигуры наездника. Под ногами коня крылатый змей с двумя короткими лапами, слегка подогнутым хвостом и обращенной назад головой, которая находится под передними ногами коня. (I ЭК — 39 экз., II ЭК — 1730 экз., IV ЭК — 31 экз., V ЭК — 5 экз., VI ЭК — 57 экз. Из 1862 монет 44 непробиты. Представлен в Дедюхинском кладе. Монетный тип № 10).

IV. Скачущий вправо конь. Над спиной идущая от головы веточка, внизу изломанная зигзагообразная линия (возможно — змей). (I ЭК — 3 экз., II ЭК — 162 экз., IV ЭК — 1 экз., VI ЭК — 3 экз. В собрании Эрмитажа 1 экз. Из 170 монет не пробиты 3. Монетный тип № 11).

V В бусовом ободке скачущий вправо всадник с развевающимся султаном на голове, с копьём. Конец копья направлен в повернутую назад голову извивающейся под конем змеи. (II ЭК — 6 экз., IV ЭК — 6 экз., VI ЭК — 13 экз., VII ЭК — 1 экз. В собрании Эрмитажа имеются 2 экз. неустановленного происхождения. Все 20 монет пробиты. Монетные типы №№ 12 и 13).

VI. Грубо выполненное изображение четвероногого, обращенного вправо. (IV ЭК — 1 экз. В собрании Эрмитажа находятся 2 экз. неустановленного происхождения. Все пробиты. Монетный тип № 14).

VII. Птица с раскинутыми крыльями, голова повернута вправо, намечено оперение, над головой предмет удлиненной овальной формы. Под крылом справа кружок, внутри которого подобие буквы «Н». (I ЭК — 123 экз., IV ЭК — 1 экз., VI ЭК — 16 экз., VII ЭК — 13 экз. Неустановленного происхождения — 4 экз. Из 157 монет пробита одна. Имеются в Рижском кладе. Монетные типы №№ 15, 16 и 16а).

VIII. Неясное изображение вроде фигуры человека в широкополом плоском головном уборе и длинной одежде, во весь рост. (I ЭК — 1 экз. без отверстия. Монетный тип № 17).

IX. Всадник на спокойно идущем вправо коне. Фигура всадника несколько напоминает завалившуюся назад четверку. Вдоль края имитация круговой надписи. (I ЭК — 1 экз. Пробита. Монетный тип № 18).

X. В бусовом ободке скачущий вправо всадник. За спиной древко с флажком на конце. Под ногами коня крылатый змей. (I ЭК — 7 экз., VI ЭК — 21 экз. В собрании Эрмитажа есть 3 экз. неустановленного происхождения. Из 31 монеты 7 непробитых. Монетные типы №№ 19 и 20).

XI. Внутри ободка, имитирующего надпись, скачущий вправо всадник. По сторонам головы два знака вроде восьмерок, такой же над крупом коня и под конем по сторонам буквы «М». (I ЭК — 15 экз., II ЭК — 11 экз., VI ЭК — 14 экз. В собрании Эрмитажа — 1 экз. Из 31 монеты 15 непробитых. Монетный тип № 21). От этого же штемпеля лицевой стороны идет еще один тип мордовки, повидимому значительно более поздний, чем рассматриваемые здесь.

С описанными штемпелями лицевой стороны сочетаются шесть штемпелей оборотной стороны и вариант одного из них, отличающийся более высоким рельефом. Только три из них встречаются часто и на многих типах, остальные — в единичных сочетаниях и представлены немногими экземплярами (рис. 4, А—Е).

А. Прослеживается 8 строк. (I ЭК — 427 экз., II ЭК — 64 экз., IV ЭК — 12 экз., VI ЭК — 5 экз., VII ЭК — 2 экз. Из 510 монет 432 непробиты. Представлен в Рижском кладе. Монетные типы №№ 1, 4, 4а, 15 и 17).

Практически эта надпись, собранная со всех экземпляров, опознается по сочетанию букв в середине штемпеля. Чаще всего видна средняя часть 3—6-й строк.

Б. Прослеживаются 8 строк надписи, расположенной столбиком, по сторонам которого имеются остатки рамки из крупных бусин. Отмечено несколько «разночтений». Кроме того, на многих экземплярах монет наблюдается след двойного удара в конце 5-й и 6-й строк: появляются различные лишние буквы, уходящие от этих строк с наклоном вниз. На месте восьмой строки часто виден наплыв — · — (I ЭК — 1494 экз., II ЭК — 2506 экз., IV ЭК — 44 экз., V ЭК — 10 экз., VI ЭК — 102 экз., VII ЭК — 31 экз. и 13 экз. неустановленного происхождения. Из 4024 монет 1572 непробитые. Представлен в Рижском и Дедюхинском кладах. Монетные типы №№ 2, 5, 5а, 10, 11, 12, 14, 16, 16а, 18 и 19).

В. Прослежено 8 строк с мелкими и довольно нечеткими буквами. (I ЭК — 670 экз., II ЭК — 213 экз., IV ЭК — 47 экз., VI ЭК — 18 экз., VII ЭК — 5 экз. и 4 экз. неустановленного происхождения. Из 957 монет 687 непробитых. Представлен в Рижском и Дедюхинском кладах. Монетные типы №№ 3, 6, 6а, 20 и 21).

В¹. На всех экземплярах типов № 7 и № 7а, отличающихся высоким рельефом (*IIa*), надпись *В* выполнена в более высоком рельефе, буквы заметно жирнее. (IV ЭК — 15 пробитых монет. Монетные типы №№ 7 и 7а).

Г. В 4 искривленных строках довольно плотные буквы. (IV ЭК — 13 пробитых экземпляров. Монетный тип № 8).

Д. В 5 строках крупные буквы. (IV ЭК — 12 пробитых монет половинного размера. Монетный тип № 9).

Е. В 6 строках чередующиеся ряды одинаковых букв. (II ЭК — 6 экз., IV ЭК — 4 экз., VI ЭК — 12 экз., VII ЭК — 1 экз. и 2 экз. неустановленного происхождения. Все 25 монет с отверстиями. Монетный тип № 13).

Описанные штемпели лицевой и оборотной сторон образуют 26 монетных типов (монеты половинного размера рассматриваются как особые типы). Лицевые штемпели *I* и *II* сочетаются со штемпелями оборотной стороны *А*, *Б* и *В*, штемпель *IIa* — с *В¹*, *Г* и *Д*, штемпель *VII* — с *А* и *Б*, штемпель *V* — с *Б* и *Е*, штемпель *X* — с *Б* и *В*, штемпель *VIII* — с *А*, штемпели *III*, *IV*, *VI* и *IX* — с *Б*, штемпель *XI* — с *В* (рис. 5). Последний встречается в сочетании с иной надписью оборотной стороны: в узорном ободке в трех строках размещена надпись *тг* | χλжн | ка | ог*. Такие экземпляры были в Дедюхинском и в IV эрмитажном кладе (3 экз.). Однако здесь оборотная сторона восходит не к чеканенному оригиналу, как это имело место во всех рассмотренных случаях. Монетный тип с этой оборотной стороной, вероятно, возник в результате обработки резцом оборотной стороны старой мордовки, и связь его со всей группой имеет особый и случайный характер.

Как видно из рис. 5, не все описанные штемпели в рассмотренной группе равны по своему значению. Основное место принадлежит лицевым штемпелям *I*, *II*, *VII* и *X* и оборотным *А*, *Б* и *В*. Их сочетания дают наибольшее количество монетных типов, представленных огромным количеством монет и притом непробитых. Рижский клад состоит только из монет этих типов (за исключением штемпеля *X*). Как легко заметить, штемпель *В* связывает с группой почти все сравнительно менее характерные типы. Среди одиночных сочетаний наибольшего внимания заслуживают типы, образуемые лицевыми штемпелями *III* и *IV*

Табл. 1 иллюстрирует установленные соотношения штемпелей чеканенных монет и указывает номера монетных типов, образуемых сочета-

ниями всех описанных выше штемпелей. Отмеченный выше «гибридный» тип в нее не входит.

Лицевые штемпели II, IIa и VII образуют монетные типы двух или трех размеров. «Денги» и «полушки» (без разделения) обозначены литерными номерами (№№ 4а, 5а и т. д.) в тех случаях, когда они совпадают по обоим штемпелям с основными типами. Только тип № 9 имеет собственную оборотную сторону, хотя и является половинным по размеру.

В табл. 2 дана сводка всех монетных типов, составляющих рассмотренную группу, с указанием количества монет этих типов в каждом кладе. В нее включены, кроме обработанных в Эрмитаже, еще Рижский и Дедю-

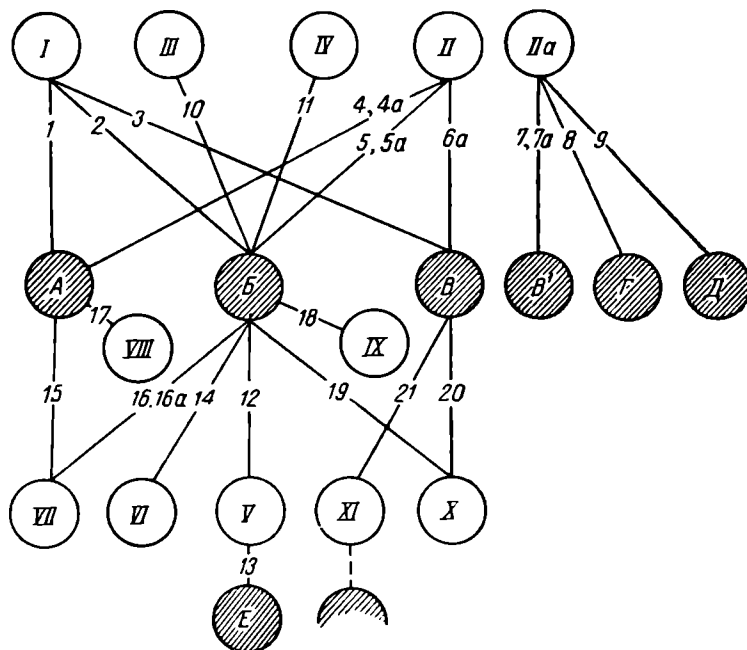

Рис. 5. Соотношение штемпелей лицевых (I—XI) и оборотных (A—E) сторон литых мордовок, воспроизводящих монеты, чеканенные общими штемпелями.

1—21 — номера типов мордовок.

Таблица 1

Соотношение штемпелей монет, послуживших оригиналом для литых мордовок

Оборотная сторона	Лицевая сторона											Количество монетных типов	
	I	II	IIa	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X		XI
A	1	4,4a	—	—	—	—	—	15	17	—	—	—	5
B	2	5,5a	—	10	11	12	14	16,16a	—	18	19	—	11
B	3	6,6a	—	—	—	—	—	—	—	—	20	21	5
B'	—	—	7,7a	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Г	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Д	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
E	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	1
Количество монетных типов	3	6	4	1	1	2	1	3	1	1	2	1	26

Литые мордовки, воспроизводящие монеты,

№№ монет-ного типа	I ЭК				Рижский клад			II ЭК				Дедюхинский клад			
	О. с. Л. с.	А	Б	В	Не уточнено	А	Б	В	А	Б	В	Е	Б	В	
1 2 3	I {	127	—	—	} 2	—	—	—	9	—	—	—	—	—	
		—	49	—			—	—	—	—	4	—	—	—	—
		—	—	384			—	—	+	—	—	107	—	—	—
4 4a 5 5a 6 6a	II {	250 8	—	—	—	+	—	—	13	—	—	—	—	—	
		—	—	—	—	—	+	—	—	111	—	—	—	—	
		—	1237	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
		—	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
		—	—	254	—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	
		—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
7 7a 8 9	IIa {	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
10	III	—	39	—	—	—	—	—	—	1730	—	—	+	—	
11	IV	—	3	—	—	—	—	—	—	162	—	—	—	—	
12 13	V {	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	
		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
14	VI	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
15 16 16a	VII {	30	—	—	} 26	+	—	—	—	—	—	—	—	—	
		—	65	—			—	+	—	—	—	—	—	—	—
		—	2	—			—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	VIII	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
18	IX	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
19 20	X {	—	—	—	} 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
		—	—	—			—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	XI	—	—	15	—	—	—	—	—	—	11	—	—	—	
Не уточнено		11	40	4	—	—	—	—	42	499	82	—	—	—	
Всего по штемпелю оборотной стороны		427	1494	670	28				64	2506	213	6			

Примечание Знак + обозначает наличие в кладе неизвестного количества монет соответ-

Таблица 2

чеканенные общими штемпелями

IV ЭК							VI ЭК				VII ЭК				V ЭК
А	Б	В	В'	Г	Д	Е	А	Б	В	Е	А	Б	В	Е	Б
1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—
—	29	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	3	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—
7	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—	—
—	19	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	15	—	—	5
—	—	5	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	31	—	—	—	—	—	—	57	—	—	—	—	—	—	5
—	1	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	6	—	1	—	12	—	—	—	1	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	15	—	—	—	13	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	12	9	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
4	23	13	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	4
12	105	18	15	13	12	6	5	102	18	12	2	31	5	1	14

стующего типа. Клады расположены в порядке их важности для исследования.

хинский клад, количественный состав которых неизвестен. Наличие в последних монетах тех или иных типов отмечено крестиками. В Чернышевском и в III эрмитажномкладах рассматриваемая группа не представлена ни одной монетой, а Рижский охвачен ею полностью.

Средний вес монет описанных типов в изученныхкладах и в собрании Эрмитажа приводится в табл. 3.

Кроме уже описанных монетных типов, непосредственно объединяемых соотношением штемпелей в одну группу, в изученныхкладах имеются литые мордовки еще многих типов, которые также восходят к чеканенным монетам. Три из них (рис. 6, 24—26) также образуют группу, объединяемую общими штемпелями.

Рис. 6. Типы литых мордовок, не связанных общими штемпелями с первой группой (увеличено).

№ 22.¹ Лицевая сторона (в дальнейшем: Л. с.) — изображение наиболее близко к штемпелю III. Скачущий вправо крылатый конь. Позади крыла и перед грудью коня точки. Внизу изображение крылатого змея с двумя лапами, расположенными, как на штемпеле III. Под брюхом коня, над змеем, продолговатая фигура. Вокруг изображения бусовый ободок. Позади коня и змея фон сплошь закрыт рядами точек. Обратная сторона (в дальнейшем: О. с.) — прослежено 5 строк; крупные буквы; в верхней строке завиток. (I ЭК — 190 экз., IV ЭК — 7 экз., VI ЭК — 29 экз. В собрании Эрмитажа — 3 экз. Из 229 монет 221 без отверстий. Средний вес 0.46 г. Этот тип представлен в Дедюхинском кладе).

№ 22а. То же, половинного размера. (I ЭК — 18 экз. Все без отверстий. Средний вес 0.29 г).

¹ Для практического удобства продолжается нумерация типов, начатая в предыдущей группе.

Таблица 3

Количество литых мордочек с обцими штемпелями в кладах и средний вес одной монеты

№ монетного типа	Эрмитажные клады						Собрание Эрмитажа	Всего монет	Средний вес (в г)
	I	II	IV	VI	VII	V			
1	$\frac{127}{0}$	$\frac{0}{9}$	$\frac{0}{1}$	$\frac{2}{0}$	$\frac{1}{0}$	—	$\frac{1}{0}$	$\frac{131}{10}$	0.50
2	$\frac{49}{0}$	$\frac{0}{4}$	$\frac{0}{29}$	—	$\frac{3}{0}$	—	$\frac{1}{0}$	$\frac{53}{33}$	0.46
3	$\frac{384}{0}$	$\frac{0}{107}$	—	$\frac{1}{0}$	$\frac{5}{0}$	—	$\frac{3}{0}$	$\frac{393}{107}$	0.47
4	$\frac{250}{0}$	$\frac{0}{13}$	$\frac{0}{7}$	$\frac{3}{0}$	$\frac{1}{0}$	—	$\frac{2}{0}$	$\frac{256}{20}$	0.49
4a	$\frac{8}{0}$	—	—	—	—	—	—	$\frac{8}{0}$	0.23
5	$\frac{1236}{1}$	$\frac{0}{111}$	$\frac{2}{17}$	$\frac{7}{1}$	$\frac{15}{0}$	$\frac{5}{0}$	$\frac{2}{0}$	$\frac{1267}{130}$	0.52
5a	$\frac{58}{0}$	—	—	—	—	—	—	$\frac{58}{0}$	0.36
6	$\frac{254}{0}$	$\frac{0}{13}$	$\frac{0}{5}$	$\frac{7}{0}$	—	—	$\frac{1}{0}$	$\frac{262}{18}$	0.50
6a	$\frac{6}{0}$	—	—	—	—	—	—	$\frac{6}{0}$	0.27
7	—	—	$\frac{0}{12}$	—	—	—	—	$\frac{0}{12}$	0.56
7a	—	—	$\frac{0}{3}$	—	—	—	—	$\frac{0}{3}$	0.40
8	—	—	$\frac{0}{13}$	—	—	—	—	$\frac{0}{13}$	0.60
9	—	—	$\frac{0}{12}$	—	—	—	—	$\frac{0}{12}$	0.42
10	$\frac{39}{0}$	$\frac{0}{1730}$	$\frac{1}{30}$	$\frac{0}{57}$	—	$\frac{5}{0}$	$\frac{0}{1}$	$\frac{45}{1818}$	0.47
11	$\frac{3}{0}$	$\frac{0}{162}$	$\frac{0}{1}$	$\frac{0}{3}$	—	—	$\frac{1}{0}$	$\frac{4}{166}$	0.43
12	—	—	—	$\frac{0}{1}$	—	—	$\frac{0}{2}$	$\frac{0}{3}$	0.59
13	—	$\frac{0}{6}$	$\frac{0}{6}$	$\frac{0}{12}$	$\frac{0}{1}$	—	$\frac{0}{2}$	$\frac{0}{27}$	0.45
14	—	—	$\frac{0}{1}$	—	—	—	$\frac{0}{1}$	$\frac{0}{2}$	0.44
15	$\frac{30}{0}$	—	—	—	—	—	—	$\frac{30}{0}$	0.57
16	$\frac{65}{0}$	—	$\frac{1}{0}$	$\frac{14}{1}$	$\frac{13}{0}$	—	$\frac{3}{1}$	$\frac{96}{2}$	0.55
16a	$\frac{2}{0}$	—	—	$\frac{1}{0}$	—	—	—	$\frac{3}{0}$	0.23
17	$\frac{1}{0}$	—	—	—	—	—	—	$\frac{1}{0}$	0.45
18	$\frac{0}{1}$	—	—	—	—	—	—	$\frac{0}{1}$	0.42

Таблица 3 (продолжение)

№ монетного типа	Эрмитажныеклады						Собрание Эрмитажа	Всего монет	Средний вес (в г)
	I	II	IV	VI	VII	V			
19	—	—	—	$\frac{0}{12}$	—	—	$\frac{0}{2}$	$\frac{0}{14}$	0.44
20	$\frac{7}{0}$	—	—	$\frac{0}{9}$	—	—	$\frac{0}{1}$	$\frac{7}{10}$	0.50
21	$\frac{15}{0}$	$\frac{0}{11}$	—	$\frac{0}{1}$	—	—	—	$\frac{15}{12}$	0.40
Количество монетных типов	18	10	14	14	7	2			

Примечание. Здесь и в табл. 4, 5, 6 над чертой указано число непробитых монет, под чертой — число пробитых. Монеты, у которых одна из сторон не поддается определению, не учитывались.

№ 23. Л. с. — грубо выполненное в довольно высоком рельефе изображение повторяет композицию предыдущего типа. Фигура змея полностью не получилась, но видна часть его крыла. О. с. — прослежено 4 строки. Монеты очень плотные. (I ЭК — 2 экз. Без отверстий. Средний вес 0.80 г).

№ 24. Л. с. — в бусовом ободке конь под седлом, идет вправо. Передние и задние ноги одинаково выгнуты вперед. Ободок образует квадрат с закругленными углами. О. с. — надпись, прослеживаемая в 4 строках. (II ЭК — 4 экз., V ЭК — 3 экз. Не пробиты. Средний вес 0.54 г).

№ 25. Л. с. — как у типа № 24. О. с. — хаотическая надпись в сбитых, неровных строках. (I ЭК — 1 экз., IV ЭК — 21 экз., VII ЭК — 1 экз., 2 экз. неустановленного происхождения. Из 25 монет 3 непробитые. Средний вес 0.48 г). Известны такие же чеканеные монеты (см. рис. 7, 33).

№ 26. Л. с. — в бусовом ободке небольшое изображение длинношеего крылатого коня, скачущего влево. О. с. — как у типа № 25. (IV ЭК — 40 экз., VI ЭК — 9 экз., неустановленного происхождения — 2 экз. Средний вес 0.42 г. Из 51 монеты 8 непробитых). Имеется одна такая же чеканеная монета (см. рис. 7, 34).

№ 27. Л. с. — грубое изображение коня, над крестцом возвышается неясная фигура, под ногами полоса. Вероятно, трансформация изображения всадника со змеем под конем. О. с. — нечеткая надпись в 4 строки, буквы в нижних строках уменьшаются в размере. (V ЭК — 2 экз., VI ЭК — 7 экз. Средний вес 0.49 г. Все монеты пробиты).

№ 28. Л. с. — грубое изображение всадника, едущего влево. Между ногами коня неясная фигура. О. с. — 5 строк надписи. (V ЭК — 2 экз., VI ЭК — 5 экз. Все монеты пробиты. Средний вес 0.46 г).

№ 29. Л. с. — трансформация изображения всадника с крылатым змеем под конем. О. с. — 7 строк надписи. (III ЭК — 19 экз., IV ЭК — 1 экз. Средний вес 0.45 г. Очень плохое серебро. Все 20 монет пробиты).

№ 30. Л. с. — непонятное изображение. Возможно — трансформация изображения всадника. О. с. — углубленное четырехугольное клеймо с закругленными углами. В нем надпись мелкими буквами, в 5 строк. (IV ЭК — 5 экз., VI ЭК — 2 экз., VII ЭК — 1 экз. Одна монета неизвестного происхождения, вызолоченная. Средний вес 0.41 г. Все 9 монет пробиты).

Таблица 4

Количество литых морденок типов №№ 22—32 в кладях и средний вес одной монеты

№ монетного типа	I ЭК	II ЭК	Десятихисский клад	IV ЭК	VI ЭК	VII ЭК	V ЭК	III ЭК	Средний вес (в г)
24	—	$\frac{0}{4}$	—	—	$\frac{0}{3}$	—	—	—	0.54
25	$\frac{1}{0}$	—	—	$\frac{0}{21}$	—	$\frac{1}{0}$	—	—	0.48
26	—	—	—	$\frac{0}{40}$	$\frac{2}{7}$	—	—	—	0.42
22	$\frac{190}{0}$	—	+	$\frac{0}{7}$	$\frac{28}{1}$	—	—	—	0.46
22a	$\frac{18}{0}$	—	—	—	—	—	—	—	0.29
23	$\frac{2}{0}$	—	—	—	—	—	—	—	0.80
27	—	—	—	—	$\frac{0}{7}$	—	$\frac{0}{2}$	—	0.49
28	—	—	—	—	$\frac{0}{5}$	—	$\frac{0}{2}$	—	0.46
29	—	—	—	$\frac{0}{1}$	—	—	—	$\frac{0}{19}$	0.45
30	—	—	—	$\frac{0}{5}$	$\frac{0}{2}$	$\frac{0}{1}$	—	—	0.41
31	—	—	—	—	$\frac{0}{1}$	—	$\frac{0}{4}$	—	0.36
32	$\frac{0}{3}$	—	—	—	—	—	—	—	0.40
Количество монетных типов	5	1	1	5	7	2	3	1	

Примечание. Знак + обозначает наличие в кладях литых морденок указанного типа.

№ 31. Л. с. — вероятно, имитация татарской надписи. О. с. — в нескольких строках надпись. Буквы почти не возвышаются над полем монеты, но довольно четки. (V ЭК — 4 экз., VI ЭК — 1 экз. Все монеты пробиты. Очень плохое серебро. Средний вес 0.36 г).

№ 32. Л. с. — всадник с копьём на идущем шагом коне, вправо. Изображение под конем не прослеживается. О. с. — имитация легенды копейки Ивана IV, прослеживаются 4 строки. (I ЭК — 3 экз. Все монеты пробиты. Средний вес 0.40 г).

Мы не описываем оказавшиеся в IV—VII эрмитажных кладях немногие типы поздних литых морденок, по большей части восходящих к копейкам XVII и XVIII вв. В этих же кладях имеется несколько пробитых литых морденок плохой сохранности. Некоторые из них, вероятно, принадлежат к двум-трем обособленным типам, не отмеченным в приведенном описании.

Табл. 4 является продолжением табл. 3. В ней показано место, занимаемое литыми монетами описанных типов в кладях. Начиная с типа

№ 27, непробитых монет не встречено ни в кладах, ни вне их. Монетные типы №№ 22—26 заслуживают наибольшего внимания по ряду причин. Три из них имеют общие штемпели и образуют единую группу, а для двух известны и чеканенные оригиналы, через которые устанавливаются и иные связи. В то же время их лицевые штемпели с крылатым конем и со змеем продолжают сюжетную линию, четко наметившуюся в первой группе.

Легко видеть, что в табл. 4 по сравнению с табл. 3 заметно усиливается значение группы IV, VI и VII эрмитажных кладов. III эрмитажный клад, который в табл. 3 совсем не фигурировал, представлен и здесь только одним типом литых морденок. Напротив, приближается к концу состав II эрмитажного клада, а I эрмитажный и Дедюхинский исчерпываются таблицей полностью: они состоят только из литых монет.

После Рижского I эрмитажный клад наиболее интересен по своему составу. За ничтожным исключением он состоит из непробитых, но в достаточной степени потертых монет, подавляющее большинство которых связано между собой соотношениями штемпелей. Рижский клад непробитых морденок представляет ближайшую аналогию ему, но еще более четок по составу. Эта группа, насчитывающая вместе более 3000 непробитых монет, является для нас в известной мере эталоном, с которым мы сравниваем все остальные. Только в I эрмитажном кладе оказались непробитые «денежки» и «полушки» в значительном количестве. Семь очень стертых монет по размеру, а отчасти и по своему весу (средний вес — 0.17 г) должны быть признаны «полушками». Только на одной из них опознается лицевой штемпель типа № 22. Малый размер обусловлен литейной формой, т. е. чеканеной монетой, и ни в какой мере не зависит от трения. Наиболее чужд всему составу I эрмитажного клада монетный тип № 32. Все три монеты этого типа имеют отверстия. Восходит этот тип, по видимому, к копейке Ивана Грозного, но это, разумеется, датировать его не может.

Иначе обстоит дело с Дедюхинским кладом. Он состоит, по всей вероятности, только из пробитых монет. Присланные в Эрмитаж 9 нашитых на картон монет из очень плохого металла, судя по надписям, представляют состав клада полностью: тип № 21 представлен одним вариантом, № 10 — двумя и № 22 — четырьмя. Кроме этих отмеченных в табл. 2 и 4 трех типов, в Дедюхинском кладе были упомянуты выше «гибридные» монеты с лицевой стороной XI и надписью «тухланка» на оборотной стороне. Лицевая сторона восходит к чеканеной монете, которая известна нам в непробитых экземплярах I эрмитажного клада, но оборотная повторяет модель, вырезанную резцом. Датировать ее временем, более ранним, чем XVIII в., едва ли возможно; датировку же «тухланок» приходится распространять и на все остальные монеты клада, так как по материалу, состоянию монет и мелким особенностям техники литья клад кажется совершенно однородным. Три «тухланки» с дырами есть и в VI эрмитажном кладе. Без дыр они не встречены ни разу.

Выше приведены доказательства того, что восходящие к чеканеным литые мордочки далеко не всегда отливались непосредственно с чеканеных. Нередко моделями служили литые же и уже пробитые мордочки, дававшие на отливках готовые отверстия или метки для удобного прокаливания. Таковы и дедюхинские мордочки. Вполне возможно, что все монеты Дедюхинского клада были отлиты единовременно по старым образцам.

На большинстве штемпелей монет описанных типов находятся широкие надписи, которые приходится «собирать» по буквам со всех экземпляров.

Только один тип отличается маленьким компактным штемпелем оборотной стороны, который целиком укладывается на монетной пластинке. Еще один, возможно, имитирует на лицевой стороне татарскую надпись.

Почти все описанные типы мордовок второй группы являются обособленными, хотя возможно, что при наличии более обширного материала для некоторых из них отыскались бы связующие с первой группой промежуточные типы. Только три из них объединяются общностью двух лицевых и двух оборотных штемпелей. Они особенно важны тем, что оба лицевых штемпеля и один оборотный известны на чеканеных монетах, в свою очередь объединяющих вокруг себя еще ряд типов, к описанию которых мы и переходим.

IV

Рассмотрение чеканеных монет после литых в известной мере нарушает логическую последовательность, поскольку литые повторяют тип чеканеных. Однако литые монеты рассматривались не только сами по себе, но и как «слепки» не дошедших до нас чеканеных монет. Таким образом, и нижеследующие монетные типы примыкают к уже выявленной группе не известных нам чеканеных монет (рис. 7, 33—42).

№ 33. Л. с. и О. с. соответствуют типу № 25. (II ЭК — 2 экз., VI ЭК — 5 экз. Из 7 монет 5 непробитых. Средний вес 0.40 г.).

№ 34. Л. с. и О. с. соответствуют типу № 26. (IV ЭК — 1 экз. Неустановленного происхождения — 2 экз. Все монеты без отверстий. Средний вес 0.45 г.).

№ 35. Л. с. соответствует типу № 34 (и 26). О. с. — надпись крупными, неряшливо выполненными буквами. Не менее 5 строк. (В Чернышевском кладе несколько экземпляров).

№ 36. Л. с. — неясное и нечеткое изображение, по очертанию и размеру близкое к изображению лицевой стороны типа № 34. Возможно — результат изменения того же штемпеля. О. с. — см. № 35. (VI ЭК — 3 экз. Все пробиты. Средний вес 0.65 г. В Чернышевском кладе 86 экз. типов №№ 35 и 36).

№ 37. Л. с. — птица, повернутая вправо, с полумесяцем на голове, обращенным вверх рогами. Вокруг пространство заполнено различными орнаментальными фигурами. О. с. — см. тип № 35. (VI ЭК — 1 экз., пробит, вес 0.51 г. Неустановленного происхождения в Рижском музее — 3 экз., без дыр, со средним весом 0.46 г. В собрании Эрмитажа один обрезанный экземпляр, без дыры, с весом 0.35 г.).

№ 38. Л. с. — см. № 37. О. с. — надпись, занимает не менее 7 неровных строк. По расположению строк и начертанию букв имеет общее с надписью двух предыдущих типов. Одна из самых трудных надписей по нечеткости и изменчивости букв. (VI ЭК — 3 необычайно крупных экземпляра, размером 20×17 мм и со средним весом 0.91 г, и 2 экз. со средним весом 0.51 г; пробиты. Неустановленного происхождения в Эрмитаже — 2 пробитые монеты с весом 0.63 и 0.56 г, в Рижском музее — 1 экз., без дыры, вес 0.40 г.).

В Чернышевском кладе несколько десятков экземпляров. В нем всего 74 монеты, отчеканенные описанным лицевым штемпелем с птицей; по оборотной стороне они делятся на два типа — №№ 38 и 39; все пробиты. Набор букв и даже некоторые сочетания в надписи близки к штемпелю оборотной стороны *Б* в группе литых мордовок.

№ 39. Л. с. — см. № 37. О. с. — надпись, очень близка к надписи типа № 35. Не менее 5 неровных сбитых строк: буквы несколько более плот-

ные. (1 экз. неустановленного происхождения в собрании Эрмитажа, пробит, вес 0.60 г. Несколько десятков экземпляров имеется в Чернышевском кладе).

№ 40. Л. с. — птица, обращенная влево; под нею и вокруг различные орнаментальные фигуры; стилистически подобна № 37. О. с. — см. № 38. (VII ЭК — 2 экз. Неустановленного происхождения в Рижском музее — 3 экз. и в Эрмитаже — 3 экз. Средний вес 0.52 г. 5 экз. не пробиты).

№ 41. Л. с. — см. № 40. О. с. — см. № 39. (VII ЭК — 1 экз. Пробита. Вес 0.52 г).

№ 42. Л. с. — всадник с копьем, скачущий вправо. Грива коня стоит торчком, на коленях передних ног угловатые выступы. Под конем крыла-

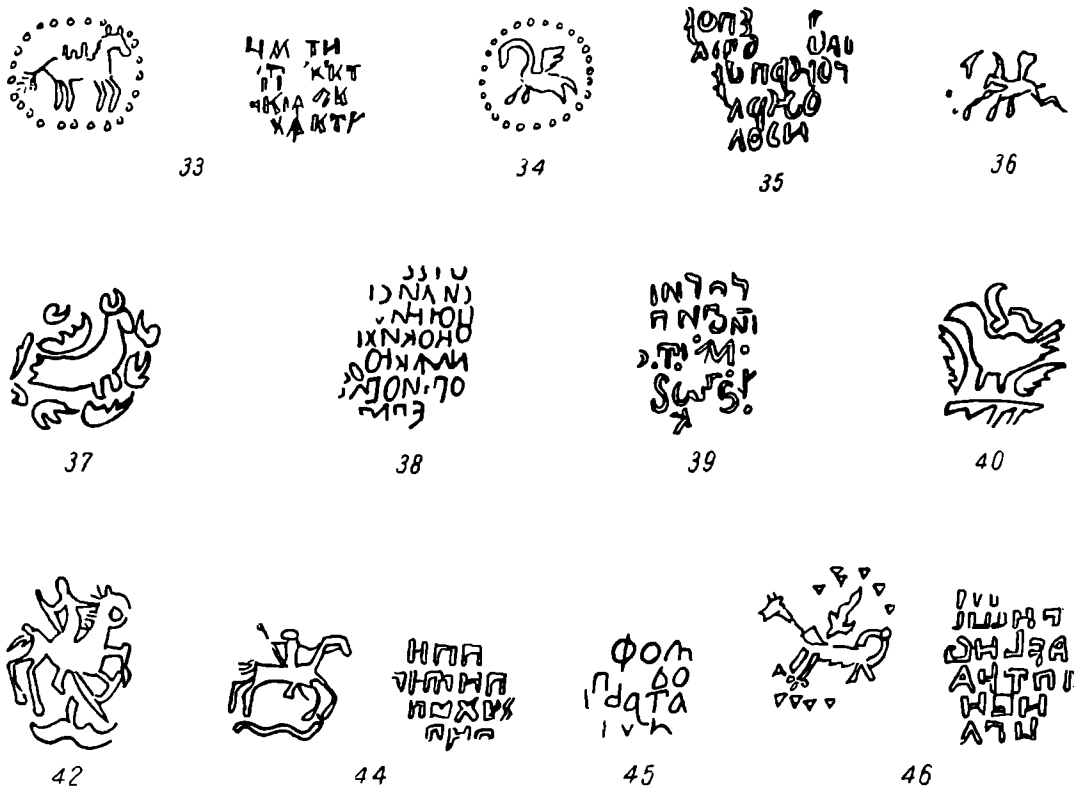

Рис. 7. Ранние типы чеканеных мордовок (увеличено).

33—46 — номера типов мордовок (№№ 41 и 43 образуются комбинацией штампов других типов).

тый змей. О. с. — см. № 38. (VI ЭК — 1 экз., VII ЭК — 3 экз. Неустановленного происхождения в Эрмитаже — 1 экз. Средний вес 0.53 г. Из 5 монет пробита одна. Много таких мордовок есть в Пензенском музее).

№ 43. Л. с. — см. № 42. О. с. — см. № 35. (VI ЭК — 1 экз. Пробит. Вес 0.44 г).

Непосредственные связи между литыми и сохранившимися чеканеными мордовками обрываются на монетах типа № 43. В изученных кладах и коллекциях имеется еще немало типов чеканеных мордовок, которые по общности штампов собираются в большие или меньшие группы, что вполне естественно для данного рода техники и само по себе никакого датирующего значения иметь не может.

К описанным чеканеным мордовкам ближе всего следующие три типа (рис. 7, 44—46). Правда, один из них известен только по пробитым моне-

там во II эрмитажном кладе. Два имеют общий лицевой штемпель и встречаются без дыр.

№ 44. Л. с. — скачущий вправо всадник поражает копьём змея, извивающегося под ногами коня. О. с. — 4 строки надписи. (IV ЭК — 4 экз. Средний вес 0.43 г).

№ 45. Л. с. — см. № 44. О. с. — 4 строки надписи. (VI ЭК — 1 экз. Пробит. Вес 0.52 г).

№ 46. Л. с. — крылатое четвероногое, обращено влево. Вокруг беспорядочно разбросаны небольшие треугольнички. О. с. — 6 строк надписи. (II ЭК — 11 экз. Пробиты. Средний вес 0.45 г).

В табл. 5 сведены все описанные типы чеканеных мордовок, связанные общими штемпелями как между собой, так и с некоторыми типами литых (соотношение штемпелей показано на рис. 8). Здесь же помещены и три типа не связанных с этой группой мордовок (№№ 44—46).

Табл. 5 полностью охватывает состав сохранившейся части Чернышевского клада. К сожалению, после беглого просмотра принадлежащих Т. А. Есеевой монет, во время которого можно было только разобрать их по лицевым сторонам и сделать несколько протирок и зарисовок лицевых и оборотных сторон, не удалось получить доступ к кладу вторично, чтобы уточнить деление на типы, установить по всем экземплярам наиболее полные надписи и взвесить монеты. От описания одного монетного типа, представленного в кладе единственной монетой, пришлось вовсе отказаться. Клад состоит только из пробитых чеканеных монет. Однако встречаются и неповрежденные экземпляры одного из типов, присутствующих в кладе, и несколько родственных типов. Родство всех составляющих клад типов устанавливается только при посредстве вовсе не оказавшихся в нем экземпляров типа № 37. Клад может быть датирован русской монетой конца XVI в., но необходимо иметь в виду, что составляющие клад мордовки основательно потерты, вероятно от длительного ношения на одежде.

В табл. 5 вошли и последние монеты II эрмитажного клада (№ 46), и по существу в ней заканчивается IV эрмитажный клад. В отличие от III, V, VI и VII эрмитажных кладов, для которых наиболее характерны еще не рассмотренные мордовки, в IV эрмитажном кладе последние представлены немногими экземплярами; по состоянию они резко отличаются от всех ранее описанных монет клада. Особенно выделяются 104 совершенно одинаковые латунные мордовки, повторяющие тип копейки.

Как уже отмечено, нет оснований сомневаться в том, что все рассмотренные группы монет (III—VII эрмитажные клады) являютсякладами; но вместе с тем нет никакой гарантии, что они не засорены примесью посторонних монет. В частности, IV эрмитажный клад, довольно единый в уже описанной его части, поступил в Эрмитаж в составе собрания, кото-

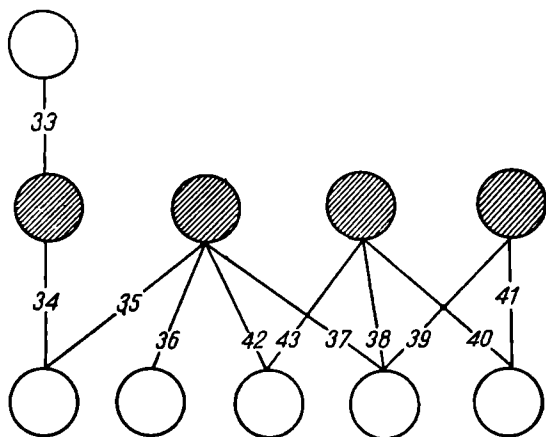

Рис. 8. Соотношение штемпелей лицевых (белые кружки) и оборотных (заштрихованные кружки) сторон чеканеных мордовок.

33—43 — номера типов мордовок.

Т а б л и ц а 5

Количество чеканеных морденок с общими штемпелями в кладах и средний вес одной монеты

№ монетного типа	Чернышевский клад	II ЭК	IV ЭК	VI ЭК	VII ЭК	Средний вес (в г)
33	—	$\frac{0}{2}$	—	$\frac{5}{0}$	—	0.40
34	—	—	$\frac{1}{0}$	—	—	0.45
35	86	—	—	—	—	0.65
36		—	—	$\frac{0}{3}$	—	
37	—	—	—	$\frac{0}{1}$	—	0.51
38	74	—	—	$\frac{0}{5}$	—	0.51
39		—	—	—	—	0.60
40	—	—	—	—	$\frac{1}{1}$	0.52
41	—	—	—	—	$\frac{0}{1}$	0.52
42	—	—	—	$\frac{0}{1}$	$\frac{3}{0}$	0.53
43	—	—	—	$\frac{0}{1}$	—	0.44
44	—	—	—	$\frac{4}{0}$	—	0.43
45	—	—	—	$\frac{0}{1}$	—	0.52
46	—	$\frac{0}{11}$	—	—	—	0.45

П р и м е ч а н и е. Среди монет типа № 38 встречаются экземпляры с весом до 0.90 г.

рое объединяло в себе четыре различные нумизматические коллекции. Вполне возможно, что в нем соединены два разновременных комплекса морденок, не говоря уже о возможности примеси отдельных случайных экземпляров различного происхождения.

II эрмитажный клад не вызывает никаких сомнений, настолько однороден вид всех его чрезвычайно сильно потертых морденок. Его захоронение может датироваться наиболее поздними из имеющихся в нем русских монет — серебряными копейками Петра I (1716 г.). По сравнению с мордочками монеты XVIII и XVII вв. имеют отличную и хорошую сохранность. Основную массу морденок в кладах составляют монеты тех же типов, какие представлены в I эрмитажном и в Рижском кладах только непробитыми экземплярами, хотя ассортимент типов во II эрмитажном кладах беднее. В нем вовсе нет монет IV и VII штемпелей. Существенные отличия наблюдаются и в количестве монет тех или иных типов. Так, например, в I эрмитажном кладах основное место принадлежит штемпелям

I и II, а штемпель III (тип № 10) представлен только 39 монетами; во II эрмитажном кладе монет штемпеля III — 1730, не считая множества стертых монет, т. е. значительно больше половины всего клада.

Как указано выше, все мордовки II эрмитажного клада отливались с метками для дыр. Таковы же монеты позднего Дедюхинского клада, но и в I эрмитажном имеются монеты с метками, которые остались непроколотыми. Таким образом отливка монет с метками сама по себе никак не «опорачивает» клад в том отношении, что составляющие его монеты все же могли некогда находиться в обращении. Решающее значение в этом вопросе остается за составом, а состав II эрмитажного клада существенно не отличается от состава I эрмитажного и Рижского кладов. Необходимо отметить, что в этом, сокрытом не ранее первой четверти XVIII в. очень крупном кладе совершенно не оказалось ни «тухланок», ни каких-либо типов известных нам поздних литых морденок, которые заведомо повторяют тип копеек XVII или XVIII в.

Сильная потертость морденок из II эрмитажного клада, несомненно, во многом зависит от долговременного ношения их нашитыми на одежду, о чем свидетельствуют очень разработанные и залощенные внутри отверстия на монетах. Больше чем на сотне морденок внешний бортик отверстия насквозь прорезан трением о нитку. Тем не менее по крайней мере часть монет клада находилась в обращении до того, как на них были пробиты отверстия. Сравнение степени затертости вывороченного рваного края металла на пробойнах с поверхностью самих монет показывает, что во многих случаях пробивались уже основательно потертые монеты.

В приведенных выше описаниях и таблицах нашли место все типы морденок, оказавшихся в I и II эрмитажных, Рижском и Чернышевском кладах, и основная масса монет Дедюхинского и IV эрмитажного кладов. Состав остальных групп только частично отражен в табл. 6, так как в них гораздо больше заведомо поздних морденок XVIII и, вероятно, XIX в., а в некоторых, как, например, в VI эрмитажном кладе, заметна особенно сильная примесь случайных предметов.

V

Позднее производство многих чеканеных из серебра и меди морденок не вызывает никаких сомнений. Описывать все их типы не входит в задачи данной статьи, однако определение некоторых более интересных и наиболее часто встречающихся чеканеных морденок-украшений следует поместить здесь. Многие из них восходят к более старым образцам, и дальнейшее исследование вопроса и изучение новых кладов могут привести к необходимости изменить взгляд как на некоторые из этих типов, так и на те или иные обособленные типы, рассмотренные выше. Описание их к тому же облегчит характеристику III—VII эрмитажных кладов. Для практического удобства и здесь сохраняется единая нумерация монетных типов (рис. 9).

№ 47. Л. с. — в овальном бусовом ободке четкое изображение едущего вправо всадника с копьём. О. с. — четкая надпись в 5 строках, сверху и снизу титла, мордовки довольно крупные и плотные. Очень аккуратная работа, высокий рельеф, четкие надписи, высокопробное серебро. (VII ЭК — 1 экз., вес 0.43 г. Неустановленного происхождения в Эрми-таже — 2 экз., вес 0.46 и 0.40 г. Пробиты все).

№ 48. Л. с. — в бусовом ободке четкое изображение едущего влево всадника с поднятой рукой. Между ногами коня неясный знак. О. с. — чередование рядов точек и строк. По фактуре и по качеству серебра близок

к № 47 (VI ЭК — 18 экз., VII ЭК — 1 экз. Средний вес 0.35 г Пробыты).

№ 49. Л. с. — четкое, но непонятное изображение вроде растения, между отростками которого размещены буквы П, Д, Х и две восьмерки. О. с. — не менее 6 строк. (III ЭК — 23 экз., IV ЭК — 2 экз., VII ЭК — 5 экз. Средний вес 0.34 г. Все монеты пробиты, довольно плотные, серебро среднего и плохого качества. Имеются в Пензенском музее).

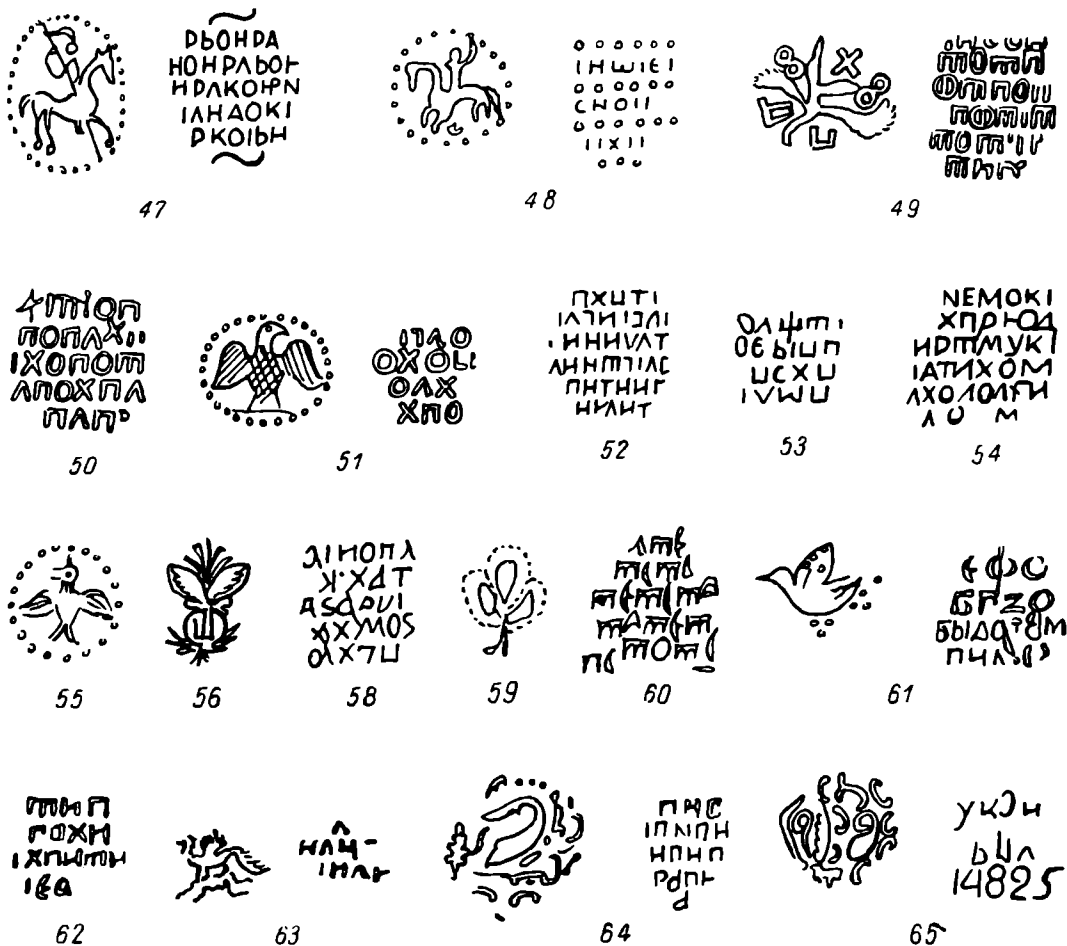

Рис. 9. Поздние типы чеканеных мордовок (увеличено).

47—56 и 58—65 — номера типов мордовок.

№ 50. Л. с. — см. № 49. О. с. — не менее 5 строк. (V ЭК — 45 экз., VI ЭК — 2 экз., VII ЭК — 2 экз. Средний вес 0.47 г. Все пробиты. Серебро хорошее).

№ 51. Л. с. — в бусовом ободке изображение птицы с раскинутыми крыльями и повернутой вправо головкой. О. с. — надпись близка по начертанию к набору букв к № 50. Вероятно тот же штемпель. (VII ЭК — 1 экз. Пробит. Вес 0.37 г. Все монеты Бежецкого клада).

№ 52. Л. с. — см. № 51. О. с. — не менее 6 строк неряшливо выполненной надписи. (V ЭК — 29 экз., VI ЭК — 6 экз., VII ЭК — 9 экз. Не установленного происхождения в Эрмитаже — 2 экз. Средний вес 0.44 г. Тонкие, серебро посредственное. Все пробиты).

№ 53. Л. с. — см. №№ 51 и 52. О. с. — 4 строки надписи. (VI ЭК — 1 экз. Не пробита. Вес 0.32 г).

№ 54. Л. с. — см. №№ 51, 52, 53. О. с. — не менее 6 строк надписи. (VI ЭК — 1 экз. Неустановленного происхождения в Эрмитаже — 1 экз. Пробиты. Средний вес 0.32 г).

№ 55. Л. с. — в бусовом ободке небольшое изображение птички с раскинутыми крыльями, на головке, повернутой влево, хохолок. О. с. — см. № 54. (V ЭК — 1 экз., VI ЭК — 1 экз. Неустановленного происхождения в Эрмитаже — 2 экз. Пробиты. Средний вес 0.39 г).

№ 56. Л. с. — растение с широкими листьями, под ним кружок и ветви. О. с. — см. № 53. (III ЭК — 6 экз., IV ЭК — 2 экз., V ЭК — 22 экз., VI ЭК — 5 экз., VII ЭК — 5 экз. Пробиты. Средний вес 0.42 г).

№ 57. Л. с. — см. № 56. О. с. — см. № 52. (III ЭК — 2 экз. Пробиты. Средний вес 0.33 г).

№ 58. Л. с. — см. №№ 56 и 57. О. с. — 5 строк надписи. (V ЭК — 14 экз., VII ЭК — 7 экз. Пробиты. Средний вес 0.49 г).

№ 59. Л. с. — грубое изображение растения, три листика на стебле обведены пунктиром. О. с. — см. № 53. (III ЭК — 27 экз., VI ЭК — 4 экз. Неустановленного происхождения в Эрмитаже — 3 экз. Пробиты. Средний вес 0.37 г).

№ 60. Л. с. — см. № 59. О. с. — 5 строк надписи. (III ЭК — 1 экз., VI ЭК — 13 экз. Неустановленного происхождения в Эрмитаже — 4 экз. Пробиты. Средний вес 0.30 г).

№ 61. Л. с. — птица с одним поднятым крылом, влево. Под нею несколько точек. О. с. — до 4 строк надписи. (V ЭК — 5 экз. Пробиты. Средний вес 0.39 г).

№ 62. Л. с. — см. № 61. О. с. — до 4 строк надписи другого штемпеля. (V ЭК — 4 экз. Пробиты. Средний вес 0.38 г).

№ 63. Л. с. — птица с длинным хвостом и поднятым вверх крылом сидит на неясном предмете. О. с. — 3 строки надписи. (IV ЭК — 2 экз. Пробиты. Средний вес 0.40 г).

№ 64. Л. с. — над чертой фигура, напоминающая рыбку, вокруг и под чертой различные неопределенные значки и точки. Возможно — подражание восточной монете. О. с. — до 5 строк надписи. В подборе букв и в их сочетаниях есть общее с надписью штемпеля *B* литых морденок. (III ЭК — 20 экз. Пробиты. Средний вес 0.40 г. Серебро очень плохое).

№ 65. Л. с. — изображение несколько напоминает изображение лицевой стороны типа № 64. О. с. — строчная надпись русскими буквами. В нижней строке четкие цифры 1 4 8 2 5. (VII ЭК — 1 экз., вес 0.39 г. Экземпляр неустановленного происхождения имеется в Рижском музее. Пробиты).

Большинство описанных типов морденок входит в две или три группы, объединяемые общими штемпелями (рис. 10). Поскольку речь идет о чеканеных предметах, отмеченное явление свидетельствует о существовании определенных производственных центров — мастерских, которые выпускали в некоторых случаях довольно широкий «ассортимент» изделий. До известной меры такое обилие типов может свидетельствовать о длительности существования мастерских.

В табл. 6 показано место, занимаемое описанными типами морденок в кладах. Сравнительное изучение состава кладов и соотношений штемпелей приводит к выводу о более или менее одновременном и во всяком случае о довольно позднем появлении большинства описанных в последней группе типов чеканеных морденок. Как правило, они встречаются только пробитыми, независимо от степени сохранности. Пробитые и сильно истертые мордочки ранее описанных типов в поздних кладах делаются такой же (а порою даже более редкой) примесью, как и русские копейки XVII—

Таблица 6

Количество чеканеных мордочек в кладах и средний вес одной монеты

№ монетного типа	IV ЭК	VI ЭК	VII ЭК	V ЭК	III ЭК	Средний вес (в г)
47	—	—	$\frac{0}{1}$	—	—	0.43
48	—	$\frac{0}{18}$	$\frac{0}{1}$	—	—	0.35
49	—	$\frac{0}{2}$	$\frac{0}{2}$	—	$\frac{0}{23}$	0.34
50	—	$\frac{0}{2}$	$\frac{0}{2}$	$\frac{0}{45}$	—	0.47
51	—	—	$\frac{0}{1}$	—	—	0.37
52	—	$\frac{0}{6}$	$\frac{0}{9}$	$\frac{0}{29}$	—	0.44
53	—	$\frac{1}{0}$	—	—	—	0.32
54	—	$\frac{0}{1}$	—	—	—	0.32
55	—	$\frac{0}{1}$	—	$\frac{0}{1}$	—	0.39
56	$\frac{0}{2}$	$\frac{0}{5}$	$\frac{0}{5}$	$\frac{0}{22}$	$\frac{0}{6}$	0.42
57	—	—	—	—	$\frac{0}{2}$	0.33
58	—	—	$\frac{0}{7}$	$\frac{0}{14}$	—	0.49
59	—	$\frac{0}{4}$	—	—	$\frac{0}{27}$	0.37
60	—	$\frac{0}{13}$	—	—	$\frac{0}{1}$	0.30
61	—	—	—	$\frac{0}{5}$	—	0.39
62	—	—	—	$\frac{0}{4}$	—	0.38
63	$\frac{0}{2}$	—	—	—	—	0.40
64	—	—	—	—	$\frac{0}{20}$	0.40
65	—	—	$\frac{1}{0}$	—	—	0.39
Количество монетных типов	2	10	8	7	6	

XVIII в. Отдельные клады с мордочками рассмотренной группы вовсе не содержат старых литых мордочек и в то же время датируются русскими монетами второй половины XVIII в.

Еще более позднюю группу составляют мордочки, оказавшиеся в некоторых рассмотренных кладах. Среди них основное место занимают бесхитростные подражания серебряной копейке, обычно очень уродливые, но в меру умения придерживающиеся канонического типа копейки. Неко-

торые типы даже довольно грамотно передают легенду петровских копеек. Как правило, все это тонкие и очень легкие бляшки; встречаются и брактатеаты односторонней чеканки. Связи по штемпелям имеются и в этой группе, но гораздо больше типов-одиночек. Наряду с серебряными имеются и латунные бляшки. Есть типы, сохранившие от прошлого только овальную форму. Вместо изображений и надписей их покрывает мелкая решетка или ряды черточек.

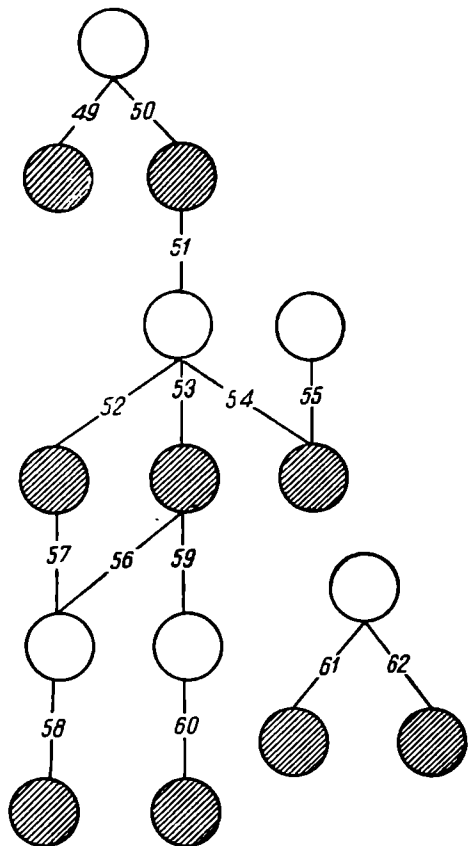

Рис. 10. Соотношение штемпелей лицевых (белые кружки) и оборотных (заштрихованные кружки) сторон поздних чеканеных мордовок.
49—62 — номера типов мордовок.

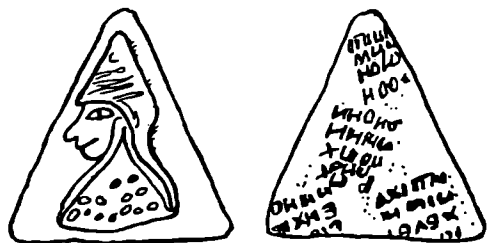

Рис. 11. Треугольная литая мордовка (немного увеличено).

меченных в табл. 6 типов, в нем одиночными пробитыми экземплярами представлены еще три различных типа поздних чеканеных мордовок, одно медное литое подражание копейке Михаила Федоровича и несколько стертых мордовок.

Из монет имеется только пробитая копейка Михаила Федоровича.

VI эрмитажный клад очень засорен: к нему примешаны 36 различных непробитых русских монет XVI, XVII и XVIII вв., подделка денги XV в., 12 фальшивых петровских копеек, одна маленькая «вендка» (брактатеат), миниатюрный медальон из черного чугуна с изображением креста, обломки перегоревшего серебра и разный хлам, вплоть до обломка заправки. Среди серебряных мордовок, не вошедших в таблицу, — 56 экз. с одинаковой лицевой стороной и четырьмя типами надписи, причем две из них четко повторяют легенду копейки Петра I, а также больше полусотни различных таких же поздних серебряных мордовок, несколько медных и несколько совершенно стертых.

В VII эрмитажном кладе, кроме описанных морденок, имеются еще 24 экз. различных поздних чеканенных морденок и четыре непробитые монеты XVII в. В V эрмитажном кладе содержится несколько совершенно стертых морденок, одна треугольная и три монеты: самая поздняя — копейка Михаила Федоровича.

Треугольные литые мордены, родство которых с мспетовидными литыми мордеными неоспоримо, известны нам в двух типах. Они различаются по заполнению оборотной стороны несколькими беспорядочно расположенными оттисками прямоугольных штампов с набором букв. На лицевой стороне их находится почти одинаковое погрудное изображение женщины, форма конического головного убора которой со свисающим сзади шлыком напоминает некоторые женские головные уборы народов Поволжья (рис. 11). Среди нескольких десятков известных нам экземпляров большинство отверстий не имеет. Треугольные мордены в кладах не отмечены (ссылаться на присутствие одного экземпляра в V эрмитажном кладе не приходится), и отношение их к морденым-монетам ничем, кроме отсутствия отверстий, подтверждено быть не может.

Изучение русских монетных кладов убедительно подтверждает известное высказывание К. Маркса о зависимости, существующей между потрясениями в общественном обмене и явлением зарывания кладов.¹ Отыскивая в истории Поволжья соответствующие кризисные периоды, нужно назвать прежде всего время завоевания и освоения края московским правительством: к этой поре могла бы относиться часть более старых кладов морденок-монет. Нельзя не вспомнить и вторую половину XVIII в. — время великих потрясений, связанных с развивавшейся в Поволжье крестьянской войной под руководством Пугачева. Соккрытие некоторой части более поздних кладов морденок-украшений можно приурочить к этому времени.

VI

Наличие кладов непробитых морденок, отчасти их топография и количество, множество известных нам непробитых и стертых в обращении морденок, разнообразие их типов и установленные выше связи между типами, а также другие наблюдения — все говорит о том, что некоторая часть дошедших до нас морденок некогда находилась в обращении в Поволжье в качестве платежного средства и что это обращение имело вполне определенный характер государственного денежного обращения.

Какую бы то ни было возможность возникновения местного денежного обращения в Поволжье, после того как оно вошло в состав Русского государства, приходится отвергнуть самым решительным образом. Судя по обилию стертых и непробитых монет, обращение морденок было в свое время настолько широким явлением, что нечего и думать, чтобы возникновение его могло быть тогда незамеченным и не оставить сколь-нибудь заметного следа в кладах русской монеты XVI—XVIII вв. Борьба московского правительства с подделкой монеты хорошо известна. Оно пресекло бы в самом начале любые начинания в этой области.

Вполне вероятно, что даже мордены, служившие уже только подвесками в женских уборах народов Поволжья в XVI и XVII вв. или изготовлявшиеся только для этих целей, иногда могли вызывать подозрения у представителей центральной власти, когда им предписывалось «сыскивать денежных воров». Захоронение некоторых кладов пробитых

¹ К. М а р к с. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 128.

морденок-украшений могло быть следствием подобного сыска. Известно, что в XVII в. во многих сельских местностях Поволжья с нерусским населением запрещалось ремесло не только кузнецов, но и серебрянников. Очевидно в последнем случае имелось в виду именно производство монетовидных украшений, вызвавшее недовольство и подозрения властей.

Отдельные экземпляры морденок в XVI и XVII вв. могли проникать в обращение только на правах обыкновенной фальшивой монеты. В документах XVII в., посвященных вопросу о подделывании монеты, упоминаются, между прочим, отливавшиеся в опоки медные копейки,¹ что подходит к литым низкопробным морденок, по злему умыслу или по неведению выпущенным в обращение.

Сведения о морденок, оказавшихся в качестве примеси в кладах русских монет, почти полностью отсутствуют. Нужно сказать, что в кладах XVI и XVII вв. любые поддельные монеты вообще встречаются очень редко, единичными экземплярами. Московское правительство, ведя жестокую борьбу с фальшивомонетчиками, обращало репрессии и на вольных и на невольных распространителей поддельной монеты. Поэтому население опасалось монет, сколько-нибудь отличающихся от законных.

Происходящий из Новгородской губернии один клад с морденок упомянут в отчете Археологической комиссии за 1911 г. В нем были новгородские и рязанские монеты, московские монеты Василия II, Ивана III и Василия III и две монеты Ивана Грозного, в том числе полушки. Таким образом клад может датироваться временем реформы 30-х годов XVI в. В нем же оказались две «морденок» и 34 серебряные копейки Петра I.² Как отмечено и в отчете, в кладе имеется случайная примесь, что ставит под сомнение и принадлежность морденок к основной части клада.

В описанном В. Е. Данилевичем Большекрасинском кладе из Тульской губернии, из 1009 монет 1007 отчеканены при Иване Грозном и охватывают все годы его правления. Кроме них, в кладе оказались только одна монета Федора Ивановича и еще одна, определенная как морденок. На одной стороне ее, по описанию Данилевича, находится изображение всадника в плоской круглой шапке, скачущего на коне в галоп с устремленным вниз копьем, вправо. Вокруг ободок из четырехугольных крупных точек — быть может имитация круговой надписи. На другой стороне — непонятное изображение вроде дерева или цветка.³ Состав клада позволяет точно датировать его сокрытием 80-ми годами XVI в.

В описаниях кладов иногда упоминаются поддельные серебряные монеты, которые могли быть в отдельных случаях и морденок. Заслуживает упоминания крупный клад русских монет времени Ивана III, найденный в 1854 г. в Казани, в котором отмечена одна монета «варварского штемпеля», определяемая как современная кладу подделка тайного монетчика. Она восходит к типу монет Ивана III, со строчной надписью «осподарь всея Руси».⁴

В описании В. Е. Данилевича, между прочим, говорится, — повидимому, на основании его наблюдений, — что иногда морденок встречаются в кладах серебряных копеек. В обработанных за последние годы в Эрмитаже кладах монет XVI—XVII в. примеси морденок встречать не

¹ А. Б. Л а к и е р. История подделки монет в России до времени Петра Великого. ЗАО, т. V, 1853, стр. 264.

² ОАК за 1911 г., стр. 71.

³ В. Е. Д а н и л е в и ч. Заметки по археологии и нумизматике. Харьков, 1905, стр. 12 (Отд. оттиск из т. 16 «Сборника Харьковского историко-филологического общества»).

⁴ ЗАО, т. IX, ч. I, 1857, стр. 191, 195, № 35.

приходилось ни разу. Возможно, что Данилевич распространил название «мордовки» на некоторые поддельные монеты особого рода. Вкладах монет Русского государства, кончая, приблизительно, временем Ивана Грозного, встречаются более или менее полноценные серебряные поддельные монеты вроде отмеченной выше поддельной монеты Ивана III. Так, например, в изученном в Эрмитаже большом кладе монет Грозного из с. Морозовского (Наровчатовский район Пензенской области) оказались две поддельные денги Грозного из хорошего серебра (вес 0.30 и 0.24 г). Не исключена возможность, что подобные более или менее полноценные подделки изготовлялись, как и мордовки, вне Русского государства, там, где существовала потребность в русской монете, но не было легальной возможности превратить серебро в ходячую монету.

В некоторых из упомянутых выше кладов морденок отмечена примесь других монет. Сопутствующие мордовкам монеты в тех случаях, когда сохранились данные о них, позволяют предполагать почтенный возраст некоторых находок. Обращение джучидских монет в Поволжье (Поповский клад с джучидскими монетами, а также и Большефедоровский клад с крымской), во всяком случае позже середины XVI в., невозможно. Разумеется, мы не знаем, были ли пробитыми джучидские монеты и мордовки, оказавшиеся в одном горшке в Поповском кладе. Вполне возможно, что захоронены были не монеты, а снятые с убора украшения. Но и в таком случае отсутствие русских монет в комплексе сохраняет для нас некоторое значение.

Непробитые копейки Ивана Грозного и Федора Ивановича могут датировать Чернышевский клад пробитых серебряных морденок концом XVI или началом XVII в. Что касается I эрмитажного клада, где среди непробитых морденок находится одна копейка Бориса Годунова, то неясность истории клада вынуждает к осторожности. Клад поступил в Отдел нумизматики вместе с другими монетами. Такие поздние монеты, как петровские копейки, оказавшиеся во II эрмитажном кладе вместе с проколотыми мордовками, свидетельствуют только о позднем захоронении морденок-украшений, но не могут датировать самих морденок.

Рассмотрение морденок со стороны изобразительной и эпиграфической приводит к довольно определенным выводам о возможном времени возникновения обращения морденок или, во всяком случае, их производства. При первом же знакомстве они обнаруживают прямую и непосредственную связь с «проволочными» допетровскими монетами. В создании общего типа морденок совершенно несомненно сильнейшее, решающее влияние типа серебряных копейки и денги. На них всегда изображался на одной стороне только едущий вправо всадник, а другую занимала довольно плотная надпись в несколько прямых строк. При всем их разнообразии мордовкам присуща наиболее характерная для копеек и денег композиционная особенность — четкое разделение изображения и надписи между обеими сторонами монеты, а надписи на мордовках ближе всего к надписям на копейках. Зависимость морденок от копейки как исходного типа полагает предел во времени, раньше которого не могла появиться основная группа типов морденок, хотя некоторые находящиеся на них изображения, повидимому, восходят к более ранним русским монетам — XV и начала XVI в.

Период обращения копеек начинается в 1534 г. и заканчивается в 1756 г., когда был окончательно прекращен их прием в казну по податям и другим платежам. Чеканка же их производилась только по 1718 г. При этом по количеству серебра и по размеру серебряная копейка не

оставалась неизменной. Опуская несущественные в данном случае факты истории наших денег, можно наметить три основных периода.

1. В течение около 80 лет, с 1534 по 1610 г., копейка имела вполне устойчивый вес в 0.66—0.68 г, а размер ее был около 13×10 мм. Кроме копеек, из серебра чеканились при Иване Грозном и Федоре Ивановиче денги половинного размера и веса, а только при Грозном и, вероятно, только в первой половине его правления — полушки, крохотные монетки в $\frac{1}{4}$ копейки.

2. Во время польско-шведской интервенции вес копейки упал до 0.48 г; соответственно уменьшился и размер ее. Старые тяжелые монеты ушли из обращения. Период обращения новой копейки продолжался также около 80—90 лет.

3. В конце XVII в. вес копейки снова снизился и она превратилась в крохотную монетку весом около 0.28 г.

Рассмотренные нами литые мордовки из кладов — и, следовательно, их, неведомые нам, чеканеные оригиналы — тяготеют к монетной системе первого периода. Большинство их по размеру соответствует старой копейке. Особенно веским доводом в пользу того, что «система» морденок возникает под непосредственным воздействием русской монетной системы 30-х годов XVI в., служит существование морденок-половинок и крошечных морденок-четвертушек, соответствующих денгам и полушкам. Подражательные надписи на типах морденок, чаще всего встречающихся непробитыми, в известной мере передают эпиграфический стиль легенд копеек Ивана Грозного, с почти квадратными буквами и полным отсутствием лигатур, которые характерны для более позднего времени — конца XVI и начала XVII в. Лишь тип надписи мелкими буквами (штемпель В), не будь он так тесно связан со всей группой, мог бы напоминать начертанные мелкими буквами легенды некоторых монет XVII в. Однако и в первой половине XVI в. легенды более мелкими буквами известны на некоторых типах полушек и на немногих типах копеек Ивана IV.

Что касается довольно неопределенного веса литых непробитых и стертых морденок, то при резком качественном различии русских монет и морденок сколько-нибудь обоснованное сравнение невозможно. Если вес морденок, литых и чеканеных, можно с чем-либо сравнивать, то, пожалуй, только с весовыми нормами русских монет, стихийно возникшими в конце 20-х и в начале 30-х годов XVI в. (перед реформой), когда широкое распространение получило обрезывание монет. Срезая с них часть металла, в основном руководствовались не столько весом, сколько размером монет, обстригая наиболее крупные. Нумизматические данные и сообщения летописей сходятся в том, что массовая порча монет уменьшала их вес примерно до 0.4 г. На гривенку (200 г) стало приходится вместо 260 законных «пятьсот денег и болше» — указывает летопись.¹

Обрезывание русской монеты в первой трети XVI в. было для Поволжья хорошо известным фактом: в составе казанских кладов этой поры обрезанной монеты очень много. Сравнительно крупный размер, да и вес, давал чеканеным мордовкам основания разделить участь других монет. Но среди известных нам в небольшом числе чеканеных из серебра морденок встречен только один явно обрезанный экземпляр (собрание Эрмитажа).

Большинство рассмотренных типов морденок, встречающихся непробитыми, по находящимся на них изображениям до известной меры близко

¹ ПСРЛ, VI, стр. 296.

к копейке, поскольку на них чаще всего встречается более или менее изуродованное изображение всадника.

Однако происхождение встречающихся на мордовках изображений невозможно объяснить только влиянием типа копейки. Изображение птицы на литых мордовках не имеет ничего общего с иконографией копеек, но оно известно на некоторых более ранних русских монетах. Что касается наиболее обычных для мордовок изображений всадника или коня, то почти все они имеют существенные отличия от изображений на копейках. Имитация надписей вокруг некоторых изображений указывает, скорее всего, на многочисленные типы денег Ивана III и Василия Ивановича с круговой легендой. Изображение всадника, движущегося влево, и в особенности помещение рядом с ним различных дополнительных деталей никогда не встречаются на копейках, но известны на многих монетах XV в. Впрочем первому наблюдению придавать серьезное значение нельзя. Изображение могло быть вывернуто наизнанку при изготовлении штемпеля.

Говоря о непосредственном влиянии находившихся на русских монетах XV—начала XVI в. изображений, необходимо учитывать, что подобного рода влияния обычно бывают тем более действенными, чем больше они приемлемы для данной среды; а образы коня и птицы являются едва ли не самыми распространенными на определенных этапах развития народного искусства. В изобразительном творчестве народов Поволжья им принадлежит видное место. Именно поэтому вполне возможно своеобразное, местное осмысление тех или иных сюжетов, подсказанных русскими монетами.

В мордовках особенно привлекает внимание пристрастие к изображению змея под ногами коня. Этот мотив известен и на русских монетах до времени Ивана Грозного: на старых мордовках почти все всадники сражаются с обыкновенными или крылатыми змеями и под ногами крылатых коней, которые сменяют всадников, также извиваются змеи. Находящиеся на двух типах мордовок изображения крылатого змея с двумя короткими лапами под брюхом, длинным подогнутым хвостом и обернутой назад головой невольно приводят на память крылатого змея Казанского герба. Как известно, этот образ восходит еще к татарским преданиям об основании Казани.¹

Таким образом если копейка с ее строчной легендой оказала основное, формирующее влияние на образование общего типа мордовки, то изобразительная сторона последней, помимо вполне возможной местной традиции, ощутимо связана с влиянием более ранних русских монет XV и начала XVI в. Совокупность этих влияний довольно необычна и может иметь некоторое определяющее значение.

Сколько-нибудь длительного совместного обращения новых монет XVI в. (копеек) со старыми нигде в пределах Русского государства не было и быть не могло. Особенностью реформы 30-х годов XVI в. было то, что одновременно с выпуском копеек, денег и полушек все старые монеты, не исключая и московских, были строжайше запрещены и употребление их после запрета рассматривалось как преступление. Изучение состава кладов времени Ивана IV дает многочисленные доказательства того, что с выпуском копеек старая монета быстро ушла из обращения — на монетные дворы или в кубышки кладов — повсюду, где распространялась власть Русского государства. Но вне границ последнего условия для

¹ А. В. А р ц п х о в с к и й. Древнерусские областные гербы. УЗМГУ, вып. 93. кн. I, 1946, стр. 58—60; ПСРЛ, XIX, рис. III.

довольно длительного смешанного обращения русских старых и новых монет существовали — и именно в Поволжье, где русская монета была основной валютой и где в то же время, в 30-е годы XVI в., законы Русского государства не имели никакой силы.

Выше упомянуто, что со времени Ивана III русская монетная система подчинила себе казанский рынок. Начавшийся в 1487 г. период зависимости Казанского ханства от Москвы создал небывалые до того благоприятные условия для развития и упрочения экономических связей Поволжья с Русским государством. Казань с ее волжскими ярмарками тесно связывалась с русскими рынками. Тридцатилетний период этой зависимости, несмотря на случившиеся возмущения и попытки переворотов, окончательно закрепил полное господство русских денег в Казани. Разрыв последней с Москвой в 1521 г. ничего не мог изменить в этом отношении.

В 1521 г. пришедший из Крыма Сахиб-Гирей низверг с казанского престола поставленного по рекомендации Василия III Шигалея — хана Шах-Али. Сменивший Сахиб-Гирея в 1524 г. Сафа-Гирей продолжал враждебную политику по отношению к Русскому государству, поддерживаемый Крымом, за которым стояла Турция. Ближайшим следствием разрыва и возобновившихся набегов казанцев на русские области были запрещение в 1523 г. русским купцам участвовать в ежегодной Казанской ярмарке и одновременное учреждение Макарьевской ярмарки. Нарушение сложившихся связей с русскими рынками тяжело отразилось на экономике и торговле ханства.¹ Приток новой русской монеты в ханство был очень затруднен, но не мог прекратиться полностью.

В короткий период времени, от 1534 г., когда на русский денежный рынок вышла копейка, и до падения Казани в 1552 г., новые монеты Русского государства могли лишь очень медленно и постепенно, окольными путями, вливаться в денежное обращение татарского Поволжья и Казани, не вытесняя из него старых монет. Последние к тому же во множестве были «законсервированы» на женских уборах.

Запрещение московским правительством старых денег не имело никакой силы в Казанском ханстве, и здесь на время сложилось своеобразное местное денежное обращение, в котором соединились русские монеты новой и старой монетных систем, характерные черты которых в равной мере отразили в себе мордовки. Незаконные нарушения веса старых монет, которые в Русском государстве были быстро ликвидированы введением новых монет, здесь не могли быть преодолены. Завоевание Казани и Астрахани в середине XVI в. и замирение всего края сделали единственными законными монетами в Поволжье новые русские монеты.

Производство и обращение рассмотренных нами монет в качестве платежного средства и образование кладов таких непробитых монет могли иметь место только в пределах государственных образований, существовавших в Поволжье до середины XVI в., — как бы ни противоречил этому внешний вид самих монет. Представление о платежном значении мордовок могло сохраняться в течение короткого времени после завоевания и способствовать образованию некоторых кладов.

Совокупность всех приведенных выше данных позволяет признать, что производство мордовок для платежных целей и обращение подражательных монет могли возникнуть в волжских ханствах лишь накануне их падения, в очень короткий период времени, ограниченный 30—50-ми

¹ История Татарской АССР, т. I. Казань, 1951, стр. 141, 165; — О роли Казани в русской восточной торговле см. также: М. В. Ф е х н е р. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. Тр. ГИМ, вып. XXI, 1952, стр. 56 и сл.

годами XVI в., когда в результате разрыва Казани с Москвой приволжские рынки испытывали острый недостаток монеты. Привычка к русской монете, удвоенная специфическим использованием ее для женских уборов, вынудила обратиться к подражанию русским монетам, что ярко свидетельствует о несостоятельности сепаратистских стремлений, взявших в Казани верх перед ее падением.

Рассмотренные выше структурные особенности «системы» мордовок вынуждают признать централизованное государственное производство этих монет, а экономические и политические условия, сложившиеся в последний период существования ханства, и, в частности, острый недостаток серебра, делают понятными качественные особенности выпущенных монет, выразившиеся в переходе к технике литья низкопробных монет и в постепенном уменьшении в них количества серебра. Сильная затертость большинства дошедших до нас непробитых литых мордовок объясняется не только интенсивным обращением, но и особенностями техники изготовления (литье и повторные отливки с литых монет), при которых четкость изображений и надписей сильно страдали. Поэтому между сильной изношенностью монет и сравнительно коротким периодом их обращения большого противоречия нет.

Было бы неправильным настаивать на том, что все известные нам мордовки, в которых можно видеть монеты, происходят только из Казанского ханства. Область распространения мордовок включает в себя и Нижнее Поволжье; существуют по крайней мере две большие группы монет, установить прямую связь между которыми не удалось. Повидимому одновременно находились в обращении литые и некоторые чеканенные мордовки. Эти факты могут свидетельствовать об одновременном существовании нескольких центров производства монет-мордовок.

Мы не располагаем документальными данными об обращении какой-либо местной монеты в Казани, тем более для последнего периода существования Казанского ханства, который вообще очень слабо освещается сохранившимися документами. Однако о производстве монет в Казани имеется свидетельство очевидца, русского пленника священника Глазатого, находившегося в Казани в последние годы существования ханства.

Автор «Казанского летописца» сообщает о себе во вступительной части летописи, что он провел в плену двадцать лет и получил свободу в 1552 г. Следовательно приход его в Казань относится к началу 30-х годов XVI в. Рассказывая о хищнических набегах казанцев на Русь, о страданиях русских пленников и пленниц, он вспомнил и о другой добыче казанцев: «честные кресты серебряные и золотые сокрушаху, и святые обложенные иконы обдираху и [на] серебряники и на золотники преливаху и усережи и ожерелья и маниста женам своим и тщерям наря[жа]ху и тафья на главы своя украшаху».¹ Подаренный после пленения Сафа-Гирею, будущий летописец был оставлен при ханском дворе и находился в условиях, при которых мог собрать фактический материал для своего будущего труда; он имел право сказать несколькими строками ниже приведенного отрывка: «то все сам яз своими очима видел».

Таким образом производство (литье) «серебряников» в Казани в интересующий нас период документально засвидетельствовано современником. В другом тексте летописи серебряниками названы русские серебряные монеты Ивана Грозного,² т. е. копейки. Золотые мордовки встречать

¹ ПСРЛ, XIX, стр. 273.

² Там же, стр. 163.

не приходилось; одна серебряная позолоченная мордовка в собрании Эрмитажа имеется.

Летописец наблюдал изготовление златников и серебряников, по всей вероятности, непосредственно при ханском дворе. Учитывая отмеченное и летописцем специфическое использование монет для украшений, можно предположить, что не дошедшие до нас чеканенные монеты, которые послужили образцами для литых, в основном использовались для внутренних потребностей ханского двора или татарской знати и в обращение могли вовсе не поступать. Для эмиссии монет они послужили исходными образцами, а в дальнейшем моделировка форм производилась литыми же монетами.

Противоречие между политическими тенденциями правителей Казани в последние десятилетия существования ханства и внешним видом монет, которые выше отнесены к этому времени, отражает в себе те гораздо более серьезные противоречия, которые сложились в Поволжье накануне его включения в состав Русского государства. В труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» указывается, что товарное производство «существовало при феодализме и обслуживало его». ¹ «Денежное хозяйство» товарного производства и обращения, обслуживавших феодальный строй Казанского ханства, сложилось в конкретных исторических условиях. Прочные экономические связи Поволжья со значительно опередившим его в экономическом и политическом развитии Русским государством оказались сильнее политических тенденций ханов и части казанской феодальной знати.

В связи с этим уместно вспомнить, что в нашей исторической и нумизматической литературе неоднократно обсуждался вопрос о причинах выпуска в XIV в. русских монет с татарскими надписями. Было время, когда считалось, что чеканка монеты в русских княжествах, начавшаяся во второй половине XIV в., была вызвана необходимостью платить дань татарам и что именно поэтому монеты чеканились с татарскими надписями. Развитие ремесла, рост товарного производства, потребности товарного обращения совершенно не учитывались, когда появление собственной монеты в русских княжествах старались объяснить данническими отношениями или даже требованиями со стороны татар. Заслуживает внимания то, что он первый среди русских нумизматов решительно высказался за необходимость объяснять появление русских княжеских монет в XIV в. исключительно экономическими причинами. ² Правда, развивая свою мысль, Орешников обеднил ее, сведя вопрос к неудобствам для русской стороны в торговле Руси с ближним Востоком при наличии только татарской монеты. Правильно объясняя создание подражательного типа ранних русских монет «ради удобства торговых сношений с татарами», он, с одной стороны, совершенно не затронул более глубоких экономических явлений в жизни Руси XIV в., а с другой, начисто отрицал фактор политический.

Выступление А. В. Орешникова было полемическим и послужило ответом на статью И. И. Толстого, в которой появление русских монет рассматривалось в прямой связи с усилением освободительной борьбы под главенством Московского княжества. По этой же причине Толстой

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1951, стр. 15.

² А. В. Орешников. Замечания на статьи графа И. И. Толстого о монетах Великого княжества Московского. Нумизмат. сборник, т. III, М., 1915, стр. 175—177.

считал московские монеты наиболее ранними.¹ Оспаривая ряд положений Толстого и, в частности, защищая свою систематизацию монет XIV в., Орешников считал позицию Толстого искусственной. «Начало чеканки монет после Куликовской битвы (если только это определено верно), есть случайное совпадение; все равно потребность в собственной монете заставила бы князей по причинам экономическим ее чеканить, если бы Куликовской битвы и не было».²

Советская историческая наука, вооруженная научным марксистским методом, находит правильное объяснение появлению первых русских монет Дмитрия Донского с их татарскими надписями, именно в то время, когда освободительная борьба русского народа против завоевателей вступила в новую решающую фазу и Дмитрий стал во главе освободительного движения.³

Экономические потребности общества в равной мере определяли активизацию политической и военной освободительной борьбы русского народа против татарского ига и выпуск монеты, отразившей на себе тенденции развивавшегося товарного обращения. Монеты появились раньше именно в тех княжествах, «восточная политика» которых была особенно активной, тогда как важнейшие торговые центры Руси на западе — Новгород и Псков — обзавелись своей монетой гораздо позже. Именно поэтому же татарские надписи — «это денга московская», «Ибан» (Иван) — помещались на монетах Московского княжества и в XV в., когда это уже никак не могло зависеть от каких-либо даннических отношений.

Отмеченная выше специфика монет в Поволжье чрезвычайно затрудняет четкое разграничение изучаемого материала — морденок не только разновременных, но даже и более или менее близких по времени выпуска. Если гораздо чаще монеты из средства обращения превращаются в сокровище-украшение, то в Поволжье в известной мере имело место и обратное явление. Во всяком случае производство украшений и производство денег сильнейшим образом перемешивались, а в ряде случаев могли протекать в одной и той же мастерской, которая лишь временами из мастерской ювелира превращалась в монетный двор. Именно поэтому, вероятно, народное ремесло в Поволжье сумело сохранить технику производства монет и возродить ее позже в производстве литых и чеканеных бляшек — тухланок.

Ограниченность материала, который нам удалось привлечь и изучить для исследования вопроса об обращении морденок, вынуждает к большой осторожности в выводах и прежде всего к осторожности в четком разграничении монет и украшений и в установлении вполне достоверных типов морденок-монет. До «непреложной истины» о мордовках, которой ожидал от будущих нумизматов Г. И. Лисенко, еще далеко. Но в существовании обращения морденок как монет сомневаться в настоящее время невозможно.

Первая половина XVI в. является важнейшим периодом в истории Поволжья. Включение его в состав Русского государства определило весь дальнейший ход жизни народов Поволжья и предопределило их место в братской семье народов Советского Союза. Возможность несколько пополнить наши сведения об экономическом быте Поволжья в этот период делает желательным и дальнейшее изучение забытых памятников истории — морденок — и внимательный учет и изучение новых находок и в первую очередь кладов. Совместная работа историков, нумизматов и этнографов могла бы оказаться плодотворной в решении намечаемой задачи.

¹ И. И. Толстой. Монеты великого князя Василия Дмитриевича. 1384—1425. СПб., 1911, стр. 70, 71.

² А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 177.

³ См.: Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Дмитрия его и Василия I (1354—1425). МИА, № 11, 1949, стр. 157, 158.

МАТЕРИАЛЫ

О. Н. Б А Д Е Р

ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО ПОД ПИСАНЫМ КАМНЕМ
НА р. ВИШЕРЕ

1

Горный Урал сохранил еще немало древних наскальных рисунков, этих редчайших памятников первобытной культуры. Они разбросаны в разных пунктах Урала и носят название «писаницы». Особенно много их на восточных склонах среднего Урала, по течению р. Тагила, где они давно известны и даже зафиксированы, но до сих пор не получили исчерпывающего описания в литературе.

Наибольшей известностью среди уральских писаниц издавна пользуются рисунки Писаного камня на р. Вишере.

В 1949 г. Камская археологическая экспедиция Молотовского университета провела работы по фиксации и описанию сохранившихся древних изображений Писаного камня. Одновременно были произведены раскопки культурного слоя, обнаруженного под Писаным камнем В. Ф. Генингом (в 1948 г.). Добытый раскопками материал устанавливает наличие здесь жертвенного места и датирует наскальные изображения: культурный слой, без сомнения, тесно связан с писаницами, ибо находится непосредственно под ними, на маленькой площадке суши, с которой доступны писаницы.

2

Писаный камень находится между деревнями Писаной и Акчим, на правом берегу Вишеры, в 230 км от ее устья и в 70 км от камня Полюда, где начинается горная часть ее течения. Наряду с Ветланом, Говорливым, Дыроватым, Столбами, Сыпучим, он принадлежит к числу грандиозных утесов, нависших над рекой и придающих Вишере суровую красоту.

Собственно Писаный камень занимает почти центральное место среди длинного ряда скалистых утесов, обрывающихся здесь прямо в Вишеру (рис. 1). В отличие от соседних скал, под ним имеется узкая площадка суши, образованная, видимо, обвалами скалы и речными наносами. С этой площадки и были нанесены на скалу рисунки.

Внутренняя часть этой расположенной под скалой площадки отчасти находится под защитой нависающей над нею скалы высотой около 70 м. Длина островка всего 50 м, наибольшая ширина 9 м, наибольшая высота, в средней части, прилегающей к скале, достигает всего 3.70 м (рис. 2). В разливы реки, судя по линии прибоя и намытого хвороста, вода под-

нимается по крайней мере на 3 м, т. е. до третьей горизонтали плана и даже несколько выше (рис. 2). В это время под скалой остается узкая полоска суши длиной 21 м и шириной в средней части не больше 1 м. Очевидно этим можно объяснить наибольшее скопление культурных остатков именно у скалы. Склон от скалы к реке довольно крутой, с выступающими крупными камнями, исключая понижения на концах островка, в особенности с востока, где склон полог.

С суши островок изолирован полностью, и попасть на него можно только с реки. Это делало священные рисунки трудно доступными и могло послужить одной из причин выбора именно этого места для их нанесения.

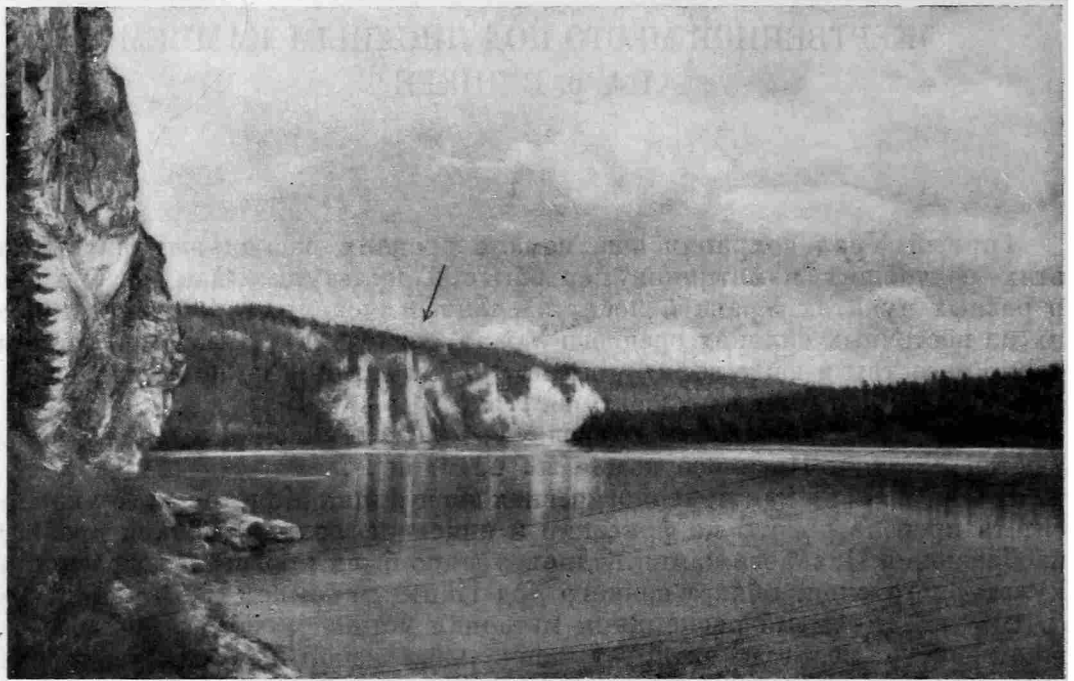

Рис. 1. Писанный камень (обозначен стрелкой). Вид от камня Бычок.

Кроме того, лесистая вершина Писаного камня является одной из наиболее высоких точек округи; и до сих пор с ней связаны старинные легенды, действующие лица которых — манси.

3

В июле 1949 г. Вишерский отряд Камской археологической экспедиции провел на островке под Писанным камнем две недели, занимаясь фиксацией и описанием наскальных рисунков, расположенных на высоте до 7 м.¹ Здесь же, под скалой, было произведено и частичное исследование культурного слоя.

Еще в 1948 г. В. Ф. Генингом в восточной половине островка, у самого подножия скалы, был сделан пробный раскоп (площадь 3,5 кв. м), обнаруживший древний культурный слой. В раскопе были найдены многочисленные и очень разнородные предметы — от каменных скребков до железных наконечников стрел.

¹ В состав отряда, кроме автора, входили студенты Молотовского университета А. Вечтомов, С. Володина, В. Генинг, В. Денисов, А. Домнин, В. Оборин и Р. Чубарова.

Раскоп 1949 г., включивший и пробный участок 1948 г., был протянут вдоль скалы к западу от него (рис. 2). Далее от этой основной площади $ag=31-40$ для выяснения основного стратиграфического разреза островка была спущена до реки поперечная траншея по линии 36, шириной 1 м. Кроме того, к западу, у подножия скалы были вскрыты три разведочных участка, в 1 кв. м каждый, давшие представление о распространении культурного слоя в западной половине островка (рис. 2). Всего нами была вскрыта площадь в 33 кв. м.¹

Стратиграфия островка под Писаным камнем в целом и культурных отложений в частности оказалась сложной и нелегко поддающейся расшифровке из-за крайней неровности каменистой поверхности, подстилающей культурный слой, а также вследствие хронологической пестроты содержащихся в слое остатков. Основной поперечный разрез по западной стенке ряда 36 дал следующую стратиграфическую картину (рис. 3).

1. Дерновой слой тонкий, непрочный.

2. Песчаный, сероватый, слегка гумусированный слой, с большим количеством мелкой известняковой щебенки, отложившийся недавно, поверх культурного слоя, ибо в нижних частях площадки покрывает его. Культурных остатков не содержит, за исключением единичных предметов, вымытых сверху, из культурного слоя.

3. Культурный слой, песчаный, темносерый, с примесью мелкой щебенки, угольков, золы; в верхних участках сухой, рассыпчатый, внизу влажный, слегка глинистый, вяз-

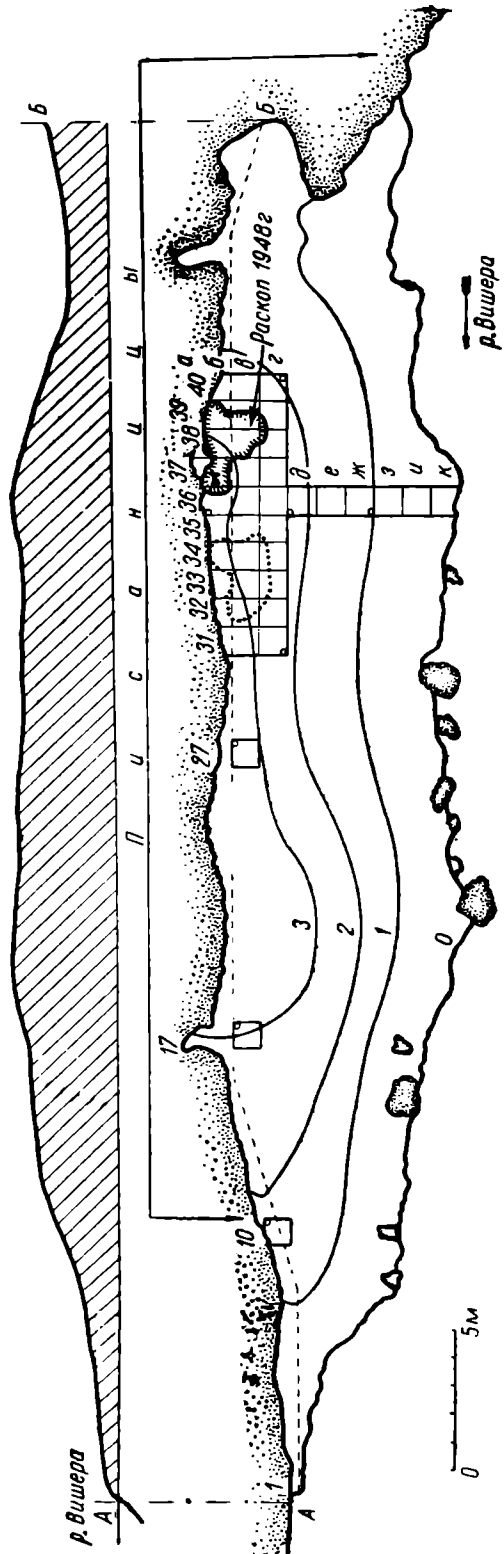

Рис. 2. Общий план и продольный профиль поверхности островка под Писаным камнем и раскопа на нем.

¹ По окончании раскопок их выемки были засыпаны; при этом в пунктах, обозначенных на рис. 2 кружками, установлены низкие опознавательные столбы для облегчения точной ориентировки при продолжении работы.

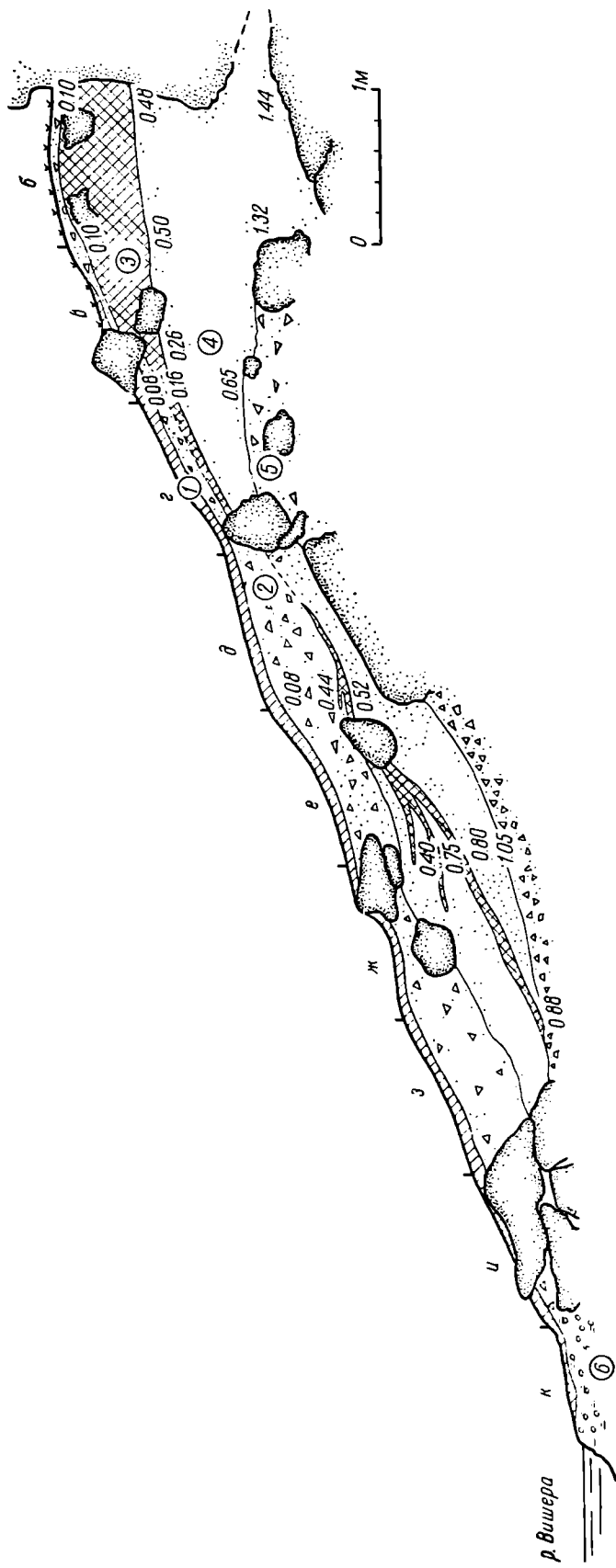

Рис. 3. Поперечный разрез (цифры в кружках) по западной стенке участков ряда 36.

1 — дерповый; 2 — песчаный со щебнем; 3 — песчаный со щебнем; 4 — речной песок с отдельными костями животных и рыб; 5 — песчаный со щебнем, без находок; 6 — речной суглинок.

кий, с частыми мелкими белыми крапинами разложившейся (пережженной?) известняковой щебенки.

4. Песок речной, слоистый, желтый, мелкозернистый, с редким включением хорошо окатанной гальки, почти без щебенки. В нижнем горизонте на участке *г*, на глубине 0.85 м, в нем попадаются крупные кости животных, иногда кости рыб.

5. Песчаный слой желтого цвета, с большим количеством крупной известняковой щебенки. Находок нет.

6. Суглинок речной, вязкий, голубовато-коричневый, пятнистый.

Описанный порядок залегания слоев наблюдается не везде. Так, на западной оконечности островка (участок *г-10*) отсутствует второй (от верха) слой нашего разреза, а на восточной, в крайних участках раскопа, подстилающий песок приобретает внизу глинистые примеси (рис. 4), и т. п.

Культурный слой распространен не по всей площади островка. На западной оконечности последнего, в участке *г-10* (рис. 2), он отсутствует, в участке *г-17* залегает на глубине между 0.75 и 1.30 м, т. е. имеет мощность 55 см, но содержит лишь кости животных, в участке *г-27* снова отсутствует, в восточном, пониженном конце раскопа выклинивается, а на южном склоне к реке выклинивается почти на уровне последней (рис. 3). Наибольшей мощности культурный слой достигает непосредственно под скалой (50—55 см), в наиболее возвышенной части площадки. Он монолитен, не делится на заметные горизонты, и разновременные культурные остатки залегают в нем смешанно. Невозможность подразделения остатков на горизонты особенно ясна из профиля топографически более низких участков (рис. 4), где культурный слой очень тонок и, несмотря на это, столь же неоднороден по содержанию.

Но в двух-трех пунктах нам удалось наблюдать расслоение культурных отложений; как и следовало ожидать, это имеет место в пониженных частях островка, где в период образования культурного слоя происходило

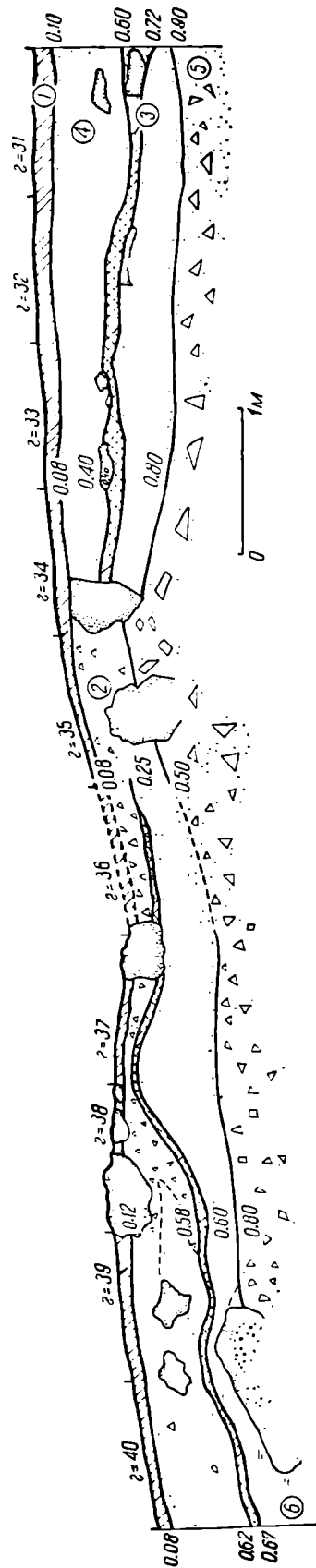

Рис. 4. Разрез слоев (цифры в кружках) по южной стенке участков ряда *г*.

1 — дерновый; 2 — песчаный со щебнем; 3 — культурный; 4 — речной песок с отдельными костями животных и рыб; 5 — песчаный со щебнем, без находок; 6 — речной суглинок.

параллельное накопление речного аллювия. Так, на участках *e—ж* нашего главного разреза (рис. 3) культурные отложения распадаются на три горизонта, вскоре же исчезающие, а на участке *г-38, 39* на три и даже на шесть горизонтов. Последнее убедительно говорит об образовании культурного слоя в результате многократных посещений островка; при этом более мощные прослойки следует рассматривать как следы частых посещений, относящихся к одному периоду. К сожалению, отсутствие датированных находок в указанных прослойках, вообще крайне бедных остатками, лишает нас возможности точно определить каждую из них во времени.

На вскрытой раскопками площади (за исключением некоторых участков поперечной траншеи), во всех горизонтах культурного слоя залежали многочисленные культурные остатки в виде осколков кремня, каменных, костяных, медно-бронзовых, железных и серебряных (?) поделок, единичных обломков керамики и множества костей животных. Наибольшее количество предметов собрано на участках *б-35—38* и *в-36—38*; наибольшее скопление костей, преимущественно раздробленных, наблюдалось на участках *б-г-32—35* в виде пятна, обрамленного на общем плане (рис. 2) точками. Больших кострищ, очагов и других деталей этого рода не наблюдалось; лишь на участке 1948 г. отмечен небольшой очаг, сложенный из двух камней. В то же время в культурном слое включено довольно много угля, а местами и зольные примеси.

Помимо предметов из слоя, небольшое количество культурных остатков было собрано в двух расщелинах скалы на высоте до 3 м над поверхностью земли, над средней частью нашего раскопа. Одна расщелина была заполнена костями крупных животных и раковинами; в другой были найдены два наконечника стрел подтреугольной формы, сделанные из темного, совершенно однородного кремня; один из них лежал вместе с медной бляшкой в виде розетки, близкой по типу к абашевской, другой — со сломанной серебряной пластинкой с отверстием; очевидно оба металлических предмета — это жертвы, посланные со стрелами с реки — с плота или лодки. В расщелинах больше всего костей мелких животных, грызунов и рыб, возможно занесенных птицами, но немало и костей крупных млекопитающих и в особенности лося.

Писаницы, начинаясь в 10 м от западной оконечности островка (последний здесь возвышается на 1.5 м над р. Вишерой), тянутся на 41 м к востоку над всей остальной частью площадки (рис. 2). Наиболее восточные рисунки сохранились лишь в виде слабых следов. Для нанесения (а сейчас для наблюдения их) нужно было взобраться по крутому и узкому уступу скалы над р. Вишерой. Большая доступность их в наше время послужила к скорейшему разрушению этой группы изображений.

4

Культурные остатки из раскопок у Писаного камня состоят из почти двух с половиной тысяч отдельных предметов,¹ в том числе: 1477 — остатки фауны, 771 — каменные куски, осколки и орудия; остальные предметы — костяные и металлические орудия и их обломки.

Слишком большая разнородность материала — от поздненеолитической керамики, кремневых стрел и полированных орудий до железных

¹ Коллекции 75, 78 и 85. Хранятся в Археологическом музее Молотовского университета. Мелкие осколки кремня и костей из каждого раскопчного квадрата регистрировались за одним номером.

наконечников стрел родановского времени — исключает возможность рассматривать предметы архаических типов как пережитки и считать весь собранный материал за хронологически единый комплекс, относящийся, судя по позднейшим вещам, ко II тысячелетию н. э. Несмотря на смешанное залегание находок в культурном слое, они, безусловно, разновременны, так же как и расположенные над ними рисунки. Условия залегания находок ничего не дают для установления их датировки и культурной принадлежности, но типологические особенности некоторых предметов настолько ярки, что определение их не представляет затруднений.

Древнейшими из хорошо датированных предметов являются три обломка керамики, принадлежавшие трем различным сосудам (рис. 5, 1—3). Они отличаются значительной толщиной (13, 12 и 9 мм), большим диаметром, примесью песка и шамота к глиняному тесту, плотностью, прочностью, ровно сглаженной поверхностью. Орнаментальное поле редко заполнено в одном случае зубчатым орнаментом, в двух других — орнаментом в виде полос остроугольного зигзага, нанесенного способом «шагающего» штампа, но здесь не зубчатого, а линейного, короткого и неглубоко вдавленного.

Эта керамика совпадает с комплексом керамики левшинского этапа в Чусовском Прикамье.¹ В то же время она отличается как от более ранней неолитической, так и более поздней турбинской, а также от зауральской, которая почти всегда имеет примесь талька. Самой близкой аналогией этой керамики Писаного камня является древняя керамика стоянки Базов Бор в устье Иньвы, открытой и исследованной нами в 1951 г.²

С левшинской керамикой с наибольшей вероятностью можно связать около трех десятков тонких, отлично огранных, преимущественно мелких, ножевидных пластинок из пестрого кремня светлых тонов (рис. 5, 4—9), два соответствующих им нуклеуса (рис. 5, 11, 12), резец на коротком отщепе (рис. 5, 13) и несколько широких отщепов из кремня тех же сортов (рис. 5, 10). Все эти предметы указывают на высокую отжимную технику и, повидимому, на изготовление вкладышевых орудий (рис. 5, 7), что соответствует концу каменного века и, в частности, комплексу Левшинской стоянки.

Повидимому ножевидные пластинки отделялись от нуклеусов на месте находки; следы использования в виде слегка раздробленного режущего края имеются только на одной пластинке.

Может быть к этому же комплексу находок относится довольно крупное (15.3×6.3×3.0 см) массивное тесловидное орудие (или мотыга) из удачно подобранной прочной каменной гальки, мешающие выпуклости которой были намеренно обиты, а лезвийный конец оформлен тщательной и двусторонней полировкой (рис. 7, 1); лезвие раздроблено, что говорит в пользу применения орудия в качестве мотыги.

Следующая эпоха представлена тремя наконечниками стрел вытянуто-подтреугольной формы, из желтовато-белого (рис. 6, 1) и голубовато-серого (рис. 6, 3, 5) кремня. Все три наконечника принадлежат к основному типу стрел Турбинского могильника и соответствующих ему посе-

¹ А. В. Ш м и д т. Левшинская стоянка. СА, V, 1940. — См. также коллекции Молотовского областного музея и Археологического музея Молотовского университета.

² О. Н. Б а д е р. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИИМК, вып. 51, 1953.

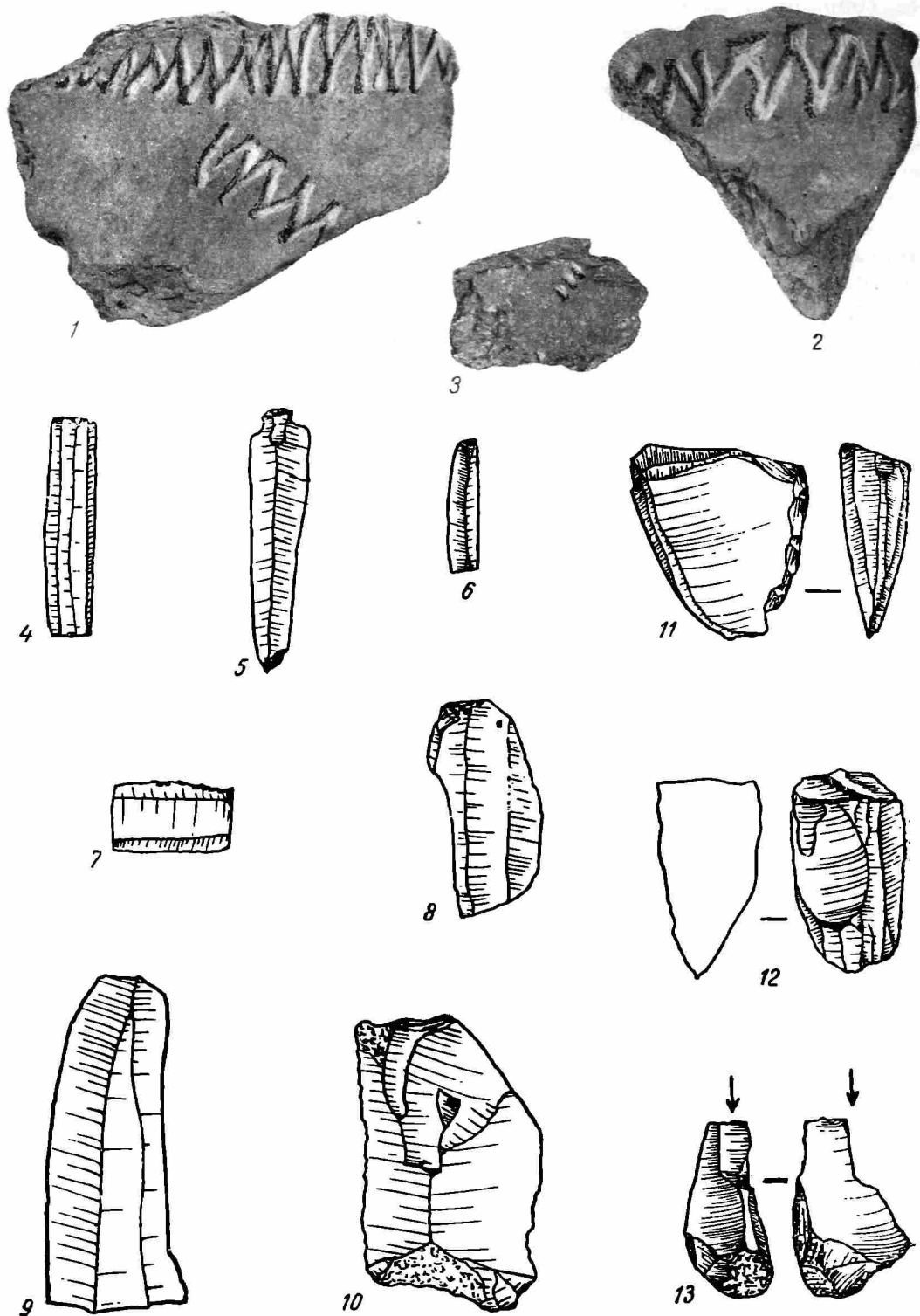

Рис. 5. Предметы левшинского времени, найденные под Писанным камнем.
Нат. вел.

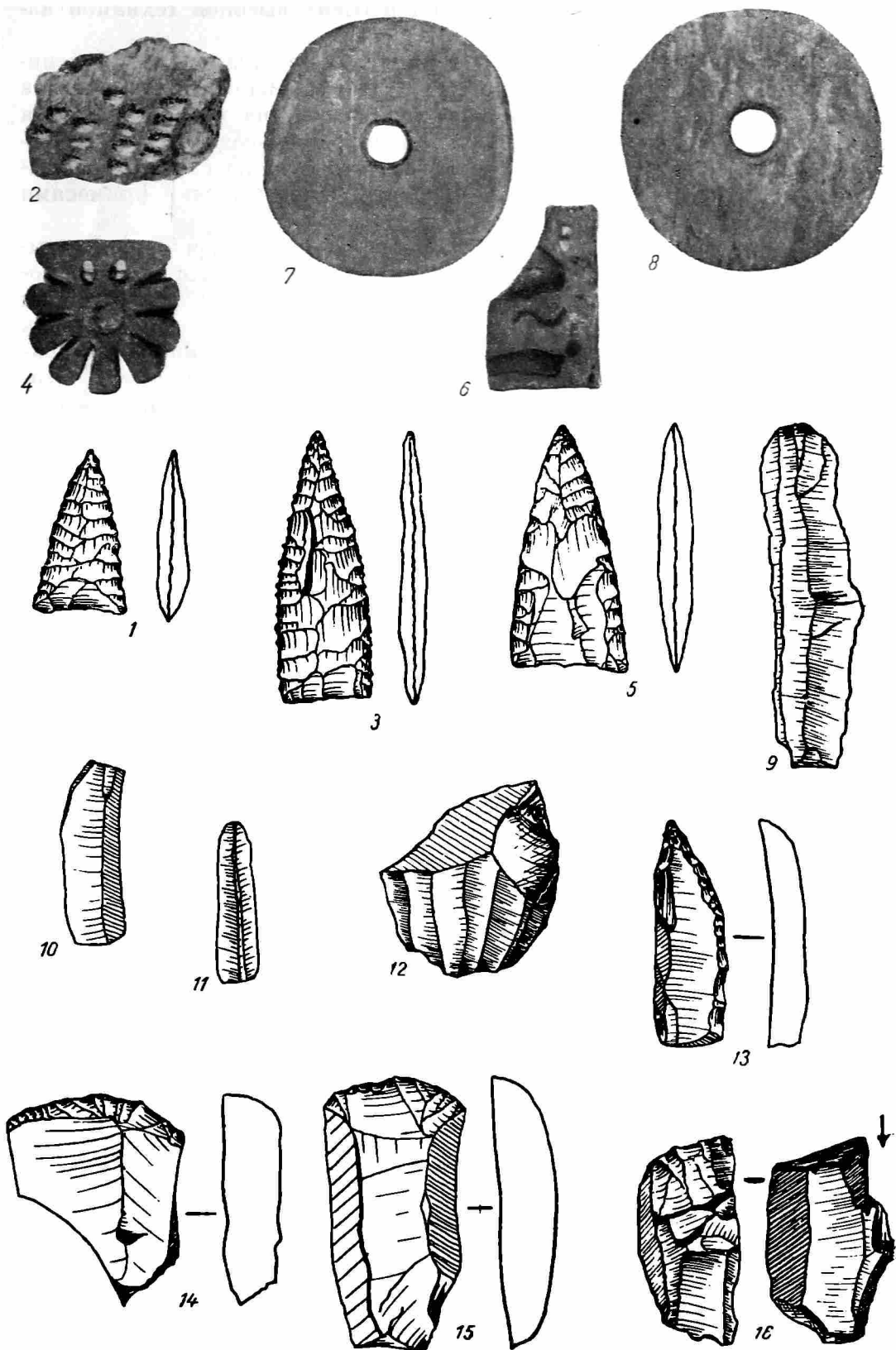

Рис. 6. Предметы турбинского времени, найденные под Писаным камнем.
Нат. вел.

лений Чусовского Прикамья и отличаются очень высокой техникой изготовления.

Одна из стрел (рис. 6, 3) найдена в расщелине скалы вместе с массивной бляшкой абашевского типа (рис. 6, 4), но от подобных бляшек она несколько отличается оформлением верхней части, на которой имеются два сквозных отверстия. Спектральный анализ, произведенный А. Г. Поповой (Молотовский университет), показал, что бляшка сделана из чистой меди со слабыми (сотые доли процента) естественными примесями никеля, магния и кремния (доли процента).

Вместе с другой стрелой (рис. 6, 5) найдена тонкая серебряная четырехугольная пластинка (рис. 6, 6) с отломанным углом и с наспех пробитым сквозным отверстием (вероятно, непосредственно перед тем, как пустить стрелу, для прикрепления к ней). Предмет этот мог служить украшением. По определению А. М. Шаврина (Молотовский университет), пластинка состоит из серебра с примесью меди, свинца и золота. В абашевских памятниках, т. е. в конце II тысячелетия до н. э., серебряные предметы на смежных территориях известны.

К этому же гаринско-борскому, турбинскому времени, т. е. ко второй половине II тысячелетия до н. э., принадлежит обломок сосуда из неплотной глины с примесями толченой белой породы, толщиной 7 мм, с хорошо сглаженной наружной поверхностью, покрытой рядом косо поставленных отпечатков зубчатого штампа (рис. 6, 2), и внутренней поверхностью, сглаженной до обжига зубчатым орудием.

Сюда же мы относим осколки двух полированных орудий из черного кремня и зеленого хлорито-кремнистого сланца, столь частые на стоянках гаринско-борского типа, два частью заполированных плоских тонких диска (рис. 6, 7, 8) из серого плотного сланца с просверленными с двух сторон отверстиями в центре. Они подобны диску из турбинского поселения Боровое озеро II,¹ керамическим дискам из Полуденской стоянки² и нефритовым дискам из могильников глазковской стадии в Прибайкалье.³

Наконец, в том же турбинском поселении Боровое озеро II находит свою ближайшую аналогию и очень крупный (29.5×15.5 см), плоский (2 см), удобно изогнутый наконечник мотыги из серой сланцевой породы, оформленный по краям двусторонней оббивкой (рис. 7, 3).

К одному из описанных выше хронологических комплексов или частично к тому и другому следует относить как многочисленные куски и осколки почти черного кремня, так и большую часть сделанных из него орудий. Против связи их с более поздними комплексами, как, например, ананьинским, говорит еще слишком высокая техника обработки камня, демонстрируемая прежде всего некоторым количеством тонких правильных ножевидных пластинок (рис. 6, 9—11) и соответствующих им нуклеусов (рис. 6, 12), хотя последние и грубее, чем описанные выше из левшинского комплекса. Среди десятка скребков, сделанных из более или менее массивных отщепов, есть несколько довольно правильных (рис. 6, 14, 15), другие отличаются значительной величиной, массивностью и довольно случайной формой. Интересна небольшая проколка (рис. 6, 13). Имеется также несколько кремневых кусков со сколами резцового харак-

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

² О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

³ А. П. Окладников. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири. СЭ, 1950, № 2.

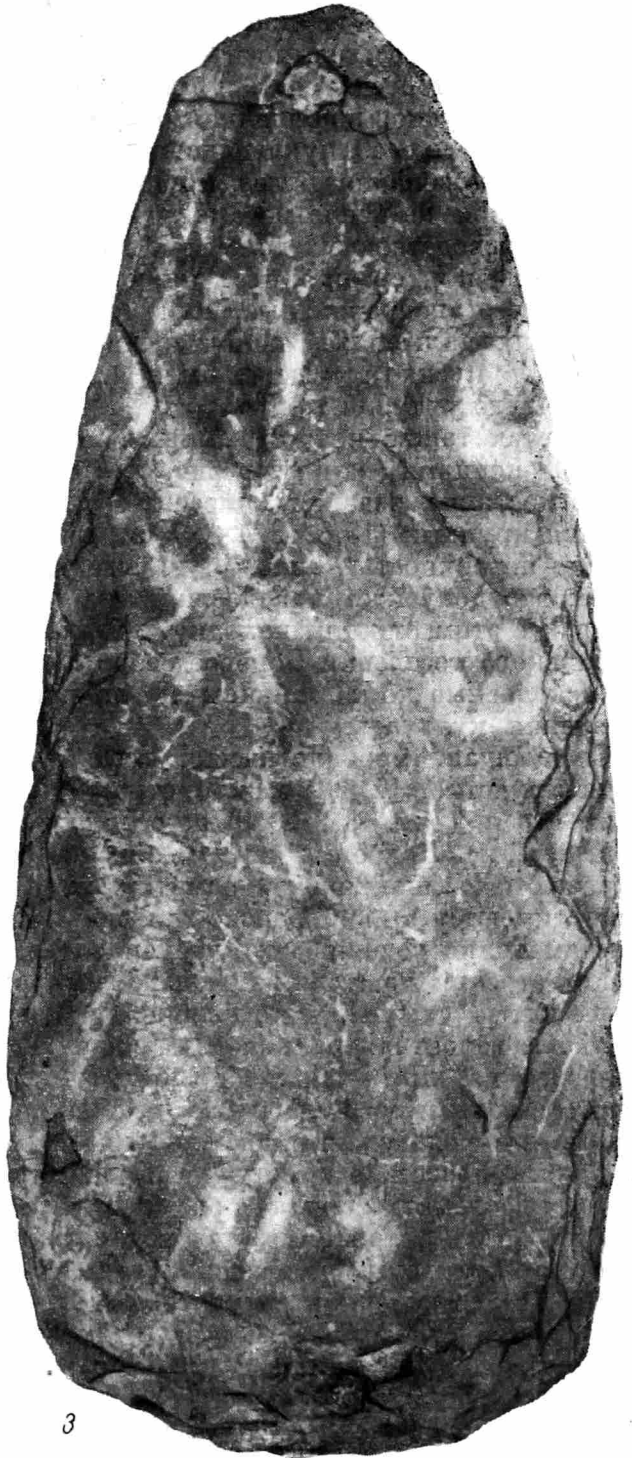

Рис. 7. Предметы левшинского и турбинского времени, найденные под Писаным камнем. $\frac{1}{2}$ nat. вел.

тера (рис. 6, 16), со следами вторичной обработки (до 20 экз.) и много (около 40) нуклевидных кусков с негативами отделенных отщепов.

В общем, даже учитывая грубость орудий за счет довольно низкого качества кремня, эта группа находок производит впечатление относительно поздней и скорее всего относится к концу II—началу I тысячелетия до н. э.

Особый интерес представляют многочисленные куски и отщепы того же кремня. Кусков в коллекции около 250; при этом они, за исключением уже упомянутых 40 нуклевидных, являются результатом явно преднамеренного дробления более крупных кусков, частью кремневых галек. Но сами они не использовались ни как нуклеусы, ни для каких-либо иных производственных целей. То же можно сказать и о почти 400 кремневых отщепах, среди которых преобладают отщепы средней величины, массивные и неправильные, при получении которых вряд ли имелось в виду их дальнейшее использование для выделки орудий. Вероятно кремневые куски и отщепы были здесь неременной принадлежностью жертвенного ритуала.

Имеется также пять отбойников из прочных галек со сработанными сбитыми концами (например рис. 7, 2), а в одном случае и краями.

Из костяных изделий скорее всего к одному из ранних периодов относится крупный ($15.4 \times 2.7 \times 0.7$ см) кивжал с сильно сглаженной, блестящей поверхностью (рис. 9, 1), сделанный, возможно, из мамонтовой кости, что допускает и видевший эту вещь палеонтолог В. И. Громов. В связи с этим отметим находку зуба мамонта в одной из полуземлянок турбинского поселения Боровое озеро II в 1950 г.; можно предположить, что ископаемые кости мамонта могли играть определенную роль при отпавлении культа.

Следующая, хронологически третья, группа находок определяется наименее четко. К ней можно отнести железные жаловидные наконечники стрел (рис. 8, 1, 2) и острия из метакарпальных костей лося (рис. 8, 4, 5). Подобные нашим, плоские черешковые наконечники стрел встречаются в ананьинских памятниках (Пижемское и Свиногорское городища), имеются в пьяноборско-гляденовских и еще более поздних, включая памятники родановского времени. Близкий по форме железный наконечник стрелы¹ известен из Осинского городища гляденовской культуры, а еще более сходные из городища и могильников родановского типа. Наиболее вероятная равняя дата наших наконечников, по крайней мере меньшего из них, — пьяноборско-гляденовское время; сюда же могут быть отнесены и острия. Однако все эти вещи (или часть их) могут датироваться и родановским временем.

Таким образом, если группа вещей пьяноборского времени определяется проблематически, то присутствие на жертвенном месте вещей родановской эпохи устанавливается точно благодаря присутствию железного наконечника стрелы с ромбическим пером и уступчиком на длинном черешке (рис. 8, 6); наконечник датируется XIII—XIV в. К этому же времени, по видимому, относятся и железное кресало (?; рис. 8, 3) и предмет неясного назначения (игольник?) из бедренной кости очень крупной птицы (глухаря или лебедя?), орнаментированный короткими нарезками (рис. 8, 7). Впрочем, этот предмет может быть еще более поздним и принадлежать культуре манси.

Некоторые из найденных нами вещей не поддаются определению во времени, например: струг (рис. 9, 11), сделанный из такой же кости, что и упомянутый выше кивжал (рис. 9, 1), осколок кости с насечками

¹ Хранится в Археологическом музее Молотовского университета.

Рис. 8. Предметы гляденовского и родановского времени, найденные под Писаным камнем. Нат. вел.

(рис. 9, 7), две костяные прямоугольные пластинки с отверстиями (рис. 9, 8, 9), костяной наконечник стрелы (рис. 9, 2), обломки двух предметов (перстней?) из бронзы и серебра (рис. 9, 10) и, наконец, несколько узких железных брусков-полуфабрикатов (рис. 9, 3—6). К числу трудноопределимых предметов относятся простые каменные бруски, ударные орудия из галек и др.

5

Незначительность размеров островка, в свое время, без сомнения, еще более ограниченного, неудобство его крутых склонов, его полная изолированность с суши, небезопасность длительного пребывания на нем из-за обрывающихся со скалы камней, наблюдающееся местами расслоение культурного пласта на ряд мелких прослоек, наконец, почти полное отсутствие керамики — все говорит против существования под скалой постоянных жилищ и, наоборот, убеждает в том, что культурный слой образовался здесь в результате многочисленных кратковременных остановок с целью посещения места со священными изображениями на протяжении около трех с половиной тысяч лет — от левшинского по родановское время.

Из сделанных при раскопках стратиграфических наблюдений вытекает, что островок, прижавшийся к скале Писаного камня, образовался из обвалов и речных наносов. Судя по мощному слою речного песка, непосредственно подстилающему культурный слой, уровень разливов Вишеры в донеолитическое или даже в раннеолитическое время был выше современного, островок был меньшего размера и менее доступен. В поздненеолитическое время, совпадающее с суббореальным климатическим периодом, а в особенности в конце его, близком к ксеротермическому максимуму, уровень не только разливов, но и межени понизился, что сделало возможным посещения островка людьми в любое время года и послужило к накоплению культурного слоя.

Во второй половине II тысячелетия до н. э., совпадающей с ксеротермическим периодом в истории климата,¹ эти явления еще усиливаются.

С окончанием первого ксеротермического периода, примерно за 800 лет до н. э., т. е. в ананьинское время, происходит, повидимому, резкое увлажнение климата — наступает субатлантический период, снова повышается уровень водоемов. В этих условиях островок под Писаным камнем должен был снова сократиться в размерах и сделаться не всегда доступным; возможно, отчасти этим объясняется отсутствие здесь достоверных предметов ананьинского времени, хотя священные рисунки тогда уже существовали, почитались, а может быть и дополнялись. К ананьинскому времени относится жертвенное место, находящееся в 1.5 км вниз по течению р. Вишеры, в пещере, обследованной нашей экспедицией одновременно с работами на Писаном камне.²

Судя по ряду фактов, в пьяноборское время на Урале вновь развиваются явления засухливости (второй ксеротермический период);³ следовательно, в это время р. Вишера мелеет, жертвенный островок опять делается больше и снова всегда доступен. Именно к этому времени от-

¹ О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и северо-восточной Европы в свете археологических данных. Сб. «Четвертичный период в СССР», вып. 2, 1950.

² В. Ф. Генниг. К вопросу о северных границах распространения ананьинской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951.

³ О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала.

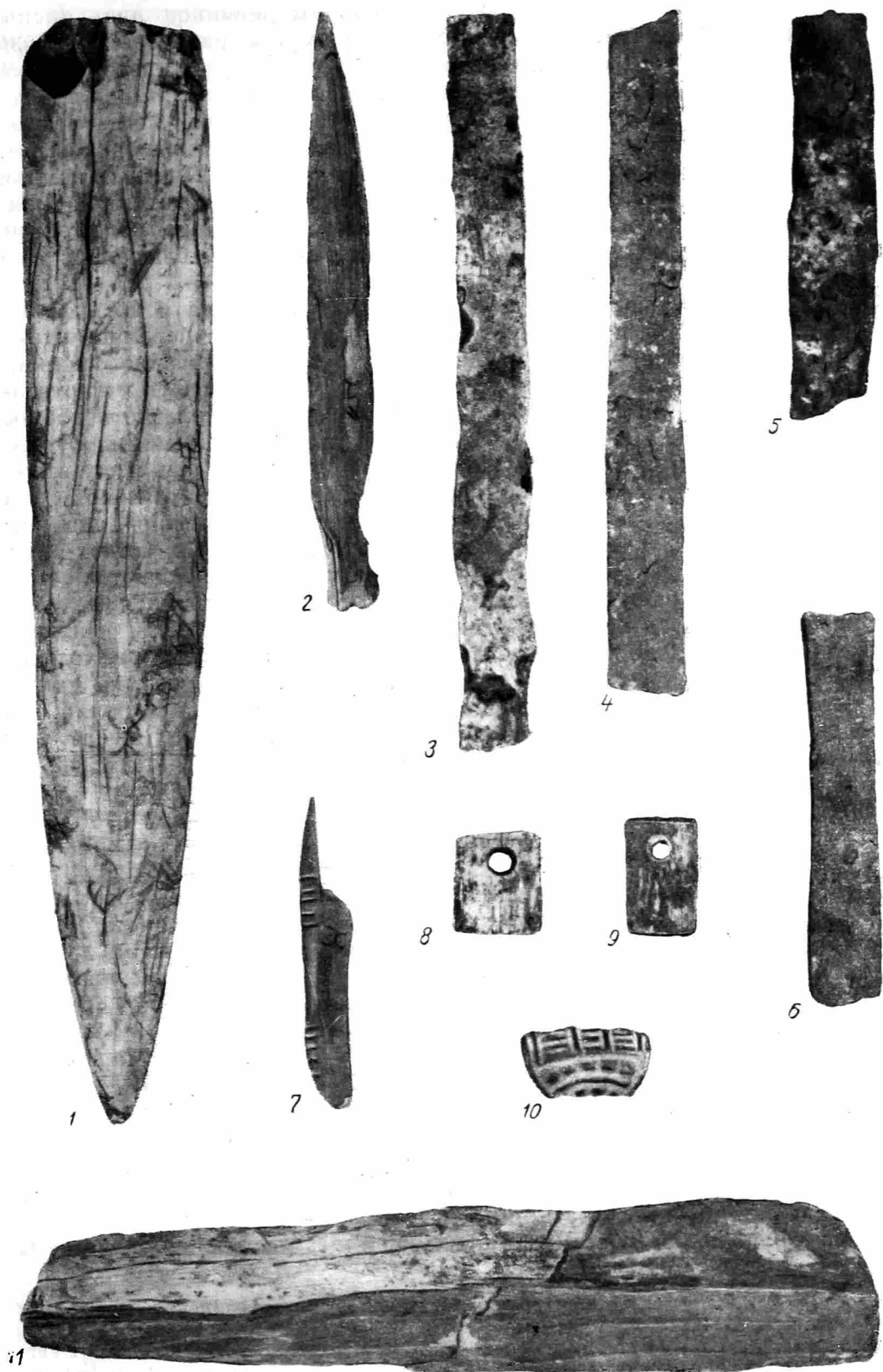

Рис. 9. Предметы разного времени, найденные под Писаным камнем.
Нат. вел.

носится нанесение на священную скалу группы рисунков ананьинско-пьяноборского облика. Но высказанные соображения, разумеется, нельзя считать единственно определяющими смену одних групп изображений другими. Эта смена прежде всего отражает смену крупных этапов в истории религиозных представлений первобытного общества, когда старые изображения переставали удовлетворять людей и дополнялись новыми.

Основным видом жертв были животные. Их кости под Писаным камнем имеются в очень большом количестве. Среди них преобладают кости лося, которые находятся даже в щелях скалы между рисунками, заложенные туда вместе с другими предметами. Аналогичные факты наблюдались и на древних жертвенных местах Сибири.

Кроме костей животных и вещей (стрелы, украшения и пр.), существенной особенностью жертвенного места являются многочисленные куски и отщепы кремня, не имеющие, как указано, производственного характера; следует полагать, что они являлись необходимой частью жертвенного ритуала как эмблема огня. В связи с этим интересно подобное жертвенное место в расщелине скалы с древними изображениями Суруктаах-Хайа на р. Мархе в бассейне Лены, где также находилась масса отщепов кремня, сланца и роговика и наряду с ними деревянный прибор для высверливания огня, а среди приношений недавнего времени — спички.¹

Параллель между Писаным камнем и мархинской Суруктаах-Хайа почти полная. И здесь, и там наскальные рисунки сопровождаются остатками жертвоприношений в расщелинах скал, приносившихся начиная с конца неолита и до позднего железного века; и здесь, и там основную роль играл лось, среди вещей преобладают стрелы, в изобилии находятся кремневые отщепы ритуального значения; и здесь, и там рисунки на поверхность скалы наносились красной краской, тогда как в Карелии они преимущественно выбивались на поверхности скал. Но на Вишере, как и в Карелии, лось не являлся единственной темой священных изображений.

Святилища известны и возле петроглифов в Карелии — на берегах Белого моря и Онежского озера, но там они имеют несколько иной характер.²

По сообщению этнографов Э. К. Пекарского и В. П. Цветкова, почитание лося эвенками сказывалось даже в том, что кости животного, где бы оно ни было съедено, тщательно оберегались от осквернения и даже хоронились по особому ритуалу. «Кости ног и головы дикого оленя на землю не бросают, а делают в лесу полку, на которую и сыпают объединенные кости».³ Для той же цели на стойбищах воздвигали на столбах специальные лабазы. Сходство жертвенных мест на Вишере и Мархе дает известное основание для распространения сибирских поверий и на древний Урал. Можно предполагать, что на островке под Писаным камнем воздвигались в разное время лабазы или подобные им сооружения, куда помещались над землей кости съеденных жертвенных животных. Впоследствии деревянные сооружения обрушивались, кости падали на землю и смешивались с другими остатками в почве. Так именно можно объяснить происхождение целой кучи костей, лежавшей у самой скалы, на участках,

¹ А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949.

² А. Я. Брюсов. История древней Карелии, М., 1940; он же. Стоянки в низовьях р. Выга, около петроглифов Бесовы Следки. Археол. сборник, Петрозаводск, 1947.

³ Э. К. Пекарский и В. П. Цветков. Приаянские тунгусы. Живая старина, кн. III—IV, 1911.

где нет культурного слоя: кости были как бы насыпаны сверху, и часть их провалилась вниз, в трещины между камнями. Кости хорошей сохранности, светлые относятся, несомненно, к позднему времени; возможно, это остатки последнего обрушившегося жертвенного лабаза; к тому же они находились прямо под группой позднейших изображений.

Здесь же могли быть и деревянные надземные сооружения — «амбарчики», в которых на родовых жертвенных местах еще недавно обские угры (манси) хранили зоо- или антропоморфные изображения своих предков-тотемов.¹

Орудиями для вкапывания столбов подобных постоянно возобновляющихся сооружений могли служить найденные на священном островке под Писаным камнем массивные каменные мотыги (рис. 7, 1, 3); следствием же этих работ, многочисленных на протяжении тысячелетий, явилось смешение в слое разновременных культурных остатков.

В соседних районах Зауралья манси еще в конце XIX в. совершали на родовых святилищах жертвоприношения целых групп оленей, которых они удавливали веревками и одновременно расстреливали стрелами.² По сообщению Глушкова,³ в верховьях Вишеры аналогичные жертвоприношения совершались еще в 1897 г.

Жертвенное место под Писаным камнем имеет большое значение как своеобразный и исключительно редкий памятник первобытной истории западного Приуралья и всего лесного Урала. А. В. Шмидт в специальном исследовании, посвященном жертвенным местам Приуралья,⁴ пришел к выводу о более молодом возрасте жертвенных мест — костяк Прикамья по сравнению с зауральским, где они существовали еще во II тысячелетии до н. э. (Горбуновский торфяник). Однако памятник под Писаным камнем как жертвенное место — древнее Горбуновского; он показывает, что в области таежного Урала жертвенные места у святилищ существовали еще в матриархально-родовом обществе неолитических охотников и рыболовов, и позволяет проводить чрезвычайно широкие параллели в одновременной культурной среде древнего населения северной Евразии от Якутии до Карелии.

Среди памятников западного Приуралья жертвенное место у Писаного камня, будучи древнейшим, не является единственным. Мы имеем в виду многочисленные жертвенные пещеры Приуралья. Здесь, как и в низовьях Ангары, на р. Каменке (Окладников), еще в глубокой древности существовал обычай принесения стрел в жертву духам священных скал — обычай, широко распространенный в охотничьем культе племен нашего Севера. Одна из жертвенных пещер, обследованных на Чусовой Н. А. Прокошевым, а именно третья пещера в камне Дыроватом, среди сотен найденных там наконечников стрел, преимущественно костяных, бронзовых и железных (ананьинского и более позднего времени), дала также несколько десятков кремневых стрел. К сожалению, в отчете Н. А. Прокошева ничего не сказано об их форме, но отмечено, «что третья пещера в скале Дыроватой близ д. Кашки является древнейшим из известных на Урале жертвенным местом, просуществовавшим чрезвычайно долгое время, от эпохи употребления кремневых и вкладышевых орудий до железных нако-

¹ В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. Сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947.

² К. Д. Нослов. Увогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904.

³ И. Н. Глушков. Чердынские вогулы. Этнограф. обозрение, XLV, 1900.

⁴ А. В. Шмидт. Жертвенные места Камско-Уральского края. ИГАИМК, т. XIII, вып. 1—2, 1932.

нечников стрел в XIII—XIV вв.»¹ По свидетельству того же автора, концы многих стрел оказались раздробленными или сплюснутыми; следовательно, стрелы пускались в эту трудно достигаемую пещеру снизу, вероятно с реки.

Аналогичную картину мы имеем и на Писаном камне, где часть металлических стрел имеет сплюснутые концы.

Культурные остатки, обнаруженные на жертвенном месте, имеют существенное значение и для датировки наскальных изображений Писаного камня. Здесь сохранились предметы материальной культуры левшинского, турбинского, предположительно гляденовского, родановского и, вероятно, еще более позднего времени.

¹ Н. А. Прокошев. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции, район реки Чусовой. ИГАИМК, вып. 109, 1935.

В. Ф. ГЕНИНГ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПИСАНОГО КАМНЯ
НА р. ВИШЕРЕ

I

За последние 10—15 лет в советской археологической литературе появилось много публикаций, посвященных наскальным изображениям. Достаточно указать работы В. П. Равдоникаса,¹ С. В. Киселева,² А. М. Линецкого,³ А. П. Окладникова,⁴ С. П. Толстова⁵ и многих других. Работы этих авторов внесли немало ценного в методику фиксации и изучения наскальных изображений.

Однако до сего времени публикации этих ценнейших источников первобытной истории еще далеко не достаточны, и Урал в этом отношении представляет один из наиболее крупных пробелов.

В настоящей работе мы даем описание наскальных изображений (писаниц) Писаного камня на р. Вишере, представляющих по сравнению со всеми другими уральскими писаницами наибольший интерес как по количеству изображений, так и по их содержанию. Одновременно мы делаем попытку расшифровки содержания некоторых изображений и их групп, а также определения их во времени.

II

Писаный камень на р. Вишере между деревнями Писаной и Акчим давно известен по русским актам и документам.

В 1689 г он впервые упоминается в челобитной вишерских манси как граница, до которой тогда было разрешено ловить рыбу русским людям.⁶

В начале XVIII в. по р. Вишере проходили пленные шведы, среди которых был Ф. Страленберг, опубликовавший впоследствии свои заме-

¹ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. I и II. М.—Л., 1936—1938.

² С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. Тр. секции археологии РАНИОН, вып. V, 1930.

³ А. М. Линецкий. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939.

⁴ А. П. Окладников. История Якутии, т. I. Якутск, 1949; он же. Археологические исследования в Бурят-Монголии. ВДИ, 1948, № 3.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

⁶ В. Берх. Путешествие в гор. Чердынь и Соликамск, СПб., 1821, стр. 135—143.

чания о сибирских древностях.¹ Им и были впервые зарисованы писаницы Писаного камня на р. Вишере (рис. 1). Описание к рисунку было дано очень краткое: «Надписи, находящиеся в Великой Перми, недалеко от города Чердыни, либо выжженные, либо написанные нестираемою красною краскою на скале (может быть таким же образом, как некогда в Исландии писали на костях)».²

Этот рисунок, не отличающийся ни точностью передачи изображений, ни правильностью их взаимного расположения, оставался на протяжении двух с четвертью столетий единственным воспроизведением рисунков Писаного камня. В конце прошлого века, с оживлением интереса к древностям Камы, рисунок Страленберга был перепечатан Аспелиным³ и

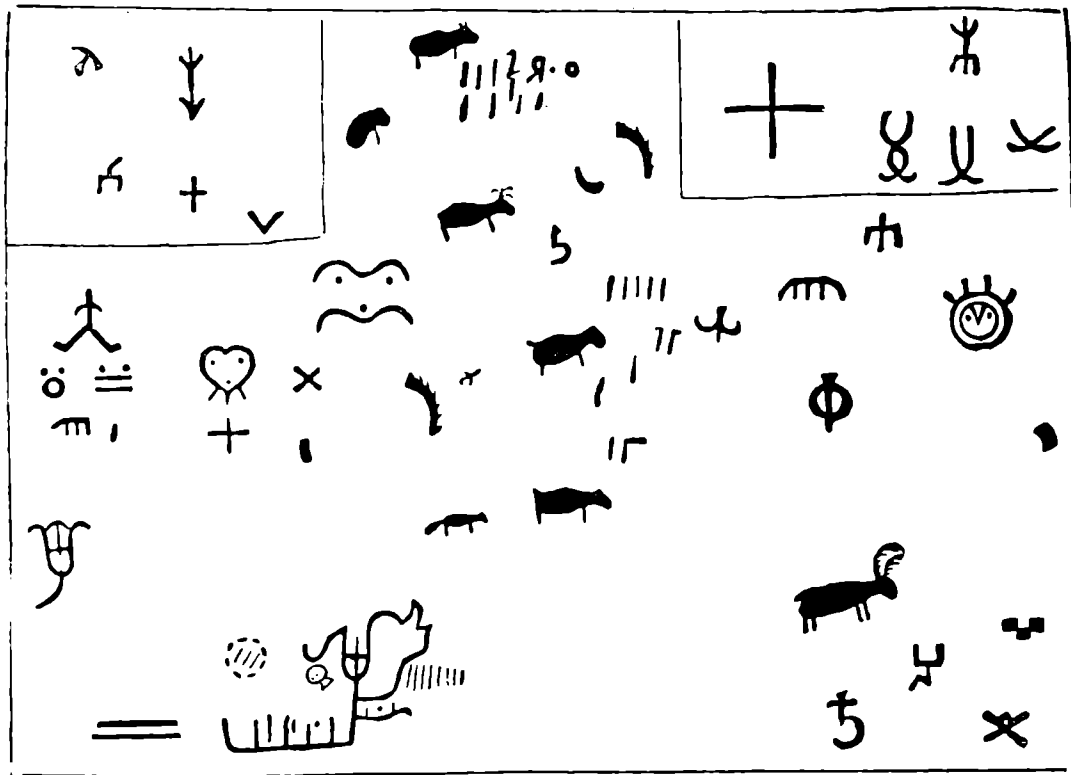

Рис. 1. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. (По Страленбергу).

Радловым.⁴ В 1885 г. писаницы осмотрел геолог Кротов, отметивший, что на скале имеются изображения оленя, медведя, лисы и др., сделанные красной краской, и что сравнение их современного состояния с рисунками Страленберга, Аспелина и других показывает, что они сохранились только наполовину.⁵ С последним замечанием едва ли можно согласиться, ибо больших изменений не видно даже сейчас.

В наше время рисунок Страленберга вновь был перепечатан А. А. Берсом, которым была допущена досадная небрежность: вместо «на р. Ви-

¹ F. Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Theile von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

² Цит. по: В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2. СПб., 1891.

³ I. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, livr. II. Helsingfors, 1877.

⁴ В. Радлов, указ. соч.

⁵ П. И. Кротов. Геологические исследования на западном склоне Соликамского и Чердынского Урала. Тр. Геол. комитета, т. IV, СПб., 1888, вып. 1, стр. 93.

шере» было напечатано «на р. Венлере»,¹ что привело к повторению этого искажения в работе В. И. Равдоникаса,² а в статье А. А. Формозова оказались и река Вишера и река Венлер.³ Только в двух последних работах были сделаны некоторые сопоставления наскальных изображений Писаного камня с другими подобными памятниками. В 1948 и 1949 гг. нами, в первый год самостоятельно, во второй — под руководством О. Н. Бадера, была проведена работа по снятию точных копий с наскальных изображений Писаного камня.⁴

III

Известняковые обнажения Писаного камня, отвесно стоящие по левобережью на протяжении километра, являются местом прорыва Полу-

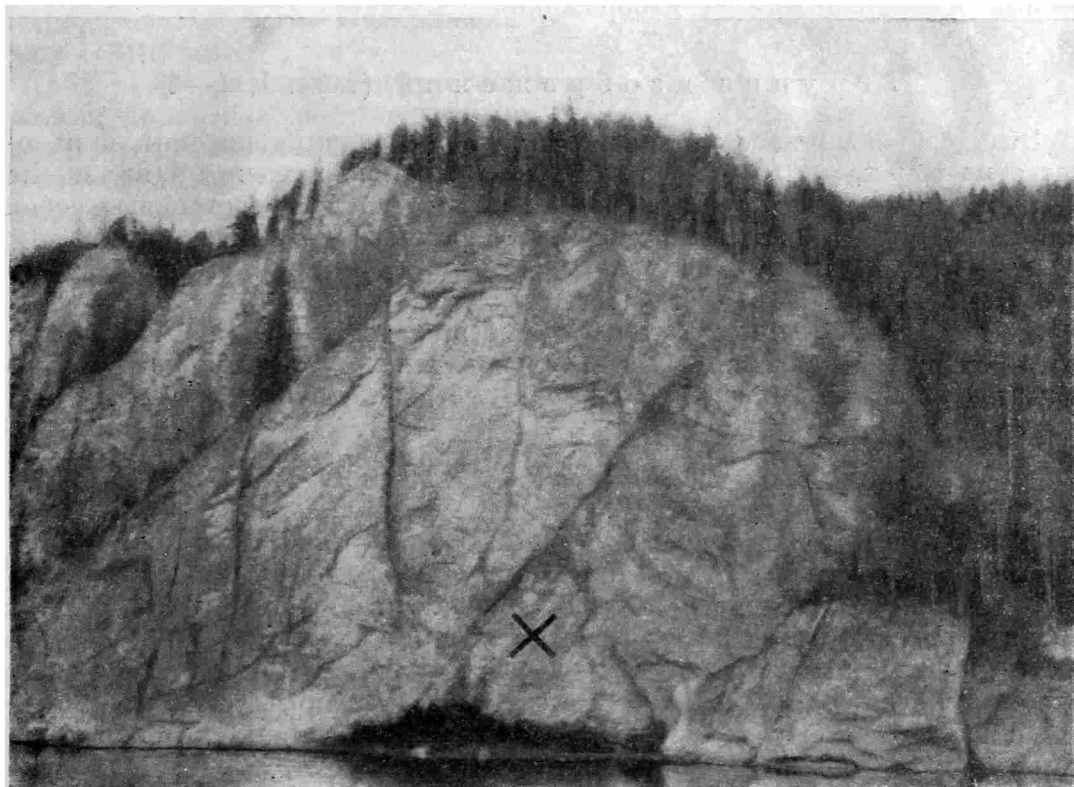

Рис. 2. Писаный камень на р. Вишере. Крестом отмечено местоположение центральной группы изображений.

дова края р. Вишерой. Это есть не что иное, как высокие скульптурные террасы р. Вишеры. Обнажения подтреугольной и трапециевидной форм достигают высоты 70—90 м над уровнем реки. Долина р. Вишеры у Писаного камня имеет в ширину 1.5—2 км по левобережью.

¹ А. А. Берс. Прошлое Урала. М., 1930, стр. 88, рис. 11.

² В. И. Равдоникас, указ. соч., ч. I, стр. 3.

³ А. А. Формозов. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы. ВДИ, 1950, № 3, стр. 174.

⁴ Кроме изображений Писаного камня на р. Вишере имеются еще изображения на Моховом камне. О них были известны только указания Кротова. Обследование этого памятника нами было также проведено в 1949 г. Копии снимались на кальку. При копировании группы VIII был применен способ заливки фона мелом (рис. 4 и 5), во всех остальных случаях, когда изображения были плохо видны, скала смачивалась водой, после чего сквозь известковый налет они выступали четче (группы II и III).

Писанный камень сложен из пластов серого глинистого ясно слоистого известняка. По определению П. И. Кротова, «порода Писаного богата кремнем, являющимся то в виде конкреций, то в виде прослоек».¹ Скала здесь имеет довольно ровную поверхность, прорезанную несколькими глубокими трещинами, покрыта лишайниками оранжевого цвета и сильными известняковыми натеками.

Наскальные изображения находятся у подножья шестой скалы² (считая вниз по течению реки) над небольшим участком суши (рис. 2) и расположены отдельными группами, на высоте от 2.2 до 7.15 м. Они нанесены красной краской различных оттенков (табл. I).

При описании изображений Писаного камня мы рассматриваем их слева направо по группам. Подробно нами описаны лишь наиболее интересные и сохранившиеся изображения.

Группа изображений (табл. I, 1—4)

Эти изображения составляют самую левую группу писаниц и находятся на высоте 3.80 м от уровня земли. Все изображения нанесены на светлой поверхности скалы светлокрасной охрой и представляют собой неопределенные фигуры, выполненные пересекающимися линиями.

1³ — крестообразный знак неправильной формы. Длина перекрещивающихся линий — 161 и 102 мм.

2 — знак, составленный из трех перекрещивающихся линий. Возможно, стилизованное изображение какого-то животного. Средняя нижняя линия (хвост?) длиннее верхней (голова?). Наибольшая длина — 196 мм.

Группа изображений (табл. I, 5—24)

Изображения находятся в 12 м вправо от группы I на высоте около 5 м от поверхности земли. Эта группа составляет левый край центральной части скалы, где расположено большинство изображений.

Изображения нанесены на участке скалы с очень неровной поверхностью на площади до 5 кв. м. Весь участок когда-то был густо покрыт различными фигурами, но в результате многочисленных сколов, отслоений и главным образом вследствие сильных известковых натеков большинство изображений сохранилось настолько плохо, что часто трудно даже приблизительно определить их контуры. Изображения этой группы отличаются некоторой небрежностью в выполнении рисунка; все они сделаны краской цвета бордо.

5 — изображение рыбы, обращенной головой вправо, у нее хорошо выражены плавники — верхний и два нижних. Длина — 88 мм. Это изображение связано с остатками изображения 6 и, возможно, представляет собой спену рыбной ловли при помощи заколов.

17 — изображение «фигуры с заячьими ушами». Правая сторона изображения повреждена сколом. Наибольшая высота — 282 мм.

18 — изображение животного в профиль, обращенного головой влево и присевшего на передние ноги, задняя нога снизу повреждена сколом. Длина — 152 мм.

¹ П. И. Кротов, указ. соч., стр. 93.

² См. статью О. Н. Бадера в настоящем сборнике.

³ Здесь и всюду далее нумерация описаний соответствует нумерации рисунков на табл. I—III и на рис. 6, 7 и 9.

19 — наклонная линия, направленная к изображению 18. Длина — 59 мм.

20 — изображение фигуры человека, повидимому мужчины, в фас, с широко расставленными ногами и слегка поднятыми руками. В правой руке человек держит какой-то предмет (лук?). Высота — 129 мм.

Изображения 18, 19 и 20 (см. рис. 7) относятся к одной композиции; их можно рассматривать как сцену охоты человека на какого-то зверя. Линия 19 изображает стрелу, пущенную из лука в зверя, который ранен и присел на задние лапы.

21 — изображение чрезвычайно интересной фигуры птицы (пеликана?) с поднятым клювом, переданной в стремительном беге. Наибольший размер — 210 мм.

22 — изображение фигуры человека в фас, со слегка расставленными ногами и руками, согнутыми в локтях и упирающимися в бока (см. рис. 3). Фигура напоминает танцующего человека. Очертания левой ноги утрачены (большой скол). Высота фигуры — 297 мм.

III группа изображений (табл. I, 25—50)¹

Эта группа расположена на расстоянии 1.6 м вправо от изображения 24 и на высоте 5.2 м от поверхности земли.

На этом участке скалы когда-то изображений было значительно больше. Сейчас сохранилась только правая сторона группы. Левая половина сплошь сколота, и только у самого левого края сохранились небольшие участки скалы, густо покрытые краской, однако фигур здесь восстановить невозможно. Изображения этой группы, как и предыдущей, не совсем четки, все они сделаны краской цвета бордо.

27 — изображение рыбы (?), обращенной головой вправо. Голова и нижний плавник сильно повреждены. Часть изображения правее является, повидимому, концом головы рыбы. Длина — 128 мм.

31 — изображение животного из семейства оленей, обращенного головой вправо. Голова сильно повреждена. Сохранились лишь остатки рогов или ушей и нижняя часть головы. Сколом повреждены также ноги. Наибольшая длина — 177 мм.

33 — изображение полукруга. Левый конец раздваивается, справа вверх отходит короткая линия. Значение фигуры не ясно. Возможно, это рыба с сильно изогнутым телом. Наибольшая длина — 83 мм.

Рис. 3. Изображение 22 на Писаном камне на р. Вишере.

¹ Изображение 32, вследствие крайней его неясности, на табл. I не помечено.

IV группа изображений (табл. I и II, 51—91)

Расположена на 1 м правее группы III, на высоте 6—6.6 м от поверхности земли. Изображения нанесены на ровном участке скалы подтреугольной формы. Они хорошо сохранились и четко выделяются на фоне скалы.

Основная масса фигур сделана краской цвета бордо, часть приближается к цвету красной охры (70—74, 91), последние отличаются более слабым тоном и нанесены позднее.

51 — изображение животного, судя по толстой отвисшей нижней губе — лося, обращенного вправо. Длина до конца морды — 134 мм.

53 — изображение медведя. Хорошо показана голова. Передние ноги очень длинные, задние отсутствуют. Длина туловища — 140 мм.

70 — очень нечеткое изображение фигуры, возможно человека, с поднятой левой рукой. В нижней части скол. Длина — 155 мм. Цвет охры.

74 — изображение фигуры, возможно человека, в маске какого-то зверя (лося?). Наибольшая длина — 180 мм. Цвет охры.

75 — изогнутая линия, напоминающая по форме бумеранг с удлинением правым концом. Длина — 146 мм.

91 — изображение животного, возможно лося, сильно поврежденное сколами и слабо заметное. Расположено влево от всей группы, на расстоянии 35 см, на неровном участке скалы. Длина — 214 мм. Цвет бордо или охры.

V группа изображений (табл. I и III, 92—109)

Изображения группы V находятся немного правее и ниже группы IV, на высоте 5.2—5.9 м над землей. Эта центральная группа изображений нанесена на гладком участке скалы трапециевидной формы. Фон скалы светложелтый, рисунки в большинстве своем цвета бордо, хорошей сохранности, поэтому они четко видны; большая часть их в свое время была зарисована Страленбергом (рис. 1).

Все изображения цвета бордо представляют собой группу, объединенную единой темой. Три фигуры этой группы выделяются более светлым, прозрачным тоном краски, близким к цвету охры (102, 103, 109).

95 — изображение лося самца с широкой мордой и четкими очертаниями тела. В художественном отношении эта фигура выполнена лучше всех остальных. У лося вполне пропорциональные части тела, кроме несколько утолщенных передних ног. Наибольший размер фигуры — 195 мм.

101 — ломаная линия из шести отрезков, разделяющая наискось все изображения данной группы на две части. Общая длина ее — 340 мм.

102 — изображение капкана или «лунарного» знака в виде дуги и одной отходящей вверх линии. Левый конец дуги значительно длиннее правого. Длина от левого края дуги до конца луча — 124 мм. Цвет охры.

104 — изображение в виде дуги, выгнутой кверху, с восьмью короткими зубцами на внешней стороне. Расстояние между концами дуги — 161 мм.

105 — поврежденное сколом изображение рыбы (?), обращенной головой вправо. Длина — 87 мм.

106 — изображение животного (песца или соболя) в настороженной позе, обращенного головой вправо. У задних ног пмечются сколы. Длина — 115 мм.

108 — изображение животного. Судя по широкой морде — это лось, а по большей грациальности фигуры — это самка. Нижняя губа повреждена сколом. Длина от хвоста до конца морды — 170 мм.

VI группа изображений (табл. I, 110—124)

Изображения группы VI расположены на 30 см вправо от группы V, на высоте 5—5.7 м над землей. Поверхность камня здесь очень непрочная, с многочисленными мелкими сколами, значительно повредившими рисунки. Большинство рисунков этой группы по цвету бледнее изображений групп IV и V и по окраске ближе к цвету красной охры. По технике нанесения рисунка они также отличны — четких контуров не имеют, слой краски тоньше.

110 — изображение птицы с личиной на груди (рис. 9). Лицо человека в фас, вокруг которого проведена незамкнутая справа окружность (крылья птицы). Кверху отходит прямая линия (голова птицы), на противоположном конце расширяющейся линией изображен хвост птицы. Сильное повреждение сколами нижней части не дает возможности точно определить его очертания. Лицо выполнено рисунком, который типичен для более поздних литых из металла изображений прикамских «идолов» — боковые контуры овала лица вверху переходят в брови и, соединяясь в середине, образуют нос. Ниже бровей обозначены глаза. Рот отсутствует. Наибольшая длина — 326 мм. Цвет светлой охры.

111 — изображение птицы с опущенными крыльями (рис. 9). Тело и голова птицы сделаны вертикальной прямой линией, крылья — линией, пересекающей сверху «тело» и по краям опускающейся вниз. Длина — 76 мм. Цвет светлой охры.

112 — пять вертикальных линий соединены сверху поперечной линией. Возможно это стилизованное изображение какого-то четвероногого животного без хвоста, с очень короткой шеей (медведя?), идущего влево. Длина — 147 мм. Цвет светлой охры.

122 — изображение фигуры человека в фас, с расставленными ногами, приподнятой правой рукой и левой, согнутой в локте. Изображение сильно повреждено в нижней части сколами. Высота фигуры — 135 мм. Цвет темной охры.

123 — фигура, напоминающая изображение человека в фас, с руками, упирающимися в бедра. Высота фигуры — 180 мм. Цвет подобен цвету изображения 122.

124 — изображение животного, повидимому оленя. Расположено на очень неровном участке камня и сильно повреждено. Контуры рисунка совсем расплылись. Длина от конца туловища до конца рогов — 300 мм. Цвет аналогичен цвету изображения 122.

VII группа изображений (табл. I, 125—132)

Группа VII, расположенная выше всех остальных, на небольшой продолговатой площадке камня на расстоянии 1.6 м вправо от группы IV и над группой VI, на высоте 7—7.15 м от поверхности земли, представляет собой восемь вертикальных линий 125—132, размещенных в один ряд. Часть линий имеет значительные повреждения. Длина — до 75 мм. Цвет бордо.

VIII группа изображений (табл. I, 133—210 и рис. 4 и 5)

Нижнюю часть центрального участка скалы занимают изображения группы VIII, расположенные на высоте 3.2—4.0 м от земли.

Скала в этом месте ровная и обрамлена сверху небольшим выступом в виде арочного свода. Фон правой стороны скалы цвета бордо с матовым

Рис. 4. Изображения 136—142 на Писаном камне на р. Вишере. Фотография; фон залит мелом.

Рис. 5. Изображения 146—202 на Писаном камне на р. Вишере. Фотография; фон залит мелом.

оттенком; поверх него нанесены изображения. Остальная часть — светло-серая, сколота недавно, и на ней нанесены новые изображения. В свое время этот участок был целиком закрасен краской цвета бордо, образовавшей фон правой стороны скалы. Сейчас, кроме двух неясных пятен (135 и 138), разобрать что-либо здесь не удается.

Большинство изображений этой группы нанесено краской цвета светло-красной киноvari. Очертания их удается уловить с трудом, они очень расплывчаты и бледны. Изображения этой группы можно разделить на ряд композиционных сюжетов. Изображения 133 и 134 стоят в стороне, 136—145 (кроме 138), повидимому, объединяются одной тематикой. Изображения 146—202 объединяются в каком-то сюжете вокруг двух лиц — 173 и 202. Изображения 203—210 гораздо четче, и цвет краски, средний между охрой и киноварью, ближе всего по цвету к изображениям I группы (1—4).

133 — слабо заметное схематичное изображение лица человека. Ширина — 129 мм.

136 — изображение лица человека в фас. Линия широкого овала лица сверху не соединяется. Глаза даны двумя сплошными кругами, рот почти таким же кругом, нос в виде небольшого треугольника. На подбородке три лучевых отростка. Овал лица с лучами очень похож на изображения «солярных» знаков Онежского озера. Наибольший размер — 278 мм.

140 — изображение мужчины в фас, с широко расставленными ногами и приподнятыми руками, согнутыми в локтях. Две очень бледные линии внизу, показанные нами на табл. I пунктиром, являются следами натеков краски. Высота — 191 мм.

142 — изображение животного (возможно белки?), сильно поврежденное сколами в нижней части и очень слабо заметное. Наибольший размер — 198 мм.

173 — изображение человека в фас. Ноги расставлены, правая короче и согнута в колене, как будто человек бежит. Руки, согнутые в локтях, подняты ладонями кверху. Лицо дано длинным овалом, внутри которого длинной линией сделан нос, а точками глаза. Головной убор в виде высокой шапки с длинными рогами. Скорее всего, это изображение шамана. Эта фигура является центральной во всей группе изображений 146—202. Высота от левой ноги до конца головного убора — 210 мм.

202 — изображение лица человека в фас. Траптовка лица на рисунке такая, как и в изображении 173. Кривые линии, отходящие сверху в обе стороны, передают, повидимому, также головной убор. Внизу неясное утолщение. Наибольшая длина — 161 мм.

Отдельное изображение (табл. I, 211)

На расстоянии 4.3 м вправо от изображений группы VIII, на высоте 2.2 м над землей, было обнаружено одиночное изображение 211, сделанное краской цвета светлой киноvari, в виде «елочки» — вертикальной линии, имеющей справа три и слева два обращенных книзу отростка. Наибольшая длина — 130 мм.

IX группа изображений (табл. I, 212, 213)

В 3.5 м вправо от отдельного изображения 211, на высоте 3 м от поверхности земли, находится ровный участок скалы, на котором когда-то были нанесены изображения цвета бордо, уничтоженные затем сколами. Теперь на этом месте сохранились только отдельные небольшие участки, густо покрытые краской.

На правой стороне этого участка на свежем сколе нанесены краской цвета красной киновари «уголок» (212) и крестообразный знак (213).

Неясные изображения (табл. I, группа X)

Кроме вышеописанных групп, на участке скалы, в треугольнике между группами VI—VIII—IX, находятся остатки многочисленных рисунков, разрушенные сколами, совершенно расплывшиеся или замазанные. Скопировать их на кальку было невозможно, и нам пришлось их зарисовать. Изображения в большинстве сделаны краской цвета бордо. Единственно, что можно отметить в этой группе, — наличие многочисленных коротких линий, подобных линиям в группе V.

Небольшие участки скалы со следами краски сохранились также на площадке в 15 м вправо от группы IX. Когда-то здесь было много изображений, но сейчас поверхность скалы разрушена.

Изображения, хранящиеся в Чердынском краеведческом музее (рис. 6)

В Чердынском краеведческом музее хранятся два куска скалы с изображениями, взятые с Писаного камня. Установить место их первоначального положения не удалось. Нам они описаны как изображения 214 и 215.

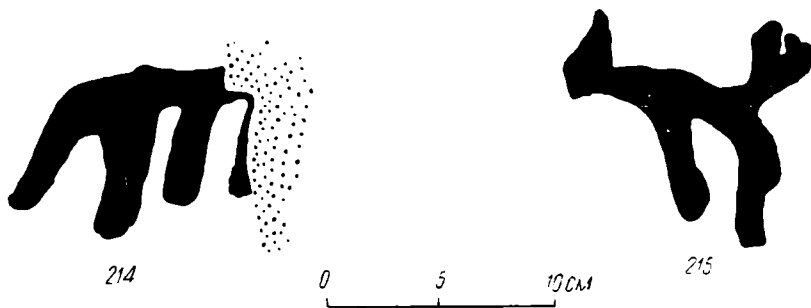

Рис. 6. Изображения 214 и 215 на кусках скал, взятых с Писаного камня на р. Вишере. (Чердынский музей).

214 — схематизированное изображение, повидимому, животного. Правый край отломан. Изображение напоминает изображение 112. Наибольший размер — 130 мм. Цвет средний между охрой и киноварью.

215 — изображение животного (белки?). Длина — 122 мм. Цвет охры.

IV

Уже при первом взгляде на изображения вишерского Писаного камня на месте можно прийти к выводу о одновременности их нанесения. Детальное изучение писаниц позволило нам разделить их на ряд хронологически одновременных комплексов. Критерием для такого разделения являются цвет краски, состояние поверхности камня и техника нанесения краски.

Распределив наскальные изображения по указанным признакам, мы получили комплексы, различающиеся и по стилю исполнения и по содержанию. Все это вместе с привлечением сравнительного материала послужило основанием для датировки каждого комплекса.

Комплекс I. Рисунки этого комплекса сделаны краской цвета бордо, проступающей сквозь легкий сероватый известковый налет. В группе II она проступает сквозь сильные известковые потеки. Краска нанесена толстым слоем, отчего изображения слегка выпуклы. При нанесении рисунков краска была очень густой и не давала потеков. Контуры рисунков обыкновенно отличаются четкостью. Поверхность скалы на участках, где размещены изображения этого комплекса, почти всегда желтая от лишайников (группы IV, V, VII). Некоторые участки скалы с изображениями почти сплошь покрыты краской, по цвету близкой к бордо, но несколько более светлой, как бы более жидко разведенной, что, возможно, и явилось причиной разрушения этих изображений.

Вопрос о том, специально ли это нанесенный фон или нет, оставляем открытым (группы II, III, X, левая часть поверхности камня от изображений группы IX, участок из группы VIII, занятый изображениями 134—137, где цвет фона близок к цвету изображений — бордо). Всего изображений этого комплекса зафиксировано 106; многие из них являются только фрагментами.

Для изображений комплекса I характерно сплошное, силуэтное выполнение рисунка. Здесь нет ни одного контурного изображения. Фигуры животных и рыб показаны в профиль, причем почти все они обращены в одну сторону — головой вправо. Круг изображаемых животных ограничен: преобладает лось (4 фигуры),¹ затем медведь, песец или соболь и рыбы (3 фигуры). Изображение человека встречено 2 раза.

Соотношение изображений между собой внутри каждой группы создает впечатление, что они объединены какой-то одной темой. Изображения отдельных фигур, не связанных близко со всей группой, встречаются единично (23 и 24).

Количественно преобладают над всеми фигурами изображения рядов вертикальных линий и «точек» — кругов. Значение этих изображений пока не ясно. Возможно, ряды вертикальных линий являются рядами «счетных» линий, устанавливающих какие-то количества. Интересно, что наибольшее сочетание их состоит из восьми линий (исключая группу X, где изображения трудно различимы и сильно повреждены). Во всяком случае создается впечатление, что существует какая-то закономерность в их количестве.

Круги, или «точки», имеются только в группе IV, где они расположены в одном случае двумя параллельными рядами (78—84 и 85—90) и в другом — двумя рядами с расширением влево (56—61 и 62—69). Количество их в одном ряду также не превышает восьми (62—96). Не являются ли изображения из «точек» частью какого-то целого? Весьма характерны в этом отношении изображения 76—90, где 76 и 77 представляют собой линии, образованные из соединения двух точек.

Как уже упомянуто, в комплексе I среди фигур животных преобладает лось, который в уральской тематике изображений встречается довольно часто. Замечательные деревянные скульптуры лосей из Горбуновского торфяника² и ряда других мест показывают, что это животное больше всех привлекало внимание первобытных художников. Такой выбор не случаен — лось был наиболее важным для человека объектом охоты. Этот мотив повторяется и в более поздних медных шаманских и других изображениях, особенно в Прикамье. Но здесь характер их изображения уже иной. Здесь они соединены с элементами фантастики, часто

¹ Изображения 31, 51, 95, 108.

² Д. Н. Э д и н г. Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, вып. X, 1940.

с антропоморфными фигурами и еще чаще «оформляют» центральную антропоморфную фигуру. Этот стиль не может хронологически стоять рядом с вишерскими изображениями. Реализм в трактовке фигур присущ ранней эпохе изобразительного искусства Урала.

Прекрасным образцом древнего наскального изобразительного искусства Урала являются рисунки из группы V, где все фигуры говорят о большой наблюдательности художника. Таково, например, четкое различие между лосями — самцом (95) и самкой (108) и реалистическое изображение песца или соболя (106) и т. д. Замечательно также изображение «танцующей» фигуры (22; см. рис. 3).

Стремясь передать изображаемое животное реальнее и живее, первобытный художник прибегал к весьма простому приему, например при изображении лосей он давал рисунок обеих ушей, причем дальнее ухо делал меньше размером и выносил несколько вперед (95, 108). Во всех этих фигурах отмечена характерная черта — приподнятость передней части туловища.

Неуклюже выглядит лишь изображение медведя (53), однако, если сравнить его с более поздними изображениями медведей на «пермских бляхах», это не покажется удивительным. Может быть этим приемом художник хотел передать массивность и неуклюжесть фигуры этого животного. В целом искусство изображений этого комплекса можно характеризовать словами Д. Н. Эдинга: «... реализм, достаточно сильный, чтобы сделать отбор между необходимым и мало значимым».¹

Какова же дата этого комплекса? Несомненно, что реализм изображений свидетельствует об их относительно ранней дате — до железного века, когда в искусстве Прикамья получает широкое распространение «звериный стиль». Остается сделать выбор между двумя эпохами — неолитом и бронзой. Изобразительное искусство этих эпох в Прикамье представлено слабо. По неолиту Урала в целом мы почти ничего не имеем. Эпоха бронзы в Прикамье представлена изображениями на вещах турбинско-сейминской культуры, в Зауралье — знаменитыми деревянными скульптурами шигирской культуры. Вишерские наскальные изображения по тематике ближе всего стоят к памятникам шигирской культуры, но среди вишерских рисунков комплекса I полностью отсутствуют птицы, изображения которых столь распространены в шигирской культуре (Горбуновский торфяник).

При привлечении более обширного сравнительного материала датировка вишерских писаниц может быть уточнена.

Среди наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, высеченных на камне, наряду с фигурами людей, многократно встречаются северные олени, лоси, медведи, лисицы, волки, собаки; из птиц — лебеди, гуси, утки, гагары, куропатки и тетерева, а также рыбы, ящерицы и змеи. Изображения переданы силуэтами, сплошными или контурными, причем фигуры даны чаще всего в статических позах. Животные и птицы изображаются всегда сбоку. Онежские и беломорские изображения чаще всего бывают размером в пределах 0.20—0.40 м, но есть и большие; некоторые из них достигают почти 3—4 м. В основном же все изображения значительно меньше натуральной величины. Соотношение фигур между собой иногда случается или условно, но среди них встречаются и отдельные сцены. Для Онежского озера характерны многочисленные изображения «соляных» и «лунарных» знаков, или капканов, которые, однако, отсутствуют среди беломорской группы.

¹ Д. Н. Эдинг, указ. соч., стр. 74.

Онежские и беломорские наскальные изображения датируются в основном концом неолита.

Другая обширная группа наскальных изображений имеется в Восточной Сибири. Здесь много изображений эпохи неолита и бронзы, выполненных красной краской (охрой или кровавиком). Их тематика и стиль различны. Неолитические изображения всегда силуэтные, в то время как в изображениях эпохи бронзы преобладают контурные. В неолитическое время на громадном пространстве лесной полосы северной Азии, от Енисея и до Амура, на писаницах повсюду встречается фигура лося.¹ Здесь она чаще всего дана динамически в момент стремительного движения (изображены 4 ноги). На р. Лене встречаются участки скалы без рисунков, сплошь покрашенные, по выражению А. П. Окладникова, «как бы заляпанные жирными пятнами красной краски».² Имеются здесь также рисунки в виде параллельных, слегка наклоненных полос.

В эпоху бронзы появляются фантастические изображения животных, фигуры шаманов; животные даны в скованной, застывшей позе, лишь условно изображающей движение.³ Фигуры часто противопоставлены в борьбе, как в «зверином стиле» юга.

В наскальных изображениях р. Селенги чаще попадаются стилизованные человеческие фигурки и реже изображения животных. Нередко встречается композиция «магического круга». Часть этих изображений датируется эпохой бронзы, но среди них есть и более ранние и более поздние рисунки.⁴

Вишерские изображения сходны с неолитическими сибирскими и карельскими (особенно беломорскими) по реалистическому выполнению фигур сплошным силуэтом. И там и здесь в это время отсутствуют контурные изображения.

Интересно отметить ряд изображений, совершенно аналогичных вишерским. Фигура 104 в виде дуги с восьмью отростками имеет своего двойника в онежских изображениях.⁵ Она, кроме того, напоминает верхнюю часть ленских фигур, трактуемых А. П. Окладниковым как жилище.⁶ Возможно, что наша фигура также изображает жилище.

Стиль выполнения вишерских лосей ближе всего к фигурам лосей онежской группы изображений.

Так же как и на сибирских, среди вишерских изображений повторяются ряды «счетных» линий. Несколько параллельных и слегка наклонных полос на сибирских писаницах трактуются А. П. Окладниковым как сети или изгороди для охоты. В вишерских изображениях группы II можно видеть то же самое. Правда, эта группа сильно повреждена, и мы смогли восстановить только две-три сцены охоты.

В расшифровке содержания остальных вишерских изображений многого нам сделать не удалось. В группе II имеются сцены охотничьей магии; так, фигуры 5 и 6 определенно изображают ловлю рыбы путем заколов. На изображениях 18—20 представлен охотник, стреляющий из лука в зверя (см. также рис. 7). Остальные изображения из этой группы или фрагментарны, или смазаны, или же покрыты известковыми натечками (на схеме не даны) и определению не поддаются.

¹ А. П. Окладников. История Якутии, стр. 87.

² Там же, стр. 99.

³ Там же, стр. 152.

⁴ А. П. Окладников. Археологическое исследование в Бурят-Монголии, стр. 162.

⁵ В. И. Равдоникас, указ. соч., ч. I, табл. 21, рис. 69.

⁶ А. П. Окладников. История Якутии, табл. XI.

Ломаная линия в группе V (табл. III, 101) поразительно похожа на линию течения р. Вишеры, изображаемую на картах (здесь могут быть два варианта: один — все течение р. Вишеры, другой — более ограниченный участок реки от устья р. Улс до дер. Мартино). Если с этим толкованием можно согласиться, то изображенных вокруг ломаной линии животных можно считать тотемами родов, обитавших по р. Вишере. Первобытный художник мог нарисовать эту карту с магической целью, например для закрепления этой территории за своим племенем. Интересно и то, что здесь большинство знаков родов — тотемов — показано на правом берегу р. Вишеры и только один на левобережье. Если посмотреть на карту расположения как первых русских поселений на р. Вишере, так и современных, то заметим, что большинство их находится на правом берегу и только единицы на левобережье.

Содержание некоторых групп изображений комплекса I показывает, что обществу, оставившему нам этот памятник, были присущи элементы

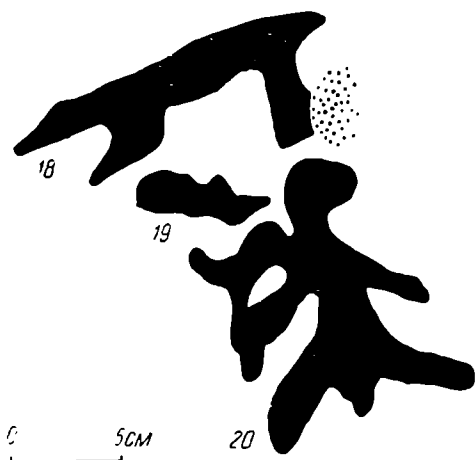

Рис. 7. Сцена охоты из группы II (изображения 18—20) на Писаном камне на р. Вишере.

у выделенных нами в комплекс I. Изображения здесь слабо заметны, и контуры их не четки.

Хронологическое различие комплексов I и II определяется некоторыми деталями. Создается впечатление, что в группах IV и V изображения комплекса II как бы втиснуты среди изображений, существовавших ранее и выделенных нами в комплекс I. Основным признаком при выделении комплекса II является схематизация изображений. Таковы фигуры людей (70, 122, 123), не идущие ни в какое сравнение с фигурой человека из комплекса I (22). Сюда же относятся фигуры оленя (124) и лося (?; 91), выполненные уже значительно хуже, чем неолитические.

Той же техникой сделано изображение 74. Единственный среди вишерских наскальных изображений «лунарный» знак, или капкан (102), принадлежит также к этой группе.

Выделенные нами в комплекс II изображения еще во многом напоминают неолитические. По выполнению они линейные (человечки) или силуэтные (лось, олень).

Комплекс II наших изображений весьма близок к писаницам Восточной Сибири эпохи бронзы. Отметим некоторые их особенности. Наскальные изображения р. Селенги выполнены краской цвета охры; часто по-

развитого тотемизма и охотничьей магии, развивавшихся в условиях материнского рода. Связь же материнского рода с неолитом лесной полосы Восточной Европы неоднократно доказывалась. Таким образом мы располагаем рядом признаков, которыми утверждается неолитическая дата наиболее древних наскальных изображений на Писаном камне. В абсолютных цифрах это будет для Прикамья время конца III тысячелетия до н. э. и не позднее самого начала II тысячелетия до н. э.

Комплекс II. Выделить этот комплекс изображений по одному лишь внешнему виду не всегда удается. Тон краски, которой нарисованы изображения, бледнее, чем

у выделенных нами в комплекс I. Изображения здесь слабо заметны.

вторяются стилизованные человечки с характерной трактовкой головы в виде стержня, сужающегося книзу,¹ что сближает их с нашими изображениями 70, 122, 123. Поэтому мы считаем возможным датировать изображения комплекса II эпохой бронзы. Для Прикамья — это II тысячелетие до н. э.

К комплексу изображений эпохи бронзы на р. Вишере по стилю выполнения примыкают изображения из Бурановской пещеры на р. Юрюзани, отнесенные С. Н. Бибиковым к неолиту;² для последнего, по нашему мнению, нет достаточных оснований, так как поясные подвески из погребения в этой пещере имеют ближайшие аналогии в материале Чусовских стоянок эпохи бронзы.

В комплекс III мы выделили 20 контурных или линейных, сильно стилизованных изображений, нанесенных тонким слоем светлокрасной охры, иногда очень яркой. Контуров этих изображений не имеют четких границ.

Здесь мы встречаем изображения птиц в фас, что не характерно для ранних комплексов. Тематика изображений чрезвычайно ограничена. Часто повторяются непонятные линейные и схематические фигуры (4, 208, 209). Дважды повторяется изображение птицы (110, 111). Кроме того, здесь можно видеть изображения четвероногого животного (112) и белки (215).

Определение времени изображений этого комплекса облегчается сравнением их с некоторыми ранними так называемыми шаманскими и жертвенными медными фигурками Урала. Так, манера передачи птиц с прямыми крыльями (рис. 8), подобно нашему изображению 111, известна по многочисленным находкам как из Зауралья, так и Прикамья (гора Азов,³ Караульная,⁴ Гляденовское костыще).⁵ Причем эта манера характерна для раннего времени. Поздние птицевидные идолы обычно имеют широко распростерты крылья.

Чрезвычайно интересно изображение летящей птицы с личиной на груди (рис. 9, 110). Известно, что это мотив чисто уральский, и даже больше того — прикамский, где он, начиная с гляденовской культуры, получает широкое развитие.

В связи с этим уместно вспомнить работу А. В. Шмидта,⁶ в которой он приходит к выводу, что птицевидные изображения появляются в Прикамье с конца I тысячелетия до н. э. Они возникают в южных культурах края — ананьинской и уфимской, а затем со времени Гляденовского костыща проникают на север. А. В. Шмидт считает, что изображение птицы с человеческой головой и изображение орла ведут свое происхождение из образов эллино-скифского юга.

В эти выводы, по нашему мнению, следует внести некоторые поправки.

Прежде всего ананьинская культура была культурой не только юга Прикамья, но и севера. Это доказывается открытием ананьинских

¹ А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии. С. Н. Бибиков. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, XIII, 1950.

³ Н. Н. Бортовин. Находка на горе Азов на Урале. КСИМК, вып. XXV, 1949.

⁴ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРАО, т. VIII, вып. 1, 1894/95, №№ 459, 462, 472.

⁵ А. А. Спицын. Гляденовское костыще. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901.

⁶ А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского зверяного стиля. Сб. МАЭ, т. VI, 1927.

памятников в Верхнем Прикамье и на р. Вишере, в частности около Писаного камня.¹ Изображение 110 мы считаем птицей с личиной на груди. Приводимый рисунок медного птицевидного изображения с р. Ухты² (рис. 10) показывает полную аналогию в трактовке крыльев птицы, личины на груди, головы и др. с изображением 110. Эта фигура по стилю своего исполнения сильно отличается от птицевидных изображений гляденовского и более позднего времени. Но по технике отливки она очень близка к указанным выше изображениям с горы Азов и Караульной и еще ближе к медному идолу из пещеры Темной у Писаного камня (рис. 11), с которым она совпадает также по стилю. Идол из пещеры Темной в свою очередь является разновидностью, и, по видимому, наиболее ранней, птицевидных изображений. Датируется он ананьинским временем При-

Рис. 8. Медная фигура птицы. Караульная гора. Нат. вел.

Рис. 9. Фигуры птиц из группы VI (изображения 110 и 111) на Писаном камне на р. Вишере.

камня. Здесь, по нашему мнению, возможно установить и происхождение мотива птицевидных идолов с изображением человека. Если первоначально человек в этой композиции являлся основной фигурой (рис. 11) и наделялся какими-то качествами, присущими птице с крыльями (вероятно, воплощение того, что душа человека летает), то в дальнейшем мы видим, что доминирующей является птица (рис. 9 и 10), от человека остается только личина (душу человека уносит птица). Возникновение мотива птицевидных идолов, соединяющих в себе птицу и человека, следует, таким образом, относить к ананьинскому времени, отнюдь не привлекая его с юга, из эллино-скифского мира. Мотив простой птицы

¹ В. Ф. Генинг. К вопросу о северных границах ананьинской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951.

² А. А. Спицын. Шаманские изображения, рис. 260.

появляется еще раньше — в Горбуновском торфянике¹ и Усть-Чусовских стоянках эпохи бронзы.²

Еще Д. Н. Эдинг писал о тщетности и безнадежности попыток осветить наиболее древние и важные этапы развития скифского «звериного стиля» только по памятникам общепризнанных культурных центров.³ Эти попытки сейчас почти оставлены. Наскальные изображения р. Вишеры как памятники первобытного искусства открывают нам еще одну древнейшую страницу в истории развития евразийского «звериного стиля», корнями своими уходящего в эпоху бронзы и неолита и получившего пышный расцвет на Урале в эпоху железа.

Прием трактовки животных, подобный примененному на изображении 112, часто встречается в Гляденовском костыше.

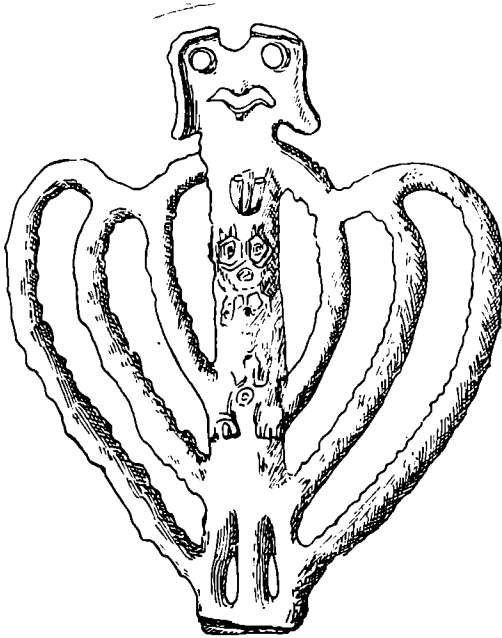

Рис. 10. Медное изображение птицы с личиной на груди. Р. Ухта. ½ нат. вел.

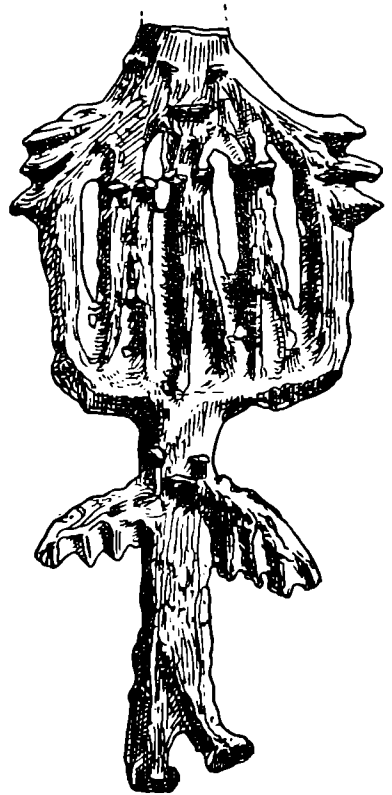

Рис. 11. Медный идол из пещеры Темной на р. Вишере. Нат. вел.

Здесь также животное изображается в профиль, однако все четыре ноги даются в ряд.

Вишерские изображения комплекса III, вероятно всего, относятся ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Комплекс IV 69 изображений этого комплекса резко отличаются от остальных по цвету. Они нанесены жидкой краской цвета светлорасовой киновари. Краска эта была настолько жидка, что при нанесении ее на камень давала потеки (140) и сквозь нее просвечивает поверхность камня. Контуры фигур всегда сильно расплывчаты, их удается установить с трудом.

¹ Д. Н. Эдинг, указ. соч.

² Коллекция Молотовского Государственного университета. При раскопках стоянки Боровое озеро II найдено несколько скульптурных изображений птиц и других животных из глины, а также подвески из камня в виде птицы.

³ Д. Н. Эдинг, указ. соч., стр. 98.

Поверхность камня, на которую нанесены изображения этого комплекса, светлосерого цвета, без наростов лишайников и всегда имеет следы недавних сколов.

Неопрровержимым доказательством того, что этот комплекс изображений возник позднее всех других, является группа VII. Здесь вся правая часть скалы покрыта краской цвета бордо (остатки древних изображений) и охры и уже поверх этого фона нанесены фигуры 136—139. Ясно видно, что левая сторона также была когда-то покрыта краской цвета бордо, так как в отдельных местах сохранились ее небольшие пятна (пример — 172). То же наблюдается и в группе IX. Следовательно, более позднее происхождение этих изображений не вызывает сомнения.

Была ли старая поверхность с изображениями цвета бордо специально сколото или это результат природного разрушения камня — сказать трудно.

Выполнение изображений этого комплекса в основном может быть названо контурным, хотя встречаются фигуры, сплошь залитые краской.

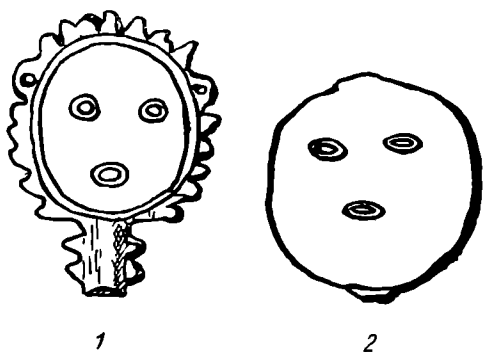

Рис. 12. Медные диски с р. Малая Кеть (1) и из дер. Скрапуновой (2).

По тематике здесь преобладают изображения человека (140, 173) или его лица (133, 136, 202), выполненные довольно схематично, затем идут непонятные по своему значению «крестики» (137, 139, 145, 171, 213), «углы» (172, 212) и многочисленные «черточки» (146—169, 174—201). Встречаются также фигуры в виде гребня (214) и елочки (211), есть изображение белки (?; 142).

Приемы передачи фигуры человека или его лица различны. В одном случае фигура передана линейно, подобно более раннему комплексу, в другом четко отделяется неестественно боль-

шое лицо «с рогатой шапкой». Глаза, нос и рот изображаются точками (133, 136) или двумя почти перекрещивающимися линиями (173, 202). Здесь, вероятно, следует видеть не отклонения от твердо установившихся традиций, а подчинение фигуры смыслу, который она должна передавать. Так, фигура «в рогатой шапке» (173) определенно является изображением шамана с короной, подобной тем, которые еще недавно были у сибирских шаманов, и все знаки вокруг него (146—201) составляют какую-то единую композицию, возможно сцену колдовства шамана. Другую композицию составляет группа изображений 136—145, причем здесь интересно не только их расположение в один ряд, но и их ограничение с обоих концов «крестиками» (139 и 145). В других случаях «крестики» сочетаются с «углами», причем последние всегда даны над ними (171 и 172, 212 и 213).

Чрезвычайно интересна личина с тремя отростками вверху (136). По нашему мнению, здесь следует видеть обожествленное солнце. Подобная трактовка деталей лица встречается на обских дисках, из которых некоторые имеют лучи-отростки вокруг всего лица (рис. 12). Эти находки, наряду с явно поздним шаманским изображением (173), дают нам нить для датировки последней группы изображений.

Группа находок из дер. Скрипуновой Тобольского округа датируется в большинстве своем XIII—XIV в. Среди них есть диски, на которых детали лица сделаны кружками, а также такие, где на изображении лица вверху имеется ряд «крестиков».¹

¹ А. А. Спицын. Шаманские изображения, рис. 415, 492.

Поздние изображения Писаного камня относятся, вероятнее всего, к середине II тысячелетия н. э. и связываются ближе всего с уральской и приобской культурами манси и хантэ, первые из которых обитали на р. Вишере во время появлений русских в Верхнем Прикамье (XV в.). Сближать их с прикамской родановской культурой не представляется возможным. Наиболее северо-восточный памятник родановской культуры — Суянковский могильник XII—XIV вв.¹ — находится на границе горной и равнинной частей р. Вишеры. Эта естественная граница двух природных зон являлась в то время и границей двух культур — охотничьей и земледельческой, принадлежавших манси и коми-пермякам. Письменные памятники конца XVI в. также указывают именно на эту границу.² Горная часть (среднее и верхнее течение) р. Вишеры была заселена манси и составляла только часть обширной зауральской территории, занимаемой племенами манси и хантэ.

К позднему комплексу наскальных изображений ближе всего стоят зауральские тагильские писаницы на Змеевом и Писаном камнях.³

Судя по характеру наскальных изображений р. Вишеры, север Урала в конце неолита входил в широкую культурную общность, сложившуюся на севере Евразии. Культурные связи с югом были, повидимому, гораздо слабее, чем связи с востоком и западом: по наскальным изображениям их во всяком случае проследить не удастся.

¹ Коллекции Археологического музея Молотовского Государственного университета (из наших разведок, 1949 г.).

² А. А. Дмитриев. Пермская старина, ч. I. Пермь, 1889, стр. 80.

³ А. А. Формозов, указ. соч., рис. 1.

Распределение наскальных изображений Писаного камня на р. Вишере

Группа изображений	Изображения	Цвет краски	Комплекс и время
I	1—4	Светлая охра	Комплекс III; 2-я половина I тысячелетия до н. э.
II	5—24	Бордо	Комплекс I; неолит.
III	25—50	Бордо	Комплекс I; неолит.
IV	51—69, 75—90	Бордо	Комплекс I; неолит.
	70—74, 91	Бордо—охра	Комплекс II; эпоха бронзы.
V	93—101, 104—108	Бордо	Комплекс I; неолит.
	102, 103, 109,	Бордо—охра	Комплекс II; эпоха бронзы.
VI	110—116	Светлая охра	Комплекс III; 2-я половина I тысячелетия до н. э.
	117—124	Бордо—охра	Комплекс II; эпоха бронзы.
VII	125—132	Бордо	Комплекс I; неолит.
VIII	133, 134, 136—171, 173—202	Красная киноварь	Комплекс IV; середина II тысячелетия н. э.
	135, 172	Бордо	Комплекс I; неолит.
	203—210	Светлая охра	Комплекс III; 2-я половина I тысячелетия до н. э.
Отдельное	211	Красная киноварь	Комплекс IV; середина II тысячелетия н. э.
IX	212, 212	Красная киноварь	
Отдельное	214	Красная киноварь	
Отдельное	215	Светлая охра	Комплекс III; 2-я половина I тысячелетия до н. э.

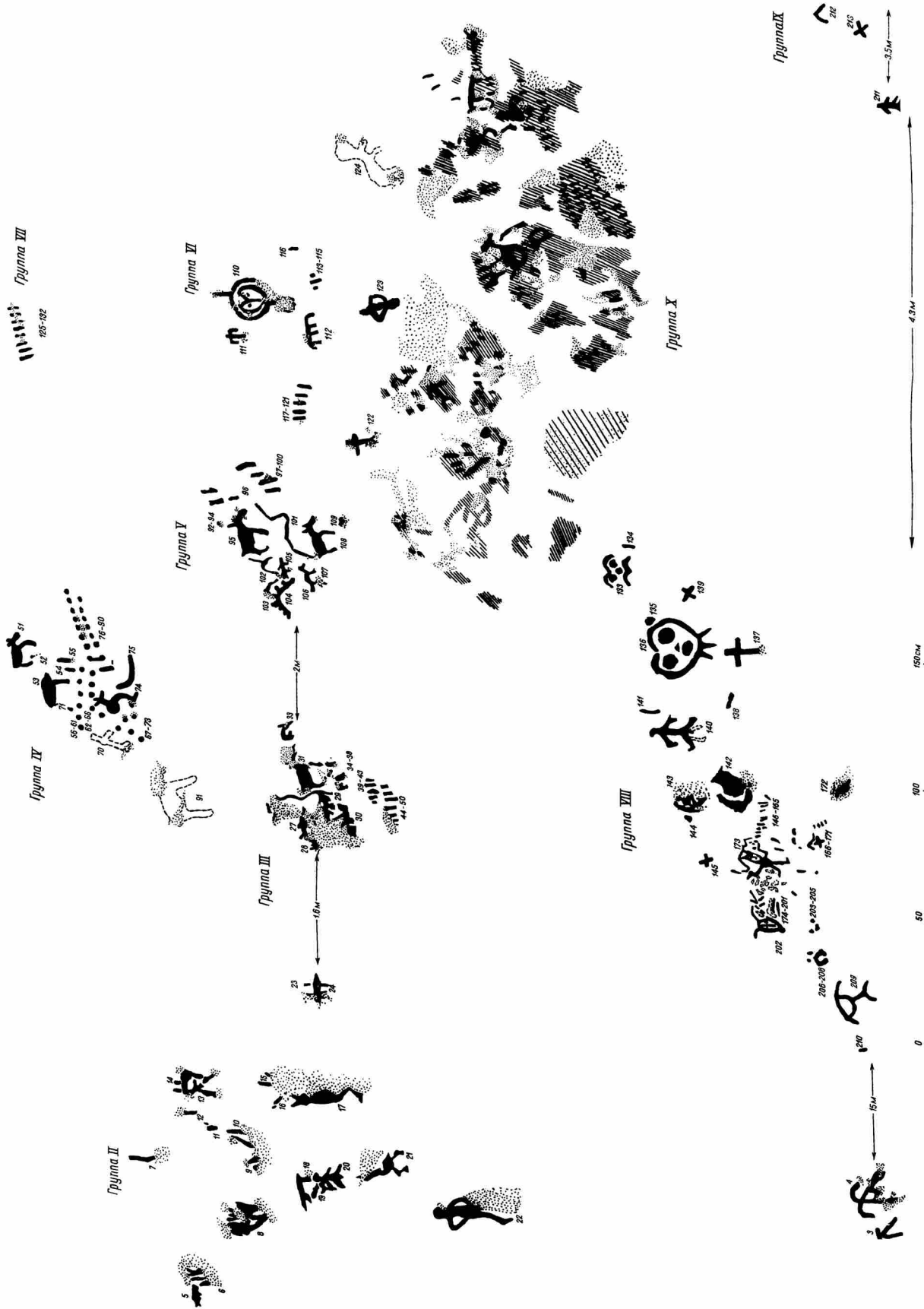

Табл. 1. Общая схема расположения наскальных изображений Писчиховых пещер на р. Вншурь.

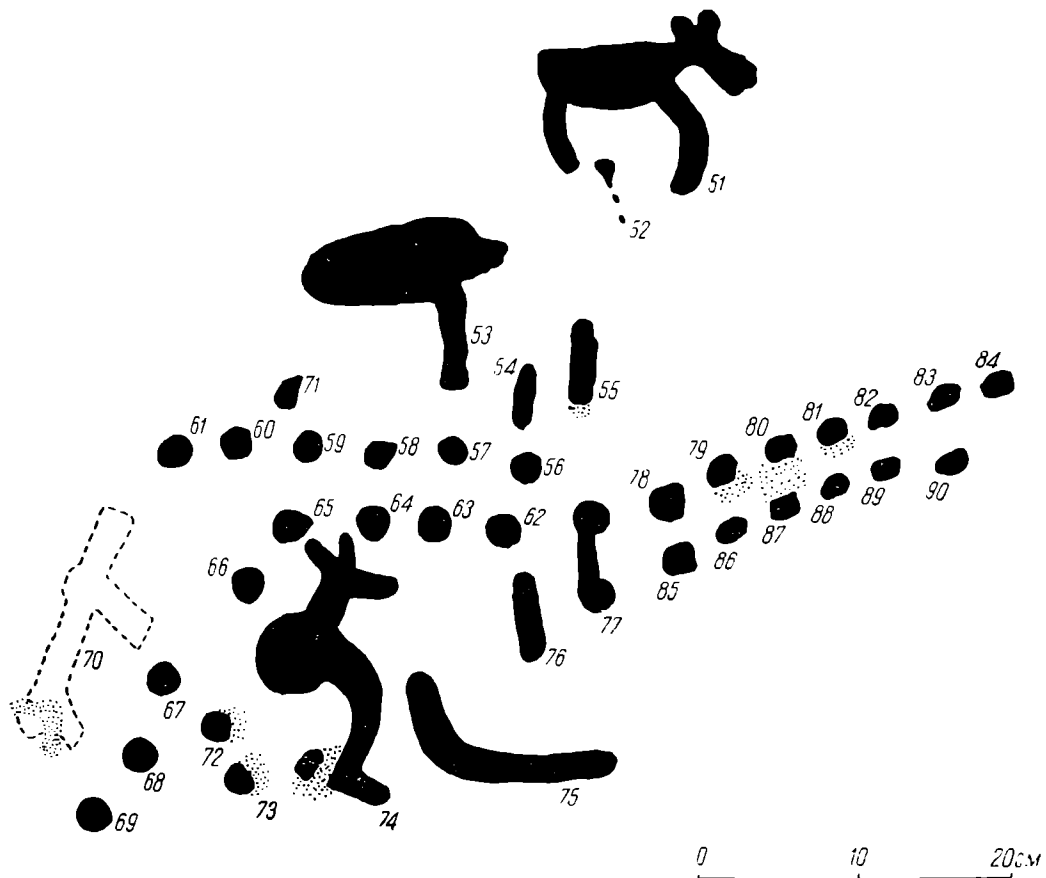

Табл. II Изображения группы IV (51—90) на Писаном камне на р. Вишере.

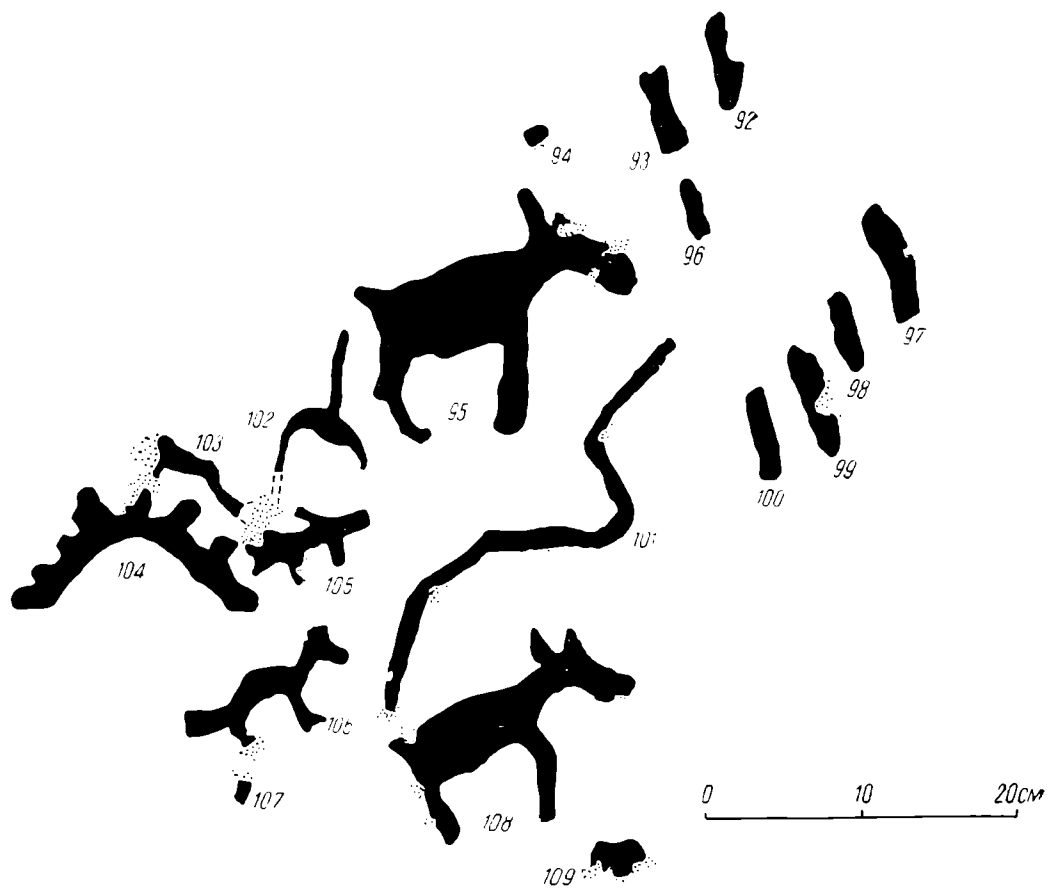

Табл. III Изображения группы V (92—109) на Шсаном камне
на р. Вишере

Светлой памяти акад. С. А. Жебелева

М. И. МАКСИМОВА

СЕРЕБРЯНОЕ ЗЕРКАЛО ИЗ КЕЛЕРМЕСА

Серебряное зеркало из Келермеса давно получило широкую известность, но тем не менее этот замечательный памятник до сих пор еще не подвергался подробному изучению. За исключением исследования покойного академика С. А. Жебелева, оставшегося, к сожалению, неопубликованным, вся остальная литература о зеркале состоит в сущности из кратких замечаний, высказанных большей частью попутно, при обсуждении других памятников. При этом мнения исследователей о времени и месте изготовления зеркала расходятся,¹ что не может вызвать удивления, так как такой сложный памятник требует для научного осмысления предварительного детального изучения.

Настоящая работа ставит своей целью прежде всего путем точного описания и всестороннего изучения зеркала дать прочную основу для его научного толкования, а также предлагает ряд общих выводов, представляющих собой попытку осмыслить этот вещественный памятник как памятник исторический. Что касается археологической документации памятника, то, к сожалению, она сводится лишь к установлению факта находки его в одном из богатых погребений келермесской группы курганов, раскопанных в начале 1904 г. Отчет, представленный производившим раскопки горным техником Шульцем, совершенно ненадежен, и основываться на его показаниях нельзя.² Поэтому приходится отказаться от тех важных данных, которые могли бы быть получены при правильном

¹ Большинство ученых считает зеркало произведением греческого мастера, но одни видят в нем импорт из Ионии (В. W. P h a r m a k o w s k y. Die Funde in Südrussland im Jahre 1904. AA, 1905, S. 58), другие из Эоллии (САН, Plates, vol. III. Cambridge, 1930, текст к табл. 78), третьи причисляют его к изделиям протокоринфским или ранним коринфским (L. C u r t i u s. Hermeneutische Miscellen. Festschrift für Paul Arndt. München, 1925, S. 40). М. И. Ростовцев (M. R o s t o v t z e f f. Iranians and Greeks. Oxford, 1922, p. 49) предполагает, что зеркало могло быть изготовлено в Персии малоазийскими мастерами, а Г. И. Боровка (Бронзовый олень из Ульского кургана. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 201 и сл.) и Е. Р. Малкина (К. M a l k i n a. Zu dem skytischen Pferdegeschirrschmuck aus Craiova. Prähistor. Ztschr., Berlin, 1928, S. 164 u. a.) считают его изделием греческого мастера, работавшего в Скифии, на Тамани. Х. Пейн (H. P a u n e. Nesocorinthia. Oxford, 1931, p. 231) видит в этом памятнике изделие эллино-скифской мастерской, существовавшей по соседству с одной из причерноморских колоний. Наконец Шефольд (K. S c h e f o l d. Der skytische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, Helsinki, 1938, S. 10) сомневается, следует ли приписывать изготовление зеркала греческому или варварскому мастеру. Предполагаемые датировки колеблются между второй половиной VII и второй половиной VI в. до н. э.

² Достаточно сказать, что, согласно отчету Шульца (см.: Архив ЛОИИМК, дело Археологической комиссии, № 9, 1904 г. и частично №№ 44, 88 и 123, 1903 г.), зеркало было найдено в кургане № 4, а Н. И. Веселовский, на месте проверивший работу Шульца, утверждает, что кургана за № 4 вообще не было и что речь может идти лишь о втором погребении в кургане № 3.

производстве археологических работ, и основываться только на самом памятнике для его определения и толкования.

Зеркало представляет собой массивный литой серебряный диск диаметром 0.17 м (рис. 1). После отливки край диска, более тонкий, чем средняя часть пластинки, был загнут кверху ударами молотка и образовал перпендикулярную диску закраину, окаймляющую оборотную сторону зеркала. А. П. Манцевич заметила у края лицевой стороны зеркала следы доработки, указывающие на то, что отливка диска была не вполне удачной: здесь уже после литья вставлен небольшой кусок серебра, вработанный в пластинку путемковки. На лицевой стороне диска заметны следы полировки. На середине оборотной стороны сохранились основания двух стержней — остатки отломанной серебряной ручки, которая, повидимому, была отлита вместе с диском. Вся оборотная сторона зеркала покрыта довольно толстым электровым листом, украшенным целой системой орнаментов и фигур. Сохранность зеркала в общем хорошая, если не считать потери ручки. На лицевой стороне имеются мелкие выбоины и изъяны. Верхняя поверхность закраины местами (от 4-го до 7-го поля)¹ сбита, причем несколько попорчена и кайма электрового листа. Но изображения сохранились полностью, во всей своей первоначальной четкости.

Зеркала подобной формы, с ручкой в центре оборотной стороны диска, совершенно чужды как греческому миру, так и культурам Передней Азии. Область их распространения — средняя полоса Восточной Европы и Азии. С некоторыми вариантами в деталях (размеры, наличие или отсутствие закраины, форма ручки в виде двух столбиков, прикрытых сверху фигуркой или плоской бляшкой, петли или кнопки) зеркала подобной формы были распространены в Китае, Сибири, на Алтае, на территории бытования ананьинской культуры и в европейской Скифии. По вопросу о происхождении данного типа зеркал исследователи еще не пришли к соглашению. Во всяком случае не подлежит сомнению, что он был хорошо известен скифам, жившим на нашем юге, наравне с типом зеркала, заимствованным ими у греков. Б. Рабинович² перечисляет ряд скифских зеркал архаической эпохи, найденных на нашем юге, аналогичных по своей форме разбираемому зеркалу. Среди них особенно интересно бронзовое зеркало из одновременного с шувальцевскими курганами кургана № 2 в Келермесе, раскопанного Н. И. Веселовским.³ Как лицевая, так и оборотная сторона диска покрыты здесь слоем дерева, вероятно остатками футляра. К сожалению, разрушение бронзы и дерева не позволяет установить устройство футляра, но мы считаем весьма вероятным, что функциональное назначение закраины диска, само по себе мало понятное, заключалось в каком-то смыкании с футляром, предохранявшим от порчи полированную поверхность зеркала. Ручка бронзового зеркала состоит из двух перпендикулярных диску столбиков, прикрытых сверху бронзовой бляшкой с рельефным изображением свернувшегося хищника. Какую форму имела утраченная ныне ручка серебряного зеркала — установить невозможно. Допустимы два предположения. Либо это была простая петлевидная ручка, либо такие же столбики, как у бронзового зеркала, прикрытые сверху бляшкой или фигуркой, как, например, у зеркала, найденного в г. Смеле.⁴

¹ Первым полем мы считаем поле с изображением Кибелы.

² Б. Рабинович. К датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья. СА, I, 1936, стр. 85 и сл.

³ Там же, рис. 4 и 5.

⁴ А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II. СПб., 1894, табл. XII, 3.

В пользу ручки на столбиках говорит ряд приводимых ниже соображений, касающихся особенностей техники и декоративного убранства нашего памятника. Может быть стоит еще упомянуть, что, согласно описи Шульца, вместе с серебряным зеркалом найдена была «золотая фигурка весом в 9 золотников», ныне утерянная. Возможно, она помещалась на столбиках ручки, подобно фигурке горного козла на зеркале из Смелы. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что серебряное зеркало из Келермеса по своей форме целиком принадлежит к предметам скифского обихода и отличается от известных нам скифских зеркал только своим материалом и необычайной отделкой.¹

Переходим к рассмотрению технических приемов, примененных мастером при декорировке зеркала, — вопросу, имеющему весьма существенное значение для правильного понимания процесса изготовления зеркала и определения его происхождения. В своей краткой заметке Б. В. Фармаковский утверждает, что украшения оборотной стороны келермесского зеркала были вырезаны на серебряном диске, а затем путем набивки рисунок был переведен на электровый лист, прикрывающий оборотную сторону зеркала.² Фармаковский ссылается при этом на подобную технику, наблюдаемую на некоторых золотых изделиях из Микен. Боровка в статье об олене из Ульского аула³ говорит о гравировке изображений на электровом листе, причем он, видимо, имеет в виду гравировку от руки, со снятием стружки. Оба утверждения ошибочны. На самом деле технический процесс изготовления и декорировки зеркала гораздо сложнее, так как серебряная основа с ручкой была, видимо, сделана одним мастером, после чего она была передана другому мастеру для декорировки. Этот вывод основывается на следующих наблюдениях.

Электровый лист, покрывающий серебряный диск, не представляет собой цельного листа, а состоит из восьми продолговатых треугольных пластин, соответствующих восьми полям с изображениями, уложенных вершинами к центру диска. После наложения пластин на диск, края их были соединены друг с другом при помощи узких, припаянных к краям пластин полосок, покрывающих швы. Края этих полосок, проходящие между парными, украшенными поперечными нарезками, рельефными линиями, отделяющими друг от друга поля с изображениями, легко различимы простым глазом. Такая же полоска была наложена на место соединения концов пластин под ручкой зеркала, и, наконец, вся сборная пластина была прикреплена к диску при помощи такой же узкой полоски, обрамляющей весь внешний край пластины, припаянной к основанию закраины зеркала.

После сборки и установки листа на место, мастер приступил к декорировке зеркала. Гравировал он не от руки, а при помощи пунсонов, по которым ударял молотком. Следовательно, примененная им техника была пунсовкой, а не гравировкой. Только использованием пунсонов можно объяснить значительную ширину линий рисунка, а также местами весьма значительный рельеф изображений (например у лепестков розетки, у разделительных полосок и у ступней Кибелы). При ударе по пунсону ковкое золото подавалось сверху и в то же время линии рисунка отпечатывались на серебряном диске, непосредственно примыкавшем к электровому

¹ Серебряные зеркала были в древности большой редкостью. См. у Тальгрена (A. T a l g r e n. Über die ältesten orientalischen Spiegel. Zentrbl. Anthropologie, Breslau, 1910), который приводит случаи преподнесения в дар серебряных зеркал царям Египта и Митаны во II тысячелетии до н. э.

² В. В. Р h a g m a k o w s k y, указ. соч., стр. 58.

³ Г. И. Б о р о в к а, указ. соч. с. 201.

листу Рисунок на диске в точности повторяет рисунок на электроном листе, как можно видеть на том месте, где лист отстал от основы, но линии его менее углублены, что и естественно при довольно значительной толщине листа.

Какая же причина заставила мастера покрыть оборотную сторону зеркала не одним сплошным листом, что было бы для него гораздо удобнее, а листом, кропотливо составленным из восьми пластин, соединенных друг с другом тонкими полосами? На наш взгляд единственным удовлетворительным ответом на данный вопрос может служить предположение, что мастер-декоратор получил уже в готовом виде отлитый серебряный диск с ручкой, а так как последняя не допускала наложения целого листа на диск, то ему и пришлось прибегнуть к технически гораздо более сложному процессу сборки листа из отдельных кусков. Если бы все зеркало делал один мастер, то он, вероятно, постарался бы избежать этого затруднения, сперва наложив целый лист на диск и украсив его изображениями, а затем прикрепив к диску ручку.

Наличие готовой ручки мешало мастеру и при его работе над украшением зеркала орнаментами и фигурами. Это можно заметить, наблюдая систему декорировки зеркала в целом. В литературе неоднократно отмечалось отсутствие ясной тектоники в распределении элементов украшения зеркала по его круглому полю, в чем некоторые исследователи (Пейн и Шефольд) усматривали негреческую, варварскую черту, так как греческим художникам свойственны всегда ясность и стройность композиции.

Действительно, в декорировке зеркала заметна некоторая странная на первый взгляд асимметрия. Так, центральная розетка не имеет правильной круглой формы. Внешнее очертание ее приближается к овалу, вытянутому в направлении прямой, проведенной по столбикам ручки: розетка не имеет сердцевины, а лепестки ее неравномерны и своими основаниями упираются частично в полосу, соединяющую столбики, частично в самые основания последних. Далее можно заметить, что некоторые из радиусов, делящих поле диска на треугольные поля, ориентированы не на центр диска, а на столбики ручки. Через центр зеркала проходят только радиусы между 1-м и 2-м, 5-м и 6-м полями, образуя правильную прямую линию и радиусы между 3-м и 4-м, 7-м и 8-м полями. Остальные четыре радиуса, ориентированные на основании ручки, не сливаются в прямые линии.

По нашему мнению, асимметрия розетки и отклонения радиусов от центра объясняются той же причиной, которая заставила мастера-декоратора собрать электроный лист из нескольких кусков, а именно наличием готовой ручки в тот момент, когда он приступал к работе. Ручка с двумя расположенными по бокам от центральной точки столбиками мешала ему исходить от центра как основы всей композиции, что обычно наблюдается на греческих изделиях круглой формы, и мастер принужден был прибегнуть к компромиссу, нарушив строгую тектонику своего замысла. Вероятно по этой же причине он выбрал для декорировки зеркала не обычный у греков принцип деления круглой поверхности на концентрические зоны, а предпочел ему принцип радиальный, расположив фигуры в треугольных полях, суживающихся по направлению к центру.¹

¹ Ручка мешала мастеру применять и другие, обычные в архаической Греции способы украшения круглой поверхности, а именно деление круга на два сегмента, как это наблюдается на более поздних милето-родосских чашах и тарелках, или помещение главной фигуры в центре и окружение ее второстепенными фигурами, как на критских щитах.

Следует еще упомянуть, что привлекающая сейчас наше внимание асимметрия композиции была гораздо менее заметна, если ручка действительно была покрыта сверху овальной бляшкой или фигуркой. Центр диска был тогда скрыт от глаз, так же как и неравномерность лепестков розетки, внешнее же очертание этой последней и направление радиусов сообразовались с формой ручки, а не с открытым сейчас центром зеркала. В таком случае допущенная мастером асимметрия была на самом деле не недостатком работы, а проявлением его искусства применяться к обстоятельствам.

Из всех этих наблюдений вытекает, во-первых, что зеркало было сделано в два приема и двумя мастерами. Первый — по всей вероятности, скифский мастер — изготовил серебряный диск с ручкой, второй — декорировал зеркало изображениями на сборном электровом листе, наложенном им на готовый диск. Во-вторых, из этих наблюдений следует, что нельзя привлекать асимметрию композиции как аргумент в пользу негреческого происхождения мастера-декоратора, так как это явление нужно отнести не за счет отсутствия у него чувства тектоники, а за счет особых условий работы.

Присмотримся теперь внимательно к украшению зеркала, к изображенным на нем фигурам и орнаментам, т. е. к работе мастера-декоратора.

На сравнительно небольшой площади диска сконцентрированы 24 фигуры, одиночные, или соединенные в группы. Фигуры заполняют треугольные поля, четко отграниченные друг от друга радиусами. Эти радиусы образуют, так сказать, костяк всей композиции, но в пределах отдельных полей нет единообразия и строгой симметрии. Так, три поля (4-е, 5-е и 6-е) разделены черточкой на две зоны. Поля 2-е, 3-ье, 7-е и 8-е не имеют такого деления, но фигуры в них также помещены в два ряда и стоят прямо друг на друге, причем размеры фигур нижнего ряда не одинаковы. Наконец одно поле (1-е) целиком заполнено одной группой: ступни Владычицы зверей Кибелы покоятся на лепестках розетки, а голова ее упирается в борт зеркала. При помощи этого приема мастер выделил Владычицу зверей как главное изображение всей композиции. Группа в противоположном 1-му 5-м поле, изображающая борьбу двух «силенов» с грифоном, также выделяется из ряда прочих полей зеркала, поскольку в нижнем ряду этого поля помещается только орнамент — четырехрядная плетенка, а не фигурка зверя. В расположенных друг против друга полях 3-м и 7-м главное место занимают мифические чудовища — сфинксы и грифон. В остальных полях размещены изображения реальных зверей.

Таким образом, две пары из четырех помещающихся накрест полей нарочито выделены композиционно и по содержанию от остальных двух пар полей, в чем можно усмотреть определенный художественный план, связанный с идеей, лежащей в основе всей декорировки зеркала: представить богиню Владычицу зверей среди подчиненных ей реальных и мифических существ. В остальном в расположении отдельных фигур нет ни строгой системы, ни выдержанной симметрии. Фигуры нагромождены друг на друга и заполняют все предоставленное под изображения пространство, как это свойственно греческой архаике с ее боязнью пустоты. Следовательно, и в отношении композиционном мы не можем усмотреть в украшении зеркала таких элементов, которые позволили бы притти к предположению о негреческом происхождении мастера-декоратора, ибо никак нельзя сказать, что расположение фигур не подчинено общему плану, хотя в деталях и преобладает известная свобода.

Подробный анализ сюжетов и стиля отдельных фигур в декорировке зеркала приводит нас к тому же выводу, а именно, что мастер-декоратор

был грек и притом выдающийся мастер своего времени. Правда, сообразуясь с требованиями заказчика, он ввел в свою композицию немало чуждых греческому искусству элементов, но это не помешало ему сохранить чисто греческий художественный язык, который сказывается в живой концепции отдельных фигур, при архаической их связанности (см. особенно лисицу в 6-м и горного козла в 8-м поле), тонкой характеристике животных, умелом построении групп и, наконец, в ясности и четкости рисунка.

Отдельные составные части декоровки можно разбить на три группы сообразно их содержанию и художественному оформлению. Первая и наиболее многочисленная группа — чисто греческая. К ней, на наш взгляд, относятся все орнаменты, Кибела, лев, терзакций быка (2-е поле), сфинксы (3-ье и 7-е поля), медведь и лисица (6-е поле.), грифон (7-е поле), эгагр и голова барана (8-е поле). С некоторыми оговорками мы причисляем к этой группе и хищника перед деревом (4-е поле). Вторая группа состоит из фигур смешанного греко-варварского стиля. В нее входят горный баран (4-е поле), группа «силенов», борющихся с грифоном (5-е поле), летящий орел (6-е поле) и группа двух львов (8-е поле). Наконец к третьей группе мы причисляем два изображения, которые, по нашему мнению, являются прямыми копиями с образов, созданных искусством варварским, не содержащими в себе ничего греческого. Анализ отдельных элементов декоровки позволит нам глубже понять разбираемый памятник как продукт определенного времени и определенной общественной среды.

Те исследователи, которые видели в келермесском зеркале произведение греческого мастера, почти единодушно связывали его с восточно-греческим искусством, и этот вывод полностью подтверждается анализом орнаментов и фигур греческой группы изображений на зеркале. Обратимся сперва к орнаментам.

Двойные полосы с поперечными нарезками как разделительный элемент между полями с изображениями нечасто встречаются на греческих изделиях архаической эпохи. Простые, а не двойные полосы получили наибольшее распространение на вазах стиля Фикеллура, но двойные, очень сходные с келермесскими полосы можно видеть на происходящем из Ларисы на Гермесе кувшине, относимом к VII в.¹ Сходные полосы, но уже не со штрихами, а с точками живут и в более поздней керамике той же Ларисы.²

Плетенка, как простая, так и сложная, — наследие хеттского искусства — широко применялась в греческом искусстве архаической эпохи и притом в различных художественных центрах. Но, как было замечено Кьельбергом,³ сложные плетенки эллинского востока отличаются от плетенок прочих областей греческого мира косым расположением завитков в отдельных рядах по отношению друг к другу, что создает впечатление большей текучести. Именно такой характер присущ и четырехрядной плетенке с точками в завитках, помещающейся в 5-м поле зеркала.

Розетка принадлежит к наиболее распространенным орнаментам в греческом архаическом искусстве и, в частности, на вазах так называемого милето-родосского стиля, где она, как и на нашем зеркале, обычно

¹ L. Kjellberg. Die architektonischen Terrakotten. Larisa am Hermos, Bd. III. Berlin, 1942, Taf. 1, 15 (см. также: AA, 1936, Fig. 25, 26, S. 372).

² Там же, Taf. 19, 1; 23, 5, 8; 25, 2 и др.

³ Там же, Bd. II, Berlin, 1940.

служит центральным орнаментом на чашах и тарелках группы Камира.¹ От этих последних розеток розетка зеркала отличается двумя особенностями: удвоением контура и язычками, выступающими между лепестками. Если на вазах группы Камира эти особенности редкое исключение,² то на группе более поздних милето-родосских ваз, условно называемой группой Эфорба, удвоение контура лепестков розетки, наоборот, является общим неизменным правилом,³ а нередко здесь встречаются и язычки между лепестками.⁴ Те же язычки или стрелки можно найти на лепестковых орнаментах архитектурных терракот из Ларисы на Гермосе⁵ и на самосских надгробных стелах первой половины VI в.⁶

Таким образом аналогии для орнаментов келермесского зеркала находятся в восточногреческом искусстве первой половины VI в. Туда же ведет нас и анализ фигурных изображений нашей первой группы. Это будет видно в дальнейшем при анализе отдельных фигур, но небесполезно предварительно выделить ряд особо характерных черт и приемов, при помощи которых мастер зеркала осуществлял свои художественные замыслы, и показать, где можно найти им аналогии. Эти приемы повторяются на различных фигурах зеркала и являются своего рода общими средствами выражения, выработанными тем художественным кругом, из которого вышел создавший его мастер. Особенно знаменателен поэтому тот факт, что те же приемы присущи и восточногреческой архаике и специально милето-родосским вазам. Например, у многих животных, изображенных на зеркале, встречается членение на две части задних ног двумя параллельными косыми линиями (см. поля 2—5-е и 8-е). Совершенно тот же прием применялся и мастерами, расписывавшими

¹ Так как в дальнейшем нам придется постоянно обращаться к милето-родосским вазам, то необходимо сразу оговориться, что мы понимаем под этим условным наименованием. В настоящее время может считаться твердо установленным, что так называемые милето-родосские вазы изготовлялись не в одном или двух, а в ряде центров западного побережья Малой Азии и прилегающих островов. Это общий восточногреческий стиль росписи ваз со многими локальными ответвлениями. В последнее время сделано было несколько попыток разделения милето-родосских ваз на группы по территориальным и хронологическим признакам. См.: *Ellinor P r i c e. Eastgreek pottery classification. 1927* (эта работа осталась для нас недоступной); *R. M. C o o k. Fikellura pottery. ABS, № XXXIV, p. 1—98*; *A. R u m p f. Zu den klazomenischen Denkmäler. JAI, Bd. XLVIII, 1933, S. 53 u. f.* — Ни одна из предложенных классификаций не может считаться окончательной. Мы следовали в общем за классификацией Румпфа, не вполне соглашаясь с ним, однако, относительно его хронологических выводов. Оставляя в стороне еще мало изученную и, видимо, широко не экспортировавшуюся продукцию мастерских Милета, Самоса, Эфеса, Смирны и др., Румпф остальные милето-родосские вазы разделил на две большие группы: «вазы стиля Камира» и «вазы стиля Эфорба» (по знаменитой тарелке с изображением битвы над телом Эфорба). Первую группу он локализует в Камире на Родосе, вторую он с меньшей уверенностью приписывает какому-то другому центру на том же Родосе. Обе группы, по его мнению, сосуществуют параллельно с середины VII до середины VI в., с той разницей, что расцвет группы Камира приходится на третью четверть VII в., тогда как расцвет группы Эфорба относится примерно к 580 г. Классификация Румпфа кажется нам в общем правильной в том, что касается подразделения милето-родосских ваз на две большие группы. Однако необходимо, как мы полагаем, более резко провести хронологическое деление и считать, что группа Камира в своей массе старше группы Эфорба и относится в основном ко второй половине VII в., тогда как группа Эфорба является, главным образом, продукцией первых десятилетий VI в. См. по этому вопросу также замечания Робертсона (*M. R o b e r t s o n. The excavations at Al Mina, Sueda. IV. The early greek vases. JHS, vol. LX, 1940, p. 8*).

² *A. R u m p f*, указ. соч., стр. 53 и сл., №№ 32—34 и 61.

³ Например, *Clara Rhodos, vol. VI/VII, p. 484, fig. 10; p. 489, fig. 16; p. 508, tav. I.*

⁴ *JHS, vol. 44, 1924, p. 193, fig. 21; p. 195, fig. 22.*

⁵ *Larisa am Hermos, Bd. II, Taf. 22, 34, 36, 40, 46, 47 u. a.*

⁶ *AM, Bd. XLVIII, 1933, Beil. XI u. f.*

милето-родосские вазы.¹ У пантер в 1-м поле и у кабана во 2-м очень четко, особой линией, выделена полость живота. У других зверей выделение происходит менее заметно, при помощи изменения направления черточек, передающих шерстный покров. Эта особенность опять-таки свойственна милето-родосским вазам.² У лисицы в 6-м поле представлены только две ноги вместо четырех — прием, общераспространенный в милето-родосской вазописи при изображении быстрого бега. У грифонов (поля 5-е и 7-е) голова отделена от шеи особой, ограниченной двумя линиями полоской, как бы рамочкой, что наблюдается и у грифонов милето-родосских vaz.³ Характерна также передача крыльев, которые не просто вырастают из лопаток, а прикрывают своим оперением и грудь сфинксов, грифонов и Кибелы — прием, встречающийся в передаче крылатых существ на памятниках восточнореческого искусства.⁴ Показательны и прически сфинксов и Кибелы. Волосы в виде толстых валиков лежат на черепае параллельными рядами, на затылке они перехвачены повязкой (у Кибелы — диадемой) и затем спускаются на плечи, закручиваясь в кольца. Аналогии для этого рода причесок находятся на памятниках, непосредственно или косвенно связанных с искусством греческого востока.⁵

Переходим к рассмотрению отдельных фигур. Из изображений животных нашей первой группы особенно показательны для художественной индивидуальности мастера и его умения дать меткую характеристику зверя и налету схватить движение — фигуры эгагра в 8-м и лисицы в 6-м полях. Как известно, эгагр — это излюбленный сюжет мастеров восточнореческого искусства архаической эпохи; в то же время он чужд искусству материковой Греции. Чрезвычайно живая поза припавшего на колени, но готового вскочить на ноги зверя, оглядывающегося назад на барана, который положил голову на его спину, передана очень естественно, живо и несколько не уступает в этом отношении замечательным по своему реализму фигурам эгагра на милето-родосских вазах.⁶ Обращает на себя внимание умение мастера простыми средствами достигать крупных результатов. Так, излюбленным его приемом является передача волосяного покрова на теле животных при помощи мелких насечек. При этом, путем изменения направления насечек и различной их группировки, он выделяет отдельные части тела животного, передает различный характер шерсти (ср. изображения львов, тигра в 4-м поле и пантер в 1-м поле) и даже напряжение мускулов под кожей, например, у того же эгагра.

¹ Ср., например: K. F. K i n s c h. Fouilles de Vroulia. Berlin, 1914, figs. 100, 109, a u. a ; JHS, vol. 44, 1924, p. 213, fig. 47.

² Ср., например: K. F. K i n s c h, указ. соч., табл. 35, рис. 114, 115, 116 и др.

³ См., например: K. F. K i n s c h, указ. соч., рис. 75, b, c, табл. 16, 2 и др.: M o r i n - J e a n. Le dessin des animaux en Grèce. Paris, 1911, p. 46, 47, fig. 40, 1: Clara Rhodos, vol. IV, fig. 67.

⁴ См. аналогии, приведенные на стр. 295, прим. 1.

⁵ См., например, перетанские гидрии (Antike Denkmäler, Bd. II, Berlin, 1928, Taf. XXVII; G. P e r r o t et Ch. C h i p i e z. Histoire de l'art. Paris, t. IX, 1911, p. 529), понтийскую вазу (J. D. В e a z l e y. Etruscan vase-painting. Oxford, 1947, tabl. I, 3—4), предметы, найденные в Беттерсфельде (A. F u r t w ä n g l e r. Kleine Schriften, I. München, 1912, S. 272), колесницу из Монтелеоне (G. R i c h t e r. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. Metropolitan Museum of Art. New York, 1915, № 40), колесницу из Перуджий (H. B r u n n und B r u c k m a n n. Denkmäler. Taf. 588, 589).

⁶ Б. В. Ф а р м а к о в с к и й. Милетские вазы на юге России. М., 1914, табл. XI, I, стр. 14; K. F. K i n s c h, указ. соч., стр. 234, а также на золотых пластинках от хризолепантинных статуй из Дельф (P. A m a n d r y. Rapport préliminaire sur les statues chryselephantines de Delphes. BCH. vol. I, 1939, pl. XXV).

Рис. 1. Серебряное зеркало из Келермеса. Обратная сторона.

Немногими штрихами художник сумел также замечательно верно передать морду козла и его узловатые своеобразные рога.

По остроте характеристики изображение в 6-м поле лисицы, юркого и осторожного зверя, не уступает изображению эгагра.¹ Особенно удачно передана ее острая мордочка с наостренным ухом; зверь с подозрением оглядывается назад во время стремительного бега.

На полное соответствие грифонов келермесского зеркала (поля 5-е и 7-е) с типом этого чудовища, выработанным во второй половине VI в. в восточной Греции и, в частности, с грифонами на милето-родосских вазах и на ранних ионийских монетах, уже указывалось в литературе.² Необходимо подчеркнуть, что дело здесь не только в общем типовом сходстве, но также и в тождестве деталей. Так, как уже упомянуто, в обоих случаях голова грифона отделена от шеи особой полосой, основания крыльев прикрывают не только плечевые суставы, но и верхние части передних лап, а нижние суставы задних лап четко отделены от верхних суставов двумя параллельными поперечными линиями.

Последние две черты (способ прикрепления крыльев и членение лап) свойственны изображениям сфинксов на зеркале (поля 3-ье и 7-е) и на милето-родосских вазах.³ У тех и других в общем совпадает строение львиного тела и крыльев, а также прическа. Но наблюдаются и отклонения. Так, оперение крыльев сфинксов на зеркале (а также грифонов и Кибелы) двурядное, тогда как на вазах оно всегда однорядное.⁴ Прическа в общем одинаковая, но на зеркале волосы лежат прядями, а в вазописи они переданы в виде густой массы. Кроме того, у сфинксов на зеркале отсутствует завиток из волос, который на вазах почти всегда показан растущим из темени или затылка сфинкса. Отличен, наконец, и тип головы. При сходстве профиля лица наблюдается иное строение черепа — широкое на вазах и несколько сдавленное и вытянутое в длину у сфинксов на зеркале. Следовательно, при большой близости типов грифонов и сфинксов на зеркале с типами этих же чудовищ на милето-родосских вазах между ними устанавливаются и некоторые различия.

Хотя на милето-родосских вазах можно иногда видеть двух сфинксов, сгруппированных по бокам орнамента или ручки сосуда,⁵ но ясно выраженных, вполне сложившихся геральдических групп здесь не встречается. Прямую аналогию такой группе в 3-м поле зеркала мы находим не на вазах, а на фрагменте симы из Ларисы,⁶ где сохранилась изображенная в красках колонка, заканчивающаяся наверху капителью с пальметкой (рис. 2). Справа от колонки заметны фигуры сфинкса — лица и лапы,

¹ Хотя лисица, излюбленный персонаж басен Эзопа, и упоминается во многих греческих поговорках, в изобразительном искусстве Греции эпохи архаики она встречается сравнительно редко, при этом чаще на восточноточеских вазах (см.: ОАК за 1870—1871 гг., табл. IV; Б. В. Ф а р м а к о в с к и й. Милетские вазы на юге России, табл. VIII, 2; К. Ф. К и п с h, указ. соч., рис. 107 и 119; E. P f u h l. Malerei und Zeichnung. München, 1923, Fig. III; A. R u t h r f, указ. соч., стр. 70), чем на вазах материковой Греции (например, на знаменитой протокоринфской вазе Chigi, см.: E. P f u h l, указ. соч., рис. 59).

² Г. И. Б о р о в к а, указ. соч., стр. 201, рис. 10, 11. — Вывод Боровки о якобы большей древности грифона на зеркале не правилен, так как он основан на ошибочной датировке милето-родосских ваз Кинком.

³ Ср. сфинкса на милето-родосских вазах (К. Ф. К и п с h, указ. соч., стр. 196, рис. 75, d; стр. 206, рис. 89; Clara Rhodos, vol. III, tav. VI, fig. 308; vol. VI/VII, fig. 108; p. 484, fig. 10; p. 489, fig. 16 и др.).

⁴ Двурядное оперение крыльев сфинкса встречается на фрагменте архитектурной терракоты из Ларисы (см.: Larisa am Hermos, Bd. II, Fig. 37, S. 107).

⁵ См., например: E. P f u h l, указ. соч., рис. 138.

⁶ Larisa am Hermos, Bd. II, Taf. 40, № 52, S. 90.

касающейся волюты капители. Слева от колонки находился второй сфинкс, как видно по следам рисунка его поднятой лапы. Следовательно аналогия с группой в 3-м поле зеркала получается полной, что особенно интересно при редкости такой композиции в греческом архаическом искусстве.

В только что рассмотренной группе сфинксов наше внимание привлекает еще форма капители колонки (рис. 3), которая представляет собой нечто среднее между ионийской и эолийской капителью. С последней ее роднит то обстоятельство, что волюты вырастают из двух вертикальных полосок, обрамляющих ствол колонки, но в то же время у нее отсутствует пучок листьев под капителью.

В зачаточном состоянии, в виде орнамента подобная форма очень часто встречается на милето-родосских вазах,¹ а среди находок в Ларисе ана-

Рис. 2. Фрагмент симы из Ларисы на Гермесе.

Рис. 3. Зеркало из Келермеса. Деталь.

логичные капители — обычное явление. Помимо приведенного уже фрагмента симы (рис. 2), укажем еще на мелкие глиняные поделки неизвестного назначения² и на ножки клин в сценах пиршества, изображенных на архитектурных терракотах.³ Как устанавливает Бушор, эта форма представляет собой переходную ступень от эолийской к ионийской капители,⁴ что подтверждается наблюдениями над анфемиями самосских надгробных стел. Среди них, правда, пока отсутствуют анфемии с эолийскими капителями, но распространение таковых на Самосе засвидетельствовано находкой бронзового изделия в виде колонки, увенчанной эолийской капителью.⁵ В длинном ряду самосских стел волюты капителей вырастают

¹ Например: К. F. K i n c h, указ. соч., стр. 203, рис. 88.

² Larisa am Hermos, Bd. III, S. 48, Figs. 42, 43, №№ 133 и 134.

³ Там же, т. II, рис. 28, 31 и 32.

⁴ AM, Bd. XLVIII, 1933, S. 22 u. f.

⁵ AM, Bd. XLVIII, 1933, рис. на стр. 22. — Ср. также стелу из Сард (Sardis, vol. I, 1922, p. 116).

снизу, как у колонки на зеркале, чем они и отличаются от ионийских капителей. От капители колонки на зеркале капители самосских анфемий разнятся только тем, что отростки волюты спускаются вниз не в вертикальном, а в косом направлении. Эта последняя черта, вероятно, знаменует собой дальнейшую ступень в развитии ионийской капители, поскольку наиболее поздние самосские анфемии уже показывают вполне сложившуюся форму последней. Вся эта цепь наблюдений и выводов важна, так как она дает точку опоры для датировки зеркала. Бушор датирует древнейшие самосские стелы с анфемиями 70-ми годами VI в., что позволяет отодвинуть дату изготовления зеркала немного далее в глубь этого столетия.

На ту же дату указывает и анализ группы льва, терзающего быка (2-е поле зеркала). Что касается типологических и стилистических особенностей этой композиции, то в научной литературе уже отмечено, — и, на наш взгляд, совершенно правильно, — близкое сродство ее с группой на фризе колесницы из Монтелеоне.¹ Эта колесница, правда, уже не может теперь считаться изделием ионийского мастера, переселившегося в Италию, как думал Боровка, следуя в этом отношении за Фуртвенглером: колесницу делал в Италии этрусский мастер,² однако нет никакого сомнения в том, что перед глазами у него были образцы восточногреческого искусства.³ Группы на зеркале и на колеснице совпадают не только по общей компановке фигур, но и в деталях стилизации животных. В частности, что касается типа льва, то можно привести еще ряд аналогий ему на памятниках, связанных с восточногреческим архаическим искусством.⁴ В то же время, по нашему мнению, нет никакой необходимости связывать группу на зеркале в отношении ее композиции с эволюцией подобных групп в искусстве материковой Греции, как это делают Пейн и Шефольд,⁵ черпая из этого сопоставления довод для датировки зеркала примерно 560 г. Оба автора основываются при этом на статье Бушора,⁶ в которой прослеживается развитие композиции льва, терзающего быка в архаическом искусстве материковой Греции.

Между тем аналогичную и независимую от искусства материковой Греции линию развития этой группы в сторону более тесного смыкания борющихся животных и повышения драматизма действия можно наблюдать и в восточногреческом искусстве, с которым тесно связано келермесское зеркало. Так, на одной вазе стиля Камира,⁷ относимой к третьей четверти VII в., представлены два лва, наступающих на быка с противоположных сторон, но еще не касающихся своей добычи. Сходная композиция с кабаном, вместо быка, встречается на более поздней фрагментированной милето-родосской вазе стиля Эфорба.⁸ Здесь один лев уже наложил лапу на голову своей жертвы и вцепился в нее зубами. Близкую

¹ Г. И. Б о р о в к а, указ. соч., стр. 201, рис. 8 п 9.

² См.: G. H. C h a i s e. Tree bronze tripods belonging to James Loeb. *AJA*, vol. XII, 1908, p. 311; G. R i c h t e r, указ. соч., стр. 17.

³ В этом легко убедиться, если сравнить, например, лань на центральном рельефе кузова колесницы (G. R i c h t e r, указ. соч., рис. 40) с оленем, терзаемым львом, на фрагментах хризэлефантинной статуи из Дельф (P. A t h a n d r u, указ. соч., табл. XXVI).

⁴ Ср., например, перетанские гидрии (Antike Denkmäler, Bd. II. Berlin, 1898, Taf. XXVIII; G. P e r g g o t e t C h. S c h i p r i e z, указ. соч., т. X, рис. 259), клазоменскую вазу (Clara Rhodos, vol. IV, tav. II), клазоменские саркофаги (E. P f u h l, указ. соч., рис. 141 и др.).

⁵ Н. Р а у н е. *Necrocorinthia*. Oxford, 1931. — К. S c h e f o l d, указ. соч.

⁶ E. B u s c h o r. *Burglöwen*. AM, Bd. XLIII, S. 101 u. f.

⁷ К. F. K i n c h, указ. соч., рис. 91.

⁸ *Corpus vasorum antiquorum*. Oxford, fasc. II d, tabl. IV, № 29.

к келермесской группу льва и быка можно видеть на ойнохое стилиа Камира последней четверти VII в.¹ Здесь лев также поджимает под себя быка и кусает его в спину, а передняя лапа льва вцепляется быку в бок, в то время как задняя его лапа стоит на роге опущенной вниз головы. Бык, правда, еще стоит здесь на всех четырех ногах, отчего смыкание двух тел недостаточно тесно. Мотив быка, павшего на землю под натиском льва, встречается на черепке навкратийской (хиосской) вазы² (рис. 4), относимой к первой четверти VI в.

Таким образом можно сказать, что в искусстве восточной Греции уже в первой четверти VI в. были выработаны все мотивы, нашедшие выражения в группе льва и быка на келермесском зеркале, и потому нет никакой необходимости связывать ее с Атикой ни типологически, ни хронологически.

К греческим изображениям на зеркале мы относим еще две фигуры животных — медведя (6-е поле) и хищника перед деревом (4-е поле), хотя по отношению к ним необходимо сделать некоторые оговорки.

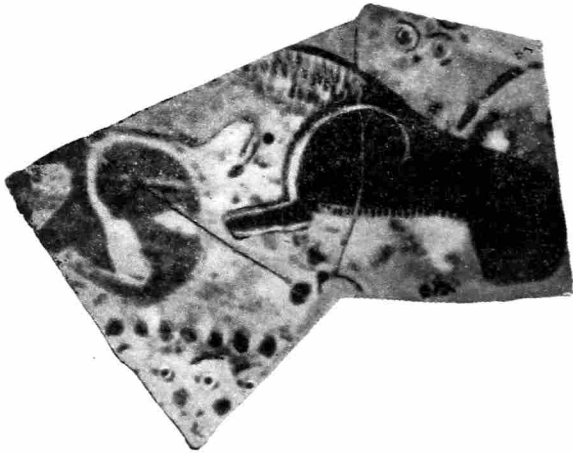

Рис. 4. Фрагмент навкратийской расписной вазы.

Изображений медведя в греческой архаике мы не знаем. В частности, они отсутствуют в звериных фризах на вазах так называемого ориентализирующего стиля, с которыми, как мы видели, тесно связаны фигуры зверей на зеркале. Первые по времени изображения медведя в греческом искусстве встречаются на монетах г. Мантиней в Аркадии, выпущенных между 500 и 485 гг. до н. э.³ В восточно-

греческом искусстве конца V и IV в. медведь уже становится весьма обычной фигурой,⁴ особенно в группе так называемых греко-персидских резных камней,⁵ той категории восточнотреческих гемм, которая дает многочисленные изображения тех самых животных и часто в тех самых позах, какие обычны для милето-родосских vaz, хотя и в более свободной трактовке. Учитывая это обстоятельство, а также популярность медведя в греческой мифологии, мы считаем возможным предположительно отнести медведя келермесского зеркала к группе образов, заимствованных из греческого искусства, хотя подтвердить это прямыми аналогиями сейчас не можем.⁶ В отличие от других животных, фигура медведя на зеркале довольно далека от природы, хотя

¹ Clara Rhodos, vol. IV, fig. 19.

² JHS, vol. 44, 1924, pl. X, 7.

³ Fr. Imhoof-Blumer und O. Keller. Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des klassischen Altertums. Leipzig, 1889, Taf. II, 3; G. Richter. Animals in Greek sculpture. New York, 1930, p. 12.

⁴ См., например, фриз памятника Нерид, саркофаг из Паявы и др.

⁵ M. Maximova. Griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen. AA, 1928, S. 654, Fig. 6; S. 673, Fig. 27, a; G. Lippold. Gemmen und Kameen. Stuttgart, 1921, Taf. 88.

⁶ Вместе с тем следует отметить, что у скифов, как известно, медведь почитался богом под именем Замолкяса.

мастеру все же удалось выразить в ней свойственные этому зверю медлительный и неуклюжий характер движений.

Большой интерес представляет хищник в 4-м поле. Обычно его называют львом, но многое говорит за то, что художник имел в виду изобразить здесь другого зверя. Во-первых, у данного хищника отсутствует грива, тогда как у львов в полях 2-м и 8-м гривы переданы весьма четко и ясно. Во-вторых, здесь иными приемами трактована шерсть на теле зверя. У львов туловище покрыто сплошными рядами мелких насечек; у хищника в поле 4-м горизонтальные насечки расположены попарно вертикальными рядами. Очевидно мастер стремился выразить иной характер волосяного покрова, чем у львов. Сходным приемом трактована шерсть пантер в поле 1-м, но здесь парные насечки расположены в вертикальном направлении и лежат горизонтальными рядами, что создает впечатление пятнистости, тогда как насечки на теле хищника скорее передают полосатость. Проф. Б. С. Виноградов, изучив изображение хищника в 4-м поле, пришел к выводу, что художник имел в виду представить тигра. В этом его убедила главным образом форма хвоста зверя. Хвост хищника заканчивается несколькими волосками, что характерно для тигра, тогда как у львов и пантер на конце хвоста всегда имеется утолщение в виде шишки, что можно наблюдать и у всех львов, пантер, сфинксов и грифонов на зеркале.

Но если хищник в 4-м поле — тигр, то в таком случае он должен считаться совершенно исключительным явлением в греческом архаическом искусстве, так как греки вообще не были знакомы с этим животным вплоть до походов Александра Македонского. Тигр водился только в немногих смежных с античным миром областях, например в Гиркании и Армении.¹ Оставляя пока в стороне вопрос о том, где мог мастер видеть тигра, мы считаем необходимым подчеркнуть, что как фигура тигра, так и вся композиция в целом выдержаны в стиле восточнотрехского искусства архаики. Так, если сравнить тигра с пантерой на ойхоное стиля Камира,² то привлекает внимание большое между ними сходство не только в общей концепции фигуры, но и в ряде деталей, например в членении правой передней лапы, в резком подчеркивании плеча и выделении полости живота. И для дерева, перед которым стоит тигр, нетрудно найти аналогии на аттических чернофигурных вазах, но особенно — в ионийской керамике. Так, центральный медальон тарелки³ (рис. 5) полностью занят развесистым деревом, по своей стилизации напоминающим дерево, перед которым стоит тигр. На фоне такого же дерева изображена охота на львицу на деретанской гидрии в Лувре.⁴ Композицию в целом повторяет ионийский резной камень⁵ конца V в., изображающий львицу, стоящую перед деревом (рис. 6).

В греческой трактовке дано и главное изображение на зеркале — группа Кибелы с двумя пантерами, которых она держит за передние лапы. Богиня — олицетворение творческих сил природы, владычица над животным царством, почитавшаяся в Малой и Передней Азии под различными именами (Кибела, Анаитис, Ма, Атаргатис и др.), очень рано была отожд-

¹ O. Keller. Antike Tierwelt, Bd. I. Leipzig, 1889, S. 61 u. f.; G. Richter. Animals in Greek sculpture, p. 13.

² Б. В. Фармаковский. Милетские вазы на юге России, табл. IX, 1.

³ M. Heupemann. Landschaftliche Elemente in der griechischen Kunst bis Polygnot. Bonn, 1910, S. 43, Fig. 2. — См. также: De Ridder. Catalogue des vases de la Bibliothèque National. Paris, 1902, fig. 96.

⁴ E. Pottier. Vases du Louvre. Paris, 1897, tab. 53, E. 698.

⁵ Burlington Fine Art Club. London, 1904, tabl. CX, M. 156.

дествлена греками с их богиней Артемидой.¹ Еще в эпоху ранней архаики, вероятно на основе образов, заимствованных с Востока, греческое ис-

Рис 5. Фонийское расписное блюдо.

кусство создало ставший на долгое время каноническим образ Артемиды — Владычицы зверей.² Группа Кибелы на зеркале как по общей композиции, так и по деталям изображения в основных чертах сходится с мно-

Рис 6. Фонийский резной камень.

численными аналогичными группами греческого архаического искусства.³ Обращает на себя внимание удачное, строго симметричное построение группы, по своим очертаниям приближающейся к форме повернутой вершиной вниз пирамиды и целиком заполняющей все отведенное для нее поле зеркала. Чрезвычайно удачно скомпонованы вытянутые фигуры пантер с обращенными впрямь к зрителю мордами.⁴ Четкость рисунка и любовь к передаче деталей, свойственные стилю мастера-декоратора зеркала, особенно ясно сказываются в данной композиции, что заметно в передаче перьев на крыльях, орнаментов на ткани и особенно пальцев и ступней богини.

¹ G. R a d e t. *Cybèbe*. Paris, 1897; W. H. R o s c h e r. *Mythologischer Lexicon*, Bd. I, S. 564 u. f.; RE, Bd. I, 1345.

² Ср.: *Ilias*, XXI, 470; Fr. S t u d n i z s k a. *Kyrene*. Leipzig, 1890, S. 153 u. f.

³ См.: G. R a d e t, указ. соч.

⁴ Ср. пантер на бронзовом родосском блюде (E. P f u h l, указ. соч., № 134) и архитектурную терракоту из Ак-Алана (Mitt. Vorderasiat. Ges., 1907, Taf. XII).

Но при сохранении общих типовых черт, свойственных изображениям Владычицы зверей в греческой архаике, некоторые детали изображения не совсем обычны. Мы уже говорили выше о прическе Кибелы, а также о своеобразном строении крыльев, растущих из чешуйчатого основания, прикрывающего также грудь богини. Такое оформление крыльев не единично в греческой архаике и, в частности, на греческом востоке.¹ В этих областях широкое распространение имел и прерывистый меандр, которым украшен хитон Кибелы.² Но для складок ткани на животе богини, обозначенных в виде групп линий, заходящих друг за друга своими концами и обрамленных мелкими черточками, мы не можем привести никаких аналогий. Это совершенно единичная для своего времени попытка оживить поверхность ткани. Об общем значении образа Кибелы в системе всей декорации зеркала см. ниже.

Переходим ко второй группе изображений на зеркале — к изображениям смешанного греко-варварского характера.

С некоторым сомнением мы относим к данной группе летящую птицу в поле 6-м. Дело в том, что летящие птицы, представленные в той же схеме, что и морской орел на зеркале, т. е. с головой и туловищем в профиль, с одной ногой и с распластанными крыльями и хвостом, принадлежат к весьма распространенным типам греческой архаики.³ Но орел зеркала отличается от архаических греческих птиц очертанием крыльев. У птиц греческой архаики очертания крыльев бывают плавные или угловатые, но обязательно вогнутые. Крылья келермесского орла выгнуты и закруглены таким образом, что вместе с очертаниями хвоста они образуют почти правильный круг. Эта черта роднит келермесского орла не с греческим типом летящей птицы, а с бляшками Мельгуновского клада,⁴ негреческое происхождение которых более чем вероятно.

Явной скифизации подвергся горный баран в 4-м поле зеркала. Форма его головы и тела и трактовка деталей полностью соответствуют художественным приемам греческого архаического искусства. Бараны такого же типа дошли до нас в большом количестве в вазовой живописи в виде фигурных сосудов, терракот, бронзовых статуэток и изображений на монетах и резных камнях.⁵ Но никогда в греческом искусстве нельзя встретить той позы, в которой представлен баран на зеркале. Греческий баран либо стоит, либо лежит, подогнув под себя ноги. Баран на келермесском зеркале покоится на нижних суставах, положенных друг на друга ног, причем тело его напряжено и голова вытянута вперед. Нетрудно установить, откуда заимствован этот мотив. Длинный ряд зверей скифского искусства, во главе с оленем из Костромской станицы, свидетельствует о том, что подобная поза для изображения отдыхающего, но готового к действию зверя выработана была в Скифии.⁶ Греческий мастер, рабо-

¹ См., например, слоновую кость из Спарты (ABS, № XIII) 1906/1907, p. 78, fig. 17, b), фрагмент вазы из Феры (G. R a d e t, указ соч., рис. 14), милето-родосскую тарелку (A. S a l z m a n n. Necropole de Camiros. Paris, 1875, tab. 59), архитектурную терракоту из Сард (Sardis, vol. X, tabl. III).

² См., например: Larisa am Hermos, Bd. II, Taf. 2, 3, 7, 22 u. a.

³ Анализ изображений летящей птицы в греческой архаике произведен Фуртвенглером в его статье о находках из Веттерсфельде (A. F u r t w ä n g l e r, указ соч., стр. 489 и сл.), где даны и многочисленные примеры подобных изображений.

⁴ См.: Е. М. Придик. Мельгуновский клад. МАР, № 31, 1911, табл. 2.

⁵ А. F u r t w ä n g l e r, указ соч., стр. 494 и сл.; Б. В. Фармаков-ский. Архаический период. МАР, № 34, 1914, стр. 12; A. S a l z m a n n, указ соч., табл. 50; H. W a l t e r s. History of ancient pottery. London, 1905, tabl. XXIV, 1; ABS, № 5, 1898/1899, tabl. 8, 3; G. R i c h t e r. Animals in Greek sculptur, tabl. XLV, fig. 139.

⁶ G. B o r o v k a. Skythian art. London, 1928, tabl. I.

тавший над декорровкой зеркала, заимствовал данный мотив из скифского искусства и придал изображенному в греческом стиле барану позу, свойственную приемам искусства скифов.

Из искусства Востока заимствована и геральдическая группа львов в 8-м поле зеркала. Каждый из двух львов этой группы, взятый в отдельности, вполне соответствует восточногреческому типу львов.¹ Нередки в греческой архаике и геральдические группы львов,² в том числе и такие, в которых противопоставленные друг другу стоящие или сидящие звери соприкасаются передними лапами. Но тщетны были бы поиски полной аналогии к разбираемой группе на зеркале в греческом архаическом искусстве. Львы в 8-м поле зеркала не просто сопоставлены в строго симметрическую группу; они борются и нападают друг на друга, поэтому они сцепились тремя лапами и обратили друг на друга широко раскрытые пасти. Прямая параллель к этой композиции находится на ряде памятников, сопоставленных Б. Б. Пиотровским,³ указавшим на Закавказье как на родину «этой необычной для скифского искусства композиции». Это костяная пластинка из Кармир-Блур, бронзовая бляха из скифского могильника на Тамани и рельеф на ножах акинака из Литого кургана.⁴ К этому роду памятников присоединяется и группа из 8-го поля келермесского зеркала, отличающаяся впрочем той особенностью, что львы даны здесь в греческой стилизации.

Большие трудности для толкования представляет группа в 5-м поле зеркала, изображающая борьбу двух героев с грифоном. Схема построения группы, состоящей из двух человеческих фигур и помещенного между ними стоящего на задних лапах чудовища, явно восходит к сложившимся в Месопотамии еще в IV и III тысячелетиях, применительно к эпосу о подвигах Гильгамеша и Эбани, композициям. Существуют различные варианты этой композиции: один герой в борьбе с одним зверем (исходная схема), герой в центре с двумя зверями по сторонам от него, два героя и один зверь между ними и, наконец, герой или героиня в борьбе с целым сонмом зверей и чудовищ.⁵ Для всех этих вариантов характерно, что как герои, так и звери всегда стоят рядом во весь рост, борьба происходит рукопашную и герои при этом сохраняют полное спокойствие, а возбуждение зверя сказывается обычно только в изображении раскрытой пасти.

Эти композиции из Месопотамии перешли к хеттам и ассирийцам и дожили в искусстве Передней Азии до эпохи греческой архаики. Их неоднократно копировали художники Финикии, Кипра и Этрурии.⁶

Греческое архаическое искусство, вероятно через посредство Финикии и Кипра, было знакомо с образами героев древней Месопотамии. На одном из бронзовых щитов начала VII в., найденных в Идейской пещере

¹ Ср., например, монеты Кизика (G. Richter. *Animals in Greek sculpture*, fig. 9), перетанские гидрии (Antike Denkmäler, Bd. II, Taf. 28; G. Perrot et Ch. Chiriez, указ. соч., т. IX, рис. 259), клазоменскую вазу (Clara Rhodos, vol. IV, tav. II), клазоменские саркофаги (E. Pfuhl, указ. соч., рис. 141) и особенно архитектурные терракоты из Сард (Sardis, vol. X, tabl. V) и из Ак-Алана (Mitt. Vorderasiat. Ges., 1907, Taf. XI и XII; H. Pape, указ. соч., стр. 67 и сл.).

² См., например: H. Pape, указ. соч., стр. 69 и сл.; G. Richter. *Catalogue... of Bronzes*, p. 8, fig. 13; E. Pfuhl, указ. соч., рис. 135.

³ Б. Б. Пиотровский. Урарту. Ереван, 1944, стр. 323, рис. 108.

⁴ К примерам, собранным Пиотровским, можно добавить: M. Rostovtzeff, указ. соч., табл. 5, 3 (бронзовое навершие из Каппадокии); H. Pape. *Perachora*. Oxford, tabl. 44, 5, 138, fig. 20.

⁵ L. Curtis. *Gilgamesh und Eabani*. Abh. Bayer. Akad., Bd. 27, 1912, Fig. 20.

⁶ См.: Fr. Poulsen. *Der Orient und frühgriechische Kunst*. Leipzig, 1912, S. 31; S. 130, Fig. 144; S. 123, Fig. 133; H. Walters. *Catalogue of bronzes of the British Museum*. London, 1899, № 1356.

на Крите, сам верховный греческий бог Зевс представлен в схеме бога или героя восточного искусства, держащего над головой побежденного им льва.¹ На золотых штампованных пластинках из Коринфа, относящихся примерно к тому же времени, повторена восточная группа героя в борьбе с двумя львами.² На одновременной пластине из слоновой кости из Спарты встречается подобная же композиция.³ Таким образом, группа келермесского зеркала не представляет собой совершенно исключительного явления в искусстве греческой архаики, однако по ряду признаков она все же уникальна и не имеет аналогий ни в греческом искусстве, ни в искусстве Востока. Построение группы, как мы видели, восходит к древней Месопотамии, отдельные ее фигуры даны в греческой стилизации, а содержание, как мы полагаем, связано со скифским героическим эпосом.

Героев, борющихся с грифоном, в разбираемой группе никак нельзя считать прямыми копиями с Гильгамеша или Эбани. Прически их примерно соответствуют прическам сфинксов и Кибелы на том же зеркале; у них длинные бороды, но отсутствуют усы, что соответствует греческой моде VII в., но никогда не встречается на изображениях Гильгамеша и Эбани. В литературе эти фигуры обычно именуется силенами. И действительно, греческая архаика изображала этих демонов, пользуясь примерно теми же художественными приемами, какие применены в нашей группе для передачи сплошь покрытого волосами нагого тела героев.⁴ Однако у фигур на зеркале нет ни хвоста, ни длинных звериных ушей, и поэтому идентификация их с силенами отпадает. Что касается грифона, то он, как мы уже указывали, дан здесь в чисто греческом, точнее — в восточногреческом оформлении. Следует, однако, заметить, что греки склонны были считать грифона чудовищем мирным и никогда не изображали его борющимся с героями и богами.⁵ В то же время и в восточных композициях этого типа никогда, насколько нам известно, не фигурирует грифон.

Невольно вспоминается скифская легенда об одноглазых аримаспах, борющихся с грифонами. В произведении, выполненном для скифского вождя, эта тема была бы весьма уместна.⁶ Повидимому, эта сцена занимала важное место в украшении зеркала, так как она, подобно группе Кибелы с пантерами, одна заполняет целое 8-е поле, если не считать расположенной внизу орнаментальной плетенки. Как известно, борьба аримаспов с грифонами принадлежала к самым популярным темам в репертуаре греческих мастеров, работавших в северном Причерноморье, и нам кажется весьма вероятным, что келермесское зеркало дает нам первый, наиболее древний извод этой легенды в изобразительном искусстве. Правда, герои келермесской группы совсем не похожи на прекрасных юношей в условной восточной одежде, олицетворявших аримаспов в искусстве V и IV вв., но нельзя забывать о том, что образы многих богов и героев греков прошли через ряд трансформаций, прежде чем окончательно установился их канонический тип. Не противоречит нашему толкованию и то обстоятельство, что аримаспы здесь не одноглазые, как это требуется литературной традицией. Ведь и сам Полифем в архаическом искусстве изображался иногда с двумя глазами и юноши аримаспы классического

¹ Museo Italiano. Atlas, tabl. I; Fr. P o u l s e n, указ. соч., стр. 82, рис. 77.

² A. F u r t w ä n g l e r, указ. соч., табл. 15, №№ 5 и 7.

³ R. D a w k i n s. Arthemis Orthylia. London, 1929, tabl. CV.

⁴ Ср., например: JHS, vol. 44, 1924, tabl. VI, № 17, p. 218.

⁵ W. H. R o s c h e r. Lexikon, I. 1757.

⁶ Об эпосе скифов и изображениях, из него заимствованных, на памятниках искусства северного Причерноморья, см. чрезвычайно интересную статью Б. Н. Гракова «Скифский Геракл» (КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 7—18).

искусства никогда не бывают одноглазыми. Таким образом, мы полагаем, что перед греческим мастером-декоратором зеркала поставлена была задача поместить сцену из скифского эпоса на зеркале, предназначенном для скифского вождя, и он справился с этой новой для него задачей, воспользовавшись знакомыми ему композиционными схемами искусства Востока, которые он переработал в эллинском стиле, влив в эту композицию совершенно новое содержание.

Переходим к двум последним фигурам, которые мы считаем прямыми копиями с типов, созданных искусством Востока. При взгляде на кабана во 2-м поле зеркала сразу привлекает внимание его полное несоответствие с обычным типом этого зверя в греческом архаическом искусстве.¹ У кабана на зеркале большая голова и тщедушное тело, у греческих кабанов, наоборот, маленькая голова и чрезвычайно грузное туловище. Щетина зверя, которая на греческих изображениях почти всегда дается в виде высокого гребня, тянущегося вдоль всей спины или только вдоль шеи, едва намечена здесь узкой полоской вертикальных штрихов на шее животного.² Совершенно необычна и поза кабана, с параллельно поставленными в косом направлении четырьмя ногами, из которых две задние чрез-

Рис. 7. Золотая обкладка секиры из Келермеса. Деталь.

мерно длинны, — поза, которая по-своему удачно передает силу и упрямство, свойственные данному зверю. Близкая аналогия для нашего кабана имеется на предмете, найденном также в одном из курганов Келермеса, но принадлежащем к иному художественному кругу, чем зеркало. На золотой обкладке секиры (рис. 7)³ среди прочих зверей имеется изображение стоящего кабана, который не только по позе и общему облику (форма туловища и головы со стоящими ушами), но и по ряду деталей, как то: членение суставов ног, выделение лопаток и полости живота, скупо обозначенная щетина, может рассматриваться как прямое повторение кабана на зеркале. Из своих обычных художественных приемов мастер сохранил здесь только сплошное покрытие туловища нарезками и двойные косые черточки, отделяющие друг от друга суставы задних ног. Это мелкие подробности, которые отнюдь не нарушают общего впечатления о негреческом характере образа в целом.

Помимо золотой обкладки секиры, можно привести еще один памятник, сохранивший тот же тип кабана. Это маленькая фигурка из слоновой кости, найденная в Эфесе в субструкциях архаического храма Артемиды, в не датированном слое и потому не поддающаяся точной хронологической фиксации, но несомненно относящаяся ко времени не позже начала VI в.⁴ Так как этот кабан повторяет тип зверя, зафиксированный на зеркале и на секире, то в нем скорее всего следует видеть импорт с Востока.

Фигуры животных на золотой обкладке секиры из Келермеса, сработанной скифским мастером,⁵ не однородны по своему происхождению:

¹ См., например: Clara Rhodos, vol. IV, fig. 14; vol. VI/VII, p. 492, fig. 19; Mori-Jean, указ. соч., рис. 53 и 54; A. Furtwängler, указ. соч., стр. 489 и сл., где дан анализ типа этого зверя в греческой архаике.

² В редких случаях щетина отсутствует и на греческих изображениях кабана (см.: AM, Bd. XLVIII, 1933, Beil. XIX, № 5; Mori-Jean, указ. соч., стр. 56, рис. 51).

³ M. Rostovtzeff, указ. соч., табл. VIII, 1.

⁴ D. G. Hoggarth. Ephesus. London, 1908, tabl. XXVI, №№ 3, 43, 164.

⁵ Б. Б. Piotrovskij. Кармир-Блур. I. Результаты раскопок 1939—1949 гг. Ереван, 1950, стр. 88 и сл.

одни из них явно взяты из скифского искусства, другие из искусства Урарту. Не вполне ясно также, откуда идет тип кабана в описанной стилизации. С одной стороны, слоновая кость из Эфеса говорит в пользу Малой Азии или Закавказья, с другой, подобные кабаны живут в скифском искусстве в течение длительного периода времени, как это видно по ножнам меча из станицы Елизаветовской¹ и по ажурным пластинкам из Александропольского кургана.² Но как бы то ни было, кабан зеркала — прямая копия с этого скифо-урартского типа кабана.

Никаких сомнений не вызывает образец, с которого скопирован свернувшийся хищник в 3-м поле. Это один из наиболее популярных в скифском искусстве звериных образов, самым выдающимся примером которого можно считать золотую пластину из тех же Келермесских курганов³ (рис. 8). Обращает на себя внимание большое количество изображений свернувшегося хищника на вещах, происходящих из Келермесских курганов.⁴ Невольно возникает предположение, не имел ли этот образ какого-то особого значения для скифских вождей, погребенных в курганах Келермеса; тогда помещение его на зеркале становится особо знаменательным. Греческий мастер в данном случае постарался точно скопировать скифский образец. Он даже отказался от привычного ему приема передачи волосяного покрова животного при помощи мелких насечек и передал довольно точно позу хищника, его округлую голову, морду и ухо. И все же копия удалась не вполне: концы лап, правда, свернуты, но они не смыкаются в кольцо, как у скифских хищников, и хвост передан реалистически, а не орнаментально.

После произведенного подробного анализа отдельных фигур, изображенных на зеркале, перед нами встает ряд вопросов, касающихся всего памятника в целом. Прежде всего мы спрашиваем себя: представляют ли украшения зеркала случайный набор разрозненных образов, помещенных только с декоративными целями или вся эта длинная серия отдельных фигур и групп подчинена какой-то общей идее? Нам кажется несомненным второе решение этого вопроса.

Как известно, многим племенам, находящимся на сравнительно низкой ступени общественного развития, свойственна вера в магическую силу зеркала.⁵ Отсюда стремление помещать на этих предметах изображения и надписи, увеличивающие их магическую силу. Особенно интересны в этом отношении китайские зеркала, которые дают не только изображения, но и пояснительные к ним надписи.⁶ Серия этих зеркал начинается с IV в. до н. э., но, судя по литературным данным, подобные изделия существовали в Китае и много раньше. Мы приведем здесь два примера надписей на китайских зеркалах, заимствуя их с английского перевода китайского текста, данного Калгреном.

На одном зеркале написано:⁷ «Танг-Фанг сделал зеркало; оно блестит как солнце и луна и освещает вселенную. Налево — Голубой Дракон,

¹ Г. В о г о в к а, указ. соч., табл. 12.

² И. Т о л с т о й и Н. К о н д а к о в. Русские древности, вып. II. СПб., 1889, стр. 101, рис. 89.

³ Г. В о г о в к а, указ. соч., табл. 12.

⁴ Кроме пластины в виде пантеры и зеркала, оно встречается на ручке бронзового зеркала, на толстом предмете в форме ключика (псалии?), на золотой обкладке секиры, на изделиях из кости и, наконец, на кайме так называемой золотой доски с оленями.

⁵ J. G. F r a z e r. Taboo and perils of the soul. London, 1914, p. 92.

⁶ Bernhard K a l g r e n. Early chinese mirror inscriptions. The Museum of Far Eastern antiquities, Bull. № 6, Stockholm, 1934.

⁷ Там же, стр. 68, № 238.

Рис. 8. Свернувшийся хищник. Золотая пластина из Келермеса.

направо — Белый Тигр; изготовитель следовал добрым принципам и правилам порядка: [имеются там] Красная Птица и Черный Воин; да будут ваши сыновья и внуки многочисленны и благополучны». Согласно толкованию Калгрена, Голубой Дракон, Белый Тигр, Красная Птица и Черный Воин, т. е. черепаха, олицетворяют части небесного свода.

На другом зеркале начертано:¹ «Кю-Хю царь рогатых животных каждый день приносит радость. Когда собственный образ отражается в этом зеркале, то это в самом деле отрадно. На нем Дракон и Тигр и еще четыре зверя. Да сохраняются Вам на долгие годы ваши родители. Да будете вы спасены от бедствий. Да будут сыновья ваши и внуки послушны и мирны. Да будет ваш дом богат и блестящ. Да будете вы столь же безграничны, как небо. Да получите вы великое счастье».

В этих и подобных им многочисленных китайских надписях отражается вера в магическую силу зеркал, украшенных фигурами фантастических и реальных животных — заступников человека. Сходные представления, надо думать, лежат в основе декорировки и келермесского зеркала. У скифов архаической эпохи еще жива была вера в животных как носителей божественного начала. В данном случае эти малые боги подчинены высшему божеству в человеческом образе — богине Кибеле, пришедшей к скифам из Малой Азии. Звери и звероподобные чудовища, изображенные на зеркале, усиливают его магические свойства, а повелительница всех этих существ богиня Кибела с высокой горы взирает на свое царство и направляет его таинственные силы на благо владельца зеркала — скифского вождя, обеспечивая ему богатство, могущество и счастье. Таков примерно смысл украшения зеркала. Мастер-декоратор решил трудную задачу передачи столь сложного художественного замысла при помощи обычных приемов греческого архаического искусства, когда художники еще не умели придать единство многофигурной композиции и отдельные ее части оставались разобщенными.

Таким образом, убранство келермесского зеркала отражает идеологию потребителя, и мы теперь можем характеризовать зеркало по существу как скифский памятник — скифский не только по форме, но и по отраженной в нем идеологии, лишь внешним образом эллинизованный в его художественном оформлении.

Мастеру-декоратору, если он действительно был грек, идеология, отраженная им в его работе, была чужда. Он работал, сообразуясь с требованиями заказчика, может быть даже по прямым его указаниям, и старался не только воплотить в художественные образы близкие скифскому вождю представления, но даже, как мы видели, внес много скифских элементов в художественное оформление зеркала.

Эти чуждые греческой архаике мотивы и были причиной того, что многие исследователи, высказывавшиеся по вопросу о греческом или негреческом происхождении мастера, изготовившего зеркало, склонялись в пользу его принадлежности к варварскому миру.² Между тем, как нам кажется, именно эти детали при внимательном их изучении способны убедить в обратном, т. е. в том, что украшение зеркала было выполнено греческим мастером, в известной мере подлаживавшимся под искусство варварское, а не мастером-варваром, подражавшим греческим образцам и копировавшим их.

Произведенный нами детальный анализ отдельных фигур и орнаментов показал, что большинство элементов украшения носят греческий харак-

¹ Bernhard Kalgrén, указ. соч., стр. 28, № 10.

² См. примечание 1 на стр. 281.

тер. Важно, однако, не количественное соотношение, а тот факт, что эти греческие образы и мотивы даны, так сказать, в чистом, неискаженном виде и находят близкие параллели в восточногреческом искусстве не только в отношении типологии образов и общих художественных приемов, свойственных определенной ступени развития греческого искусства, но даже в мелких деталях при передаче строения тела, складок и украшений одежды. Благодаря другим находкам в том же Келермесе и в Литом кургане, главным образом золотой обкладке секиры и золотым ножнам меча, мы знаем, что скифские мастера копировали, и хорошо копировали, образцы чуждого им искусства, в данном случае искусства Урарту и Ассирии.¹ Однако эти копии выдают себя рядом непонятых деталей. Совершенно ясно, что копиист скиф не понимал значения тех образов, которые он передавал в своей работе, и относился к ним в известной мере формально.

Как же могло случиться, что те же скифские мастера с такой поразительной точностью передали греческие оригиналы, сохранив в неприкосновенности не только типы и художественные приемы, но даже самый стиль, то свойственное греческой архаике живое восприятие реального мира, которое в убранстве зеркала с особой силой проявилось в фигурах лисички и эгагра и в группе льва, нападающего на быка? Далее: почему заимствованные из искусства Востока композиции, как геральдическая группа львов в поле 8-м, группа аримаспов с грифоном, грецизированы, хотя греческому искусству такие композиции чужды и скифский мастер не мог с ними познакомиться через посредство греческих памятников? И, наконец, почему именно те образы, которые либо носят ясные следы подражания скифскому искусству, либо являются прямыми копиями скифских изделий, отклоняются от скифских образцов и допускают ряд неточностей, непонятных, если считать их работой скифского мастера? Почему прилепший на землю, на манер скифских зверей, баран дан в чисто греческом оформлении, и особенно почему свернувшийся хищник в 3-м поле, фигура, много раз повторенная на других произведениях несомненно скифского изделия из того же Келермеса и, как нами было высказано выше, вероятно имевшая какое-то особое значение для лиц, погребенных в Келермесских курганах, именно на зеркале и только на зеркале дана с существенными отклонениями от твердо установившегося в скифском искусстве типа?

Нам кажется, что все эти несомненные и объективно устанавливаемые факты можно объяснить, только предположив, что мастер-декоратор был греком, воспитанным на традициях греческого архаического искусства, но работавшим в данном случае для чуждой ему общественной среды, к которой он и постарался по мере возможности приспособить свое творчество, не будучи в то же время в состоянии отказаться от привычных ему художественных приемов и навыков.

Дальнейшим подтверждением этого вывода может служить тот факт, что греческое искусство мастера зеркала своими корнями уходит в определенную, топографически ограниченную область, с которой связана особая разновидность греческого архаического искусства. При анализе отдельных элементов декорации мы приводили много аналогий, и все они были взяты из искусства восточной Греции, т. е. греческой Малой Азии и прилегающих островов. Мы видели, что отдельные, в том числе и эллини-

¹ Особенно показательны в этом отношении недавно опубликованные, найденные в местечке Саккыз к югу от оз. Урмия, золотые предметы, прямые аналогии к упомянутым вещам из Келермеса и Литого кургана (см.: R. G h i r s h m a n. Notes Iranianes. IV. Le Trésor de Sakkez. Artibus Asiae, vol. XIII, 3, 1950.

званные образы, взятые из искусства Востока, как сфинксы, грифоны, Кибела, даются здесь в восточногреческом оформлении, как твердо установившиеся в искусстве греческого востока типы. Кроме того, можно отметить и ряд отдельных черт, как то: передачу прически, стилизацию тел животных и орнаментов, которые в точности соответствуют передаче этих деталей в восточногреческом искусстве архаической эпохи. Эти сопоставления не оставляют сомнений в том, где следует искать истоки художественного стиля келермесского зеркала.

И все же, несмотря на многочисленные точки соприкосновения с искусством восточной Греции, трудно назвать такую группу изделий, к которой можно было бы без оговорок причислить разбираемый нами памятник. В частности, стиль мастера-декоратора зеркала с его удлинненными пропорциями, изяществом рисунка, при некоторой сухости и стремлении к декоративной эффектности, совершенно не согласуется с широкой, расплывчатой и грубоватой манерой ионийских мастеров. По стилю гораздо ближе к зеркалу аналогии, привлеченные нами из находок Ларисы — небольшого города из области Эолии. Это совпадение, вероятно, не случайно. С искусством северной Ионии и Эолии мы пока почти не знакомы, но находки в Ларисе позволяют утверждать, что оно представляло собой своеобразное ответвление от общего восточногреческого корня. Такое определение, по нашему мнению, полностью подходит и к художественному языку мастера зеркала. Общее впечатление чего-то несколько отличного от знакомого нам искусства восточногреческой архаики, невольно создающееся при взгляде на келермесское зеркало, и объясняется, как мы полагаем, тем обстоятельством, что оно ближайшим образом было связано с таким разделом этого искусства, которое нам еще почти не известно, так как все крупные центры Эолии — Фокея, Килмы, Теос — еще не подвергались археологическим исследованиям. Действительно, художественный стиль убранства келермесского зеркала стоит особняком среди произведений греческой архаики, но, как мы старались показать, это касается лишь художественного преломления чисто греческого языка форм. Это, так сказать, диалект одного языка, а не другой, чуждый язык, и мы на этом основании не можем считать мастера-декоратора зеркала не греком.

Что касается времени, к которому следует отнести изготовление зеркала, то как указано, мнения отдельных исследователей здесь значительно расходятся. Ранняя датировка концом VII в.¹ основывается на принятой Кинком и ныне всеми оставленной периодизации милето-родосских ваз по форме крыльев грифонов и сфинксов, на них изображенных. Поздняя датировка 60-ми годами VI в. была предложена Пейном² и Шефольдом³ главным образом на основании сопоставления группы льва, терзающего быка, с такой же статуарной группой на афинском акрополе. При анализе данной группы на келермесском зеркале мы уже указали на искусственность подобного сближения и в свою очередь привлекли в виде аналогии черепок навкратийской (хиосской) вазы, по обстоятельствам находки, датируемый временем до 570 г.⁴ Отчасти на основании этой аналогии мы склонны датировать зеркало 80-ми или 70-ми годами VI в., в чем нас убеждают еще следующие наблюдения. Большая часть аналогий, приведенных нами при анализе орнаментов и изображения на

¹ См.: Г. И. Б о р о в к а, указ. соч.

² Н. Р а у н е. *Nesgocorinthia*.

³ К. S c h e f o l d, указ. соч.

⁴ См. стр. 292.

зеркале, падает на милето-родосские вазы так называемой группы Эфорба, расцвет которой приходится на первую четверть VI в., и на датированные тем же временем памятники из Ларисы на Гермосе. На то же время указывают и форма капители колонки в 3-м поле зеркала и, наконец, отсутствие усов при наличии длинной бороды у аримаспов в 5-м поле зеркала — распространенная в греческом мире мода, исчезнувшая еще в первой четверти VI в.¹

Итак, наши рассуждения привели нас к выводу, что мастер-декоратор келермесского зеркала был греком-эолийцем, работавшим в 80-х и 70-х годах VI в. Этим, однако, еще не решается вопрос о месте изготовления зеркала. Отдельные исследователи, как мы видели, в этом отношении не согласны между собой, и предположения их весьма различны. Нам кажется, что должны быть окончательно оставлены гипотезы об импорте зеркала в Скифию из далеких стран. Скифская идеология, нашедшая себе яркое отражение в убранстве зеркала, скифская форма последнего, а главное разделение труда при производстве одного предмета между скифом изготовителем основы и греком декоратором зеркала настоятельно требуют объединения обоих мастеров и потребителя на одной территории, каковой могла быть только Скифия или пограничная с ней область. Поэтому при поисках места изготовления зеркала следует остановить свое внимание только на таких областях, где налицо имелась возможность совместной работы скифского и греческого мастеров и притом в непосредственной близости от заказчика — скифского вождя.

При этих условиях можно иметь в виду лишь два района. Это, во-первых, греческие поселения на Тамани, географически близкие к Кубани и, согласно греческой литературной традиции, частично основанные выходцами из тех районов северной Ионии или Эолии, откуда предположительно происходил и мастер-декоратор зеркала, а именно в первую очередь Фанагория.² Правда, археологические данные, которыми мы располагаем, указывают на более позднюю дату основания этих колоний, чем дата изготовления зеркала, но эти данные не могут считаться окончательными, и весьма возможно, что будущие археологические открытия заставят нас отодвинуть время появления греков на Тамани на несколько десятилетий в глубь VI в.

Второй возможный район, в пределах которого могло быть изготовлено зеркало, — это Закавказье, где в VII и еще в начале VI в. существовало скифское царство. Оттуда, по всей вероятности, были привезены на Кубань и многие золотые изделия, входившие в состав инвентаря погребений в Келермесских курганах.³ Возможно, что и зеркало было в их числе. У нас, правда, пока нет никаких прямых доказательств пребывания греческих мастеров в этих районах в столь раннюю эпоху. Однако сношения Закавказья и, в частности, Урарту с Средиземноморьем достаточно засвидетельствованы бронзовыми изделиями урартского происхождения, находимыми не только в Греции, но и в Италии.⁴ А в последние годы в Кармир-Блуре найдены были печать и золотая серьга

¹ Н. К о с с. Die Metopen von Thermos. AM, Bd. XXXIX, 1914, S. 244.

² Основание Фанагории выходцами из Теоса засвидетельствовано Периплом Псевдо-Скимна (ст. 886—889) и Аррианом в отрывках из «Истории Вифинии» (SC, т. I, 1893, стр. 198).

³ См.: А. А. Н е с с е н. Греческая колонизация северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 44 и сл. и указанную там литературу.

⁴ Б. Б. П и о т р о в с к и й. Урарту, стр. 226 и сл.; G. К а г о. Der Orient und Hellas in archaischer Zeit. AM, Bd. XLIV, 1920, S. 143 u. f.

средиземноморского типа.¹ Таким образом, торговые сношения Закавказья с греческим миром уже в архаическую эпоху несомненны, и в настоящее время можно даже говорить о двух путях, по которым могли идти эти сношения. Это, во-первых, путь на Синопу² через Трапезунт и, во-вторых, более прямой южный путь через недавно открытый в северной Сирии у устья р. Оронта греческий эмпорий в Аль-Мина, функционировавший, как показали раскопки, еще во II тысячелетии и затем примерно с 800 г. до эпохи эллинизма и основания Селевкии.³

В пользу предположения о Закавказье как о родине зеркала говорят и следующие наблюдения. Во-первых, материал зеркала — серебро — находится в горах Закавказья и северо-востока Малой Азии и отсутствует на Кубани и на Тамани. Во-вторых, изображенное в 4-м поле зеркала животное — тигр — вовсе не было известно грекам до походов Александра Македонского, но оно водилось в горах Армении и Гиркании. Выразительность и живость, присущие изображению тигра на зеркале, заставляют предполагать, что исполнивший его мастер имел возможность наблюдать этого зверя в натуре.

Как бы ни разрешился вопрос о месте изготовления зеркала в будущем, в результате дальнейших археологических открытий, келермесское зеркало всегда сохранит свое значение выдающегося памятника искусства, ярко характеризующего культуру верхушки скифского общества Прикубанья архаической эпохи — культуру, по существу своему скифскую, но проникнутую передне- и малоазиатскими элементами и начавшую уже воспринимать греческие влияния, которым суждено было сыграть выдающуюся роль в дальнейшем развитии скифского общества этого района.

¹ Б. Б. П и о т р о в с к и й. Кармир-Блур, стр. 83, рис. 53.

² G. K a g o, указ. соч., стр. 106 и сл.

³ C. L. W o o l e y. The excavations at Al-Mina Sueidia. JHS, vol. LVIII, 1938, p. 1—30, 133—170; Sidney S m i t h. The Greek trade of Al-Mina. Antiquar. Journ., 1942, № 2, p. 87—112.

В. М. С К У Д Н О В А

СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ НИМФЕЯ

Вопрос об уточнении даты основания древнегреческих городов северного Причерноморья имеет важное значение. В настоящее время большинство исследователей сходятся во мнении, что почти все причерноморские города основаны около середины VI в. до н. э. В отношении Нимфея этот вопрос представляет особый интерес, так как в современной литературе Нимфей часто рассматривается как колония, принадлежащая Афинам, причем его возникновение связывается с пребыванием Перикла на Черном море. Поэтому для нас важно на фактическом материале выяснить время основания Нимфея.

Проведенные в последнее время раскопки открыли в Нимфее архаический слой. Уже в первые годы работ экспедиции (1939—1941) были найдены обломки ионийских сосудов конца VI в. до н. э., а за последнее время открыты остатки зданий VI в. до н. э. — святилища на нижней террасе городища и несколько зданий на верхнем плато.¹

Архаический слой в Нимфее чрезвычайно насыщен привозной керамикой из Самоса, Родоса, Клазомен и Афин VI в. до н. э., некоторые обломки относятся даже к началу этого века.² Таким образом, полученный раскопками археологический материал позволяет относить основание Нимфея к первой половине VI в. до н. э.

Но, кроме определения даты начала жизни города, исследование культурных напластований VI в. до н. э. дало интересные находки: при зачистке материка в нижнем горизонте архаического слоя и в материковых ямах найдена скифская лепная керамика. Значительное место занимают обломки чернолощенных сосудов: больших горшков и корчаг с резным узором из заштрихованных острых углов. Много небольших горшочков с серым лощением украшено тем же резным узором. Нелощенные обломки происходят от лепных горшков разного размера, иногда с ямочным или ногтевым орнаментом по краю.

Скифская лепная керамика была найдена главным образом в раскопе «С» на небольшом участке в 300 кв. м, расположенном на мысу городища, вблизи древней гавани Нимфея. Здесь в материке были расчищены 17 ям (рис. 1, 1—17). Большинство из них было перекрыто зданиями Нимфея архаического и классического времени,³ причем ямы, над кото-

¹ М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 245, рис. 8 и стр. 236, рис. 2.

² Там же, стр. 250, рис. 12, 1.

³ Там же, стр. 236, рис. 2.

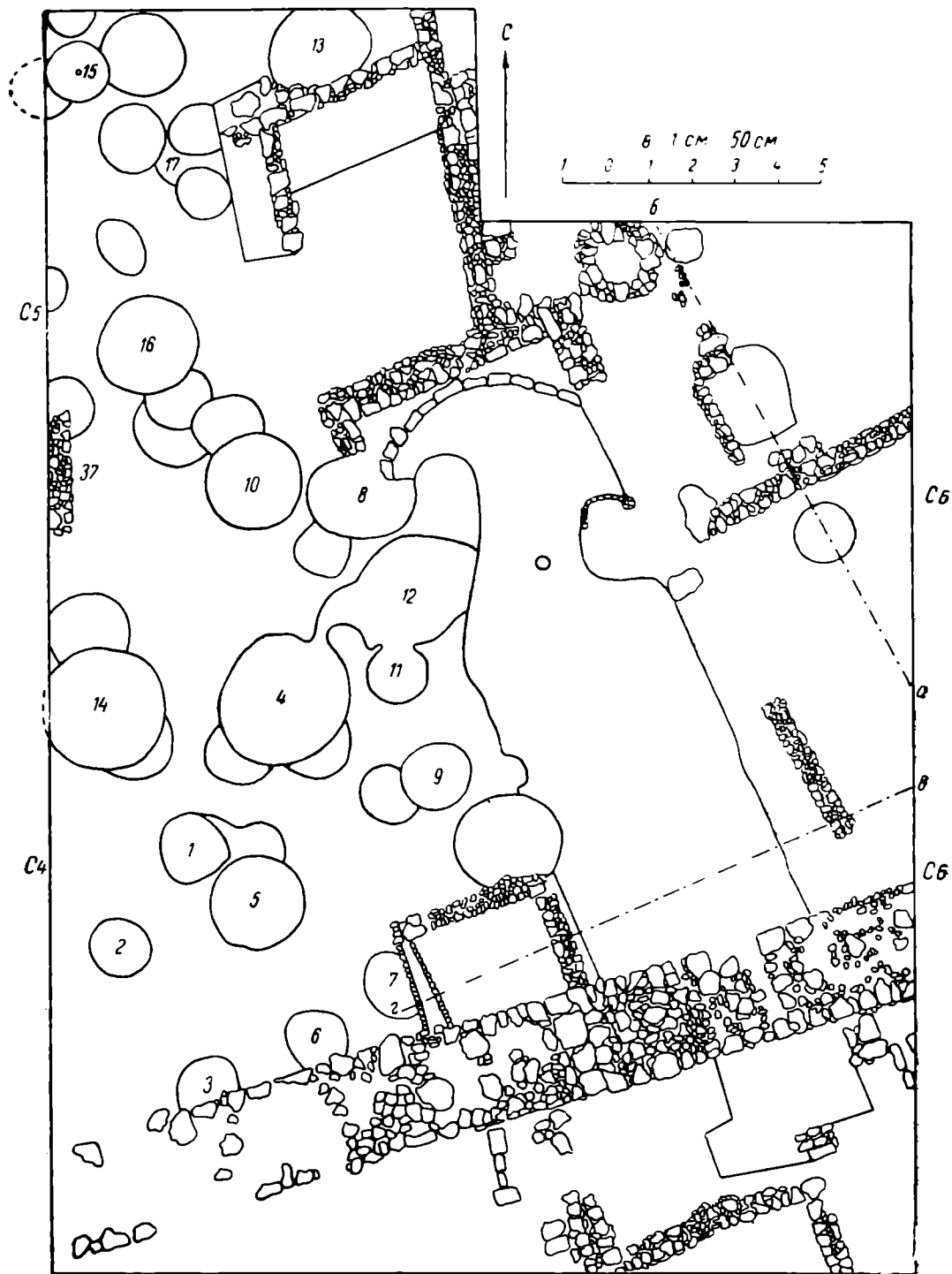

Рис. 1. План раскопа С. (По М. М. Худяку, 1952).

1—17 — ямы; 37 — стена VI в. до н. э.

рыми возводились постройки для укрепления грунта под фундаментами зданий, были завалены большими камнями. Подобную картину отмечает и Б. В. Фармаковский в Ольвии при исследовании остатков домов, перекопанных материковые ямы.¹

Ямы со скифской керамикой в материке Нимфея свидетельствуют о жизни, предшествовавшей основанию города, и освещают мало известный начальный период истории городов северного Причерноморья. Разумеется, небольшие размеры раскопанного участка ограничивают исследование вопроса взаимоотношений скифской и греческой культуры, тем не менее найденный скифский материал и условия его залегания заслуживают особого внимания.

Материковые ямы со скифской керамикой, раскрытые в Нимфее, — небольшого размера и по большей части неправильной круглой формы. Расположены они близко друг от друга, а иногда соединены по две или по три.²

Самая большая яма 4, округлой формы, врезана в материк на 1.1 м; ее диаметр 2.9 м. На высоте 30 см от дна в западной стене ямы вырезана ниша полукруглой формы, длиной 51 см, высотой 48 см. У южной стены ямы расположены две серповидные выемки,³ длина которых почти одинакова — 1.50 м и ширина 62 и 80 см. Восточная стенка ямы, резко понижаясь, подходит к очагу, который приподнят над полом на 35 см. Очаг эллипсоидной формы, размером 80×55 см. Под очаг был положен большой дикарный камень. С северной стороны пол ямы, так же как и с востока, понижается к очагу.

Рис. 2. Обломок лепного горшка из ниши ямы 4. (Колл. Эрмитажа).

В яме 4 найдено значительное количество лепных сосудов — горшков с отогнутым венчиком, чашечек с резным узором по краю, а также обломки чернолощенных больших сосудов с резным орнаментом из заштрихованных острых углов. В нише лежали обломки больших горшков без лощения, на одном из них у дна имеется ряд сквозных отверстий (рис. 2). В проходе между ямами 4 и 12 лежал маленький обработанный кремний. Из 37 костей животных, найденных в яме 4, определены кости овцы, домашнего быка и лошади; в нише обнаружены еще одна кость лошади и одна овцы.⁴

Проход из ямы 4 выводит в яму 12,⁵ грушевидной формы, расположенную ниже ямы 4 на 67 см. В южной стене ямы 12 прорезан ход, шири-

¹ ОАК за 1905 г., стр. 20.

² Ямы занумерованы в порядке их открытия в 1948 и 1949 гг.

³ М. М. Худяк, указ. соч., стр. 237, рис. 3, верх.

⁴ Кости определены В. И. Бибиковой.

⁵ Яма 12 врезана в материк на 1.29 м; диаметр дна с востока на запад 2.73 м, с юга на север 2.13 м. В восточной стенке ямы, уходящей под глинобитный пол здания с абсидой, намечается как бы выход. Яма 12 соединена с ямой 11, дно которой выше пола ямы 12 на 42 см. В яме найдено 7 обломков лепных сосудов и 10 обломков костей животных (не определимы).

ной 52 см, в соседнюю яму 11, также грушевидной формы,¹ в которой найдено значительное количество обломков лепных горшков, преимущественно с черным и серым лощением. Некоторые из них украшены тем же характерным резным орнаментом из заштрихованных острых углов. На одном обломке над резным орнаментом исполнены вдавленные кружки. Кроме керамики, в яме обнаружена морская раковина, неопределимые обломки костей животных и 3 кости красной рыбы.

На юг от этой группы ям расположена яма 9 с диаметром дна 1.56 м. Она врезана в материк на 92 см. В западной ее стенке имеется выемка. Обломков лепных сосудов в этой яме найдено 5, на некоторых сохранились следы лощения. Кроме того, встречен обломок светложелтого кремня. Костей в этой яме не было.

Такой же по устройству является яма 15, с выемкой; диаметр ямы 1.5 м. Выемка почти круглая в плане; длина ее 1.5 м, ширина 90 см. В центре хорошо утрамбованного пола ямы сохранились небольшие углубления круглой формы, возможно следы шестов от перекрытия ямы. В стенке ямы расположен проход шириной в 1 м, ведущий во вторую яму. Большая мусорная яма III в. н. э., расположенная над ямой 15, прорезала все культурные слои, дойдя до дна ямы, поэтому материала, относящегося к яме 15, не найдено.

Рис. 3. Костяное изделие из ямы 5.
(Колл. Эрмитажа).

Остатки двух выемок сохранились в яме 14² и одной в яме 5.³ В яме 14 среди 14 обломков лепных сосудов должен быть отмечен фрагмент лощеного горшка с отогнутым краем, украшенный резным узором из заштрихованных углов, над вершинами которых идет ряд углублений (табл I, I). В яме 5 найдена поделка из кости с зубцами по краю; на одном ее конце нацарапана волюта (рис. 3). Остальные ямы, в которых были найдены обломки лепных сосудов, имели неправильную округлую форму, небольшую глубину и разные размеры.⁴

¹ Яма 11 врезана в материк на 1.07 м; диаметр дна 1.59 м.

² Яма 14 врезана в материк на 1.50 м; диаметр дна 2.65 м. Северная выемка, почти круглая (длина 1.70 м, ширина 1.30 м), была заполнена золой, в которой попадались зерна карликовой пшеницы; южная выемка сильно разрушена. На стенках ямы имеются следы грызунов, кости которых попадались в нижних слоях ямы. Правда, остатков зерна в ней не было, но возможно, что зерно было израсходовано до того, как ямой перестали пользоваться.

³ Яма 5 врезана в материк на 70 см; диаметр дна 2.15 м. В северной стенке сохранилась часть полукруглой выемки. В яме найдено 7 обломков лепных сосудов, один из них украшен резным узором в виде острых углов, чередующихся с треугольниками; найдены также целая миниатюрная лепная чашечка и кости животных.

⁴ Яма 2 врезана в материк на 46 см; диаметр ее 1.42 м. В ней встречено 7 обломков лепных сосудов — чашки с плоским дном и горшки с вдавленным орнаментом по высокому краю. По 9 костям определены овца, молодая коза, бык и другое крупное копытное животное. Яма 3 врезана в материк на 57 см; диаметр ее 1.6 м. На дне найдены обломки лепных горшков без орнамента. Из 20 костей животных определены 6 костей домашнего быка. Яма 7 врезана в материк на 60 см; диаметр ее 1.35 м. В яме было 5 обломков от одного лепного горшка без лощения и 46 костей животных, из которых определены кости молодого быка. Яма 8 врезана в материк на 80 см; диаметр ее 2.50 м. В ней оказалось большое количество лепной посуды (42 обломка), преимущественно без лощения и со следами коפותи. Один обломок сосуда имеет изогнутый край в виде слива; фрагмент миниатюрной чашечки

Очень интересно содержимое ямы 16 (врезана в материк на 1.5 м; диаметр верха 2.2 м, диаметр дна 1.5 м). Вся яма была заполнена светло-серой рыхлой массой, похожей на золу. На дне ямы сохранились большие куски обугленной древесины и куски угля.¹ Образцы светлой рыхлой массы, взятые из четырех последовательных горизонтов, при анализе оказались перетлевшим нерушенным ячменем.² Для предохранения от порчи жучками яма была окурена. Материалом для окуривания служил дровяной можжевельник, недогоревшие части которого сохранились на дне у стенок ямы. На дне ямы среди углей был найден обломок глиняной фигурки, сделанный от руки из такой же грубой черной глины, как многие лепные горшки (рис. 4). Сохранилась только верхняя часть фигурки, без головы и рук. Одежда плотно облегает слегка выпуклую грудь

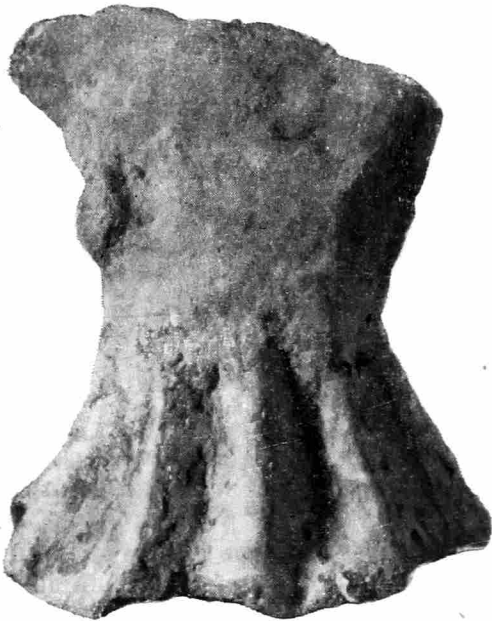

Рис. 4. Лепная фигурка из ямы 16.
(Колл. Эрмитажа).

и от пояса расширяется вниз, образуя глубокие вертикальные складки. Слева у пояса сохранился след от какого-то предмета. Фигурка не имеет ног, а заканчивается плоскостью, с конусовидным углублением в центре. На складках сохранились следы желтоватой обмазки.

Ближних аналогий этой лепной фигурки нет. Техника лепки она похожа на терракоту из раскопок Ольвии 1908 г. (Инв. № Ол. 4107, коллекция Эрмитажа). Ольвийская фигурка также не имеет ног, одежда на ней заканчивается такими же складками.

Три ямы, соединенные вместе, на плане объединены нами в яму 17. В этих ямах найдено только 5 обломков лепных сосудов, костей животных не оказалось.

Кроме перечисленных ям, у западного борта раскопа открыты еще два небольших углубления, также в материке, заполненных только зо-

лой. Они уходят в борт и под фундамент стены 37 VI в. до н. э. и поэтому остались недоисследованными. Анализ выяснил, что зола из углубления под стеной происходит от сожженного кизяка, тогда как зола из соседнего углубления осталась от сгоревшей мякоти пшеницы; в ней попадались и сильно обугленные зерна карликовой пшеницы.

говорит о том, что она является повторением чашечки из ямы 5. Яма 10 врезана в материк на 90 см, диаметр ее 2.25 м. Кроме обломков лепных сосудов без лощения, в яме найдено кремневое орудие листовидной формы с острым концом. Костей животных в этой яме не было. В яме 1 обнаружены только кости овцы. В яме 6 никаких находок не было. Яма 13 уходит в борт раскопа и под стену V в. до н. э.; полностью она не раскрыта.

¹ Растительные остатки определены В. А. Петровым.

² Очень сходную картину отмечает Э. Штерн на Березани (Отчет о раскопках на о. Березани летом 1907 г. ЗООИД, XXVIII, 1910, прилож., стр. 143, протокол 384), описывая материковую яму со стенками, тщательно обмазанными глиной, в которой была «мягкая, как пух, зола, так что рабочие подчас погружались по колена в эту насыпь».

Еще одно углубление, овальной формы, расположено рядом с вышеуказанными. Материк около него с юго-восточной стороны был покрыт слоем золы толщиной 10 см. Эта зольная площадка размером 1.0×0.5 м подходила к краю ямы 17, где слой золы был наиболее толстым; к югу он становился тоньше и, наконец, вовсе исчезал. Материк под золой темного цвета и производит впечатление печины. Вероятно именно на этом месте происходило сжигание. Анализ золы с этой площадки показал, что на материке сторел обрушенный, хорошо отвеянный ячмень. Естественно возникает вопрос: зачем нужно было сжигать отвеянный ячмень? Мякина пшеницы, обычно служившая кормом для скота, иногда употреблялась как топливо, но сжигать обрушенный ячмень для хозяйственных целей не имело смысла. Можно высказать предположение, что эта площадка с золой служила чем-то вроде жертвенного места. На сходное явление в городищах среднего Приднепровья черноморья указывает В. И. Ильинская; в них отмечены следы земледельческого культа в виде сжигания пшеницы у жертвенника.¹

Ямы уходят в северный и западный борты раскопа, под оборонительную стену и под здание святилища с абсидой. С востока от этого здания ям нет. Материк здесь имеет неровную поверхность с резким падением к восточному борту, что, разумеется, препятствовало устройству в нем ям. Глубина падения материка местами достигает 2.5 м от уровня верхних краев ям. Как далеко распространяются ямы, пока сказать трудно, но наметить их приблизительные границы на основании проведенных раскопок на других участках можно. Так, на раскопе «F», расположенном в 30 м на северо-запад от раскопа «C»,² не было обнаружено ни следов ям в материке, ни обломков скифских лепных сосудов. Однако на восток от открытых ям, также на расстоянии 30 м, в раскопе «D», на самом мысу верхнего плато, в материке найдена чернолощенная скифская керамика с резьбой.³ На основании этого можно предположить, что ямы занимали юго-восточную часть верхнего плато от выходов скал у северного склона, в направлении на юг, к бухте.

Над ямами позднее были построены здания города Нимфея, и естественно, что верхний горизонт ям не сохранился. Поэтому нельзя считать точной указанную глубину ям, особенно в тех местах, где над ними непосредственно находились стены.

При засыпке в верхний горизонт ям попадали обломки привозной керамики, относящейся к середине VI в. до н. э. Это были обломки больших амфор с широкими поясами на тулове и ручках,⁴ обломки самосских киликов, светильников, ранних чернофигурных сосудов, а также египетский скарабей конца VII—начала VI в. до н. э. (по определению Б. Б. Пиотровского).

* * *

Открытые в материке Нимфея круглые ямы и ямы с выемками в северном Причерноморье встречены не впервые. Такой же формы материковые ямы были открыты на о. Березани и в Ольвии. Э. Штерн называет полукруглые выемки у ям «предъямьями» и пробует объяснить их как

¹ В. И. Ильинская. О скифах-пахарях и буднях Геродота. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 28.

² См. план городища Нимфея (М. М. Худяк, указ. соч., стр. 235, рис. 1).

³ На участке «D» материк открыт на очень незначительной площади.

⁴ Ср.: Т. Н. Кнпovich. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. СА, VI, 1940, стр. 96, рис. 6.

уступ-ступеньку «для более удобного спуска» в яму.¹ Уже в 1909 г. Э. Штерн указывал на то, что ямы «с выемками» по своей конструкции «заметно отличаются от типа простых выгребных ям».² О. А. Артамонова некоторые из открытых на Березани материковых ям с большим количеством местных лепных сосудов считает жилищами «туземного населения».³ М. Ф. Болтенко также выделяет на Березани жилую яму местного населения со многими обломками местных лепных сосудов.⁴

Многие ямы Березани были перекрыты стенами начала VI в. до н. э. Материал, заполнивший ямы, представлял собой главным образом привозную керамику конца VII—начала VI в. до н. э., обломки хиосских, родосских, клазоменских сосудов.⁵ Э. Штерн в своих отчетах уделил мало внимания лепной посуде. Лишь иногда у него встречаются скупые указания на наличие в ямах скифских сосудов, которых в действительности, наверное, было значительно больше.⁶

Приведенные данные позволяют говорить о следах местного поселения, существовавшего на Березани еще до возникновения греческих построек.

В Ольвии Б. В. Фармаковский еще в 1905 г. обратил внимание на ямы в материке, но не придавал им особого значения. Однако даже беглый взгляд на планы раскопов в Ольвии 1905 и 1906 гг. и раскопов VI и VII 1908 г.⁷ рисует яркую картину огромного количества материковых ям и выемок разной формы, расположенных близко друг к другу в центре города.

Работами последних лет в материке Ольвии было открыто много больших и маленьких ям с архаической керамикой и остатками металлургического производства.⁸ Важно сообщение Е. И. Леви о находке здесь в одной из наиболее древних ям «двух раннескифских сосудов с черным лощением и геометрической орнаментацией, исполненной резьбой».⁹ Данные стратиграфии свидетельствуют, что указанные ямы также относятся к начальному периоду жизни поселения, предшествующему ранним каменным постройкам Ольвии. В окрестностях Ольвии, у Широкой балки,¹⁰ открыто поселение VI в. до н. э. с жилищами-полуземлянками и круглыми ямами с остатками очагов.

¹ ОАК за 1907 г., стр. 67, рис. 58 — ямы 7, 8 и 22; ОАК за 1908 г., стр. 85, рис. 76. — В прямоугольном углублении «X» с тремя выемками, мазаной глиняной печкой в углу Э. Штерн (ОАК за 1908 г., стр. 87) склонен был видеть жилое помещение «древнейшего периода заселения».

² Э. Штерн. Отчет о раскопках на о. Березани летом 1913 г. (ямы 79, 84 и 90). Отдельный отиск статьи, предназначенной для ИАК за 1914 г., план № 1.

³ О. А. Артамонова. Древнейшие поселения на о. Березани. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 49.

⁴ М. Ф. Болтенко. Раскопки на Березани в 1946 г. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, 1949, стр. 31—37.

⁵ ОАК за 1907 г., стр. 68—69, яма 58; ОАК за 1908 г., стр. 85, яма 61.

⁶ В яме, открытой в 1907 г. (ОАК за 1907 г., стр. 74), на дне найден «целый грубый сосуд так называемого скифского типа из серой, плохо обожженной глины». В яме № 79, открытой в 1913 г. (Э. Штерн. Отчет о раскопках на о. Березани летом в 1913 г., стр. 91), — «8 кусков мисок из простой глины» и «58 кусков разных простых черных и серых блюд», в яме 33 (там же, стр. 105) — «127 кусков простой серовато-черной посуды».

⁷ ОАК за 1905 г., стр. 5, 22, 25; ОАК за 1906 г., табл. I; ОАК за 1908 г., табл. III—IV.

⁸ Т. Н. Книпович. Основные итоги Ольвийской экспедиции (1948 г.). КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 97; Е. И. Леви. Итоги Ольвийской экспедиции (1951). КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 173.

⁹ Е. И. Леви, указ. соч., стр. 176.

¹⁰ Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 114.

Краткий обзор материковых ям Березани, Ольвии и поселения у Широкой балки, а также в Нимфее приводит нас к выводу, что они являются следами жизни местного населения, жившего в этих местах еще до возникновения греческих городов.

К сожалению, мы располагаем незначительным числом аналогий из ранних скифских поселений. Это объясняется малой исследованностью и недостаточной публикацией материалов по раскопкам скифских землянок. Можно указать на большие скифские землянки VI в. до н. э., открытые на Немировском городище, в которых сохранились очаги и следы столбов перекрытия. На некоторых скифских городищах Харьковщины¹ на поверхности имеются следы заплывших ям, которые М. И. Артамонов² считает следами полуземлянок.

Назначение ям, открытых в перечисленных местах, до сего времени неясно. Большинство исследователей склонно считать их мусорными или хозяйственными.³ Нерешенным остается вопрос и о назначении ям с полукруглыми выемками.⁴

Раскопки в Нимфее также не дали определенных данных, чтобы выяснить назначение всех материковых ям. Можно лишь предположить, что ямы имели хозяйственное назначение. Следует надеяться, что дальнейшие работы в Нимфее позволят более точно ответить на этот вопрос. Во всяком случае для нас важно, что во многих материковых ямах в других местах, так же как в Нимфее, была найдена скифская лепная керамика.

* * *

Лепные сосуды, найденные в нимфейских ямах, можно разделить на две группы.

К первой группе (табл. II) относятся обломки простых лепных сосудов без лощения, часто со следами копоти. Большинство сосудов — толстостенные, из плотной серой или черной глины. Глина часто имеет примеси мелких частиц песчаника и толченых раковин. По форме — это главным образом обычные лепные горшки большого и среднего размера, с плоским дном и высоким вертикальным или слегка отогнутым краем. Некоторые сосуды имели ручки — широкие и плоские или круглые в сечении.

Иногда край горшков украшен ногтевым орнаментом или вдавленными круглыми углублениями. На одном обломке край горшка покрыт косыми насечками, на другом зубцами. Кроме горшков, к первой группе относятся и небольшие чашки с закругленным дном, иногда с резным орнаментом из врезанных углов, обращенных вершинами вверх, тесно расположенных друг к другу.

Только один большой обломок дает единичную для Нимфея форму высокого горшка с немного выпуклыми стенками, без выделенного края, с рядом круглых отверстий у дна (рис. 2).

Сосуды второй группы (табл. I) покрыты лощением черным, серым и коричневым. Наибольшее число обломков имеет черное блестящее лощение, как на лучших образцах чернолощеной керамики. Глина сосудов — хорошо промытая, без примесей, отличается большой плотностью. По форме — это те же горшки с отогнутым краем, небольшие круглодонные горшочки, большие корчаги, глубокие толстостенные чашки.

¹ М. Ф у к с. Про городища скитської доби на Харківщині. Зап. Всеукр. арх. комит., т. I, Київ, 1931, стр. 94.

² М. И. А р т а м о н о в. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. УЗЛГУ, вып. 15, стр. 13.

³ С. Ф. С т р ж е л е ц к и й. Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, IX, 1947, стр. 285.

⁴ ОАК за 1907 г., стр. 67; ОАК за 1909 г., стр. 107.

Многие лепные горшки второй группы покрыты резным узором, состоящим преимущественно из острых вертикальных углов.¹ Углы заштрихованы прямыми линиями, параллельными одной стороне угла или сходящимися в вершине. На маленьких тонкостенных горшочках из Нимфея углы обозначены только двумя-тремя сходящимися вниз линиями. Иногда у основания заштрихованных углов расположен ряд небольших круглых углублений (табл. I, 4).

Особый интерес представляет фрагмент большой чернолощеной корчаги (рис. 5), обломки которой были найдены в разных местах при зачистке материка около ям. Резной орнамент из вертикальных углов, заштрихованных только в верхней части, покрывает среднюю часть тулова. Обычный для этой формы сосуда выступ, заменяющий ручку, расположен у начала углов. По форме этот фрагмент очень близок к корчаге без резьбы из Моздокского кургана № 1.²

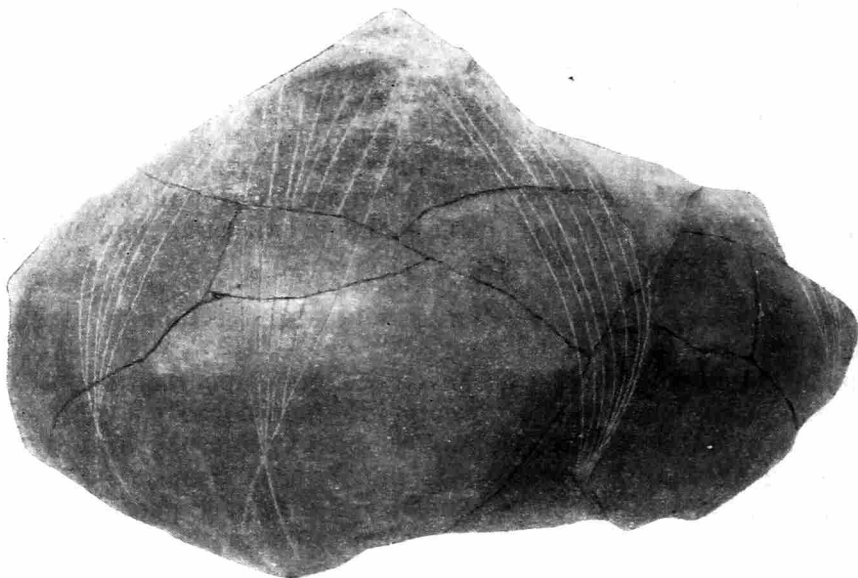

Рис. 5. Обломок чернолощеной корчаги с резным узором из углов. (Колл. Эрмитажа).

Вероятно многие наши обломки больших чернолощенных сосудов с резьбой происходят от подобных корчаг (табл. I, 5).

Не менее интересен небольшой обломок лепного горшка с резным узором, заполненным белой массой (табл. I, 3). Узор представляет все те же углы из 3—4 линий, обращенные вершинами вниз. Над ними ряд углов, вписанных попарно один в другой и отделенных от нижних горизонтальной линией. Этот обломок принадлежит к группе небольших тонкостенных горшочков со слегка отогнутым краем и великолепным черным лощением. Резной орнамент, заполненный белой массой, имеет аналогии только среди ранних скифских сосудов.

Чернолощенная нимфейская керамика по резному орнаменту очень близка к керамике из поселения у подножия Неаполя скифского,³ а также к некоторым экземплярам лепных сосудов из раскопок в Кизил-Коба и

¹ М. М. Худяк, указ. соч., стр. 239, рис. 4.

² Б. Б. Петровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Археол. экспед. Эрмитажа, вып. I, Л., 1940, табл. VII.

³ О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизилкобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 10, рис. 33, а, г, е.

других поселений по Феодосийскому шоссе;¹ иногда полностью совпадает узор из заштрихованных углов и ряды круглых углублений над ними. Сходно и хорошее черное лощение на сосудах из указанных мест.

Кроме сходной лепной керамики из степного Крыма, следует еще указать на очень близкую группу керамики с Кубани. Так, например, сосуд из Келермеса² украшен точно таким же орнаментом из заштрихованных углов с рядом углублений над ними, как и на нимфейских обломках. Очень близок орнамент из вертикальных заштрихованных углов на чашках Моздокского могильника.³ Н. В. Анфимов отмечает часто встречающийся резной орнамент из заштрихованных углов на керамике поселений Прикубанья.⁴ Для этих поселений характерны формы больших корчаг, таких же как и из Нимфея. Но в то же время в Нимфее совершенно отсутствуют распространенные в Прикубанье сосуды в форме чарок.

Наконец на самом Керченском полуострове в раскопках Мирмекия и Тиритаки⁵ найдены были обломки чернолощенных лепных сосудов с вариантом орнамента из знакомых нам заштрихованных углов.

Итак, лепная чернолощенная керамика с резным орнаментом из Нимфея имеет сходство, с одной стороны, с керамикой Прикубанья, с другой, с одной из групп керамики поселения около Симферополя и поселений по Феодосийскому шоссе.

Некоторые исследователи (П. Н. Шульдц, С. Ф. Стржелецкий, О. Д. Дашевская) считают эту керамику раннетаврской, отмечая ее сходство с керамикой каменных ящиков. Однако в Симферопольском поселении и в Инкермане, наряду с чернолощенной керамикой, найдены и лепные горшки с рельефным валиком.⁶ Такие сосуды полностью отсутствуют в Нимфее. Из общей группы, объединяемой названием кизилкобинской культуры, по нашему мнению, следует выделить собственно тавров, чьи стоянки и могильники расположены в горных районах Крыма. Поселения же по Феодосийскому шоссе следует отнести к степным районам Крыма, заселенного, по свидетельству древних авторов, скифами.

М. И. Артамонов,⁷ на основании свидетельств древних писателей, указывает, что восточную часть степного Крыма населяло племя сатавков.

Геродот (IV, 100), не называя скифских племен, сообщает границы этих земель: «За Таврикою выше тавров и на побережье восточного моря живут уже скифы, занимая земли на западном берегу Киммерийского Боспора и Меотидского озера».

Плиний (IV, 85) упоминает только одно скифское племя сатавков, которое жило к востоку от скифов-тавров, занимавших самый хребет Крымских гор.

Приведенные данные позволяют связать скифов с племенем сатавков, населявших степи Крыма от Феодосийского шоссе до Пантикапея. Может быть и найденную на городище Нимфея скифскую керамику следует рассматривать как следы пребывания здесь представителей этого племени. Давно известные скифские курганы с конскими захоронениями и бронзовыми украшениями звериного стиля, открытые в окрестностях Ним-

¹ Материал хранится в Симферопольском краеведческом музее.

² Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, указ. соч., табл. XIV, 2.

³ Там же, табл. II и VI.

⁴ Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 247 и 250.

⁵ В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекия. МИА, № 4, 1941, стр. 129, рис. 29, а, б.

⁶ О. Д. Дашевская, указ. соч., рис. 34, 1д.

⁷ М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. Вестн. Ленингр. Гос. унив., 1948, № 8.

фея и в его некрополе, свидетельствуют о том, что уже в V в. до н. э. среди населения Нимфея были и скифы.

В связи с этим очень интересны две бронзовые бляхи звериного стиля от конской упряжи, найденные в 1948 и 1951 гг. на нижней террасе городища Нимфея. Одна из них представляет голову кабана, изображенную влево, с узким, косо посаженным глазом и небольшим ухом. Клык из открытой пасти торчит кверху, заходя на верхнюю челюсть (рис. 6, слева). Близким повторением этого изображения является бляха из курганов Роменского уезда,¹ с такой же плоской трактовкой головы и раскрытой пастью, только глаз у роменского зверя круглой формы.

Похожа на нимфейскую и бронзовая бляха из Частых курганов (№ 7²), имеющая некоторые отличия: рельефный ободок вокруг глаза и рельефную передачу шерсти над лбом. Головы кабанов на бляхах из курганов Нимфея, Семибратного и Тамани, относящихся ко второй половине V в. до н. э.,³ исполнены уже с закрытой пастью и с рельефным пятчком.

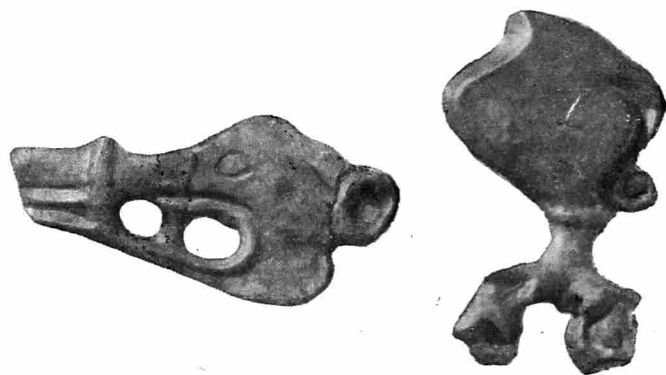

Рис. 6. Скифские бронзовые бляхи. (Колл. Эрмитажа).

Нимфейская бляха с кабаньей головой, как и роменская, по стилю должны быть отнесены к первой половине V в. до н. э.

Вторая бляха является протомой задней ноги животного, вероятно хищника, с закрученным на конце хвостом (рис. 6, справа). Четкой гранью, с небольшой скошенной выемкой, заканчивается выпуклое бедро животного. Конец ноги, перехваченной посередине поперечным рубчиком, расходится на две части, в виде когтей-кружков, на которые нависает

кожа. Мотив протомы задней ноги животного хорошо известен на скифских бляхах V в. до н. э., но на них бедро трактовано плоско, а хвост сливается с когтями лап, как, например, на бляхах из Нимфейского кургана и с Тамани.⁴ Наша бляха по манере исполнения стоит ближе всего к изображению пантеры на золотой пластине из Келермеса и на ручке скифского зеркала.⁵ Поэтому и бляха с протомой задней ноги хищника, как и бляха с кабаньей головой, должна относиться по стилю к началу V в. до н. э. Эти две находки могут служить еще одним доказательством присутствия скифов среди населения Нимфея.

Над ямами, где была найдена ранняя скифская керамика, в первой половине VI в. до н. э. были сооружены здания, но возможно, что часть местного населения, которому принадлежали остатки памятника, осталась на месте и вошла в состав населения Нимфея.

¹ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III. СПб., 1901, табл. X, 7.

² С. Н. Замятин. Частые курганы. СА, VIII, 1946, стр. 32, рис. 19, 2.

³ ОАК за 1877 г., стр. 232, № 7; ОАК за 1876 г., стр. 136, № 9, рис. в тексте; И. Голстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. I. СПб., 1889, стр. 48, рис. 62.

⁴ Katharina Malkina. Ein Motiv aus dem skythischen Tierstyl. JAI, Bd. XLI, 1926, H. 3 u. 4, S. 176, Fig. 2 u. 3.

⁵ А. А. Бобринский, указ. соч., табл. XI, 3.

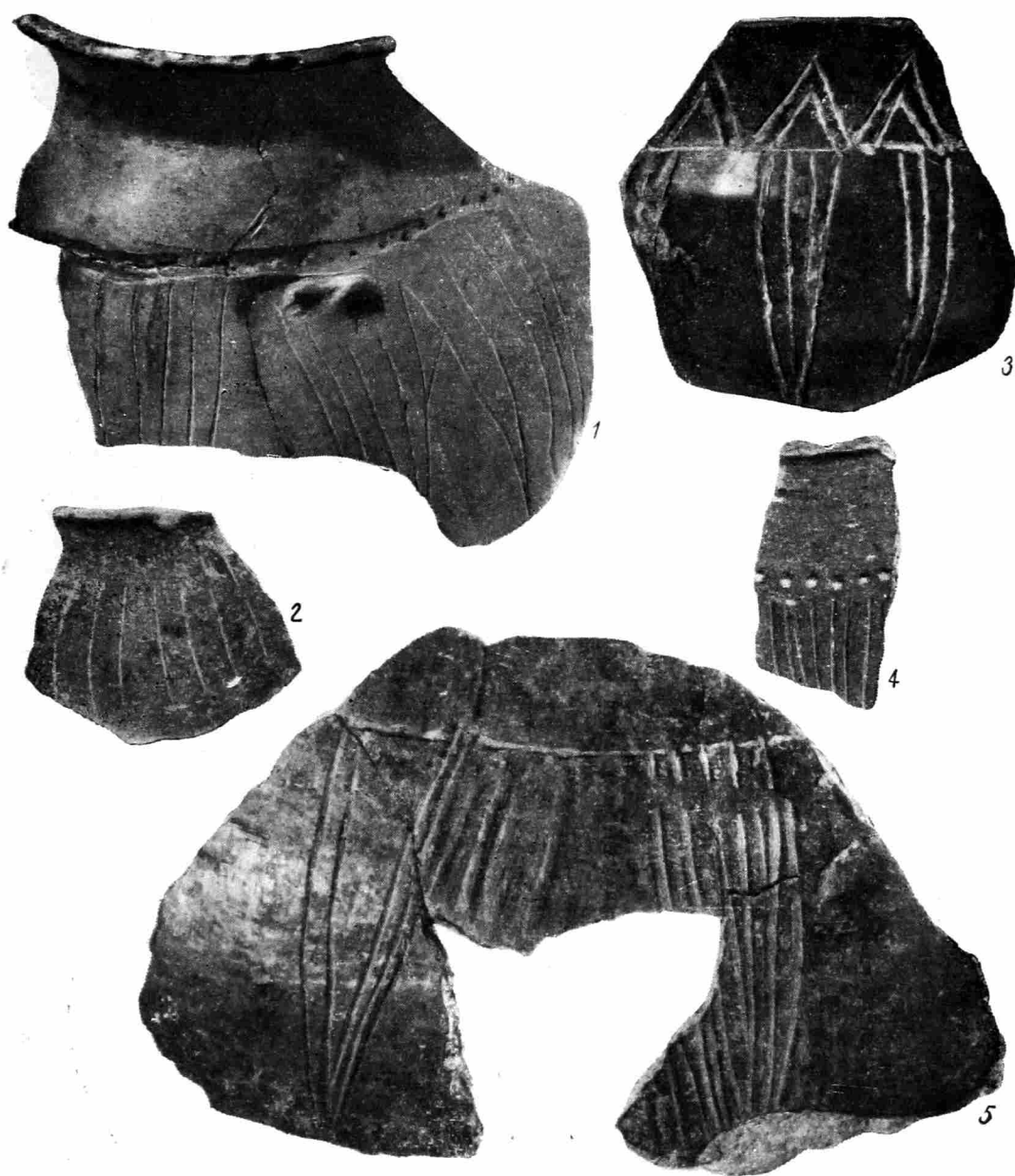

Табл. I. Обломки чернлощенных сосудов с резным узором из острых углов.
(Колл. Эрмитажа).

1 — обломок чернлощенной корчаги; 2—5 — обломки лощеной посуды из ям первой
половины VI в. до н. э.

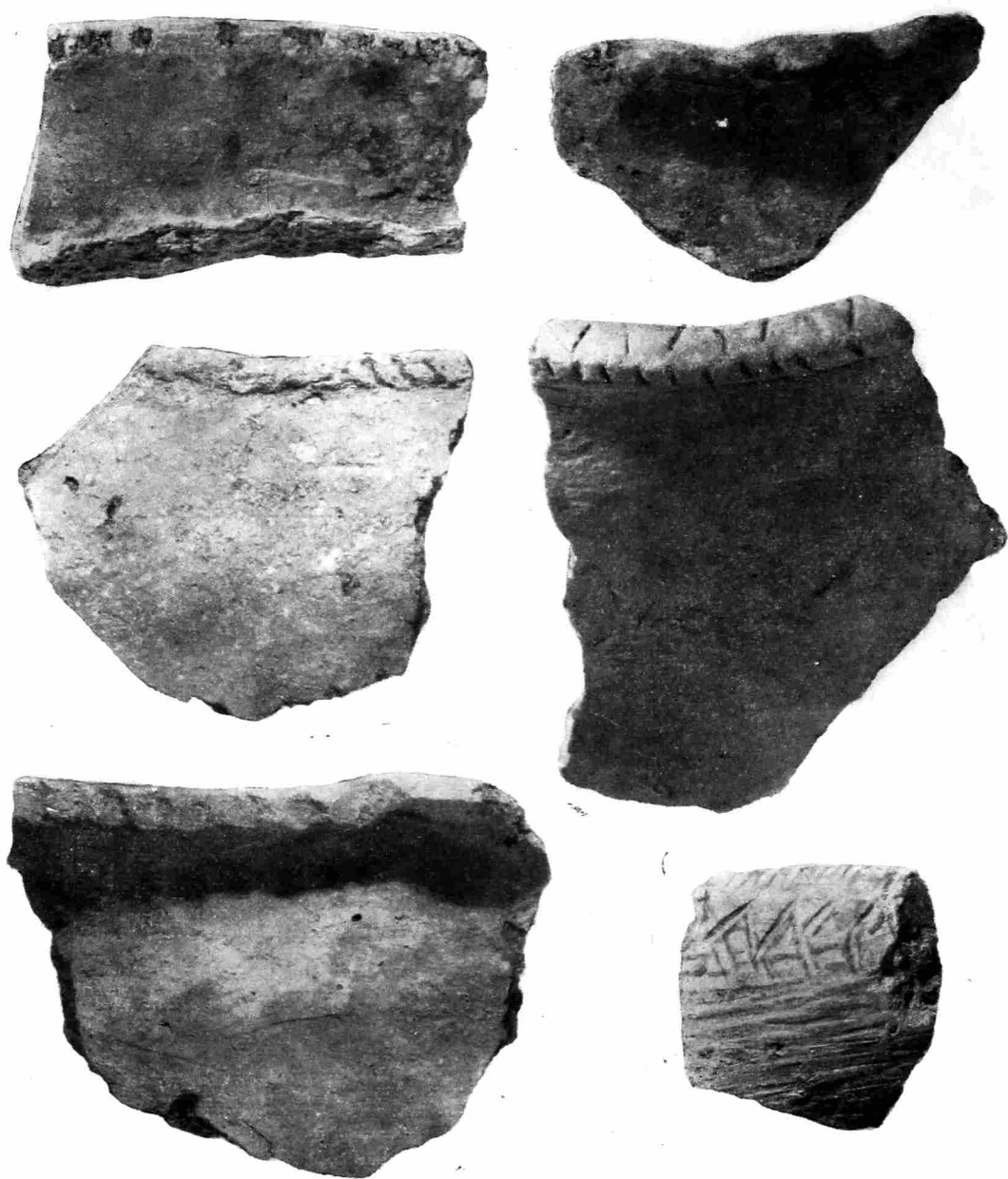

Табл. II. Обломки лепных сосудов с ямчатым орнаментом и косыми насечками.
(Колл. Эрмитажа).

Е. И. ЛЕВИ

К ВОПРОСУ ОБ ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЕ

В эпиграфических памятниках древних городов северного Причерноморья сохранились упоминания о городских площадях, к числу которых относятся в первую очередь территории акрополя и агоры. Так, об акрополе и агоре Херсонеса упоминается в ряде декретов этого города,¹ о специальном рыбном рынке говорится в декрете III в. до н. э.² В одной из надписей Танаиса, относящейся ко времени нашей эры, читаем: «...возобновив рыночную площадь за собственный счет».³

Из литературных источников известно, что в Ольвии V в. до н. э. имелась большая площадь. Геродот, повествуя о скифском царе Скиле, пишет, что Скил приходил в Ольвию, снимал с себя скифское платье и надевал эллинское, «в этой одежде он ходил по площади, не сопровождаемый ни телохранителями, ни кем-либо другим».⁴

О большой открытой площади, на которой находился храм Зевса со ступенчатым стилобатом, говорит Дион Хрисостом, посетивший Ольвию в I в. н. э. Первоначально Дион беседовал с ольвиополитами, прогуливаясь по территории города, лежавшей уже за пределами стен первых веков н. э. Но когда Дион увидел, что желающих послушать его собралось более, чем он ожидал, а речь во время ходьбы была не всем слышна, Дион предложил пойти в город и сесть. «Лишь только я сказал это, все тотчас бросились к храму Зевса, где они обыкновенно совещаются. Старейшие и почетнейшие граждане и должностные лица уселись кругом на ступенях, а остальная толпа осталась на ногах, так как перед храмом был большой простор».⁵

О рыбном рынке Ольвии имеется упоминание в декрете в честь Протогена: «...когда наибольшая часть города со стороны реки, именно вся гаванная часть и прилегающая к прежнему рыбному рынку...».⁶ Прилагательное «прежний», примененное к рыбному рынку, свидетельствует, что последний ранее находился в другом месте.

¹ IosPE, IV, № 70; IosPE, I², № 418.

² С. А. Семенов - Зусер. Рыбный рынок в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 2, стр. 237 — 246.

³ IosPE, II, № 430.

⁴ ...ἡγόραζε οὐτε δροφύρων ἐπεμένων οὐτε ἄλλου οὐδενός... (Herod., IV, 8, см. в SC, т. I).

⁵ Dio Chrys. Orat., XXXVI (см. в SC, т. I). — Местонахождение этой площади до сих пор неясно. Вероятнее всего имеется в виду площадь древнего акрополя, а может быть священной округи. Во всяком случае ее следует искать в пределах территории города первых веков н. э., поскольку Дион предложил ольвиополитам «пойти в город».

⁶ IosPE, I², № 32.

Однако, несмотря на долгие раскопки городов северного Причерноморья, до последнего времени на их территории не удавалось открыть больших городских площадей.¹

Раскопками последних лет в Ольвии впервые были обнаружены следы городской площади и начато ее систематическое исследование. Пока раскрыт еще сравнительно незначительный участок, однако имеющиеся материалы уже позволяют сделать некоторые предварительные заключения.

Изучаемая площадь (участок *Е*) расположена в центральной части Верхнего города. С юга она граничит с так называемой второй поперечной балкой, с севера небольшая балка отделяет ее от территории, на которой находится Зевсов курган (рис. 1). С востока площадь прилегает к береговому склону, направленному в Нижний город; на западе, где границы площади еще не установлены, она пересекается современной тропой, ведущей из с. Парутино к южной оконечности городища. Эта тропа является непосредственным продолжением в южном направлении главной улицы Ольвии, с обочиной из валунов, открытой Б. В. Фармаковским в 1926 г. к западу от Зевсова кургана.² В настоящее время участок *Е* представляет собой местность, ровная поверхность которой нарушается траншеями от раскопок И. Е. Забелина и рядом небольших округлых углублений — следы хищнических работ по добыванию камня в XIX в. Кроме того, она изборождена вдоль и поперек траншеями Великой Отечественной войны.

Разведочные квадраты, заложенные в различных местах площади, показали, что она была покрыта вымосткой, сбитой из обломков посуды, иногда с включением черепицы и мелкого бута. Только вблизи от входа она была замощена мелкой крошкой известняка. В центральной части площади вскрыто три последовательных напластования вымосток, из которых наиболее раннее (III горизонт) лежит на материке. Ранняя вымостка сложена из сильно измельченных обломков посуды, преимущественно амфорных стенок, ручек, днищ; встречаются обломки чернолаковых, сероглиняных, красноглиняных сосудов. Она сбита очень тщательно, черепки необычайно плотно прилегают друг к другу, вследствие чего в процессе раскопок насыпь легко отслаивалась от ровной поверхности хорошо сохранившейся вымостки. Разноцветные черепки создают своеобразный красочный узор, напоминающий цветную гамму вымосток из речных галек, широко применявшихся в Ольвии. Наличие большого количества обломков пухлогорлых амфор заставляет относить нижнюю вымостку к V—IV в. до н. э.

Выше залегает второй горизонт вымостки толщиной 0,5 м, сбитый из более крупных обломков посуды, относящийся ко второй половине IV—III в. до н. э. В состав вымостки первого, верхнего горизонта, наряду с обломками посуды, входят обломки черепицы и мелкий бут. Вымостка первого горизонта выполнена более небрежно, сохранность ее плохая; обломки клейменных родосских амфорных ручек, мегарских чашек и другие вещественные остатки, вошедшие в состав ее, указывают на время не позднее II в. до н. э. В северо-восточной части площади встречены остатки самой ранней вымостки (IV горизонт), относящейся к концу VI в. до н. э. Отсутствие такой вымостки в центральной части указывает

¹ Мы не касаемся большой огражденной площади святилища Деметры, открытой в Нимфее, так как она имеет совсем иное назначение (М. М. Худяк. Святилище Деметры в Нимфее. СА, XVI, 1952, стр. 232 и сл.).

² Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольвії, року 1926. Одеса, 1929, стр. 33, рис. 18.

на то, что первоначально площадь была меньшего размера и застройка ее началась с севера. Высказанное предположение подкрепляется тем, что здесь не наблюдается того четкого разграничения вымоستков, которое

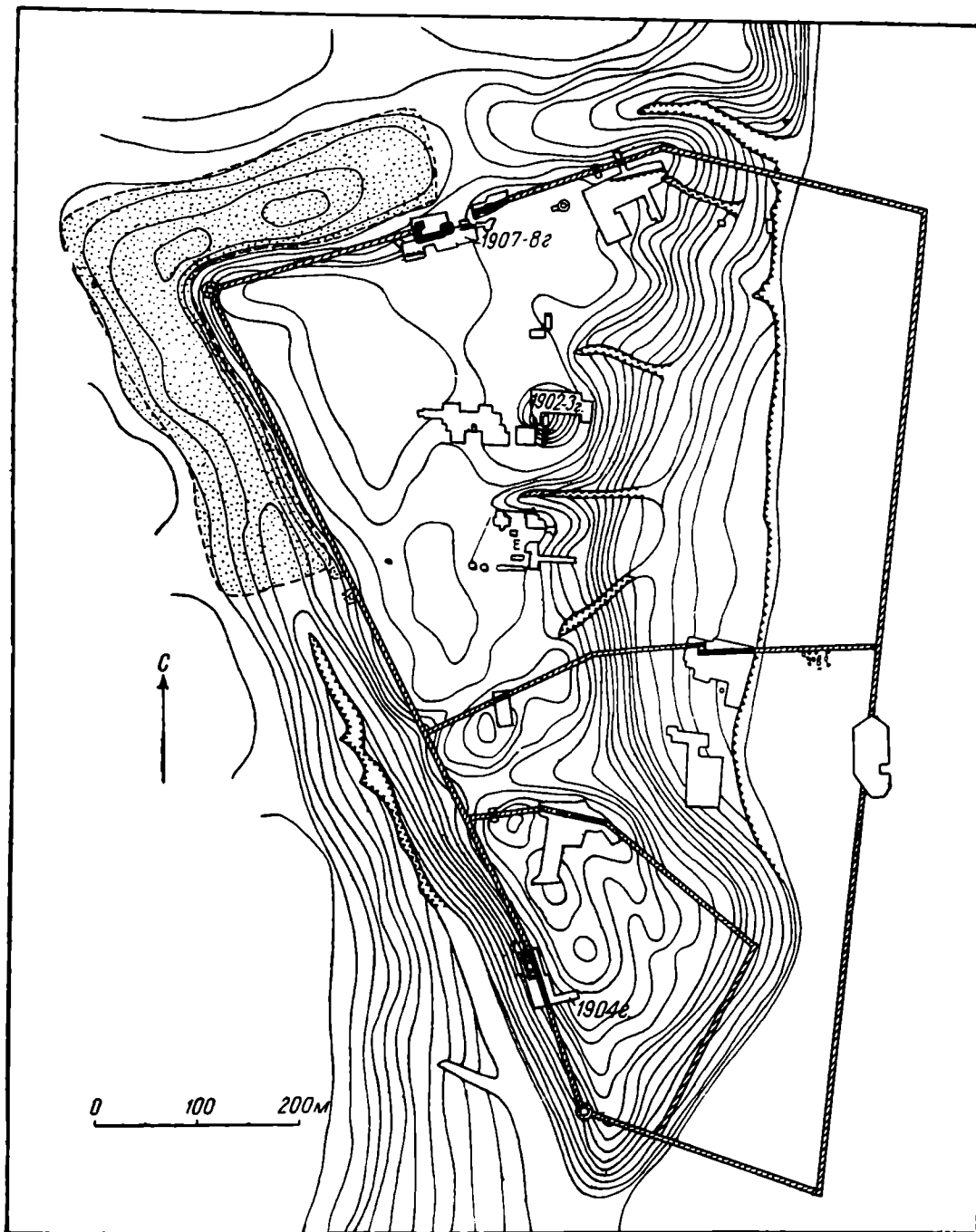

Рис. 1. Общий план Ольвии.

имеется в центральной части площади: между третьим и вторым горизонтами залегает ряд тонких прослоек замоста из черепков с интервалами около 10 см. Очевидно в центральной части, в основном свободной от построек, больших починок не требовалось и они не производились до вто-

рой половины IV в. до н. э., когда вымостка была повышена. Частый ремонт вымостки в V—IV в. до н. э. на северо-востоке площади говорит о сосредоточении зданий более раннего времени именно в этой ее части. К тому же выводу приводит и изучение строительных остатков.

От построек VI в. до н. э. не сохранилось почти никаких следов, но о включении района площади в черту города еще в это время свидетельствует, кроме остатков вымостки четвертого горизонта, наличие архаического слоя. Мощность этого слоя, исследованного пока на крайне ограниченном участке, достигает местами значительной величины. Подавляющее большинство найденной в нем керамики принадлежит продукции мастерских второй половины VI в. до н. э. К одним из единичных, более ранних сосудов относится обломок края чернофигурного килика с изображением Геракла (рис. 2, 1). На территории площади обнаружено также большое количество ям с материалом второй половины VI в. до н. э. Укажем, например, на обломок дна чернофигурного килика с изображением Тритона (рис. 2, 2). Большой интерес представляет фрагмен-

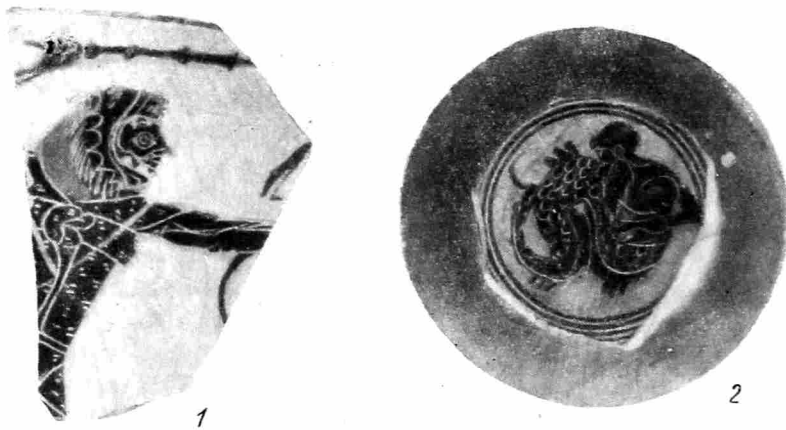

Рис. 2. Обломки чернофигурных киликов с изображением Геракла (1) и с изображением Тритона (2).

тированная женская терракотовая статуэтка местной работы, найденная в одной из ям VI—V в. до н. э. (рис. 3).

Насыщенность архаического слоя и ям вещественными находками указывает на значительность использования этой части городской территории уже в VI в. до н. э. В V в. до н. э. площадь интенсивно застраивается. Большие строительные работы ведутся в северной части, где сооружается монументальный алтарь. На северо-востоке возводятся здание Б, водоем и другие постройки (рис. 4).

К эпохе эллинизма наблюдается известная перепланировка площади. Большие здания, построенные по ее северо-восточному краю в V—IV в. до н. э., к концу IV в. до н. э. разрушились. На их месте новые постройки не возводились, поверхность с развалинами зданий была сглажена и покрыта вымосткой из черепков, причем нивелировка поверхности перед замощиванием была произведена специальной глинистой утрамбовкой. Вымостка была выложена почти строго горизонтально лишь с едва заметным повышением к склону. Таким образом площадь в ее северо-восточной части была расширена за счет разрушившихся общественных сооружений более раннего времени. В северной части площади, также в IV в. до н. э., производились большие нивелировочные работы, благодаря ко-

торым остатки сооружений V—начала IV в. до н. э. оказались перекрытыми чистым глинистым слоем, толщиной до 0.40 м. Однако из этого не следует делать вывода, что площадь уже к III в. до н. э. теряет свое значение. Вблизи от входа, на месте разрушенных построек V—IV в. до н. э., возводится большое культовое здание, фундаментом для которого служили мощные слоевые субструкции. Такие же субструкции возводятся и в центре площади.¹ Новое здание с подвальным этажом было выстроено вдоль склона центральной части (рис. 4, А). Вся площадь заново перестилается, о чем свидетельствует второй горизонт замоста из обломков посуды. Во II в. до н. э. постройки эпохи раннего эллинизма были уже разрушены.² Площадь в это время вновь замощивается. Но, как уже упомянуто, характер вымостки первого горизонта свидетельствует об общем снижении как требований, так и строительной техники ольвиополитов.

В I в. до н. э. площадь оказалась заброшенной, а в римское время она находилась уже за пределами городских стен. Однако близкое соседство города еще чувствуется: на месте древней площади обнаружено значительное количество ям I—II в. н. э. Ямы эти не только мусорные, часть из них служила и хозяйственным целям. Особенное сосредоточение поздних ям наблюдается в северной части площади, на месте разрушенного культового здания. В это же время изучаемая территория используется частично для устройства производственных мастерских: в центре ее, где находилось в IV—III в. до н. э. общественное здание, возведенное на мощных слоевых субструкциях, устраивается винодельня (рис. 5). Вблизи алтаря открыты остатки двух гончарных печей. Но отсутствие культурного слоя первых веков н. э. на большей части площади свидетельствует, что в это время она уже не являлась тем городским центром, на котором кипела общественная жизнь в догетский период.

Как сказано выше, остатки зданий были обнаружены в северной, северо-восточной частях площади и вдоль склона. Разведочные квадраты, заложенные в различных местах по середине участка, в подавляющем большинстве никаких строительных остатков, кроме вымостки из череп-

Рис. 3. Терракотовая женская статуэтка местной работы.

¹ Открыты лишь в незначительной части.

² Остатки небольшого строительства этого времени в виде небрежно возведенных зданий с включением материалов вторичного использования открыты только в центральной части, на развалинах здания с подвалами.

ков не дали. Отсюда следует, что здания в основном группировались по краям площади. Однако мощные слоевые субструкции, обнаруженные в центре, указывают, что отдельные сооружения стояли и в других местах и могут быть открыты при дальнейших раскопках.

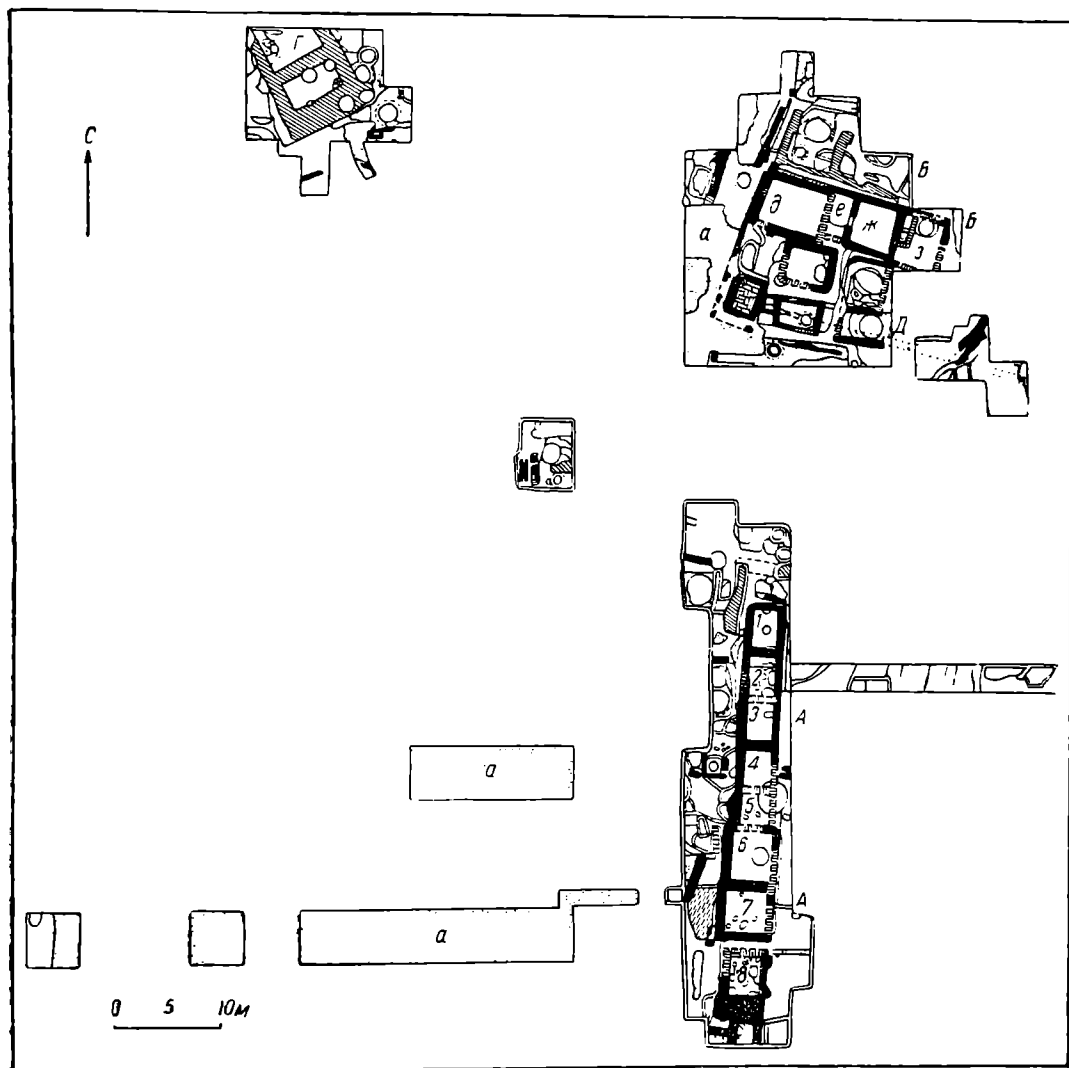

Рис. 4. План участка *Е* (Ольвийская агора).

А — здание торгового ряда; *Б* — общественное здание V—IV в. до н. э.; *В* — общественное здание III в. до н. э.; *Г* — культовое здание на субструкциях; *Д* — гидротехническая система: *а* — вымостка из черепков; *д—з* и *и—к* — помещения.

Таковы общий характер и история планировки площади, исследуемой в последние годы в центральном районе Верхнего города догетской Ольвии.

Что же представляют собой открытые остатки зданий?¹

¹ О результатах раскопок участка *Е* см. предварительные отчеты Ольвийских экспедиций 1946—1949 гг.: Т. Н. К н и п о в и ч. Ольвийская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 21—29; о н а ж е. Основные итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 97—106; Е. И. Л е в и. Итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 173—184; Л. М. С л а в и н. Розкопки Ольвії в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, 1949, стр. 7 и сл.; о н ж е. Наслідки археологічних досліджень Ольвійської Експедиції в 1947—1948 рр. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, 1952, стр. 48—58.

Здание *В* (рис. 4), расположенное в северо-восточном районе площади, вытянуто с запада на восток. Сохранился полуподвальный этаж, состоявший из четырех помещений, следующих одно за другим. Вход в здание был с востока, с уровня улицы, расположенной на склоне, несколько ниже общего уровня площади. Следующие помещения, частично врезанные в материк, залегали уже ниже уровня дневной поверхности почвы; пол наиболее удаленного от входа западного помещения залегал на глубину 1.30 м от уровня вымостки, что позволяет считать его полуподвалом.

На каменном доколе из прекрасно отесанных, плотно пригнанных друг к другу, облицовочных плит известняка, уложенных в два ряда, были возведены стены из сырцовых кирпичей. При разрушении здания они обвалились внутрь помещений и целиком их заполнили. Огромное коли-

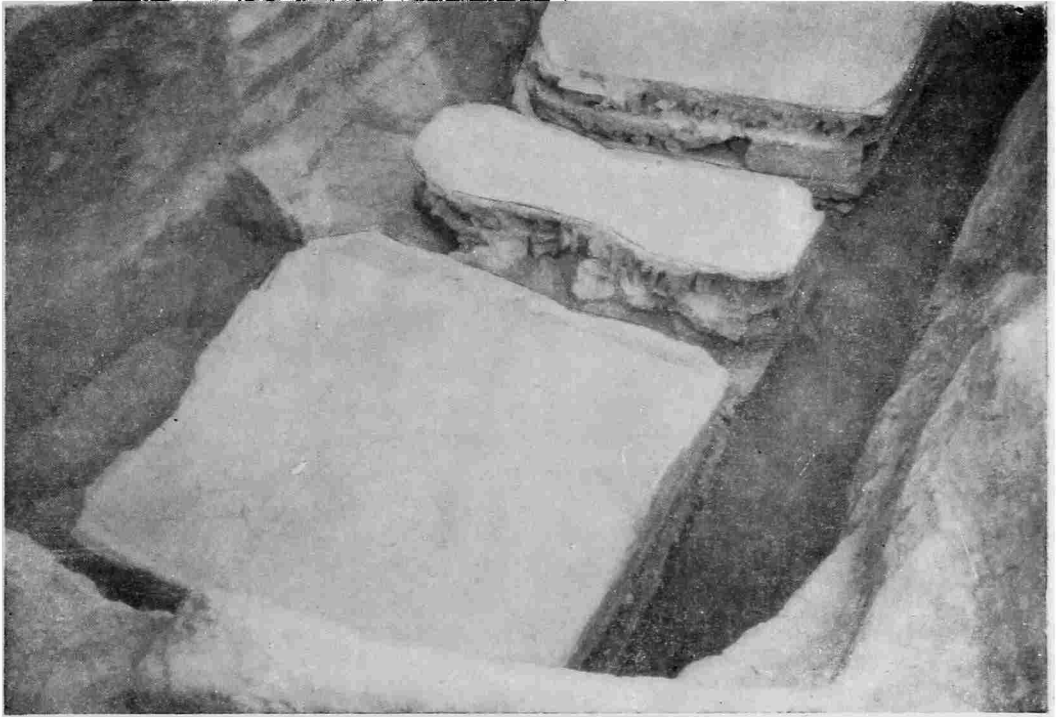

Рис. 5. Днища резервуаров винодельни.

чество больших кусков кирпичей с остатками белой и яркокрасной штукатурки, залегавших среди сырцового завала, свидетельствует о том, что стены помещений были окрашены в два цвета. На одном из сырцовых кирпичей сохранились даже остатки красного и белого поясов, отделявшихся друг от друга слегка вдавленной бороздкой. Очевидно красный пояс был расположен над белым, так как в нижних частях завала преобладали рухнувшие с высоты кирпичи с красной штукатуркой.

Особенное обилие штукатурки белого и красного цветов найдено в западном помещении *д*, где, кроме того, встречались небольшие кусочки черной и розовой штукатурки, возможно служившие для отделки деталей. Все это указывает, что помещение *д* было особенно парадным. Выделяется оно и своими размерами: по величине оно превосходит все остальные и почти втрое больше соседнего помещения (рис. 6). В центре помещения *д* находится вырытая в материке яма, начинающаяся от уровня пола, грушевидной, сильно расширяющейся книзу формы. Яма была заполнена большим количеством обломков привозной чернолаковой и краснофигур-

ной керамики V в. до н. э.¹ Положение ямы в центре помещения, с которым она, безусловно, была связана, и ее содержимое позволяют предполагать, что она имела отношение к функциональному назначению самого помещения. Однако никаких данных, которые помогли бы решить этот вопрос, пока не имеется.

Помещение *e*, примыкающее с востока в помещению *d*, имеет прямоугольную форму и вытянуто с севера на юг; смежная стена была разрушена еще в древности, и на линии ее прохождения удалось зафиксировать лишь завал камней. Пол помещения *e* лежал несколько выше уровня пола помещения *d*; разница в уровнях пола связана, очевидно, с пере-

Рис. 6. Помещения *d* и *e* (в процессе открытия) в здании *B*. Вид с юго-запада.

стройками здания, на которые указывают и некоторые технические детали.

Восточная стена помещения *e*, сложенная из сырцовых кирпичей на каменном цоколе, сохранилась на высоту до семи рядов кирпичей (0.70 м). Весьма примечательно, что на ней обнаружены значительные остатки белой, хорошо сохранившейся штукатурки, нанесенной тонким слоем поверх специальной глинистой обмазки.

Помещение *e* граничило с востока с помещением *ж*, имевшим почти квадратную форму. Частично сохранился цоколь его внешних стен, сложенный из тщательно отесанных облицовочных плит, являющихся образцом кладки классического периода. Внутренние стены помещения возведены более небрежно. Как уже отмечено, сырцовая стена, смежная

¹ Характер материала очень близок к характеру находок, заполнявших ямы V—IV в. до н. э., которые в большом количестве обнаружены на территории всей площади.

с помещением *е*, сохранилась на значительную высоту; от стены, граничащей с помещением *и*, дошли лишь остатки фундамента. Со стороны помещения *ж* сырцовая стена была покрыта глинистой обмазкой, поверх которой, очевидно, производилась побелка. Завал сырцовых кирпичей, обнаруженных в помещении *ж*, доказывает, что верхние части всех стен были сложены из сырца; но сравнительно малое количество остатков кирпичей с цветной штукатуркой заставляет предполагать, что помещение *ж* имело менее богатую отделку, чем помещения *д* и *е*.

Как только что сказано, крайнее восточное помещение *и* сохранилось особенно плохо. До нас дошли лишь остатки отдельных камней фундамента, однако они все же дают возможность восстановить общие размеры помещения, почти совпадающего с помещением *ж*. В западной части помещения *и* было прослежено огражденное пространство — в виде вытянутого прямоугольника, примыкающее к помещению *ж* и к северной стене *и*, а с двух остальных сторон ограниченное сырцовыми кладками. Во всех описанных нами помещениях полы были глинобитные.

Судя по деталям техники возведения стен здания *Б*, оно пережилс два строительных периода. Так, например, сырцовая стена между помещениями *ж* и *е* вначале явно имела более широкий проход; огражденного пространства в помещении *и* первоначально не было.

В настоящее время помещение *д* несколько выходит из общей линии, отклоняясь к югу, но, по всей вероятности, сначала оно было на одной линии с остальными помещениями. На это указывают, например, остатки кладки фундамента за северной стеной помещения *д* (в его северо-западной части); направление этой кладки продолжает общую линию северной границы здания. О более поздней перестройке помещения *д*, по сравнению с остальной частью здания, свидетельствует и то обстоятельство, что фундамент его северной стены частично перекрывает фундамент стены соседнего помещения *е*. Некоторый сдвиг в южном направлении может быть объяснен тем, что в непосредственном соседстве с помещением *д* с севера (как показали раскопки этой части) находился ряд больших и глубоких ям архаического периода, вырытых в материке до глубины 2 м и более. Наличие ям за северной стеной могло вызвать осадку последней, что и заставило при перестройке помещения *д* несколько сдвинуть его к югу.

Вещественный материал, найденный внутри здания, крайне незначителен и мало выразителен. Преимущественно это небольшие обломки чернолаковой посуды V—IV в. до н. э., обломки амфор того же времени, сероглиняная керамика.

Бедность материала не соответствует общему богатому облику здания, технике его постройки и внутренней отделке. Возникает предположение: не было ли это здание ограблено еще в древности при разрушении или не были ли к моменту его разрушения наиболее ценные вещи вынесены? Во всяком случае отсутствие бытовых комплексов, обычно встречающихся при раскрытии жилых домов, указывает на его общественный характер. Об этом свидетельствует и сама планировка здания — отсутствие двора, обычно являвшегося неотъемлемой частью жилого дома.

Здание *Б* было разрушено во второй половине IV в. до н. э. и вновь не восстанавливалось. Как мы упоминали, к III в. до н. э. поверхность над его развалинами была искусственно выровнена и перекрыта вымосткой из черепков. Вблизи здания *Б* находились другие постройки того же времени, от которых сохранились либо ничтожные остатки стен, либо отдельные помещения, не связанные друг с другом. К времени гибели здания *Б* все одновременные ему сооружения также были разрушены и позднее перекрыты вымосткой.

К югу от здания *Б* открыт каменный водоем, прекрасно сохранившийся до наших дней. Водоем сложен из тщательно обработанных, насухо пригнанных квадратов известняка по системе типичной кладки V—IV в. до н. э. (рис. 7). Не менее тщательно выложено и дно водоема; плиты настолько плотно пригнаны друг к другу, что местами швы еле уловимы. Водоем, слегка расширяющийся ко дну, имеет в длину 2.72—2.80 м; ширина его равна 2.01—2.03 м, глубина — 3.95 м. В северо-западный угол водоема вделан слегка нависающий над ним каменный жолоб. Во всех четырех стенах водоема имеется по 4—5 прямоугольных паза, расположенных в два ряда, один под другим; назначение их, несомненно, конструктивное. Построенный еще в V в. до н. э., водоем в более позднее время подвергался перестройке, и верхние три ряда кладки стен связываются уже с более поздней эпохой. Уровень водоема в надстроенном виде совпадает с первым (верхним) горизонтом вымостки.

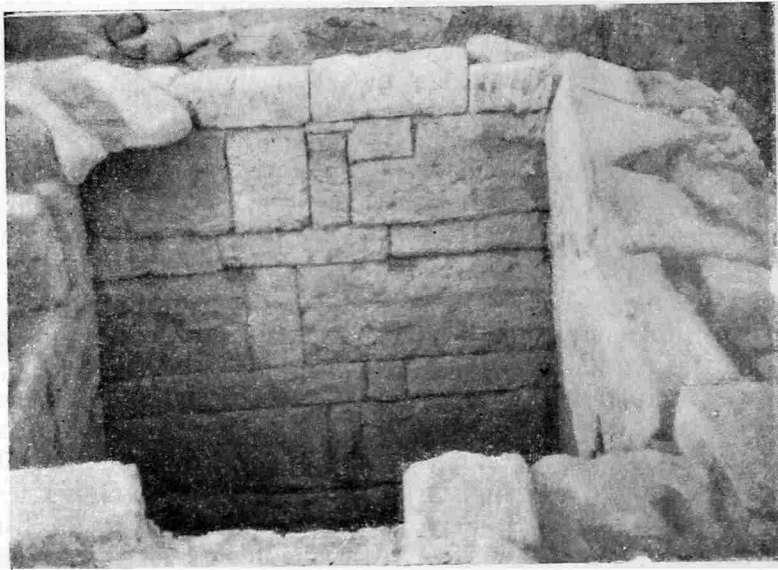

Рис. 7. Водоем.

Тщательное изучение всей системы позволило установить, что первоначально водоем входил как составная часть в сложное гидротехническое сооружение, целью которого являлась подача воды из открытого водоема на нижележащую террасу. Гидротехническая система состояла из ряда шахт, вырытых в материке и объединявшихся друг с другом подземными ходами (см. рис. 4). Вода по водопроводным трубам подавалась из водоема по подземным галереям вниз. Сохранился каменный ложе водопровода, соединявшее водоем с первой шахтой; остатки свинцовых скреп, обнаруженные в стенке водоема и на дне ложа подземного хода, свидетельствуют о том, что некогда здесь проходили водопроводные трубы, скреплявшиеся свинцом. Открыты две шахты и следы третьей, лежащей уже на склоне. Эта последняя была разрушена в первые века н. э. Подземный ход изучен на протяжении 19.5 м и исследуется далее (рис. 8).

Какое важное значение придавали ольвиополиты этому сооружению и как бережно они его охраняли, видно из того, что шахты находились в особых замкнутых помещениях, вход в которые был, очевидно, не всем доступен.

Во второй половине IV в. до н. э. шахты и подземная галерея засыпаются, и гидротехническая система прекращает свое существование. Это происходит тогда, когда разрушается и общественное здание *В*. Но водоем продолжает функционировать в надстроенном виде и во II в. до н. э., о чем свидетельствует материал из его засыпи, в основном относящийся к этому времени. Засыпь водоема представляет исключительный интерес. В ней оказалось около 400 клейменных амфорных ручек. Весьма харак-

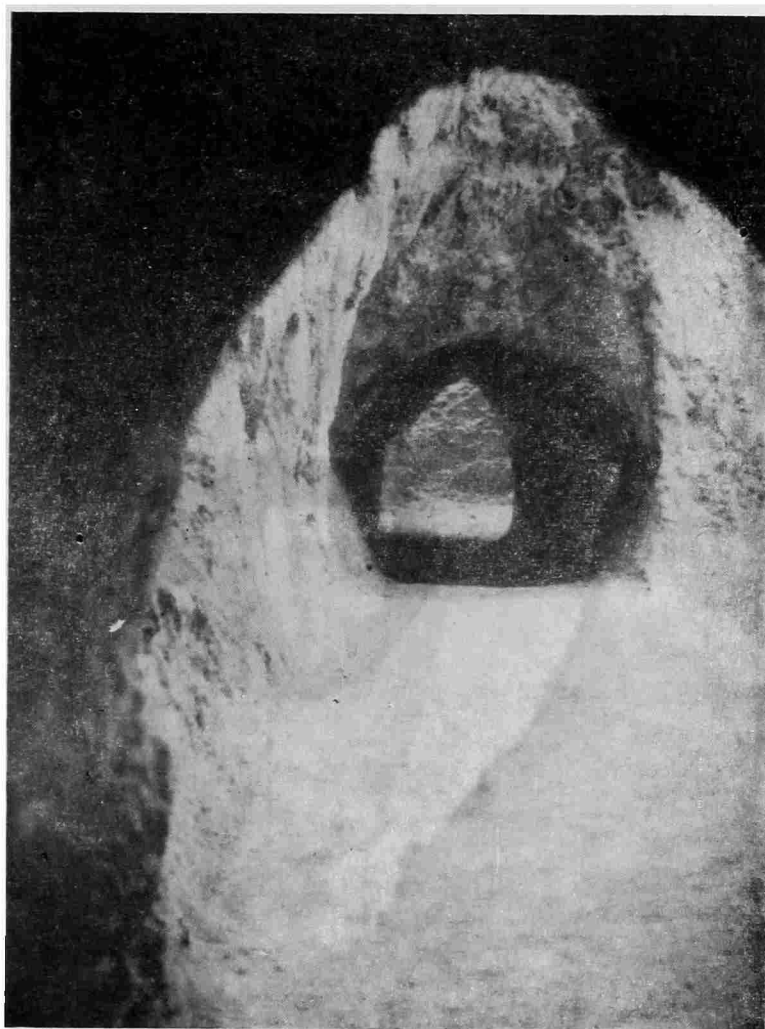

Рис. 8. Подземная галерея гидротехнической системы.

терно, что подавляющее количество амфор родосские, причем почти все они по клеймам совпадают с изученным Шухардтом¹ пергамским комплексом, который укладывается в рамки от 220 до 180 г. до н. э. (рис. 9).

Новое здание *В* на северной оконечности площади было построено в III в. до н. э. Оно расположено непосредственно за северной границей здания *В* и сохраняет его ориентацию и вытянутость планировки. Так как местность в этом участке была сильно изрыта равными ямами, то стены здания *В* возведены на мощных субструкциях, достигающих местами

¹ С. Schuchardt. Die Inschriften von Pergamon. Bd. VIII, 2, Berlin, 1895.

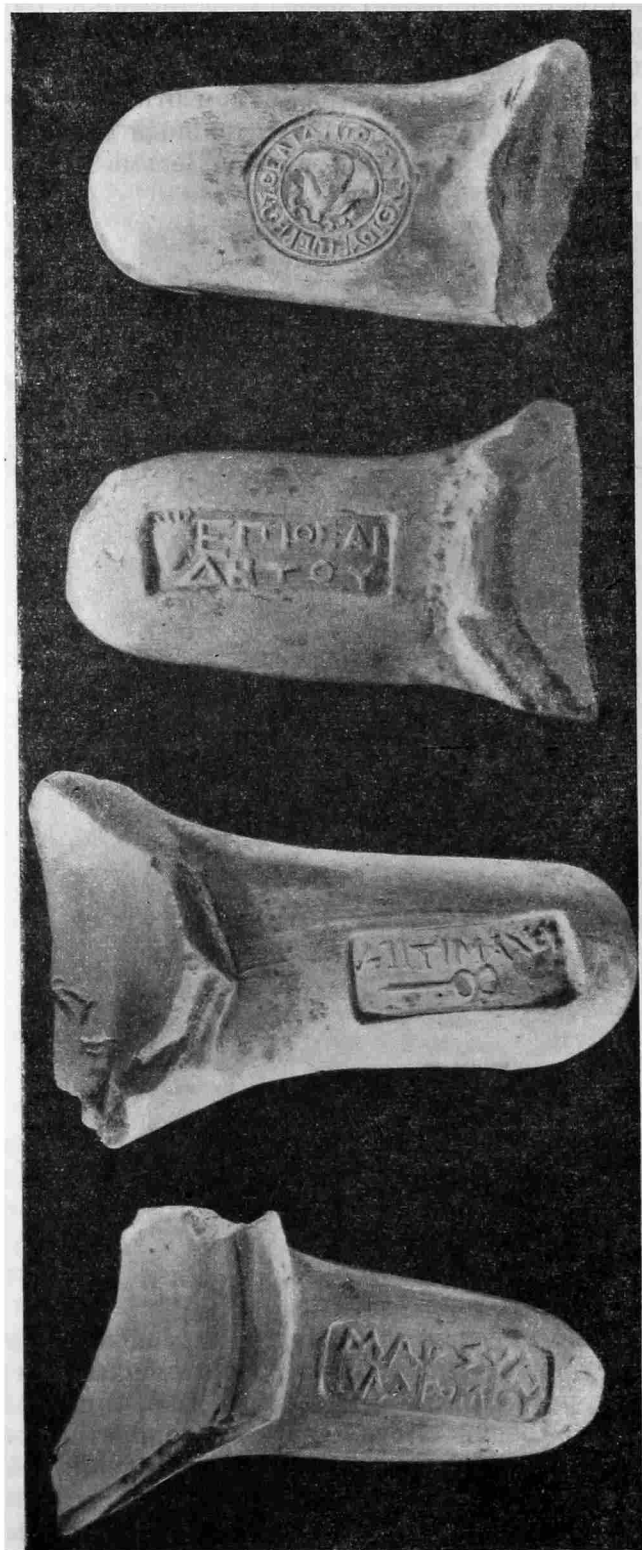

Рис. 9. Обломки родосских амфорных клейменных ручек из водоема.

в глубину 3 м. Кроме этого здания и продолжавшего функционировать водоема, никаких сооружений в III в. до н. э. на северо-восточном участке площади, очевидно, не было.

Здание А было построено во второй половине IV в. до н. э. у самого склона центральной части площади. Незначительные остатки кладок более раннего времени свидетельствуют, что какие-то постройки находились здесь и ранее, но, очевидно, они не имели большого значения. Здание А, вытянутое вдоль склона в направлении с юга на север, имело в длину 38 м, в ширину 4—5 м. От него сохранился подвальный этаж, состоящий из ряда не сообщающихся друг с другом помещений (рис. 10). Всего открыто восемь помещений: размеры пяти из них, расположенных на северной половине, почти равны и совпадают с размерами крайнего южного помещения.¹ Выделяются своими размерами, нарушающими общую линию здания, помещения 6 и 7. Стены подвального этажа были сложены из обработанных квадров известняка с незначительным применением глинистого раст-

¹ Первоначально мы были склонны считать, что в состав здания входило семь помещений, но детальное изучение как техники строительства здания, так и вещественного материала показало, что помещение 4 состояло из двух помещений 4 и 5, смежная стена которых была позднее разрушена.

вора. Особенно выделяются тщательностью кладки стены помещений 4 ч 5, 6 и 7 (рис. 11). Мощность их, достигающая местами 1 м, свидетельствует, что над ними возвышался надземный этаж, от которого сохранилось лишь несколько камней нижнего ряда. В подвальные помещения спускались, очевидно, по деревянным лестницам, через люки

Рис. 10. Здание А. Общий вид с севера.

в полу надземных комнат, но никаких следов лестниц или лестничных клеток обнаружено не было.

За время своего существования здание претерпело ряд перестроек. Материал, заполнявший отдельные помещения, свидетельствует, что северная половина подвального этажа (помещения 1—5) была засыпана еще в первой половине III в. до н. э. Возможно, что при перестройке здания в III в. до н. э. и упразднении северных комнат подвального этажа были расширены помещения 6 и 7.

Планировка здания, его необычная вытянутость, замкнутость отдельных помещений, а также характер находок выделяют его из всех известных нам комплексов не только жилых, но и общественных зданий.

Привлекает к себе внимание обилие монет, найденных в засыпи помещений. При раскопках до уровня пола во всех помещениях обнаружено около 700 монет, не считая монетных находок в верхних частях насыпи.¹ Особо выделяются по своим находкам помещения 4 и 5 и помещение 6.

В помещении 5, наряду с огромным количеством монет, найдено большое количество глиняных кружочков, либо совсем гладких, либо с отверстием посередине. Эти кружочки, диаметром от 2.5 до 3 см, формировались

Рис. 11. Помещения 6 и 7 в здании А.

сдавливанием между ладонями, о чем свидетельствуют отпечатки линий рук на их поверхности. Находки кружков шли все время параллельно с находками монет. В других помещениях кружки либо отсутствовали, либо попадались в единичных экземплярах. Не исключена возможность, что они имели какое-то культовое значение, так как вследствие своей хрупкости, не могли служить для какого-либо практического применения.

На культовый характер находок в помещении 5 указывает и другой материал, как, например, шесть уникальных сероглиняных сосудов с одним и тем же негативным клеймом ΑΠΑΤΟΥΡΙΟ (Ἀπατούρι[ο]); шрифт клейма чрезвычайно четок (рис. 12). Как форма сосудов, в виде глубоких чаш без ручек, так и сам по себе факт клеймения выделяет их из известных нам типов местной сероглиняной посуды северного Причерноморья. Вероятно эти сосуды имели какое-то особое значение. Безусловно не слу-

¹ Монеты еще не определены, поэтому мы пока не можем их привлечь в качестве исторического источника.

чайно и скопление в помещении 5 птичьих костей (конечностей) и большое количество обломков чернолаковых киликов и канфаров с остатками пурпурной краски на дне, иногда даже в виде небольших кусочков. На особое значение описываемого помещения, выделяющего его из ряда других, указывают и данные раннего слоя, лежащего ниже уровня его пола. В этом слое был обнаружен ряд небольших ямок. Содержание одной из них, а именно ямки л, особенно ярко свидетельствует об их культовом характере: она была перекрыта десятью рогами тура, уложенными наподобие венца (рис. 13). Внутри нее найдены обломок полихромной женской статуэтки, медный асс и другие обломки. По одному медному ассу имелось и в остальных ямках. Возможно традиция этого места, связанного с культом, отразилась и в специфике расположенного над ним более позднего помещения 5.

Рис. 12. Сероглиняная чашка с клеймом.

Комплекс находок из помещения 6 также указывает на его культовый характер. В его засыпи были найдены фрагменты головы мраморной культовой статуи и обломок мраморной плиты с почитательной надписью: «Полимед, сын. за брата [посвятил]. .». Большое количество мелких осколков обработанного мрамора также выделяет это помещение среди других.

Интересны находки, сделанные и в помещении 3, где найдено рассыпанное ожерелье из мелких бус с шестью костяными амулетами, которые были представлены рукой, сжатой в кулак с поднятым большим пальцем, астрагалом, цикадой, раковинкой, веретенообразным предметом и гребешком.¹ В том же помещении были найдены миниатюрные терракотовые птички.

В результате наблюдений, сделанных в процессе раскопок, можно заключить, что общественное здание погибло при большом пожаре; часть его подвального этажа была разрушена и более не восстанавливалась. На развалинах южных помещений во II в. до н. э. были возведены новые

¹ Т. Н. Книпович. Ольвийская экспедиция, стр. 24, рис. 10.

постройки, которые по небрежности кладки стен остаются вне сравнения с ранее стоявшим на площади зданием.

В северной части площади были сосредоточены культовые здания. Об этом говорит планировка монументального здания III в. до н. э., стоявшего на субструкциях, а также характер заполнения ям с материалом VI—начала V в. до н. э. В яме № 15, например, была найдена уни-

Рис. 13. Яма с рогами тура.

кальная клазоменская амфора; половина тулоза у нее срезана, причем край среза тщательно обработан (рис. 14). Очевидно, амфора не имела бытового назначения, а предназначалась для культовых возлияний. На горле частично сохранилось изображение сфинкса; тулово было расписано чешуйчатым орнаментом. В той же яме были найдены обломки краснофигурного килика (рис. 15, 2); на одном из них частично сохранилась посвятельная надпись Зевсу: «Ζηνός κχθη...». На дне ямы лежала бронзовая пряжка с изображением лося в скифском зверином стиле (рис. 15, 1). Сосредоточение культовых зданий в этой части площади подтверждается

и открытием в раскопках 1952 г. монументального алтаря прекрасной сохранности, относящегося к V в. до н. э. Алтарь сложен из плит известняка, тщательно отесанных и насухо пригнанных друг к другу. Плиты лицевых сторон украшены рустом. В III в. до н. э. на этом месте, очевидно, стоял мраморный алтарь, но меньших размеров; найденные от него мраморные плиты были украшены сверху карнизом с орнаментом в виде ов. Ольвийский монументальный алтарь является прекрасным образцом памятников этого рода; он свидетельствует о высоте технического мастерства и художественного вкуса ольвиополитов.

Таков в общих чертах характер строительных комплексов ольвийской площади и их история, которые мы могли проследить по имеющимся еще далеко не полным данным раскопок.

Каково же было назначение этой площади и возможно ли ее отождествление с агорой?¹

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ознакомиться с общей планировкой агоры в греческом полисе, ибо, несмотря на все свои особенности, Ольвия в целом, как город, планировалась по тому же принципу, что и греческие города. Поэтому, изучая ольвийские архитектурные ансамбли, мы не можем не принять во внимание данных о планировке этих городов и в особенности городов Малой Азии.

Агора являлась средоточием общественной и политической жизни города. На агоре советом и народом принимались решения; здесь проводились празднества в честь того или иного божества, здесь собирався для торговли народ. Соответственно этому на агоре могли находиться различные по назначению здания — храмы, святилища, пританейон, булевтерий, магазины, торговые склады. Обычно вблизи агоры располагались также театр и

¹ Мы специально останавливаемся на этом вопросе, так как отождествление раскапываемой в Ольвии площади с агорой долгое время вызывало большие сомнения, частично существующие и до сих пор.

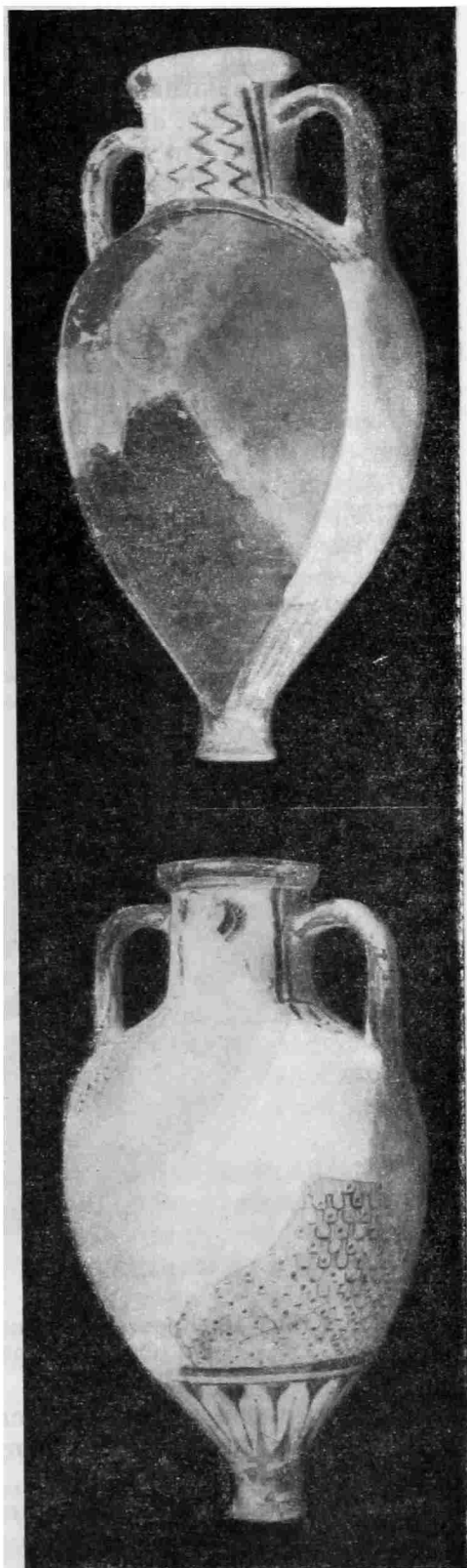

Рис. 14. Клазоменская амфора из ямы № 15.

Внизу — лицевая сторона; сверху — обратная.

гимнасий. Даже могилы героев и дома знатных граждан иногда находились на агоре. Так, Фукидид¹ упоминает, что в Керкире часть агоры занимали дома олигархов. По Павсанию² на агоре Сиклона в III в. до н. э. перед святилищем героя Арата был расположен дом тирана Клеона. На древней афинской агоре находились деревянные подмостки для представлений в честь Диониса.

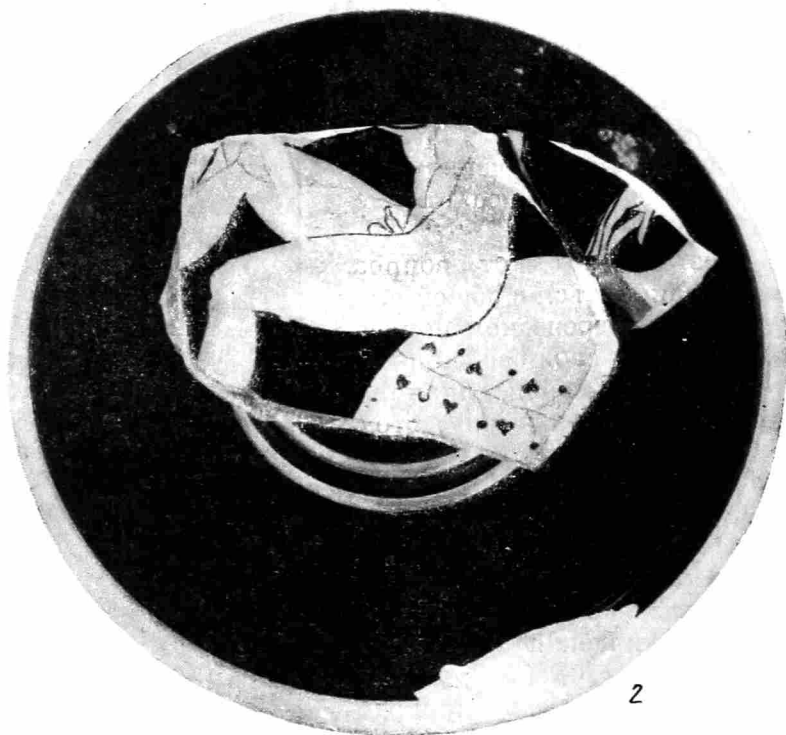

Рис. 15. Бронзовая пряжка с изображением лося (1) и обломок краснофигурного киллика (2) из ямы № 15.

Обычно агора располагалась вблизи акрополя, около входа на него; в приморских городах — в нижней части, у подножья. Иногда в городе пмелись две агоры. В Пергаме, например, одна агора находилась в Верхнем городе, другая — в Нижнем. Две агоры — восточная и западная — пмелись и в Милете и в других городах.

Первоначальное устройство агоры было весьма разнообразно: планировка ее находилась в сильной зависимости от рельефа местности, а также

¹ Thucyd., III, 3.

² Paus., II, 8, 1.

от значения того или иного города. Древняя агора представляла собой открытое пространство со зданиями, которые были разбросаны по всей площади, без всякой системы. Даже колоннады, встречавшиеся на агоре начиная с V в. до н. э., имели самые различные положения.

К эпохе эллинизма, с развитием градостроительства по системе Гипподама Милетского, вырабатывается так называемый ионийский тип агоры, получивший широкое распространение.¹ Если ранее агора устраивалась обычно вблизи акрополя, теперь для нее всегда стараются выбрать центральное положение, около прохождения главной городской магистрали. Ярким примером может служить агора Приены — города, строительство которого началось лишь в конце IV в. до н. э. Также и в Милете, заново перепланированном в эпоху эллинизма, большая южная агора заняла центральное место.

Так называемая ионийская агора представляла собой в плане вытянутый прямоугольник, одной из своих длинных сторон примыкавший к главной улице. Эта сторона обычно оставлялась открытой, а с трех других сторон агора обрамлялась портиками, к которым примыкал ряд не сообщавшихся друг с другом помещений. По своим размерам агора равнялась нескольким кварталам, но размеры ее в разных городах были различны. В Пирее, например, она соответствовала ширине двух кварталов, также и в Приене; в Магнессии ширина ее равнялась ширине шести кварталов, а в Милете — шестнадцати.

В эпоху эллинизма замечается тенденция сосредоточивать храмы и общественные сооружения, как булевтерий, пританейон и др., не на самой агоре, а вблизи нее, большей частью по другую сторону главной городской магистрали. Открытое же пространство площади использовалось главным образом для проведения народных собраний и больших культовых празднеств, а также для торговых целей. Однако небольшой храм Зевса эллинистического времени, открытый на агоре Магнессии, свидетельствует, что и в это время храмы могли располагаться на самой площади.

На агоре устанавливались алтари; их фундаменты были открыты в Афинах, Приене, Милете и других городах. Выставлялись также и почетные декреты. В Приене, например, почетные декреты были расположены в определенном порядке, в несколько рядов вдоль главной улицы и портиков. Очевидно агора была тем «видным местом в городе», о котором так часто упоминается в надписях.

Восточная агора Милета, расположенная в центре Верхнего города, по своим размерам является наибольшей агорой из всех известных. К ее восточному портику примыкали три ряда помещений, причем помещения последнего ряда выходили фасадом на улицу, подходившую к агоре с этой стороны. Агора Приены была окружена с трех сторон портиками с примыкающими к ним помещениями. С северной стороны, по другую сторону дороги, где местность несколько повышается, находился еще один отдельно стоящий портик, возведенный на невысоком стилобате; сзади к нему примыкал ряд помещений.

Обычно помещения, вытянутые в одну линию и расположенные по краям площади, рассматриваются как магазины или склады товаров. Однако, если большинство помещений и служило магазинами, часть из них могла иметь и другое назначение. Об этом свидетельствуют, например, материалы агоры Магнессии и Приены. Так, о двух помещениях,

¹ K. W y c h e r l e y. The Ionian Agora. JHS, t. LXII, 1942; A. G e r k a n. Griechische Städteanlagen. Berlin—Leipzig, 1924, S. 94 u. f.

обрамлявших агору в Магнезии на Меандре, автор работы об понийской агоре пишет, что они являлись маленькими сокровищницами культового назначения.¹

В Приене один из портиков, расположенный по ту сторону дороги, прямо носил наименование «священный». Виганд отмечает, что помещения, примыкавшие к этому портику, были связаны не с торговыми, а с другого назначения постройками агоры. Более того, характеризуя помещения, прилегающие к другим портикам, как магазины, он считает нужным оговориться, что «вероятнее всего» они являлись магазинами, а затем оговаривается еще раз, что это только вероятное предположение; повидимому, слишком большое количество магазинов (открыто 31 помещение) несколько смущало Виганда.²

К сожалению, материал, связанный с отдельными комплексами, не издан и не охарактеризован; поэтому нам не известно, что именно побудило названных авторов высказывать подобные предположения и сомнения. Во всяком случае небезинтересно, что при более тщательном изучении помещений, вытянутых вдоль агоры, не все из них могут быть определены как торговые. Это обстоятельство, как нам кажется, заслуживает особого внимания, тем более, что исторически засвидетельствована тенденция превращения агоры в общественно-политический центр: с ее территории рынок или удалялся совсем, или ограничивался какой-то определенной, небольшой частью площади.

Уже Аристотель говорит, что агора в Фессалии должна была быть свободной от всякого рода товаров, и не один купец не мог появляться на агоре без специального приглашения магистратов.³ Торговая площадь, по его указанию, должна быть отделена от площади, предназначенной для общественно-политических дел. К эпохе эллинизма эта тенденция, очевидно, все более и более развивается; в Приене, например, рядом с агорой строится специальный небольшой рынок для торговли мясом и рыбой. В Милете западная часть агоры была вовсе освобождена от торговых помещений, прилегавших обычно к портикам. В Фере рыбный рынок находился по соседству с агорой.

Если в свете этих данных мы обратимся к площади, раскапываемой в Ольвии, то резко определится ряд черт, сближающих ее с греческой агорой. Расположение площади в центре города, на линии прохождения главной городской магистрали отвечает требованиям местоположения агоры. Сосредоточение общественных зданий по краям площади со свободным, мало застроенным пространством посредине также является одной из характерных черт планировки агоры. Планировка общественного здания А находит ближайшие аналогии в вытянутых в один ряд помещениях торгового ряда, обрамлявших агору в других городах. Ольвийский торговый ряд IV—III в. до н. э. особенно близок к зданию агоры Перахоры.

То обстоятельство, что в части помещений торгового ряда были найдены культовые предметы, не должно нас смущать; мы видели, что не все помещения в Магнезии и Приене трактуются как торговые. Также не должно смущать и то, что ольвийская агора была вымощена черепками, а не камнем. Камень являлся для Ольвии дорогим материалом, поэтому ольвиополиты нашли разумное решение в перекрытии площади черепками. Тщательно сложенная вымостка раннего времени была сделана настолько прочной, что сохранилась до наших дней. Вымостка черепками не требовала особой

¹ K. W y c h e r l e y, указ. соч., стр. 26.

² W i e g a n d - S c h r ä d e r. Priene. Berlin, 1904, S. 214.

³ A r i s t o t ., Pol., VII, 12, 2, p. 1331a—b.

квалифицированной рабочей силы и могла выполняться рабским трудом; починка ее также была несложна. В районе же входа площадь была вымощена известковой крошкой.

Сам по себе участок, занимаемый площадью, расположенной в центре города, отличается от других районов Ольвии, особенно от его жилых кварталов. Характерная для последних скученность построек и максимальное использование остатков разрушенных зданий отсутствуют на данном участке. Вместе с тем, как уже указано, необычайная насыщенность культурных слоев материалом свидетельствует об интенсивности использования территории площади начиная с VI в. и кончая II в. до н. э. По нашему мнению, имеются все основания считать открываемую городскую площадь в Ольвии агорой. На это указывает и количество обломков декретов совета и народа, находимых за последние годы на ее территории. Подавляющее большинство мраморных плит с надписями представлено мелкими обломками, на которых часто сохранились лишь отдельные буквы или окончания отдельных строк. Однако даже и такие обломки дают иногда возможность судить о характере надписей, части которых они составляли; примером может служить осколок плиты с четырьмя буквами **HMQ**, т. е. δῆμος, позволяющий предполагать наличие декрета с постановлением совета и народа.

Особо выделяется среди новых эпиграфических памятников почетный декрет в честь сыновей херсонеса Аполлония.¹ Декрет сохранился в значительной части; он представляет собой вынесенное, по предложению синедров, постановление совета и народа Ольвии об увенчании золотым венком Ефрона, Аполлония и Аполлодора (?), с торжественным провозглашением об этом через глашатая в народном собрании. Большая услуга, оказанная городу сыновьями Аполлония, которые, очевидно, одолжили три тысячи золотых или погасили означенную сумму долга, взятую городом ранее, была тем значительней, что оказана в трудное для города время (...δὲ τῶν κοινῶν ἀστέν[ειαν]...). И отец их Аполлоний также много раз помогал городу, за что в свое время был награжден венком, статуей и другими почестями.

Эта надпись, относящаяся к III в. до н. э., является ценным историческим документом, свидетельствующим о тяжелом экономическом положении Ольвии, которое, очевидно, осложнялось еще и политической обстановкой. Кроме того, надпись проливает свет на взаимоотношения Ольвии с Херсонесом, выявляя дружественные связи этих городов в III в. до н. э.

О дружественных связях Ольвии с Херсонесом мы узнаем также из найденной на дне водоема другой надписи III в. до н. э. в честь херсонеса Дионисия, сына Тагона. Она представляет собой часть декрета о проксении; упоминаемый житель Херсонеса чествуется за услуги, которые он оказывал приезжающим в Херсонес ольвиополитам.²

Еще один обломок декрета о проксении, относящийся к IV в. до н. э., был найден экспедицией 1952 г. (рис. 16). К сожалению, от него сохранилась лишь незначительная часть, но трафаретность формулировок последних строк не оставляет сомнений в его принадлежности к декретам этого рода. Значительный интерес представляет обломок надписи II в. до н. э. с упоминанием храма Аполлона. Наряду с почетными декретами были найдены

¹ Е. Л е в и. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. ВДИ, 1953, № 1, стр. 177—183.

² Е. И. Л е в и. Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. ВДИ, 1951, № 1, стр. 173—184; Л. М. С л а в и н. Древний город Ольвия. Київ, 1951, стр. 83, 84.

и обломки посвященных надписей. Подавляющее число надписей было сосредоточено на северном участке площади, вблизи прохождения городской магистрали, что является характерным для агоры.

Определение площади как агоры подтвердилось и раскопками 1952 г., когда был открыт монументальный алтарь V в. до н. э., стоявший на площади вблизи храма.

Рис. 16. Обломок декрета о проксеппи.

Итак, агора, расположенная в центральной части Верхнего города Ольвии, существовала с VI по II в. до н. э. Первоначально размеры ее были невелики. В V в. до н. э. начинается интенсивная застройка агоры. Остатки зданий, относящиеся к этому периоду, как, например, водоем, алтарь и др., позволяют говорить, что уже в V в. до н. э. площадь была богато оформлена. Но постройки этого времени группировались в основном в северной части. К эпохе эллинизма агора подвергается коренной перепланировке. Границы ее сильно расширяются, частично за счет разрушившихся зданий V—IV в. до н. э., впоследствии уже не восстановли-

ваемых.¹ Одновременно ведутся большие строительные работы на всей территории площади. Большое культовое здание вырастает вблизи от пересекавшей агору улицы на месте ранее находившегося здесь святилища. Особенно интенсивно застраивается центральная часть, где вдоль склона возводится торговый ряд с подвальным этажом, состоявший из вытянутых по одной линии изолированных помещений. Вся площадь вновь перекрывается настллом из черепков.

Во II в. до н. э. богатые постройки эпохи раннего эллинизма гибнут. Незначительные следы строительства этого времени, ни в какое сравнение не идущего с ранее стоявшими зданиями, улавливаются только в центральной части. В I в. до н. э. агора была уже заброшена, и в первые века н. э. она находилась за пределами городских стен, в непосредственном соседстве с последними. Но близость города первых веков нашей эры привела к использованию территории агоры для устройства производственных мастерских и хозяйственных ям.

Исследование ольвийской агоры только началось. У нас еще недостаточно данных, чтобы судить о планировке, особенностях устройства площади в целом, и мы не можем пока восстановить ее здания. Но ольвийская агора дала уже исключительно ценный и новый материал не только для изучения культуры и техники строительства ольвополитов, но и для освещения ряда вопросов по истории города. Разрушение зданий агоры во второй половине IV в. до н. э. (здание *Б*, гидротехническая система, монументальный алтарь), которое носит характер умышленного уничтожения их, свидетельствует об обостренности внутренней обстановки в Ольвии в это время и соответствует словам Макробия² о положении города во время осады Зоприона. Нарочитый характер носит и разрушение ее памятников во II в. до н. э. Обломки мраморных плит, разбитых на мелкие куски, заполняли засыпь одного из культовых помещений здания *А*. Мелкие куски плит и обработанного мрамора весьма часты в засыпи и центральной части агоры. Но особенно большое количество их было найдено при открытии алтаря и в его ближайшем окружении.

Измельченность подавляющего большинства, как мраморных плит³ с греческими надписями, так и архитектурных деталей от мраморного алтаря говорит о преднамеренном разрушении памятников. Это подтверждается и тем, что мелкие куски плит с надписями из различных мест этого участка складываются и из них составляются части, содержащие тексты декретов. Так, например, удалось сложить три обломка надписи II в. до н. э., составившей конец декрета, в котором упоминается храм Аполлона; еще два обломка надписей составили последние строки другого декрета о проксении, в которых говорится о предоставлении права въезда и выезда в военное и мирное время (см. рис. 16).

Эта картина разрушения соответствует словам Диона Хрисостома о том, что «в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках. .».⁴

Однако находки из засыпи, перекрывающей эти остатки, свидетельствуют о более ранней гибели памятников в целом. Подавляющее большинство находок относится ко II в. до н. э. Материалом этого же времени

¹ Северо-восточный участок.

² Масг., Satugn., I, II, 33 (см. в SC, т. II).

³ Счастливым исключением является декрет в честь сыновей Аполлония (см. ранее).

⁴ Dio Chrys., Orat., XXXVI (см. в SC, т. I).

был засыпан и водоем. Очевидно какие-то чрезвычайные события, вызванные общим экономическим и политическим кризисом города, в конце II в. до н. э., еще до пришествия гетов, привели к разорению площади. На долю гетов могло остаться только окончательное разрушение памятников, еще сохранившихся вблизи храмов, алтарей, уничтожение тех декретов с постановлениями народа и совета, которые по старой традиции продолжали стоять на наиболее видном, почетном месте агоры, потерявшей свое былое значение.

Картина, вырисовывающаяся на основании изучения памятников агоры, является яркой иллюстрацией ольвийского декрета в честь Никерата. Этот декрет, относящийся, по определению В. В. Латышева, к концу II— началу I в. до н. э., свидетельствует о крайне тяжелом экономическом и политическом состоянии Ольвии. В декрете прямо говорится, что город обуреваем войнами.¹ Никерату не один раз приходилось принимать участие в отражении врагов.

Небезинтересно вспомнить, что и Дион Хрисостом, говоря о неоднократных разорениях Ольвии, подчеркивает, что нашествие гетов явилось в этой цепи лишь последним звеном: «...он [город Ольвия] постоянно подвергается нападениям; последнее и самое сильное разорение его было не более, как за 150 лет: геты взяли его...».²

Нет сомнений в том, что дальнейшие раскопки и изучение ольвийской агоры дадут ценнейшие материалы для воссоздания истории города, выявления специфики его культуры, а также осветят ряд вопросов по истории северного Причерноморья в целом.

С. Н. О Р Л О В

ОСТАТКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНВЕНТАРЯ VII—X вв.
ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Археологические исследования нижних горизонтов земляного городища в Старой Ладогe, где в силу особых физико-химических условий сохраняются органические остатки, дают исторической науке совершенно новые данные для изучения экономики и культуры северо-восточных славян. Среди многочисленных находок особо важное место занимают предметы, связанные с сельским хозяйством, — орудия обработки земли и продукты земледелия. В слоях VII—X вв. земляного городища найдены металлические земледельческие орудия — железные сошники, серпы, косы-горбуши и др., а также остатки деревянного сельскохозяйственного инвентаря. В массовом количестве встречаются и остатки продуктов земледелия: солома, солома, отруби; особенно важно наличие большого количества зерен ячменя, проса и льна, а также отдельных зерен конопли.¹

Наличие больших скотных дворов, в толще навоза которых имеется не только солома, но болотные и луговые травы, свидетельствует о широко развитом стойловом скотоводстве и о заготовке сена на зиму.

На основе всех этих находок В. И. Равдоникас² и Г. П. Гроздилов³ пришли к выводу о наличии пашенного земледелия в Ладогe в VII и VIII вв.

Вопрос о пашенном земледелии у славянских племен за последние годы получил широкое освещение в работах советских исследователей. Акад. Б. Д. Греков на основании археологических материалов, письменных и других источников пришел к выводу, что среди славянских племен не только южных, но и северных районов не позднее чем с IX—X в. господствовало пашенное земледелие.⁴ П. Н. Третьяков на основе изучения археологических памятников Верхнего Поволжья также определил наличие пашенного земледелия у северной части восточнославянских племен в VII—IX вв.⁵

¹ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII, 1950, стр. 39; Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. СА, XIV, 1950, стр. 162.

² В. И. Равдоникас, указ. соч., стр. 39, 40.

³ Г. П. Гроздилов, указ. соч., стр. 162.

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 15—59; он же. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 33—67.

⁵ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 51; он же. Археологические памятники древнерусских племен. УЗЛГУ, сер. истор. наук, вып. 13, 1949, стр. 272.

Новгородская археологическая экспедиция под руководством А. В. Арциховского за последние годы собрала материал, имеющий исключительную важность для характеристики сельского хозяйства древней Руси. Среди находок имеются зерна пшеницы, ржи, ячменя, гороха и конопли.¹ Исследовавший этот материал А. В. Кирьянов считает, что в Новгородской земле в XI и XII вв. «главенствующее значение» имела паровая, зерновая система земледелия в форме двухполья или трехполья с применением удобрений (навоза).²

В настоящей работе мы ставим своей задачей описать находки главным образом деревянных сельскохозяйственных орудий из нижних горизонтов земляного городища Старой Ладogi, т. е. из слоев VII—IX вв. Это даст возможность полнее осветить степень развития сельского хозяйства и с большей достоверностью позволит сделать вывод о наличии пашенного, полевого земледелия в Ладогe VII—XIII вв.

Переходим к описанию остатков орудий.

Деревянная часть двузубой сохи — «плоти», или «рассоха», на которую насаживался железный ссшиник, была найдена на земляном городище еще в дореволюционное время в раскопках Н. И. Репникова.³ К сожалению, эта находка не издана, и в настоящий момент не сохранилась ни сама она, ни документация о ней.⁴ Таким образом мы не знаем точно, в каком горизонте она залегала. Однако, учитывая то обстоятельство, что в верхних горизонтах раскопа Н. И. Репникова деревянные изделия не встречались, можно заключить, что найденная деревянная часть сохи могла относиться к горизонтам не позднее X в. В. И. Равдоникас, касаясь данного вопроса, пишет, что «указанная соха относится или к нашему горизонту „д“ [т. е. к IX—X в.], или к более глубоким горизонтам».⁵

В раскопках 1947 г. на участке, граничащем с раскопом Н. И. Репникова, найден железный сошник в слое VII в.⁶ У сошника рабочий конец сношен, а одна из краев, при помощи которых он насаживался на деревянную часть сохи, сломана (рис. 1). Эта находка неоспоримо доказывает наличие сохи в самых нижних горизонтах земляного городища Ладogi.

Часть второго основного сельскохозяйственного орудия, зуб от бороны-смыка, найден экспедицией на земляном городище в 1938 г. в слое IX в.⁷ Как известно из этнографических данных, бороны-смык изготовлялись из нескольких еловых плах с сучьями, которые обрубались на длину 0.30—0.80 м.⁸ Каждый такой сук носит название «зуб». Нижний рабочий конец зуба заострялся с тыльной стороны для того, чтобы получить острие на передней, рабочей части зуба. Естественный изгиб зуба вогнутой частью обращался вперед с целью увеличения упругости зубьев, необходимой при бороновании (рис. 2).

¹ А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 147.

² Там же, стр. 156, 157.

³ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 48.

⁴ По сведениям, полученным нами от В. И. Равдоникаса, последний раз он видел эту находку в экспозиции Русского музея в 1930 г. Предпринятые нами поиски хотя бы фотографии экспозиции с сохой не увенчались успехом. Вероятно соха и снимки погибли в период войны. О наличии деревянной части сохи из раскопок Н. И. Репникова В. И. Равдоникас сообщает в брошюре «Доисторическое прошлое Тихвинского края» (Тихвин, 1924, стр. 27, прим.).

⁵ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 48.

⁶ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII, 1950, стр. 39, 40, рис. 35.

⁷ Там же, стр. 47, 48, рис. 35.

⁸ D. Z e l e n i n. Russische (ostslavische) Volkskund. Berlin—Leipzig, 1927, S. 23, Fig. 9.

Неоднократно на городище встречены деревянные мотыги. Целая мотыга найдена в горизонте VII в.¹ Она изготовлена из плотного дерева лиственной породы, вырубленного с корневищем. Рабочая часть мотыги сделана из корневища, а ручка из ствола дерева. Рабочий конец мотыги имеет сильные следы сработанности, сношенности (рис. 3, 3). Судя по этнографическим данным, деревянные мотыги кое-где применялись при обработке земли еще в XIX в. Аналогичной формы и обработки мотыги использовались

Рис. 1. Железный сошник с земляного городища Старой Ладogi.

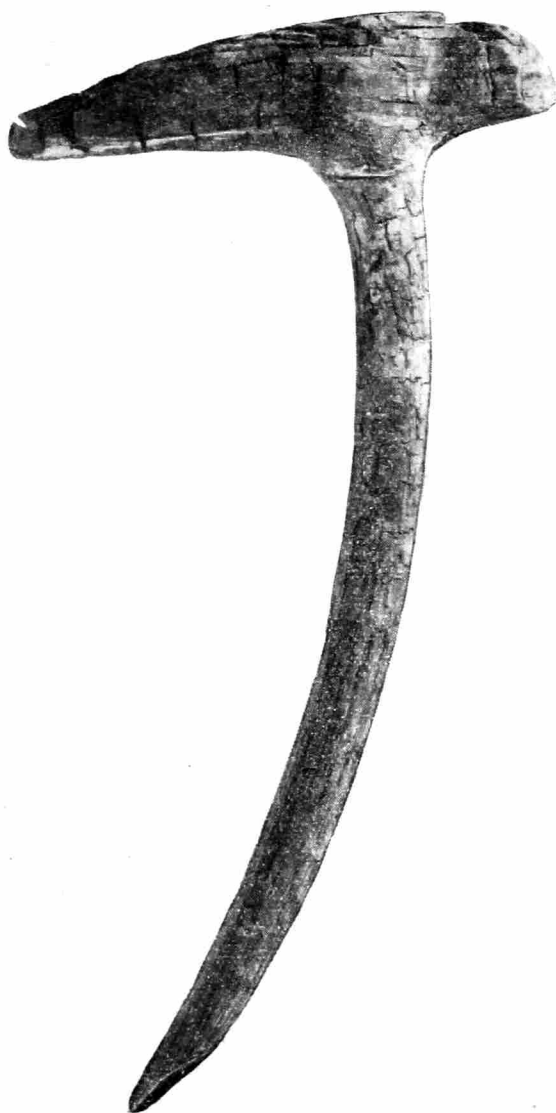

Рис. 2. Зуб от деревянной бороны-смыка с земляного городища Старой Ладogi.

в прошлом при подсежном земледелии в Вологодской губернии.² Белорусские крестьяне употребляли подобные деревянные мотыги в XIX в. для рыхления земли в огороде.³

Кроме деревянных мотыг, в слоях VII и VIII вв. земляного городища найдены в обломках три деревянных сельскохозяйственных орудия, так

¹ (ЛС-1969). Общая длина мотыги 0.90 м (длина рабочей части 0.27 м). Ширина рабочей части 0.10 м. Диаметр ручки 0.04—0.05 м.

² D. Zelenin, указ. соч., стр. 13, рис. 10.

³ А. Сержпутовский. Земледельческие орудия Полесья. Матер. по этнографии России, т. I. СПб., 1910, стр. 46 и сл.

называемые глызбойки.¹ Орудия представляют собой палки, изготовленные из плотного дерева лиственной породы, вырывавшегося вместе с корневищем. При обработке корневища получался утолщенный ударный конец, обладающий необходимой плотностью и тяжестью (рис. 3, 1, 2).

Подобные деревянные глызбойки широко использовались в дореволюционном крестьянском быту. По словарю В. Даля, «глызбойка» происходит от слова «глыба», что означает «ком твердой земли или дернины на пашне».² В северных районах этот термин имеет областные варианты. Например, в новгородском варианте — «глыза», а в псковском — «глыжа», откуда в одном случае орудие называли «глызбойка», а в другом — «глыжебойка», что означает «ручное орудие для разбивки глыб на пашне».³ По описанию В. Даля, глызбойки повсеместно бытовали как орудия обработки земли в северных лесных районах нашей страны в XIX в.⁴ Такие же орудия широко применялись при обработке поля и у прибалтийских народов в конце XIX—начале XX в.⁵ В своем описании А. Биленштейн сообщает, что прежде чем латыши научились употреблять полевой каток (см. ниже), они пользовались другим орудием, чтобы размельчать комки глины перед посевом или после посева, которые борова не могла разбить. Для этой цели им служил березовый молоток. Дальше указывается, что такие орудия хорошо известны из областей Виндау и Доблена и из других мест Латвии.⁶

Глызбойки были известны и на территории Германии (рис. 4).⁷ Глызбойка, изображенная в руке немецкого крестьянина XV в., совершенно аналогична находкам из Ладоги.

Судя по этнографическим данным, это простейшее сельскохозяйственное орудие было совершенно необходимо в крестьянском хозяйстве при обработке поля сохой и бороной-смыком, особенно на участках суглинистых почв, предназначенных под посев льна. Наличие большого количества семян льна в слоях VII—IX вв. на земляном городище, где найдены и данные орудия, подтверждает их применение для этой цели, так как земля в районе Старой Ладоги состоит преимущественно из суглинка и подзола.

В одном из трактатов по сельскому хозяйству, принадлежащему западноевропейскому автору XIV в., говорится, что «поле, предназначенное под лен, должно быть вспахано до зимы, чтобы комья на морозе распались на мелкие комочки; по прошествии зимы оно должно быть вспахано вторично, как можно раньше, распаханно и перепахано раз пять-шесть, до превращения земли в порошок».⁸

Простейшие орудия обработки земли — глызбойки, найденные в Ладоге в слоях VII и VIII вв., — дают очень важные указания на то, что здесь мы имеем дело не с подсечным, а с пашенным полевым земледелием. Находки сельскохозяйственных орудий, описанных выше, не дают еще основания для заключения о наличии пашенного земледелия, так как все

¹ (ЛС-1864, ЛС-1865, ЛС-1623). Длина глызбойки 1.5 м, диаметр нижней части 0.10—0.80 м.

² Вл. Даль. Толковый словарь, т. I. 1935, стр. 369.

³ Там же, стр. 369.

⁴ Там же.

⁵ A. Bielenstein. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, T. II. Petrograd, 1918, S. 494.

⁶ Там же.

⁷ Georg Buschan. Illustrierte Völkerkunde. Stuttgart, T. II. 1926, S. 347, Fig. 193.

⁸ А. И. Хоментовская. «О выгодах сельского хозяйства» Петра Кресценция. Агрокультура в памятниках западного средневековья. М.—Л., 1936, стр. 310.

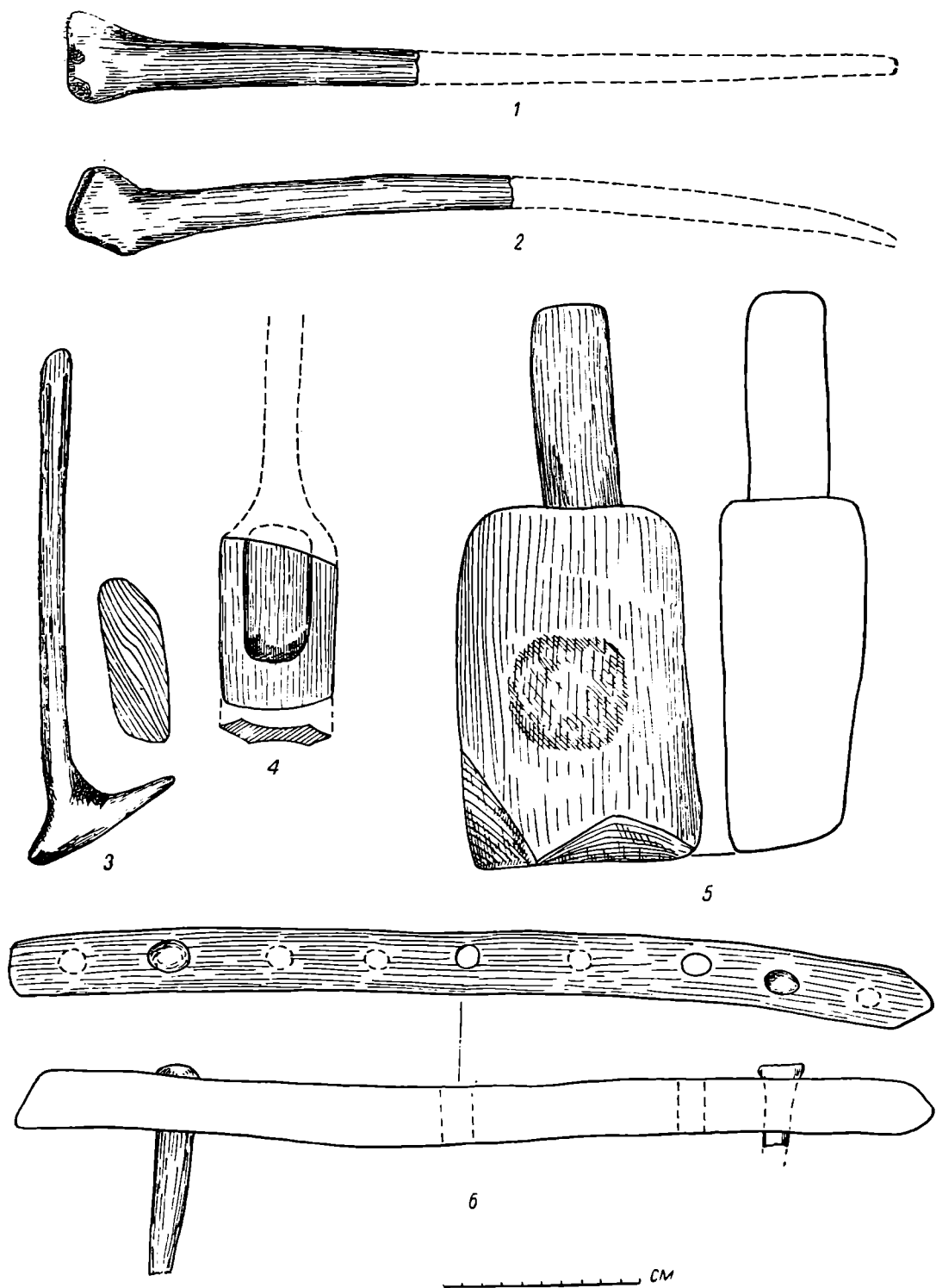

Рис. 3. Деревянные предметы с земляного городища Старой Ладоги.
 1, 2 — обломки «глызобоек»; 3 — деревянная мотыга; 4 — обломок лопасти лопаты; 5 — дубовая колотушка; 6 — колодка от граблей.

эти орудия могли быть использованы, и использовались, в первую очередь при подсечном земледелии. Даже железный сошник не разрешает этого вопроса полностью, так как он имеет симметричную форму. Из этнографических материалов известно, что подобные симметричной формы сошники использовались обычно без перекладной палицы, такие сохи носили название «цапулька» и предназначались для «царапания» по гари при подсечном земледелии.¹ Д. К. Зеленин пишет: «Пахать же в собственном смысле слова — это значит отваливать землю палицею. С палицею соха стала загребать землю и отваливать в одну сторону — пахать».²

Рис. 4. Изображение немецкого крестьянина XV в. лопатой, серпом и «глызбойкой» (Knuappelstoek). (По G. Buschan).

Использование глызбойки могло иметь место только при наличии пашенного земледелия, когда земля переворачивалась, а не царапалась. При царапанье по гари в подсечном земледелии комки, «глызы», не могли образовываться. Земля, вспаханная и перевороченная в поле сохой с присошником или плугом, засыхает и превращается в комки. Деревянная борона-смык не могла разрыхлить эти комки, и только при помощи глызбойки можно было обработать такое поле для посева, разбивая каждый комок в отдельности.³ Позднее, с развитием техники пашенного земледелия, в северных областях глызбойку сменяет «валек», так называемый

¹ Д. К. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1908. Там же, стр. 28, 29.

³ Совершенно аналогичной формы «глызбойки» (именно с таким названием) применялись для разбивки комьев земли на поле в некоторых деревнях Тихвинского района Ленинградской области еще в 20-х годах нашего столетия, и автор настоящей статьи сам в детстве работал на поле с таким орудием.

глыбодроб,¹ который катали по полю с помощью лошади и его тяжестью разминали комки на поверхности поля. В этнографической литературе имеются подобные сведения.² Даже появление железной бороны не исключало обработку поля вальком.

Таким образом, находки глызобоек в слоях VII и VIII вв. на земляном городище Ладogi дают основание с большей уверенностью сделать вывод о наличии пашенного земледелия у древних ладожан в этот период и тем самым подтверждают выводы В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова по данному вопросу.³

В раскошках 1948 г. на земляном городище в слоях IX и X вв. найдено несколько железных сошников, которые имеют уже асимметричную форму, т. е. принадлежат сохе как пашенному орудью, а не «цапульке»⁴ (рис. 5). Соха с сошниками асимметричной формы отваливала землю с помощью «лопатки», «присошника», т. е. пахала.

Кроме орудий для обработки земли, на земляном городище Ладogi собрано большое количество деревянных изделий, которые характеризуют другие циклы сельскохозяйственных работ. Например, в коллекции широко представлены орудия для обработки льна. В слое VII в. найдена дубовая колотушка, которая, вероятно, служила для выколачивания семян льна⁵ (рис. 3, 5). На одной стороне колотушки имеется выпуклость, которая и служила ударной частью, что подтверждается сбитостью от употребления. В этнографической литературе хорошо известны аналогичные колотушки, употребляемые для выколачивания семян льна.⁶

Собрана целая серия трепал — орудий для последующей обработки льна. Из 27 находок десять оказались целыми или легко восстанавлимыми. 17 орудий были в обломках.

По форме все известные нам трепала с земляного городища распределяются на три типа. А) ножевидные трепала с зарубками по рабочему краю (иногда зарубки имеются с обеих сторон):

Рис. 5. Железный сошник с земляного городища Старой Ладogi.

¹ Вл. Даль. Толковый словарь. т. I. 1935, стр. 369.

² А. Виленштейн, указ. соч., стр. 492, 493.

³ В. И. Равдоникас. Старая Ладoga. СА, XII, 1950, стр. 39, 40; Г. П. Гроздилов, указ. соч., стр. 162.

⁴ Г. П. Гроздилов, указ. соч., стр. 150.

⁵ (ЛС-1320). Общая длина колотушки 0,28 м (длина ручки 0,10 м, длина рабочей части 0,18 м), ширина рабочей части 0,115 м и толщина 0,70 м.

⁶ D. Zelenin, указ. соч., стр. 50; А. А. Николова. О возделывании льна. Изв. имп. Общ. любит. естеств., антропол. и этнограф., т. XXXIX, ч. I, 1879—1880, стр. 17; Г. В е р е щ а г и н. Вотяки Саранульского уезда Вятской губернии. Зап. имп. Русск. географ. общ. по отд. этнограф., т. XIV, вып. 3, 1889, стр. 53.

Б) ножевидные трепала с гладкими рабочими лезвиями; В) трепала в виде дощечки с гладким и расширенным рабочим краем.

По условиям находок устанавливается, что трепала типа А, с зарубками по рабочему краю, являются древнейшей формой. Все они найдены в са-

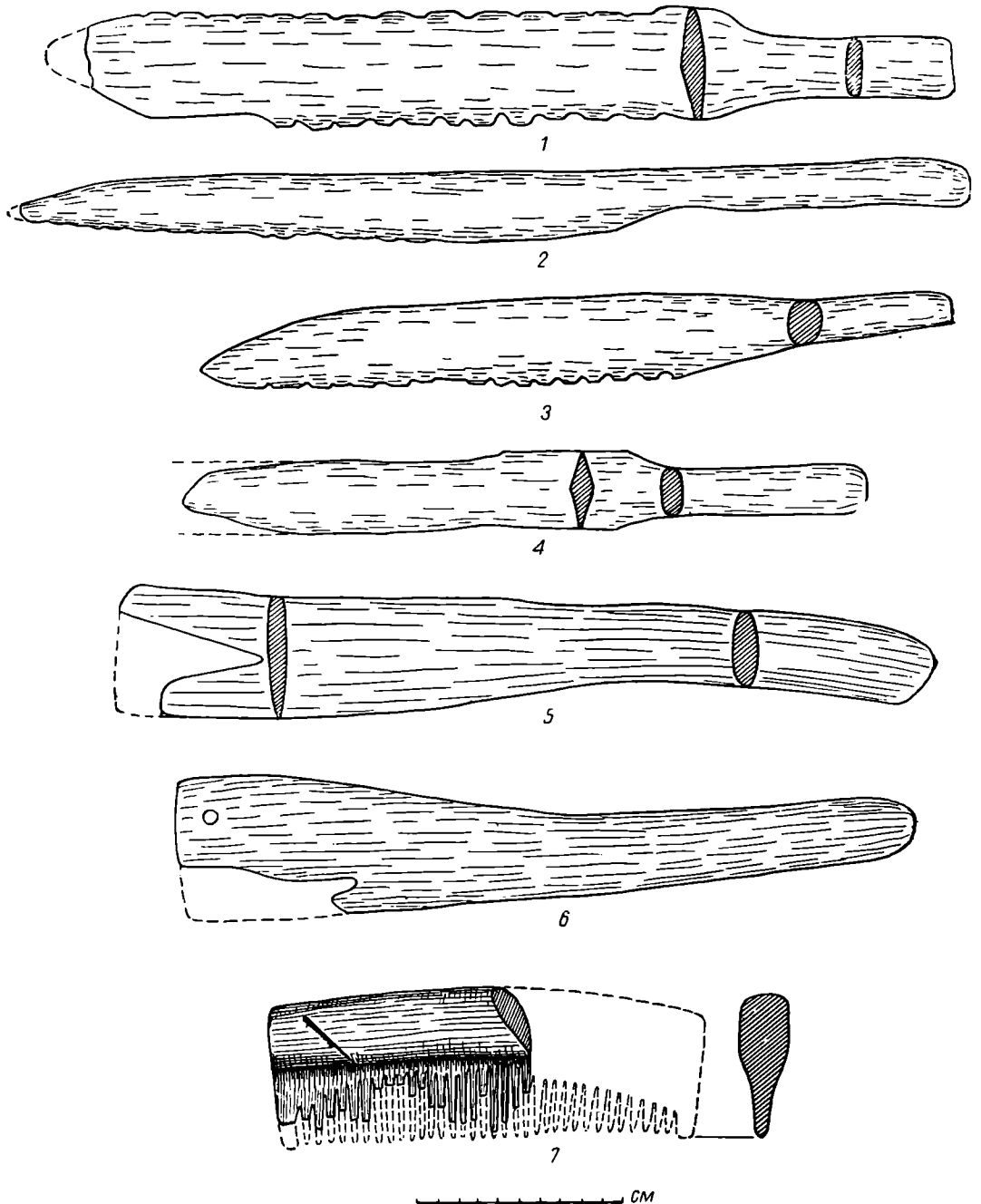

Рис. 6. Деревянные предметы с земляного городища Старой Ладогги.

1—6 — трепала для обработки льна; 7 — деревянный гребень для расчесывания льна и шерсти.

мых нижних слоев земляного городища, относящихся к VII и VIII вв. (рис. 6, 1—3 и рис. 7). В этнографических материалах трепал такой

формы мы не знаем, но в археологических находках они имеются не только в Ладогe. Целая серия подобных инструментов найдена М. П. Грязновым в жилище Большереченской культуры VII в. до н. э. на Алтае. Там они изготовлены из лопаточных костей лошади; узкий конец их имеет вид ручки, второй, широкий, является рабочим. Рабочий край алтайских орудий сильно залощен и частично сношен от употребления, причем интересно, что на нем также имеются зарубки, аналогичные зарубкам на трепалах типа А из Ладogi. М. П. Грязнов считает, что орудия эти использовались как трепала для обработки растительного волокна.¹

Трепала типа Б являются последующей стадией в развитии формы. Зарубки по рабочему краю исчезают, хотя форма остается пожевидной (рис. 6, 4). Подобная форма трепала широко известна по этнографическим материалам.² Г. Верещагин, наблюдавший эти орудия в работе, пишет, что после мятья лен и коноплю обрабатывают «ручным трепалом, которое не что иное, как деревянный нож, заостренный с обеих сторон».³

Трепала типа В, с широким рабочим краем, представлены в Ладогe двумя экземплярами, которые найдены в слое IX и X вв. Этот тип трепала является завершающим в ряду развития рабочего края орудия. Он повсеместно бытовал в крестьянских хозяйствах вплоть до наших дней и хорошо представлен в музейных коллекциях (рис. 6, 5, 6).

В горизонте VIII в. найден обломок массивного деревянного гребня⁴ (рис. 6, 7). Из этнографических материалов известно, что деревянные гребни использовались для чесания кудели.⁵ Подобные большие костяные и деревянные гребни встречались и раньше при археологических раскопках, обычно они трактуются как орудия обработки льна или шерсти.⁶

Грабли в коллекции представлены одной колодкой с зубьями (рис. 3, 6).⁷ Колодка обработана со всех четырех сторон бруском и имеет

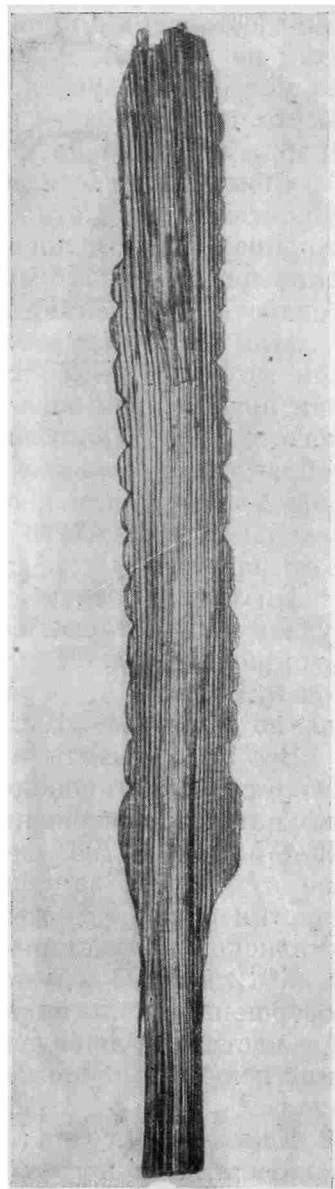

Рис. 7. Деревянное трепало для обработки льна с земляного городища Старой Ладogi.

¹ М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950, стр. 8, табл. II, 5.

² А. А. Николаева, указ. соч., стр. 24; К. M o s z i n s k i. Kultura ludowa slowian. Krakow, 1929.

³ Г. Верещагин, указ. соч., стр. 55.

⁴ (ЛС-1895). Длина обломков гребня 0.128 м, толщина 0.025 м. Длина зубьев в центре гребня около 0.05 м. Общая длина гребня по реконструкции равна 0.21 м, ширина 0.075 м.

⁵ А. А. Николаева, указ. соч., стр. 25.

⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 188; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 37, рис. 25; М. П. Грязнов, указ. соч., стр. 8, табл. III, 1; Т. С. Пассек. Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 11, рис. 5.

⁷ (ЛС-1625). Длина колодки 0.467 м, толщина 0.03 м, ширина 0.035 м.

легкий изгиб внутрь. В колодке сделано четыре отверстия для зубьев. Средний диаметр отверстия около 0.015 м. В одном отверстии сохранился целый зуб длиной 0.105 м, во втором — обломок зуба. Непропорциональность расположения отверстий для зубьев, а также отсутствие отверстия для насада на стержень-грабловище дают основание заключить, что колодка была оставлена в процессе изготовления. Исходя из расположения отверстий на колодке, можно предположить, что колодка должна была иметь не менее семи зубьев, которые мы и нанесли на рисунке схематически. Место находки ее — горизонт IX в. Подобные семизубые и пятизубые грабли известны по миниатюрам Кенигсбергской летописи.¹

Обломок лопасти деревянной лопаты, найденный в горизонте VIII в., вероятно, также относится к предметам сельского хозяйства. На обеих сторонах лопасти лопаты имеются выемки. Судя по материалам этнографии, лопаты с углублениями на лопастях обычно используются в сельском хозяйстве при веянии зерна во время молотбы (рис. 3, 4).

При пашенном земледелии в северных лесных районах основным видом тягловой силы являлась лошадь. С появлением пашенного земледелия лошадь, как известно, больше не используется в качестве животного, предоставляющего мясную пищу. К сожалению, кости животных, собранные в нижних горизонтах земляного городища, до сих пор не определены. Кости лошади в горизонтах IX и X вв. встречены в незначительном количестве по сравнению с находками костей свиньи и крупного рогатого скота.²

Но о важном значении рабочей лошади на Ладоге в VII и VIII вв. можно судить по некоторым косвенным данным. Например, в слоях VII—IX вв. земляного городища собрана целая серия деревянных изделий в виде палочек. Судя по этнографическим аналогиям, подобные изделия носят название «лещетки». В Старой Ладоге нами учтено 17 лещеток.

Все эти предметы имеют одну плоскую сторону и небольшие зарубки на концах с противоположных сторон. В трех случаях имеются находки парных пластин, совершенно тождественных друг другу (ЛС-1589 и ЛС-1599, ЛС-1754 и ЛС-1796, рис. 8, 2, 3). Две пластины (ЛС-1601) имеют, в отличие от других, зарубки не на концах, а посередине. Плоские стороны пластин подогнаны точно друг к другу (рис. 8, 5). Размеры лещеток из ладожской коллекции колеблются в длину от 0.03 до 0.13 м, в ширину от 0.012 до 0.03 м и в толщину от 0.01 до 0.016 м. Деревянные лещетки, совершенно аналогичные описываемым, широко применялись коновалами при кастрации лошадей вплоть до недавнего времени;³ описание данного типа лещеток можно найти в некоторых современных ветеринарных учебниках.⁴

Еще одна находка (ЛС-1025) также относится, очевидно, к инструменту коновала. Она представляет собою деревянную колодку длиной 0.22 м, с двумя отверстиями на одном конце. Второй конец колодки имеет вид ручки. Подобные инструменты употребляются и в современной ветеринарной практике для усмирения разъяренных животных и носят название «закрутка».⁵ Верхняя губа животного закручивается петлей жгута, который

¹ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 200.

² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 51, 52.

³ Для операции требуются две лещетки с хорошо подогнанными друг к другу плоскими сторонами.

⁴ Учебник для младших ветеринарных фельдшеров. Под общ. ред. А. М. Локтионова. М., 1946, стр. 288. рис. 17; Ветеринарный энциклопедический словарь, т. I, 1950, стр. 437.

⁵ Сельскохозяйственная энциклопедия, т. I. М., 1937, стр. 218, рис. 34.

продевается сквозь оба отверстия колодки (рис. 8, 1). Кроме того, ветеринарным инструментом, повидимому, является и находка в виде деревянного молоточка, изготовленного из стержня древесины с сучком вместо ручки (ЛС-212; рис. 8, 4). Подобные инструменты также использовались коновалами при кастрации животных.¹

Для общей характеристики сельского хозяйства VII—IX вв. очень важно знать весь состав стада домашних животных. Изучение остеологи-

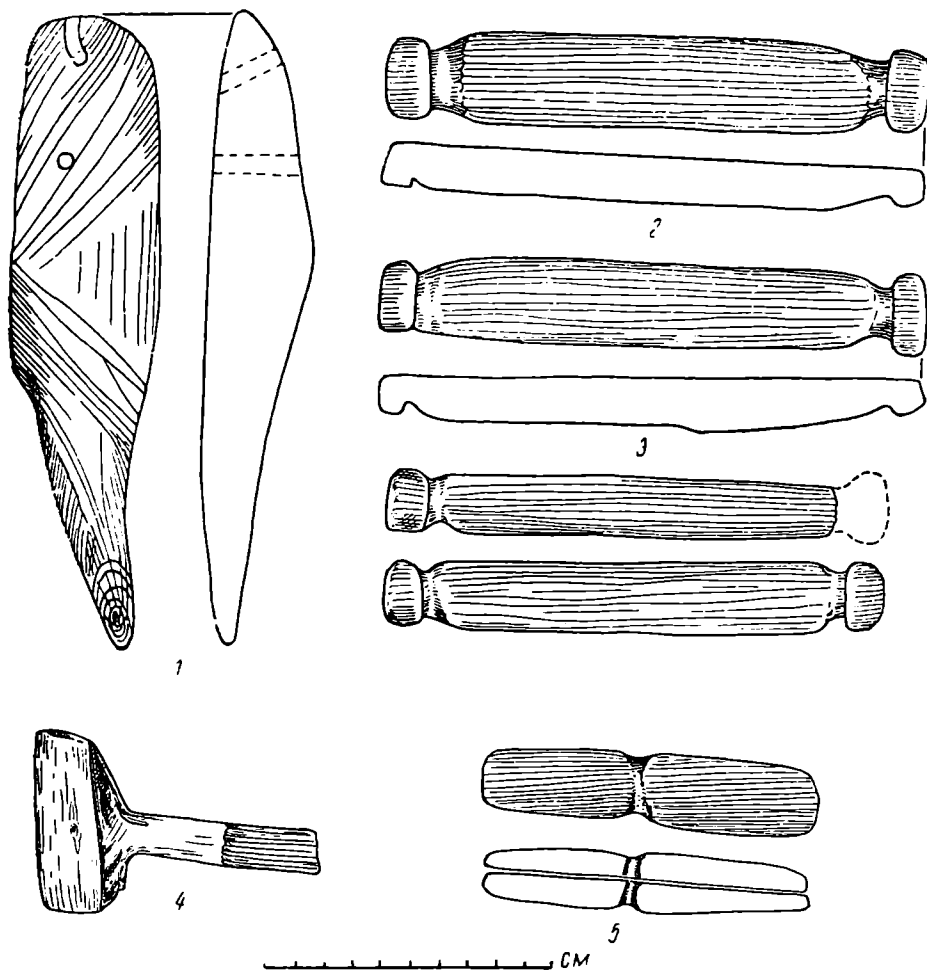

Рис. 8. Деревянные изделия с земляного городища Старой Ладоги.

1 — колодка с двумя отверстиями («закрутка»); 2, 3 — парные пластинки; 4 — молоточек; 5 — плоские стороны парных пластин.

ческого материала из слоев указанного периода земляного городища даст необходимые сведения и по этому вопросу.

Большое значение для изучения степени и уровня сельского хозяйства Ладоги имеет палеоботанический материал, сохранившийся в толще культурных отложений земляного городища периода VII—X вв.² К сожалению, до настоящего времени этот материал мало изучался. При

¹ К. Moszinski, указ. соч., стр. 113, рис. 96.

² В. А. Петров. Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладоги (IX—X вв.). КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 42 и сл.

дальнейших раскопках нижних горизонтов земляного городища крайне необходимо собирать не только остатки хлебных злаков, но и другие растительные остатки, так как по ним, так же как это уже сделано А. В. Кирьяновым по находкам из древнего Новгорода,¹ можно будет более детально изучить сельское хозяйство Ладоги.

¹ А. В. Кирьянов, указ. соч.

С. А. С Е М Е Н О В

ДРЕВНЕЙШИЕ КАМЕННЫЕ СЕРПЫ

Проблема древнейших жатвенных орудий уже давно привлекала внимание исследователей. Зачатки земледелия, по археологическим данным, восходят к раннему неолиту и даже мезолиту. Охотничье-рыболовческие общества послеледниковой эпохи, поставленные перед необходимостью расширять собирательское хозяйство, скоро оценили значение для жизни сбора злаковых растений и предприняли попытки их возделывания.

Однако археологи до конца XIX в. еще не имели представления о первых серпах каменного века, хотя среди добываемых ими материалов эти орудия встречались.

В 1872 г. Эванс, исходя из типологических умозаключений, высказал предположение о жатвенном назначении некоторых орудий серповидной формы из обработанного кремня, найденных в России и Англии.¹ Он сопоставлял их с серпами эпохи бронзы и пытался привлечь к этому внимание ученых. Но одна серповидная форма являлась чисто внешним сходством. Как нам теперь известно, многие каменные серпы, сделанные из одного кремня и относящиеся к эпохе металла, не имеют изогнутой полулунной формы, а напоминают прямые каменные ножи. Однако других признаков для выделения жатвенных орудий из массы каменного археологического материала Эванс не знал.

Между тем в годы, к которым относится высказывание Эванса, уже были известны и другие материалы, касающиеся древних жатвенных орудий, добытые на юге России, в Египте, Месопотамии, Испании и других странах. Это были кремневые вкладыши для составных серпов. Однако эти кремневые детали серпов, носящие следы сильной заполировки на зубчатых лезвиях, археологи, базируясь на тех же типологических соображениях, определяли в качестве частей пилы.

Неверная дешифровка кремневых вкладышей серпов имела хождение в кругах ученых до 1890 г., когда в Египте (Кахуне) Ф. Петри сделал важное открытие, вызвавшее изменение в их оценке.² В слоях, относящихся к додинастической эпохе Египта, был обнаружен целый набор кремневых вкладышей, заключенных в деревянную оправу (рис. 1, I). Вкладыши были не просто вставлены в паз деревянной оправы, но закреплены в нем битуминозным цементным раствором, который при отвердении крепко схватывал камень и дерево.

О том, что перед археологами был серп, а не пила, как полагали прежде, говорило также сходство открытого в Кахуне серпа с нероглифиче-

¹ J. E v a n s. Ancient stone implements. London, 1897, p. 358.

² F. P e t r i e. Illahum Kahun and Gurob, t. III. London, 1891.

скими знаками, изображавшими серпы III династии Древнего Царства на фресках в Мейдуме. Последние были раскрашены; рукоятка (оправа) их была зеленого цвета, а кремневые вкладыши — белого.

Вкладыши открытого в Кахуне серпа были сильно заполированы со стороны рабочего края, который выделялся правильно расположенными зубьями. И хотя эти зубья безусловно были получены в результате глу-

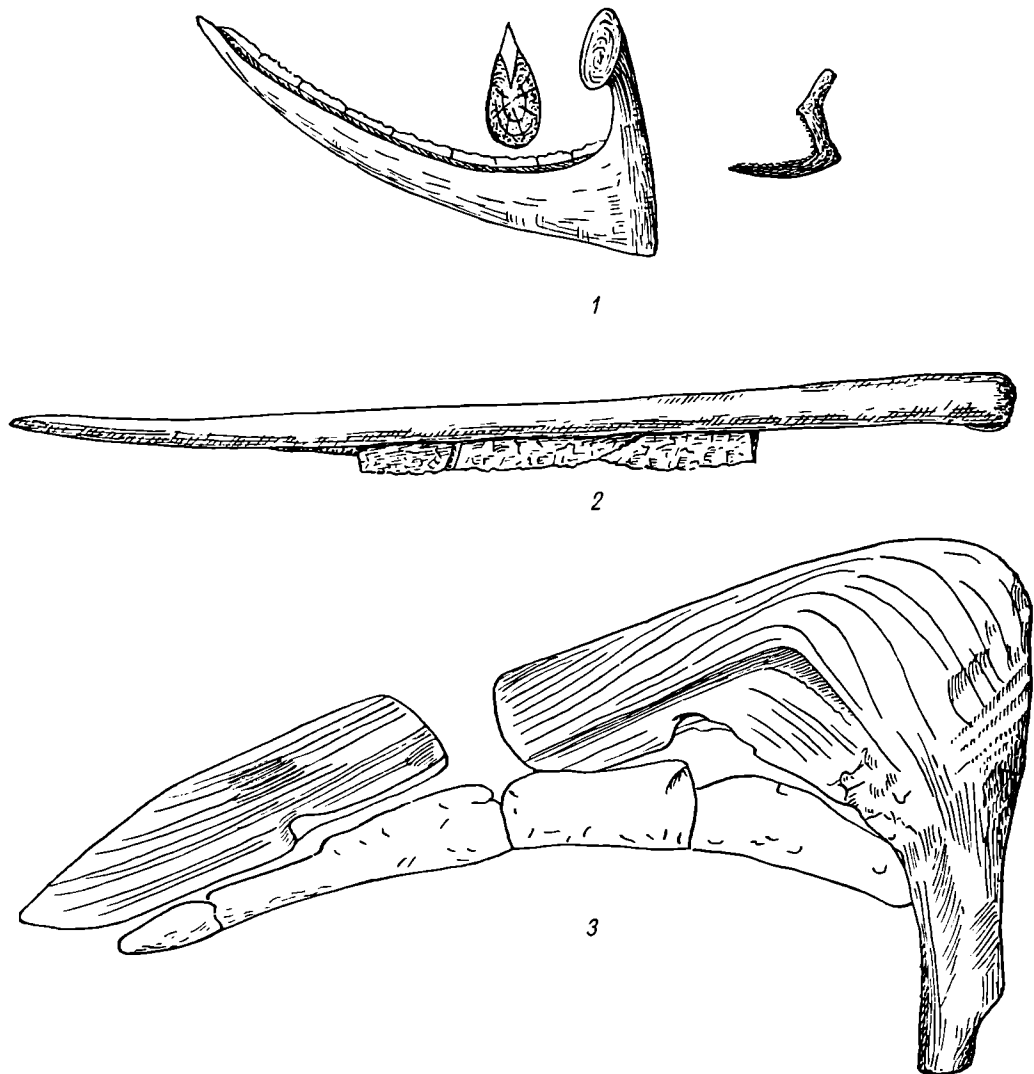

Рис. 1. Деревянный серп из Кахуны (Египет) с набором кремневых вкладышей (1) (рядом изображение серпа на фресках в Мейдуме), прямой серп из Фаюма (2) и серп из Сольферино (3).

бокой пунктирной ретуши, нанесенной намеренно, западноевропейские археологи вначале не поняли техники их изготовления, отгадав только происхождение заполировки.

Ж. де-Морган писал по этому поводу следующее: «Раньше предполагали, что подобные кремневые орудия, чрезвычайно многочисленные во всех египетских неолитических и энеолитических стоянках, были пилы. Оказалось совершенно не так. И ныне почти на всех кремнях от подобных серпов находят следы особой полировки зубьев, полученной не путем

трения о твердое тело, а от соприкосновения с гибким веществом, с соломой, которая, в конце концов, зазубрила все выступы инструмента».¹

Таким образом зубья на вкладышах серпов рассматривались не как преднамеренно сделанные, а как результат срабатывания лезвия от давления на солому в процессе жатвы.

Второй известный французский египтолог, Масперо, также вдохновленный новым открытием, предложил свою гипотезу о происхождении серпов. Масперо со свойственной типологам фантазией заявил, что, изобретая первый серп, древний человек руководствовался «образом нижней челюсти животных», которая своей формой ближе всего подходит к серпу, в частности к египетскому.

Открытие серпа в Кахуне, положившее начало новому, хотя еще не глубокому, осмыслению этой категории орудий, послужило толчком к появлению работ, специально посвященных истории жатвенных орудий, начиная с древнейших каменных.

В 1892 г. Ф. Спуррелль опубликовал работу «Очерки о древних серпах».² В ней он наметил четыре этапа в развитии процесса жатвы и жатвенных орудий. На первом этапе, по мнению Спуррелля, созревшие злаковые растения не сжинались, а просто вырывались с корнем. На втором этапе они подрезались кремневым ножом, на третьем — полулунным кремневым серпом, на четвертом — металлическим серпом.

Каких-либо серьезных фактических и технологических доказательств в подкрепление своей периодизации в развитии процесса жатвы Спуррелль не дал, построив ее скорее умозрительно и на тех немногих данных, которыми он располагал. В особенности его схема была гадательной в отношении двух первых этапов.

Но догадка Спуррелля в отношении кремневых жатвенных ножей как первых серпов заключала в себе зерно правды. В 1898 г. в Стенильде (Дания) Блинкенберг³ обнаружил кремневые пластины со следами заполировки и объявил их, под влиянием гипотезы Спуррелля, древнейшими серпами. Кроме гипотезы Спуррелля и следов заполировки на лезвиях этих пластинок, у Блинкенберга не было других аргументов в пользу принадлежности пластинок к серпам или жатвенным ножам. Но он предполагал, что кремневые ножи и серпы древнейшей формы типологически различать невозможно, ибо они не дифференцировались функционально, они еще совмещали обе функции. По мнению Блинкенберга, такая дифференциация могла иметь место только с появлением вогнутого лезвия.

По существу эти соображения не были правильными, хотя так думали если не все, то очень многие археологи. Как жатвенные ножи, так и наборные из вкладышей серпы нередко встречаются прямыми, без малейшего изгиба рабочего лезвия. В качестве примера прямых вкладышевых серпов может служить известный неолитический серп из северного Факма, опубликованный в 1926 г. Томсеном⁴ (рис. 1, 2). Кинжаловидный кремневый нож древнего слоя Тиритаки, открытый В. Ф. Гайдукевичем в 1949 г., может служить образцом жатвенного ножа, применявшегося в эпоху, значительно более позднюю, чем неолит. Мы не говорим здесь о жатвенных пожах из Луки Врублевецкой, из Поливанова Яра, Анау, о которых будет речь впереди.

¹ Жак де-Морган. Доисторическое человечество. М.—Л., 1926, стр. 173.

² F. Spurrell. Notes on early sicklers. Archaeologia, t. XLIV, 1892.

³ Chr. B l i n k e n b e r g. Skaeflede Stenalders Redskaber. Aarbøger for nordisk Oldkyndighed of Historie, 1898, p. 141.

⁴ G. C. T h o m p s e n. The neolithic industry of the Northern Fayam. Desert, Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, LVI, 1926, p. 309.

В Дании жатвенные ножи в форме кремневых пластин были открыты и после Блинкенберга. Сюда следует отнести жатвенные неолитические ножи из Треллерборга, из Систрупа, из Бундзо. Последние открыты сравнительно недавно Маттиассеном.¹ Они представляют собой призматические кремневые пластинки небольшой величины, с ретушью по одному лезвию или без ретуши. По описанию опубликовавшего их автора, на лезвиях их видны следы интенсивной двусторонней заполировки (рис. 2, 1).

Немалым событием явилось открытие жатвенных ножей в Палестине близ сел. Натуфа. Здесь среди культурных остатков мезолитического возраста были обнаружены кремневые пластины с заполированными лезвиями. Как известно, в Натуфе были сделаны и открытия костных остатков человека, носящего негроидные физические признаки. Присутствие жатвенных орудий в мезолитическом поселении — факт исключительно интересный. Установлено, что в ряде стран Переднего Востока древние металлические серпы служили не только для жатвы злаковых растений, но и для срезания речного камыша, который в большом количестве употреблялся в хозяйстве, начиная с применения его в качестве топлива и кончая постройкой жилищ. Не исключено, что для тех же целей могли служить и каменные серпы, включая сюда и мезолитические. Окончательное суждение о функциях натуфийских жатвенных ножей можно было бы составить лишь после исследования их методом микроанализа. Жатва хлебных растений и срезание камыша — акты разного порядка. В первом случае лезвие режущего орудия ставится под прямым углом к вертикали срезаемого растения и злаки срезаются пучками движением «к себе». Во втором случае лезвие ставится к вертикали камышевого стебля под малым углом и последний режется почти поодиночке косым движением вниз. Эти приемы и кинематика труда, диктуемые свойствами материала, всегда находят отражение в следах изношенности орудий, но могут быть распознаны лишь микроанализом сработанной поверхности орудия.

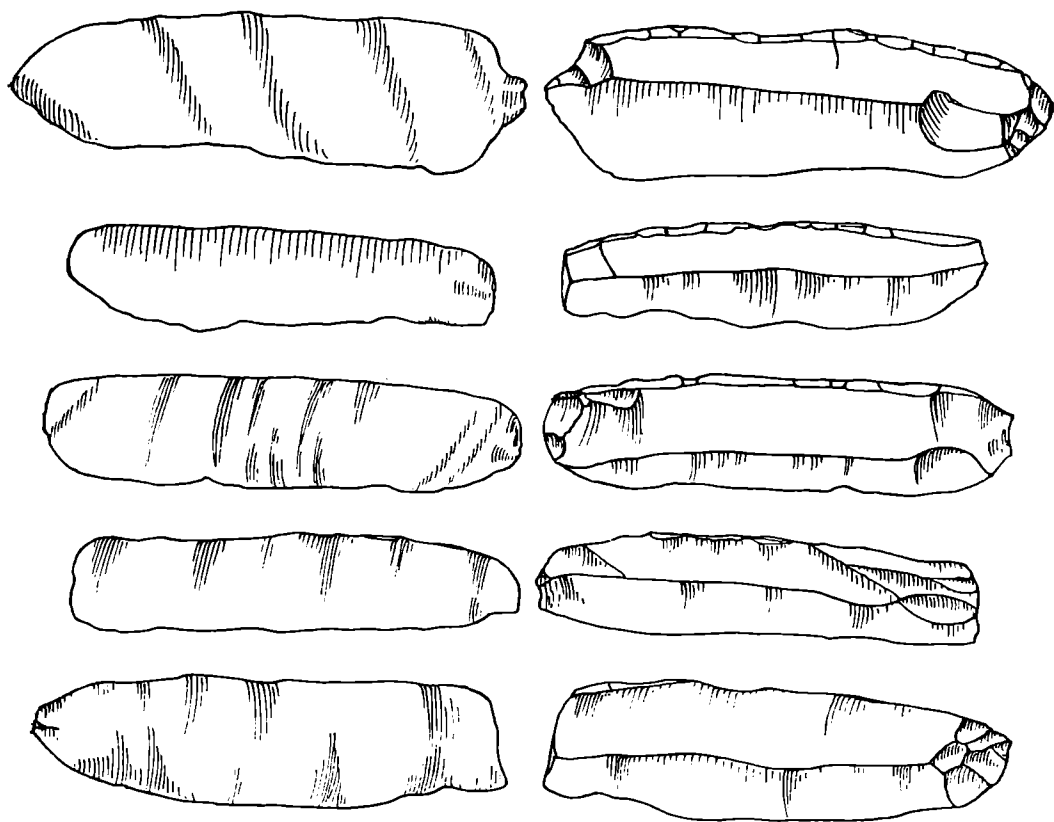
Следовательно, наличия только одной заполировки на лезвиях кремневых пластинок еще недостаточно для точного определения их функций. Это обстоятельство, очевидно, не было полностью учтено датскими учеными, открывшими значительное число ножей, которые они назвали жатвенными ножами (*reaping knife*), при проверке ими эффективности кремневых орудий в процессе жатвы и при выяснении того, действительно ли в результате работы на них образуется блеск, заполировка.

Позднейшими исследованиями в этой области можно считать работы А. Стинсберга.² Опыты были проведены в Словакии и на территории Западной Украины (близ г. Львова) в 1938 г. Стинсберг испытывал три категории серпов: 1) ножевидный из Стенильда, 2) полулунный и 3) бронзовый (пилообразный). Для опытов ему были предоставлены поля созревшей ржи, овса и ячменя. Ножевидный каменный серп был насажен на длинную деревянную рукоятку под прямым углом к ее оси и в таком виде напоминал скорее косу, нежели серп. Естественно, что во время жатвы значительное количество стеблей злаков он вырывал с корнем. Технологически такую насадку нельзя считать правильной.

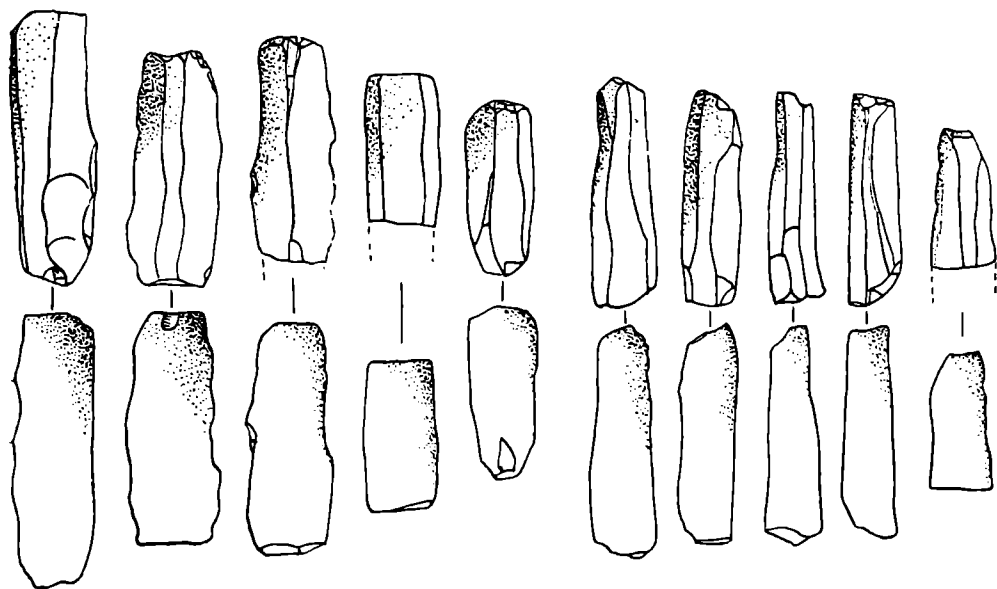
Более целесообразно испытывался полулунный кремневый серп, насаженный на рукоятку, слегка изогнутую на конце, под углом 40° к ее оси. За час работы этим орудием срезалось до 260 горстей ячменя.

¹ T. M a t t h i a s s e n. Bundso. Aarbøger for nordisk..., 1934, p. 1.

² A. S t e e n s b e r g. Ancient harvesting implements. Copenhagen, 1943.

1

2

Рис. 2. Жатвенные ножи из Бундзо (Дания) (1) и из Луки Врублевцевкой (2).

На каждую горсть требовалось восемь ударов серпом. С корнем выдернутые стебли составляли только 4%.

В целом опыты Стинсберга показали, что каменными серпами работать можно, хотя и в несколько раз менее эффективно, чем металлическими. Что касается сложных статистических выкладок, по которым автор пытался определить наилучший тип древнего жатвенного орудия и наиболее рациональный прием работы, то их следует считать неудачными, а самый подход к задаче сугубо формалистическим. Серия составленных им диаграмм, основанных на подсчетах и измерениях, крайне загромождает задачи исследования. В то же время на самый основной вопрос, действительно ли испытывавшиеся Стинсбергом каменные орудия служили в свое время серпами, его методика не дает окончательного ответа.

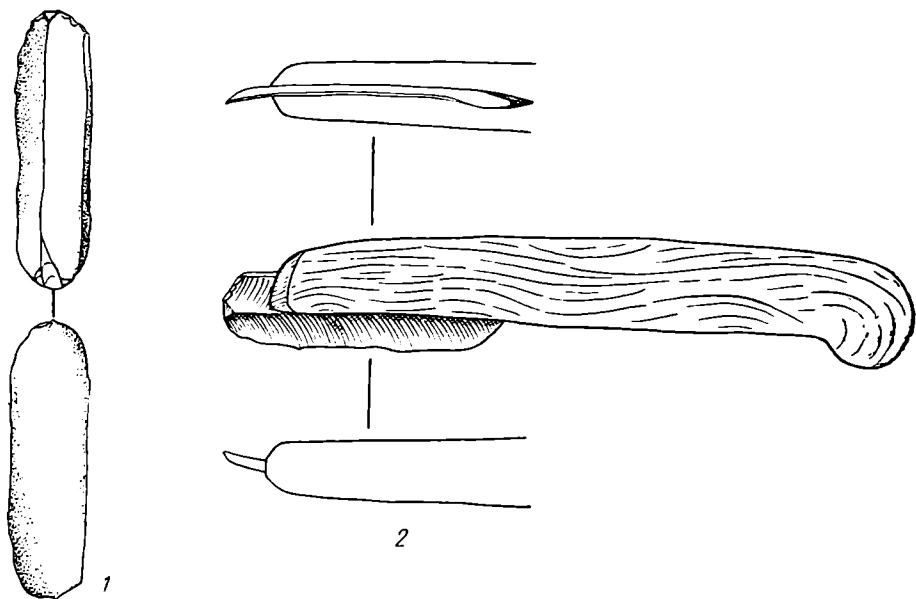

Рис. 3. Следы двусторонней изношенности кремневого жатвенного ножа из Луки Врублевцевой (1); способ (третий) насадки жатвенного ножа в рукоятку (2).

Изучение каменных серпов в лаборатории Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР начато в 1947 г., после открытия С. Н. Бибиковым на р. Днестре раннеземледельческого поселения Лука Врублевцевая. Среди богатого каменного инвентаря, обнаруженного в культурном слое древнего поселения, оказалось большое число призматических ножевидных пластинок из серого жесткого кремня с сильными следами заполировки на определенных участках поверхности (рис. 2, 2). Заполировка, обладающая зеркальной степенью блеска, располагалась на большей части кремней лишь по одному лезвию, другое лезвие призматической пластинки имело матовую поверхность. Она начиналась широкой полоской с конца пластины и убывала к середине, имея форму треугольника (рис. 3, 1). Заполировка присутствовала как на брюшке, так и на спинке. На брюшке она шла от правого края пластинки с убывающей интенсивностью, а на спинке — от левого края, но здесь заполированной была только правая грань, если спинка была двухгранная. На пластинках с трехгранной спинкой иногда заполировка

слегка захватывала и вторую грань, но ребро призмы служило препятствием для ее распространения.

Подправляющей ретуши на пластинках было очень мало, и совсем не наблюдалось попыток зазубрить лезвие пластин. Рабочее лезвие этих орудий оказалось не только заполированным, но в ряде случаев основательно затупленным от упорного однообразного употребления с применением значительного физического усилия. Некоторые пластинки были даже сломаны в незаполированной части.

Первое соображение, возникшее при изучении этих кремней, на котором можно было базироваться в дальнейшем, говорило с очевидностью, что они насаживались на рукоятки. Ибо значительное усилие в работе короткими ножевидными пластинками, длина которых не превышала 60 мм, невозможно при условии зажима их только между пальцами, особенно в тех случаях, когда притупляющая ретушь отсутствует. Об употреблении этих орудий в рукоятках, костяных или деревянных, свидетельствовали и резко выраженные границы между заполированной (рабочей) и матовой поверхностями.

Вторым, весьма важным признаком, указывающим на характер обрабатываемого материала, была равномерная изношенность обеих сторон лезвия (с бруска и спинки). Подобное распределение заполировки возможно только в том случае, когда режущее лезвие под прямым углом направлено к материалу и способно в этом положении быстро в него проникнуть. Такой материал, разумеется, не может быть твердым, т. е. камнем, костью или даже деревом. Но интенсивная и резко ограниченная заполировка в то же время заставляла думать, что этот материал и не был пластическим, например кожей или мясом, так как последние никогда не оставляют подобных следов на кремневых ножах.

Исследование заполированной поверхности с помощью бинокулярного микроскопа позволило установить следующую картину изношенности (рис. 4, I). Заполированная поверхность, как видно на микрофотографии, сделанной при увеличении в 120 раз, оказалась плоскостью, во-первых, покрытой тонкими царапинами — штрихами, лежащими параллельно линии рабочего лезвия. Лишь в отдельных случаях штрихи пересекают друг друга. Во-вторых, на пути этих штрихов лежат лунки или ямки неправильных очертаний и разного размера, являющиеся остатками неровной поверхности кремня в изломе, которых еще не успела уничтожить заполировка.

Тщательный анализ этих лунок показал еще одну важную деталь, которая привела нас к решению вопроса о функциях ножевидных кремневых пластин. Лунки, как правило, имеют высокий правый край и низкий левый, т. е. последний значительно более сработан, чем первый. Становилось ясно, что вследствие сопротивления разрезаемого материала, происходило одностороннее разрушение стенок лунок, отрывание микрочастиц кремня повторными движениями в течение длительного времени. Давая косое освещение опак-иллюминатором, можно было видеть, как лунки приобретают кометообразную форму, направленную «хвостами» к рабочему концу ножа, а «головами» к его черенковой части. Этот факт свидетельствует, бесспорно, об одностороннем движении ножа в процессе работы, а именно о движении «к себе». Линейные следы (параллельные лезвию штрихи), перекрывающие заполированную поверхность, говорят о том, что движение руки «к себе» было очень быстрым. Ибо, если бы лезвие ножа с медленным усилием погружалось в материал, линейные следы изношенности были бы направлены под углом к лезвию.

Одностороннее производственное движение руки с орудием типа ножей могло иметь ограниченное применение — при резании ножом кожи и при работе серпом. Первый вариант отпадает, так как резание кожи чаще всего производится движением руки не «к себе», а «от себя». А главное, резание кожи не может дать микроследов (линий, параллельных лезвию), характерных для кремневых пластинок из Луки Врублевцевкой. Неолитические и более поздние кожевенные ножи, кроме того, известны своей специальной (коленчатой) формой.

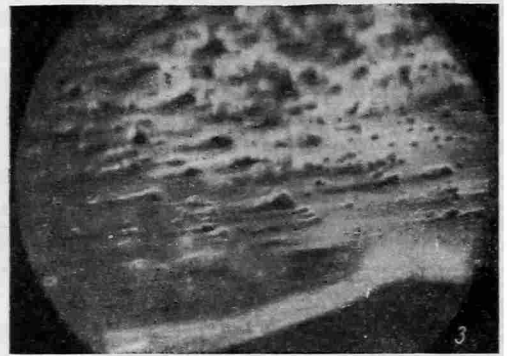
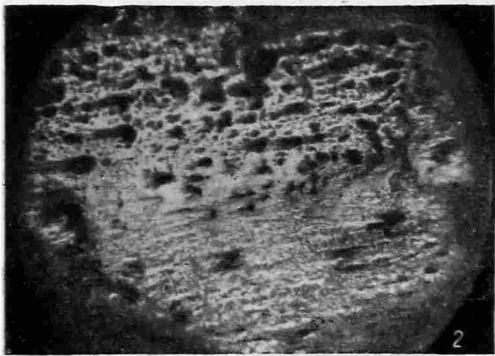
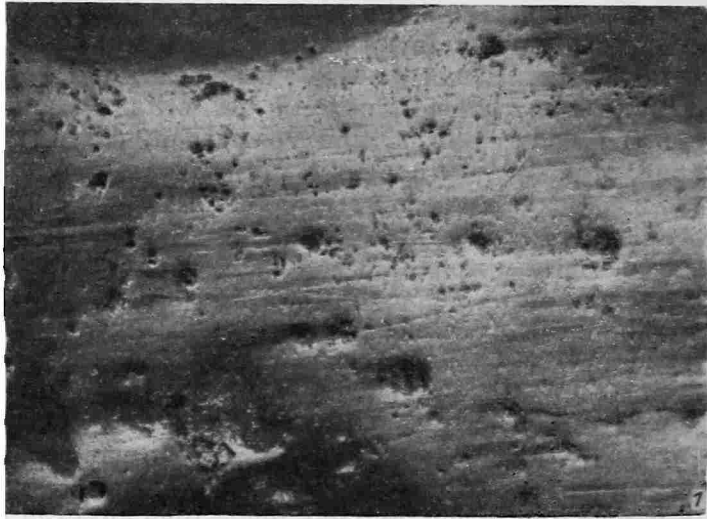

Рис. 4. Следы изношенности на лезвии кремневого жатвенного ножа из Луки Врублевцевкой (1) (увел. в 10 раз) и на лезвиях кремневых вкладышей для серпов из Анау (2, 3) (увел. в 70—80 раз).

Таким образом, если мы учтем все сказанное об установленных признаках следов работы на кремневых пластинках из Луки Врублевцевкой (расположение и степень заполировки на плоскостях, характер изношенности и направление рисок, указывающих на кинематические особенности производственного акта, на относительную жесткость разрезаемого материала), мы вынуждены будем прийти к выводу о жатвенных функциях этих орудий. Другие выводы невозможно согласовать со всей совокупностью установленных признаков. Перед нами, по всем данным, самый древний тип каменного серпа, применявшегося в раннем земледельческом хозяйстве.

Результаты произведенных исследований и выводы о назначении кремневых пластинок со следами заполировки нами были изложены на

заседании Сектора палеолита и неолита Института истории материальной культуры Академии Наук СССР в 1947 г., а в 1949 г. они были опубликованы.¹ Вскоре был точно установлен и факт существования земледелия у насельников Луки Врублевцевкой. В глиняных женских статуэтках С. Н. Бибиковым были обнаружены оттиски пшеничных зерен, которые с культовыми целями подмешивались в глиняное тесто при изготовлении этих женских изображений.

Первая реконструкция жатвенных ножей (прямой насад кремневой пластинки в торец деревянной рукоятки), повидимому, не является единственно возможной (рис. 5, 1). Исходя из характера расположения заполировки на пластинках из Луки Врублевцевкой, захватывающей более широкую площадь к концу пластинки, следует полагать, что

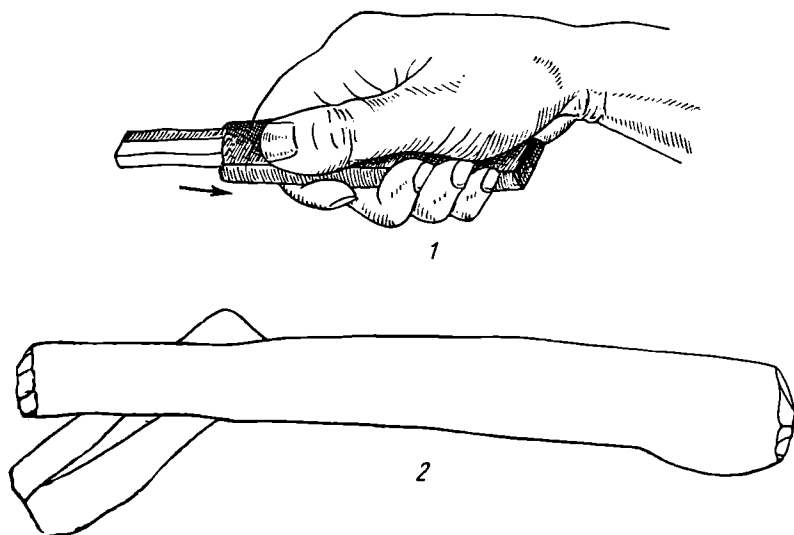

Рис. 5. Крепление кремневого жатвенного ножа из Луки Врублевцевкой в деревянную рукоятку по первому (1) и по второму способу (2).

последний испытывал наибольшее сопротивление материала. Это обстоятельство свидетельствует, что пластинка находилась под известным углом к оси рукоятки. Такое положение пластинки возможно было в том случае, если она вставлялась в сквозной паз, прорезанный на переднем конце рукоятки (рис. 5, 2).

Хотя вторая реконструкция нам представляется более правильной, полнее отвечающей характеру изнашивания большей части кремневых жатвенных ножей из Луки Врублевцевкой, тем не менее и первый вариант мы не можем отвергнуть как простейший, которым, вероятно, и было положено начало использованию кремневых ножей в качестве жатвенных.

Это соображение подкрепляется точно установленным фактом существования в Луке Врублевцевкой жатвенных ножей особой конструкции, которая, хотя и является более совершенной, но по механическим особенностям ничем не отличается от прямой насадки ножа в торец рукоятки.

Среди кремневых пластинок со следами заполировки нами выделено два экземпляра, обладающих некоторым своеобразием. У этих пластинок, на вид ничем не отличающихся от прочих, сработано не одно, а оба

¹ С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из позднеэнеолитического поселения Лука Врублевцевка на Днестре. СА, XI, 1949, стр. 151—154.

лезвия. Причем заполировка на брюшке и спинке захватывает лезвия почти во всю их длину. В случае крепления пластинок в рукоятках со сквозным пазом, под углом (рис. 5, 2), следы работы не могли захватить лезвие во всю его длину, поскольку около половины лезвия находилось внутри паза. Совершенно очевидно, что крепление ножа здесь производилось не под углом к рукоятке, а параллельно ей, не в сквозной, а в глухой продольный паз, вырезанный на переднем конце рукоятки (рис. 3, 2).

Такая техника крепления жатвенного ножа в рукоятке имела известные преимущества. Во-первых, нож, вставленный почти целиком в боковой продольный паз, не ломался во время работы. Во-вторых, при таком способе крепления нетрудно было, по крайней мере в сравнении с креплением в торец, использовать пластинку дважды в одной и той же рукоятке. Для этого необходимо было вынуть ее из паза и поместить снова в паз затупившимся лезвием.

Здесь, однако, требовалось соблюдение одного условия. Большая часть кремневых пластинок имеет небольшой изгиб, при котором спинка находится на внешней стороне дуги, а брюшко на внутренней. Это объясняется раковистым изломом кремня. Такую кривизну имели и два жатвенных ножа со следами использования обоих лезвий. Естественно, что боковые пазы для них в рукоятках были вырезаны в соответствии с этой кривизной. Для использования второго лезвия ножа требовалось вставить последний в паз в обратном положении, т. е. повернув передний конец ножа назад. Так и было сделано с двусторонне использованными жатвенными ножами, о чем красноречиво говорят следы изношенности на их поверхности.

Лука Врублевецкая, очевидно, представляет наиболее раннюю фазу в развитии земледельческого хозяйства на юге Восточной Европы. В других поселениях трипольской культуры мы почти нигде не находим столь простых в техническом отношении жатвенных орудий.

Исследованные нами каменные орудия из Поливанова Яра (раскопки Т. С. Пассек) показывают более высокий технический уровень развития. Кремневые пластинки со следами применения их в качестве жатвенных ножей здесь уже имеют ретушь на лезвиях. Ретушь во многих случаях зубчатая, причем иногда зубцы даже «разведены». В тех случаях, когда кремневая пластинка вначале применялась без ретуши, она ретушировалась и лезвие зазубривалось после его затупления от работы. Двустороннее использование пластины здесь уже не являлось исключением. Причем следы изношенности здесь свидетельствуют о существовании различных способов насадки на рукоятку, с косым сквозным и боковым продольным пазами. Вместе с тем, среди каменных орудий Поливанова Яра обнаружены и настоящие вкладыши составного каменного серпа, представляющие ретушированные пластинки или сегменты их со следами изношенности на одном или обоих лезвиях.

В целях всестороннего изучения микроскопических признаков, отличающих каменные жатвенные орудия от орудий другого назначения, нами исследованы материалы из различных областей Советского Союза (Средней Азии, Кавказа, Крыма), относящиеся к разным эпохам древнего земледельческого хозяйства.

Исследованием небольшой коллекции каменных орудий из нижних слоев Анау, хранящихся в Археологическом отделе Музея этнографии им. Петра Великого Академии Наук СССР, установлен ряд жатвенных орудий, которые по описям числились в качестве «необделанных наконечников» или «концевых скребков». У Р. Помпели, в его капитальной пуб-

ликаций, эти кремневые орудия названы «ножами» (flint knife) или «пилами» (flint saw).¹

Весь состав находок из нижних слоев северного холма в Анау свидетельствует о земледельческом хозяйстве. Помпели здесь обнаружил каменные зернотерки, песты, зерна ячменя и пшеницы, признаки зачаточной ирригации. В верхнем слое южного холма, относящемся к эпохе раннего железа, им были найдены железные серпы. Однако каменные жатвенные орудия для раннего Анау остались не раскрытыми автором раскопок.

Согласно нашим исследованиям, кремневые жатвенные орудия из Анау стояли уже на уровне трипольской стадии земледельческого хозяйства. Это, за малым исключением, — вкладыши для наборных серпов с зазубренными лезвиями. Некоторые вкладыши были использованы дважды, о чем говорит интенсивная заполировка обоих лезвий.

Микрофотографии лезвий дают характерную картину для следов изношенности лезвий кремневых серпов с линейными признаками и лунками в форме кометообразных фигур, направленных «хвостами» налево, к рабочему концу серпа. В зависимости от качества кремня, степень изношенности его выражается неодинаково. На гладком мелкозернистом кремне кометообразные фигуры выглядят более тонко очерченными и пластически более выразительными, на кремне с жестким изломом — менее определенными, хотя и контрастными (рис. 4, 2, 3).

Орудия эпохи бронзы говорят о еще более высокой технике обработки кремневых вкладышей для составных каменных серпов. Изученные нами вкладыши из станицы Долинской на Северном Кавказе (раскопки А. П. Круглова) и из доурартского слоя на холме Кармир-Блур в Армении (раскопки Б. Б. Пиотровского, 1945 г.) представляют двусторонне ретушированные изделия. Крупные зубья на них «разведены» в стороны, как у пилы. Интенсивная заполировка покрывает зубчатое лезвие с одной или двух сторон. Нередко на зубьях можно наблюдать свежие фасетки подправляющей ретуши, нанесенные после затупления. Передние вкладыши имеют длину до 80 мм. По всем признакам здесь мы имеем детали для крупных серпов, предназначенных к жатве злаков на больших полях.

Было бы ошибкой думать, что наборные серпы из вкладышей полностью вытесняют в эпоху бронзы жатвенные ножи, состоящие из одного кремня, закрепленного в рукоятке. Мы располагаем рядом фактов, указывающих на длительное бытование в хозяйстве жатвенных кремневых ножей в относительно позднее время.

В качестве первого примера можно отметить жатвенные ножи из Мерешевки (Молдавская ССР) и из урочища Гамария (близ с. Ленковцы Черновицкой области), доставленные Трипольской экспедицией 1950 г. Они относятся ко времени поздней бронзы. Это — крупные кремневые отщепы треугольной формы, рабочий конец и лезвие которых обработаны ретушью. Жатвенный нож из Гамарии, помимо ретуши, имеет на лезвии ряд мелких и частых зубьев. Вогнутое лезвие сильно заполировано. Особенностью этих жатвенных орудий служит способ насадки их на рукоятку. Заполировка на лезвиях здесь начинается от узкого конца и постепенно усиливается к концу широкому, захватывая обе стороны лезвия треугольником. Этот факт говорит, что передним, или рабочим, концом здесь служили не узкие, а широкие концы. При посадке такого ножа в продольный боковой паз рукоятки лезвие его располагалось по

¹ R. P u m p e l l y. Explorations in Turkestan. Prehistoric civilisations of Anau. Washington, 1908, p. 164, tabl. 42—44.

отношению к оси рукоятки под некоторым углом, обеспечивающим большую эффективность в работе. Таким положением лезвия орудие приближалось к серпу.

По всем признакам эти однолезвийные жатвенные ножи намертво закреплялись в рукоятку. Благодаря значительной ширине лезвия, последние можно было неоднократно подправлять ретушью, по мере того, как оно затуплялось, и снова пускать в работу.

Примером прямого жатвенного ножа может служить кремневое орудие в форме кремневого кинжала из нижнего слоя г. Тиритаки (Крым), раскопанного В. Ф. Гайдукевичем. Оно обработано двусторонней отжимной ретушью и почти симметрично. Одно лезвие зазубрено специальной пунктирной ретушью. Зубья при этом слегка «разведены». Поверхность зубчатого лезвия носит следы заполировки на обеих сторонах. Микроструктура следов характерна для каменных серпов. Второе лезвие не имеет ни заполировки, ни зубьев. Этот жатвенный нож был насажен на рукоятку в продольный боковой паз и находился в употреблении недолго. Блеск средней интенсивности, а следы подправки отсутствуют.

Особое место среди описанных жатвенных орудий занимают безрукояточные жатвенные ножи. Они обнаружены нами не среди наиболее ранних орудий Луки Врублевцевкой, где им, казалось бы, принадлежит законное место, а среди материалов более поздних местонахождений. Впервые такой жатвенный нож выявлен в коллекции из Анау. Он представляет собой кварцевую пластину грубой призматической формы, со слабыми следами ретуши на одном лезвии, с противоположной стороны которого находилось не второе лезвие, как обычно бывает на пластинках, а толстый край с признаками небрежной ретуши. Длина ножа около 70 мм, а ширина около 30 мм. В поперечном сечении эта пластина у ретушированной грани достигала в толщину 13 мм. Лезвие ножа, грубо и неравномерно зазубренное, интенсивно заполировано почти по всей длине. Несомненно, что нож с таким толстым краем очень трудно было заключить в продольный боковой паз рукоятки. Повидимому подобная цель и не имелась в виду при изготовлении ножа, поскольку толстый край был еще дополнительно притуплен. Есть основание считать, что кварцевый нож из Анау употреблялся без рукоятки.

Второй экземпляр безрукояточного жатвенного ножа встречен среди материалов Трипольской экспедиции 1949 г. Он был найден в с. Ожево Сокоренского района. Как подъемный материал этот нож, разумеется, не может быть точно датирован, но, поскольку наряду с ним при тех же условиях найдены и прекрасные зазубренные вкладыши наборных серпов, он, вероятно, относится к эпохе бронзы. По ряду признаков, этот жатвенный нож представляет большой интерес. Это — крупная пластина, сколотая с грубого шероховатого кремня известкового происхождения. Длина ножа 115 мм, ширина 35 мм, толщина около 15 мм. Один край его острый, другой — толстый, дополнительно затупленный крутой ретушью. На переднем конце ножа по толстому краю сделана выемка, служившая точкой опоры указательному пальцу, когда нож зажимался в руке. Заполировка, типичная для жатвенного ножа, покрывает рабочее лезвие с двух сторон почти по всей его длине, усиливаясь к переднему концу.

К нашему краткому обзору каменных жатвенных орудий с характеристикой признаков изнашивания в процессе работы, позволяющих выделить их среди безымянного материала и установить способы их употребления, мы добавим еще кремневые вкладыши серпов из Херсона, открытые А. А. Спидыным.

Возраст этих вкладышей относится, вероятно, к доскифскому периоду, хотя достоверных данных о том у нас нет.

Вкладыши из Херсона сделаны из призматических пластин темного, почти черного кремня, приближающихся по форме к трапециям. У них сработано только одно лезвие. Что касается лезвия противоположного, то оно подправлено ретушью с тем, чтобы сделать ширину вкладышей стандартной, что весьма важно при посадке в паз оправы. Отдельные вкладыши не должны сидеть выше или ниже других. Их необходимо выровнять по одной дуговой или прямой линии. Особенность вкладышей из Херсона состоит в том, что их лезвия вначале не были обработаны зазубривающей ретушью. Лишь после затупления лезвий на них было небрежно нанесено по нескольку редких фасеток.

Таким образом, аналитическое изучение функций жатвенных орудий говорит нам о большом разнообразии их форм и способов применения. Следы работы по характеру расположения их на рабочих частях орудий и по микроструктуре весьма типичны и не могут быть отнесены за счет каких-либо иных функций. Следовательно точное определение функций жатвенных орудий возможно без эксперимента. Эксперимент позволяет лишь установить степень эффективности в работе тем или иным типом жатвенного орудия и может служить способом проверки характера его изношенности.

Нами проведены опыты жатвы кремневыми ножами типа ножей из Луки Врублевецкой, которые были поставлены в 1950 г. в пос. Воейково под Ленинградом. На полях ячменя и овса испытывались кремневые пластинки, не бывшие в употреблении. Одна из них была укреплена в деревянную рукоятку прямым насадом в торец, другая — в сквозной косой паз. Опыты велись в течение одного дня в конце августа, когда злаки уже достаточно вызрели. Стебли срезались на высоте около 25 см от земли и даже выше. Горсть в 20 стеблей срезалась одним или двумя ударами ножа. В редких случаях требовалось три удара.

В результате выяснилась относительно высокая производительность для кремневого жатвенного ножа, длина рабочего лезвия которого составляла лишь 50—55 мм. При этом лезвие не было ретушировано. Кроме того, обнаружилось некоторое техническое несовершенство крепления жатвенного ножа прямым насадом в торец деревянной рукоятки. С течением времени нож стал распатываться в рукоятке и выпадать. С ножом, вставленным в сквозной косой паз, этого не случилось.

Следы изношенности на лезвиях ножей от однодневной работы были слабые, но все же легкая заполировка прослеживалась невооруженным глазом. Микротекстура следов носила типичные признаки для жатвенных орудий, установленные нами на древних ножах и серпах.

Опыты дают основание предполагать, что следы изношенности кремневых жатвенных орудий, достигающие степени зеркального блеска, могут быть результатом длительной работы, объясняемой или тем, что в раннеземледельческое время посевные площади достигали значительных размеров, или тем, что работа одними и теми же серпами производилась в течение не одного жатвенного сезона. Первое предположение более вероятно, ибо трудно допустить, что, например, в Луке Врублевецкой, где недостатка в кремне не было, одни и те же жатвенные ножи употреблялись в течение ряда лет

Б. А. Ш Е Л К О В Н И К О В

КИТАЙСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ ЗАКАВКАЗЬЯ

Во всех древних городах и поселениях Закавказья, где производились археологические раскопки, найдено большое количество импортной керамики.

Географическое положение Закавказья на путях, связывающих Иран, Среднюю Азию и, далее, Китай и Индию как с портами Черного моря, так и, через Дербентский проход, с простором южнорусских степей и обширным бассейном Волги, способствовало развитию интенсивных торговых связей со странами Востока и Запада. Но одна транзитная торговля не могла бы оставить столько остатков в развалинах жилищ и среди брошенного лома в колодцах, служивших зачастую мусорными ямами, где как раз и находят большое число фрагментов завезенной на Кавказ посуды, часто первоклассного качества. Ясно, что эти изделия когда-то бытовали в Закавказье, которое не только служило посредником в транзитной торговле, но и само потребляло высококачественные изделия Переднего и Дальнего Востока.

Особенно большое значение для истории развития местного керамического производства имели изделия Китая, где керамическая промышленность достигала в средние века высокого технического и художественного совершенства и где впервые научились изготавливать из глины твердые, непористые и звонкие изделия, к каковым относятся фарфор и так называемые селадоны, получившие широкую известность во всем мире. Закавказье не было в этом отношении исключением, и дальневосточная керамика, высоко ценившаяся в средние века, в большом числе ввозилась в Азербайджан, Грузию и Армению, о чем свидетельствуют находимые здесь почти повсеместно образцы китайских изделий.

Наиболее ранняя китайская керамика, найденная в Закавказье, относится к IX и X вв. Этим временем надлежит датировать, как мы увидим в дальнейшем, два вида изделий — фарфор, украшенный гравировкой и тиснением, и ранние селадоны. Аналогичные керамические изделия найдены в Самарре на Тигре, при этом они обнаружены во дворце Джаузак и замке Ашик.¹ Находка в Ани и Самарре китайского фарфора имеет большое значение, так как до анийских и самаррских раскопок вопрос о времени изобретения в Китае фарфора был не разрешен и в литературе высказывались различные мнения по этому поводу. Одни авторы относили изобретение фарфора к VII в., другие полагали, что настоящий

¹ Fr. S a g r e. Die Ausgrabungen von Samarra. Bd. II. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925. (Группа F на стр. 61, группа A на стр. 56).

фарфор, для которого обязательны не только твердость, плотность и непористость черепка, но и белизна и полупрозрачность, появился в Китае лишь в конце XIV—начале XV в.¹ Найденные в Самарре образцы китайского фарфора говорили в пользу мнения о более раннем изобретении в Китае фарфора, хотя в то время этот вопрос не мог считаться вполне разрешенным.²

Датировка керамики Самарры основана на мнении Зарре, по которому городская жизнь в Самарре с перенесением в 883 г. столицы Халифата снова в Багдад прекратилась. С этим нельзя согласиться. Время расцвета города действительно ограничивается IX в., но вряд ли население оставило его сразу, бросив дома и ремесленные мастерские вслед за переездом двора халифов в другую столицу. Последнее вынуждает критически отнестись к датировке всей керамики, найденной в Самарре, IX в., и, следовательно, вопрос о раннем изобретении фарфора и экспорте его в страны Переднего Востока в IX в. требует для своего подтверждения новых фактов. В этом отношении большое значение имеет находка в Ани фарфоровой чаши (рис. 1),³ аналогичной находкам в Самарре. Чаша, диаметром 12,5 см, имеет форму шестилепесткового цветка и невысокую кольцевую ножку. Черепок ее белый, полупрозрачный, очень твердый и плотный с раковистым изломом. Чаша покрыта тонким, не вполне ровным слоем бесцветной, слегка зеленоватой, глазури; кракелюр нет. Глазурь не отличается особой чистотой, на ней видны небольшие бурые пятнышки; она покрывает всю чашу, кроме кольцевой ножки. По всем этим признакам чаша аналогична фарфору, описанному Зарре,⁴ и, по видимому, относится к тому же времени и производству. Анийская чаша найдена в одном из колодцев дворца Багратидов, и по месту находки ее следует отнести ко второй половине X или к первой половине XI в.⁵ Последнее более чем на столетие расходится с предложенной Зарре датировкой фарфора, найденного в Самарре, в связи с чем возникает вопрос; какая из них более правильна? Но, приняв во внимание, что столь прочные и ценные изделия, как фарфор, могли долгое время находиться у владельцев, можно предположить, что и анийская чаша была изготовлена и завезена на Кавказ раньше того времени, к которому относится большинство предметов, найденных в колодцах дворца Багратидов. В этом случае разрыв в датировках уменьшается и становится вполне вероятным, что как анийская чаша, так и фрагменты Самарры изготовлены в конце правления династии Тан (618—907).

¹ Э. Циммерман (E. Z i m m e r m a n n. Chinesisches Porzellan. Leipzig, 1913. S. 18—25), основываясь на китайских источниках, склоняется к мнению об изобретении фарфора в VII в., одновременно с началом использования в керамической промышленности каолина. О. Мюнстерберг (O. M ü n s t e r b e r g. Chinesische Kunstgeschichte, Bd. II, Esslingen, 1912, S. 223) подвергает китайские сведения сомнению на том основании, что в китайском языке слово «Tzu» означает керамику с применением каолина и в это понятие входят и «каменные изделия» и фарфор. Китайские авторы в описаниях не точны и мало обращают внимания на черепок. Поэтому Мюнстерберг считает, что настоящий фарфор появился в Китае лишь в начале XV в. (там же, стр. 245).

² Так, например, О. Рюккер-Эмбден (O. R ü c k e r - E m b d e n. Chinesische Frühkeramik. Leipzig, 1922, S. 47—49), несмотря на знакомство с материалами Самаррских раскопок, считает, что настоящий фарфор появился в Китае во второй, южный период династии Сун, т. е. в XII—XIII в.

³ № 772, 07 № 74. (Исторический музей АН Арм. ССР).

⁴ F r. S a r r e, указ. соч., стр. 61. (Чаша № 217 на табл. XXIV, чаша № 216 на табл. XXIV, 2, описание техническое на стр. 95).

⁵ О датировке керамики, найденной при раскопках дворца, см.: Б. Ш е л к о в - п и к о в. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении. Изв. Арм. фил. АН СССР, вып. 3—4, 1942, стр. 19.

Вопросами датировки не ограничивается значение анинской фарфоровой чаши. Она свидетельствует еще и о том, что китайский фарфор был известен на Кавказе уже в X в. и что это не могло не отразиться на прогрессе собственного, закавказского керамического производства. Действительно, в стремлении подражать дальневосточным изделиям кавказские, в частности армянские, мастера достигли замечательных результатов, о чем говорят найденные в Двине и Ани полупрозрачные фаянсы.¹

В Историческом музее Академии наук Армянской ССР (Ереван), помимо описанной китайской фарфоровой чаши, хранятся найденные в Ани четыре фрагмента блюда (рис. 2),² также завезенного на Кавказ из Китая. К сожалению, ввиду того, что все фрагменты принадлежат борту,

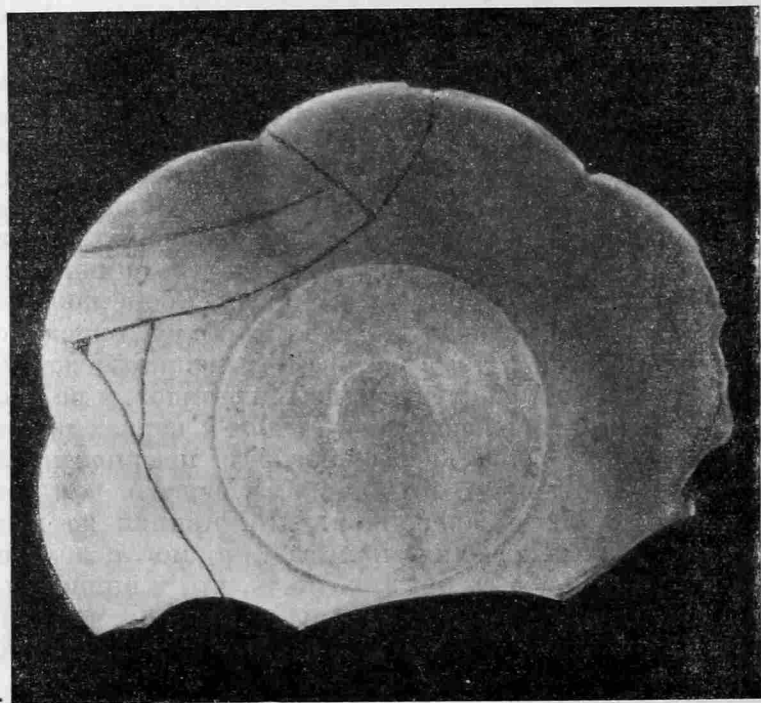

Рис. 1. Фрагмент фарфоровой чаши. Китай, IX—X в.

нельзя судить о форме нижней части сосуда и об устройстве ножки. Черепок у фрагментов серый, непористый и очень твердый — девятый минерал шкалы твердости черты на нем не оставляет. Он покрыт глазурью зеленовато-оливкового цвета, вполне прозрачной, лежащей тонким ровным слоем, без кракелюр. Глазурь имеет твердость полевошпатовых глазурей, определяемую по шкале твердости седьмым-восьмым минералом. По прозрачности, тонкости слоя и по отсутствию кракелюр она похожа на глазурь ранее описанной фарфоровой чаши. Поверхность фрагментов имеет, вследствие просвечивания серого черепка, приятный серо-зеленый цвет. Украшены они рисунком, исполненным тонкой гравировкой по необожженному черепку. Орнамент состоит из разводов и черточек явно китайского характера. Последнее вместе со свойствами черепка и глазури убеждает нас в дальневосточном происхождении этих фрагментов.

¹ Б. Шелковников, указ. соч., стр. 22, 23.

² Размер большого фрагмента 10.5×5.5 см, толщина 3—4 мм. № 374.

Похожие «каменные» изделия описаны Зарре среди керамики, найденной в Самарре.¹ У них такой же серый, очень твердый черепок и такая же прозрачная зеленоватая глазурь, лежащая тонким слоем. Найдены они, так же как и фрагменты фарфора, во дворе Джаузак и датируются тем же временем. Последнее позволяет относить и анийские к IX—X в.

О происхождении этого вида китайской керамики до 30-х годов XX в. не было единства мнений. Зарре, указывая, что этот тип «каменных» изделий не был известен до раскопок Самарры, считал их предшественниками более поздних селадонов.² По его мнению, они производились в местечке Пючжоу провинции Хунань. Это мнение было опровергнуто раскопками 1926 г. на юге Китая, в провинции Чжэцзян, где было най-

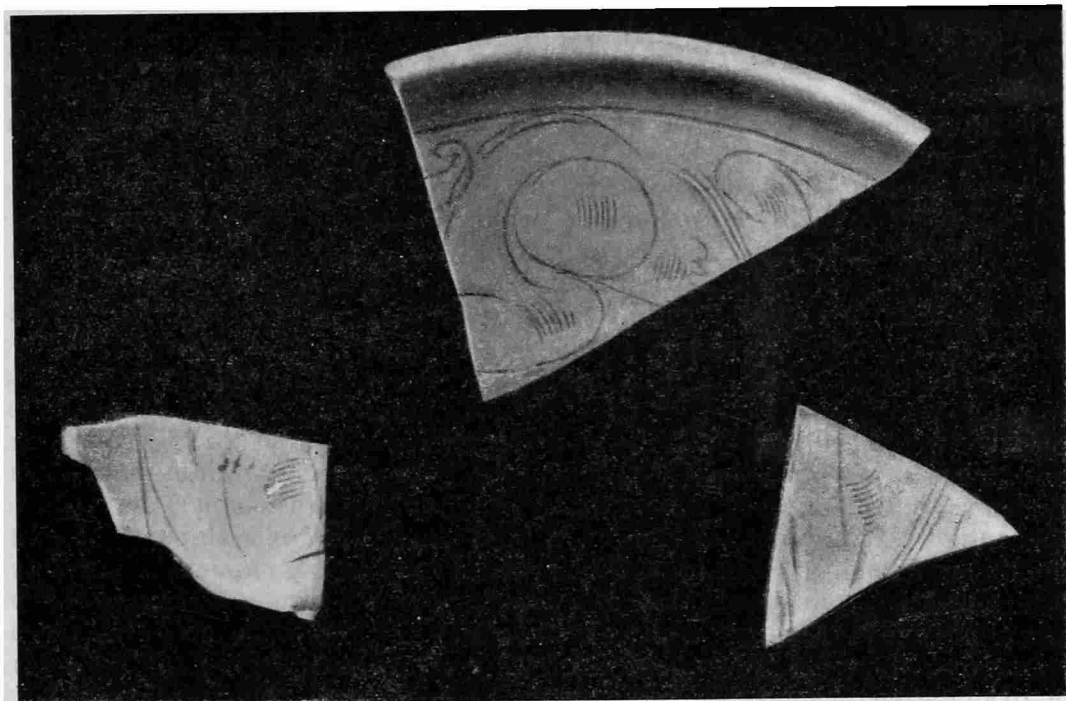

Рис. 2. Фрагменты селадонов. Китай, IX—X в.

дено значительное число таких изделий; последние стали отождествлять с известной по китайской литературе керамикой из Юечжоу, и отсюда произошло их название «юе-яо», что значит «керамика из Юе».³ Р. Хобсон во втором издании путеводителя по отделу керамики Дальнего Востока Британского музея относит найденные в Самарре фрагменты к производству печей из Юечжоу.⁴ Керамика этого вида обнаружена также в Фостате и Ктесифоне,⁵ теперь же мы видим, что она завозилась и на Кавказ. Юе-яо очень

¹ Fr. Sa g g e, указ. соч., стр. 56, 57 (№№ 208 и 209, воспроизведены в красках на табл. XXIII, 9, 14).

² Там же, стр. 56.

³ L. R e i d e m e i s t e r. Das Yuch yaeo. *Ostasiatische Ztschr.* Н. 1/2, 1940, S. 1—11. — Л. Рейдемейстер пользуется материалами раскопок, произведенных под руководством Мауцо Накао.

⁴ R. H o b s o n. *Handbook of the pottery and porcelain of the Far East.* Ed. 2. London, 1937, p. 18. (На табл. V воспроизведены 6 фрагментов юе-яо, похожих на анийские фрагменты).

⁵ Там же; R. H o b s o n. *Chinese porcelain from Fostat.* *The Burlington Mag.*, 1932, September, p. 109, 110, рис. А-Д.

похожи по цвету глазури и черепка на производившиеся во время династий Сун и Юань в провинции Хэнань «каменные» изделия,¹ так называемые «северные селадоны»; последние находят в погребениях Северного Китая и в Корее. За эти изделия можно ошибочно принять керамику рассмотренного вида, найденную в Ани, если не обратить достаточного внимания на черепок и глазурь. Черепок у юе-яо светлее и чище по тону, глазурь же прозрачнее; кроме того, она лежит более тонким слоем, чем у северных селадонов.

Оба вышеописанных вида ранних, датируемых IX—X в. китайских изделий, оказавших большое влияние на развитие закавказской керамики, встречены пока лишь в Армении, хотя, по всей вероятности, они завозились и в Азербайджан и в Грузию. Но в Грузии они и не могли быть найдены по той причине, что раскопки городов и поселений, в которых могут быть материалы IX и X вв., еще не производились. В Азербайджане же следует ожидать открытия китайской керамики этого времени в ханском дворце в Баку и Кабале, где обнаружены одновременные ей местные изделия.

Значительно чаще встречается на Кавказе керамика периода династии Сун (960—1279). В это время китайская керамическая промышленность переживала эпоху расцвета чисто керамических способов украшения, посредством покрытия предметов тугоплавкими глазурями, окрашенными во всю свою толщину, часто оживленными игрой ярких красочных пятен, получающихся во время обжига от смены окислительного и восстановительного режима печи. Красивое распределение и окраска пятен получались редко, и удачные экземпляры, высоко ценившиеся в самом Китае, не являлись предметами оживленной вывозной торговли. Но один вид изделий, также высококачественных, получил широкую известность за пределами Китая и широко экспортировался не только в соседние с Китаем страны, но и в отдаленные районы Передней Азии, Африки и Европы. Речь идет о селадонах, покрытых красивыми глазурями цвета морской воды. Производились они на юге провинции Чжэцзян в районе Лунцюань, откуда произошло их китайское название «лунцюань-яо». Черепок этих изделий имеет серый или серо-голубой цвет. Он отличается твердостью, корунд не оставляет на нем черты. Голубовато-зеленая глазурь, окрашенная солями закисного железа, нанесена толстым слоем и не имеет кракелюр. С обратной стороны изделий, внутри кольцевой ножки, не покрытое глазурью кольцо при обжиге приобретает кирпично-красный цвет. Украшены селадоны орнаментами, или гравированными по сырому черепку, или рельефными, исполненными тиснением. Орнаментация обычно имеет растительный характер, но встречаются драконы и фениксы.

Селадоны встречаются в Закавказье повсеместно. Так, они найдены при раскопках ханского дворца в Баку, в Старой Гандже, Дманиси, Двине, Анберте, Ани и Гарни. Больше всего их оказалось в Ани, при этом они обнаружены в разных местах городища: на 4-м участке улицы (раскопки 1910 г.), в жилых домах в районе большой церкви у стен Ашота (раскопки 1912 г.) и на холме 27 (раскопки 1913 г.). Следовательно эти фрагменты принадлежат по крайней мере трем предметам. Высокими качествами отличается найденный в Ани фрагмент большой чаши или блюда² (рис. 3). Черепок этого фрагмента имеет серо-голубой цвет, он

¹ R. H o b s o n. Handbook..., стр. 25. (На рис. 38 и 39 воспроизведены кувшины и блюдо из собрания Британского музея).

² Размеры фрагмента 19×16 см, толщина 4—8 мм. (Исторический музей АН Арм. ССР, № 762, 12 А, 40).

очень тверд и плотен; корунд не оставляет на нем черты. На дне, внутри кольцевой ножки, имеется не покрытое глазурью кирпично-красное, довольно яркое кольцо. При этом красная окраска, как видно по излому, не проникает глубоко в черепок. Полупрозрачная серо-зеленая глазурь, лишенная кракелюр, отличается чистотой и гладкостью. Она идеально сохранилась и нисколько не пострадала, хотя фрагмент пролежал в земле несколько столетий. Глазурь покрывает весь предмет, включая кольцевую ножку (кроме красного кольца), чего не наблюдалось у ранее описанных видов китайской керамики. Дно чаши украшает рельефный букет цветов, по тонкости моделировки не оставляющий желать лучшего.

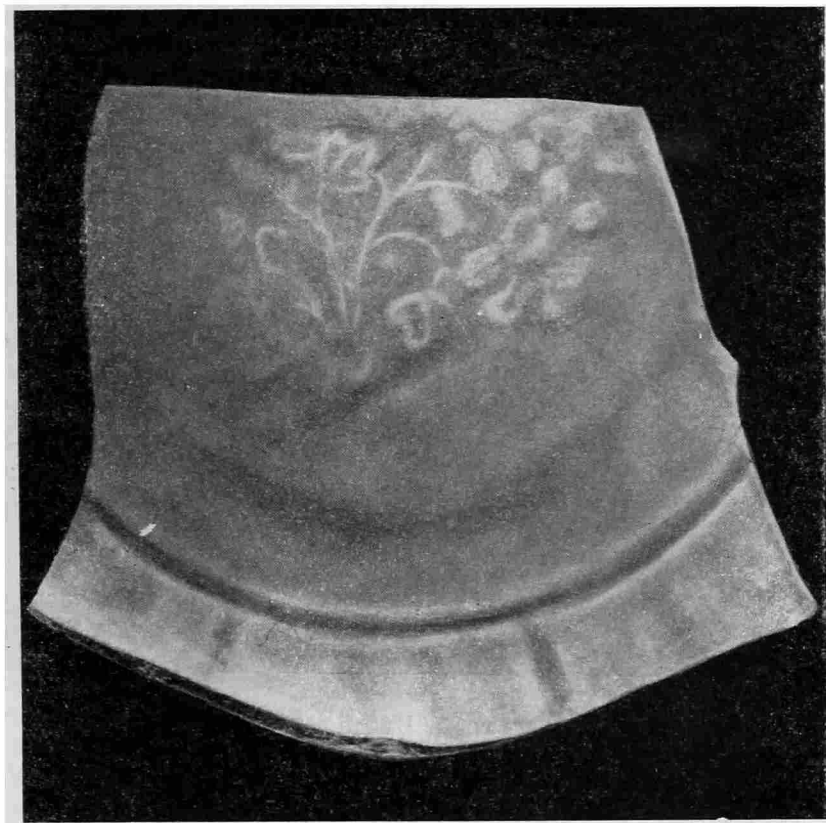

Рис. 3. Фрагмент селадона. Китай, XII—XIII в.

Гораздо реже попадаются образцы другого вида китайских селадонов — с испещренной трещинками глазурью, значительно более голубой по цвету. Их особенностью является еще то обстоятельство, что не покрытый глазурью край имеет буро-красную окраску значительно менее яркого тона, чем у лунцюань-яо; при этом окрашенность проникает на значительную глубину, чего у первых селадонов не наблюдается. В Ани найден великолепный образец керамики этого вида, на описании которого остановимся более подробно. Сохранился большой фрагмент (рис. 4).¹ Обломок принадлежал вазе с пузатым туловом и широким горлом. О форме ножки судить невозможно, так как она не сохранилась. Тулово украшено вертикальными каннелюрами. Черепок по цвету, твердости и из-

¹ Размеры фрагмента 20×12 см, толщина 0.5—1.0 см. (Исторический музей АН Арм. ССР, № 751, 12 А, 138).

лому очень близок к черепку вышеописанных селадонов, но глазурь его другая. Она, во-первых, прозрачна, во-вторых, имеет очень красивый голубовато-зеленый цвет и вся покрыта крупными кракелюрами. Ободок горла вазы не покрыт глазурью и имеет буро-красный цвет неяркого тона, при этом черепок прокрашен глубоко — на 5 мм. Кроме того, просвечивающий сквозь глазурь черепок местами также окрашен, но эта окраска, судя по излому, глубоко не проникает. Циммерман воспроизводит в красках чашу дрезденского собрания, очень похожую на анийскую вазу по цвету глазури, по характеру кракелюр, по красному неглазурованному ободку и по просвечиванию местами черепка, окрашенного в тот же цвет.¹ Циммерман относит чашу к керамике вида гэ-яо, определяя цвет черепка как коричневый. Гэ-яо означает «керамика старшего брата».

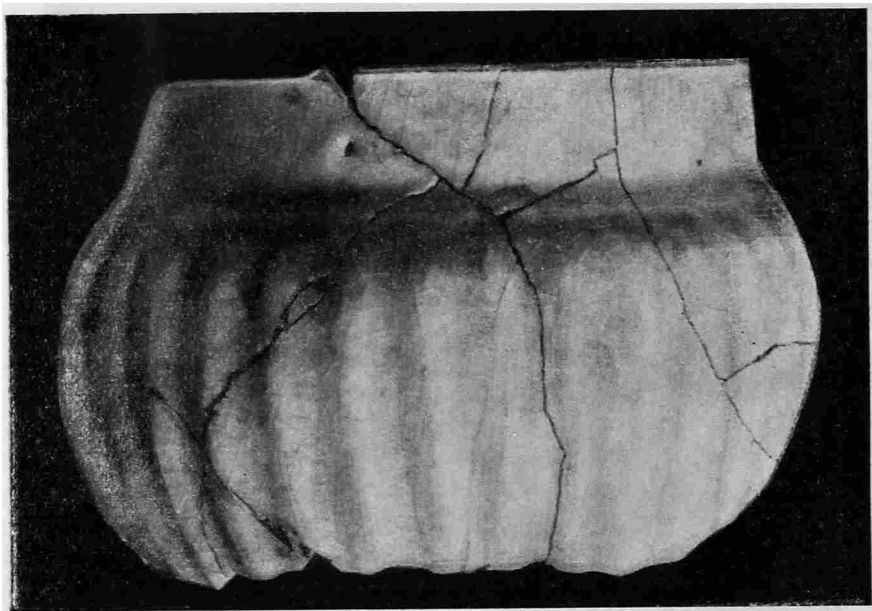

Рис. 4. Фрагмент вазы. Китай, XII—XIII в.

По китайским источникам,² она изготовлялась старшим из братьев Чжан, живших в Лунцюане в конце второго, южного периода царствования династии Сун, следовательно, там, где производились ранее описанные селадоны без кракелюр, известные под названием «лунцюань-яо».

Анийский фрагмент вазы, как и найденные в Ани еще 11 фрагментов такой же керамики, позволяют изучать черепок во всю его толщину. На них ясно видно, что в местах, не покрытых глазурью, черепок прокрашен глубоко, но все же не на всю толщину и внутри имеет серый цвет, как и у селадонов лунцюань-яо. Под глазурью же коричневая окраска лишь поверхностна; в основном весь черепок остается серым. Так как в районе Лунцюаня не находили при раскопках изделий с коричневым черепком, то отождествление дрезденской чаши и подобных ей изделий с гэ-яо вызывало споры.³ Если же определение Циммермана ошибочно и черепок чаши внутри имеет тот же цвет, что

¹ E. Zimmern, указ. соч., табл. II, стр. 59 и табл. XX внизу.

Гэ-яо описано в «Истории Цзиндэчжэня», частично переведенной С. Жюльеном (St. Julien. Histoire et fabrication de la porcelaine chinoise. Paris, 1856, p. 70—72).

² R. Hobson. Handbook..., стр. 21.

и у анийских фрагментов, то спор можно было бы считать разрешенным и отождествление дрезденской чаши, как и фрагментов из Ани, с гэ-яо не вызывало бы сомнений.

Как уже сказано, в Ани оказалось, помимо вазы, еще 11 фрагментов гэ-яо. Они обнаружены в трех местах раскопок и поэтому принадлежат по крайней мере трем предметам. В других местах Закавказья гэ-яо не найдены (хотя нет, разумеется, оснований считать, что они завозились лишь в Ани). Интересно, что фрагмент, совершенно аналогичный анийским, встречен, насколько можно судить по цветному воспроизведению и описанию, в Самарре.¹ Но вследствие того, что он, как и прочая керамика Самарры, исключая лишь граффито с надписями, датируется Зарре IX в., то об определении его как гэ-яо Зарре ничего не говорит.

Фрагмент вазы из Ани, так же как и фрагмент лунцюань-яо с букетом цветов, найден в развалинах домов, построенных в конце XII в. Следовательно оба эти предмета, по условиям находки, датируются концом XII или, вернее, началом XIII в., что совпадает с датировкой этой керамики по китайским источникам.

Помимо перечисленных, в Ани открыт еще один вид китайской керамики, к сожалению представленный лишь одним незначительным фрагментом небольшой чаши на невысокой кольцевой ножке.² Его черепок имеет белый цвет и раковистый излом. Фрагмент покрыт прозрачной голубой глазурью очень чистого и красивого тона и украшен гравировкой по сырому черепку. Сохранившиеся детали орнамента имеют китайский характер. Фрагмент найден в 1911 г. при раскопках минарета и развалившейся мечети вблизи главной улицы. Так как раскопки здесь велись в нескольких культурных слоях, обнаруживших, что мечеть была построена на месте более древних зданий и сама после разрушения была приспособлена для жилья, то, ввиду утраты дневников анийских раскопок, нельзя установить, в каком культурном слое залегал этот фрагмент.³ Приходится ограничиться общей датировкой анийских материалов, считая пределом для высококачественных изделий XIII век.⁴

В эрмитажном собрании керамики из Хара-Хото имеется обломок сосуда с таким же черепком, глазурью и близкой орнаментацией,⁵ позволяющий уточнить датировку этих изделий. Керамика из Хара-Хото, почти целиком подъемная, относится к последнему периоду жизни города, т. е. к XIV в.; лишь отдельные экземпляры могут быть определены XIII в. Керамических изделий XI и XII вв. в этом собрании не имеется. Так как сходство материала и орнаментации фрагментов из Ани и Хара-Хото вынуждают нас определить их одним временем, то при сопоставлении вышеприведенных датировок высококачественной керамики из находок как в Ани, так и в Хара-Хото, нам остается одна возможность — отнести этот вид керамических изделий к XIII в.

Небольшое количество образцов керамики этого вида найдено в Каракоруме, где в 1948 и 1949 гг. Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР производились раскопки под руководством С. В. Киселева (№№ 1140, 4042—4046). Каракорумские образцы Ли, специалист по китайской керамике, определил как изделия, получившие

¹ Fr. S a g e, указ. соч., стр. 57 (группа В «Каменные изделия с серым черепком и голубовато-зеленой глазурью», № 210, табл. XXIII, № 11).

² Размеры фрагмента 6×6.5 см. (Исторический музей АН Арм. ССР, № 726).

³ Н. М а р р. Ани, книжная история города и раскопки на месте городища. 1934, стр. 87, 88.

⁴ Для грубой керамики нельзя исключить и XIV век, когда городская жизнь, хотя и затухающая, еще теплилась в Ани.

⁵ Размеры фрагмента 4.5×4.0 см. № 562.

в Китае название «ин-цин». Следовательно и анийский, им аналогичный, относится к тому же типу изделий. По мнению Ли, керамика этого вида производилась на частном заводе в Цзиндэчжэне во время династии Юань, т. е. в конце XIII и в XIV в. Находка фрагмента этих изделий в Ани указывает, повидимому, на XIII в., т. е. на конец династии Сун и начало Юань. Кроме Ани, нигде в Закавказье этих изделий не найдено.¹ Повидимому эта керамика редко вывозилась из Китая, что повышает значение находки ин-цин в Ани.

Как видно из вышеизложенного, с IX по XIII в. Закавказье подерживало торговые связи с Дальним Востоком и ввозило в значительном количестве китайскую керамику. При этом импортировались не одни селадоны типа лунцюань-яо, но и другие изделия, значительно более редкие и ценные. В анийских раскопках найдены были китайские изделия пяти типов, причем изделия типов лунцюань-яо и гэ-яо в значительном количестве, в то время как в других местах Закавказья встречены лишь единичные фрагменты лунцюань-яо. Возможно, что в эту эпоху Ани был более крупным торговым центром Закавказья по сравнению с другими городами.

Картина резко меняется с переходом к XIV—XV в. В это время в Китае, когда после кратковременного господства монголов (1280—1368) утвердилась национальная династия Мин, получило широкое распространение производство расписной керамики с преобладанием фарфора, украшенного подглазурной росписью кобальтом. Последний занял в вывозной торговле место селадонов. Для выяснения вопроса о том, когда в Китае впервые стали применять роспись кобальтом и пользовались ли ею первоначально при росписи фарфора или «каменных» изделий, большое значение имеет датированная, как уже упомянуто, в основном XIV в. коллекция керамики из Хара-Хото, содержащая более 500 фрагментов изделий, расписанных кобальтом.² Производство керамики с цветными глазурями, в частности селадонов, не было оставлено и продолжалось в течение последующих столетий. Селадоны попрежнему, хотя и уступая фарфору, служили экспортным товаром и вывозились в Закавказье, о чем свидетельствуют открытые в Гарни фрагменты от блюда (5 кусков). Найдены они в 1949 г. при раскопках дворца, построенного в конце XIV или в XV в.³ Блюдо внутри украшено радиально расположенными желобками и покрыто красивой зеленовато-серой глазурью. Черенок у него серый, как у вышеописанных селадонов XII и XIII вв. От вих экземпляр из Гарни отличается тем, что у него на дне, с обратной стороны, красного кольца нет, ножка же, в отличие от более ранних, глазурью не покрыта и имеет кирпично-красную окраску. Эти отличия прочно датированного по месту находки XIV—XV в. блюда имеют большое значение при датировке китайских селадонов, происхождение или место находки которых не позволяет установить время их производства.

Белый с синей росписью китайский фарфор в большом количестве ввозился на Передний Восток, где оказал огромное влияние на производство местных фаянсов, которые начали расписывать кобальтом под

¹ Изделия этого вида, судя по описанию, найдены в Фостате (R. H o b s o n, Chinese porcelain from Fostat, p. 110).

² Видимо первоначально кобальтом расписывали каменные изделия, судя по черепку типа цы-чжоу, при этом для маскировки черепка их покрывали не вполне прозрачными глазурями. Примером служат фрагменты из Хара-Хото (Гос. Эрмитаж X—1138; X—1168).

³ Размеры большого фрагмента 11.5 × 5 см. (Институт истории АН Арм. ССР, № 62).

глазурью по белой, подражающей фарфору поверхности. Характерно, что в эту эпоху местные мастера стремились воспроизвести уже не только технику украшения и внешний вид черепка и глазури, как было раньше, но и китайскую орнаментацию. Китайского фарфора XV и XVI вв. в Армении совсем не найдено, хотя его находят в колодцах ханского дворца в Баку, в Старой Гандже и в Дманиси. Этот факт объясняется тем, что в это время некогда цветущие города, как Ани и Двин, или пришли в полный упадок, или уже не существовали, новые же города с развитой ремесленной и торговой деятельностью еще не возникли.

В Дманиси найден фрагмент китайского фарфора с синей подглазурной росписью.¹ К сожалению, это лишь небольшой обломок (3,3×1,5 см) чашечки на невысокой кольцевой ножке. Черепок его белый; не покрытая

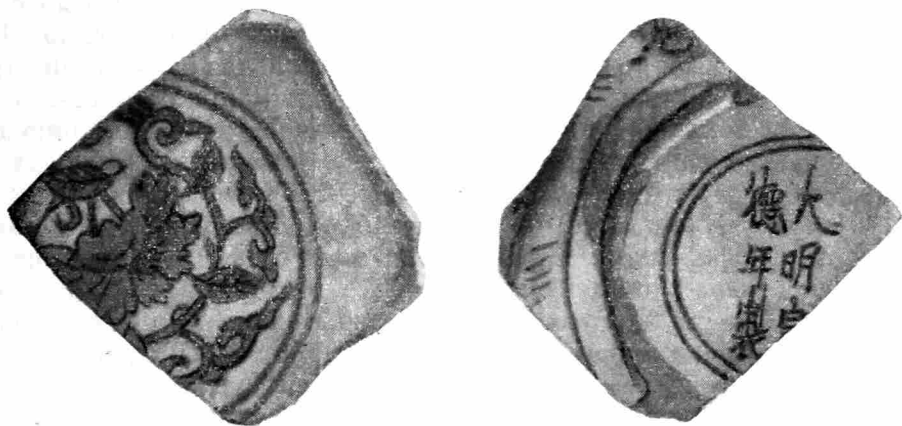

Рис. 5. Фрагмент чаши (лицевая и оборотная стороны); фарфор расписан кобальтом. Китай, XV в.

глазурью часть ножки имеет красноватый оттенок. Глазурь прозрачная, слегка зеленоватая, без кракелюр. Расписан фрагмент синим, сравнительно чистым кобальтом, местами более темного тона. Ввиду незначительности фрагмента нельзя судить об орнаментации, хотя ее китайский характер виден отчетливо. Фрагмент, вероятно, относится к первой половине царствования династии Мин.

В Баку, в колодце ханского дворца, найдены две чаши, расписанные кобальтом под глазурью. У одной из них кобальт темного цвета, с почти черными точечными скоплениями. Другая чаша плоской, тарелочной формы расписана сравнительно светлым кобальтом лилового оттенка. Черепок первой чаши выше качеством, у нее не покрытые глазурью места не окрашены в красноватый цвет, что наблюдается у второй чаши. Тарелка и чаша украшены растительным орнаментом, заполняющим всю внутреннюю поверхность. Цвет кобальта и его характерная неравномерность похожи на изданные Циммерманом кувшин и блюдо Константинопольского музея.² Циммерман датирует их первой половиной XVI в. Бакинские чаши найдены вместе с монетой XV в., что дает нам основание относить их к этому времени.

Особенно интересен фрагмент китайского фарфора с синей подглазурной росписью, обнаруженный в Старой Гандже (рис. 5).³ Фрагмент

¹ Музей Грузии АН Груз. ССР. № 371.

² E. Z i m m e r m a n n, указ. соч., табл. XXXIII и XXXIV.

³ Хранится в Музее Низами, № 691. Издан М. Джафарзаде (Археологические раскопки Старой Ганджи. Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка, 1941, № 2, рис на стр. 80).

принадлежал небольшой чаше на кольцевой ножке. Сохранился обломок от дна размером 8×8,5 см. Черепок белый, обычный для фарфора. Не покрытая глазурью часть ножки имеет небольшую красноту. Глазурь прозрачная, с зеленовато-голубым оттенком. Фрагмент расписан серовато-синим, не очень яркого тона кобальтом, лежащим ровным слоем. Контуры рисунка обведены более темным кобальтом. Изображен цветок пеоны с побегами и лепестками. С оборотной стороны — в двойном кольце марка императора династии Мин Сюан-дэ (1426—1435).

Фарфор с маркой Мин Сюан-дэ редок; кроме того, в большинстве своем он относится не ко времени царствования Сюан-дэ, а ко времени императора Кан-си (1662—1722), когда на изделиях, подражающих фарфору XV в., ставили старую марку. Поэтому, если происхождение предмета не известно, решить вопрос о том, имеем ли мы подлинный фарфор Сюан-дэ или подражание конца XVII в., чрезвычайно трудно. Вещи, относимые к XV в., в европейских собраниях числятся единицами, причем они не являются вполне бесспорными, так как приписываются этому времени лишь с большей или меньшей вероятностью. Чтобы определить происхождение и подлинность предметов, важно иметь прочно датированные предметы, и в этом отношении большое значение приобретает фрагмент из Старой Ганджи, имеющий право быть причисленным к подлинным изделиям фарфоровых мастерских времени Сюан-дэ. Действительно, Старая Ганджа была покинута в конце XVI в., следовательно подражанием времени Кан-си, когда главным образом имитировали эти изделия, наш фрагмент быть не может. Нельзя его отнести и к подражаниям времени императора Цзя-цин (1522—1566), так как для изделий этого периода характерен другой цвет кобальта, более яркого и не сероватого, как у нашего фрагмента, а лилового оттенка. Но главным подтверждением подлинности фрагмента служит то обстоятельство, что из 540 определенных монет, найденных в Старой Гандже, всего одна относится к XVI в.¹ Последнее указывает на столь значительный упадок городской жизни в XVI в., что возможность находки высококачественных изделий этого времени мало вероятна.

Описанием этого замечательного образца китайского фарфора XV в. мы заканчиваем обзор китайской керамики, завозившейся в средние века в Закавказье. Как значительное число найденных образцов, так и их разнообразие говорит о том, что Закавказье поддерживало оживленные торговые связи с отдаленной страной. Драгоценная керамика Китая находила сбыт в городах Закавказья, и местным мастерам-керамистам приходилось считаться с этой конкуренцией и прилагать усилия в деле усовершенствования отечественной промышленности. Находки высококачественных местных изделий свидетельствуют о том, что эти усилия не пропали даром.

¹ И. М. Джафарзаде. Историко-археологический очерк Старой Ганджи. Баку, 1949, стр. 95, 96.

В. В. Г И Н З Б У Р Г

МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Этногенез населения Южного Казахстана протекал в сложных исторических условиях. Здесь проходил один из путей, связывавших Переднюю Азию с далеким Китаем, поэтому на развитие местного населения оказывали в разное время влияние соседи с юга и запада (бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы), с востока (усуни, гунны, уйгуры) и севера (канглы, тюрки).

Антропологический состав древнего населения Южного Казахстана в литературе почти не освещен. Только несколько черепов сравнительно позднего времени, из зороастрийских погребений IX и X вв. в урочище Тик-Турмас близ Джамбула,¹ были изучены Е. В. Жировым,² который, к сожалению, не приводит индивидуальных данных. Он лишь отмечает, что серия в целом и все отдельно взятые черепа относятся к европеоидному расовому типу.

Совместно с Е. В. Жировым мы изучили и опубликовали антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас. Правда, этот могильник расположен на территории Киргизской ССР, но он находится недалеко от Джамбула (древний Тараз) и вряд ли древнее население южной части долины р. Талас было изолировано от населения средней и северной ее частей. Кенкольский могильник датируется рубежом нашей эры.³ Расовый тип захороненных в нем европеоидный с небольшой монголоидной примесью, хотя отмечено и несколько черепов европеоидного типа без монголоидной примеси.⁴ Характерным для Кенкольского могильника является искусственная конусовидная деформация черепов большинства захороненных.

В последнее время мы имели возможность изучить несколько серий черепов из Южного Казахстана (районы Джамбула и Чимкента), относящихся к разному времени — от III—II в. до н. э. до XII—XIII в. н. э.

Наиболее ранние изученные нами антропологические материалы доставлены из Тамдинского могильника (Чулак-Тау к северо-западу от Джамбула) Южно-Казахстанской археологической экспедицией Академии

¹ Г. И. Падевич. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасы. Изв. АН Каз. ССР. Сер. археолог., вып. 1, 1948.

² Е. В. Ж и р о в. Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии. Сб. МАЭ, X, 1949.

³ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

⁴ В. В. Г и н з б у р г и Е. В. Ж и р о в. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР. Сб. МАЭ, X, 1949.

наук Казахской ССР, руководимой А. Н. Бернштамом. Эти материалы относятся к III—II в. до н. э.,¹ и А. Н. Бернштам считает их захоронениями кочевников кангюев, сходными с захоронениями в Берккаринском могильнике.²

Несколько черепов, относящихся ко времени ранних тюрков (VI—VIII вв.), добыты из курганного могильника Шигнак-Сай, близ ст. Арысь, той же экспедицией в 1948 и 1949 гг. А. Н. Бернштам считает, что в Шигнак-Сае погребены кенгересы (средневековые канглы).³

В 1949 г. доставлен скелет из раскопа № 2 на городище Куйрюк-Тепе (Шаульдерский район Южно-Казахстанской области), датированный XII—XIII в.

Интересный и сравнительно большой материал получен Г. И. Пацевичем в 1941 г. из «каменных могил» на северо-западном склоне горы Тик-Турмас (на другом склоне этой горы ранее были раскопаны зороастрийские погребения в хумах, изученные Е. В. Жировым). Антропологический материал из каменных могил был нам передан для изучения в 1948 г. Точная датировка черепов затруднительна, так как погребальный инвентарь почти отсутствует.

Наконец в 1948 г. нами были получены от Областного историко-краеведческого музея в г. Чимкенте три черепа из зороастрийских погребений в хумах, обнаруженные еще в 1940 г. при земляных работах на водохранилище Сасык-Булак в кургане, расположенном по середине старого русла реки. Точная датировка погребений затруднительна. А. Н. Бернштам считает их огузскими (VIII—X вв.).

Расположив материал по возможности в хронологическом порядке, можно проследить за изменчивостью расового типа населения Южно-Казахстанской области, начиная с догуннского времени. Этим самым мы получим материалы к изучению этногенеза населения области. Разумеется, необходимо учитывать, что хронологическая последовательность еще не всегда говорит об автохтонном развитии, ибо известны перемещения племен и народов в этой области. Не говоря уже о кочевке местных племен, следует прежде всего иметь в виду исторически засвидетельствованные переселения гуннов с Востока (начало нашей эры) и согдийскую колонизацию древнего северного пути в Китай (середина I тысячелетия н. э.).

Изученный нами материал из Южного Казахстана расположим следующим образом:

1. Чулак-Тау (около Джамбула). Кангюи — III и II вв. до н. э.
2. Шигнак-Сай (около Арыси). Ранние тюрки (кенгересы) — VI—VIII вв.
3. Зороастрийские погребения из Сасык-Булака (около Чимкента) — VIII—X вв.
4. Каменные могилы на горе Тик-Турмас (возле Джамбула) — третья четверть I тысячелетия н. э. (?).
5. Городище Куйрюк-Тепе (Шаульдерский район) — XII и XIII вв.

1. Череп из кургана № 5 в Чулак-Тау (табл. 1, №№ 1—4)

№ 1. Мужчина зрелого возраста. Череп мезокранный, очень широкоскулый, с резко выступающим носом. Антропологический тип европеоидный, повидимому андроновский.

¹ Л. Я. Маловицкая. Тамдинский могильник III—I вв. до н. э. Изв. АН Каз. ССР. Сер. археолог., вып. 2, 1949.

² А. Н. Бернштам. Берккаринская пряжка. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

³ А. Н. Бернштам. Древний Отрар. Изв. АН Каз. ССР. Сер. археолог., вып. 3, 1951.

Т а б л и ц а 1 (Продолжение)

№ черепа	1	2	3	4	5	6		7	8	9	10
						Шегнак-Сай					
Происхождение	Чулак-Тау, курган № 5					курган № 11	курган № 9	курган № 5	Сасык-Булак		городище Куйрук-Теле, раскоп № 2
	III и II вв. до н. э.					VI—VIII вв. н. э.		VII—X вв.		XII и XIII вв.	
Датировка	м	м	ж	ж(?)	м	м	м	ж(?)	м	ж	ж
	зрелый	зрелый	зрелый	возмужалый	зрелый	возмужалый	зрелый	зрелый	возмужалый	возмужалый	зрелый
Возраст	зрелый	зрелый	зрелый	возмужалый	зрелый	возмужалый	зрелый	зрелый	возмужалый	возмужалый	зрелый
	(DS). Высота переносья над линией d-d	—	—	—	—	—	—	—	13.5	—	10.8
(57). Сямотическая ширина (SS)	—	—	—	—	—	—	—	10.3	12.0	8.2	10.2
(SC). Сямотическая высота	—	—	—	—	—	—	—	3.7	4.8	2.6	3.9
(51). Ширина орбиты (ml-ek)	—	42(?)	42	—	—	—	—	40	42	42	42 пр.
(51a). Ширина орбиты (d-ek)	—	41(?)	40	—	—	—	—	38	40	40	38 пр.
(52). Высота орбиты	—	39	38	34 пр.	—	—	—	32	33	33	37
(62). Длина неба	—	—	42	—	—	—	—	43	42	45	44
(63). Ширина неба	—	—	37	—	—	—	—	42	40	36	42
(66). Бигональный диаметр	—	—	—	—	—	—	—	—	80	75	85
(32). Угол профиля лба	—	—	—	—	—	—	—	—	81	88	84
(72). Угол профиля лица общий	—	—	—	—	—	—	—	—	87	91	86
(73). Угол профиля средней части лица	—	—	—	—	—	—	—	—	64	67	75
(74). Альвеолярный угол	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
(75). Угол носовых костей к линии профиля	—	—	—	—	—	—	—	—	23	22	23
(8 : 1). Черепной указатель	77.3	82.8	85.3	85.0	80.3(?)	—	—	—	75.0	83.9	83.9
(17 : 1). Выотно-продольный указатель	—	—	72.3	—	—	—	—	—	73.9	69.0	—
(48 : 45). Верхнелицевой указатель	—	52.7(?)	53.5	55.4(?)	47.8(?)	—	—	48.1	51.6	55.7	56.1
(54 : 55). Носовой указатель	—	47.5	46.1	52.9(?)	—	—	—	54.2	52.2	49.1	50.0
(52 : 51). Орбитный указатель (от ml)	—	92.9	90.5	—	—	—	—	80.0	—	—	88.1 пр.
(52 : 51a). Орбитный указатель (от d)	—	95.1	95.0	—	—	—	—	84.2	82.5	—	97.4 пр.

№ 2. Мужчина зрелого возраста. Череп брахикранный, широкоскулый, высоколицый, с резко выступающим носом. Антропологический тип европеоидный, переходный между андроновским и типом Среднеазиатского междуречья.

№ 3. Женщина зрелого возраста. Антропологический тип брахикранный, европеоидный.

№ 4. Фрагменты черепа, повидимому женщины, брахикранный типа. Антропологический тип черепа, возможно, смешанный, переходный от европеоидного к монголоидному.

Таким образом три из четырех черепов — типичные европеоидные. При этом можно наблюдать переход от более грубого мезокранный андроновского типа к брахикранный типу Среднеазиатского междуречья. Черты монголоидности в последнем черепе выражены также недостаточно ясно.

II. Ч е р е п а и з Ш и г н а к - С а я (табл. 1, №№ 5—7)

№ 5. Череп из кургана № 16, мужчины зрелого возраста, мезо-брахикранный, с низким широким лицом, европеоидного типа (может быть андроновский тип).

№ 6. Фрагменты черепа из кургана № 9, мужчины возмужалого возраста. Покатый лоб, выше среднего развитые надпереносье и надбровные дуги, средне углубленная клыковая ямка при довольно плоском лице и предносовая ямка — придают черепу черты южносибирского типа. Однако этих данных еще недостаточно, чтобы выделить этот череп из группы черепов европеоидного типа.

№ 7. Сломанный череп женщины из кургана № 5. Череп брахикранный типа, с низким широким лицом и значительно выступающим носом. Затылок уплощен. Тип ясно выраженный — европеоидный, близкий к андроновскому.

Суммируя данные о шигнаксайских черепах, мы видим, что в основе они европеоидны, может быть, с примесью (курган № 9) в небольшом количестве элементов монголоидного типа.

III. Ч е р е п а и з з а х о р о н е н и й в х у м а х н а в о д о х р а н и л и щ е С а с ы к - Б у л а к (табл. 1, № 8 и 9 и рис. 1)

№ 8. Череп мужчины возмужалого возраста. Черепная коробка удлиненной формы (долихо-мезокrania), с выступающим затылком. Лоб слегка наклоненный, относительно широкий, со слабо развитым надпереносьем и средне выступающими надбровными дугами. На черепе следы искусственной деформации, сделанной комбинированным способом (круговой перевязкой и давлением на верхнюю часть лба). Об этом свидетельствует резкий перегиб лба на уровне лобных бугров, уплощение верхней части лобной чешуи и седловидная перетяжка позади венечного шва. Лицо низкое, узкое, с мало углубленными клыковыми ямками, невысокими глазницами и средне выступающим носом. Антропологический тип черепа несомненно европеоидный.

№ 9. Череп женщины возмужалого возраста. Черепная коробка в пределах брахикрании и очень низкая. Отмечается легкое уплощение лба и затылка в области ламбды (больше справа). Это, повидимому, следы производившейся в детстве лобно-затылочной деформации, которая сопровождалась и общим давлением на темя. Череп имеет некоторые черты

сходства с мужским, а именно: неглубокие клыковые ямки, слабо выступающий нос, четырехугольная средне высокая форма глазниц. Но женский череп характеризуется более высоким и широким лицом с более узким лбом, что указывает на некоторые монголоидные черты, хотя

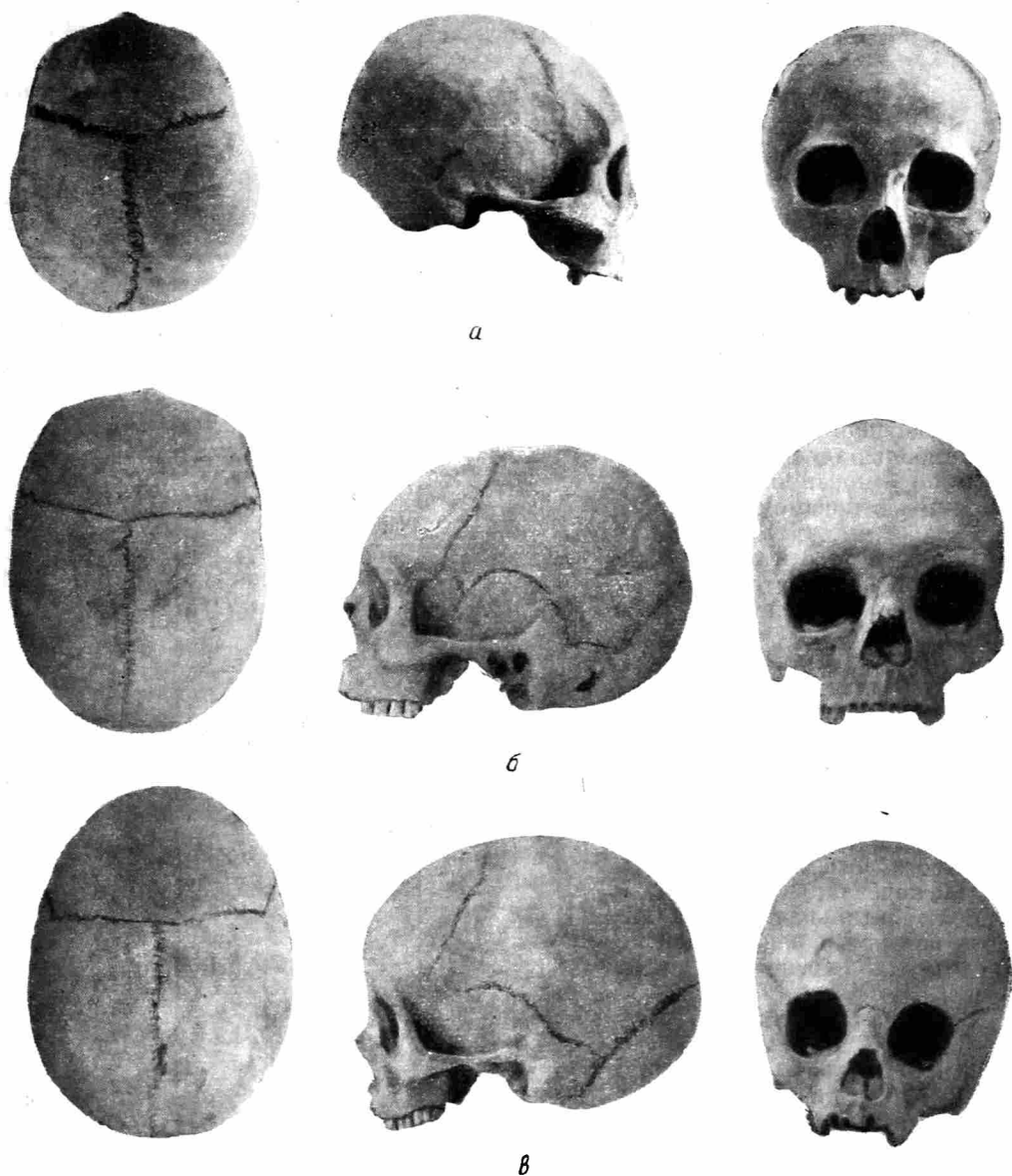

Рис. 1. Черепа из Сасык-Булака.

а — череп женщины, *б* — череп мужчины, *в* — череп ребенка.

оно не плоское, и в целом может быть охарактеризовано как европеоидное.

Из этой серии мы изучили еще череп ребенка лет 9—10, который имеет много сходных черт с мужским черепом (черепной указатель 74.5) и более глубокие клыковые ямки.

Общий тип черепов из Сасык-Булака несомненно европеоидный, несмотря на небольшую глубину клыковых ямок, что может

Измерительные и описательные признаки черепов из

№ черепа	1	2	3	4	5
Инвентарный № МАЭ	4927—3	4927—14	4927—15	4927—18	4927—21
Происхождение	погр. 5	погр. 17	погр. 20	погр. 30	погр. 35
Пол	м	м	м	м	м
Возраст	зрелый	возмужалый	зрелый	зрелый	возмужалый
(1). Продольный диаметр .	183	172(?)	184	189(?)	174(?)
(8). Поперечный диаметр	148	152(?)	154	140(?)	143(?)
(17). Высотный диаметр (Ba—B)	—	132	132	—	—
(20). Высотный диаметр (Po—B)	121	114	115	126	115
(41). Бицентрикулярная ширина	136(?)	149	132	—	—
(9). Наименьшая ширина лба	101	99	96	107	106
(10). Наибольшая ширина лба	128	127	125	133	123
(5). Длина основания черепа	—	100	104	—	—
(40). Длина основания лица	—	96	94	—	—
(47). Полная высота лица	—	119	—	134	132
(48). Верхняя высота лица	72	74	77	80	82
(45). Скуловой диаметр	143(?)	134	130(?)	148(?)	140(?)
(46). Ширина средней части лица	101	96	82(?)	99	96
Ширина средней части лица, по					
Абиндеру ($Zm_1—Zm_1$)	99	93	—	103	94
Выступание лица, по Абиндеру	23	24	—	23	21
(43 ₁). Биорбитальная ширина ($fmo—fmo$)	103	97	92	103	100
Назональная ширина					
(J_0 WSubt.). Высота назиона над					
линией $fmo—fmo$	23	17	21	16	15
(54). Ширина носа	27	24	23	25	30
(55). Высота носа	56	54	58	57	61
(49a). Межорбитальная ширина ($d—d$)	25	20	17	21	19
(50). Межорбитальная ширина ($mf—mf$)	20	18	15	18	16
Высота переноса над линией $mf—mf$	9.5	9.6	10.3	12.5	8.7
(DS). Высота переноса над линией					
$d—d$	14.2	13.1	13.1	14.8	11.7
(57). Симотическая ширина (SS)	12.5	7.3	7.2	9	10
(SC). Симотическая высота	6.4	4.4	4.7	5.1	5.2
(51). Ширина орбиты ($mf—ek$)	44	41	41	45	44
(51a). Ширина орбиты ($d—ek$)	41	39	41	42	42
(52). Высота орбиты	34	36	36	35	40
(62). Длина нёба	47	45	42	46	47
(63). Ширина нёба	44	41	31	39	42
(66). Бигониальный диаметр	—	—	—	110(?)	—
(32). Угол профиля лба	84	90	88	86	86
(72). Угол профиля лица	91	91	94	87	87
(73). Угол профиля средней части лица	92	94	101	91	90
(74). Альвеолярный угол	81	80	76	77	68
(75). Угол спинки носа (к горизон-					
тали)	66	59	65	62	58
(75 ₁). Угол спинки носа к линии про-					
филя	25	32	29	25	29
(8 : 1). Черепной указатель	80.87	88.37	83.70	74.07	82.18
(17 : 1). Высотно-продольный указатель	—	76.74	71.74	—	—
(20 : 1). Высотно-продольный указатель	66.12	66.28	62.50	66.67	66.09
(17 : 8). Высотно-поперечный указатель	—	86.84	85.71	—	—
(20 : 8). Высотно-поперечный указатель	81.76	75.00	74.68	90.00	80.42
(9 : 8). Лобно-теменной указатель	68.24	65.13	62.34	76.43	74.13

погребений в каменных ящиках на горе Тик-Турмас у Джамбула

Среднее для мужских черепов	6	7	8	9	10	11	Среднее для женских черепов
	4927—2	4927—9	4927—11	4927—13	4927—20	4927—22	
	погр. 4	погр. 12	погр. 14	погр. 15	погр. 34	погр. без номера	
	ж	ж	ж	ж	ж	ж	
	зрелый — старческий	возмужалый	зрелый	возмужалый	возмужалый	зрелый	
180.4(5)	168	179(?)	—	—	166	178	172.7(4)
147.4(5)	150	137(?)	—	—	148	140	143.7(4)
132.0(2)	126	—	—	—	128	131	128.3(3)
118.2(5)	113	123	—	—	115	113	116.0(4)
139.0(3)	136	123	—	—	129	125	128.2(4)
101.8(5)	103	95	95(?)	96(?)	98	102	98.2(5)
127.2(5)	126	124	—	—	129	122	125.2(4)
102.0(2)	95	—	—	—	92	105	97.3(3)
95.0(2)	—	—	—	—	87	—	87.0(1)
128.3(3)	—	—	106	111	106	—	107.7(3)
77.0(5)	—	71	66	67	63	—	66.7(4)
139.0(5)	135(?)	126	130(?)	—	128	130(?)	129.8(5)
94.8(5)	—	95	93	88(?)	96	—	93.0(4)
97.2(4)	—	95	91	—	95	—	93.7(3)
22.7(4)	—	23	25	—	21	—	23.0(3)
99.0(5)	97	95	95	100(?)	92	—	95.8(5)
110.2(4)	—	—	—	—	—	—	—
18.4(5)	16	—	17	—	13	—	15.3(3)
25.8(5)	—	27	25	26	24	—	25.5(4)
57.2(5)	—	50	48	50	48	—	49.0(4)
20.4(5)	—	20(?)	20	20	21	—	20.2(4)
17.4(5)	—	18(?)	18	18	19	—	18.2(4)
10.1(5)	—	8(?)	7.1	—	—	—	7.5(2)
13.4(5)	—	10(?)	9.2	—	—	—	9.6(2)
9.2(5)	7(?)	10	10	8	7.6	—	8.5(5)
5.2(5)	—	4(?)	2.7	—	—	—	3.3(2)
43.0(5)	—	42	40	43 пр.	39	—	41.0(4)
41.0(5)	—	40	38	41 пр.	37	—	39.0(4)
36.2(5)	—	37	34	34 пр.	36	—	34.5(4)
45.4(5)	—	43	47	—	39	—	43.0(3)
39.4(5)	—	39	41	—	36	—	38.7(3)
110.0(1)	92(?)	—	97(?)	—	96	94	94.7(4)
86.8(5)	—	89(?)	87	—	91	—	89.0(3)
90.0(5)	—	86(?)	80	—	88	—	84.7(3)
93.6(5)	—	91(?)	82	—	93	—	88.7(3)
76.4(5)	—	73	68	—	71	—	70.7(3)
62.0(5)	—	60(?)	52	—	—	—	56.0(2)
28.0(5)	—	26(?)	28	23	—	—	25.7(3)
81.84(5)	89.29	76.54	—	—	89.16	78.65	83.41(4)
74.24(2)	75.00	—	—	—	77.11	73.60	75.24(3)
65.53(5)	67.26	68.72	—	—	69.28	63.48	67.18(4)
86.27(2)	84.00	—	—	—	86.49	93.57	88.02(3)
80.37(5)	75.33	89.78	—	—	77.70	80.71	80.85(4)
69.25(5)	68.67	69.34	—	—	66.22	72.86	69.27(4)

№ черепа	1	2	3	4	5
Инвентарный № МАЭ	4927—3	4927—14	4927—15	4927—18	4927—21
Происхождение	погр. 5	погр. 17	погр. 20	погр. 30	погр. 35
Пол	м	м		м	м
Возраст	зрелый	возмужа- лый	зрелый	зрелый	возмужа- лый
(9:10). Лобный указатель	78.91	77.95	76.80	80.45	86.18
(9 : 45) Лобно-скуловой указатель	70.63	73.88	73.85	72.30	75.71
(66 : 45). Челюстно-скуловой указа- тель . . .	—	—	—	74.32	—
(48 : 45). Верхнелицевой указатель .	50.38	55.22	59.23	54.05	58.57
(54 : 55). Носовой указатель . . .	48.21	44.44	39.66	43.86	49.18
(52 : 51). Орбитный указатель (от mf)	77.27	87.80	87.80	77.78	90.91
(52 : 51a). Орбитный указатель (от d)	82.93	92.31	87.80	83.33	95.24
(40 : 5). Базальный кранио-фациаль- ный указатель .	—	96.00	90.38	—	—
(48 : 17). Вертикальный кранио-фаци- альный указатель	—	56.06	58.33	—	—
Назomалярный указатель	108.74	108.25	—	115.58	105.0
(JO Subt. : 430). Указатель высоты на- зюна над биорбитальной линией	22.33	17.53	22.83	15.53	15.00
Указатель высоты переносья к меж- орбитальной линии mf—mf	47.50	53.33	68.67	69.44	54.37
Указатель высоты переносья к меж- орбитальной линии d—d	56.8	65.50	77.06	70.48	61.58
(SC : SS). Симотический указатель	51.20	60.27	65.28	56.67	52.0
(63 : 62). Указатель ширины нёба	95.74	91.11	73.81	84.78	89.36
Форма черепной коробки	Овоид	Сфероид	Пента- гоноид	Эллип- соид	Эллип- соид
Наклон лба (0—3)	2	1	1	1	2
Развитие надпереносья (1—6)	4	3	3	4	2
Развитие надбровья (1—3)	3	2	2	3	2
Глубина клыковой ямки (0—4)	2	2	2	2	2
Горизонтальный профиль лица (1—3)	2	3	3	2	3
Выступление скул (1—4)	2	1	1		2
Выступление носа (1—3)	3	3	3	3	3
Передненосовая ость (1—5)	2	3	3	4	4
Нижний край носового отверстия	Infant.	Antr.	Antr.	Antr.	Antr.
Высота орбиты .	1	2	2	2	3
Выступление затылка	2	2	3	3	2
Типологическая характеристика	Европео- идный, андро- новский	Европео- идный, Среднеаз. между- речья	Европео- идный, Среднеаз. между- речья	Европео- идный, андро- новский	Европео- идный, Средне- аз. между- речья

быть индивидуальной вариацией, довольно часто отмечаемой на европеоидных черепах с территории Средней Азии.

IV. Черепа из каменных могил на горе Тик-Турмас (табл. 2 и рис. 2).

Представляемые здесь материалы происходят из раскопок Г. И. Пачевича (1941 г.) на северо-западном склоне горы. Высеченные в камне

Таблица 2 (Продолжение)

Среднее для мужских черепов	6	7	8	9	10	11	Среднее для женских черепов
	4927—2	4927—9	4927—11	4927—13	4927—20	4927—22	
	погр. 4	погр. 12	погр. 14	погр. 15	погр. 34	погр. без номера	
	ж	ж	ж	ж	ж	ж	
	зрелый—старческий	возмужалый	зрелый	возмужалый	возмужалый	зрелый	
80.06(5)	81.75	76.61	—	—	75.97	83.61	79.48(4)
73.27(5)	76.30	75.40	73.08	—	76.56	78.46	75.96(5)
74.32(1)	68.15	—	74.62	—	75.00	72.31	72.52(4)
55.48(5)	—	56.35	50.77	—	49.22	—	52.11(3)
45.07(5)	—	54.00	52.08	52.00	50.0	—	52.02(4)
84.31(5)	—	88.10	85.00	72.09	92.31	—	84.37(4)
88.32(5)	—	92.50	99.47	75.61	97.30	—	88.72(4)
93.19(2)	—	—	—	—	94.57	—	94.57(1)
57.19(2)	—	—	—	—	49.22	—	49.22(1)
109.38(4)	—	—	—	—	—	—	—
18.64(5)	16.49	—	17.89	—	14.13	—	16.17(3)
58.66(5)	—	44.44	39.44	—	—	—	41.94(2)
66.28(5)	—	50.0	46.00	—	—	—	48.0(2)
57.08(5)	—	40.0	27.0	—	—	—	33.5(2)
86.96(5)	—	90.70	87.23	—	92.31	—	90.08(3)
	Сферонд	Эллипсоид	Эллипсоид	—	Пентагонид	Пентагонид	
1.4(5)	1	1	1	1	1	1	1.0(6)
3.2(5)	1	2	1	1	2	1	1.33(6)
2.4(5)	2	1	1	1	1	1	1.17(6)
2.0(5)	—	1	2	1	2	—	1.5(4)
2.6(5)	—	3	3	2	2	—	2.5(4)
1.5(4)	—	1	1	1	1	—	1.0(4)
3.0(5)	—	2	3	2	—	—	2.33(3)
3.2(5)	—	2	3	4	3	—	3.0(4)
—	—	Antr.	Antr.	Antr.	Antr.	—	—
2.0(5)	2	2	2	1	3	—	2.0(5)
2.4(5)	2	2	2(?)	2	2	3	2.17(6)
	Европеоидный	Европеоидный с монгольским налетом	Европеоидный, Среднеаз. между-речья	Европеоидный, Среднеаз. между-речья	Европеоидный, Среднеаз. между-речья	—	

древние могилы Г. И. Пацевич считает несколько более ранними, чем погребения зороастрийцев на этой же горе,¹ отнесенные к IX и X вв. Однако почти полное отсутствие погребального инвентаря делает невозможной точную датировку кладбища.

Для изучения нам были присланы останки 23 человек. Большая часть костей оказалась в полуразрушенном состоянии; 12 из полученных

¹ Е. В. Жиров, указ. соч.; Г. И. Пацевич, указ. соч.

костяков принадлежат мужчинам, 6 — женщинам. Пол остальных погребенных, преимущественно детей, определить было трудно. Длину тела (по Пирсону) можно было вычислить по сохранившимся костям лишь для 5 скелетов. У мужчин длина тела оказалась равной 174 см (погребение 33) и 164 (погребение 17); у женщин — 158 см (погребение 12), 149 см (погребение 14) и 154 см (погребение 15).

В табл. 2 приводятся индивидуальные и средние данные размеров, указателей и описательных признаков 11 наиболее сохранившихся черепов. На основании этих данных можно дать следующую характеристику всей группе. Горизонтальные размеры черепной коробки средние; черепной указатель стоит в пределах брахикрании, ближе к мезокранам; высотный диаметр сравнительно небольшой, хотя и в пределах средних на некоторых черепах отмечается уменьшение высоты те-

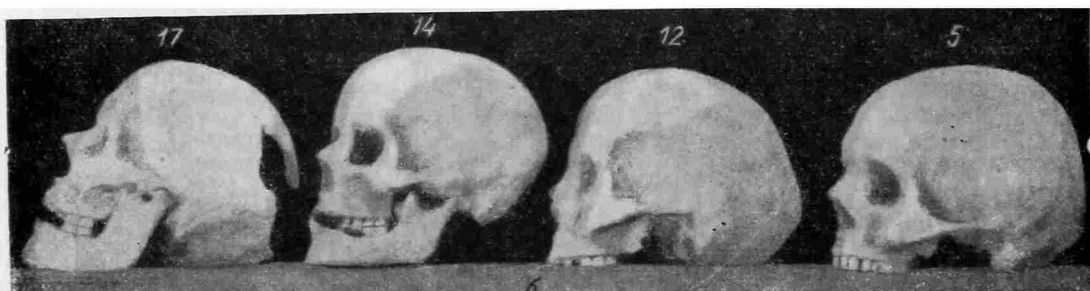
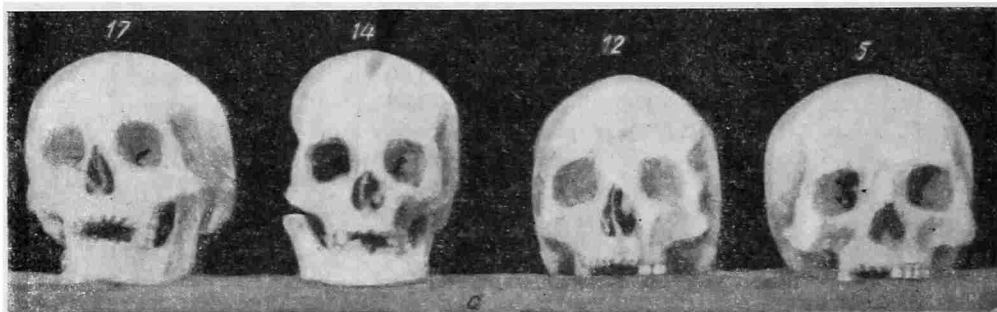

Рис. 2. Некоторые черепа из «каменных могил» Тик-Турмаса. Фот. Г. П. Паевича.

мени в задней его части. Это сочетается со средне выступающим, круглым затылком, на котором иногда развит затылочный валик. Обращает на себя внимание полное отсутствие уплощения затылка, которое так характерно для современного населения этого района. Лицо высокое, средне широкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости; лоб слабо наклонный, с выше среднего развитыми надпереносьем и надбровными дугами; глазницы высокие; скулы слабо выступающие, глубина клыковой ямки средняя; нос узкий, значительно выступающий, с крупными длинными носовыми костями. На большинстве черепов передняя носовая ось наклонена книзу. Все эти данные свидетельствуют, что черепа относятся к европеоидному типу Среднеазиатского междуречья.

Изучение отдельных черепов показывает, что все они относятся к одному антропологическому типу, т. е. что в расовом отношении погребенные были однородны.

Однако нужно отметить среди мужских черепов в каменных могилах наличие двух черепов с более гиперморфными чертами, представ-

ляющих как бы переход от андроновского типа к типу Среднеазиатского междуречья.

V Череп из раскопок на городище Куйрук-Тепе (табл. 1, № 10)

Хорошо сохранившийся череп женщины зрелого возраста (из раскопа № 2). Череп брахикранный, со средне высоким, нешироким лицом, с ниже среднего развитым надпереносьем и средне выступающим носом. Затылок выступающий. Антропологический тип европеоидный, приближается к типу Среднеазиатского междуречья.

Изучив последовательно отдельные серии, мы видим, что основным расовым типом на территории Южного Казахстана в течение продолжительного времени — от последних веков до нашей эры и по крайней мере до II тысячелетия н. э. — являлся европеоидный. В ранних сериях этот тип более гиперморфный и представлял как бы морфологический переход от андроновского к типу Среднеазиатского междуречья. Монголоидные расовые черты отмечаются в некоторых сериях лишь в виде очень небольшой примеси и не меняют общего характера типа. Такая большая серия черепов, как черепа из каменных могил на горе Тик-Турмас, совершенно не имеет монголоидной примеси. Это лишнее подтверждает наше предположение, что европеоидный тип Среднеазиатского междуречья является очень древним, развившимся на базе андроновского типа при участии средиземноморского, представленного в эпоху бронзы на юге Средней Азии, и с небольшой разновременной примесью монголоидных элементов.

Сопоставим теперь выше разобранный серию черепов из каменных могил с другими, близкими по территории и времени.

Как видно из данных табл. 3, черепа из каменных могил по основным расово-диагностическим признакам оказываются довольно сходными с черепами из зороастрийских погребений на горе Тик-Турмас,¹ на Пянджикентском городище² и в Фринкенте.³ Сходны они также с черепами из зороастрийских погребений возле Чимкента. Важно отметить, что погребенные в каменных могилах по типу своему близки к населению первых веков нашей эры, обитавшему на южных склонах Гиссарского хребта, т. е. Бактрианы.⁴ Сопоставление с более поздними краниологическими материалами показывает большее сходство черепов из каменных могил с черепами из ташкентских и самаркандских кладбищ, чем из бухарских.⁵

Обращает на себя внимание наличие теменной деформации некоторых черепов из каменных могил, отмеченной нами и на черепах из пянджикентского науса № 6. Это также отмечает Е. В. Жиров в отношении черепов из зороастрийских погребений на Тик-Турмасы и в Фринкенте. В то же время у черепов из каменных могил совершенно отсутствует затылочная деформация, столь характерная для более позднего и современного населения Среднеазиатского междуречья.

Погребенных в каменных могилах на горе Тик-Турмас нужно отнести к местному автохтонному населению, синхронному и, скорее

¹ Е. В. Жиров, указ. соч.

² В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии Согда. МИА, № 37, 1953.

³ В. В. Гинзбург. Черепа из зороастрийского кладбища XVIII в. в Фринкенте, Сб. МАЭ, X, 1949.

⁴ В. В. Гинзбург. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии. МИА, № 15, 1951.

⁵ Б. В. Фирштейн. Материалы к краниологии узбеков Ташкента. КСИЭ, XIII, 1951.

Краткая сравнительная таблица мужских черепов некоторых краимологических серий Средней Азии

	Череп из каменных могил на горе Тинмас (Гинзбург)	Череп из зараст-рийских погребений на горе Тинмас Турмас (Жирнов)	Череп из восточ-рийских погребений в на-усе № 6 Древнего Пандни-цента (Гинзбург)	Череп из восточ-рийских погребений в Фринкенте		Череп из урочища Туп-Хона под Ста-линабадом (Гинзбург)	Череп из несторжнан-ских по-гребений в Семин-рече (Дебей)	Череп из полюдних кладбищ		
				(Жирнов)	(Гинзбург)			Бухары (Гинзбург)	Самар-канда (Гинзбург)	Ташкента (Левин и Гинзбург)
Продольный диаметр черепа	180.4	176.0	179.2	183.6	177.2	177.8	172.9	182.0	180.8	175.5
Поперечный диаметр черепа	147.4	144.5	141.7	150.3	147.4	144.4	148.1	146.3	148.7	145.9
Высота черепа (Ва—Вг)	132.0	138.3	135.0	143.2	138.7	128.0	132.0	138.8	135.1	135.9
Наименьшая ширина лба	101.8	98.2	98.3	100.8	95.5	99.3	95.2	95.6	97.2	95.6
Черепной указатель	81.8	82.3	79.2	82.0	83.2	81.6	85.8	80.5	79.5	83.0
Высотно-продольный указатель	74.2	78.7	77.14	78.0	78.2	73.3	76.9	76.2	74.8	74.4
Высотно-поперечный указатель	86.3	95.7	99.3	95.3	94.1	88.5	89.5	94.7	94.2	98.3
Лобно-поперечный указатель	69.2	67.9	69.5	67.1	65.0	67.5	64.3	65.4	67.6	65.8
Скуловой диаметр	139.0	135.8	137.7	135.2	131.4	134.5	133.3	134.8	134.8	134.0
Высота лица	77.0	77.8	76.0	75.0	72.8	71.0	70.9	72.8	73.5	73.6
Лидевой указатель	55.5	57.2	55.2	55.5	55.8	54.8	53.0	53.7	54.5	55.0
Шосовой указатель	45.1	44.0	47.8	43.7	43.5	48.0	51.3	49.0	46.2	47.9
Орбитный указатель (кд)	88.3	80.8	92.4	78.2	81.9	85.6	83.2	—	—	87.9
Угол лба	86.8	84.2	82.5	87.1	—	80.7	87.0	—	—	84.6
Угол носа	28.0	30.0	22.0	31.8	—	33.0	31.8	—	—	27.7
Надпереносье	3.2	2.4	3.17	3.0	3.0	3.14	2.91	2.5	3.1	3.2
Глубина клыковой ямки	2.0	2.0	2.67	1.81	2.5	2.0	2.73	1.7	2.1	1.58
Переднесовая ось	3.2	3.0	3.0	3.17	3.5	3.28	2.44	2.8	3.28	2.47

всего, родственному зороастрийцам, погребенным на той же горе, и населению Шапа и Согда. Судя по способу погребения без вещей это могут быть ранние последователи ислама. Таким образом, каменные могилы на горе Тик-Турмас можно датировать последними веками I тысячелетия н. э. и видеть в погребенных представителей северо-восточной группы населения Согда. Наша датировка не противоречит предположению Г. И. Пацевича, что погребения в каменных могилах несколько древнее зороастрийских в хумах на другом склоне горы Тик-Турмас, определяемых IX—X в. н. э. Погребения в каменных могилах могут относиться к VIII—IX в., т. е. ко времени арабского завоевания и насаждения мусульманской религии среди населения Согдианы.

Череп из Сасык-Булака имеют несколько необычную для черепов из зороастрийских погребений деформацию, являющуюся как бы отголоском деформации черепов из гуннских могильников. Выше уже сказано о хорошо выраженной конусовидной деформации черепов из Кенкольского могильника в долине р. Талас. Этот способ деформирования черепов у гуннов был несколько иным, чем деформирование черепов из Сасык-Булака; в последнем случае череп только удлиняется, не повышаясь. Антропологические материалы из Сасык-Булака заставляют вспомнить об обычае предков туркмен, гузов, деформировать голову с целью удлинения ее формы. Этот вопрос, подробно разработанный по историческим источникам Л. В. Опаниным,¹ может быть, начинает получать конкретные палеоантропологические подтверждения.

При сопоставлении антропологических материалов из Южного Казахстана с синхронными материалами из Центрального Казахстана видно, что древнее население последнего характеризовалось европеоидным расовым типом, который здесь был более гиперморфным (андроновский), чем в Южном Казахстане. К концу I тысячелетия н. э. в Центральном и Восточном Казахстане устанавливается уже очень определенный южно-сибирский расовый тип. В Южном Казахстане в это время хорошо выражен европеоидный тип.

Что касается Восточного Казахстана, то здесь смешение европеоидного расового типа с монголоидным началось гораздо раньше, а именно перед началом нашей эры.² Повидимому здесь сказалась большая близость этих районов к Алтаю и Центральной Азии, откуда шла инвазия племен и народов, характеризовавшихся монголоидным расовым типом.

Больше всего сходства у древнего населения Южного Казахстана с древним населением Шапа и Согда, а также Западного Казахстана, черепа которых относятся к грацильному брахикранному варианту европеоидного типа, т. е. к типу Среднеазиатского междуречья.³

Вышеприведенные данные заставляют предположить, что древнее местное население Южного Казахстана вошло в состав казахского народа менее смешанным с монголоидными по расовому типу этническими группами, чем население центральных и особенно северных и восточных районов Казахской ССР. Этим, вероятно, и объясняется более европеоидный тип казахов западной части Южного и Западного Казахстана.

¹ Л. В. Опанин. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен. (Опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркменского народа). Изв. Ср.-аз. ком. по изуч. памятн. старины, № 1, Ташкент, 1926; о н ж е. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Изв. Ср.-аз. ком. по изуч. памятн. старины, № 4, 1928.

² В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана. КСИЭ, XIV, 1952.

³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л. 1948.

Сопоставление всех имеющихся материалов позволяет сделать общее заключение, что западная часть Южного Казахстана этногенетически больше связана с автохтонным населением междуречья, чем Семиречья и Центрального Казахстана. Влияние монголоидных рас в западной части Южного Казахстана было гораздо меньше и возникло позже, чем в восточных районах его. На формирование населения Южного Казахстана влияли согдийцы и население Ташкентского оазиса. Это констатируется и археологическими материалами, в частности, хорошо представленной керамикой.¹ Согдийская колонизация резко проявляется во второй половине I тысячелетия н. э. в расовом типе населения; монголоидные черты здесь уменьшаются, в то время как в Семиречье они усиливаются.²

¹ Е. И. Агеева. Керамика Отрара. Изв. АН Каз. ССР, вып. 3, 1951.

² В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. КСИЭ, XI, 1950.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА. Сборник статей. Крымиздат, 1952, 252 стр. Цена 8 руб. 60 коп.

Перед нами 16 статей, объединенных в сборник по признаку общей тематики — прямо или косвенно все работы затрагивают историю Боспорского царства или археологические памятники, открытые на его территории. Изучение Боспора, одного из древнейших государственных образований на территории СССР, занимает видное место в советской исторической науке, и нельзя не приветствовать появления в свет новой книги, целиком посвященной этой теме. Особенно же отраднo узнать из предисловия, что Керченский музей имеет в виду издание целой серии аналогичных сборников, в которых «получат отражение результаты научно-исследовательской работы не только музея, но и всего коллектива советских ученых — историков и археологов, ведущих большую и плодотворную работу по изучению восточного Крыма и Таманского полуострова, тесно связанных историческими узами со всем Крымским полуостровом и Северным Причерноморьем в целом». Итак, можно надеяться, что Керченский музей, проявивший достойную всяческого признания инициативу по изданию настоящего сборника, не остановится на достигнутом и впредь будет публиковать работы, посвященные изучению прошлого нашей Родины. Мы, со своей стороны, будем рады, если наши критические замечания окажут ему известную помощь в предпринятом большом деле.

Первый же беглый просмотр показывает, что входящие в сборник статьи весьма различны по своему характеру. Весь сборник в целом посвящен знаменательному событию — исполнившемуся в 1951 г. сто двадцатипятилетию Керченского музея, одного из старейших учреждений этого рода на нашем юге. Ближайшее отношение к юбилею имеют статья Ф. Т. Гусарова «Керченскому музею — 125 лет», открывающая сборник, и завершающая его статья Л. И. Чуистойвой «Фонды Керченского музея». В первой дается краткий обзор истории музея, главным образом его раскопчной деятельности и мероприятий по охране памятников. Вторая заключает в себе характеристику накопленных в Музее археологических фондов и оценку их как источников для исследования Боспора. Кроме интересных материалов по истории музея, Л. И. Чуистова опубликовала несколько вновь найденных на новостройках в Керчи и поступивших в Музей памятников. Обе статьи уделяют много внимания коренному перелому, наступившему в жизни и деятельности музея после Великой Октябрьской социалистической революции, и намечают план дальнейших работ.

Ближайшее отношение к Музею, неизменно принимающему участие в работах боспорских археологических экспедиций, имеют также статьи В. Ф. Гайдукевича «Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий», В. Д. Блаватского «Исследования города Пантикапея» и М. М. Худяка «Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее». Здесь суммируются результаты многолетних полевых исследований, уже получивших широкую известность и должную оценку среди специалистов, благодаря публикациям в научных изданиях. Подобная сводка имеет большую ценность, так как она особенно рельефно выявляет научнос

значение проводимых археологических исследований и позволяет руководителям экспедиций сделать новые, широкие обобщения, связанные с открытыми объектами. Статьи написаны в популярной форме.

Научно-популярный характер носит статья А. П. Ивановой «Боспорская живопись», посвященная описанию и толкованию давно и хорошо известных росписей боспорских склепов. Новой здесь является трактовка росписей как памятников искусства, тематически и стилистически неразрывно связанных с боспорским обществом. Общая линия, проводимая А. П. Ивановой в разрез со взглядами буржуазной науки на этот вопрос, несомненно, правильна. Однако в некоторых случаях в статье заметна тенденция к чрезмерному преувеличению самостоятельных достижений боспорских живописцев. Вряд ли, например, следует подчеркивать, что монументальная трактовка головы Деметры в склепе Большой Близницы не находит себе близких параллелей в греческой живописи IV в. (стр. 192). Ведь от греческой живописи этого времени не сохранилось ничего, кроме описаний картин, и для упомянутого вывода поэтому нет достаточных оснований.

Статья К. Э. Гриневича «Юз-Оба» рассчитана на более узкий круг читателей. Давая новое описание склепов и их инвентаря, автор ставит перед собой цель «привлечь внимание археологов к важнейшему памятнику боспорской археологии». Строго говоря, упрек в забвении Юз-Обы боспорскими археологами не вполне справедлив, так как погребальные склепы Юз-Обы описывались неоднократно и они неизменно занимают подобающее им видное место в общих трудах по истории Боспора. Но если автор желал напомнить о том, что далеко не все еще сделано для изучения этих замечательных памятников, то он безусловно прав. Действительно, составление топографической карты, исследование склепов на месте и научное издание погребальных комплексов — все это давно назревшие и чрезвычайно важные задачи, выполнение которых непозволительно затянулось. Если «напоминание» К. Э. Гриневича будет услышано и эта работа, наконец, сдвинется с мертвой точки, то это явится крупным событием в деле изучения Боспора. Следует отметить, что К. Э. Гриневич придерживается поздней датировки Юз-Обы (середина и вторая половина IV в.) и говорит об этом как о решенном вопросе. Между тем поздняя датировка так называемых керченских ваз, на которой он при этом основывается, не может считаться общепризнанной. Так, М. М. Кобылина в статье «Поздние боспорские пелики»¹ склоняется к значительно более ранней дате их возникновения, а Шефольд относит начало их производства к 380 г.²

Особое место в сборнике занимает работа Д. Б. Шелова «Автономные монеты боспорских городов как исторический источник». Ее можно определить как программу будущих нумизматических исследований. Автор, идя по стопам покойного А. Н. Зографа, призывает к углубленному изучению монет боспорских городов для решения исторических проблем и намечает ряд конкретных тем.

В остальном сборник состоит из статей о новых раскопках, полевых исследованиях и разведках, статей, посвященных изучению отдельных групп керамических изделий, и, наконец, из работ, ставящих широкие исторические проблемы.

Крупный научный интерес представляет отчет И. Т. Кругликовой «Раскопки древнего Киммерика». Землянка и культурный слой, залегающие непосредственно под остатками греческого дома VI—V в. до н. э., принадлежат догреческому населению, может быть киммерийцам, от которых этот пункт получил свое наименование.

Н. В. Анфимов публикует случайно найденное в городище у станицы Воронежской погребение, затем подробно обследованное. Довольно богатый инвентарь позволяет определить это погребение как сарматское и отнести его к III в. н. э.

Л. И. Чулстова в статье «Курганные гробницы, открытые в 1950 г. в районе Тиритаки» подробно описывает конструкцию небольшого склепа с плоским покрытием и монументального склепа с уступчатым покрытием. Оба склепа, судя по найденным в них вещам (из которых, к сожалению, опубликована только одна серьга), относятся

¹ МИА, № 19, 1951, стр. 136—138.

K. S c h e f o l d. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin, 1934.

автором к III в. до н. э., но монументальный склеп служил усыпальницей вплоть до первых веков нашей эры. По мнению Л. И. Чуистойвой, второй склеп дает «несколько необычный и не известный до сих пор вариант конструкции боспорского погребального сооружения с уступчатыми покрытиями».

В статье «Древние городища в районе Синягино» В. В. Веселов знакомит читателей с результатами разведок, проведенных им в северной части западного побережья Керченского пролива, в районе поселков Опасное и Жуково и на меже крепости Еникале. Решающее слово для локализации находившихся в этой местности боспорских поселений Порфмия и Парфения остается за раскопками, которые, надо надеяться, будут предприняты в ближайшие годы. Раскопки этих поселений несомненно внесли бы много нового в наши представления о малых боспорских городах, исследование которых, начатое по инициативе покойного академика С. А. Жебелева, уже дало важнейшие данные по экономике и истории Боспора.

В небольшой статье «К вопросу о боспорских амфорах» И. Б. Зеест продолжает серию своих ценных исследований по определению керамической тары, представленной на северном Причерноморье столь обильными находками. Много уже сделано советскими учеными в деле изучения этого массового материала, имеющего первостепенное значение для нашего знакомства с промышленностью и торговлей северного Причерноморья, но ряд видов остродонных амфор еще ждет своего определения. В рассматриваемой статье И. Б. Зеест выделяет из массы неопознанных амфор группы боспорского производства одну, относимую ею к IV—III в. до н. э., и две, которые она датирует II—III в. н. э.

Работа И. Д. Марченко «О терракотовых антефиксах Пантикапея» посвящена еще мало изученным памятникам северного Причерноморья — архитектурным терракотам. В результате этого исследования выясняется, что в этой категории изделий, так же как и в других отраслях художественного ремесла, местное производство успешно конкурировало с импортом. В прежние времена принято было считать чуть ли не все художественные изделия, находимые на северном Причерноморье, изделиями привозными. В настоящее время иногда высказываются противоположные взгляды: на долю импорта оставляется очень немного памятников, а местной художественной промышленности отводится руководящая роль. Оба эти взгляда не могут считаться строго научными. Советские археологи обязаны на основании подробного анализа памятников по возможности четко отделять местные изделия от привозных, так как только таким путем можно решить один из основных вопросов экономики северного Причерноморья — установить, в какой мере потребность населения в промышленной продукции удовлетворялась местными ресурсами и какая доля в этом отношении принадлежала импорту. С этой точки зрения работа И. Д. Марченко должна получить положительную оценку, так как одни антефиксы правильно определены в ней как привозные, главным образом из Синопы, другие столь же убедительно присоединены к изделиям Пантикапея и датируются временем от IV в. до н. э. до I в. н. э. Труднее согласиться с другим положением автора. Публикуя найденный на горе Митридат фрагмент импортного антефикса (стр. 174, рис. 3), И. Д. Марченко говорит, что «весь характер изображения позволяет отнести его к концу VI—началу V века до н. э.». На этом основании делается вывод о применении в Пантикапее глиняных художественных антефиксов уже в это раннее время. Весьма неясное воспроизведение этого памятника не позволяет судить о стиле украшающей антефикс головы Гелиоса. Но датировка этого памятника концом VI—началом V в. иконографически невозможна, так как венец из лучей, обрамляющей голову Гелиоса, появляется в изображениях этого бога только в IV в., а до этого времени солнечный диск с лучами (или без лучей) либо парит над головой Гелиоса, либо служит для нее фоном.¹ Таким образом, опубли-

¹ См., например, известную краснофигурную вазу Blacas в Британском музее (H. Walters. History of ancient pottery, II. London, 1905, Pl. LIII) и статью «Helios» в «Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie» (herausg. von Roscher. Leipzig, Bd. I, 1886, S. 2010).

кованный фрагмент не может служить основанием для гипотезы о применении художественных антефиксов в строительном деле Пантикапея в раннее время.

Переходим к рассмотрению двух статей, посвященных широким историческим проблемам, — киммерийскому вопросу и скифскому государству.

Ю. С. Крушкол следующим образом сформулировала поставленную перед собой задачу: «Настоящая статья представляет попытку некоторого суммирования материала и возможных из него выводов». Соответственно этому мы находим в статье краткий обзор работ советских ученых по данному вопросу и, кроме того, попытку автора внести от себя вклад в решение проблемы о киммерийцах путем анализа свидетельств древних авторов, греческих и древневосточных, и приписания киммерийцам монументального склепа Золотого Кургана близ Керчи. Ю. С. Крушкол полемизирует с автором статьи «Киммерийцы и киммерийская культура», напечатанной в № 3 «Вестника древней истории» за 1949 г., содержание которой сводится к отрицанию исторической реальности пребывания киммерийцев в северном Причерноморье и к отождествлению культуры киммерийцев с кобанской культурой. Нельзя не согласиться с Ю. С. Крушкол, когда она сурово критикует это фантастическое построение, но в то же время и многие аргументы, выдвигаемые Ю. С. Крушкол в защиту ее основного тезиса — реальности пребывания киммерийцев в северном Причерноморье, — вызывают серьезные сомнения. Прежде всего, может быть, вообще не стоило возвращаться к разбору свидетельств греческих авторов и топонимических названий, так как, если не считать вышеназванной статьи, не оказавшей, насколько нам известно, никакого влияния на развитие советской науки, историческое значение всех этих свидетельств никогда никем не оспаривалось. Но если уж брать на себя эту задачу, то следовало бы дать обсуждение более углубленное, чем то, которое мы встречаем в разбираемой статье. Так, в анализе известного отрывка из «Одиссеи» (XI, 12—17) автор не считается с общепризнанной теорией о разновременных (от Микенской эпохи до VII в.) наслоениях в поэмах Гомера. В недоумение приводят также рассуждения автора о географических представлениях Гомера, Гекатея и Геродота, которые никак нельзя безоговорочно отождествлять. Но особенно неудачна, на наш взгляд, попытка Ю. С. Крушкол отнести склеп Золотого Кургана ко второй половине II тысячелетия до н. э. Основанием для датировки служит сравнение плана и конструкции этой гробницы с купольными гробницами Крита и «Сокровищницей Атрея» в Микенах и состоящего из крупных камней «панцыря» кургана с циклопической кладкой стен Тиритаки. Проводя это сравнение, Ю. С. Крушкол почему-то игнорирует новую зарубежную литературу по вопросу о купольных гробницах и основывается почти исключительно на шестом томе «Истории искусства» Перро, вышедшем в свет в 1894 г. и сильно устаревшем. Поэтому в изложении Ю. С. Крушкол не отразилось современное положение вопроса. Между тем, согласно последним исследованиям, из длинного ряда известных в настоящее время купольных гробниц следует исключить примитивные критские толосы¹ и в то же время необходимо иметь в виду, что расцвет этого вида архитектурных памятников в XIV в. до н. э. в Греции не закончился полным и внезапным отмиранием этого рода сооружений после гибели микенской культуры. Так, на островах Эгейского моря строили купольные гробницы вплоть до IX в., в Этрурии — в VIII и VII вв., во Фракии — в V и IV вв., причем очень часто круглые в плане купольные гробницы сосуществуют с прямоугольными склепами, крытыми уступчатыми сводами. Особенно близкой аналогией для склепа Золотого Кургана Ю. С. Крушкол считает «Сокровищницу Атрея». Но так ли это? Ближайшее рассмотрение показывает, что между обоими сооружениями, при чисто внешнем и формальном сходстве, существуют глубокие различия. Ведь Микенская гробница с ее длинным дромосом и боковой камерой вырыта целиком в холме, после чего земляные стены изнутри обложены каменной кладкой, а склеп Золотого Кургана построен на открытом месте и затем засыпан огромной массой земли.

¹ См.: AA, 1930, S. 158 (Mylonas); A. W a s e. Mycene. Prienceton, 1949, p. 119.

Вряд ли поэтому здесь можно говорить об единстве конструктивных приемов. К тому же существует разница и в функциональном назначении круглых в плане помещений. В Золотом Кургане оно служило усыпальницей. В Микенах захоронения находились в боковой камере, а в круглом помещении отправлялся культ мертвых. Что касается циклопической кладки, то и тут прямого параллелизма нет. В Тиринфе при помощи этой кладки возведены крепостные стены с башнями, галереями, цистернами и внутренними помещениями, а в Золотом Кургане крупные каменные блоки служили лишь для предохранения земляной насыпи от оползания и прямых конструктивных функций не выполняли.

Наконец еще два слова о так называемой гробнице Тантала близ Смирны, которую Ю. С. Крушкоч сравнивает с Золотым Курганом в отношении циклопической кладки, скрывающей поверхность земляной насыпи последнего, и датирует его X в. Во-первых, датировка кургана не может считаться твердо установленной, и некоторые авторы сближают гробницу Тантала с гробницами лидийских царей VI в. в окрестностях Сард.¹ Камни, которыми облицован курган, не крупных, а средних размеров, и эту кладку только с большой натяжкой можно назвать циклопической. К тому же конструкция кургана и заключенной в нем гробницы не имеет ничего общего с Золотым Курганом, так как вместо земляной насыпи там налицо насыпь из бута, скрепленная внутренним кольцом и сквозными стенками, идущими от поверхности кургана к гробнице и сложенными из более крупных камней. Дромоса там вообще нет, и прямоугольная камера замурована наглухо. Таким образом сопоставление склепа Золотого Кургана с «Сокровищницей Атрея» и гробницей Тантала не имеет под собой твердой почвы, а тем самым рушится и датировка кургана второй половиной II тысячелетия до н. э. с отнесением его к культуре киммерийцев. Нам кажется, что те исследователи (С. А. Кауфман и В. Ф. Гайдукевич), которые относили склеп Золотого Кургана к V или IV в. до н. э. и не отрывали его от других монументальных сооружений боспорской архитектуры, были совершенно правы.

Автор статьи «О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами северного Причерноморья» Э. И. Соломоник не претендует на окончательное разрешение всех сложных вопросов, связанных с его темой, и сам предупреждает читателя, что его работа «во многом носит лишь предварительный характер». Иначе и не может быть, так как почва для составления обобщающего труда о скифском государстве еще недостаточно подготовлена. Как попытка собрать материал и выработать основные точки зрения, с которых, на основании марксистско-ленинского учения о государстве, следует рассматривать процесс сложения государства у скифов, работа Э. И. Соломоник заслуживает внимания. Наиболее удачна, по нашему мнению, средняя часть очерка, трактующая о скифском государстве в Крыму. Автору удалось изложить события, связанные с походами Днофанта, так сказать, со скифской точки зрения, причем активная роль скифов выступает при этом особенно рельефно.

Нам кажется, однако, что в общей характеристике скифского государства в Крыму Э. И. Соломоник склонна несколько преувеличивать силу и культурные достижения последнего. Отсутствие собственной письменности и собственных монетных выпусков (монеты с портретами скифских царей, чеканенные в греческих городах, не противоречат этому) свидетельствует весьма убедительно о том, что Скифское государство в Крыму находилось еще на низком, а не на сравнительно высоком уровне (стр. 120) развития классового общества.

К недостаткам работы следует, на наш взгляд, отнести также отсутствие в некоторых случаях углубленной критики источников, как это имеет место, например, при изложении весьма спорного вопроса о государстве Атея (IV в. до н. э.). Читатель остается в неведении, на чем собственно основывается эта гипотеза. Затем нельзя не

¹ C. Butler. Sardis, vol. I, The excavations 1910—1914, by Howard Crosby Butler, p. 8; A. Springer. Die Kunst des Altertums. Bearb. v. A. Michaels. Leipzig, 1915, S. 105.

пожалеть о том, что оставлены почти без всякого внимания взаимоотношения Скифского государства с другими племенами, сыгравшими крупную роль в истории северного Причерноморья в эпоху эллинизма и в первые века нашей эры. Заключительная часть статьи поэтому вышла бледной и неполной. Мы надеемся, что автор продолжит свою работу над этой темой, углубит и расширит изучение всех связанных с ней вопросов.

Итак, более близкое знакомство с отдельными статьями сборника подтвердило наше первое впечатление о некоторой пестроте его состава. Вряд ли правильно публиковать рядом, мы бы сказали — вперемежку, научно-популярные и чисто исследовательские статьи, притом иногда содержащие в себе сугубо дискуссионные положения. Разумеется, Керченский музей, как и всякий другой музей, наряду с научной ведет просветительную работу, но из этого не следует, что в его печатных изданиях надо смешивать обе функции. Поэтому было бы лучше, если бы Музей в будущих выпусках начатой серии ввел отдельные рубрики для статей различного характера, как это принято во всех специальных повременных изданиях.

В заключение несколько слов об оформлении книги. Иллюстративная часть, по нашему мнению, поставлена в ней, как, впрочем, нередко и в наших центральных журналах, неудовлетворительно, особенно в том, что касается публикации художественных памятников. Воспроизведения памятников искусства в научных статьях это не картинки, оживляющие внешний вид книги, а документы, которые предлагаются читателю для того, чтобы он мог составить себе собственное представление об издаваемом памятнике и проверить наблюдения и выводы автора. Что же мы видим в этой книге? Возьмем для примера издаваемые Л. И. Чуистовой скульптурное изображение Гекаты и расписную стелу. Только знакомый с образом Гекаты читатель, взглянув на рис. 5 (стр. 249), догадается, о какого рода статуе идет речь, но и он не будет иметь никакой возможности судить о ее художественном стиле, а следовательно и о правильности предлагаемой датировки. Что же до расписной стелы с горы Митридат, то ее воспроизведение на рис. 6 (стр. 250) больше походит на неясное и расплывшееся пятно, чем на передачу, видимо, очень интересного памятника. Как же можно при этих условиях говорить о публикации памятников?

Существенные недочеты имеются и в редактировании сборника. Так, И. Т. Кругликова при описании остатков крепости на горе Опук (стр. 68) отсылает читателя к рис. 3, а на этом рисунке представлена терракотовая статуэтка сидящей богини. В статье А. П. Ивановой на стр. 203 имеется ссылка на рис. 8, но рисунка за этим номером в статье вообще нет.

Будем надеяться, что в следующих выпусках серии подобные недочеты уже не будут встречаться, и еще раз пожелаем Керченскому музею успеха в его издательской деятельности.

М. И. Максимова

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АКАДЕМИИ
НАУК СССР, № 23, под ред. Е. И. Крупнова, М.—Л., 1951.
Тираж 2000. Цена 35 р.**

Выход в свет 23-го выпуска «Материалов и исследований по археологии СССР», посвященного древней истории племен Северного Кавказа, является крупным событием в советской кавказоведческой науке. Ценность этого труда особенно возрастает, поскольку рецензируемый сборник является первой большой обобщающей работой по археологии Кавказа, ставящей задачу коренного пересмотра в свете выдающихся произведений И. В. Сталина по вопросам языкознания ряда предположений и гипотез о происхождении народов Кавказа, высказанных под воздействием так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра.

Основная направленность статей, подход к материалу и интерпретация исторических событий отражают новый этап как в развитии всей советской исторической науки, так и в изучении конкретной истории племен Предкавказья.

Сборник состоит из десяти статей, построенных в основном на новом археологическом материале, полученном в результате раскопок в различных районах Предкавказья, а также на неопубликованных музейных собраниях северокавказских музеев. Помимо публикации интереснейших археологических памятников, сборник содержит крайне важные исторические обобщения, посвященные периодизации археологических памятников Северной Осетии, металлургии конца медно-бронзовой эпохи в Прикубанье, древнему земледелию и т. д.

По сравнению с вышедшим в 1941 г. третьим выпуском «Материалов и исследований по археологии СССР», посвященном археологическим памятникам Кабардинской АССР, рецензируемый сборник выгодно отличается более полным территориальным охватом археологических памятников Северного Кавказа — от Дагестана на востоке до Прикубанья на западе, а также более широким кругом затрагиваемых проблем. В сборнике поставлены во всей широте вопросы хозяйственной и производственной деятельности северокавказских племен, их культурных связей с соседними и более отдаленными районами, а также проблемы этнической принадлежности ряда кавказских племен. Сборник открывается развернутым предисловием редактора Е. И. Крупнова, в котором обобщаются основные выводы авторов, чем достигается композиционная целостность сборника, включающего разнообразные по содержанию работы.

Предисловие в своей первой части носит очерковый характер. В нем в первую очередь показано культурно-историческое место памятников Северного Кавказа, лежащего на скрещении древних путей, соединяющих страны Востока и Запада, Севера и Юга. Далее следует краткий историографический очерк Предкавказья и, — что особенно следует подчеркнуть, — дана характеристика последовательных этапов развития древнейшей истории северокавказских племен и их связи с окружающим миром. Особенно убедительно показаны связи Предкавказья с древнейшими странами Перед-

него Востока, откуда через Закавказье проникает на север ряд культурных достижений. Вместе с тем следует отметить, что остается не совсем ясным вопрос о времени проникновения в Предкавказье железа, внедрению которого на Кавказе, как полагают Е. И. Крупнов вслед за Б. Б. Пиотровским, способствовали урарты. Если исходить из этой точки зрения, подкрепленной большим и хорошо документированным археологическим материалом, то время широкого распространения железных изделий на Кавказе должно увязываться с периодом интенсивного проникновения урартов в Закавказье, которое началось фактически лишь с конца IX в. до н. э. и падает главным образом на VIII и VII вв. до н. э. Поэтому и комплексы, характеризующиеся наличием железа, особенно в Предкавказье — области Кавказа, наиболее отдаленной от урартов, логичнее относить к этому времени, а не к рубежу II и I тысячелетий до н. э., как это делает автор.

Дальнейшая история северокавказских племен протекает в тесном взаимодействии со скифскими и сарматскими племенами, а также с античным миром. Позднее же, в период раннего средневековья, она переплетается с историей Византии, Хазарии, сасанидского и арабского Ирана и Средней Азии и, наконец, с историей Киевской Руси.

Рассматривая кратко все эти исторические периоды, автор предисловия не ограничивается их характеристикой, а намечает конкретные задачи исследования каждого из них и те пути, по которым должны идти советские кавказоведы — археологи и историки, изучающие прошлое народов Северного Кавказа.

Статья Е. И. Крупнова «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода», будучи в основной своей части построенной на материалах Северокавказской экспедиции Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственного Исторического музея, полученных в довоенные годы, а также на большом неопубликованном материале из этого же музея и ряда кавказских музеев, является источником сведений. В ней автором предложен первый опыт периодизации древнейшей истории Северной Осетии, начиная с эпохи энеолита и кончая периодом первого появления железа.

Работа начинается с небольшого введения, в котором автор останавливается на двух противоположных точках зрения, существующих в литературе по вопросу о так называемой кобанской культуре. Основываясь на порочной методологии, сводящейся к формально-типологическому методу и, не будучи знакомым со всей совокупностью имеющегося материала, ряд крупных буржуазных ученых, отрицавших местные корни кавказской металлургии, связывали расцвет «кобанской культуры» с миграционными волнами, идущими то с Запада, из бассейна р. Дуная (М. Гернес, Г. Вильке), то с Юга, из стран Передней Азии (Р. Вирхов, Э. Шантр, Ж. Морган и др.). Только работами советских исследователей (А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский), построенными с позиций марксистско-ленинской методологии и учитывающими совокупность всех наличных материалов, впервые установлено древнейшее происхождение местной, кавказской, металлургии, ведущей свое начало примерно с середины III тысячелетия до н. э. В связи с этим Е. И. Крупнов убедительно обосновывает необходимость и своевременность подведения итогов по всему материалу, касающемуся древнейшей докобанской истории североосетинских племен.

Проработанный тщательнейшим образом археологический материал из Северной Осетии с привлечением большого сравнительного материала из других районов и областей позволил Е. И. Крупнову наметить основные этапы древнейшей истории североосетинских племен до I тысячелетия до н. э. Автор убедительно доказывает, что только длительный предшествующий период развития местной культуры племен на территории Северной Осетии мог обусловить столь блестящий расцвет кобанской культуры, возникшей на основе прочно установившихся в течение многих веков технических и художественных традициях.

Этот вывод, вытекающий из анализа конкретного археологического материала, связанного с Северной Осетией, наносит, вслед за работами А. А. Иессена и Б. Б. Пиотровского, посвященными общим вопросам древнейшей истории Кавказа, еще один

удар миграционным теориям зарубежных ученых, считающих «кобанскую культуру» привнесенной извне и ищущих прародину местных племен где-то далеко за пределами Кавказа.

Не менее интересен и другой вывод автора, которому удалось проследить и доказать определенную, исторически сложившуюся общность культурного развития древнейших насельников Северного Кавказа и Закавказья. Положение это, высказывавшееся и ранее как самим Е. И. Крупновым, так и другими авторами, относилось главным образом к территории восточного Кавказа — Дагестана и Азербайджана. Новый материал из Северной Осетии подкрепляет и позволяет развить это положение, дает возможность установить наличие более тесных культурных связей, существовавших между североосетинскими племенами и племенами Закавказья, особенно западной Грузии не только в эпоху расцвета кобанской культуры, но и задолго до нее.

Наконец совокупность всех данных привела Е. И. Крупнова к необходимости пересмотра некоторых выводов А. А. Миллера, касающихся вопросов о времени освоения высокогорных районов Северного Кавказа древнейшими племенами и о их хозяйственной жизни на определенном этапе исторического развития. Теперь становится очевидным, что заселение высокогорных районов Предкавказья, начавшееся еще на грани эпох камня и металла, продолжало усиленно развиваться в течение всего II тысячелетия до н. э., причем основным, ведущим занятием населения являлось скотоводство яйлажного типа, а не мотыжное земледелие, как это предполагал А. А. Миллер.

Таковы главнейшие исторические выводы, имеющие значение для всего Предкавказья, которые делают статью Е. И. Крупнова особенно ценной.

Однако в работе имеется и ряд недочетов. Наиболее существенным из них является слишком дробная периодизация исследуемых памятников при недостаточности материала. Достаточно сказать, что раздел, посвященный эпохе бронзы, автор делит на шесть глав, соответствующих шести хронологическим этапам, которые он старается уложить в период, равный полутора тысячелетиям. Нам представляется неправомерным такое дробное деление даже на основании более широкого территориального охвата памятников, в масштабе всего Предкавказья, и тем более это недопустимо, когда речь идет только о Северной Осетии, доставившей по существу еще незначительный материал.

Поэтому синхронистическая таблица (рис. 27), дающая, правда, наглядное представление о материальной культуре Северной Осетии докобанского периода, убедительна не во всех частях. Наиболее ранние хронологические группы памятников выделены лишь на основе нескольких, а иногда даже одного предмета (рис. 27, I—IV группы). Так, первая группа, включающая в себя лишь случайную находку одного каменного топора, может быть легко удалена, тем более, что приводимый топор имеет скорее неолитический облик и вряд ли может убедительно характеризовать памятники эпохи металла. Вторую, третью и четвертую группы можно было бы безболезненно объединить в одну, причем, с нашей точки зрения, архаический их характер свидетельствует о том, что они отражают энеолитическую стадию развития, а не стадию бронзы, в которую их включает автор. В этой связи непонятно, почему Е. И. Крупнов, столь подробно и убедительно устанавливающий сходство и синхронность известного Нальчикского могильника с древним погребением у сел. Галиат (стр. 27), датирует последнее эпохой бронзы, в то время как Нальчикский могильник, по словам самого же автора, «характеризует древний этап исторической жизни края, стоящий на рубеже эпохи камня и металла (медный век)» (стр. 6).

Далеко не всегда оправдано стремление автора уложить абсолютно весь имеющийся, иногда случайный, плохо документированный материал в рамки рассматриваемых хронологических периодов. В некоторых случаях привлечение такого неполноценного материала просто ничего не дает, иногда же вызывает сомнение. Непонятно, почему автор относит бронзовые подвески из могильника Фаскау, хранящиеся в Государственном Историческом музее, к памятникам пятой группы, не во всех своих частях достаточно аргументированной, а не к шестой группе, в основе которой лежит

целый комплекс вещей из подкурганного погребения близ сел. Дигор, где была найдена аналогичная бронзовая подвеска?

Сосуд 6 из восьмой группы по своим внешним признакам скорее должен быть отнесен к пятой группе, где он имеет прямую аналогию в виде горшка из древнего впускного погребения у сел. Моздок (V группа, 9).

Не имеется достаточно веских оснований для отнесения знаменитого Махчешского лабиринта к группе памятников, датируемых предкобанским временем, хотя предположение автора относительно связи этого памятника со средиземноморским культурным кругом кажется убедительным.

Из мелких ошибок отметим следующие. На стр. 28 сказано, что каменный отщеп и наконечник стрелы, изображенные на рис. 3, 1—3, находятся в собрании Ромейко и происходят из сел. Камунта, тогда как на стр. 29 говорится о принадлежности этих же предметов к коллекции Уваровой, происходящей из могильника «Фаскау», причем в первом случае это кремневые орудия, а во втором — обсидиановые. На рис. 1 отсутствуют условные знаки к планам и разрезам, что затрудняет чтение чертежей; нет пояснений к ним и в тексте статьи.

В целом статья Е. И. Крупнова, несмотря на отмеченные недочеты, ставит и разрешает ряд важнейших проблем, связанных с древнейшей историей Кавказа.

Обширная статья А. А. Иессена «Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века» посвящена мало изученному периоду древнейшей истории племен северо-западного Кавказа — эпохе поздней бронзы, периоду, хронологически соответствующему «позднекубанской» группе памятников, намеченной А. В. Шмидтом.

Прикубанье, эта богатая разнохарактерными и разновременными археологическими памятниками область, многократно являлось объектом изучения как дореволюционных, так и советских археологов. В настоящее время, ввиду обилия накопившегося материала, появилась возможность выделения и характеристики основных этапов исторического развития древнейших племен, обитавших в этой области. Таковы всем хорошо известные, исключительные по своему историческому и художественному значению курганы в Майкопе и близ ст. Новосвободной (б. Царской). Детальный анализ этих уникальных памятников, а также широко аргументированное обоснование их датировки эпохой ранней бронзы является большой заслугой А. А. Иессена.¹

Хорошо известны в Прикубанье памятники средней бронзы, охватывающей в общем II тысячелетие до н. э., памятники скифского времени, самые ранние из которых появляются в VII в. до н. э., а позднее и сарматские памятники.

Таким образом древнейшая история племен северо-западного Кавказа оказывается наполненной конкретным археологическим материалом. Незученным до настоящего времени является лишь период поздней бронзы Прикубанья, укладываемый примерно в четыре столетия — от конца II тысячелетия до н. э. до VII в. до н. э. Этот пробел целиком восполняет рецензируемая статья А. А. Иессена.

Автор строит свою работу на материалах старых собраний, а также на ряде новых находок, сделанных в предвоенные годы. Изучение всей совокупности данных позволило А. А. Иессену сделать вывод о существовании в эпоху поздней бронзы местного прикубанского центра металлургии и металлообработки, тесно связанного с кобанским, но имеющего свои особенности.

Во втором разделе статьи приводится подробное изложение сведений, указывающих на добычу медной руды или ее выплавку на Кубани. Это позволяет автору сделать вывод о том, что местные ресурсы были вполне достаточны для обеспечения потребностей древней металлургии меди.

Далее А. А. Иессен переходит к рассмотрению известных из северо-западного Кавказа изделий из меди и бронзы, из которых выделяет прежде всего металлические

¹ А. А. Иессен. К вопросу о датировке «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950.

предметы, происходящие из смежных с Прикубаньем областей — области распространения колхидо-кобанской культуры и культуры степного севера. Тщательный учет и анализ всего материала (раздел III), относящегося к кобанской культуре и найденного на территории Прикубанья, приводит автора к выводу, что бронзовые изделия колхидо-кобанского типа не играли значительной роли на территории северо-западного Кавказа и служили здесь лишь показателем межплеменного обмена, существовавшего в древности. Вывод этот приобретает особую важность в связи с тем, что в своей предыдущей работе — сводке, посвященной древней металлургии Северного Кавказа, — А. А. Иессен включил территорию Прикубанья в область распространения колхидо-кобанской культуры.¹

Наряду с предметами из металла колхидо-кобанского типа в Прикубанье найдены также предметы (кельты, двулезвийные ножи), имеющие явно северное происхождение (раздел IV).

Исключив таким образом все изделия, происхождение которых не может быть связано с местной продукцией, автор переходит к изложению всего накопившегося материала, который характеризует очаг металлообработки в эпоху поздней бронзы в Прикубанье и Причерноморье (разделы V—VII). Наиболее убедительны данные о местном металлопроизводстве из районов верхней Кубани и Теберды. Материалы же западной части Прикубанья не дают такой яркой картины, быть может, отчасти из-за слабой изученности этих областей.

В седьмом разделе рассматривается типологический состав всех известных медных и бронзовых изделий (топоры, кельты, тесла, серпы, наконечники копий, кинжалы, булавки) и выясняются хронологические рамки их бытования. Все это позволяет А. А. Иессену наметить общую схему хронологии памятников позднебронзового века северо-западного Кавказа, самые ранние из которых (Пицундский клад и т. п.) могут быть датированы примерно XII—XI в. до н. э., а поздние — VII в. до н. э.

Таким образом А. А. Иессен приходит к чрезвычайно важному выводу относительно преемственности раннего, среднего и позднего этапов эпохи бронзы на Кубани с памятниками скифского времени.

В заключительном разделе А. А. Иессен четко формулирует наиболее важные исторические выводы, сделанные им на основе всего комплекса изученного материала, приводит дополнительную аргументацию в пользу существования местного, своеобразного очага металлообработки в Прикубанье, основанную на соображениях технического порядка, а также намечает дальнейшие перспективы, по которым должны идти исследователи. Здесь в первую очередь должен быть поставлен вопрос о роли прикубанского очага металлургии для смежных северных территорий — Поволжья, Украины, Подонья и Крыма, а также вопрос о связях степей и Кавказа и роли Кавказа в снабжении металлом юга нашей Родины.

Говоря о статье в целом следует подчеркнуть некоторую ее растянутость, возникшую вследствие перегрузки текста излишне подробными описаниями условий местонахождений тех или иных предметов.

Из отдельных замечаний надо отметить, что родственность вислобушных топоров, хранящихся в Краснодарском музее (стр. 97, рис. 26, 2—3), с топорами, найденными на р. Сочи и в других местах (стр. 98, рис. 28, 1—3; стр. 94, рис. 23), приводимая автором для доказательства их кубанского происхождения, недостаточно аргументирована, поскольку указанные две группы топоров имеют очень отдаленное сходство. В этой связи следует сказать, что рассматриваемая группа кубанских топоров имеет ряд более близких аналогий не на западном Кавказе, где их ищет автор, а скорее на Украине, в таких памятниках, как Бериславский клад, клад у сел. Калантаево и др.

В целом статья вносит большой, ценный вклад в советское кавказоведение и является образцом глубокого научного исследования.

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, 1935.

В небольшой статье К. Э. Гриневича «Новые данные по археологии Кабарды» публикуются основные итоги археологических работ Кабардинского научно-исследовательского института за 1949 г., проводившихся в северной и северо-западной частях Кабардинской АССР под руководством автора. Статья отражает исследования в двух районах Кабарды — Нагорном и Эльбрусском. Публикуемые памятники приобретают значительный интерес в связи с тем, что районы их расположения до настоящего времени археологически крайне слабо изучены. Новый материал пополняет наши сведения по древнейшей истории племен, населявших в прошлом территорию Кабарды.

В Нагорном районе экспедицией был исследован один курган и 10 каменных ящиков. В описании этих памятников не все до конца убедительно. Так, остается непонятным, связаны ли топорик из змеевика и остатки скелета, найденные в насыпи кургана, с основным погребением в каменном ящике? Или: каким образом в ящике, предназначенном для погребения, могла оказаться энеолитическая мастерская? Возникает вопрос: не связано ли такое обилие необработанных кремневых осколков и отщепов с самим ритуалом погребения, при котором, как полагает С. И. Макалатия, наблюдавший аналогичное явление в погребениях Грузии, провожавшие покойника люди царапали себе тело осколками обсидиана и бросали затем их к умершему в могилу?¹

Автор правильно поступает, не ограничивая себя лишь описанием того или иного памятника, а привлекая ряд аналогий к исследуемому материалу. Однако и при публикации материала аналогии следовало бы значительно расширить. Ничего не сказано, например, о том, существуют ли какие-нибудь памятники в смежных с Нагорным районом областях, аналогичные открытому экспедицией подкурганному погребению в массивном каменном ящике.

Крайне интересны открытые экспедицией близ сел. Каменноостское 10 погребений в каменных ящиках. Описанные с большой подробностью находки в них предметов, сделанных из железа, говорят о том, что каменноостские погребения относятся, как это без достаточных оснований полагает автор, не к концу бронзового века, когда железо лишь начало появляться и то только как драгоценные детали украшений, а уже к эпохе железа. Поэтому и датировка этого памятника не должна, по нашему мнению, уходить глубже VIII в. до н. э.

В Эльбрусском районе экспедицией был исследован очень интересный могильник у сел. Заюково, а также один курган, относящийся к VIII—VII в. до н. э.

При определении датировок того или иного предмета автор неоднократно ссылается на работу Г. Обермайера «Доисторический человек», вышедшую в 1913 г. Учитывая хорошо разработанную в советское время хронологию археологических памятников Кавказа, построенную с позиций марксистско-ленинской методологии и на огромном фактическом материале, ссылка на устаревшую общую работу Г. Обермайера нам кажется неуместной.

В целом публикуемый материал представляет несомненный интерес для нашей археологической науки. Остается только пожалеть, что в статье не получили отражения «некоторые факты, установленные в процессе раскопок памятников эпохи начала железа», которые, по словам автора, имеют большое научное значение для истории Кавказа в целом.

Небольшая статья Л. П. Семенова «Памятник древнего культа Осетии» посвящена публикации интереснейшей находки у сел. Нур — массивному бронзовому изображению человеческого лица.

Подобные изображения не имеют аналогий на территории Кавказа. Автор полагает, что «отсутствие усов и бороды, наличие отверстия для подвешивания серьги в левом ухе, плавный переход от подбородка к длинной шее дают основание предположить, что это изображение женщины». Даже беглое ознакомление с изображением позволяет усомниться в принадлежности этой головы женщине. Резко выступающие

¹ С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 234, 235.

надбровные дуги и массивный подбородок (рис. 3 на стр. 141) говорят, что это изображение мужского лица. Наличие отверстия в левом ухе для подвешивания серьги несколько не противоречит последнему, поскольку, по археологическим и этнографическим данным, серьги носили и мужчины. Так, например, серьги были непременным атрибутом сасанидских царей.¹

Поскольку описываемая скульптура воспроизводит мужчину, отпадает и общий вывод автора, что она является «олицетворением плодородия и изобилия времени матриархата».

Сомнительной является и принятая автором датировка находки эпохой расцвета кобанской культуры (VIII—VII в. н. э.). От этого времени до нас дошел ряд человеческих изображений; однако все они крайне схематичны, условны и весьма далеки от реалистического, портретного изображения из сел. Нур, отражающего определенный этнический тип кавказца. Наиболее близкую аналогию эта голова встречает в каменных скульптурах Сибири, опубликованных В. И. Мошинской и датирующихся первыми веками нашей эры.²

В исследовании Н. В. Анфимова «Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья» подведены итоги многолетних полевых работ автора, в результате которых впервые представилась довольно полная картина земледелия у меотов.

Автор убедительно показал, что ведущим хозяйственным укладом у меотов во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры являлось земледелие, и вместе с тем, на основании анализа письменных, археологических и этнографических источников и данных палеоботаники, представил исчерпывающую характеристику географических и почвенных условий Прикубанья, а также земледельческих орудий, способов обработки и хранения зерна. Заслуживает внимания и поставленный Н. В. Анфимовым, вслед за М. И. Артамоновым,³ вопрос о взаимоотношениях земледельческих и кочевых племен Прикубанья. Автор, привлекая сообщения древних авторов, а также археологические данные, приходит к выводу о частичном оседании кочевых племен и утверждает, что кочевники прикубанцы, так же как и скифы в Крыму, взымали дань с оседлого населения.

К сожалению, автор не поставил вопроса об основных производителях, о роли рабовладельческих хозяйств у меотов. Письменные и археологические источники позволяют в настоящее время утверждать, что основным производителем у меотов являлся свободный общинник. Наряду с этим у меотов, начиная с конца V—IV в. до н. э., появляются рабовладельческие хозяйства боспорского типа. О наличии таких хозяйств у синдов свидетельствует эпизод с синдом Сопеем, который вместе со своим отцом являлся представителем синдской верхушки, вывозившей в Афины хлеб, производимый, очевидно, не без участия рабской силы.⁴ Не последнее место занимали у меотов и наемные работники (повидимому батраки), наличие которых у торетов констатирует Луцилл Тарейский.⁵

Наряду с этим автор не отметил роли соседнего Боспорского царства в развитии земледелия меотов. Так, например, с полной уверенностью можно утверждать, что второй тип мельниц для размола зерна, более совершенные образчики которых не опубликованы автором, был заимствован у боспорцев.

Из мелочей следует отметить, что вызывает сомнение хронологическое членение серпов первого и второго типов. В Елизаветинском могильнике, наиболее поздние

¹ К. В. Тревер и И. А. Орбели. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 2, 3, 4 и др.

² В. И. Мошинская. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 45.

³ М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. Вестн. Ленингр. Гос. унив., № 8, 1948, стр. 56.

⁴ С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 17.

⁵ «Зиновьево сокращение из сборников пословиц Луцилла Тарейского из Дидимы, составленное в алфавитном порядке», SC, т. I, вып. 2, стр. 25.

погребения которого относятся к I в. до н. э., оба типа серпов существуют одновременно.

Далее следует отметить, что автор напрасно проявляет излишний скептицизм, говоря о функциональном назначении «кельтообразных» орудий в качестве сошников (стр. 148). Н. В. Анфимов полагает, что горизонтально срезанная форма этих сошников и малый диаметр втулки не позволяют рассматривать их как сошники. Автору следовало бы вспомнить славянские сошники, которые по форме и размерам втулки не отличаются от кубанских. Кроме того, край лопаты на кубанских сошниках не горизонтально срезан, как пишет автор, а имеет округлые очертания.¹ Вместе с тем значительная толщина орудий (до 1 см) не вызывает никаких сомнений в их функциональном назначении.

Во второй статье Н. В. Анфимова — «Меотско-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской» — исследуются материалы одного из наиболее хорошо изученных грунтовых могильников Прикубанья — Усть-Лабинского могильника № 2. Здесь в течение 1931—1944 гг. было раскопано автором 213 погребений, характеризующих историю меотских племен, начиная с VI в. до н. э. по II в. н. э.

Ценность этого памятника, как правильно отмечает Н. В. Анфимов, заключается в том, что погребальные комплексы освещают «не отдельный хронологический отрезок, а почти весь античный период в истории племен Прикубанья» (стр. 203).

Автор путем кропотливого анализа погребального обряда и инвентаря впервые вводит в научный оборот огромный материал, который он распределяет в четыре хронологические группы: 1) погребения VI и V вв. до н. э.; 2) погребения IV—начала III в. до н. э.; 3) погребения второй половины III—первой половины I в. до н. э.; 4) погребения второй половины I в. до н. э.—II в. н. э. Эти хронологические группы в основном соответствуют историческим периодам жизни меотских племен в античное время. Вызывает только сомнение правомерность выделения в самостоятельную группу погребений второй хронологической группы, являющихся переходными от первой к третьей группе.

Вторая хронологическая группа состоит из различных по своему характеру погребений: 1) более ранние погребения, продолжающие традиции первой хронологической группы, для которых характерна только лепная лощеная керамика (например погребение № 6, раскопки 1938 г.); 2) более поздние погребения, уже нового типа, где сочетаются старые, характерные для первой хронологической группы черты с новыми, получившими особо яркое развитие в следующей, третьей хронологической группе автора. Наряду с лепной лощеной керамикой в этой группе впервые появляются сосуды, изготовленные на гончарном круге, а также и импортная керамика (амфоры), отражающие новый исторический этап в жизни меотских племен, когда последние входят в сферу влияния соседнего Боспорского царства.

Аналогичная картина прослеживается и на Пашковском могильнике № 3, исследованном Н. В. Анфимовым и К. Ф. Смирновым, где импортная и гончарная керамика появляются в одно и то же время.²

Для полного соответствия археологической хронологии историческим этапам автору следовало бы вторую хронологическую группу расчленить на две и объединить с погребениями первой и третьей групп, удлинив время соответствующих этапов.

Существенным недостатком статьи является то обстоятельство, что автор издал погребальные комплексы не полностью, а частично, в результате чего часто трудно проверить правильность датировки того или иного погребения. Так, например, из погребения № 11 (раскопки 1938 г.) автор опубликовал только обломок железных кольчатых удил и железный втульчатый наконечник стрелы и датирует этот комплекс V в. до н. э. Железные кольчатые удила и втульчатые наконечники стрел появляются

¹ М. В. Покровский. Городища и могильники среднего Прикубанья. Тр. Краснодарск. пединст., т. VI, вып. 1, Краснодар, 1937, стр. 7, рис. 4.

² К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 86 и сл.

в Прикубанье еще в VI в. до н. э. и бытуют очень длительное время. Поэтому датировка этого комплекса V в. до н. э. не оправдана опубликованными материалами, тем более, что ранние ульские железные наконечники стрел отличаются типологически (утолщение на втулке) от изданного автором. Последние получают широкое распространение лишь в IV в. до н. э. (Елизаветинский курганный и грунтовой могильники и др.).

Из мелких замечаний следует указать, что было бы гораздо удобнее, если бы автор ввел сплошную нумерацию погребений, а не по годам раскопок, что часто затрудняет чтение статьи. И, наконец, автор в двух случаях датирует вещи из одного и того же погребения различным временем. Так, корчага из погребения № 6 (рис. 2, 3 на стр. 163), найденная при раскопках 1938 г., отнесена к первому хронологическому этапу, а лепной лощеный горшочек с резным орнаментом по краю (рис. 3, 5 на стр. 164 и 165) из того же погребения датируется второй хронологической группой. Аналогичное явление повторяется и с погребением № 17, открытым в 1931 г. (ср. рис. 2, 8 на стр. 163 и рис. 3, 11 на стр. 165).

Статья Е. И. Крупнова «Новый памятник древних культур Дагестана» представляет собой исследование материалов нового археологического памятника Дагестана — Таркинского могильника, где в 1947 г. было раскопано 15 погребений.

На основании тщательного анализа обряда погребения и погребального инвентаря автор выделяет две хронологические группы погребений: 1) погребения доскифского периода (памятники каякентско-хорочоевской культуры) и 2) погребения первых веков нашей эры (памятники сарматской культуры).

Если материал первой группы, по сравнению с ранее исследованными памятниками Дагестана (Хорочой, Каякент, Белгатой и др.),¹ уточняют характер связей с Закавказьем в начале I тысячелетия до н. э., то сарматоидные погребения второй группы, ранее не известные на территории Дагестана, впервые позволяют поставить вопрос о взаимосвязях населения древней Албании с сарматскими племенами степей Нижнего Поволжья и Прикубанья II—III вв. н. э.

Детальное исследование обряда погребения и погребального инвентаря позволило автору впервые поставить один из наиболее важных вопросов древнейшей истории северо-восточного Кавказа — вопрос о взаимодействии двух культур — местной, албанской, и пришлой, сарматской, — в результате проникновения на Кавказ кочевых сарматских племен. Это наиболее ценный и важный вывод в статье.

Вместе с тем хочется сделать и несколько замечаний. Остается нераскрытым, например, утверждение автора относительно инфильтрации различных этнических групп в предгорья Кавказа, сделанное на основании появления здесь арбалетных фибул. Является ли это достаточным аргументом для подобного вывода? Непонятно также, с какой этнической группой или группами связывает автор производство арбалетных фибул?

В качестве мелких недочетов следует указать на отсутствие определенной номенклатуры для одних и тех же типов сосудов; так, на стр. 220 (рис. 1) сосуд назван кувшином, а на стр. 223 тот же кувшин назван кружкой. Различные названия носит и чаша на высоком поддоне (стр. 220 и 223). Не совсем ясно, из какого комплекса происходит курильница-погрешушка; на стр. 218 и 221 автор сообщает, что она найдена вне слоя, а на стр. 223 — в погребении № 13.

Однако эти несущественные недочеты не умаляют несомненного достоинства статьи, вводящей в научный оборот новый и крайне интересный археологический материал.

Статья К. Ф. Смирнова «Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.» содержит полную и обстоятельную публикацию материалов из курганов и каменных ящиков, полученных в течение двух археологиче-

¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. Архив ИИМК, фонд 45.

ских сезонов 1948—1949 гг. в результате раскопок, проводившихся под руководством автора. На основании тщательного анализа обряда погребения и в особенности инвентаря автор выделяет три хронологические группы погребений: 1) погребения эпохи развитой бронзы — вторая половина II тысячелетия до н. э.; 2) погребения каякентско-хорочаевской культуры; 3) погребения сарматской культуры.

Особое значение приобретают погребения первой группы (курганы у селений Кахулай и Тарки), непосредственно предшествующие по времени каякентско-хорочевским комплексам и являющиеся наиболее ранними погребальными памятниками на территории приморского Дагестана.

Известно, что открытые ранее синхронные им памятники (Джемикент и др.) являлись древними поселениями.

К сожалению, плохая сохранность исследованных погребений не дала возможности автору выявить детали погребального обряда.

Памятники, относящиеся ко второй и третьей хронологическим группам, составляют подавляющее большинство погребений Таркинского могильника.

Автор подводит итог исследованиям Таркинского могильника, рассматриваемого в предыдущей статье Е. И. Крупнова. В отличие от последней, автор лишь уточняет датировку сарматских комплексов могильника и ставит вопрос о вхождении северной Албании в состав аорской конфедерации племен. К. Ф. Смирнов датирует сарматские погребения Таркинского могильника I в. до н. э.—III в. н. э.

Если верхняя хронологическая граница не вызывает никаких сомнений, то нижняя требует уточнений. Наличие в комплексах зеркал-подвесок с прямоугольным ушком, фибул с высокой пластинчатой дужкой и односложной четырехвитковой пружинной, арбалетных и круглопроволочных с подвязным приемником, датируемых первыми веками нашей эры, не позволяет относить ни один из комплексов к I в. до н. э. Приведенная же автором как наиболее ранняя находка изогнутого ножа с кольцевидным навершием из погребения № 40 (стр. 260, рис. 16) не может служить основанием для датировки этого погребения I в. до н. э., ибо входящая в состав этого же комплекса ритуальная чаша (стр. 266, рис. 20, 1) встречает аналогии, как и алебастровые пряслица, в других более поздних комплексах Таркинского могильника. Так, например, аналогичная чаша встречена в погребении № 23, датируемом арбалетной фибулой с пластинчатой дужкой (рис. 17, 1), время бытования которой, как определяет сам автор, относится к I—II в. н. э. (стр. 260).

На стр. 271 автор отождествляет «витнев» Страбона и «удинов» Плиния, что требует дополнительных обоснований. Отождествление автором древних насельников Тарков с утидорсами (стр. 271 и 272) весьма вероятно, однако не может быть окончательно доказано из-за недостаточности сообщений древних источников.

Статья Т. М. Минаевой «Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани» посвящена публикации новых материалов раннесредневекового могильника, городища и храма, расположенных в 18 км от Клухори вверх по течению р. Кубани. На основании тщательной проработки обширного сравнительного материала из Крыма, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья Т. М. Минаева выделяет две хронологические группы памятников: памятники IV и V вв. и памятники IX и XI вв.

Опираясь на свидетельства письменных источников и характер исследованных материалов, Т. М. Минаева вполне убедительно доказывает аланское происхождение рассматриваемых памятников. Вместе с тем автор затрагивает вопрос о социальном строе алан, рисуя не статичную, а динамичную картину социальных отношений аланского общества как в IV и V, так и в IX и XI вв. Если на первом этапе, по словам автора, наблюдается «равенство погребенных», то в следующем периоде прослеживается резкая имущественная дифференциация населения, обусловленная отчасти усилением торговых и культурных связей с Византией. Вместе с тем трудно согласиться с утверждением автора, что только в конце IX—XI в. на Северном Кавказе распространяются христианская религия (стр. 301) в византийской ее форме и письменность с помощью греческого алфавита. Имеется ряд свидетельств, которые говорят о более

раннем проникновении на Северный Кавказ христианской религии. Так, например, найденный на Рым-горе близ Кисловодска каменный крест с греческой надписью с именем Христа, по палеографическим признакам датирован В. В. Латышевым временем не позднее VII—VIII в.¹

Изображения четырех конечных крестов на стенах могильных камер были обнаружены И. А. Владимировым в могильнике близ Песчанки, которые датируются монетными находками концом VI—VIII вв.²

К VII—VIII в. относит проникновение христианства на Северный Кавказ и Б. Е. Деген-Ковалевский, который на основании местных традиций связывал название дигорского святилища «Lusi-dzuag» с именем византийского императора Юстиниана VI. Этим же временем датируется и начало распространения письменности с помощью греческого алфавита.³

Вызывает также сомнение, — что отметила и редакция сборника, — гипотеза автора о вытеснении в IV и V вв. прежнего населения Нижнего Поволжья новой этнической группой, представленной погребениями с сожжениями близ Покровска и Шиповскими курганами. Создателей последних автор связывает с восточными аланами закаспийских степей, упоминаемыми древними историками и китайскими хрониками. По его мнению, восточные аланы вместе с гуннами продвинулись в уральские степи и заняли исконные сарматские земли, в результате чего произошло переобразование культуры племен Нижнего Поволжья. Как утверждает Т. М. Минаева, коренное сарматское население Нижнего Поволжья, вытесненное пришельцами с востока, двинулось частично на запад, о чем свидетельствуют находки деформированных черепов в Западной Европе (стр. 298 и 299), частично на Кубань и влилось в родственное ему население, жившее в Кавказских горах и Предкавказье. Бесспорно здесь только то, что в IV и V вв. на территории Нижнего Поволжья происходило переобразование сарматской культуры, связанное, по видимому, с появлением гуннских кочевников. Не исключена возможность, что одна часть населения Нижнего Поволжья в результате нашествия гуннов покинула свои прежние места обитания, другая была вовлечена в разноплеменный гуннский поток и двинулась на запад, о чем свидетельствуют находки деформированных черепов в Западной Европе, упоминаемые автором (стр. 299), а третья часть осталась на месте, в Нижнем Поволжье. Последнюю группу населения, по видимому, и следует связывать с памятниками типа Шиповских курганов, которые, как отмечает автор статьи, имеют ряд общих черт с погребениями предшествующего позднесарматского этапа (стр. 298).

Что же касается погребений с сожжениями близ Покровска, то вопрос о их этнической принадлежности, как правильно отмечает редакция сборника, остается открытым, тем более, что ряд исследователей связывает их со славянами.⁴ Во всяком случае автор не привел никаких подтверждений для доказательства восточноаланского происхождения памятников Нижнего Поволжья IV и V вв.

Несмотря на отмеченные недочеты, статья представляет ценное исследование памятников раннего средневековья Прикубанья.

В статье Л. П. Семенова «К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа» публикуется один из средневековых памятников — храм-мавзолей XII—XIII в., открытый автором в Ассиинском ущелье в 1933 г.

На основании изучения архитектурных особенностей Таргимского храма и ряда других памятников Осетии, Грозненской области и Дагестана, а также на основании

¹ В. В. Л а т ы ш е в. Кавказские памятники в Москве. ЗРАО, нов. сер., т. II, 1887, стр. 44—45.

² [И. А. В л а д и м и р о в]. ОАК за 1897 г., стр. 43—46, 138—145; ОАК за 1898 г., стр. 51—53, 127—140.

³ В. Ф. М и л л е р. Древне-осетинский памятник. МАК, вып. II, 1893, стр. 110—118.

⁴ А. П. С м и р н о в. Древнеславянские памятники Нижнего и Среднего Поволжья. СЭ, 1948, № 2, стр. 74 и сл.

письменных источников Л. П. Семенов пытается установить культурные связи народов Северного Кавказа с христианской Грузией в период XII и XIII вв. Ценность этой статьи заключается в том, что автор привлек для решения поставленного вопроса новый памятник. К сожалению, помещенный на стр. 303 план Таргимского храма не соответствует действительности, что со всей наглядностью явствует из текста. Так, например, в тексте автор отмечает, что толщина стен храма достигает 0,65—0,70 м, а на плане, судя по приведенным размерам, толщина стен не превышает 0,30—0,35 м. Поэтому составить представление о Таргимском храме на основании приведенного плана крайне затруднительно.

По прочтении статьи у неискушенного читателя невольно создается впечатление, что христианство проникает на Северный Кавказ только из Грузии, в то время как ряд памятников со всей наглядностью свидетельствует о продвижении христианства на Северный Кавказ не только из Грузии, но и с Запада, из Византии. Достаточно здесь упомянуть греческую надпись, найденную на Рым-горе близ Кисловодска,¹ хорошую известную Зеленчукскую надпись² и др.

Автору следовало бы на основании анализа памятников Осетии, с одной стороны, и Грузии и Византии, с другой, поставить вопрос о разделении сфер влияний Грузии и Византии на Северном Кавказе, наметить границу распространения христианства с Запада.

В заключение следует отметить, что Л. П. Семенов не использовал полностью грузинских материалов. Так, например, он даже не упомянул очень близкий к Таргимскому храму храм-мавзолей из Мцхета, сопоставление с которым подкрепило бы основные выводы статьи.

Говоря о сборнике в целом хочется еще раз подчеркнуть его бесспорные положительные качества — публикацию большого и свежего археологического материала, широкий территориальный и хронологический охват исследуемых памятников, постановку и разрешение важнейших проблем, связанных с социально-экономической жизнью и этнической принадлежностью древних племен Кавказа. Несмотря на ряд отмеченных недостатков, рецензируемый сборник своим появлением внес значительный вклад в нашу историческую науку, знаменуя новый этап в советском кавказоведении.

К. Х. Кушнарера и В. П. Шилов

¹ В. В. Латышев, указ. соч., стр. 44—47.

² Ю. Кулаковский. Христианство у алан. ВВ, т. V, СПб., 1898, стр. 1—18.

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТ ФРАНЦУЗСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИССИИ В АФГАНИСТАНЕ

Широко развернувшиеся за последние пятнадцать лет археологические работы в Средней Азии дали огромный фактический материал, который определил весьма существенное изменение всех имевшихся ранее представлений о культуре народов, населявших ее в древности и в средневековье. Теперь можно считать уже окончательно опровергнутым тенденциозное утверждение паниранистов, что Средняя Азия являлась отсталой окраиной «иранского культурного мира», центром которого якобы всегда была Персия. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о бесспорно высоком уровне и самобытности древней культуры народов Средней Азии.

Быстрое накопление археологических материалов и расширение исследуемых территорий позволили поставить ряд новых крупных проблем в области истории культуры народов Средней Азии, в частности проблему сложения культуры таджиков. Как известно, таджики в настоящее время составляют также значительную часть населения северо-восточного Ирана (Хорасана) и Афганистана. На этих территориях, как и в пределах Средней Азии, в прошлом шел процесс сложения таджикской народности. Вполне естественно, что археологические памятники Хорасана и Афганистана имеют чрезвычайно важное значение для разрешения вышеуказанной проблемы.

Уже на протяжении нескольких лет Таджикская археологическая экспедиция проводит систематическое исследование памятников Южного Таджикистана, составляющего северную часть Бактрии — области, сыгравшей весьма важную роль в формировании таджиков и их культуры. В связи с этим первостепенный интерес представляют археологические памятники Афганистана, особенно северного, составляющего южную часть территории древней Бактрии.

Археологическая изученность Афганистана до настоящего времени остается сравнительно ограниченной. Результаты исследований многих памятников освещены в печати скудно, публикации разбросаны в различных периодических изданиях, к тому же обычно трудно доступных. Это обстоятельство делает целесообразной попытку обобщить результаты исследования археологических памятников Афганистана, в первую очередь тех, которые представляют интерес для решения некоторых вопросов истории культуры народов Средней Азии.

Археологическое изучение Афганистана фактически началось только с 1922 г., когда по инициативе Амануллы-хана была создана Французская археологическая миссия в Афганистане.¹ Эта миссия получила на 30 лет преимущественное право на

¹ До этого были отмечены рядом путешественников лишь некоторые памятники, в частности колоссальные статуи в Бамиане; производилось также «вскрытие» нескольких ступа (в южном Афганистане). За период 1922—1952 гг. в пределах Афганистана, помимо Французской миссии, работали только две других экспедиции: в 1938 г. — английская Барджера (разведка в Кундузе и Бадахшане) и в 1949 г. — американская Файрсервиса (разведка Саястана; результаты не опубликованы).

археологические работы в предлах Афганистана, которое она использует с небольшим перерывом по настоящее время. В первые годы существования миссии ее возглавлял известный историк искусства А. Фуше, которого сменил Ж. Акен. В 1941 г., после гибели Акена, миссию возглавил Р. Гиршман. Но в 1942 г. Гиршман был смещен Пэтенем, в связи с чем миссия прекратила свою деятельность. В 1946 г. миссия была реорганизована, и во главе ее стал Д. Шлумберже.

До 1925 г. миссией проводилась археологическая разведка на всей территории Афганистана; началом ее была поездка Фуше по маршруту Сюань Цзана, поставившего перед собой задачу найти остатки памятников, описанных этим путешественником.¹ Затем последовали пробные раскопки в Балхе. В дальнейшем основными объектами работ миссии были Бамиан, Беграм, окрестности Кабула, Хадда и, в последние годы, окрестности Буста. Выбор объектов на первом этапе существования миссии был обусловлен отсутствием в ее составе археологов: как сам Фуше, так и остальные сотрудники миссии были искусствоведами, мало интересовавшимися археологическими материалами в нашем понимании. Отсутствие специальной археологической подготовки обусловило сравнительно низкий уровень методики раскопок и ненадежность датировок отдельных памятников.

Первоначально миссия (и персонально Фуше) ставила перед собой задачу установить территорию возникновения и формирования так называемого «греко-буддийского» искусства.² Все сотрудники миссии были сторонниками взглядов Фуше, считавшего это искусство созданием греческих мастеров, исходя из чего они искали памятники более близкие к греческим образцам, чем гандхарские. В поисках «родины» «греко-буддийского» искусства Фуше начал работы в Балхе (1924 и 1925 гг.), отчет о которых был опубликован лишь в 1942 г.³ Балх полностью разочаровал его, не дав ни монументальных развалин, ни каменных скульптур на территории городища. Исходя из этого, Фуше поспешил сделать вывод о невозможности искать в Балхе «родину» «греко-буддийского» искусства и даже об отсутствии в Бактрии в течение всего периода ее существования высокой культуры. Это заранее определило его подход к раскопкам: ими он хотел подкрепить свои теоретические положения (о них см. ниже).

Объектом раскопок была цитадель, где Фуше предполагал обнаружить остатки древних храмов и дворцов с богатыми находками. Цитадель была прорезана широкой траншеей, доведенной до глубины 18 м, где началась инфильтрация вод, заставившая прекратить работы. Но материк при этом еще не был достигнут. Вещи, найденные во время раскопок, Фуше не описывает и даже не приводит их перечня. Правда, в отчете он дает весьма краткую характеристику выделяемых им четырех слоев.

Первый слой (0.1—3.0 м) содержал остатки дворцового комплекса XV в.

Второй слой (3.0—7.0 м) содержал фрагменты керамики (характер ее не указывается) и кости животных; остатки жилых построек якобы отсутствовали. Верхней границей слоя Фуше считал вымостку дворца XV в., а нижняя граница взята им произвольно; слой же без достаточного обоснования он именуется монгольским.

Третий слой (7.0—10.0 м) дал фрагменты керамики, кости животных, обломки квадратного кирпича и был прорезан тремя зольно-угольными прослойками. Нижней

¹ A. F o u c h e r. Notes sur l'itinéraire de Hiuen-Tsang en Afghanistan. Études asiatiques publiées à l'occasion du 25-e anniversaire de l'École Française d'Extrême Orient, t. I. Paris, 1925.

² Под этим термином понимается в основном гандхарская школа.

³ A. F o u c h e r. La vicille route de l'Inde de Bactres à Taxila. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan (MDAFA), t. I. Paris, 1942.— Первые данные были опубликованы в 1924 и 1927 гг., см.: E. S e n a r t. Rapport sur les travaux de la Mission archéologique en Afghanistan pendant le premier semestre de 1924. Comptes rendue de l'Académie des inscriptions et belles lettres (CRAIBL), Paris, 1924, p. 342—346; A. F o u c h e r. La Délégation archéologique française en Afghanistan (octobre 1922— novembre 1925). CRAIBL, 1927, p. 117—125.

границей Фуше считает вымостку из гальки (назначение ее не известно) и опять без какого-либо обоснования именуется весь слой мусульманским. Указанные три прослойки он рассматривает как свидетельства арабского, саманидского и сельджукского завоеваний. В данном случае Фуше противоречит сам себе, так как часть слоя, лежащая ниже первой снизу зольно-угольной прослойки, неизбежно должна быть отнесена к домусульманскому периоду. Никаких доводов в пользу указанного толкования прослоек им не приводится.

Четвертый слой (10.0—18.0 м) содержал обломки сырцового кирпича, фрагменты красной керамики хорошей выделки, кости животных, каменные шарики и бронзовые наконечники стрел (ни описаний, ни рисунков не приводится). Этот слой Фуше не датирует.

Судя по характеру керамики, данный слой, хотя бы частично, должен быть отнесен к кушанскому периоду.

Все вышеизложенное показывает, что раскопки Фуше почти ничего не дали ни для понимания памятника, ни для понимания культуры Бактрии. Причиной этого является игнорирование им «рядового» археологического материала.

Как указано выше, Фуше еще до начала раскопок был склонен развенчать «бактрийский мираж», т. е. ложное, по его мнению, представление о бывшей высокой культуре Бактрии. Однако доводы его представляются весьма шаткими. Сводятся они к нижеследующему.

1. Былое культурное и историческое значение Бактрии обуславливалось ее выгодным географическим положением на пересечении важнейших торговых путей и плодородием почвы. Однако с момента установления морской торговли между Индией и Китаем значение ее резко упало.¹

2. Бактрия всегда была ареной военных столкновений, что не способствовало формированию местной культуры и устойчивого этнического типа населения.²

3. Балх (Бактра) всегда был только укрепленным убежищем для окрестного полукочевого населения, и рост города был обусловлен лишь ростом торговли, но не сопровождался изменением его характера и появлением местного производства и искусства.³

4. Вся история Бактрии есть история борьбы иранских колонизаторов с кочевниками, уничтожавшими культуру.⁴

5. Население Бактрии было этнически близко к заречным кочевникам и может рассматриваться только как полуживильзованное.⁵

6. Бактрия всегда была только чьей-нибудь колонией; подъема культуры на этой территории можно ожидать лишь в период длительного вхождения ее в состав какого-либо крупного государства, а таким периодом был период господства Ахеменидов, но не греков.⁶

7. Все культурно-исторические данные говорят о низком уровне культуры древней Бактрии: в Балхе не было крупных построек, все известные скульптуры были привозные; население рисуется диким и «питающим отвращение к роскоши»; в настоящее время в Балхе нет никакой художественной традиции.⁷

«Вывод» о невозможности искать в Бактрии «родину» «греко-буддийского» искусства появился в печати еще в 1927 г.,⁸ но без указанной аргументации, и получил полное признание среди сотрудников миссии.⁹

¹ A. Fouché. La vieille route..., p. 74.— Этот тезис появился уже вскоре после окончания работ, см.: A. Fouché. De Kaboul à Bactres. La Géographie, t. XLII, N 2, Paris, 1924, p. 159.

² A. Fouché. La vieille route..., p. 76.

³ Там же, стр. 77.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 78.

⁶ Там же, стр. 78, 79.

⁷ Там же, стр. 79—81.

⁸ A. Fouché. La Délégation archéologique française en Afghanistan, p. 122.

⁹ См. например: J. Hackin. L'oeuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922—1932). Tokio, 1932, p. 61.

Приведенную выше позднейшую аргументацию Фуше нельзя считать убедительной. Прежде всего привлекает внимание преувеличение роли торговли, и именно транзитной торговли. Следует учесть, что сухопутные пути из Индии в Китай шли через Непал и Вахан, но не через Балх. Решающую роль в развитии Балха сыграло его положение в центре плодородного оазиса, но не торговля. Утверждение, что Бактрия всегда была ареной военных столкновений ничем не обосновано: в действительности войн на территории Бактрии было не больше, а может быть и меньше, чем на любой другой территории в Европе или Азии. Тезис о том, что Балх всегда был только убежищем для окрестного полукочевого населения антиисторичен по своему характеру. Когда-то, повидимому, население было действительно полукочевым, а поселение, из которого развился Балх, — убежищем. Но это очень далекое прошлое: уже все античные источники без исключения характеризуют население Бактрии как земледельческое, а Балх ничем не отличают от всех других городов, упоминаемых ими.

Позиции Фуше ярко проявляются в утверждении, что вся история Бактрии есть история борьбы иранских колонизаторов с кочевниками — разрушителями приречной колонизаторами культуры. Все дальнейшие его тезисы могут рассматриваться как развитие и попытка обосновать это положение. Но никаких данных, говорящих о колонизации Бактрии персами у нас не имеется, а других «иранских колонизаторов» быть не может.

Что касается уничтожения культуры кочевниками, то и это не подтверждается фактами. Если Фуше подразумевает кушанское завоевание Бактрии, то следует вспомнить, что юе-чжи выбрали именно Балх на определенный период своей столицей и что именно на кушанское время падает расцвет близлежащего Термеза. Это позволяет предполагать не упадок, а расцвет Балха в кушанский период.

Характеристика населения Бактрии как «полудивилизованного» звучит очень странно: Бактрия выступает как варварская страна, население которой не способно создать свою культуру и должно ее получать от иноземных завоевателей и колонизаторов. Утверждение о том, что Бактрия всегда была чьей-то колонией, является повторением этого же положения. С такой точкой зрения согласиться невозможно. Культурно-исторические данные подобраны и интерпретированы Фуше односторонне.

Исследования К. В. Тревер доказали наличие в Бактрии своеобразного местного искусства.¹ Следует вспомнить и о высокохудожественных греко-бактрийских монетах, достаточно хорошо известных Фуше; а монетные дворы естественно искать в первую очередь именно в Балхе. Очевидно монеты чеканились в Балхе также в кушанский и эфталитский периоды.² Что же касается отсутствия ныне в Балхе художественных традиций, как это утверждает Фуше, то оно объясняется только запустением города за последние два столетия и никак не может считаться свидетельством низкого уровня культуры населения Бактрии в древности.

Безрезультатность раскопок Фуше в Балхе была обусловлена не только неправильной, с нашей точки зрения, методикой, но в первую очередь именно странным и необоснованным взглядом на все историческое прошлое Бактрии. Вопрос о месте возникновения «греко-буддийского» искусства остался открытым, а Балх и вообще Бактрия потеряли для миссии интерес на длительный период. Лишь через 12 лет, когда вблизи Кундуза при ирригационных работах случайно были обнаружены остатки алебастровых скульптур, миссия снова обратила внимание на северный Афганистан.

Здесь в развалинах небольшого буддийского монастыря было обнаружено семь голов алебастровых скульптур, которые, согласно определению Акена, по стилю ближе к эллинским, чем все гандхарские; этнический облик некоторых из них характеризуется близостью к центральноазиатскому. Исходя из этого, Акен относит скульптуры к наиболее ранней стадии формирования «греко-буддийского» искусства (I в. до н. э. —

¹ К. В. Т р е в е р. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.

² Известны монеты так называемого кушано-сасанидского типа, чеканенные в Балхе. Балх в форме «Бахло» фигурирует в легендах ряда эфталитских монет.

Г. в. н. э.) и делает решительный вывод о зарождении этого искусства именно в Бактрии.¹ Однако этот вывод не получил широкого признания, а недоступность публикации самого материала лишает возможности определить его фактическую обоснованность. Не исключено, что указанные скульптуры следует относить не к рубежу нашей эры, а к послекушанскому времени, так как те же особенности дают нам скульптуры Хадды.

Казалось бы столь решительный вывод относительно места возникновения «греко-буддийского» искусства должен был повлечь за собой возобновление работ в Бактрии. Однако этого не последовало.

В 1938 г. окрестности Кундуза были обследованы сотрудниками английской экспедиции, работавшей в долине р. Сват, — Е. Барджером и П. Райгом. Ими были обнаружены три каменные базы колонн со сложной профилировкой.² Кроме того, несколько севернее Кундуза они открыли очень крупное городище с хорошо сохранившимися стенами и крестовидной внутренней планировкой, которое сочли сасанидской пограничной крепостью.³ Но и эти сигналы не заставили Французскую миссию возобновить работы в Бактрии. Только в 1946 г., после реорганизации миссии, в качестве одной из ее основных задач было выдвинуто исследование Балха. При этом исходили не только из неразрешенности вопроса о месте возникновения «греко-буддийского» искусства, но также из необходимости исследования памятников всех исторических периодов и в первую очередь памятников греко-бактрийского периода.⁴ Причиной неудачи Фуше были признаны ограниченность масштаба и неправильный выбор объекта.

В 1946 г. миссия совместно с представителем индийских археологических организаций произвела тщательную археологическую разведку на территории северного Афганистана. Было осмотрено и зафиксировано сравнительно большое количество тепе и городищ, а также произведено более тщательное изучение Балха. На одном из тепе западнее Балха (Тепе-нимлик) был найден фрагмент керамики с остатком греческой надписи — первый памятник такого рода на территории Бактрии.⁵

В 1947 г. Французская миссия произвела шурфовку четырех объектов на развалинах Балха: цитадели, холма Тепеи Заргарон (в восточной части городища), участка несколько южнее центра городища и у южных его ворот.⁶ Целью работы было установить стратиграфию прежде, чем приступить к раскопкам. Всего был заложен 61 шурф, каждый размером 1.5×1.5 м. Шурфы доводились до максимально достижимой глубины, но в большинстве случаев не доходили до материка ввиду начала инфильтрации вод. На цитадели было заложено 37 шурфов: три на оплывших остатках башен западной и южной частей стен и 34 по четырем линиям, одна из которых проходит через всю цитадель в направлении северо-восток—юго-запад, а три (в южной половине) перпендикулярно ей. Только в одном из этих 34 шурфов был, предположительно, достигнут материк; все остальные на разных глубинах подверглись затоплению, и работы на них были прекращены. Из 3 шурфов на башнях до материка был доведен только один.

На Тепеи Заргарон большинство шурфов (7 из 12) удалось довести до материка. В центральной части городища материк был достигнут только в одном шурфе, а у южных ворот — в двух.

¹ J. H a s k i n. L'art bouddhique de la Bactriane. Kaboul, 1937.— Данные взяты по: E. B a r g e r. Explorations of ancient sites in northern Afghanistan. Geograph. Journ., vol. 63, № 5, 1939, p. 385, 386.— Барджер всецело поддерживает Акена.

² E. B a r g e r, указ. соч., стр. 384.

³ Там же, стр. 385.

⁴ D. S c h l u m b e r g e r. Rapport sur une mission en Afghanistan. CRAIBL, 1946, p. 177.

⁵ R. W h e e l e r. Archaeology in Afghanistan. Antiquity, vol. 21, № 82, 1947, p. 57—63.

⁶ D. S c h l u m b e r g e r. La prospection archéologique de Balkh. CRAIBL, 1947, p. 38—41; D. S c h l u m b e r g e r. La prospection archéologique de Bactres. Syria, t. 26, № 3/4, 1949, p. 173—187.

Миссии не удалось проследить стратиграфию ни на одном из четырех объектов: четких границ между слоями не оказалось, а вещественный материал, по словам производившего раскопки Д. Шлумберже, не может служить отправным моментом, так как датировка его чрезвычайно затруднительна. Основную массу находок, естественно, составляют фрагменты керамики, которую Шлумберже разделяет на поливную и неполивную. Первая в свою очередь делится на две группы: 1) монохромную (главным образом белого и зеленого цвета) и 2) полихромную. Неполивная керамика разделяется на пять групп: 1) с штампованным орнаментом, очень сходная с соответствующей керамикой Беграма; 2) цилиндрическо-конические сосуды из розовой глины, покрытые белым ангобом; 3) чаши со слегка вогнутым внутрь краем, покрытые белым ангобом (по последнему признаку сюда же относятся небольшой кувшинчик и ряд ручек с налепами в верхней части); 4) широкие низкие чаши с ножкой и без нее, покрытые красным ангобом; 5) керамика, покрытая красным ангобом с лощением. Полихромную поливную керамику Шлумберже уверенно относит к мусульманскому периоду; что же касается монохромной, то часть ее (какую именно не указывается) он склонен датировать более ранним временем. Из пяти групп неполивной керамики им дается датировка только первой; ее он относит (без полной уверенности) к кушанскому периоду. В связи с этим отмечается отсутствие необходимых для датировки аналогий в материале с близлежащих территорий.

Некоторые попытки разобраться в стратиграфии были все же сделаны, причем за основу был взят учет глубин нахождения поливной керамики, мусульманских и кушанских монет, а также некоторых единичных предметов, определенно относящихся к ранним периодам существования города. Было отмечено, что, как правило, полихромная керамика исчезает выше, чем монохромная, или на одной глубине с ней; но мусульманские монеты обычно попадают значительно глубже. В то же время все кушанские монеты, как правило, найдены ниже уровня исчезновения полихромной поливной керамики. Это позволяет, по мнению Шлумберже, считать максимальные глубины находок полихромной поливной керамики показателями минимальной толщины культурных наслоений мусульманских периодов. Основной вывод, к которому приходит автор, сводится к нижеследующему: значительные по своей толщине домусульманские слои определенно имеются на Тепеи Заргарон; на цитадели и в других местах они, очевидно, очень тонки, и выделить их невозможно.

Следует, к сожалению, отметить, что результаты работ 1947 г. мало чем отличаются от результатов работ Фуше. Неудачной является избранная методика исследования столь сложного объекта, как Балх. Шурф размером 1.5×1.5 м, при огромной толщине культурных напластований, несомненно осложненных различными смещениями слоев и ямами, не может дать твердых основ для выяснения стратиграфии. Применение большого числа шурфов, размещенных по осям, не приносит должного эффекта, так как не увеличивает исследуемого пространства, а лишь дробит его и неизбежно приводит к более или менее существенной порче памятника. Исследование, хотя бы предварительное, многослойных памятников со сложной стратиграфией может быть осуществлено только путем, хотя бы небольших, раскопок, которые неизбежно расширяются по мере углубления в толщу культурных наслоений.

Можно предполагать, что работники миссии не сумели в ограниченном пространстве шурфов распознать остатки строительных комплексов из сырцового кирпича (а они несомненно имелись хотя бы в части из них); они-то и могли бы послужить определенной основой для установления стратиграфии.

В отношении датировки неполивной керамики Шлумберже явно недостаточно использовал результаты работ той же Французской миссии в Беграме. Имеются основания относить первую группу к позднекушанскому времени (III—IV вв.), об этом говорят материалы из Беграма. Красноангобированные чаши, составляющие четвертую группу, имеют самые близкие аналогии в чашах из слоя Беграм I, что датирует их II—I в. до н. э. Сосуд, опубликованный как образец керамики пятой группы, также находит себе достаточно близкие аналогии в сосудах из слоя Беграм I. Что

касается керамики второй группы — сосудов цилиндрически-конической формы, то прямые аналогии им имеются в керамике с Афрасиаба, относящейся к VI—IV вв. до н. э.¹ Аналогичные сосуды найдены в слоях того же времени на городищах северной Бактрии. Следует отметить, что, повидимому, характерным для этого типа керамики является наличие только белого ангоба. Третья группа включает в себя очень разнородную керамику. Чаши со слегка вогнутыми краями вряд ли могут быть датированы в узких пределах: они, вероятно, бытовали очень длительный период — по меньшей мере в пределах II в. до н. э.—III в. н. э., но, несомненно, относятся к домусульманскому времени. Кувшинчик и ручки не поддаются датировке.

Что касается поливной керамики, то отсутствие описания ее лишает возможности предлагать какие-либо датировки на основе среднеазиатских аналогий.

Неудача, постигнувшая миссию в 1947 г., очевидно, побудила отказаться от намеченного систематического исследования Балха. В 1948 г. миссия снова перенесла свое внимание на юг Афганистана.

Но в последние два года Бактрия опять привлекла к себе внимание Французской миссии. При проведении новой дороги, на городище Сурх-Котал в долине Кундуз-Дарьи в 1951 г. были случайно обнаружены каменные плиты с надписями кушанского времени. Обследование этого городища показало, что оно заслуживает специального изучения, которое и было начато Шлумберже в 1952 г. За первый сезон работ им был раскрыт небольшой храм, сооруженный на специальной платформе, облицованной каменными плитами и украшенной на наружных фасах пилястрами.² Храм состоит из квадратной клетки и узкого коридора, охватывающего ее с севера, запада и юга; входы в зал и коридор расположены на восточном фасае. Снаружи храм был окружен айваном. Все сооружение находилось внутри ограды, которая в 1952 г. не была раскрыта.

Стены клетки были украшены пилястрами; перекрытие ее было плоское, деревянное, опиравшееся на четыре колонны, от которых сохранились лишь базы. Центральную часть клетки занимает большое квадратное возвышение, сложенное из отесанных каменных плит, на которое ведет небольшая лесенка, примыкающая к западной его стороне.

В какой-то период храм подвергся частичной перестройке: в северной части коридора была возведена поперечная стена, которая превратила ее в отдельное помещение; в западной и южной частях были сооружены в разных местах четыре перегородки с проемами, вследствие чего здесь образовались четыре лежащих друг за другом помещения.

Гибель храма связана с большим пожаром, о котором свидетельствует толстый слой углей, перемешанных с обломками обгоревших кирпичей. Позднее была произведена попытка частично восстановить его: в зале соорудили поперечную стену, выделившую южную его треть, в северной части установили четыре колонны, поддерживавшие новое перекрытие. В таком виде храм просуществовал еще некоторое время, но затем был окончательно заброшен.

В слое углей и обломков обгоревших кирпичей были найдены три сильно окисленные монеты — в том числе одна Хувишки. Основываясь на этом, Шлумберже относит первые два этапа существования храма ко II—началу III в., а пожар склонен связывать с вторжением Шапура I. Третий период, по его мнению, падает уже на время господства Сасанидов. Что касается культовой принадлежности данного сооружения, то Шлумберже высказывает предположение, что это храм огня.

¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 155.

² D. Schlumberger. La temple de Surkh Kotal en Bactriane. Journ. asiat., t. 240, 1952; D. Schlumberger. Surkh Kotal. A late hellenistic temple in Bactria. Archaeology, vol. VI, № 4, 1953. — Работы продолжались также в 1953 г. (был раскрыт еще один храм), но результаты их пока не известны.

Так как мы располагаем в настоящее время только предварительными данными, очень трудно судить, насколько правильны такая интерпретация этого сооружения и указанная его датировка. Но независимо от этого храм в Сурх-Котале, без сомнения, является одним из наиболее интересных памятников Бактрии, исследованных миссиями. В нем мы находим аналогию храмам древнего Пянджикента, что заставляет с особенным нетерпением ожидать публикации результатов раскопок 1953 г. и полного отчета о всех работах на этом памятнике в целом.

Значительно большее внимание уделила миссия памятникам центрального Афганистана — Бамиану, Каписе и некоторым другим. Большой интерес представляют фрагменты наскальной росписи в долине р. Хульм у сел. Руй, именуемые местным населением «Дохтар-и Ноширван»; исследование их велось сначала Фуше, а затем Акеном и Годаром.¹

Роспись помещалась в неглубокой нише на высоте 10 м над уровнем земли; в верхней части ее сохранились гнезда от балок, повидимому поддерживавших карниз. От когда-то значительной по размерам композиции сохранились лишь изображение трех арочных проемов с балконами над двумя средними колоннами и более или менее значительные фрагменты пяти человеческих изображений и ряда изображений животных. В центральном проеме размещено изображение мужчины, сидящего на троне, со слегка расставленными ногами и опирающегося обеими руками на меч; голова его украшена сложной короной, состоящей из двух крыльев в основании и головы льва наверху. Кроме того, голова окружена нимбом, из-за которого в обе стороны выступают по три протомы животных (слона, быка, льва и др.). Боковые части трона имеют форму протом лошади. Остальные четыре фигуры, помещавшиеся на указанных балконах и в боковых проемах, представляют меньший интерес; к тому же они сохранились очень плохо. Центральная часть росписи, описанная выше, издана только в прорисовке, с попыткой восстановления первоначального облика по имеющимся фрагментам. Акен² полагает, что данная роспись изображает сасанидского царя, и датирует ее IV—VII вв. без дальнейшего уточнения. Дип³ считает ее уникальным изображением авестийского «Великолепия», но не приводит никаких к тому доказательств.

Вряд ли можно согласиться с Акеном, что на этой росписи изображен именно сасанидский царь. Характер короны указывает на то, что здесь представлен какой-то местный правитель послекушанского периода. Однако для решения этого вопроса совершенно недостаточно описания и прорисовки росписи, опубликованных миссией в качестве приложения к отчету о работах в Бамиане. Бамиану миссия уделила очень большое внимание и довольно тщательно обследовала расположенный в нем огромный комплекс пещерных монастырей, группирующихся около пяти высеченных в скалах статуй.⁴ Пещеры, как правило, расположены группами: ядро составляют открытое с наружной стороны помещение и расположенное позади него глухое храмовое помещение прямоугольной или восьмиугольной формы, соединенное проходом только с предыдущим. Около них обычно располагается более или менее значительное число небольших помещений типа келий, соединенных ходами с предхрамовым помещением. Стены и потолки храмовых, а отчасти и предхрамовых помещений украшены росписями и рельефами из глины, часто с дополнительной росписью по поверхности. В ряде храмовых помещений имелись ниши для глиняных статуй и небольшие ступа, также укра-

¹ A. Godard et J. Hackin. Les antiquités bouddhiques de Bamiyan. MDFA, t. II, 1928, p. 66—74.

² J. Hackin. L'oeuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan, p. 55.

³ E. Diez. «Les antiquités bouddhiques de Bamiyan». A. Godard (MDFA, t. II). AJA, vol. 34, 1934, p. 114.

⁴ A. Foucher. Notice archéologique de la vallée de Bamiyan. Journ. asiat., t. 202, 1923, p. 354—368; A. Godard et J. Hackin, указ. соч.; J. Carl et J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan. MDFA, t. III, 1933; J. Hackin. L'oeuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan, p. 19—42.

шенные глиняными рельефами. Тематика украшений почти исключительно буддийского характера, но стиль во многих случаях отличается от стиля, характерного для Индии. Никаких датирующих находок в пещерах сделано не было. Вследствие этого датировка отдельных пещерных комплексов возможна только на основе анализа стиля росписей. Акен делит их на четыре хронологические группы, беря за основу два чисто формальных положения:¹ 1) прогрессивное увеличение «иранских» элементов в трактовке канонических изображений и в украшениях; 2) постепенное возрастание в украшении удельного веса рельефа и вытеснение им росписи.

Оба эти положения довольно шатки и сами требуют обоснования, в силу чего предлагаемую Акеном хронологическую схему можно принять только как рабочую (разумеется, отбросив понимание «иранских» элементов как сасанидских). Первый период (III—начало IV в.) характеризуется, по Акену, полным преобладанием росписи и чисто индийским стилем. Второй период (IV в.) дает появление рельефа с росписью по поверхности и отдельных элементов сасанидского типа (медальоны с головой кабана, утками и голубями) в украшениях. Третий период (V—конец VI в.) характеризуется частичной ассимиляцией иранских элементов и появлением буддийских изображений в сасанидской одежде, обвитых лентами колонн и т. д. Роспись сохраняется на потолке, но на стенах вытесняется рельефом. Четвертый период (конец VI—VII в.) дает значительное насыщение стиля иранскими элементами и сложение на этой почве смешанного кушано-сасанидского стиля. Этот стиль, по мнению Акена, широко и быстро распространился по всей Центральной Азии и уже в VII—VIII в. проник в Японию.

Изложенная искусствоведческая хронологическая схема, являющаяся чисто формальной, все же хорошо отражает очевидный факт быстрого проникновения в буддийскую иконографию и декоративный репертуар устойчивых и уже сформировавшихся традиций местного искусства.

В основе схемы Акена лежит, безусловно, небезизвестная теория «культурных влияний», конкретно выразившаяся в трактовке Бамиана как стыка двух культур и искусств — индийского и иранского. Кушано-сасанидский стиль рассматривается как итог смешения этих искусств, причем дополнительно характеризуется как «провинциальный сасанидский».

Излишне говорить о принципиальной неприемлемости такого подхода к бампанским росписям и рельефам. Хочется только отметить, что все эти сасанидские элементы мы имеем в искусстве Бухары и Согда и, судя по всему, в развитом виде именно в эфталитский период. Учитывая, что Бамиан входил в состав сначала кушанского, а потом эфталитского государства, что население его по языку, обычаям и этническому облику было близким к населению Средней Азии, нет ни малейших оснований предполагать решающее влияние сасанидского искусства на формирование местной Бампанской школы. Все, что именуется Акеном «сасанидским», является местным бамианским.

Весьма характерно, что изменяется не только стиль, но до некоторой степени и сам буддийский пантеон. Так, в сцене парнированы Будды, изображенной в одной из поздних пещер, мы видим солнечное и лунное божества, не являющиеся составными частями буддийского пантеона.² В другой пещере того же комплекса в росписи потолка центральное место занимает не изображение Будды, а изображение Майтрейи, причем в головном уборе, состоящем из трех полумесяцев с дисками внутри. Этот головной убор в разных вариантах неоднократно повторяется на эфталитских монетах, что датирует росписи V—VI в. Эта датировка хорошо согласуется и с фактом выдвижения Майтрейи (повидимому слившегося с Митрой) в центр пантеона.

¹ J. H a s k i n. The eastward extension of Sasanian motives. Bulletin of the American institute for Persian art and archaeology (BAIPA), vol. IV, 1936, p. 5, 6.

² Описание копии росписей этой группы пещер, обследованных в 1933 г., полностью не издано. Краткие данные см.: O. B r u h l. Derniers travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Revue des arts asiatiques (RAA), t. VIII, N 2, 1934, p. 118, 119.

Большой интерес представляет роспись, сохранившаяся в своде ниши так называемой малой статуи.¹ Это изображение лунного божества на колеснице, запряженной четырьмя крылатыми конями. Божество представлено в полный рост, в правой руке оно держит копьё, левая рука покоится на рукоятке подвешенного к поясу длинного меча. Голова окружена нимбом, позади фигуры — изображение луны в виде неполного круга с неровным верхним краем. Вся фигура заключена в большой ореол с зубчатым обрамлением. Сопровождают божество три пары изображений меньших размеров: наверху духи ветра, внизу киннара и крылатые стрелки. Иконографические аналогии этого изображения мы имеем в росписях Кучара; одежда божества близка также к одежде, представленной на ряде фресок из других оазисов Восточного Туркестана и на некоторых так называемых образках из Согда.

Обрамлена описанная композиция двумя полосами росписи, изображающими шествие донаторов во главе с монахом по балюстраде, перед которой вынесены четыре изображения Будды и Боддисатв. Одежда донаторов сходна с одеждой божества; головные уборы имеют аналогии в терракотах Согда.

Появление небуддийского божества над статуей Будды чрезвычайно интересно и показательно. Прежде всего оно несомненно моложе самой статуи (украшенной, по данным Сюань Цзана, золотом и драгоценными камнями, а это заставляет предполагать, что изображен был не Будда, а какой-то Боддисатва). Далее, это свидетельствует или о значительном изменении в какой-то период в Бамиане всей канонической буддийской иерархии божеств, или о переосмыслении самой статуи в рамках представлений какой-то религии, отличной от буддизма. Небуддийское по облику изображение неожиданно (для Акена в особенности) было обнаружено в чисто буддийской по композиции и сюжетам росписи, сохранившейся в нише второй, так называемой большой статуи. Среди изображений Будды мы неожиданно видим какой-то персонаж в богато украшенных одеждах и с головным убором в виде трех полумесяцев с бутонообразными фигурами внутри. Можно предполагать, что это опять-таки Майтрейя. Роспись поздняя, так как фигурируют не только земные, но и небесные Будды.

Весьма показательна группа пещер в 3 км юго-восточнее Бамиана, в долине р. Какрак, также располагающаяся вокруг каменной статуи. В росписи потолка храмового помещения центральное место занимает большое изображение Майтрейи, окруженное двумя поясами изображений Будды. В нижней части потолка идет ряд изображений Будды под трапециевидными арками; но под одной из этих арок вместо Будды имеется изображение мужчины в богатых одеждах, сидящего на троне, поджав правую ногу. Голова украшена уже знакомыми нам тремя полумесяцами с дисками внутри и окружена красным нимбом.

Акен² считает это изображением местного царька, с чем вряд ли можно согласиться, так как включение светского лица в буддийский пантеон и тем более помещение его в один ряд с Буддой невозможно допустить.

Все изданные миссией отчеты о работах в Бамиане показывают, что в V и VI вв. здесь никакого упадка искусства не было. Данный факт члены миссии молчаливо признали, но не попытались в свете его пересмотреть традиционное представление об эфталитах как о дикой орде кочевников, разрушавшей все на своем пути. В связи с этим вопросом большой интерес представляет еще один памятник, давший несколько хорошо сохранившихся росписей, — небольшой буддийский монастырь около Фунду-

¹ Из пяти статуй более или менее удовлетворительно — в виде каменных основ со следами покрытия толстым слоем штукатурки — сохранилось лишь две — так называемая малая, высотой 35 м, и так называемая большая, высотой 53 м. Судя по остаткам моделированной по штукатурке одежды, стилистически они несколько различны. Акен датирует первую III—V вв., а вторую VI—VII вв. Однако обе датировки сомнительны, так как основаны только на стилистических особенностях статуй: симметричном размещении складок у первой и асимметричном у второй.

² J. H a s k i n. L'oeuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan, p. 49; J. C a r l et J. H a s k i n, указ. соч., стр. 72.

кистана (4 км южнее Сияхгирда, на полпути между Бамианом и Кабулом). Раскопками, проведенным в 1937 г., был раскрыт квадратный храм с нишами для статуй и ступа в центре.¹ Стены храма были украшены росписями, из которых наибольший интерес представляет изображение стоящих рядом солнечного и лунного божеств.

Лунное божество одето в длинный расшитый кафтан с двумя отворотами, перетянутый богато украшенным поясом. В левой руке оно держит небольшой круглый щит, правая рука лежит на рукоятке длинного меча, подвешенного к поясу. Голова украшена рядом перлов и полумесяцем с неясным изображением внутри и окружена белым нимбом. Солнечное божество одето в сложные доспехи: верхняя часть представляет собой пластинчатый панцирь, переходящий на уровне пояса в кольчугу с ясно выделенными кольцами. Из-под кольчуги спускается вниз край одежды в форме закругленного передника. В правой руке божество держит какой-то неясный предмет, от которого сохранилась только длинная рукоятка; левая рука покоится на рукоятке длинного меча в очень богато украшенных ножнах. Голова сильно повреждена, и облик ее не ясен; окружена она красным нимбом. Обе фигуры выполнены неумело, но с очень тщательной прорисовкой всех деталей.

Кроме этой росписи, было обнаружено изображение Майтрейи, по стилистическим особенностям относящееся к VI—VII в.: тело дано с некоторым наклоном вправо, голова сильно склонена так же вправо, руки несколько «манерно» изогнуты.

Вдоль стен, под росписями, располагались небольшие глиняные скульптуры и рельефы, выполненные в том же манерном стиле. Под некоторыми скульптурами были обнаружены урны с пеплом и монетами. В числе монет имеется одна Хосроя II (590—627), что подтверждает указанную датировку росписей и определяет время существования храма VI—VII в.

Акен пытается связать эти росписи и скульптуры с восточнотуркестанскими и считает Фундукистан крайней южной точкой распространения восточнотуркестанской ветви буддийского искусства.² Эта точка зрения вряд ли приемлема, так как нет достаточных оснований связывать манерный стиль с Восточным Туркестаном; он представлен в VI и VII вв. и в северной Индии.

Наличие изображений лунного и солнечного божеств в буддийском храме является еще одним подтверждением высказанного выше предположения о значительных изменениях, которым подвергся буддийский пантеон в Афганистане к VI в. Росписи Бамиана, Какрака и Фундукистана, безусловно, являются первоклассными памятниками искусства, что и обусловило то внимание, которое им было уделено миссией. Однако достаточного представления о местной культуре они не дают. Облик культуры может быть выявлен лишь на основе систематических раскопок городищ и тепе, которых в Афганистане отмечено немало.³ Единственным городищем (исключая Балх), подвергшимся более или менее систематическому изучению, является Беграм (древняя Каписа), расположенный у слияния рек Горбанд и Пяндшир. Раскопки велись сначала Акеном, а затем Гиршманом. Целью на первом этапе раскопок были поиски ценных вещей западного или индийского происхождения, но не выяснение облика местной культуры и стратиграфии памятника. На втором этапе были сделаны попытки изучения местной культуры и выяснение хронологии кушанского времени на основе археологических данных.

¹ J. H a c k i n. Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan. RAA, t. XII, № 1, 1938, p. 9—11.

² Там же, стр. 11.— До раскопок были известны отдельные глиняные скульптуры из этого храма, которые издал тот же Акен, пытавшийся увидеть в них «индийский Ренессанс», сменивший в VI в. смешанный ирано-буддийский стиль (см. J. H a c k i n. Au sujet de quelques statues bouddhiques récemment mises au jour en Afghanistan. RAA, t. X, 1936, p. 130, 131).

³ Хотят сказать, не в отчетах миссии, а в различных описаниях Афганистана, составленных путешественниками.

В начале работ миссия упорно искала дворец; найдя, она обнаружила в нем ряд очень ценных вещей, характеризующих опять-таки только искусство.¹ Раскопки же второго этапа, несмотря на ряд методических недочетов, являются по своим результатам важным вкладом в дело изучения не только местной культуры, но и культуры и истории всего кушанского государства.²

Городище Беграм состоит из двух частей, лежащих на расстоянии 600 м друг от друга; обе части обведены ясно прослеживаемыми остатками стен и заполнены различной величины всхолмлениями. Основное внимание было обращено на южную часть, которая предположительно считалась более поздней (северная часть при шурфовке не дала твердо датированного материала). Она имеет планировку, типичную для эллинистических городов типа Дура-Эуропа; работники миссии это объясняют тем, что город был выстроен западными градостроителями в период существования Греко-Бактрийского царства, с чем вряд ли можно согласиться. Городская стена, толщиной более 10 м, возведена из сырцового кирпича, размером $40 \times 40 \times 10$ см, на каменном цоколе и снабжена часто расположенными прямоугольными башнями размером 16.6×6.7 м. В юго-западной, угловой части имеется своего рода бастион с защитой юго-западного угла сдвинутыми вместе, в виде «ласточкина хвоста», башнями, а северо-западного угла — несколько выступающей на север прямоугольной башней.

Гиршман, опубликовавший результаты второго этапа раскопок, привлекает в качестве аналогий данной системы укреплений планы хорезмийских городов, в частности Кургашии-калы, и делает вывод, что прямоугольная башня и указанные виды защиты углов наиболее типичны для фортификации на всей территории Греко-Бактрийского царства. В состав последнего он совершенно бесосновательно включает и Хорезм. Такой вывод несомненно преждевремен, так как нам не известен тип укреплений этого периода в Согде и Бактрии.

Акен производил раскопки вдоль идущей с севера на юг центральной улицы города и раскрыл ряд жилых зданий и дворец.

Гиршман вел раскопки в основном западнее этой улицы, на большой площади и раскрыл значительное число жилых построек, выделив на основании монетных находок три слоя. Основание города он относит к греко-бактрийскому периоду и определяет первый слой II в. до н. э.—концом I в. н. э. Второй слой, по наличию исключительно кушанских монет Канишки и его преемников, датируется им концом I—началом III в. Третий слой, на основании находок позднекушанских монет, он относит к середине III—второй половине IV в. Переход от второго к третьему слою характеризуется следами значительных разрушений построек, что не отмечается для перехода от первого ко второму слою. Разрушения Гиршман связывает с завоеванием Каписы Шапуром I, которое он считает доказанным фактом; все его хронологические построения основаны в сущности на этом. Однако спорность предложенной им хронологии кушанских династий, которую мы здесь не рассматриваем, не опровергает указанных датировок слоев Беграма, правда нуждающихся в некоторых поправках. Определяющим в данном случае является строительная техника и вещественный материал этих слоев.

Постройки первого слоя возведены из мелких каменных плит на фундаменте и невысоком цоколе из сырцового кирпича; стены имеют слегка уступчатую структуру. Под стенами в некоторых случаях была заложена дренажная система из глиняных труб. Планировка жилых домов, повидимому, не выяснена, так как планы не дают целиком ни одного из них. Судя по приведенным данным, дома имели в принципе прямоуголь-

¹ J. H a s k i n. Recherches archéologiques à Begram. MDAFA, t. IX, 1939, p. 1 et 2; J. H a s k i n. The 1939 dig at Begram. Asia. October—November, 1940.

² R. C h i r s h m a n. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kushans. MDAFA, t. XII, Le Caire, 1946.—Основные данные см. также: Р. Г и р ш м а н. Раскопки французской археологической делегации в Беграме. КСИИМК, вып. XIII, 1946.

ную форму и делились на ряд небольших помещений, расположенных без определенной системы.

Керамика первого слоя делится на две группы: 1) серо-черную, представленную только тарелками и низкими чашами; 2) красную, представленную также тарелками, чашами, небольшими сосудами с двумя ручками, типа кратера, горшками, кувшинами, хумами и т. п.

Следует отметить две формы: небольшие горшковидные сосуды с длинным прямым носиком, отходящим от верхней части тулова, и бокалы с широкой верхней частью, перегибом в средней части и низкой широкой ножкой. Обе формы засвидетельствованы также в керамике Средней Азии кушанского периода (Термез, Самарканд и т. д.). Орнамент на керамике этого слоя или отсутствует, или состоит из рядов идущих по плечикам параллельных прямых или волнистых вдавленных линий.

Строительная техника второго слоя уже иная. На каменном цоколе высотой 0.6—0.7 м возводилась стена из пахсы. Однако многие постройки предыдущего периода продолжали существовать с небольшими ремонтами сырцовым кирпичом или даже без таковых.

Гиршман связывает появление пахсовых стен со среднеазиатскими строительными приемами, но сам же отмечает, что в Тали-Барзу и Красной Речке они появляются лишь в V в.; выход из этого противоречия он находит в ссылке на недостаточную изученность и неразработанность периодизации архитектуры Средней Азии. В последнем он прав, но вряд ли есть необходимость считать пахсовые стены Беграма заимствованием из Средней Азии.

Керамика этого слоя мало отличается от керамики первого слоя. Однако серо-черная керамика почти целиком исчезает и появляются бокалы с монохромной темнофиолетовой росписью геометрического характера. Формы сосудов сохраняются те же, что и в первом слое, хотя в ряде случаев отмечаются некоторые изменения. Бокалы здесь встречаются в большем количестве, они становятся крупнее и приобретают более вытянутую форму. Массовым материалом являются небольшие сферические котлы с двумя маленькими ручками на плечиках. Специфичны для данного слоя кувшины со смятым носиком типа энохойи и «фляги» с одним плоским боком.

Из металлических предметов следует отметить находку нескольких трехлопастных железных наконечников стрел и ножиц.

Заслуживают внимания украшения из этого слоя: фрагмент золотой подвески с пятью вставками из драгоценных камней, образующих розетку и закрепленных ложной зернью; золотое кольцо со вставкой небольшого рубина, закрепленного также ложной зернью; золотой браслет с 46 рубиновыми прямоугольными вставками. Гиршман безусловно прав, сопоставляя их с сарматскими украшениями юга России. Но вряд ли можно согласиться с его утверждением, что данные украшения являются решающими для определения характера культуры кушан, так как культура последних в I—III вв. существенно отличалась от культуры племен, положивших начало кушанскому государству в период падения Греко-Бактрийского царства.

К этому же слою относится дворец, частично раскопанный в 1936—1940 гг. Акеном. План его полностью не установлен, хотя было раскрыто более 10 помещений разного назначения. Строительная техника сходна с таковой жилых домов: на каменном цоколе выведены с тщательной кладкой стены из сырцового кирпича.

Здесь в одном из больших помещений (№ 10) было найдено значительное количество стеклянных сосудов, бронзовых изделий и накладок из слоновой кости от истлевших деревянных шкатулок.¹ Стеклянные сосуды, отличающиеся высокой техникой выполнения и частично имевшие сложную роспись, были отнесены Акеном к пред-

¹ Полное издание см. в работе Акена «Recherches archéologiques à Begram». Отдельные данные имеются в двух других его работах: «Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan» и «Die Arbeiten der französischen Delegation in Afghanistan» (OZ, Bd. 24, № 4, 1938).

метам импорта из Сирии и датированы I—IV вв. Однако Гиришман склонен выделять из них часть сосудов местного изготовления, ссылаясь на широкое распространение стеклянных изделий среди сарматов и выявленные К. В. Тревер стеклянные чаши греко-бактрийского происхождения.¹

Наиболее интересными являются костяные накладки, украшенные плоскостной и рельефной сложной резьбой. На значительной части их изображены сидящие и стоящие женские фигуры в разных позах и с различными предметами туалета в руках. На ряде узких пластин имеются орнаментальные, весьма сложные по составу мотивы: изгибающиеся, «бегущие» стебли лотоса с размещенными между изгибами утками, крылатые чудовища на фоне растительных элементов, фризы из летящих гусей и уток, гриллы в сочетании со сложными растительными мотивами и др. Стиль женских изображений весьма близок к стилю Матурской школы кушанского времени; орнаментальные мотивы носят в значительной степени смешанный характер, причем явственно выделяются отдельные элементы, характерные для искусства северной Индии кушанского периода, и ряд элементов, отсутствующих в последнем.

Что касается западных элементов, то они даже по мнению Акена очень незначительны.

Исходя из матурских аналогий, Акен датирует пластины концом III—IV в., хотя часть их склонен относить и к I—II в. Но на основании раскопок Гиришмана устанавливается, что дворец существовал лишь в I—III вв.; это сужает датировку их до тех же пределов. Но учитывая находку вместе с ними монеты Канишки и наличие на ряде пластин знаков харошти с особенностями, характерными, по определению Рамапрасад Чанды, для II и III вв., наиболее вероятно предположить, что они изготовлены в II—III вв.

Перечисленные находки Акена, безусловно, интересны как памятники искусства кушанского периода, но интерпретация их по сути дела пока еще отсутствует.

По мнению Гиришмана, дворец и часть города были разрушены в середине III в. Шапуром I; однако, хотя факт разрушения устанавливается с несомненностью, завоевание Каписы Шапуром I следует признать пока спорным.

Третий слой, соответствующий периоду возрождения города, ни по строительной технике, ни по керамике не имеет значительных отличий от второго слоя, хотя временное запустение города в III в. несомненно.

Стены домов возведены из сырцового кирпича размерами 40×40×10 см и 38×38×8 см, на невысоком каменном цоколе. Для планировки жилища характерна группировка ряда примыкающих друг к другу домов (с 2—6 помещениями) вокруг большого прямоугольного двора. Почти в каждом доме, обычно в задней глухой комнате, имеется большая ниша, обведенная пилястрами; судя по находкам статуэток, рельефов и светильников, это домашнее святилище типа лорария.

Керамика по технике обработки и формам является развитием керамики второго слоя; новое состоит в постепенном распространении штампованного орнамента и исчезновении расписного. Изменения в формах в общем незначительны; так, например, бокалы при сохранении той же формы несколько расширяются в верхней части.

На месте разрушенного дворца был выстроен прямоугольной формы замок с массивными круглыми башнями на углах. Стены его возведены на каменном цоколе из чередующихся слоев пахсовых блоков и сырцового кирпича. Появление укрепленного замка в городе, повидимому, явление неслучайное; это отметил сам Гиришман, указав в качестве ближайшей параллели факт смены в Хорезме в III—IV вв. городов укрепленными замками. Однако вопрос о причинах появления замка в Беграме он оставляет открытым, ссылаясь на то, что нам не известно, имели ли место в Каписе те же социальные изменения, которые произошли в Хорезме в III—IV в. Следует полагать, что они имели место.

¹ R. G h i r s h m a n. Begram..., p. 66.

Прекращение жизни на городище Гиршман относит ко второй половине IV в. и объясняет его уходом всех жителей под воздействием какой-то надвигавшейся внешней опасности. Единственные аргументы, приводимые им в пользу маловероятного массового ухода жителей, — отсутствие следов намеренных разрушений и отсутствие ценных вещей. Запустение города несомненно падает на конец существования кидаритского позднекушанского государства, так как более поздние монеты отсутствуют; но массовый и одновременный уход жителей сомнителен. Повидимому причиной запустения города было не нашествие с севера, а постепенный переход роли центра от Каписы к Кабулу.

Многие другие положения Гиршмана носят также малообоснованный и весьма спорный характер. Нет никаких данных, говорящих за то, что Каписа была основана именно в период существования Греко-Бактрийского царства, а не раньше: монетные находки на полях в первом слое не дают окончательного решения, так как здания существовали весьма длительное время и могли быть выстроены раньше появления в обращении греко-бактрийских монет. Решить этот вопрос можно лишь на основании стратиграфии отдельных полов и связанных с ними находок, соответствующие данные о которых не опубликованы.

Во многих случаях Гиршман совершенно напрасно пытается найти какие-то прототипы для явлений, обнаруженных им в Беграме, например для техники кладки с чередованием пахсы и кирпича, для терракот, для круглых башен, появляющихся в замке Беграма III, и т. д.

Появление круглых башен в Беграме он объясняет хорезмийским влиянием на кушан, но появление таких же башен в этот же период в Персии трактует как следствие влияния Рима. И первое и второе сомнительно: вернее искать причину их одновременного появления на разных территориях в усовершенствовании осадной техники, происшедшем в первые века нашей эры как в Средиземноморье, так и в Средней и южной Азии.

При всех частных недостатках (рассмотреть их все не представляется возможным ввиду ограниченности объема данного обзора) методологические установки Гиршмана существенно отличаются от методологических установок его предшественников. Он ставил своей задачей изучение местной культуры, а не коллекционирование памятников искусства. Результаты своих работ он расценивает как доказательство отсутствия в местной кушанской культуре существенных следов греческого и вообще западного влияния. Методика раскопок Гиршмана также стоит несравненно выше методики Акена, не говоря уже о Фуше. Вследствие всего этого работы Гиршмана оказались по объективным результатам наиболее плодотворными из всех раскопок миссии. Материалы из Беграма, очень близкие к синхронным слоям памятников Средней Азии, несомненно расширяют наши знания в области истории и культуры кушанского государства и отдельных областей, входивших в него. В значительно меньшей мере это можно сказать в отношении других памятников, изучавшихся миссией, так как подход к ним был совсем иной. Они дают лишь ограниченное и одностороннее представление о культуре Афганистана V—VII вв., так как объектом изучения Акена и Фуше были лишь памятники искусства, и то по преимуществу связанные с буддизмом. Однако если учитывать скудость данных по истории и культуре эфталитского периода (V и VI вв.), то представляется, что и эти памятники искусства позволяют наметить некоторые положения, о которых сказано выше.

А. М. Мандельштам

РАБОТЫ КИТАЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Обзор сборников «Тянье каогу баогао» (№ 1, 1936) и «Чжунго каогу сюэбао» (№№ 2—4, 1947—1949, Шанхай)

История полевых археологических исследований в Китае насчитывает немногим более 80 лет. Первые раскопки на территории этой страны, проведенные научными экспедициями, осуществлялись под руководством различных западноевропейских и американских исследователей. С 20-х годов XX в. археологические работы начинают вести китайские археологи.

Молодая отечественная археологическая наука Китая переживала трудные годы до победы Народной революции в Китае в 1949 г. Правительство Чан Кай-ши отдало на откуп различным иностранным организациям и фирмам проведение в стране археологических изысканий и публикацию их результатов. Труды китайских археологов, участвовавших в изысканиях, как правило, не публиковались в заграничных изданиях, а появлялись лишь в виде небольших статей и заметок в университетских журналах и газетах Китая. Только с 1936 г. начал издаваться сборник «Доклады о полевых исследованиях» (Тянье каогу баогао).

Развязанная Японией империалистическая война в Китае вынудила временно прекратить это издание. До 1937 г. был опубликован только один сборник (№ 1). В 1947 и 1948 гг., уже после окончания войны, вышли второй и третий номера сборника, который теперь получил новое название — «Китайский археологический сборник» (Чжунго каогу сюэбао). Четвертый номер появился в декабре 1949 г., после великой победы китайского народа.

В сборниках помещены оригинальные материалы о полевых исследованиях, статьи и отдельные публикации китайских археологов. Вследствие большого перерыва в издании ряд статей во втором и третьем номерах опубликован после смерти их авторов (статьи Ци Янь-пэя, У Цзинь-дина, Ли Цзин-даня).

Авторы статей рассматриваемых сборников профессора Лян Сы-юн, Ся Най, Ян Чжун-цзянь ныне являются руководящими деятелями Китайской Академии Наук. Ся Най и Лян Сы-юн — заместители директора Института археологии Китайской Академии Наук. Археолог Го Бао-цунь — заместитель начальника экспедиции по раскопкам ивньских погребений в провинции Хэнань.

В народном Китае сообщения об археологических исследованиях публикуются во всех центральных газетах, в «Вестнике» Академии Наук; издаются монографии, сборники.

Знакомство с прежними работами китайских ученых, с их статьями в сборниках по археологии Китая, необходимо для советских историков, интересующихся данной темой. На этом основании советскому читателю предлагается настоящий обзор.

При написании обзора была учтена повторность проблем во всех четырех выпусках, в связи с чем принят принцип изложения материалов в соответствии с археологической периодизацией и хронологией. Обзор начинается со статей, посвященных наиболее ранним памятникам неолита.

Территория провинции Жэхэ, о неолитических стоянках которой сообщается в статье Лян Сы-юна,¹ уже и прежде привлекала внимание археологов. Так, в 1906—1908 гг. неолитические памятники Жэхэ изучал крупный японский археолог Тории Рюдзо. В результате 27-месячной разведывательной работы Тории установил 60 пунктов, в которых были встречены неолитические остатки. Начиная с 1919 г. в этой провинции наездами бывал Лисан. Им зафиксированы 22 пункта с неолитическими находками — из них 10 стоянок. Однако многие из открытых Лисаном пунктов уже были известны Тории. Оба исследователя в основном ограничивались сбором подъемного материала.

Статья Лян Сы-юна несколько выделяется по своей тематике среди прочих статей всех четырех сборников. Она единственная посвящена проблемам раннего неолита, и только в ней сосредоточено внимание на районах, расположенных севернее Великой китайской стены. Эта территория менее других известна в археологическом отношении, хотя нельзя сказать, чтобы ее памятники не привлекали к себе внимание исследователей.

В 1930 г. Лян Сы-юн отправился в этот район с намерением раскопать наиболее важные стоянки. Но неблагоприятные метеорологические условия, а главное волнения среди населения провинции, вызванные голодом, заставили его ограничиться сбором подъемного материала в пяти наиболее интересных пунктах, к которым относятся курмиря Чабугань, Лисси, Шуанцзин, Чэньцзяинцзи, Чифэн. Из названных пунктов первые два были известны Тории и Лисану. Несмотря на то обстоятельство, что Лян Сы-юн добыл материал, в общем сходный с ранее опубликованным Торией и Лисаном, он решил издать свои находки. Его решение было вызвано следующими соображениями.

1. В своей работе Торией² ограничился изложением собственных гипотез и выводов, не давая описания находок. В результате этого его выводы остаются бездоказательными, а точная принадлежность находок к определенному памятнику не установима. Статья Лисана³ представляла собой всего-навсего простой перечень находок. Статья же самого Лян Сы-юна содержала как описания подъемного материала, так и аргументированные теоретические положения. Кроме того, она была первой работой по неолиту Китая на китайском языке.

2. Материал, собранный в вышеуказанных пяти пунктах, все же несколько отличался от собранного ранее, что давало возможность установить некоторые локальные особенности этих стоянок.

В Чабугане, в северо-восточном Жэхэ, в пахотном слое обнаружены осколки неолитической керамики серого, изредка бурого цвета. Вся керамика изготовлена на гончарном круге. Намечается несколько групп керамики: а) гладкие, лощеные, иногда снаружи и внутри, иногда только внутри или только снаружи, большие сосуды с плоскими днищами, диаметром 8—40 см, с толщиной стенок 4—7 мм; б) сосуды для хранения жидкостей с блестящей водонепроницаемой поверхностью, со стенками толщиной 5—7 мм (1 фрагмент); в) такие же лощеные сосуды, но с тисненым орнаментом в виде прямоугольников и треугольников в верхней части сосуда, с толщиной стенок

¹ Л я н С ы - ю н. Неолитические находки каменных орудий и керамики в местонахождениях Чабугань, Лисси, Шуанцзин, Чифэн в провинции Жэхэ. Тянье каогу баогао, № 1, 1936, стр. 1—67, 25 илл.

² T o r i i R y u z o. Études archéologiques et ethnologiques. Populations primitives de la Mongolie Orientale. Journ. Coll. Sci. Univ. Tokyo, vol. XXXVI, art. 4, 1914, 100 p., 13 pls., 74 figs., map.

³ L i s e n t E. Les collections néolithiques du musée Hoang ho Pai ho de Tientsin. Publ. Musée Hoang ho Pai ho de Tientsin, № 14, 1932, 98 p., 57 pls., ill.

4—7 мм, серого цвета; г) серая керамика с черными прямыми параллельными линиями, нарисованными на белом фоне внутренней поверхности (1 фрагмент); д) керамика с орнаментом в виде вдавленных прямых параллельных линий на внешней или внутренней поверхности (3 фрагмента).

Стоянка Лянси¹ представляет собой ряд выдувов, глубиной 2—8 м, образовавшихся в песчаных холмах, которые часто были весьма значительных размеров. В холмах прослеживалось три слоя: нижний — желтого цвета, средний — черного (толщиной 1—2 м) и верхний. По мнению известного французского археолога Тейлар де Шардэна, нижний слой является отложением так называемого монгольского типа и относится к плейстоцену.

Культурные остатки встречаются только в среднем, черном слое. Здесь была заложена неглубокая траншея, в нижней части которой обнаружены обломок каменного грузила с отверстием посередине, шлифованные каменные молотки и наковальня, а в средней части крупный микролит с выемкой и черепок гладкой керамики серого цвета.

Находки указывают, что несовершенная техника обработки камня существовала в течение всего периода образования черного слоя, что керамика использовалась в одно время с микролитами, что техника шлифовки камня была известна на раннем этапе образования неолитического черного слоя.

Весь остальной материал обнаружен в выдувах, в местах, где черный слой, заключающий в себе (по мнению автора) остаток одного культурного периода, выходит на поверхность.

Собрано значительное количество керамики, которая вся, за малым исключением, изготовлена на гончарном круге и по характеру теста делится на тонкую, содержащую много песка, и грубую, содержащую слюду. Цвет керамики серый (с оттенками), черный, бурый, желтый, кирпичный. Орнамент весьма разнообразный (Лян Сы-юн насчитывает 10 типов орнаментации). Наиболее часто встречается тисненый, есть и веревочный, существование которого в этом районе Торри отрицает. Форма сосудов устанавливается с трудом, так как целых сосудов не найдено. Видимо, большинство сосудов имело короткое тулово и длинную шейку. Диаметр отверстия сосуда колеблется в пределах 11—60 мм; у большинства днища плоские, лишь изредка встречаются слегка вогнутые; диаметр сосудов 6—28 см.

Таким образом, обычным типом керамики из черного слоя является керамика чистого теста серого цвета (Лянси), украшенная оттисками, изготовленная на гончарном круге, плоскодонная, с отчетливо выраженными туловом и шейкой.

Каменные орудия, собранные в Лянси, изготовлены из различных пород, но чаще всего из кремня, затем из кристаллических и вулканических черных пород, из различных пород кварца и из известняка. При взгляде на эти каменные орудия прежде всего возникает мысль, что их размер жестко определяется размерами «сырья» — нуклеусов.

Все орудия оббиты, изредка по краям их встречается шлифовка. Микролиты составляют большинство орудий — 135 экз., из них 63 — нуклеусы. Размер нуклеусов колеблется между 7—41 мм, большинство имеет от 20 до 40 мм. Остальные 72 предмета — осколки небольших микролитов и каменные орудия. Из них только 21 оказался в целом виде. Это длинные и короткие пластинки, скребки, проколки, ретушеры, остроконечники.

Следующую большую группу каменных орудий составляют орудия и заготовки не микролитического характера — скребки, ретушеры, ножи, резцы. Ряд орудий сделан из нуклеусов — отбойники, топоры. Некоторые предметы, как, например, ступки, пестики, каменные тарелки, грузила, обработаны методом точечной ретуши. Шлифованные каменные изделия ограничиваются 4 экз. Это топор прямоугольный в сечении, плоский, с неровными боковыми сторонами и сработанным рабочим краем; его размеры

¹ Korben-Maragha по Торри.

77×32×13 мм. При сравнении с европейскими топорами его плоские боковые стенки и прямоугольное сечение заставляют отнести его к концу неолита. Однако подобные топоры не известны в позднем неолите Китая (Яншао, Чэнцзый). Остальные три шлифованных предмета являются обломками, вероятно украшений.

Подытоживая сказанное о каменных орудиях Линси, Лян Сы-юн замечает: 1) техника обработки камня ограничивается сколом, отжимом и точечной ретушью, шлифовка является исключением; 2) техника отжимной ретуши не получила широкого развития и встречается не на всей поверхности орудия, а только по краям; 3) в качестве материала для изготовления орудий служили сколы с нуклеуса, сам нуклеус редко обрабатывался в орудии; 4) микролиты встречаются как большие, так и маленькие; 5) имеется большое количество ретушеров; 6) особенно многочисленны орудия, изготовленные при помощи точечной ретуши.

Лян Сы-юн считает, что стоянка Линси была обитаема без перерыва в течение долгого времени, на что указывает большое количество керамики и каменных орудий. Население этой стоянки занималось земледелием; об этом, по мнению Лян Сы-юна, говорит значительный процент каменных тарелок, пестиков, мотыг. Вместе с тем большое количество микролитов свидетельствует, что охота и собирательство еще играли в хозяйстве большую роль. Характерным орнаментом керамики является сложное тиснение.

Керамика с веревочным орнаментом, прямоугольные ножи, орудия с полукруглым лезвием и каменные с ручками (топор, лопата), по мнению Лян Сы-юна, занесены с юга.

В Шуанцзине на лёссовом обрыве берега в 2—4-метровом слое черной земли найдено 6 черепков серого и коричневого цвета. Большинство из них изготовлено от руки и украшено рядом параллельных нарисованных линий. Один серый шлифованный черепок с отпечатками в виде параллельных линий напоминает керамику Чабугани. Встречено несколько осколков шлифованных каменных орудий.

В Чэнцзыинцзы в обнажении черного слоя обнаружено несколько черепков, близких к шуанцзинским и красной нераскрашенной керамике Яншао.

Севернее Чифэна в обширных выдувах в черном слое, находящемся над плейстоценовым лёссом, обнаружена керамика серого цвета, в большинстве своем тонкая, изготовленная на гончарном круге.

Орнаменты разнообразные: тисненый (как в Линси), лепной (как в Чабугане), веревочный (как в Чэнцзые и Сяотуне) и др. Каменный инвентарь ограничивается 4 предметами.

Восточнее Чифэна в аналогичных условиях сделаны находки, отличающиеся от только что упомянутых лишь большим количеством каменных орудий (7 экз.). Это слегка подретушированные пластины (3 экз.), скребок, плоский топор с округленным лезвием, отбойник, обработанный точечной ретушью, и осколок неизвестного шлифованного орудия.

Лян Сы-юн полагает, что культура Чифэна еще недостаточно ясна. Обращают на себя внимание ножки трипода типа *ли* и крашенная керамика типа Яншао, изредка находимые в этом месте.

В заключение Лян Сы-юн отмечает, что неолитическая культура севернее Великой китайской стены на востоке доходит до Маньчжурии и на западе до Синьцзяна. Материал из пустыни Гоби и окружающих районов содержит оббитые орудия, очень похожие на орудия из Жэхэ. Лян Сы-юн подтверждает теорию о наличии в области Жэхэ—Маньчжурия двух культурных районов: 1) Жэхэ к северу от р. Силяо и Маньчжурия к северу от р. Сунгари; здесь обнаружены оббитые каменные орудия и керамика с тисненым орнаментом (немногочисленная в Жэхэ); 2) р. Ляохэ, где имеются шлифованные орудия. Однако несмотря на то, что обе «культуры» обнаружены в одном месте — на р. Лаохаэ, их хронологическая связь неясна. Поздненеолитические находки близки к находкам крашеной и веревочной керамики южнее Великой китайской стены.

Выше уже сказано о некоторых ученых, производивших свои исследования в Жэхэ и в Маньчжурии. Но, во-первых, их исследования относятся в основном к 1900—1920 гг. и сводятся главным образом к осмотру памятников и сбору подъемного материала; во-вторых, уже с 20-х годов этот район делается сначала вотчиной северных милитаристов, потом объектом японской агрессии. Последние обстоятельства задержали изучение этого района, культура которого особенно интересна ввиду относительной близости его к южной Сибири.

Совсем иначе обстоит дело с Северным и Центральным Китаем — его история известна значительно лучше. Наиболее разработана культура эпохи позднего неолита и энеолита, представленная в этой области памятниками Луншаня и Яншао и стоянками этого периода.

Вопросу анализа соотношений культур Яншао и Луншаня посвящена статья Лю Яо.¹ Автор, указывая, что раскопки памятников позднего неолита в Китае до 1937 г. проводились в 21 пункте, дает краткую справку о всех раскопках, начиная с 1921 г. Он приводит основные выводы, подтверждающие или же опровергающие точку зрения о связи этих культур.

В 1921 г. в результате раскопок в Шаготуне (Мукденская провинция), проведенных Андерсоном, были обнаружены остатки неолита. Тогда же была открыта стоянка Яншао в Хэнани. В 1926 г. археолог Ли Цзи в Синьдуне (уезд Сясян провинции Шаньси) открыл неолитическую стоянку периода Яншао. В 1928 г. Ли Цзи и Дун Цзо-бинь начали проводить раскопки стоянки Сяотунь на Иньских холмах, где ими встречены культурные остатки как периода Сяотуня (иньское время), так и периода Яншао.

В 1930 г. Ли Цзи, Дун Цзо-бинь и У Цзинь-дин открыли стоянку Чэндзый близ дер. Луншань (уезд Личэн провинции Шаньдун). В 1931 г. Лян Сы-юн вел раскопки в Хоугане (уезд Аньян провинции Хэнань), на основе которых установил связь культур Сяотуня, Луншаня и Яншао. В том же году в окрестностях дер. Цзиньцунь близ Пекина были найдены культурные остатки неолита периода Яншао.

В 1932 г. У Цзинь-дин при раскопках в Гаоцзинтайцзы (уезд Аньян провинции Хэнань) установил связь культур Луншаня и Яншао. Тогда же аналогичная связь была определена археологом Лю Яо при раскопках у дер. Синьцунь (уезд Сюньсян) и у станции Далайдянь (провинция Хэнань). Кроме того, связь обеих культур была выявлена в 1933 г. археологами Ши Чжан-жу и Ван Сяном на основе раскопок в районе Лючжуаня (уезд Сюньсян провинции Хэнань), в 1934—1935 гг. — Лян Сы-юном на материалах раскопок в районе Туилэсае (провинция Хэнань), в том же году — археологом Го Бао-цунем по культурным остаткам в Цинтае (западная часть провинции Хэнань) и археологом Сюй Бин-чаном по остаткам культуры Яншао в уезде Баоцзисян (провинция Шэньси). В 1936 г. археологи Лян Сы-юн, Ци Янь-пэй и Лю Яо проводили раскопки в районе Ляньчэнчжэня (уезд Шичжаосян провинции Шаньдун), где они нашли, кроме остатков культуры Луншаня, следы более поздних и более ранних культур.

В этом же году Ли Цзин-дань провел раскопки в уезде Юнчэн (провинция Хэнань), в местонахождениях Цзаолютай и Хэшудуй, где обнаружил остатки культуры Луншаня.

Лю Яо отмечает, что вопрос о связи культур Луншаня и Яншао приобрел большое значение. Материала по нему собрано было немало. На основе раскопок в Хоугане, Гаоцзинтайцзы, Далайдяне, Лючжуане и Туилэсае автор дает таблицу² расположения слоев, из которой видно, что в Хоугане и Туилэсае верхний слой содержит остатки культуры Сяотуня, средний — Луншаня, нижний — Яншао. В Гаоцзинтайцзы и

¹ Лю Яо. Анализ культур Яншао и Луншань. Чжунго каогу сюэбао, № 2, 1947, стр. 251—282, 1 карта, 3 табл.

² Там же, стр. 256.

Далайдяне верхний слой содержал остатки культур позднее Сяотуня, средний — остатки культуры Луншаня, нижний — Яншао. В Лючжуане верхний слой не имел культурных остатков, а в среднем и нижнем слоях были такие же остатки, как и в предыдущих местонахождениях.

Приведя многочисленные материалы, Лю Яо, однако, не склонен считать, что вопрос о характере связи культур Яншао и Луншаня решен окончательно. В своей статье он пишет: «Относительно проблемы связи культур Луншаня и Яншао не все еще ясно, и будущий, более значительный материал должен ответить на вопросы: 1) был ли ранний период Луншаня поздним периодом Яншао? 2) была ли культура Луншаня совершенно новой культурой или она испытала влияние Яншао?»¹

В этой же статье Лю Яо подвергает критике мнение Андерсона о том, что культура Цинзяпин древнее Яншао из Ганьсу, и на большом материале доказывает неправильность такого вывода.

Следующая статья — о раскопках в восточной Хэнани — посвящена тому же хронологическому периоду. Она принадлежит археологу Ли Цзин-даню и написана им в декабре 1937 г. в Чанша, но опубликована после его смерти.²

При проведении раскопок ставилась задача — выяснить, какие еще культуры кроме Яншао и Луншаня³ унаследовали иньцы.

Возвышенность Цзаолуйтай непосредственно примыкает к южным воротам уездного центра Цзуаньсянчэн. Высота ее 7 м, окружность около 400 м. На этой возвышенности было заложено 12 раскопов общей площадью 154 кв. м. Поверхностный слой содержал остатки расписной керамики и фарфора. Ниже шел слой плотной серой земли, затем — темносерый и серо-черный слой. Остатки периода Луншань находились и в твердом слое, но преимущественно в темносером. В раскопах №№ 1, 2, 4, 6, 7, 10 и 12 культурные остатки периода Луншань были обнаружены на высоте 2.3 м от подножья возвышенности. Наиболее обильный культурнымп остатками темносерый слой лежал на высоте 1.5 м.⁴ Слой, лишенный культурных остатков, располагался на высоте 0.9 м.

В раскопах № 5 и № 9 фрагментов черной керамики не обнаружено. В раскопе № 11 были перемешаны керамика черного и серого цветов и фарфор. В южной части раскопа № 6 на глубинах 0.2 м и 1.8—2.25 м найдено большое количество раковин и изделий из костей и раковин. Здесь также обнаружено более 10 типов керамики: треножники, в том числе сосуд типа *дин* с мелким веревочным орнаментом, изготовленный на гончарном круге (раскоп № 10 на глубине 2.9 м); сосуды, орнаментированные квадратами, и половина трипода *дин* ручной выработки (раскоп № 1); сосуд типа *ли*, коричневого цвета, с грубым веревочным орнаментом (раскоп № 12); горшок типа *янь*, т. е. двойной (раскоп № 6); здесь же был найден треножник наподобие бокала с ручкой типа *ли*.

Плоскодонная керамика в раскопах представлена почти целыми лощеными сосудами черного или серого цвета, в виде плошек типа *доу*, чаш, кувшинов, бокалов. Встречены 6 целых прясел и 37 различных приспособлений для рыбной ловли, например всевозможные грузила из глины для сетей.⁵ Найден штамп для нанесения орнамента на глиняные сосуды. Различных фрагментов сосудов и керамических изделий оказалось 7481, из них очень много лощеных темносерого и черного цвета и небольшое количество красного и желтого цвета, также лощеных. Большинство сосудов (80%) было изготовлено из глины без примесей, меньшая часть (15%) —

¹ Там же, стр. 282.

² Ли и Цзин-дань. Обследование районов Шаньцю и Юнчэн в восточной Хэнани, а также небольшие раскопки в Цзаолуйтай, Хэгудуй и Цаоцяо. Чжунго кауго сюэбао, № 2, 1947, стр. 83—120, 1 карта, 7 табл.

³ Там же, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 95, 96.

⁵ Там же, стр. 104.

из глины с песком; 65% керамики было сделано на гончарном круге; 57% орнаментировано.¹

Каменные изделия были представлены 34 видами. Среди них оказались: 31 топор с хорошей шлифовкой, 2 тесла, скребок, 5 ножей (один с отверстием), 2 наконечника для стрел, зернотерки, ступы, пестики. Роговые и костяные изделия имелись в виде наконечников стрел и копий, гарпунов, топоров и проколов; попадались орудия из клыков кабана. Из-за отсутствия в районе раскопок пригодных для изготовления орудий горных пород, последние (яшма, песчаник) доставлялись издалека.²

Наряду с этим в раскопе № 5 был найден фрагмент обожженного щитка черепахи, на верхней стороне которого процарапано несколько линий. По словам Ли Цзиндана, «несомненно, что это свидетельствует об использовании панцыря черепахи для гадательных целей».³ Автор пишет, что данная находка попала в этот слой извне.

Местонахождение Хэгудуй расположено северо-западнее Ванлоу, у шоссе из уездного центра в Линсинцзи, в 1.2 км на северо-восток от р. Гуйхэ.

Так же как и в Цзаолюйтай, здесь найдены сосуды типов *дин*, *ли* и *янь*, плошки, чаши, каменные орудия, костяные и роговые изделия (проколки, шила, иглы, наконечники, пестик из рога оленя и шило), ножи из раковин.⁴

Местонахождение Цаоцяо расположено в полкилометре от Синьцяоцзи, которое находится на южном берегу Гуйхэ, в 11 км к югу от г. Юнчэн. Здесь было заложено четыре раскопа, которые дали фрагменты керамики серого цвета и несколько каменных изделий. Найденные в этих трех районах культурные остатки свидетельствуют, что в районах Цзаолюйтай и Хэгудуй керамика представлена в основном луншаньской, характеризующейся веревочным, линейным и квадратным орнаментом, триподами типа *дин* как с изображением на ножках «лица демона», так и без него, горшками типа *янь* и другими сосудами, но обязательно лощеными, черного цвета.⁵ Керамика Луншань, найденная в Шоусяне (провинция Аньхой), а также в последнее время в провинции Чжэцзян, свидетельствует о распространении этой культуры на юг по р. Хуайхэ. Район р. Хуайхэ на юго-востоке провинции Хэнань и район северо-западнее провинции Аньхой, по мнению автора, важны тем, что более детальное изучение их сможет дать ответ о предшественниках культуры Инь-Шан.

С ноября по декабрь 1934 г. в уезде Шоусян провинции Аньхой археолог Ван Сян вместе с археологом Ли Цзинданем проводил археологическую разведку.⁶ Ими обнаружено 12 мест, содержащих культурные остатки периода Луншань, в основном концентрирующиеся вокруг оз. Вафу. Отмечено полное отсутствие предметов типа Яншао.⁷ Найдены расписная керамика, частью серого цвета, периода Сяотунь и черная керамика с линейным и квадратным орнаментом; здесь же обнаружены шлифованные каменные орудия периода Луншань. Были сделаны следующие находки.⁸

В местонахождении Вэйцзяинцзы, на восточном берегу реки, впадающей в оз. Вафу, найдены треножники типа *ли*, плошки, орнаментированные накладками и выемками, относящиеся к периоду Сяотунь, фрагменты треножников типа *дин* и маленьких бокалов черного цвета с квадратным и линейным орнаментом, относящихся к периоду Луншань. Из каменных изделий были найдены нож и точило. Здесь же оказались оленьи рога.

В местонахождении Пэнцзяинцзы, северо-восточнее оз. Вафу, на холме высотой 5 м встречены аналогичные фрагменты керамики типов Сяотуня и Луншаня (25 экз.). К последнему типу относятся также цилиндрические чарки и горшки типа *янь*.

¹ Ли Цзиндань, указ. соч., стр. 105.

² Там же, стр. 105—113.

³ Там же, стр. 118.

⁴ Там же, стр. 116, 117.

⁵ Там же, стр. 119.

⁶ Ван Сян. Доклад об обследовании первобытных памятников уезда Шоусян пров. Аньхой. Чжунго каогу сюэбао, № 2, 1947, стр. 179—250.

⁷ Там же, стр. 180.

⁸ Там же, стр. 248.

В Гучэнцзы, восточнее оз. Вафу, в Цзянхуанчэне и Чжанлочэне, юго-западнее озера, в Любэйчэне, на восточном берегу р. Вайхэ, и в Чжанфэйтай, северо-западнее г. Любэйчэна, были обнаружены фрагменты керамики указанных выше типов и периодов.

В Таоцзясэ, западнее оз. Вафу, в Цзиньцзямяотаньцзы на равнине того же названия и в Цзюлюцяо, кроме указанных типов керамики, найдены фрагменты каменных орудий и изделий из камня (топоры, тесла, ножи, жернова и др.).

В местонахождении Доудзичэн, на восточном берегу р. Хуайхэ, на холме высотой 6 м был обнаружен, помимо описанных выше обломков керамики и сосудов, интересный фрагмент ножки трипода, изготовленного из мелкого серо-желтого песчаника. Симметричные округлые выемки с центральным бугорком придавали этому фрагменту вид «лица демона».¹

В местонахождении Лилиньцзы, северо-восточнее оз. Вафу, кроме остатков керамики периодов Сяотунь и Луншань, найдены два каменных орудия. Одно из них представляет собой остатки несколько изогнутого каменного ножа, длиной около 27 см, тщательно отшлифованного и сделанного из песчаника.²

Из всех 12 местонахождений только одно Цзиньцзямяотаньцзы расположено на равнине, остальные же — на холмах и в непосредственной близости от воды. По мнению Ван Сяна, наличие в культурном слое большого количества раковин свидетельствует о значении речного и озерного промысла для древних обитателей этих мест,³ а присутствие оленьих рогов говорит об охоте.

Вследствие неясной стратиграфии Ван Сян не определяет относительной хронологии этих памятников, но отмечает, что связь между ними имеется.⁴

Таким образом, исследования 1930-х годов доставили много новых данных, свидетельствующих о взаимной связи культур Яншао и Луншаня в Центральном Китае, а также культур Луншаня и Сяотуня.

По тематике тесно связана с предыдущими работами статья Ся Ная,⁵ в которой хронологическая последовательность периодов Цзицзя и Яншао рассматривается на основе материала из погребения Янванан.

Могильник Янванан, находящийся в уезде Ниндинь провинции Ганьсу, впервые начали раскапывать в 1945 г. Он не только дал новый материал для изучения погребальных обычаев и для антропологической характеристики носителей этой культуры, но и сыграл весьма значительную роль в деле датировки ряда культур. Здесь были раскопаны две могилы. Первая представляет собой яму размером 70×200×140 см. Костяк лежал на спине, головой почти прямо на север. Небольшой, с одной стороны заостренный костяной стержень был найден справа от скелета; назначение его не известно. Ся Най полагает, что стержень мог служить вместо шпильки или его вставляли в мочку уха. У ног находились 5 сосудов: кувшин с ручкой и амфора — справа, 2 кувшина с ручкой и грубый горшок — слева.

Второе погребение отстоит от первого менее чем на метр. Форма ямы и положение костяка те же, что и в предыдущем случае. У ног такие же сосуды; среди них грубая урна с веревочным орнаментом и костяное шило между левой рукой и грудной клеткой. Если сравнить эти находки с найденными Андерсоном в Цзицзя, то станет очевидным, что второе погребение относится к той же культуре, что и Цзицзя.

Во второй могиле, помимо вышеперечисленных вещей, найдены два осколка крашеной керамики, один на глубине 140 см, т. е. на одном уровне со скелетом, другой на глубине 120 см, выше таза скелета. Они ранее лежали в нижнем непотревоженном слое, а затем были выброшены еще до погребения двух представителей культуры

¹ Там же, стр. 236, 237.

² Там же, стр. 240, 241.

³ Там же, стр. 249.

⁴ Там же, стр. 250.

⁵ Ся Н а й. Новые открытия могил периода Цзицзя и исправление хронологии других культур. Чжунго каогу сюэбао, № 3, 1948, стр. 100—117, 7 рис.

Цзицзя. Этим объясняется многое. Как уже было упомянуто, Андерсон до сих пор продолжает считать, что культура Цзицзя более ранняя, чем культура Яншао в Ганьсу. Однако данные стратиграфии, как это явствует из погребения Янван, свидетельствуют о противоположном.

Что касается абсолютной хронологии культуры Цзицзя, то здесь многое неясно. Вначале Андерсон относил ее к 3000—2500 г. до н. э., но когда Менгин, сравнивая керамику Цзицзя с поздней неолитической керамикой северных районов Евразии, пришел к выводу, что Цзицзя не может быть старше II тысячелетия до н. э., Андерсон изменил свою схему и для культуры Цзицзя установил следующие хронологические границы: 2200—1700 г. до н. э.

Однако в результате работ Китайской академии наук в Ганьсу было установлено, что между слоем Яншао и слоем Шан-инь (1766 г. до н. э.) имеется напластование слоя Луншаня, а культура Луншаня относится к неолиту. Последняя же датировка Андерсона для культур Яншао игнорирует Луншань. Культура Яншао в Ганьсу может быть много старше шан-иньского периода. Этот-то разрыв и заполняет культура Луншаня. Есть основания считать, что культура Цзицзя в Ганьсу не может быть много моложе II тысячелетия до н. э., а возможно, даже старше.

И, наконец, специально связям между позднелиолитическими и энеолитическими культурами Хоуганя, Луншаня, Яншао и их хронологической последовательности посвящены статьи Лю Яо о стоянке в Далайдяне и У Цзинь-дина о стоянке в Гаоцзин-тайцзы.

Многослойный памятник у Далайдяня в провинции Хэнань занимает площадь 120 000 кв. м. Он привлек к себе внимание китайских археологов находками подземного материала в виде белой и серой керамики, черной типа Луншаня, красной и крашеной Яншао. В мае 1932 г. Лю Яо¹ вместе с У Цзинь-дином и Ван Сяном в течение 17 дней вели раскопки на этом участке. Весь район был поделен на три участка: восточный, центральный и западный, и на восточном и западном участках было заложено большое количество шурфов и траншей.

Стратиграфия и характер находок на восточном и западном участках не одинаковы. На восточном участке под слоем дерна и пахоты толщиной до 40 см залегает слой желто-серой земли (толщина около 150 см), в котором оказались обломки сосудов с веревочным орнаментом и современная керамика — все серого цвета. Ниже идет слой серой и темносерой земли (толщина до 150 см), в котором встречаются кувшины с ушками и крышками, все черные и полированные луншаньского типа, костяные проколки, раковинные ножи. Еще ниже в слое клейкой земли бурого цвета обнаружены горшки, сосуды типа дин, широкогорлые кувшины красного цвета яншаоского типа. На западном, более низком участке, под пахотой (толщина до 40 см) лежит размытый водами р. Ци слой (толщина до 60 см), содержащий в перемешанном состоянии находки луншаньского и яншаоского типов. Ниже параллельно идут два слоя — темносерый и красно-бурый (толщина до 1 м), разделенные тонкой прослойкой лёсса. В красно-буром слое обнаружены осколки керамики яншаоского типа и грубо отшлифованные каменные орудия; в сером слое встречаются осколки керамики луншаньского типа и плохо отшлифованные каменные орудия.

Основываясь на распределении находок и на факте перемещения русла р. Ци, Лю Яо полагает, что когда носители крашеной (яншаоской) керамики поселились на западном участке, русло реки проходило гораздо западнее. После их ухода и до появления носителей серой (луншаньской) керамики русло реки передвинулось к востоку, а вслед за этим стал интенсивнее заселяться восточный участок стоянки. Таким образом, Лю Яо устанавливает следующую стратиграфию: верхний слой с серой керамикой, средний с черной керамикой, нижний с крашеной керамикой.

В нижнем слое не встречено остатков жилищ, но найдены глыбы пережженной, вероятно очажной, земли. Обнаружены осколки крашеной керамики с орнаментом,

¹ Лю Яо. Первобытная стоянка в Далайдяне, в уезде Сюньсян, в пров. Хэнань. Тянье каогу баогао, № 1, 1936, стр. 69—89, 9 табл., 18 рис.

похожим на орнамент керамики из Хоуганя, осколки триподов (*динов*) и целая чашка. Помимо этого, найдено 12 каменных предметов из известняка и литографского камня. Все предметы едва отшлифованы, три из них выделяются своими размерами (19×20××2.5 см), один из них имеет оббитый рабочий край, остальные напоминают лезвия топоров.

В среднем слое оказались две бело-серые площадки. Одна из них наиболее интересна: она круглой формы (диаметр 440 см) с пятном черного цвета (диаметр 1 м), расположенным почти в центре. В профиле — это яма, имеющая форму котла. Скорее всего это место для очага. Никаких находок ни на площадке, ни в яме не сделано.

Кроме того, на глубине 1.9 м обнаружена яма вытянутой формы, размером 1.70××0.20 м, глубиной 1 м, которую Лю Яо предположительно считает местом для хранения урожая.

В среднем слое найдены осколки триподов (*дина* и плоскодонного *ли*), кувшинов и мисок, а также ваза и прясло. Цвет керамики черный, блестящий. Выделяется веревочный орнамент (на плоскодонных сосудах типа *ли*) и орнамент в виде плетенки (на кувшинах). Каменные орудия встречены в количестве 15 экз., из них 9 из литографского камня и известняка, остальные из вулканических пород, все отшлифованы (4 топора, нож, пластина с отверстием и др.). Помимо этого, найдены орудия из кости и рога (пилы, проколки, ножи, похожие на хоуганьские), гадательная кость архаического типа, ножи из раковин с отверстием и без них.

В верхнем слое обнаружены немногочисленные черепки серой керамики с грубым веревочным орнаментом и осколки сосудов типа *доу*, похожие на *доу* из верхнего слоя Луншаня. Культура, к которой принадлежит этот слой, по Лю Яо, относится к более позднему времени, чем культура Сяотуня.

Лю Яо подчеркивает особое место Далайдяня в системе неолитических памятников Китая. Открытие в Хоугане трехслойной стоянки с находками типов Сяотуня, Луншаня, Яншао позволило впервые установить хронологическую связь между этими тремя группами памятников. Находки в Хоуцзячжуане (северо-западнее Аньяня) подтвердили выводы, сделанные в Хоугане. Стоянка в Далайдяне принадлежит к этой же группе трехслойных памятников. Однако в Далайдяне нет слоя с белой керамикой типа Сяотуня, который имеется в Хоугане, зато есть слой с серой керамикой (верхний слой Хоуцзячжуаня). Все эти обстоятельства позволяют Лю Яо сделать новые выводы и уточнить старые.

Крашенная керамика из Далайдяня очень похожа на таковую же из Хоуганя: те же типы орнамента, те же формы и типы сосудов; такое же сходство обнаруживают экземпляры черной керамики. Это подтверждает выводы, сделанные на основе материала из Хоуганя, что весьма важно, так как слои в Хоугане не четко разграничиваются. Сравнение материала из этих двух стоянок приводит к заключению, что культура красной керамики, не достигнув севера Хэнаня, распространилась по обоим берегам рек Сяншуй и Цишуй, где ее сменила культура черной керамики.

Дополнительные находки в этом районе у Синьцуня (серая керамика с бронзой), у Мачжуаня (крашенная керамика, более сложная, чем в Далайдяне) позволили Лю Яо наметить основные этапы культурного развития в бассейне рек Сяншуй и Цишуй:

I. неолит: 1) культура крашеной керамики Далайдяня, одинаковая с хоуганьской; 2) культура крашеной керамики Лючжуаня, условно сближаемая с периодом Синьдяня (Ганьсу); 3) культура черной керамики Далайдяня и Синьцуня, условно отождествляемая с поздним Луншанем.

II. Энеолит (условно). Культура серой керамики из Синьцуня, близкая культуре Сяотуня (Аньян).

III. Бронза. Погребения эпохи бронзы в Синьцуне (период Восточного Чжоу).

Сведения еще об одном многослойном памятнике в уезде Аньян (провинция Хэнань) содержатся в статье У Цзинь-дина.¹ Стоянка в Гаоцзинтайцзы содержит кера-

¹ У Ц з и н ь - д и н. Относительно трех типов производства керамики из стоянки в Гаоцзинтайцзы. Тянье каогу баогао, № 1, 1936, стр. 201—211, 4 табл.

мику трех родов: серую (позднюю), черную (среднюю) и кирпично-красную (раннюю). Эта стоянка входит в число таких памятников Хэнани, как Хоугань, Далайдянь и др., которые простираются до северных районов Хэнани.

Наиболее древняя, кирпично-красного цвета керамика типа Яншао (Хэнань) доходит на востоке до Печилийского залива, на западе — до Циньхай. Все находки этой керамики на этом пространстве Андерсон относит только к культуре Яншао. Однако У Цзинь-дин высказывает справедливые сомнения в правомерности отождествления находок из района Циньхай—Ганьсу с находками из района Шаньдун—Хэнань, базируясь только на факте наличия кирпично-красной керамики, тем более что красный цвет керамики находится в прямой зависимости от обжига. Это видно и на материале Гаоцзинтайцзы.

Тщательное изучение красной керамики позволило установить, что полировка производилась либо в сыром состоянии — рукой или твердым и гладким предметом, либо в полусухом, что орнамент наносился на сырую поверхность сосуда, а краска на сухую или полусухую и т. д. Различие в обработке было тесно связано с назначением сосудов: в сосудах с одинаково хорошо отшлифованными внутренними и внешними поверхностями содержались ценные жидкости, сосуды с одной внешней полированной поверхностью служили для воды, сосуды с одной внутренней полированной поверхностью — для пищи, без полировки — для хранения зерна. По типу красная керамика распадается на две группы: 1) тонкая, из глины без примеси и 2) грубая, из глины с песком и ракушками. Наиболее часто встречающиеся формы сосудов — это чашка со стенками толщиной 2—6 мм и таз со стенками толщиной 3—9 мм.

Черная керамика из Гаоцзинтайцзы несколько отличается от черной керамики Луншаня. На данной стоянке слой с этой керамикой либо находится под слоем красной керамики, либо непосредственно под лёссом. Орнамент слагается из ряда входящих друг в друга кругов и параллельных линий. Тесто черной керамики характеризуется большим содержанием песка, а поэтому стенки сосудов толще (4—12 мм) и часто с трещинами, зато техника изготовления улучшилась и стала сложнее, форма сосуда стала более разнообразной. Только очень маленькие сосуды продолжают изготавливаться от руки.

Серая керамика из верхнего слоя содержит большой процент песка в тесте. Толщина стенок 3—9 мм. Техника формовки достигает расцвета. Сосуды большие, разнообразной формы, с шнуровым орнаментом. Однако техника изготовления керамики еще не дошла до использования гончарного круга, а лишь ограничивалась применением вращающейся подставки.

Красная керамика Гаоцзинтайцзы примерно синхронна с красной керамикой Хоуганя, но черная керамика более ранняя, чем хоуганьская, так как последняя изготовлена на гончарном круге. Серая керамика встречается здесь двух родов: тонкая и грубая. Первая по технике изготовления похожа на пиньскую типа Сяотуня. Последняя, наиболее многочисленная, встречается в одном слое с триподом *доу*. Керамика со шнуровым орнаментом и типа *доу* обнаруживает сходство с находками слоя Луншаня, что, по У Цзинь-дину, соответствует VIII—V вв. до н. э.

Эпоха ранней бронзы слабо представлена на страницах сборников. В то же время пиньской бронзе в них уделено чрезвычайно большое внимание. Этому периоду истории Китая посвящен ряд больших и интересных статей. Интерес китайских ученых к этому времени объясняется тем, что именно к нему относится появление первого крупного государственного образования на территории Китая — государства Шан-Инь (XVIII—XII вв. до н. э.). Не случайно, что именно раскопки Иньской стоянки (район Аньян в провинции Хэнань) были первыми крупными раскопками в Китае. Они начались в 1928 г., причем проводились исключительно китайскими учеными. Эти раскопки стали национальным делом китайских научных организаций, в первую очередь — Китайской Академии Наук.

Одному из интереснейших вопросов китайской археологии — типологии поздней иньской бронзы — посвящена большая статья Ли Цзи.¹ Статья основана на материале, полученном в результате более чем 15-летних исследований Сяотуня. По мнению Ли Цзи, раскопки подтвердили его предположение, что «до периода Инь-шан и после периода Яншао в бассейне Хуанхэ безусловно существовала своеобразная культура бронзы, сходная с ранним и средним периодом бронзы в Европе, просуществовавшая до конца периода Ся и Шан (по традиционной хронологии)».²

Бронзовые вещи из Сяотуня принадлежат к периоду Шан-Инь. Непосредственным материалом для статьи послужили 76 сосудов из бронзы, обнаруженные в десяти погребениях.

Кроме погребения М 329, характер которого неясен, остальные погребения могут быть охарактеризованы следующим образом. Два погребения (М 184 и М 066) были одиночными, костяки вытянуты, лежат ничком. Одно погребение (М 188) содержало два скорченных костяка — один лежал ничком, другой — навзничь. Остальные погребения коллективные. Из них три погребения (М 222, М 333 и М 388) содержали по три костяка, лежавших в различных положениях, и три погребения с пятью (М 238), шестью (М 331) и восемью (М 232) костяками, причем в первом и третьем случаях костяки лежали ничком, а во втором — на боку.

Между раскопанными погребениями и погребениями иньского периода устанавливается тесная связь, а именно: 1) целостность четырех погребений (М 329, М 232, М 333, М 066) нарушена ямами иньского времени (Н 295, Н 152, Н 306, Н 045), в которых обнаружены предметы из кости, черепаховые и костяные пластинки, бронзовые стрелы и др.; вещи из верхней части этих ям — позднее эпохи Шан-Инь: очевидно, погребения, через которые прошли эти ямы, относились к более раннему времени; 2) ряд предметов из погребений несомненно принадлежит иньскому времени; к ним относятся круглодонная керамическая чарка (*цзунь*) из могилы М 222, белая керамика, каменный топор из могилы М 388 и т. д.; 3) сходство в инвентаре между всеми десятью могилами и иного рода связи между ними приводят к мысли, что все они относятся к периоду Сяотунь (XIV—XII вв. до н. э.).

Переходя непосредственно к классификации бронзы, Ли Цзи особо подчеркивает необходимость выработки твердых критериев для типологического изучения бронзы и указывает, что отсутствие таких критериев и частое отступление от уже принятых в значительной степени обесценили работу японского археолога Умэхара Суэдзи.³ Сам Ли Цзи в основу своей классификации кладет принцип одинакового использования тех или иных сосудов, что конкретно сводится к следующему: все сосуды он делит по

	Непосло- донные	Плоскодон- ные	На круглой подставке	Триподы	На четырех ножках	Итого
Емкие керамические сосуды иньского пе- риода	(в абс. цифрах) 24 (в %) 7.92	115 37.96	120 39.60	40 13.20	4 1.32	303 100.00
Емкие бронзовые со- суды периода Сяо- тунь	(в абс. цифрах) 1 (в %) 1.31	2 2.62	34 44.74	36 47.38	3 3.95	76 100.00

¹ Ли Цзи. Заметки о бронзовых изделиях из Сяотуня. Чжунго каогу сюэбао, № 3, 1948, стр. 1—99, 19 табл., 15 рис.; № 4, 1949, стр. 1—69, 15 табл., 39 рис. (статья не окончена).

² Там же, № 3, стр. 1.

³ Там же, стр. 5.

форме дна. Исходя из этого, он выделяет сосуды плоскодонные, остродонные, выпуклодонные, сосуды на круглой подставке, триподы, сосуды на четырех ножках и т. д. Внутри этих больших групп сосуды подразделяются по величине, сравнительным размерам тулова, шейки и пр., а уже внутри подгрупп они располагаются по наличию или отсутствию ручек, ушков, носиков и т. п.

Ли Цзи приводит таблицу (см. стр. 441) соотношения форм керамических и бронзовых сосудов в Аньяне.

Корни происхождения триподов, по мнению автора, уходят в глубокую древность. Известно, что в позднем неолите керамические триподы были широко распространены в Северном Китае и особенно высокого развития достигли в шан-иньскую эпоху. Формы этого периода поражают своим разнообразием (триподы иньского периода делятся на 21 тип и 40 подтипов).

Бронзовые триподы на раннем этапе своего развития безусловно тесно связаны с керамическими, но дают несколько меньше разнообразных форм. Вместе с тем бронза Сяотуня не является простым подражанием формам иньской керамики. Для изучения форм бронзовых триподов и установления их связей с керамическими особый интерес представляют формы ножек и днищ. По форме ножек бронзовые триподы из Сяотуня распадаются на 5 групп: конусообразные, цилиндрические, изогнутые в виде рога, удлиненно-пирамидальные и покатые (треугольные в сечении). Помимо того, все виды ножек делятся на сплошные и полые. Аналогия этим формам среди керамических триподов находится лишь для триподов с конусообразными ножками.

Ли Цзи подробно рассматривает бронзовые триподы (36 экз.) и разбивает их по формам, используя употребительные в китайской археологии термины: котел (*дин*, 7 экз.), бокал (*цзя*, 11 экз.), кубок (*цзюэ*, 15 экз.), высокий котел (*янь*, 1 экз.), чайник (*хэ*, 2 экз.), объясняет происхождение тех или иных форм и их разновидности, отыскивает им аналогии среди керамических триподов. Его выводы относительно триподов вкратце сводятся к следующему. Большинство бронзовых триподов имеет себе аналогии среди керамических. Сопоставляя те и другие, можно видеть, что наиболее архаичным типом триподов (*дин*) являются бронзовые с конусообразными полыми ножками, восходящие к ранним плоскодонным сосудам типа *ли* с полыми бурдюкообразными ножками. Обнаруженная в Лянчэнчжэне керамика со сплошными конусообразными ножками, видимо, более поздняя по сравнению с триподами с полыми конусообразными ножками. Следующей по времени является керамика с цилиндрическими ножками на севере провинции Аньхой на стоянках с черной керамикой. Вся бронза этого типа имеет округлое дно. Появление изломанных доньев тесно связано с появлением сосудов типа *ли*. Из бронзовых *цзюэ* наиболее древними являются *цзюэ* со стержнем под носиком, восходящим к глиняному *цзюэ* с глиняной петелькой, обнаруженной среди черной керамики Лянчэнчжэня. Пирамидальные ножки (треугольные в сечении) бронзовых *цзя* развивались от полых до сплошных Т-образных.

Эта градация отчетливо видна на материале Сяотуня и Хоуцзячжуана. Ножки, изогнутые в виде рога, видимо, представляют собой вариант пирамидальных ножек. Наиболее ранним экземпляром керамики с полыми и доходящими до дна ножками являются глиняные плоскодонные сосуды *ли* из доиньского культурного слоя Далайдяня и Сяотуня. Бронзовые триподы *янь* своей верхней частью наиболее близки к керамическим триподам *янь* из Гаолисая, а нижней — к керамике из Лянчэнчжэна. К керамическим сосудам типа *хэ* из Лянчэнчжэна восходят и бронзовые *хэ* из Сяотуня.

В свете вышесказанного бесспорно наличие тесных связей между бронзой Сяотуня и черной керамикой. Люди, изготавливавшие бронзу Сяотуня, не только были хорошо знакомы с различными образцами черной керамики, но умели творчески использовать готовые образцы, не ограничиваясь простым подражанием им.

Другую большую группу бронзовых сосудов из Сяотуня составляют сосуды на круглой подставке (или поддоне). Их всего 34, и они довольно разнообразны по форме. В Сяотуне встречено 9 типов таких сосудов: миска (*пань*, 1 экз.), чаша (*цзунь*, 2 экз.), бокал (*ку*, 16 экз.), четырехугольная плоская (*и*, 2 экз.), широкая чаша (*бянь*, 1 экз.),

графин (*ю*, 2 экз.), кружка с крышкой (*чжи*, 1 экз.), сосуд для вина с узкой шейкой (*ху*, 1 экз.), горшок (*лоу*, 8 экз.). Бронза названных типов, кроме сосудов типа *и*, имеет аналогии, в большинстве случаев крайне близкие, среди соответствующей керамики иньского городища. Все они изготовлены по образцам сосудов черной керамики иньской столицы. Исключение составляют лишь сосуды типа *и* и отчасти типа *ю*, не имеющие ничего общего с известными формами черной керамики.

Таким образом, происхождение форм бронзы этой группы не одинаково по сравнению с происхождением триподов и разнообразие их форм значительно больше чем у триподов. Но в тех случаях, когда прослеживаются параллели, они настолько различны, что приходится говорить о прямом подражании либо бронзы керамике, либо керамике бронзе. Более вероятным Ли Цзи считает первый вариант. Глиняные поддоны присутствуют еще в доиньском слое культуры Сяотуня и связаны с черной керамикой. До сих пор сосуды с поддоном почти не встречаются в находках культуры крашеной керамики. В эпоху Инь использование поддона является обычной вещью. Он добавляется ко всем сосудам с округлым и плоским дном. В период между этапом черной керамики и шан-иньским временем искусство изготовления бронзы распространилось в Китае, и тогда, по мнению Ли Цзи, применение поддонов диктовалось больше модой, чем практической необходимостью. Были даже изобретены новые типы поддонов-подставок. Триподы же должны были подвергнуться большим изменениям, что совершенно естественно вытекало из развития более передовой техники бронзы. Так, округлые днища заменяются плоскими, появляются высокохудожественные украшения.

Плоскодонные бронзовые сосуды, такие, как большая плошка (*го*, 4 экз.) и высокий овальный сосуд с двумя ручками (*лэй*, 1 экз.), имеют аналогии среди глиняных сосудов Сяотуня. Единственным представителем округлодонных бронзовых сосудов Сяотуня служит черпак (*доу*, 1 экз.).

Четырехногие квадратные бронзовые сосуды являются какой-то разновидностью триподов. В Сяотуне они представлены бокалом (*цзе*, 1 экз.) и кубком (*цзюэ*, 1 экз.). Они весьма похожи на триподы, по имени которых и названы. Сосуды этой группы характеризуются наличием тулова, не округлого, как обычно, а угловатого, с двуслойными стенками. Впрочем эти черты присущи не только им. Появление этих форм следует датировать несколько более поздним периодом, нежели появление прочих типов. Аналогий среди глиняных сосудов им нет.

Погребальный инвентарь скорее всего синхронен захоронениям. Труднее ответить на вопрос: была ли эта бронза изготовлена специально для захоронения или ею пользовались и в быту? Ряд фактов и, в частности, то обстоятельство, что одни предметы носят следы огня, а другие — ремонта, заставляет предполагать, что бронза, по крайней мере часть ее, не является специально погребальным инвентарем.

Если присмотреться к распространению бронзовых сосудов в семи хорошо сохранившихся погребениях, то можно заметить некоторые интересные особенности. Так, например, трипод *цзюэ* и сосуд с поддоном *ку* находились в каждой могиле и, видимо, играли важную роль в погребальном обряде. Не менее чем в пяти могилах обнаружены триподы *дин*, *цзя* и сосуд с поддоном *лоу*.

Ли Цзи, тщательно анализируя все комбинации сосудов в различных могилах, приходит к некоторым выводам, имеющим для нас в данном случае второстепенное значение.

Вторая часть статьи Ли Цзи посвящена режущим и колющим предметам из бронзы. Ли Цзи делит их все на следующие большие группы: колющие предметы (иглы, шилья; 2 экз.), орудия с передней режущей частью (лопаты, топоры; 13 экз.), орудия с боковой режущей частью (ножи; 19 экз.), орудия обоюдоострые, в том числе крюкообразные (особые виды ножей — *кэ*, *куй*, *цзюэ*), колющие (пика) и наконечники стрел. Всего подвергнуто изучению 81 бронзовый предмет, не считая наконечников стрел (151 экз.). Шесть предметов не вошли в классификацию.

Ли Цзи детально описывает все типы, подтипы и разновидности этого рода бронзовых предметов, причем особое внимание уделяет ножам. Он выделяет один из наиболее архаичных ножей (экз. № 16). Рукоятка еще не выделилась и составляет с лезвием

нераздельное целое. В находках из Хоуцзячжуана есть и более архаичные образцы. Экземпляр № 16 отлит в односторонней форме. Общая линия развития этих ножей рисуется в следующем виде. Прототипом бронзовых ножей являются каменные изогнутые ножи с овальным сечением. Первые бронзовые экземпляры почти не имеют различимой границы между лезвием и ручкой, если не считать некоторого излома прямой линии спинки и лезвия ножа. Затем спинка ножа утолщается, а лезвие утончается, появляются вогнутость лезвия и выпуклость спинки. Граница между ручкой и клинком становится все более четкой, на конце ручки появляется сначала отверстие, потом кольцо, наконец, конец ручки украшается головой животного. Техника отливки в иньскую эпоху сделала большие успехи, она развилась от односторонней формовки через двустороннюю (этой техникой изготовлено большинство бронзовых ножей из Сяотуня) к внутренней формовке. Характер форм ножей и способ их изготовления указывают на то, что техника бронзы к иньскому периоду Сяотуня и Хоуцзячжуана имела уже длительную историю.

Детальный анализ бронзы из Сяотуня, который дает Ли Цзи, показывает тесную связь бронзовой культуры Сяотуня с поздненеолитической культурой бассейна Хуанхэ, проявляющуюся, как мы показали, в сходстве форм керамических и бронзовых триподов, каменных и бронзовых ножей.

Большая обстоятельная статья археолога Ши Чжан-жу о стратиграфии Сяотуня написана на основании данных, полученных в результате почти 10-летних раскопок иньских погребений в районе Аньяна в провинции Хэнань. Автор был участником этих раскопок, которые были начаты в октябре 1928 г. и продолжались до конца 1937 г. Всего за этот период было организовано 15 сезонов раскопок. Автор делит их на 5 периодов: 1) раскопки 1—3-го сезонов велись в основном на городище Сяотунь; 2) раскопки 4—6-го сезонов — район раскопок тот же; 3) раскопки 7—9-го сезонов частично проводились в провинции Шаньдун, а частично в провинции Хэнань на старых участках; 4) раскопки 10—12-го сезонов. В связи с обнаружением в период 8-го сезона в Хоугане костных остатков того же порядка, что и в слое Шан-Инь Сяотуня, было намечено расширить район раскопок с захватом местонахождения Хоуцзячжуан; 5) раскопки 13—15-го сезонов.

Отмечая, что материалы по раскопкам 1—7-го и 10—12-го сезонов либо уже были опубликованы, либо будут опубликованы в специальных отчетах, автор особо останавливается на результате находок при раскопках 8-го, 9-го, 13—15-го сезонов.

Во время 13-го сезона было сделано одно из важнейших открытий — обнаружено 3760 фрагментов панцирей черепах с надписями. Все раскопки дали ценный материал, характеризующий общественную жизнь иньцев. Однако заметим, что как раньше, так и в последние, уже послереволюционные годы исследования таких колоссальных по своим размерам археологических памятников, каким является городище Сяотунь, велись не совсем правильно — вместо вскрытия памятника широкими площадями раскопки велись узкими траншеями. Это замечание отнюдь не снимает огромной важности и ценности сделанных здесь открытий.

Раскопки иньских погребений, как отмечает Ши Чжан-жу, всякий раз приносили новые материалы, открывали новую страницу в истории древнего Китая. Так, в самом начале было установлено, что иньцы имели крупные поселения городского типа, высокую технику строительства, определенный погребальный обряд, общественные (по мнению многих, храмовые) постройки, различные строения господствующих классов. Раскопки 6-го и 7-го сезонов в районе E² дали возможность по сохранившимся остаткам строений и фундамента, установленных на утрамбованной земле, судить о технике строительства периода Шан-Инь.

¹ Ш и Ч ж а н - ж у. Важнейшие находки вблизи от иньских погребений с приложением заметок по стратиграфии городища Сяотунь. Чжунго каогу сюэбао, № 2, 1947, стр. 1—95, 14 табл.

² Районы раскопок в Сяотуне обозначены буквами от А до I.

Важной находкой в период последних раскопок явилось обнаружение наряду с остатками телег, наличие которых в период Шан-Инь (как замечает автор) уже никто не оспаривает, остатков боевых колесниц (*чэчжань*). Так, было обнаружено интересное захоронение,¹ состоящее из трех человеческих костяков (один лежал отдельно), четырех костяков лошади и большого количества всевозможного инвентаря исключительно военного характера: мечи, кинжалы, стрелы, копыя. Один комплект отличался богатой отделкой и материалом (нефрит, золото), два других, совершенно одинаковых, были проще. Эта находка при учете письменных данных в древних хрониках дает автору право утверждать, что в данном случае речь идет о боевой единице иньцев, которая состояла из боевой колесницы, четырех лошадей, трех воинов (один из которых имел двух оруженосцев) и трех комплектов оружия. Наличие четырех лошадей в захоронении опровергает мнение о том, что иньцы имели в упряжке тройку, а чжоусцы — четверку лошадей. Раскопки показали, что иньцы уже давно запрягали лошадей четверкой, из которых, судя по остаткам сбруи, две были коренными, а две пристяжными. Эта находка позволяет правильно толковать иероглиф, встречающийся в древних хрониках и имеющий смысл «четверки лошадей» в применении к иньскому периоду.

В научных кругах долго дискутировался вопрос о характере использования лошади иньцами. Большинство авторов склонялось к тому, что иньцы не использовали лошадь для верховой езды, а лишь в упряжке. Раскопки в основном дают погребения лошадей вместе с телегами и колесницами. Однако в районе С в могиле 164 был найден костяк всадника с богатым инвентарем и керамикой, костяк собаки и костяк лошади. Ши Чжан-жу пишет, что захоронение похоже на погребение воина «с боевым конем и охотничьим исом».² Проф. Дун Цзо-бинь обнаружил на костях и панцырях черепах надписи, говорящие о том же.

Большую ценность представляют обнаруженные во время раскопок участки утрамбованной земли со следами фундамента и столбов, говорящих о строительстве наземных сооружений. Этот тип техники строительства иньского периода (предварительная утрамбовка оснований) встречается и по сей день в окрестных районах.

Во время 13-го сезона были обнаружены совершенно ясные следы глубоких рвов, соединявших остатки сооружений городища Сяотунь, некогда обнесенного деревянными стенами. Рвы отличались от открытых здесь же канав, проходящих между бывшими здесь, вероятно, полями и служивших оросительными каналами. Рвы, судя по следам истлевшего дерева, были закрыты сверху, деревянные части обмазаны водонепроницаемой почвой, а все сооружение напоминало водопровод. Найденны также рвы, по которым шла вода, очищающая ассенизационные ямы у жилищ.

Из утвари и предметов украшения найдены керамические изделия, нефритовые и бронзовые украшения, большая часть которых имела искусную гравировку. Из бронзовой утвари встречены триподы типа *дин*, сосуды, чаши; есть и остатки керамики более ранних культур — Луншаня и Яншао.

В погребениях, а также в отдельных ямах попадались кости и панцыри черепах с надписями и без них, вероятно, по Ши Чжан-жу, имевшие культовый смысл. Их обнаружено огромное количество — 120 000; из них около 80 000 имеют надписи.

Давая стратиграфию района Сяотунь, Ши Чжун-жу в основном останавливается на вопросе о связи культуры Сяотуня или иньской культуры с культурой Луншаня и Яншао. Автор отмечает, что в районе Сяотуня найдено много остатков культуры Луншаня, причем в ряде мест погребения иньцев перерезают луншаньские слои. В районе D городища Сяотунь особенно хорошо заметна связь с Луншанем, здесь верхний слой иньский, а нижний — луншаньский. В ряде случаев под постройки эпохи Инь использованы пещеры и ямы эпохи Луншаня.

Культура Яншао обнаруживается в районах по р. Хуанхэ в местонахождениях Хоутань, Гаоцзинтайцзы и Тунлэсай, в которых за слоем Яншао идет слой Луншаня и

¹ Ши Чжан-жу, указ. соч., стр. 15.

² Там же, стр. 23.

далее слой Сяотуня. Эти краткие замечания дают автору право говорить о преемственной связи всех трех культур и о том, что иньцы являются наследниками носителей культур Яншао и Луншаня. Чтобы детально разобраться в этих вопросах, автор обращается с призывом продолжать широкие поиски в районе Аньяна.

Помимо статьи Ши Чжан-жу опубликовал заметку,¹ в которой он исправляет ошибки, допущенные при печатании текста статьи, и дает добавление. В последнем, анализируя погребальный инвентарь и ссылаясь на литературные источники (в частности на «Чжоули»), Ши Чжан-жу устанавливает три вида жертвоприношений, которые делались в эпоху Инь. В соответствии с литературными источниками считалось, что приносились в жертву лишь быки, бараны и свиньи. Однако в Сяотуне найдено 13 погребений собак. Учитывая, что найденные кабаньи клыки были просверлены для подвешивания и что было найдено 40 скелетов быков, 104 скелета баранов и 195 скелетов собак, Ши Чжан-жу пишет, что в династию Инь приносились в жертву быки, бараны и собаки.

Хронологически к статьям по периоду Инь примыкает посмертная публикация² Ци Янь-пэйя о коллекции бронзы, найденной на п-ове Шаньдун. Находки были сделаны в 1931 г. в уезде Ибу в местонахождении Субутунь. Сначала было обнаружено 8 предметов, затем еще 7. Все они хранятся в местном музее. Автору публикации, когда он приехал для наведения соответствующих справок, удалось выяснить условия находки этих предметов — на холмах близ дер. Субутуньцунь. Обнаружили их местные жители, которые утверждают, что в местонахождении предметов были участки утрамбованной земли, но этих участков Ци Янь-пэй не увидел. Однако, проведя ряд вскрытий в месте нахождения предметов, он определил, что они были связаны с захоронением. Согласно материалу, обнаруженному здесь, и типу захоронения, автор датирует эти предметы от периода Шан-Инь до времени династии Хань. Учитывая некоторые письменные источники, можно полагать, что эти погребения не позже Цинь. Далее автор переходит к формальному описанию предметов. Эти бронзовые изделия, хранящиеся в музее Ибу, снабжены отчасти инкрустацией, отчасти гравировкой и насечкой; некоторые из них с надписями. Они представлены круглым триподом типа *дин* с двумя ушками, двумя чашами для вина, кубком с иероглифом, двумя стрелами, боевым топором, четырьмя различными типами бронзовых стаканов для вина: квадратным триподом типа *дин*, чайником на треножнике с крышкой и др.

По орнаменту, указывает автор, особенно на круглом треножнике типа *дин*, эти вещи имеют очень много общего с найденными в погребении иньского периода. Эта находка, вероятно, самая ранняя и относится к культуре Шан-Инь.

Другие изделия встречаются на протяжении многих периодов. Но если трудно судить о тех, которые не имеют украшений, то предметы (а их большинство), на которых имеются украшения и иероглифы, вероятнее всего относятся к концу Инь и началу Чжоу.

Особый интерес представляет серия статей китайского археолога Дун Цзо-биня, посвященных находкам и дешифровке иньских надписей на костях и панцирях черепах. Проф. Дун Цзо-бинь является крупным авторитетом в решении данной проблемы. Первая из его статей³ была написана в 1935 г. В ней проведен разбор иньских надписей из местонахождения Хоуцзячжуан близ г. Аньяна (провинция Хэнань). Указав, что еще в 1932 г. на северном берегу р. Хуанхэ в Хоуцзячжуане были сделаны

¹ Ши Чжан-жу. Послесловие к статье о важнейших находках вблизи от иньских погребений с приложением заметок по стратиграфии городища Сяотунь. Чжунго каогу сюэбао, № 4, 1949, стр. 291—304, 2 табл.

² Ци Янь-пэй. Записки об исследовании обнаруженных бронзовых изделий из Субутуня в уезде Ибу в пров. Шаньдун. Чжунго каогу сюэбао, № 2, 1947, стр. 167—177, 2 табл.

³ Дун Цзо-бинь. Обнаружение иероглифической письменности на гадательных костях из Хоуцзячжуана близ Аньяна. Тянье каогу баогао, № 1, 1936, стр. 91—166, 21 табл.

первые раскопки, автор сообщает, что, наряду с находками остатков культур Яншао и Луншаня, здесь обнаружены им лично, а также археологами Ван Сяном и У Цзиньдином гадательные кости с иероглифическими надписями.

Раскопки иньских погребений начались в 1928 г. Основными местами раскопок первоначально были Сяотунь, Хоутань, Гаоцзинтайцзы. К югу от сел. Хоуцзячжуан был обнаружен культурный слой, содержащий находки, типичные для культуры Инь. Здесь и были встречены кости с письменами. Наряду с этим автор указывает, что неоднократно крестьяне при устройстве могил находили различные драгоценные изделия, как то: изделия из бронзы и нефрита.¹ С целью проведения раскопок в Хоуцзячжуане сюда была переброшена часть рабочих из Сяотуня и Хоутаня. Первые же результаты раскопок дали кости различных животных как без иероглифических надписей, так и с иероглифами: 26 фрагментов бедренных костей животных с иероглифическими письменами, осколок панцыря черепахи с письменами, 4 остатка бедренных костей с иероглифами, имеющими, вероятнее всего, гадательное значение, и одна кость без иероглифов.

Дальнейшее исследование позволило обнаружить в яме, расположенной южнее сел. Хоуцзячжуан, шириной 1 м, глубиной 1.45 м, панцыри черепах с надписями. Основная находка состояла из семи почти целых панцырей больших черепах. Стратиграфия этой ямы дала следующий материал по трем слоям: первый слой, темно-серый (мощность 0.20—2.00 м), содержал различные фарфоровые предметы; второй слой (0.60—2.40 м), серого цвета, включал фрагменты серой расписной керамики, фарфора и красной расписной керамики, кости, раковины, панцыри черепах для гадания; третий слой (1.0—4.40 м), кирпично-желтой глины, содержал как остатки серой расписной и красной керамики, так и панцыри черепах с надписями.²

Далее автор останавливается подробно на дешифровке надписей.

Сравнивая написание ряда иероглифов на гадательных костях с иероглифами, содержащимися в древнем китайском словаре «Шовэнь», Дун Цзо-бинь обращает внимание читателя на отдельные знаки. Так, он разбирает возникновение иероглифа, означающего «прирученная собака» и состоящего из двух элементов: человека и собаки,³ а также показывает возникновение других иероглифов, как то: «сын», «отец», «видеть» и др.

Если рассматриваемая статья Дун Цзо-биня является описанием найденных материалов, то две последующие его работы,⁴ написанные в 1947 и 1948 гг., представляют собой как бы вступление к анализу всего комплекса найденных эпиграфических памятников в Аньяне (период Инь), сбор которых проводился под его руководством. В этих последних работах автор отвергает свою прежнюю концепцию о том, что надписи на панцырях и костях не принадлежат периоду Инь.⁵ Сравнивая эпиграфический материал с письменностью Чжоу и отмечая, что сам текст письменности свидетельствует о ее принадлежности к Инь, Дун Цзо-бинь отвергает и вторую свою концепцию о том, что иньские письмена не были первоначальными письменами, которые легли в основу китайской иероглифической письменности.⁶ Пиктографические значки на костях и панцырях не были простыми рисунками, а составляли определенные фразы и понятия, на основе которых исследователи «смогли изучить общественное устройство Иньской династии».⁷ Исследование иньских надписей, несмотря на то, что по этому вопросу

¹ Там же, стр. 93.

² Там же, стр. 98.

³ Там же, стр. 104—111.

⁴ Д у н Ц з о - б и н ь. Предисловие к изданию гадательных костей с иероглифами из погребений Инь. Чжунго каогу сюэбао, № 4, 1949, стр. 225—253; о н ж е. Второе предисловие к изданию гадательных костей с иероглифами из погребений Инь. Там же, стр. 255—289.

⁵ Д у н Ц з о - б и н ь. Предисловие к изданию. ., стр. 241—244.

⁶ Там же, стр. 244—246.

⁷ Там же, стр. 245.

написано много работ на китайском, английском, русском, французском, немецком и японском языках, что этой проблемой занимались 187 ученых, все еще остается в начальной стадии. Многие еще не расшифрованы. Вот почему, указывает автор, была необходима публикация найденных материалов.

Эта публикация по существу явилась предисловием к трехтомному изданию «Иньский вэньцзы» (Письменность иньских погребений).

Дун Цзо-бинь дает также краткий библиографический обзор и описание раскопок иньских могил.¹

Кратким приложением к данной статье является справка проф. Ли Цзи,² который указывает на ошибку, допущенную в предисловии Дун Цзо-биня относительно датировки участка Е 16, эпиграфический материал из которого по неточной фразе Дун Цзо-биня может быть отнесен к периоду более позднему.

Второе предисловие Дун Цзо-биня написано для дополнительного тома по материалам иньских надписей, с целью уточнения местонахождения находок эпиграфического материала, а также для указания точных участков обнаружения тех или иных памятников в период 13—15-го сезонов раскопок иньских погребений.

Во время 9-го сезона, в 1934 г., была обнаружена большая часть эпиграфического материала.

Находки надписей во время 13—15-го сезонов были также очень богаты; они вошли в третий том издания.³ В период этих раскопок на участках районов В и С было вскрыто 127 ям и обнаружено 17 096 панцырей черепах и костей (последних только 8). На панцырях черепах имеются вырезанные надписи и следы сочетания панцырей в виде «книги» (продолжение надписей). Этот материал дает много нового для датировки надписей. По мнению Дун Цзо-биня, больше всего вероятности в том, что часть надписей можно датировать периодом Удина, а часть — Вэньудина (XIV в. до н. э.).⁴

Материал, найденный при раскопках иньских погребений, особенно эпиграфический, свидетельствует о значительном развитии иньского общества. Ряд надписей носит обычный, светский характер, причем таких надписей большинство. Интересна в этом отношении статья Гао Цюй-сюня, посвященная толкованию надписи на бедренной кости вола из погребений эпохи Инь.⁵ Находка этой бедренной кости в слое культуры Инь, а главное — сущность надписи, которая по своему начертанию четко напоминает аналогичные начертания дочжоуского периода, свидетельствует о том, что данный образец принадлежит периоду династии Инь. Однако автор не берется точно определить его хронологические рамки.

Как и в большинстве надписей, в ней есть определенные значки, употреблявшиеся в дешифрованном иньском календаре. По мнению автора, два значка, реконструируемые в иероглифы цзай и фэн,⁶ обозначают, вероятно, фамилию лица, о котором идет речь в надписи.⁷ Автор делает вывод, что как материалы Дун Цзо-биня, так и эта находка говорят за то, что в период Инь была уже письменность.⁸

Палеонтологические находки из Иньской столицы до сих пор изучены недостаточно. Статья Ян Чжун-цзяня и Мо Дун-шэна⁹ восполняет этот пробел, но лишь до известной степени. Дело в том, что часть находок, во время войны с Японией находившаяся

¹ Дун Цзо-бинь. Предисловие к изданию. стр. 233.

² Там же, стр. 249—253.

³ Там же, стр. 255.

⁴ Дун Цзо-бинь. Второе предисловие к изданию. ., стр. 281.

⁵ Гао Цюй-сюнь. О вырезанной надписи на бедренной кости вола из Иньского городища. Чжунго каогу сюэбао, № 4, 1949, стр. 155—184, 1 табл.

⁶ См. иероглифы № 2431 и № 2548 в «Китайско-русском словаре» под редакцией И. М. Ошанина (М., 1952).

⁷ Гао Цюй-сюнь, указ. соч., стр. 183.

⁸ Там же.

⁹ Ян Чжун-цзянь, Мо Дун-шэн. Остатки млекопитающих из Иньской столицы (Аньян). Чжунго каогу сюэбао, № 4, 1949, стр. 145—153.

в Нанкине, не исследована до сих пор. Материал, о котором сообщает статья, был изучен авторами и определен Гао Цюй-сюнем.

Всего до сих пор в Иньской столице обнаружено 29 пород млекопитающих: домашняя собака, дикая кошка, медведь, уссурийский медведь, барсук, тигр, леопард, кит, черная крыса, бамбуковая мышь, заяц, тапир, лошадь, кистеухая свинья, свинья, косуля, олень, пятнистый олень, иньский баран, козел, корова, буйвол, слон, обезьяна, а также пять пород, впервые описанных здесь, — лисица, кошка, крот, носорог, ветвистая антилопа. Количество особей каждого вида животных, кости которых обнаружены в Иньской столице, далеко не одинаково. Кости кистеухой свиньи, пятнистого оленя и буйвола принадлежат более чем 1000 особям; в меньшем числе, но в количестве свыше 100 экз. имеются кости домашней собаки, свиньи, косули, оленя, иньского барана и коровы. Числом менее 100 представлены дикая кошка, медведь, барсук, тигр, черная крыса, бамбуковая мышь, заяц и лошадь; и, наконец, меньше десятка особей насчитывают уссурийский тигр, леопард, кит, козел, слон, обезьяна, а также вновь обнаруженные лисица, кошка, крот, носорог и антилопа.

Анализируя состав этих четырех групп, Ян Чжун-цзянь и Мо Дун-шэн отмечают, что в первой и второй группах нет хищников, все животные, кроме собаки, парнокопытные, все являются объектом разведения или охоты. 19 костей животных этих групп использованы в качестве сырья для изготовления костяных орудий и для письма на них. Видимо не все они жили в Аньяне. Половина животных третьей группы — хищники, лошадь же относительно малочисленна. Четвертая группа состоит из хищников и привозных животных. Таким образом все животные распадаются на местных (диких и домашних) и неместных (кит, носорог, слон); последние встречаются в небольшом количестве. Если в видовом отношении дикие животные более многочисленны, чем домашние (21 вид из 29), то в количественном домашние, безусловно, многочисленнее диких. Это указывает на то, что одомашнивание животных, особенно таких, как кистеухая свинья и буйвол, а также домашняя собака, свинья и корова, было весьма развито, а охота производилась только на крупных млекопитающих (олень, косуля) и серьезного значения в хозяйстве не имела.

Географическое распространение некоторых видов животных в иньское время, видимо, отличалось от современного. Это объясняется изменениями в климате и ландшафте.

В заключение Ян Чжун-цзянь и Мо Дун-шэн, отмечая, что собрание костей млекопитающих из Иньского городища является одним из самых лучших для этого периода истории Китая, считают, что дальнейшее изучение уже имеющегося материала и новые находки могут привести к новым выводам о выборе животных, которых погребали вместе с покойником, о характере охоты и одомашнивании, о состоянии организма таких животных, как свинья, баран, корова (кости которых принадлежат особям разных возрастов) в разные возрастные периоды их жизни, о болезнях животных и т. д.

О новой фаунистической находке в Иньском городище сообщает заметка Ян Чжун-цзяня.¹

До недавнего времени было известно о существовании здесь четырех видов рогатых млекопитающих: иньского барана, козла, быка и буйвола. Однако в 1945—1947 гг. Ли Цзи-чи обнаружил в погребении Хоуцзячжуан (Аньян) два рога какого-то животного, не похожего на уже известные экземпляры из палеонтологического собрания Аньяна. В результате тщательного анализа, сделанного в геологическом институте, оказалось, что эти рога наиболее близки к рогам известного в Китае вида *Budorcas taxicola*, который делится на два подвида: *Budorcas taxicola tibetana* и *Budorcas taxicola bedfordi*. Они и поныне обитают — первый в горах на востоке в провинции Сикан, второй в горах Гайбо в Шэньси. Хотя сходство полуокаменевших рогов с рогами ныне живущих *Budorcas* очевидно, однако имеется и различие: угол изгиба рогов на-

¹ Ян Чжун-цзянь. Находка *Budorcas* в Иньском городище Аньяна и выводы в связи с этим. Чжунго каогу сюэбао, № 3, 1948, стр. 261—265, 1 рис.

зад у экземпляра из Аньяна более тупой, острия рогов не обращены вовнутрь. Поэтому Ян Чжун-цзянь выделяет этот экземпляр в особый подтип, назвав его по имени автора находки *Budorcas taxicola lichii*. Поскольку приходится признать, что условия жизни в Аньяне, расположенном всего на 200 м над ур. м., не были подходящими для этого вида животных, живущего только в высокогорных районах, Ян Чжун-цзянь предполагает, что он был завезен туда из другого места, например из Тибета. Однако имеется сомнение: не вымерло ли это животное задолго до иньского периода? Тем более, что *Budorcas* обнаружен в верхнем горизонте плиоценового слоя в Юйшэ в Шаньси и, возможно, в слоях Нихэваня в Чахаре. Вместе с тем некоторые животные, кости которых обнаружены в Аньяне, ныне живут только в более южных районах, как, например, буйвол и бамбуковая мышь, причем последняя, безусловно, никем не была завезена в Аньян.

Поэтому окончательно решить вопрос, жил ли *Budorcas* в эпоху Инь в Аньяне или вымер задолго до этого и его рога были привезены из другого места, пока не удастся.

Одна из статей посвящена остаткам рыб.¹ Кости рыб (26 шт.) были обнаружены при раскопках Иньской столицы в так называемой заливной траншее, где они были смешаны с костями птиц и животных. У Сянь-вэнь считает, что это скопление костей является кухонными отбросами и что, следовательно, рыбы кости должны принадлежать съедобным породам. Вывод этот имеет тем большее значение, что сохранность костей весьма плохая. Даже морфологическое определение костей затруднительно. У Сянь-вэнь считает, что среди костей присутствуют следующие: нижняя горловая, прикрывающая жабры, плечевая, спинной хребет, ребра, плавниковые, половина головы. Отнесение найденных костей к определенному виду рыб достигается с трудом потому, что древняя ихтиофауна Китая известна плохо, а современная хотя и описана более полно, но не настолько подробно, чтобы можно было с точностью установить принадлежность этих костей. Однако путем сравнения костных остатков рыб из Иньской столицы с костями рыб, водящихся в водоемах современной северной Хэнань, У Сянь-вэню удалось установить некоторые из видов рыб, кости которых дошли до нас со времени Шан-Инь, — головль, сом, карп, сельдь, лосось.

С поздней бронзой Центрального Китая, открытой в могильнике эпохи Западного Чжоу, знакомит нас статья Го Бао-цуня.²

Могильник находится у Синьцуня в уезде Сюнь. Он раскапывался в 1932 и 1933 гг. в четыре приема. Всего раскопано 88 могил. Все они оказались ограбленными в большинстве случаев еще в древности. Устанавливаются четыре типа могил: 1) с могильной камерой: главной (длина до 7 м) и побочной (длина до 16 м), могильными дорогами, ямой для гроба (6 могил); 2) с могильной камерой и ямой (4 могилы); 3) то же, но несколько меньшего размера по сравнению со вторым типом (55 могил); 4) с камерой-ямой (6 могил). Помимо того, открыто 13 рвов для лошадей, длиной 10 м и шириной 3 м, ориентированных на северо-запад. Остальные могилы не поддаются определению.

Над могилами нет насыпей. Могильная камера представляет собой прямоугольный колодец с отвесными стенками, ориентированный на юг с отклонением на запад в 10°. Стены образуют уступчатую пирамиду, обращенную основанием вверх. Могильная яма обита с боков черными лакированными досками; в ней гроб.

Обряд погребения рисуется Го Бао-цунем в следующем виде. Сначала выкапывался котлован глубиной до 10 м, причем выбиралось до 80 куб. м земли (а с дорогами — 150 куб. м). Затем производились «отделочные» работы: делали ступеньки, обивали стены ямы досками, стены камеры обмазывали глиной, смешанной с соломой. По расчетам Го Бао-цуня, для устройства могилы второго—четвертого типов и последующей ее засыпки и утрамбовки требовалось 1500 человеко-дней, а для могилы первого типа свыше 3000 человеко-дней.

¹ У Сянь-вэнь. О рыбьих костях из Иньского городища. Чжунго каогу сюэбао, № 4, 1949, стр. 139—143, 1 рис.

² Го Бао-цунь. Раскопки древних могил в Синьцуне в уезде Сюньсян, в пров. Хэнань. Тянье каогу баогао, № 1, 1936, стр. 167—200, 12 табл.

После этого проделывался весьма сложный церемониал, который должен был изгнать злых духов из могилы и не допустить их возвращения туда. Для этого в могиле устраивалось ритуальное побоище со злыми духами, в котором большую роль играли глиняные изображения *фансян* (дух покровитель могил), погребаемые потом в могиле вместе с несколькими копьями (*гэ*) и щитами (*шунь*); последние должны были обеспечить защиту погребенному.¹ Гроб опускался в яму на веревках. Драгоценности, изделия из раковин, бронзовые изображения рыб обычно помещались вне гроба, а одежда — в гробу.² На низ могильной ямы клались доски, которые белились, посыпались сверху тонким песком и устилались цыновками. Затем устанавливался первый слой погребального инвентаря. Расположение его на ступеньках могильной камеры было следующее: ритуальные сосуды (типа *ли* и др.) помещались на северной стороне, изображения *фансян* — на южной стороне, шкатулки и пр. — на восточной стороне, копья и пики — на западной стороне. Раковины, прясла, гадательные кости раскладывались вокруг головной части гроба. Затем эти предметы засыпались землей, утрамбовывались (слой до 1 м), и сверху ставилась колесница или части от нее. После этого все закапывалось и утрамбовывалось.

Из вещей, погребаемых в могиле, примерно половина использовалась их владельцами при жизни. Следует отметить, что часть предметов сжигалась.

Сохранность костяков очень плохая, особенно в могилах третьего типа, самых неглубоких. Обычное положение костяков — вытянутое, с руками вдоль тела, головой на север. Костяки погребенных на главной дороге в могиле № 17 скорчены. Характер скорченности позволяет предположить, что люди были погребены живыми.

Обнаружено 114 костяков лошадей; последние погребались на каждой могильной дороге в четном числе — от 2 до 72, в зависимости от богатства покойника. Найдено 8 костяков собак: их, как и лошадей, хоронили живыми.

Инвентарь в погребениях весьма богатый, больше всего встречено бронзового оружия и колесниц. Последнее указывает, что это погребения знати или их дружины. Можно перечислить следующие группы находок:

I. Бронза: 1) части колесниц — ободы, спицы, оси, чеки, втулки, ярмо, бубенчики, колокольчики, кольца, боковые стенки, удила, ошейники; 2) оружие — копья, рогатицы, багры, пики, секиры, стрелы; 3) ритуальные сосуды — триподы (*дин*), вазы (*янь*), погребцы (*дун*), кубки (*цзе*), кувшины (*ю*), рюмки (*хэ*); 4) антропоморфные и зооморфные изображения *фансян*; 5) части шатров и украшений с них; 6) доспехи и части их; 7) украшения с поясов; 8) застежки; 9) изображения рыб; 10) человеческие и звериные маски, изображения головы слона, украшения треугольной, прямоугольной, овальной и цилиндрической форм.

II. Золото — 24 тонкие золотые пластинки и изображение животного.

III. Полудрагоценный камень. Изделия из нефрита найдены почти во всех могилах: изображения *таоте*, животных (зайца, оленя, быка, птицы, рыбы, дракона, цакады, шелковичного червя), неодушевленных предметов; помимо того, есть каменные бусы, подвески и пр.

IV. Керамика, представленная главным образом триподами, современная покойнику и более ранняя.

V. Изделия из раковин и моллюсков, морских и пресноводных.

VI. Изделия из черепахи: маски *таоте*, шпильки, трубочки.

VII. Различные остатки предметов из дерева и ткани.

На основе изучения могильного инвентаря сделано предположение, что в могилах первого и второго типов была погребена крупная знать, а в могилах третьего и четвертого — их челядь.

Первоначально рассматриваемые погребения считались иньскими мавзолеями, но против этого предположения говорят те обстоятельства, что они значительно меньше

¹ Найдено 14 целых изображения *фансян* и несколько десятков копий.

² В одном случае раковина была во рту покойника.

по размерам, чем иньские мавзолеи, и их слишком много. Кроме того, эпиграфический материал, хотя и скудный, все же не позволяет признать их за иньские. Наоборот, ряд данных свидетельствует, что этот могильник принадлежал государству Вэй. Так, в могиле № 60 был выкопан сосуд с надписью, в которой упоминается название столицы династии Чжоу — Цзунчжоу (1122—1116). В могиле № 42 обнаружено копье с надписью, из которой видно, что оно относится к эпохе расцвета Чжоу и принадлежит брату вэйского царя-гуна.

При анализе эпиграфического материала удалось установить относительную хронологию отдельных частей могильника. Так, могилы на севере более древние, чем на юге, а могилы на юге более древние, чем на востоке.

Вещи из северных могил сравнительно просты по форме и напоминают иньские, да и сами могилы просты, без дорог, в то же время вещи из южных могил не похожи на иньские и сами могилы устроены богато. Очевидно, северные могилы еще тесно связаны с иньской традицией, а южные уже далеки от нее. Отсутствие же курганов, черепицы, железных вещей не позволяют отнести к позднему Чжоу даже самые поздние могилы.

Основываясь на этих данных, а также на именах погребенных царей, Го Бао-цунь считает, что исследованные могилы относятся к периоду с 1113 до 601 г. до н. э.

Две статьи рассказывают о культуре эпохи бронзы в окраинных районах Чжоу-ского государства. Статья Ся Най посвящена культуре западных окраин государства Западного Чжоу, а статья Ли Цзин-даня — культуре южного государства Чу конца Восточного Чжоу. Таким образом обе статьи в какой-то мере восполняют общую картину развития племен, населявших Китай в эту эпоху. Они отчетливо показывают особый характер местных культур тогдашних окраин и огромное влияние, которое оказывала на них более передовая культура государства Чжоу.

Несколько особо стоит в разбираемых сборниках статья Гао Цюй-сюня¹ относительно проблемы скорченных костяков, найденных на территории Китая в 1928—1938 гг.

Вопрос о широком распространении у древнего населения нижнего течения р. Хуанхэ обычая захоронений в скорченном положении встал только в последние два-три года, хотя отдельные такие погребения были известны и ранее.

В 1936 г. при проведении раскопок южнее дер. Дасыкунцунь (уезд Аньян провинции Хэнань) было обнаружено 19 погребений, среди которых одно — детское погребение с фарфоровым инвентарем — было самое позднее. Из остальных 18 погребений три были ограблены, а в трех кости совсем истлели. В остальных костяки находились как в скорченном, так и в вытянутом положении.

В вытянутом положении были костяки из могил №№ 7, 11 и 21, в скорченном — из погребений №№ 1, 2, 16, 18, 25, 27, 39, 58, 71. Во всех погребениях (исключая могилы № 16 и № 58) обнаружены погребальный инвентарь и следы истлевшего деревянного гроба. В 8 погребениях у костяков ноги в коленях были согнуты под углом 45°, а руки сложены крест-накрест кистями в тазовой части. В могиле № 58, при таких же согнутых коленях, правая рука была согнута в локте, причем кисть располагалась почти на уровне черепа, а левая была свободно опущена.

Ранее в этом местонахождении было найдено большое количество костяков в вытянутом положении, поэтому обнаруженные в этот раз три костяка нельзя считать случайными, но, напротив, данный факт, по мнению автора, свидетельствует о распространении подобного обряда захоронения с глубокой древности.

В 1937 г. Го Бао-цунь и Ли Цзин-дань в окрестностях Люлигэ (уезд Хойсянь провинции Хэнань) также обнаружили несколько десятков могил, из которых 30 принадлежали к одному периоду. В большинстве захоронений костяки лежали в вытянутом положении, а в четырех в скорченном (могилы №№ 59, 62, 70, 76), причем поло-

¹ Гао Цюй-сюнь. К вопросу о скорченных костяках в нижнем течении Хуанхэ. Чжунго каogu сюэбао, № 2, 1947, стр. 121—166, 2 табл.

жение костяка было подобно тому, которое отмечено для первого типа погребений Дасыкунцуя.

В 1930—1931 гг. при раскопках в местонахождении Чэнцзыяй на п-ове Шандунь было обнаружено два погребения со скорченными костяками. Здесь положение скорченных костяков было аналогично положению для второго типа погребений Дасыкунцуя.

Гао Цюй-сюнь, основываясь на собственных данных и на мнении отдельных авторов, дает следующую хронологию скорченных костяков, найденных в Китае.

Погребение в Дасыкунцуне на основе найденного инвентаря в большинстве могил относится к периоду Чжаньго (V—IV вв. до н. э.). Так же датируется и погребение в Люлигэ. Погребения из Чэнцзыяя определяются по датировке культурного слоя (погребения найдены выше его) концом Чуньцю, а по датировке керамики, сходной с Инь, но более близкой к чжоуской, по бронзовым изделиям с надписями и т. д., — началом Чжаньго. Учитывая разновременность характерных предметов из Чэнцзыяя и то, что культурный слой относится к началу Чжаньго, а погребения со скорченными костяками находятся выше его, автор считает возможным датировать их также периодом Чжаньго.¹

Если учесть, что в погребениях со скорченным положением костяка мы находим инвентарь, характерный для периода Чжаньго, то следует считать, что «в период Чжаньго существовали одновременно два типа погребения трупа — в вытянутом и скорченном положении».²

Далее автор переходит к вопросу о происхождении обряда захоронения в скорченном положении и о его возникновении на территории Китая.

Раскопки Андерсона и многих других исследователей неолитических погребений в Китае свидетельствуют о древнем обычае захоронения трупа в вытянутом положении. На территории собственно Китая, в нижнем течении р. Хуанхэ, в памятниках до периода Чжаньго не встречается скорченных костяков. В то же время в Ганьсу было обнаружено несколько таких погребений, однако точно датировать их трудно. Сходства у этих погребений с погребениями в долине Хуанхэ ни в инвентаре, ни в самой форме погребений нет. Поэтому если относить возникновение подобного обычая в долине Хуанхэ только к периоду Чжаньго, то следует предполагать, что он связан с иными этническими группами, населявшими древний Китай.

Исторические хроники отмечают, что племена, жившие на севере Китая (в частности жуны), имели обычай хоронить своих мертвецов в скорченном положении. Отсюда, если учесть, что в период Чжаньго происходили большие войны китайских племен с кочевниками, возможно предположить проникновение части их в долину Хуанхэ. Как показывают археологические материалы по неолиту Центральной Азии (особенно южной и восточной Сибири), обычай подобного захоронения был здесь распространен раньше его появления в Китае. Поэтому автор статьи считает правомерным обратить особое внимание на исследования русских ученых, так как в погребениях, обнаруженных в южной и восточной Сибири, было найдено немало предметов, характерных для культур, развивавшихся на территории Китая. Отсюда вероятно и заимствование влияний, шедших от народов и племен, населявших южную и юго-восточную Сибирь, которые были носителями так называемой «скифо-сибирской культуры». Указывая, что на обширных пространствах от Китая периода Чжаньго до южной части России, по р. Ляохэ, шло большое продвижение скотоводческих племен, бывших носителями «скифо-сибирской культуры», Гао Цюй-сюнь пишет: «Все они (эти племена, — М. В. и Р. И.) передвигались на лошадях, перегоняли скот, переселялись на плодородные пастбища, веровали в рысака, который может за один день пройти 1000 ли, в обиходе имели предметы весьма примитивные. Поэтому китайские культурные ценности, предметы и вещи

¹ Там же, стр. 138.

² Там же, стр. 140.

могли оказать влияние на скифо-сибирскую культуру, а обряд скорченного погребения южной России тогда же, весьма вероятно, проник в Китай».¹

Таким образом Гао Цюй-сюнь утверждая, что для китайских племен периода Чжаньго как раньше, так и позже характерно погребение покойного в вытянутом положении, признает, что скорченные костяки, встречаемые в местонахождениях Дасыкунцунь, Люлигэ и Чэнцзый, принадлежат другим племенам. Хроника Чуньцю, описывая названные районы, отмечает, что в этот период они были заселены племенами ди и жун. Это общее название северных племен Китая включало этнические группы, относящиеся как к тунгусо-маньчжурским, так и частично к монгольским племенам.

Изучение, более подробное и более тщательное, может принести новые материалы, но автор считает самым вероятным наличие культурного влияния, шедшего с территории юго-восточной Сибири.²

О весьма интересном могильнике в провинции Ганьсу сообщается в статье Ся Ная.³ Могильник находится на горе Сыва у г. Линдао. Он исследовался дважды — в 1924 и в 1945 гг. Результаты раскопок 1924 г. опубликованы Андерсоном,⁴ а раскопкам 1945 г. посвящена реферируемая статья.

Могильник Сыва расположен над стоянкой Мацзяю, которая принадлежит к ганьсуйскому варианту культуры Яншао. В некоторых местах могильник врезается в стоянку, так что керамика Мацзяю встречается как в самом могильнике, так и в его погребальных урнах. Установление характера самого могильника и его связи с более ранней стоянкой и явилось целью раскопок 1945 г. Было открыто 6 или 7 могил. В них найдены отдельные остатки культуры Мацзяю. Это прежде всего керамика трех родов: тонкая — раскрашенная главным образом черным, а иногда черным с красным, геометрическим узором; голубая — с отпечатками цыновки; полированная — красного цвета. Помимо того, обнаружены каменные и глиняные кольца, каменные топоры, резцы, ножи, камни для пращи, костяные шилья.

Обряд погребения на холме Сыва — трупосожжение с последующим захоронением пепла в урнах (один случай) и простое трупосожжение (остальные случаи). Скелеты лежат навзничь в вытянутом положении. Иногда кости смешаны в кучу, что вызвано практикой вторичного погребения.

Обнаружение трупосожжения интересно потому, что существует твердо укоренившееся мнение об отсутствии в рассматриваемый период у китайских племен такого типа погребений, так как это якобы противоречило их религиозным представлениям. Вместе с тем письменные источники Восточного Чжоу, относящиеся к V—III вв. до н. э., сообщают о существовании этого обычая у племени дицян, жившего в это время в провинции Ганьсу. Находки костей овец и отпечатков зерен злаков на дне сосудов указывают на существование скотоводства и земледелия, хотя степень их развития пока еще не известна. Встреченные прясла подтверждают существование прядения, хотя Ся Най считает, что основной одеждой людей, особенно зимой, продолжали оставаться шкуры животных.

Керамика грубая, неопределенного цвета, изготовлена от руки путем накладывания одного слоя на другой. Дно изготавливалось отдельно и прикреплялось изнутри. Наиболее распространенные формы сосудов — грушевидная, шарообразная и так называемая седловидная, аналогичная некоторым более ранним экземплярам из Мачана и Синьдяня. Встречаются триподы (*дин*, *ли*). Орнамент рельефный. При изготовлении

¹ Гао Цюй-сюнь, указ. соч., стр. 162.

² Там же, стр. 164.

³ Ся Най. Записки о раскопках в Сывашань в уезде Линьтао в пров. Ганьсу. Чжунго каогу сюэбао, № 4, 1949, стр. 71—137, 14 рис., 14 табл.

⁴ G. Andersson. Research into Prehistory of the Chinese. Bull. Mus. Far. East. Antiq., Stockholm, 1943, № 15, 304 p., 200 pls.

керамики Сыва широко использовали превращенную в порошок керамику Мацзяю, который подмешивался в тесто.

Бронза также уже была известна (находки 1924 г.).

Датировать этот памятник можно весьма приблизительно. Ся Най считает (вместе с Андерсоном), что он позднее Мацзяю, но раньше государства Хань, и относит его к X—VII вв. до н. э. Что этот памятник позднее Мацзяю, о том говорят стратиграфия раскопок и характер находок. Относительно верхней границы известно, что при ранних Хань этот район испытывал уже сильное влияние ханьской культуры (кирпичные могилы в Линдао, бронзовые зеркала), а для более позднего времени характерны находки железа и пр. Ничего подобного в Сыва мы не видели.

Гораздо сложнее обстоит дело с относительной хронологией памятников Сыва, Цзицзя и Синьдяня, находящихся в этом районе. Андерсон считает памятник Цзицзя неолитическим, Синьдянь позднеолитическим и Сыва энеолитическим, но доказательства его недостаточны (он целиком базируется на находках бронзы). Попытки У Цзиньдина установить относительную хронологию Мацзяю, Сыва и Синьдяня на основе наличия у первых двух примитивной техники изготовления керамики послойной лепкой успеха не имели, хотя очевидно, что в целом керамика Синьдяня ближе к керамике Мацзяю. Возможно, что памятники Синьдяня и Сыва синхронны и имеют только локальные различия: первый продолжает традиции Мацзяю, второй — какой-то другой, занесенной извне культуры. Гипотеза Пэй Вень-чжуна о влиянии скифской культуры на Сыва мало вероятна, так как весь бронзовый инвентарь Сыва ограничивается одним запястьем явно нескифского типа.

Таким образом хронология Сыва весьма приблизительно определяется X—VII вв. до н. э., а связь этих памятников с соседними вообще мало ясна.

Культуре одного из самых могущественных государств эпохи Восточного Чжоу — государства Чу — посвящена статья Ли Цзин-даня.¹ Это государство возникло в VIII в. до н. э. на южных границах распадающегося государственного союза Чжоу. В VII в. государство Чу стало одним из пяти государств-гегемонов, деливших между собой власть над страной, а в VI в. его правитель присвоил себе титул «вана» (короля). Затем начинается упадок государства Чу и возникновение государства Цинь, в конце концов разгромившего Чу (223 г. до н. э.).

В 1922—1923 гг. у Чжицзяцзы (уезд Шоу провинции Аньхой) было обнаружено большое количество бронзы, часть которой вывез и опубликовал Карлбек. После этого начались хищнические раскопки, производившиеся местными жителями и владельцами земли, на которой были обнаружены бронзовые предметы. Особым вниманием со стороны кладоискателей пользовался курган Лисаньгутуй у Чунцзяцзы, принадлежащий, как предполагают, чускому государю. Грабительские раскопки с последующей перепродажей китайским и иностранным антикварам ценных вещей были обычным явлением в гоминьдановском Китае. Но так как они приняты слишком широкий размах и так как сам памятник и обнаруженные в нем вещи были очень интересны, то под давлением общественности управление провинции Аньхой вместе с центральным комитетом по охране памятников древности приняли определенные меры, направленные к прекращению грабительских раскопок и изъятию уже выкопанных вещей. Ли Цзин-дань большую часть своей статьи посвящает именно этим вопросам.

Сам курган Лисаньгу занимает в округности около 300 м и возвышается всего на 2 м. Выбор предметов для описания более или менее случаен, а сведения об их местонахождении либо вовсе отсутствуют, либо получены от людей, хищнически раскапывавших памятник.

Привлекает внимание обломок черной лакированной дощечки, лицевая сторона которой украшена золотыми изображениями стилизованных фениксов, вьющихся

¹ Ли Цзин-дань. Доклад об обследовании Чуского кургана в уезде Шоу-сянь пров. Аньхой. Тянье каогу баогао, № 1, 1936, стр. 213—279.

лиан и пр., а оборотная покрыта красным лаком и отполирована. Интересно, что лакированные предметы такого типа обнаружены в Корее в погребениях эпохи существования там ханьской префектуры Лолян (I в. до н. э.), но эти погребения на 200 лет моложе чуских (III в. до н. э.).

Лакировка была широко распространена в то время, лакировались даже бронзовые и каменные предметы. Бронзовые вещи часто носят на себе имя владельца, а в трех случаях имя государя, что имеет большое значение для датировки этого памятника.

Поскольку научных раскопок этого памятника не производилось, а находки были очень богатые (одной бронзы в семи-восьми комнатах кургана, по неполным данным, найдено свыше 1000 предметов), то было высказано предположение, что это не погребение, а сокровищница. В пользу этого мнения как будто говорит то, что чуских государей обычно погребали в других местах, что, после того как государство Цинь стало теснить Чу, в последнем стали делать сокровищницы, что, наконец, около этого холма есть что-то похожее на ров. Вместе с тем обилие досок и бревен показывает, что здесь строилось нечто более грандиозное, чем сокровищница. Сама могильная камера очень похожа на камеру погребения № 116 в Намтханри в Корее, где была найдена знаменитая лакированная шкатулка. Ее стенки, потолок, пол главной камеры и передней также обшиты досками, причем в каждом случае способ обшивки особенный.

В бронзовых сосудах из Лисаньгутаю обнаружены кости домашних животных. Аналогичное явление известно в Аньяне, где эти кости являлись остатками пищи, предназначенной для покойника. Правда, ни могильного коридора, ни скелетов лошадей, обычных для такого рода погребений, не найдено, но следует вспомнить, что научных раскопок этого памятника не было. К тому же кладовскатели упоминают о каких-то «тропинках». Сам Ли Цзин-дань с незначительными оговорками признает этот памятник погребением чуского государя, что же касается периода, к которому он относится, то, как упомянуто выше, на нескольких сосудах встретились имена, отождествляемые с царскими. Это: 1) Хуй-ванчжаньянь, 2) Янь, 3) Янь-Кэнь. Используя обширную литературу, Ли Цзин-даню удалось установить, что Янь — это Ю-ван (237—226 гг. до н. э.), могила которого по древним хроникам, должна находиться где-то в окрестностях Лисаньгутана, а Янь-Кэнь — Айван (227 г. до н. э.). Стиль надписей подтверждает эту датировку.

Помимо погребений чуского государя III в. до н. э., археологическое обследование обнаружило ряд новых памятников, относящихся к различному времени.

Несколько открытых здесь стоянок дает материал в виде шлифованных каменных орудий и бронзовых наконечников, ножей и относится к эпохе бронзы, характеризующейся широким использованием камня. Площадь этого рода стоянок невелика (около 150 м в поперечнике), а культурный слой крайне тонок. Наряду с большим количеством ракушек встречается черная, красная и серая керамика типа иньской. При этом Ли Цзин-дань указывает, что культура племени Чу была самобытной, особенно в период изготовления черной керамики, и что иньские племена многими культурными достижениями обязаны восточным племенам.

Известные на этой же территории стоянки эпохи Хань богаты орнаментированной черепицей, кирпичом. Керамика этого времени вообще немногочисленна и ограничивается сосудами типа *доу*. В позднеханьских стоянках большую часть находок составляет плоская черепица, встречается фарфор.

* * *

Выше дана характеристика основной деятельности китайских археологов за 20-летний период. В рассмотренных сборниках представлены работы более чем десяти китайских ученых, имена которых широко известны во всем мире. В чрезвычайно трудных условиях гоминьдановского режима, при отсутствии какой бы то ни было государственной материальной поддержки со стороны правительства, китайские археологи, начиная с 1928 г., своими трудами помогли раскрыть подлинную картину истории страны. Революционный подъем в Китае, вызванный первой и второй гражданскими

революционными войнами и борьбой против японской агрессии, оказал огромное влияние на рост национального самосознания великого китайского народа. Вырос интерес у широких слоев населения к истории своей страны, ее культуре, ее великому прошлому, к борьбе ее народов за независимость.

Выход в свет серии разобранных выше сборников является непосредственным проявлением усиленного внимания китайской общественности к истории своей страны. Сам перечень статей указывает на это. У издателей сборников была задача: опубликовать такой материал, который дал бы представление об истории страны. В своем предисловии к первому номеру проф. Ли Цзи говорит: «Теперь мы хотим не только исследовать культуру Китая в целом и сравнить ее с культурой других стран, мы хотим исследовать взаимосвязи культур в Китае, осуществить научную обработку материала со всех районов Китая, провести раскопки повсюду и, сравнив полученный материал, определить его подлинную ценность».¹

Если и не в полной степени, то в значительной части эти намерения китайским археологам удалось выполнить. В сборниках представлены почти все культурные периоды, кроме палеолита и раннего железного века (последний обычно выпадает из поля зрения так называемой первобытной археологии).

Основное внимание уделено эпохе бронзы. Этому периоду посвящены 15 из разобранных 22 статей. Такое внимание к эпохе бронзы со стороны китайских археологов требует некоторого объяснения. Помимо того, что развитие бронзы тесно связано с появлением на территории Китая первого государства Шан-Инь, что всегда привлекало внимание ученых, присущий китайским ученым интерес к старине издавна проявлялся прежде всего по отношению к древней бронзе. В данном случае мы имеем в виду не простое собирательство раритетов и предметов искусства, а феодальную науку, достигшую высокого развития уже при династии Сун (X—XIII вв.). Наука о камне, разумеется, не имела таких традиций, но и в области изучения каменного периода (позднего неолита и энеолита — 6 статей) китайские ученые достигли крупных успехов (работы по корреляции различного рода неолитических культур — Луншаня, Яншао и пр.). И если в период, когда наука о камне делала в Китае только первые шаги, удельный вес иностранцев в этой области археологии был довольно высок, то очень скоро наука о каменном веке Китая становится подлинно национальной и китайские ученые начинают критиковать ложные построения своих прежних учителей (статьи Ся Ная, Лян Сы-юна, Лю Яо).

Китайские археологи достигли успехов в изучении неолита Жэхэ, в вопросе стратиграфии и относительной хронологии памятников периодов Хоугань, Луншань и Яншао и др., добились крупных результатов в комплексном (археологическом, палеонтологическом и эпиграфическом) изучении памятников эпохи Инь в Аньяне (Хэнань) и т. д.

Разумеется в изданных работах отразились и недостатки китайской археологии. К числу их относятся устаревшая методика раскопок траншеями такого важного памятника, как городище Сяотунь, ряд ошибок при расшифровке надписей на гадательных костях, характерных для так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра, отсутствие постановки широких проблем и боязнь обобщающих выводов на основе публикуемого материала, увлечение формально вещеведческим анализом, отсутствие подлинной истории отдельных районов на отдельных этапах их развития, отсутствие общих работ, связанных с основными вопросами древнейшей истории Китая, и т. д.

К недостаткам следует отнести и некритическое восприятие ряда теорий и положений, высказанных зарубежными учеными. Так, в интересной работе о скорченных костях Гао Цюй-сюнь для выяснения культурных связей населения Китая с народами южной Сибири пользуется отвергнутым советской наукой термином «скифо-си-

¹ Ли Цзи. Предисловие редактора. Тянье каогу баогао, № 1, 1936, стр. 2.

бирская культура». Употребление этого термина хотя и не опровергает основной мысли автора, но может ввести в заблуждение читателя.

Разумеется, все сказанное здесь относится не к китайской археологии сегодняшнего дня, а к тому периоду ее развития, который представлен в сборниках, т. е. к 1936—1949 гг. Археология нового Китая уже освободилась от многих ошибок, развила свои сильные стороны и шагнула далеко вперед. Об этом ярко свидетельствует ряд обзоров по археологии Китая, появившихся в советской печати за последнее время.

В условиях народно-демократического строя, где наука поставлена на службу народу и где ученые в своих исканиях постоянно чувствуют поддержку народа и народного правительства, размах археологических работ в Китае принял невиданные ранее масштабы и открыл простор для творческой деятельности представителей науки.

М. В. Воробьев и Р. Ф. Итс

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ	— Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АН	— Академия Наук
АС	— Археологический съезд
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМИИ	— Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ЗАНО	— Записки С.-Петербургского археолого-нумизматического общества
ЗАО	— Записки Археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории древности
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия ГАИМК
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение ИИМК
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ОИФАН	— Отделение истории и философии Академии Наук СССР
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук
СА	— Советская археология
Сб. МАЭ	— Сборник МАЭ
СЭ	— Советская этнография
Тр. ГИМ	— Труды ГИМ
Тр. ИВ АН СССР	— Труды Института востоковедения АН СССР
Тр. ИЭ АН СССР	— Труды Института этнографии АН СССР
УЗЛГУ	— Ученые записки Ленинградского Государственного университета
УЗМГУ	— Ученые записки Московского Государственного университета
АА	— Archäologischer Anzeiger
ААSS	— Acta sanctorum Bollandiana
АВ	— Analecta Bollandiana
АBS	— Annual of the British School in Athens

- AJA — American Journal of Archaeology
 AM — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 Byz — Byzantion
 BZ — Byzantische Zeitschrift
 CAH — Cambridge Ancient History
 Cor — Corinth results of excavation conducted by the American School of classical studies at Athens
 ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
 Hesp — Hesperia
 InsPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
 JhÖAI — Jahreshft des Österreichischen archäologischen Instituts
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JAI — Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts
 MAMA — Monumenta Asiae Minoris antiqua
 MGH SS — Monumenta Germaniae historica. Scriptores
 Milet — Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899
 Olynthus — Excavations at Olynthus
 OZ — Ostasiatische Zeitschrift
 Perg — Altertümer von Pergamen
 PG — J. P. M i g n e. Patrologiae cursus completus, series graeca
 RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Herausgegeben von W. Kroll
 Sardis — Sardis. Publication of the American Society for the excavations of Sardis. Leyden—Cambridge
 SC — В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей — греческих и латинских — о Скифии и Кавказе, т. I—II. СПб., 1890—1906
 SK — Seminarium Kondakovianum
 Sp — Speculum
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С т а т ь и

Стр.

А. П. Окладников. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований	5
П. И. Борисковский. Вопросы периодизации палеолита	30
А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР	38
К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале	52
Х. А. Моора. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных	95
Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре	119
К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии)	131
А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики	148
А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв.	164
И. Г. Спасский. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые мордовки	189

М а т е р и а л ы

О. Н. Бадер. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере	241
В. Ф. Генинг. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере	259
М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса	281
В. М. Скуднова. Скифские памятники из Нимфея	306
Е. И. Леви. К вопросу об Ольвийской агоре	319
С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги	343
С. А. Семенов. Древнейшие каменные серпы	355
Б. А. Шелковников. Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья	368
В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана	379

Р е ц е н з и и и о б з о р ы

Археология и история Боспора. Сборник статей. Крымиздат, 1952, 252 стр. М. И. Максимова	397
Материалы и исследования по археологии СССР Института материальной культуры Академии Наук СССР, № 23. К. Х. Кушнарёва и В. П. Шолов	403

О некоторых результатах работ Французской археологической миссии в Афганистане. А. М. М а н д е л ь ш т а м	415
Работы китайских археологов. Обзор сборников «Тянье каогу баогао» (№ 1, 1936) и «Чжунго каогу сюэбао» (№№ 2—4, 1947—1949, Шанхай). М. В. В о р о б ь е в и Р. Ф. И т с	430
С п и с о к с о к р а щ е н и й	459

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР*

*

Редактор Издательства *Г. И. Зикеев*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *Н. А. Браиловская*

*

РИСО АН СССР № 44—43В. Подпи-
сано к печати 29/XI 1954 г. М-57551.
Бумага 70×108/16. Бум. л. 14¹/₂.
Печ. л. 39.73. Уч.-изд. л. 39.66 +
3 вклейки (1.34 уч.-изд. л.). Тираж
2000. Зак. № 1208. Цена 25 р. 95 к.

1-я тип. Изд. АН СССР. Ленинград.
В. О., 9-я линия, д. 12.